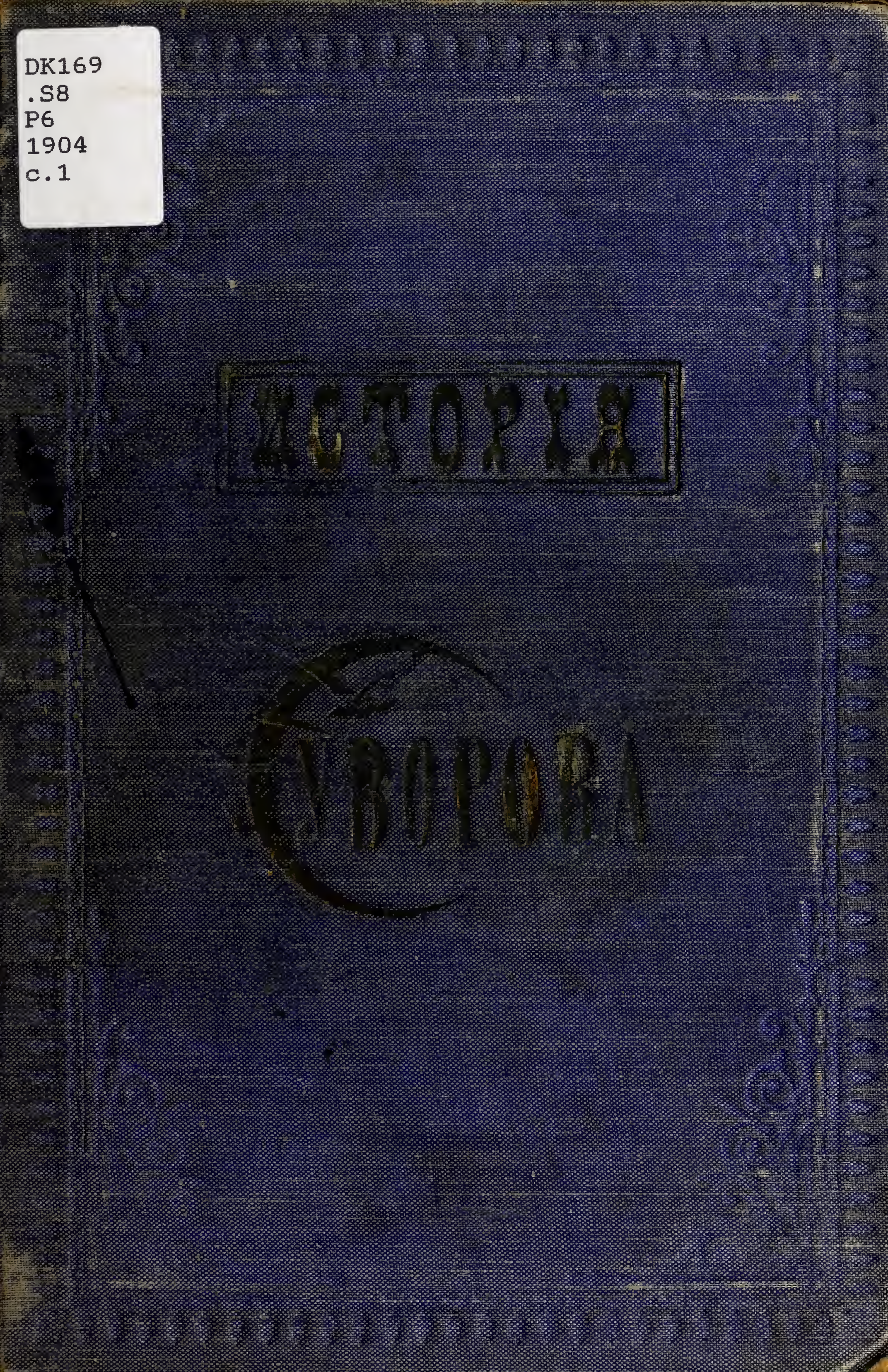

ИСТОРІЯ
СУВОРОВА

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00022532715

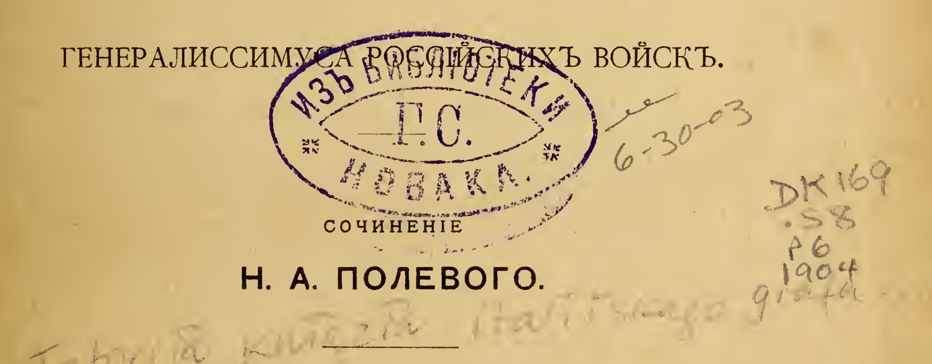
Изданіе А. А. Петровича.

Дорогому Володѣ Позднышеву молодому Русскому патріоту — въ назиданіе, какъ надо любить и служить своей Родинѣ. Отъ искренне любящаго К. Попова Пасха 1930 года

ИСТОРІЯ

КНЯЗЯ ИТАЛІЙСКАГО,

ГРАФА СУВОРОВА-РЫМНИКСКАГО,

ГЕНЕРАЛИССИМУСА РОССІЙСКИХЪ ВОЙСКЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Н. А. ПОЛЕВОГО.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ СУВОРОВА И 100 КАРТИНАМИ.

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1904.

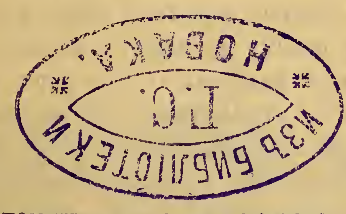
Дозволено цензурою. Москва, 10 января 1904 г.

Графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій.

Есть память историческая, есть память народная: одна живетъ въ лѣтописяхъ, другая—въ преданiяхъ. Бывали великiя событiя, бывали великiе люди, и народъ не помнитъ ихъ, когда другiя дѣла и другiя имена переходятъ изъ разсказа дѣда и отца въ разсказъ сына и внука, становятся былинами прошедшаго, былевою повѣстью. Такъ русскiй народъ помнитъ битву Куликовскую, взятiе Казани Грознымъ царемъ, Полтавскую побѣду перваго Императора, такъ не забудетъ онъ битвы Можайской и великаго запаленiя Москвы въ 1812 году. Такъ Суворовъ остался въ памяти народной: его имя знаютъ въ хижинѣ селянина; онъ кличъ побѣды среди русскихъ дружинъ; дѣла и жизнь, битвы и поговорки Суворова суть предметы нашихъ народныхъ преданiй. Рука времени облекаетъ его въ какое-то таинственное, символическое значенiе русскаго чудо-богатыря.

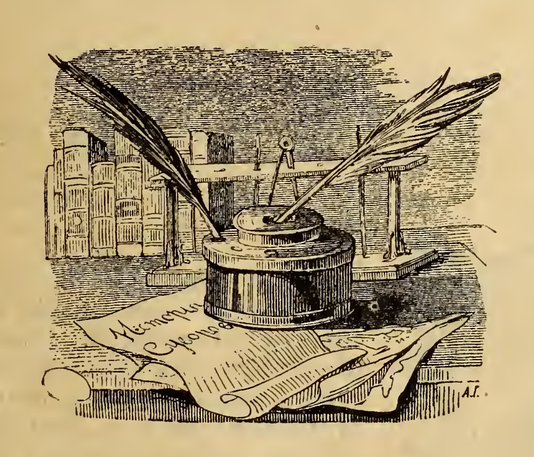
Но менѣе ли памятенъ Суворовъ въ исторiи русской и въ лѣтописяхъ военныхъ? Великое явленiе блестящаго вѣка Екатерины: видѣвшiй въ первой, гдѣ онъ былъ, битвѣ пораженiе Фридриха Великаго, побѣдитель на Рымникѣ, покоритель Измаила, рѣшитель судебъ Польши, онъ дожилъ до начала кровавыхъ событiй, коими

волновался міръ въ концѣ XVIII-го и началѣ XIX вѣка; онъ ходилъ «спасать царей» и народы, на тѣ поля, гдѣ прежде и послѣ него бились Аннибалы, Цезари, Евгеніи, Наполеоны; онъ переходилъ русскими орлами громады Альповъ; онъ умеръ въ послѣдній годъ прошедшаго столѣтія, когда судьба вырвала изъ рукъ его мечъ, уже готовый указать путь, по коему черезъ четырнадцать лѣтъ потомъ русскіе прошли отъ пепелища Москвы до Парижа... Странное сближеніе событій: день битвы Новійской не отдѣлился даже годомъ времени отъ Маренгской битвы!

Подобно всѣмъ, кому драгоцѣнна слава отечества, нетерпѣливо желаемъ мы появленія такого жизнеописанія Суворова, гдѣ были бы собраны всевозможныя подробности его жизни и дѣлъ, былъ бы изображенъ Суворовъ въ полнотѣ, достойной его неумирающаго имени и благоговѣйнаго воспоминанія объ немъ соотечественниковъ.—Издаваемая нами «Исторія Суворова», памятникъ, посвящаемый великому стратегу русскихъ войнъ русскими художниками, по самому объему своему не можетъ выполнить подобнаго назначенія: она народный разсказъ о Суворовѣ, украшенный кистью и рѣзцомъ русскихъ художниковъ. Передаемъ ее тѣмъ, у кого при имени Суворова «сильнѣе бьется русское сердце» и горячѣе кипитъ русская кровь. Они извинятъ недостатки нашего разсказа и оцѣнятъ его относительныя достоинства, въ числѣ коихъ мы осмѣлимся замѣтить только одно безпристрастіе, при всемъ благоговѣніи нашемъ къ имени великаго соотечественника.

Мы изображали, по крайней мѣрѣ старались изобразить, Суворова не только какъ полководца, но какъ человѣка во всѣхъ разнообразныхъ отношеніяхъ его и, нигдѣ не дерзая принять на себя сужденія, повѣствовали событія, какъ они представлялись намъ изъ несомнительныхъ свидѣтельствъ. Тамъ, гдѣ Суворовъ оставилъ потомству собственныя замѣтки, мы говорили его словами. Осмѣливаемся думать, что нѣкоторыя подробности жизни и дѣлъ великаго мужа увидятъ представленными въ новомъ свѣтѣ вопреки разсказамъ прежнихъ объ нихъ повѣствователей: многое отвергали мы послѣ тщательныхъ соображеній, особливо изъ анекдотовъ явно невѣрныхъ и несбыточныхъ, хотя иные утвердились даже въ общемъ мнѣніи. Можемъ увѣрять, что ничего не включили мы въ нашъ разсказъ, что не можетъ быть подтверждено достовѣрными источниками. Повторимъ, что вполнѣ видимъ и понимаемъ мы недостаточность и неполноту нашей повѣсти, кромѣ того, что недостатокъ источниковъ въ иныхъ мѣстахъ дѣлалъ подробности темными. Многое нынѣ еще неизвѣстное хранится будущему историку Суворова.

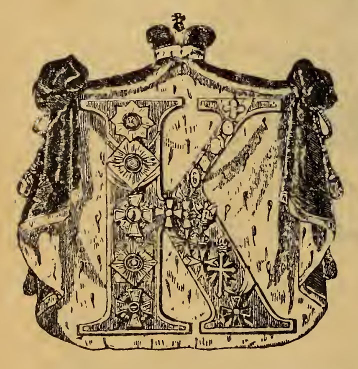
Заключимъ благодарностью всѣмъ почтеннымъ особамъ, кто споспѣшествовалъ труду нашему доставленіемъ намъ матеріаловъ, пособій печатныхъ и письменныхъ, рѣдкихъ и новыхъ, разсказомъ о видѣнномъ лично, слышанномъ отъ другихъ, совѣтомъ и исправленіемъ. Глубокое чувство признательности изъявляемъ мы, вспоминая, что встрѣтили радушное, привѣтливое участіе—уже немногихъ между нами—сослуживцевъ и современниковъ Суворова, и многихъ знаменитыхъ сановниковъ государственныхъ, и людей, имена коихъ памятны въ русскихъ военныхъ лѣтописяхъ. Мы поучались ихъ назидательною бесѣдою о Суворовѣ и его времени, какъ нѣкогда отрадно бесѣдовали мы съ русскими воинами, поминавшими батюшку-Суворова, и видѣли слезы, капавшія при ихъ добродушномъ разсказѣ на сѣдые усы ихъ, и на грудь, украшенную медалями Измаила и Праги.

ИСТОРІЯ СУВОРОВА.

ГЛАВА I.

Родъ, рожденіе, воспитаніе, юность Суворова.—Семилѣтняя война.—Императрица Екатерина.—Суворовъ полковникъ.

нязь Италійскій, графъ Россійской и Римской имперій, Александръ Васильевичъ Суворовъ - Рымникскій, генералиссимусъ россійскихъ сухопутныхъ и морскихъ войскъ, фельдмаршалъ австрійскихъ и сардинскихъ войскъ, Сардинскаго королевства грандъ, принцъ королевскаго дома (cousin du Roi) и орденовъ: россійскихъ —св. апостола Андрея Первозваннаго, св. Георгія I-й степени, св. Владиміра I-й степени, св. Александра Невскаго, св. Анны I-й степени, св. Іоанна Іерусалимскаго большаго креста; австрійскаго—Маріи Терезіи I-го класса; прусскихъ—Чернаго Орла, Краснаго Орла и За-достоинство; сардинскихъ—Благовѣщенія и св. Мавриція и Лазаря; баварскихъ—св. Губерта и Золотого Льва; французскихъ—Кармельской Богородицы и св. Лазаря; польскихъ—Бѣлаго Орла и св. Станислава кавалеръ, удостоенный многихъ другихъ знаковъ отличія и почетныхъ наградъ, родился ноября 13-го дня 1729 года, въ день праздника св. Іоанна Златоустаго, черезъ четыре года по кончинѣ Петра

Великаго, въ годъ рожденія императрицы Екатерины II-й и смерти Меншикова, послѣдній годъ царствованія императора Петра II. Древняя столица русская, Москва, была родиною Суворова.

Родоначальникъ Суворовыхъ былъ шведскій дворянинъ, выѣхавшій въ Россію при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, въ 1622 году, и принявшій имя Сувора. Дѣти и потомки его вѣрно служили русскимъ царямъ и награждались почестями и имѣніями. Родитель нашего великаго воеводы, Василій Ивановичъ Суворовъ, крестникъ Петра Великаго, былъ однимъ изъ образованныхъ людей своего времени, находился съ честью въ военной службѣ и по порученію Петра Великаго перевелъ на русскій языкъ одно изъ сочиненій Вобана (Le directeur général des fortifications—переводъ остался въ рукописи). Онъ отличался знаніемъ инженернаго искусства; въ царствованіе императрицы Елисаветы былъ пожалованъ генералъ-лейтенантомъ (въ 1758 году) и награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго (въ 1760 году); въ царствованіе императрицы Екатерины, бывъ сенаторомъ и полнымъ генераломъ (съ 1763 года), награжденъ орденомъ св. Анны (въ 1766 году) и скончался въ преклонныхъ лѣтахъ (въ 1776 году). Двѣ дочери Василія Ивановича были выданы: старшая Анна—за генералъ-поручика, князя Ивана Романовича Горчакова, младшая Марія—за генерала Олищева.

Геній военнаго искусства, полководецъ, какихъ немного представютъ намъ военныя лѣтописи, Суворовъ не былъ назначаемъ его родителемъ въ военное званіе. Единственный сынъ и, можетъ быть, еще болѣе потому, что былъ дитя больное, слабое, худощавое, малаго роста, и казался неспособнымъ въ военное дѣло, Суворовъ предопредѣлялся на гражданское поприще. Согласно волѣ отцовской направлено было воспитаніе Суворова. Тогда существовало еще постановленіе Петра Великаго, въ силу коего каждый дворянинъ обязанъ былъ вступать непремѣнно въ военную службу и начинать ее съ самыхъ низшихъ чиновъ. Люди знатные и богатые не могли уклоняться отъ постановленія общаго всѣмъ, но находили средства соглашать слова закона съ уклоненіемъ отъ него на дѣлѣ: дѣти ихъ, иногда при рожденіи, были записываемы въ гвардію, нерѣдко въ колыбели получали офицерскіе чины, переходили въ молодыхъ лѣтахъ въ армейскіе полки и оставляли службу съ чиномъ значительнымъ, легко достигая высшихъ званій, если оставались въ военной службѣ или перемѣняли ее на гражданскую. Низшіе гражданскіе чины были пренебрегаемы: на нихъ лежалъ позоръ прежняго званія дьяковъ и подьячихъ—предразсудокъ вредный гражданской службѣ, и не менѣе вреда причинялъ онъ военной службѣ, наполняя русское войско неопытными офицерами и генералами. Отецъ Суворова не думалъ пользоваться общимъ злоупотребленіемъ, хотѣлъ видѣть въ сынѣ своемъ чиновника истинно полезнаго и знающаго, не записалъ его въ военную службу и, не спѣша записывать въ гражданскую, заставилъ учиться. При всемъ недостаткѣ средствъ ученія въ Россіи въ тогдашнее время, Суворовъ подъ надзоромъ родителя получилъ образованіе необыкновенное и пріобрѣлъ познанія обширныя и разнообразныя, чему

способствовали умъ, дарованія, память и страсть его учиться. Легко выучился онъ нѣсколькимъ языкамъ иностраннымъ: превосходно зналъ языки французскій и нѣмецкій, весьма хорошо польскій и итальянскій. Способность его изучать языки была такова, что въ походахъ въ Турціи и въ Крыму научился онъ турецкому, а часто бывая въ дѣтствѣ въ родовой новгородской деревнѣ, населенной карелами,—чухонскому языку. Знаніе языковъ дало ему средства къ обширному чтенію. Во всю жизнь чтеніе было его ежедневнымъ, отраднымъ занятіемъ, даже въ походахъ и въ дни битвъ. Исторія, философія, математика развили и образовали его понятія. Плутархъ, Корнелій Непотъ, Ролленъ, Гибнеръ, Лейбницъ, Вольфъ были его любимыми собесѣдниками въ юныхъ лѣтахъ. Русская литература тогда едва начиналась. Ломоносовъ возвратился въ Россію изъ Германіи въ 1742 году. Первая трагедія Сумарокова явилась въ 1748 году. Потому нельзя не изумляться, какъ хорошо въ юности своей обладалъ Суворовъ роднымъ русскимъ языкомъ. Онъ много писалъ въ прозѣ, писалъ стихи, любя поэзію, и если не былъ стихотворцомъ, то могъ назваться отличнымъ прозаикомъ своего времени. Руководителями его въ литературныхъ занятіяхъ были изученіе иностранныхъ писателей и чтеніе духовныхъ книгъ. Всегда благочестивый и набожный, Суворовъ услаждался чтеніемъ Библіи, любилъ пѣть и читать въ церкви и совершенно зналъ церковный кругъ.

Смотря на кроткаго, смиреннаго, невиднаго собою отрока, преданнаго занятіямъ наукою, предназначеннаго родителемъ въ гражданскую службу, кто могъ бы угадать, что въ немъ таится духъ бурный, неукротимый, призывающій его на поля брани, и кто повѣрилъ бы, что въ тишинѣ уединенія своего онъ уже мечтаетъ о славѣ великаго полководца? Говорятъ, что отношенія рѣшаютъ судьбу людей: обыкновенныхъ—такъ, но призваніе свыше тревожитъ душу избранника. Пусть отношенія и обстоятельства увлекаютъ его со стези, ему предназначенной, преграждаютъ ему пути; голосъ призванія неумолчно отзывается въ душѣ его; настанетъ время—избранникъ станетъ на дѣло свое, и люди недоумѣвая узнаютъ, какъ судьбы Провидѣнія берегли ему стези его, когда въ горнилѣ времени таились и готовились дѣла и событія.

Вопреки волѣ отца, предаваясь ученію разнообразному, Суворовъ соединялъ съ нимъ занятія, образующія воина. Онъ укрѣплялъ слабое тѣло движеніемъ, верховою ѣздою, перенесеніемъ холода и трудовъ и пріобрѣталъ познанія, необходимыя офицеру, не ограничивающему свѣдѣній своихъ саблею и шпорами. Тщательно изучалъ онъ военную исторію. Юлій Цезарь смѣнялъ у него Плутарха, и записки Монтекукули, героя всегда особенно уважаемаго Суворовымъ, являлись послѣ Корнелія Непота. Суворовъ изучалъ планы битвъ и карты походовъ Конде, Тюрена, принца Евгенія, маршала де-Сакса—полководцевъ, превратившихъ войну въ искусство. Отецъ Суворова замѣчалъ знанія его, удивлялся, молчалъ, потомъ долго не соглашался и, наконецъ, уступая желанію и просьбамъ сына, захотѣлъ самъ дополнить его военное образованіе, проходя

съ нимъ фортификацію и артиллерію. Суворовъ наизусть изучилъ сочиненіе Вобана, переведенное отцомъ его.

Ничто не обѣщало въ современномъ состояніи Россіи военнаго поприща, достойнаго дарованій и знаній юнаго Суворова. Первые годы жизни его были печальнымъ временемъ государственнаго бытія Россіи. Двинутая въ новую жизнь рукою Петра Великаго, Россія уже не могла отодвинуться въ прежнее бытіе свое, но, казалось, все истощено было, дабы разрушить начала жизни, положенныя великимъ царемъ.

Послѣ крамолъ и распрей временщиковъ въ царствованія Екатерины I-й и Петра II-го Россія подчинилась свирѣпому деспотизму недостойнаго любимца Анны, Бирона. Самовластительный рабъ унижалъ истинныхъ сыновъ Россіи. Высшія и значительныя мѣста заняты были чужеземцами, и предпріятія Петра Великаго забыты. Остатки русскаго флота гнили въ Кронштадтѣ и Тавровѣ. Безполезныя побѣды Миниха показали, что русскіе солдаты не разучились быть храбрыми, и войско русское было многочисленно, но всѣ части военнаго управленія Россіи находились въ совершенномъ безпорядкѣ, сдѣлавшись добычею хищныхъ корыстолюбцевъ.

Отецъ Суворова, приверженецъ потомковъ Петра, любимецъ, крестникъ его, былъ забытъ. Онъ могъ радоваться забвенію, ибо тотъ трепеталъ, кого не забывалъ Биронъ. Радостно ожила Русская земля, когда дочь Петра, императрица Елисавета, взошла на престолъ родителя. Но кроткая, набожная, благочестивая, она желала мира, кончила войну съ Швеціею, начатую въ царствованіе Іоанна V, и готова была даже уступками купить тишину и мирное спокойствіе. Отказываясь отъ участія въ военныхъ смятеніяхъ Европы съ 1740 года, только утишить ихъ отправляла она корпусъ россійскихъ войскъ (въ 1747 году) на берега Рейна, подъ предводительствомъ стараго фельдмаршала Рѣпнина, и радовалась, когда умиреніе Европы было слѣдствіемъ мирнаго похода. Въ безбранной тишинѣ протекли четырнадцать лѣтъ царствованія Елисаветы. Русскіе отвыкли отъ побѣдъ и забывали о войнѣ. Военная служба считалась парадною службою. Если прежде иностранцы занимали важнѣйшія мѣста, между ними были однако жъ воины опытные, люди съ военными дарованіями. Воцареніе Елисаветы уничтожило партію иностранцевъ. Минихъ жилъ ссыльнымъ въ пустыняхъ Пелымскихъ; Ласси умеръ почти въ изгнаніи; Кейтъ едва спасся побѣгомъ изъ Россіи. Изъ иностранцевъ оставались люди не опасные ни честолюбіемъ, ни дарованіями. Мѣста чужеземцевъ заступили русскіе, но между ними не было закаленныхъ въ трудѣ сподвижниковъ Петра Великаго, и неспособные временщики заняли первыя воинскія мѣста: принцъ Людовикъ гессенъ-гомбургскій, старшій фельдмаршалъ, ибо онъ былъ врагъ Миниха; К. Г. Разумовскій, фельдмаршалъ на 22 году, по званію малороссійскаго гетмана. Товарищами ихъ считались: князь Н. Ю. Трубецкой, никогда не бывавшій въ сраженіи; графъ А. Б. Бутурлинъ, ловкій придворный; А. К. Разумовскій, братъ гетмана, самъ себя называвшій фельдмаршаломъ мира, а не войны; С. Ѳ. Апраксинъ, фельдмаршалъ по дружбѣ съ

Бестужевымъ и Шуваловыми, любимцами императрицы, управлявшими военною частью въ Россіи.

Но гдѣ рука Провидѣнія, тамъ все во благо. Въ эти четырнадцать лѣтъ мира Суворовъ довершилъ свое военное образованіе. Императрица Елисавета обратила милостивое вниманіе на отца его, наградила вѣрность старца. Родитель Суворова не хотѣлъ употребить во зло благосклонности императрицы и тѣмъ облегчить службу сыну. Въ годъ восшествія Елисаветы на престолъ 12-лѣтній Суворовъ былъ записанъ рядовымъ солдатомъ въ гвардейскій семеновскій полкъ, но, какъ говоритъ преданіе (прибавимъ—не достовѣрное), поступилъ для окончанія наукъ и практическаго познанія военной службы въ сухопутный кадетскій корпусъ. Это заведеніе, справедливо названное впослѣдствіи Екатериною «разсадникомъ великихъ людей», основанное Минихомъ въ 1732 году и десять лѣтъ управляемое имъ и ученымъ Люберасомъ, съ паденіемъ Миниха пришло въ упадокъ. Принцъ гессенъ-гомбургскій назывался директоромъ его. Не было ни плана, ни средствъ, ни надзора въ ученіи. Суворовъ, уже считаясь въ службѣ, пробылъ въ корпусѣ, или дома, еще пять лѣтъ. Онъ пріобрѣлъ въ эти годы навыкъ фронтовой службы, учился верховой ѣздѣ, фехтованью и уже на 17-мъ году перешелъ капраломъ въ службу дѣйствительную.

«Научись повиноваться, прежде нежели будешь повелѣвать другими; будь добрымъ солдатомъ, если хочешь быть хорошимъ фельдмаршаломъ; помни, что у худого пахаря хлѣбъ худо родится, а за ученаго двухъ неученыхъ даютъ», говаривалъ Суворовъ. Оправдывая слова на дѣлѣ, Суворовъ служилъ усердно, учился повиноваться и хотѣлъ вполнѣ испытать бытъ солдатскій.

Семь лѣтъ находился онъ до офицерскаго чина въ семеновскомъ полку, произведенный въ 1749 году въ унтеръ-офицеры, въ томъ же году въ сержанты, и уже въ 1754 году, на двадцать пятомъ году отъ рожденія, получилъ первый офицерскій чинъ поручика съ переводомъ въ армейскіе полки. Сверстники его были въ его годы генералами (Румянцевъ—полковникомъ на 19-мъ, генералъ-майоромъ на 22-мъ году; Н. И. Салтыковъ—полковникомъ 23-хъ лѣтъ, генералъ-майоромъ 25-ти; Н. В. Рѣпинъ—полковникомъ 24-хъ, генералъ-майоромъ 28-ми лѣтъ; И. П. Салтыковъ—30-ти лѣтъ бригадиромъ, 31-го года генералъ-майоромъ; М. Ѳ. Каменскій—23-хъ лѣтъ полковникомъ, 31-го года генералъ-майоромъ). Казалось, всѣ далеко перегнали его по службѣ, но Суворовъ не жалѣлъ о томъ. «Я не прыгалъ смолоду,—говаривалъ впослѣдствіи Суворовъ,—и за то теперь прыгаю!» прибавлялъ онъ, улыбаясь. И не для вида только служилъ онъ, но дѣйствительно переносилъ всѣ заботы солдатской службы и лишенія въ жизни, съ малолѣтства пріученный къ трудамъ и терпѣнію. Другіе видѣли въ солдатскомъ ученьи и воинскихъ экзерциціяхъ только потѣху, щегольство, занятіе отъ нечего дѣлать. Суворовъ утверждалъ, что выправка военная и маршировка солдатская необходимы хорошему войску. Онъ жилъ въ солдатскихъ казармахъ, былъ товарищемъ, артельщикомъ, другомъ солдатъ, ходилъ въ караулы; даже въ старости, уже герой и гене-

ралиссимусъ, горделиво вспоминалъ, что первую награду получилъ за то, что былъ лихой солдатъ. Однажды лѣтомъ семеновскій полкъ содержалъ караулы въ Петергофѣ. Суворовъ, наряженный въ караулъ, стоялъ у Монплезира и, несмотря на небольшой ростъ свой, такъ ловко отдалъ честь императрицѣ, гулявшей по саду, что она остановилась, посмотрѣла на него и спросила у него объ имени. Узнавъ, что онъ сынъ Василія Ивановича Суворова, императрица вынула изъ кармана серебряный рубль и подала ему. «Государыня! не возьму,—сказалъ ей почтительно Суворовъ:—законъ запрещаетъ солдату брать деньги, стоя на часахъ».—«Молодецъ!»—отвѣчала императрица, потрепала его по щекѣ, дозволила поцѣловать руку и положила рубль на землѣ, говоря: «Возьми, когда

смѣнишься!» Суворовъ берегъ крестовикъ императрицы и говаривалъ, что никогда и никакая другая награда не радовала его болѣе этой первой награды. Въ чинѣ сержанта Суворовъ былъ посыланъ курьеромъ за границу, съ дипломатическими депешами въ Варшаву и Берлинъ, какъ будто ему надобно было ознакомиться съ тѣми мѣстами, гдѣ потомъ предводилъ онъ полки къ побѣдамъ.

Получивъ офицерскій чинъ, Суворовъ жилъ въ отцовскомъ домѣ и велъ жизнь уединенную, раздѣлялъ время между службою и ученьемъ, не участвовалъ въ свѣтскихъ разсѣяніяхъ, казался неловкимъ, нелюдимымъ въ обществѣ, не искалъ ничего у знатныхъ, и даже нерѣдко запирался въ своей комнатѣ, когда къ отцу его собирались гости. Въ уединеніи своемъ старался онъ докончить

образованіе, хотѣлъ узнать всѣ подробности обязанностей воина. Тщательно изучалъ онъ военные уставы и законы русскіе и сдѣлался отличнымъ знатокомъ ихъ. Такъ, знаніе инженера дополнилъ онъ практикой артиллериста и, служа въ пѣхотномъ полку, былъ неутомимымъ и ловкимъ наѣздникомъ. Въ часы досуга занимался онъ литературою. Въ 1756 году Суворовъ послалъ въ «Ежемѣсячныя Сочиненія», единственный въ то время журналъ русскій, два «Разговора въ царствѣ мертвыхъ». По подписи въ концѣ разговоровъ: «Сочинилъ С.», ихъ почитали сочиненіемъ Сумарокова,—такъ слогъ ихъ походилъ къ слогу писателя, считавшагося тогда образцовымъ. Но нигдѣ у Сумарокова не найдемъ ни такой силы мыслей, ни такого основательнаго знанія исторіи, какія видимъ въ сочиненіи Суворова. Въ одномъ изъ разговоровъ Суворовъ показываетъ различіе славы Герострата и Александра, изображая славу истиннаго героя и безумную жажду честолюбія. Въ другомъ, заставляя разговаривать Монтецуму съ Кортесомъ, онъ доказываетъ, что «благость и милосердіе потребны героямъ». Сочиненія Суворова замѣчательны, если вспомнимъ, что авторъ ихъ былъ молодой армейскій поручикъ и писалъ за девяносто *) лѣтъ до нашего времени. Образъ жизни Суворова тревожилъ отца его. У старика былъ другъ и сослуживецъ, генералъ Ганнибалъ, предокъ поэта Пушкина, арапъ, купленный и крещеный Петромъ Великимъ, образованный во Франціи, посланный Меншиковымъ на службу въ Сибирь, бѣжавшій оттуда, скрывавшійся въ деревнѣ во время Бирона, призванный ко Двору Елисаветою и умершій потомъ генералъ-аншефомъ, 92-хъ лѣтъ отъ роду. «Посмотри, братецъ,— сказалъ ему однажды Василій Ивановичъ,—посмотри, зачѣмъ прячется шалунъ сынъ мой отъ гостей и что онъ дѣлаетъ!»—Ганнибалъ нечаянно вошелъ въ комнату Суворова, засталъ его обкладеннаго книгами и планами, разговорился съ нимъ и, восхищенный разговоромъ и свѣдѣніями молодого офицера, сына друга своего, обнялъ его и воскликнулъ: «Если бы живъ былъ батюшка нашъ, царь Петръ Алексѣевичъ, онъ поцѣловалъ бы тебя въ голову и порадовался бы на тебя!» Возвратясь къ отцу Суворова, старикъ сказалъ ему улыбаясь: «Оставь, братъ Василій Ивановичъ, сына своего съ его гостями: онъ пойдетъ подальше насъ съ тобой!»

Если такъ ошибался въ Суворовѣ отецъ его, еще менѣе могли его понимать товарищи и начальники. Суворовъ считался отличнымъ, исправнымъ дѣловымъ офицеромъ, не болѣе. Солдаты любили его за строгость по службѣ и ласковость въ обращеніи. Въ солдатскихъ казармахъ Суворовъ узналъ добрыхъ русскихъ солдатъ, изучилъ ихъ особенное нарѣчіе, угадалъ языкъ, какимъ надобно говорить съ ними и какимъ никто лучше Суворова не умѣлъ говорить: отъ немногихъ словъ его вспыхивало и ярко горѣло солдатское сердце.

Такъ приготовленъ былъ Суворовъ, когда началась, въ 1756 году, великая военная школа—Семилѣтняя война, поучительное зрѣлище

---

*) Н, А. Полевой писалъ „Исторію Суворова“ въ 1843 г. *Прим. изд.*

борьбы генія съ неумолимой судьбой, «не знающей къ великому пощады!»

Почти въ одно время, въ 1740 году, скончались императоръ Карлъ VI-й и русскій король Фридрихъ Вильгельмъ I-й. Кончина ихъ была началомъ событій, въ теченіе 25-ти лѣтъ потрясавшихъ Европу, на время прерванныхъ ахенскимъ миромъ (въ 1748 году), но оконченныхъ губертсбургскимъ и парижскимъ трактатами въ 1763 году.

Воцареніе Маріи Терезіи, въ силу «Прагматической санкціи», было поводомъ возобновить борьбу двухъ исконныхъ, непримиримыхъ соперниковъ—Австріи и Франціи. Рѣшителемъ жребія борьбы ихъ явился преемникъ прусскаго короля, Фридрихъ Великій, монархъ, философъ, воинъ, обладаемый жаждою славы, геніальный полководецъ, хитрый политикъ. Едва получившая независимое бытіе въ XVII-мъ вѣкѣ, королевство съ 1701 года, Пруссія при вступленіи Фридриха на престолъ уже была государствомъ могущественнымъ. Фридрихъ бросилъ мечъ свой на вѣсы политики европейской и показалъ въ Пруссіи третье послѣ Австріи и Франціи государство на материкѣ Европы. Въ цвѣтѣ мужества (онъ родился въ 1712 году), полный сознанія силъ, Фридрихъ началъ рѣшеніемъ спора между Франціею и Австріею. Униженіе Австріи, завоеваніе Богеміи, усиленіе Пруссіи Силезіею, битвы во время войны за австрійское наслѣдство и побѣды при Часлау, Фридбергѣ, Сорѣ, Кессельдорфѣ показали опасность, угрожавшую прежнему порядку Европы при честолюбіи и геніи Фридриха. Старыя вражды были забыты. Враги соединились противъ него. Россія увлеклась въ союзъ съ Австріею, Франціею, Швеціею, Саксоніею, Польшею. Союзники положили уничтожить Пруссію. Полмилліона войскъ двинулось въ Пруссію съ береговъ Рейна, Дуная и Днѣпра. Фридрихъ, окруженный своими храбрыми сподвижниками и 100.000 войска, готовился къ отпору.

Дивное во всѣхъ отношеніяхъ зрѣлище представляла семилѣтняя война, гдѣ сражались съ одной стороны Фридрихъ, съ другой—Лаудонъ, одна потерянная битва рѣшала участь королевства, искусство замѣняло силу, умъ—число, и Европа въ первый разъ увидѣла громадныя полчища, передвигаемыя какъ полки на ученьи. Какими уроками историку и воину были не только побѣды Фридриха, не и потери его, отчаянныя усилія генія, самоотверженіе, самое чудесное спасеніе его, когда уже ничто не могло спасти его, кромѣ чуда.

Фридрихъ зналъ состояніе русскаго войска и не боялся Россіи, видя, что дипломатика не успѣла отвратить ее отъ союза съ императрицею и Франціею. Дѣйствительно, смутная интрига дворская, неспособность начальниковъ и самое устройство войскъ, дѣлали многочисленныя полчища русскія неопасными. Но Фридрихъ не зналъ, что мужество—врожденное свойство русскаго солдата, не сообразилъ, что русскіе страшно умножали численную силу противниковъ и что Россія вела съ нимъ войну безъ мира. «Русскіе—орда дикарей: не имъ сражаться со мною!» говорилъ Фридрихъ.—«Дай Богъ, чтобы В. В. не перемѣнили своего мнѣнія по опыту!»

отвѣчалъ ему Кейтъ, много лѣтъ бывшій сподвижникомъ Миниха въ русской службѣ.

Уже война горѣла въ Саксоніи. Саксонскій курфирстъ бѣжалъ въ свое польское королевство. Саксонцы сдали крѣпкій лагерь свой подъ Пирною. Дрезденъ былъ занятъ. Австрійцы разбиты подъ Ловозицомъ, а русскіе все еще готовились, занимали Курляндію, и въ Петербургѣ еще не было рѣшено, кому изъ русскихъ фельдмаршаловъ поручить начальство. Бестужевъ выбралъ Апраксина.

Медленно двигались русскіе, но двигались какъ грозная, всеподавляющая громада. Второй годъ войны, ознаменованный первою потерянною Фридрихомъ битвою (Коллинскою), хотя съ тѣмъ вмѣстѣ блистательными побѣдами подъ Рейхенбергомъ, Росбахомъ, Лиссою, осадою Праги, отнятіемъ Бреславля, былъ ознаменованъ первою встрѣчею пруссаковъ съ русскими и побѣдою русскихъ при первой встрѣчѣ (подъ Гроссъ-Эгерсдорфомъ). Дворская интрига удалила русскихъ, но паденіе Бестужева двинуло ихъ снова, и тѣмъ страшнѣе было ихъ движеніе: всю Пруссію заняли многочисленныя русскія ополченія, и ими предводилъ уже не Апраксинъ, но Ферморъ, ученикъ Миниха, тактикъ хладнокровный и искусный. Фридрихъ увидѣлъ необходимость уничтожить русскихъ, сразился и съ изумленіемъ говорилъ: «Ихъ можно перебить всѣхъ до одного, но не побѣдить», когда страшное кровопролитіе подъ Цорндорфомъ (въ августѣ 1758 года), не рѣшилось побѣдою ни съ чьей стороны. Разстроенный упорнымъ сопротивленіемъ русскихъ и разбитый Лаудономъ подъ Гохкирхеномъ, Фридрихъ едва спасъ остатки войскъ своихъ и увидѣлъ себя на краю гибели.

При началѣ семилѣтней войны Суворовъ поступилъ въ дѣйствующую армію, но употребляемый по разнымъ частямъ управленія военнаго какъ отлично расторопный и свѣдущій офицеръ, онъ не былъ въ битвахъ первые три года. Ему препоручили должность оберъ-провіантмейстера, а потомъ генералъ-аудиторъ-лейтенанта. Когда войско русское готовилось перейти за прусскую границу, осторожный Апраксинъ, стараясь обезпечить продовольствіе арміи въ непріятельской землѣ, учредилъ запасные магазейны въ Мемелѣ. Суворову, пожалованному подполковникомъ, ввѣрено было управленіе мемельскими магазейнами, запасами и лазаретами, съ должностью коменданта. Здѣсь провелъ онъ три года, но не здѣсь было его мѣсто: на поле битвы рвался, просился онъ. Желаніе его исполнилось. Русскому войску, отступившему послѣ цорндорфской битвы, велѣно было начать наступательныя дѣйствія. Салтыкову ввѣрено начальство. При немъ находился Ферморъ и съ нимъ соединился Лаудонъ. Громада русскихъ силъ раздавила подъ Пальцигомъ слабый корпусъ Ведделя (12-го іюля), посланный задержать ихъ на походѣ. Побѣда могла еще спасти Фридриха, и, не считая числа непріятелей, съ 48.000 войска онъ отважился на битву рѣшительную. Восемьдесятъ тысячъ русскихъ и австрійцевъ ждали его подлѣ Франкфурта-на-Одерѣ, близъ селенія Куннерсдорфа. Августа 1-го началось сраженіе кровавое, отчаянное—одна изъ самыхъ достопамятныхъ битвъ семилѣтней войны.

Союзники, превосходя числомъ войско пруссаковъ почти вдвое, укрѣпили еще фронтъ свой ретраншаментомъ; вторую линію ихъ раздѣляла отъ первой глубокая долина, защищенная съ высотъ сильными батареями. Лаудонъ находился въ резервѣ, предоставляя себѣ ударъ въ минуту рѣшительную. Пруссаки устремились на ретраншаментъ, сбили первую линію, овладѣли семидесятью пушками и съ кликомъ побѣды пошли черезъ долину на вторую линію. Артиллерія загремѣла съ высотъ. Напрасно, отбитые пушечнымъ огнемъ, пруссаки возвратились съ усиленною яростью, напрасно самъ Фридрихъ повелъ солдатъ своихъ: высоты были недоступны. Среди смятенія, произведеннаго опустошительнымъ огнемъ артиллеріи, аттака Лаудона съ фланга рѣшила битву. Фридрихъ не

уступалъ, искалъ уже не побѣды, но смерти: двѣ лошади были подъ нимъ убиты, мундиръ его былъ прострѣленъ пулею. Битва превратилась въ безобразное, гибельное побоище, гдѣ искусство было забыто. «Ужели для меня не найдется ядра!» воскликнулъ Фридрихъ, бросаясь въ самый пылъ сраженія. Въ нѣмомъ отчаяніи, воткнувъ шпагу свою въ землю, сложивъ руки, стоялъ онъ, осыпаемый ядрами, видя бѣгущіе полки свои и не двигаясь съ мѣста, не замѣчая, что на него налетѣли русскіе и австрійскіе гусары. Отчаянное усиліе отважныхъ прусскихъ гусаровъ спасло Фридриха.

Насильно увлекли его съ поля сраженія. Почти всѣ прусскіе генералы были ранены, и въ первый разъ войско прусское не отступило, но бѣжало въ безпорядкѣ. Убитыхъ было болѣе 7.500, раненыхъ—болѣе 11.000; 172 пушки, 27 знаменъ, 6.500 плѣнныхъ досталось побѣдителямъ, купившимъ побѣду 17.000 убитыхъ и раненыхъ.

«В. И. В. не удивитесь великой потерѣ нашей,—писалъ Салтыковъ императрицѣ:—король прусскій не продаетъ дешево побѣдъ».

Въ куннерсдорфской битвѣ, уже не оспариваемой непріятелемъ, какъ гроссъ-егерсдорфская, не нерѣшительной, какъ цорндорфская, но ознаменованной полною побѣдою, лѣвымъ крыломъ командовалъ князь А. М. Голицынъ, бывшій впослѣдствіи фельдмаршалъ, правымъ—Ферморъ, центромъ—П. А. Румянцевъ въ чинѣ генералъ-поручика; передовымъ ретраншаментомъ начальствовалъ Вильбуа, впослѣдствіи генералъ-фельдцейхмейстеръ,—и эта битва была первою, гдѣ находился Суворовъ.

Заслуживъ вниманіе умнаго Фермора, онъ, хотя и считался въ корпусѣ князѣ Волконскаго, былъ при Ферморѣ въ званіи дежурнаго майора и видѣлъ пораженіе Фридриха подъ Куннерсдорфомъ. Замѣчаніе Суворова послѣ битвы показало зоркій взглядъ его. Излагая мнѣніе свое Фермору, «Я пошелъ бы теперь на Берлинъ,—сказалъ онъ,—и война могла бы кончиться»,—слова замѣчательныя въ устахъ офицера, въ первый разъ бывшаго въ огнѣ: они проблескъ генія. Фридрихъ думалъ, что таково дѣйствительно было предположеніе союзниковъ. Quittez Berlin avec la famille royale, писалъ онъ королевѣ, que les archives soient transportés à Potsdam; la ville pourra être obligée de traiter avec l'ennem (уѣзжайте изъ Берлина съ семействомъ нашимъ; пусть перевезутъ архивы въ Потсдамъ; Берлинъ, можетъ быть, принужденъ будетъ сдаться непріятелю).

Но медленность и несогласіе полководцевъ союзныхъ войскъ спасли Фридриха. Ссылаясь на невозможность продовольствовать армію въ странахъ, опустошенныхъ безпрерывною четырехлѣтнею войною, Салтыковъ отступилъ и отправился въ Петербургъ съ жалобами на австрійцевъ и совѣтомъ мириться. Ни слова его, ни гибель войскъ, ни ропотъ народный, ни благоговѣйное уваженіе наслѣдника россійскаго престола къ Фридриху—ничто не убѣдило императрицы. Салтыковъ возвратился въ 1760 году съ чиномъ фельдмаршала и повелѣніемъ воевать наступательно. Онъ повелъ 60.000 русскихъ къ Бреславлю. Удачныя движенія и побѣды Фридриха остановили его походъ, и безъ того неохотно предпринятый. Снова ожившій духомъ, являясь повсюду, послѣ кровопролитной битвы безъ отдыха переходя съ утомленнымъ войскомъ по 150 верстъ въ пять дней и немедленно вступая въ новую битву, непоколебимый въ бѣдствіи, никогда не былъ такъ великъ, такъ дѣятеленъ, но и такъ несчастливъ Фридрихъ, тѣснимый отвсюду, разбивавшій въ одномъ мѣстѣ, терявшій въ трехъ. Отчаяніе замѣняло ему счастіе и искусство. Je périrai enseveli sous les ruines de ma patrie, mais rien ne m'engagera à signer mon déshonneur (погибну, задавленный развалинами моего отечества, но ничто не заставитъ

меня подписать мое безславіе), писалъ онъ передъ рѣшительною и послѣднею великою битвою семилѣтней войны подъ Торгау (октября 24-го), гдѣ послѣ гибели съ обѣихъ сторонъ 20.000 человѣкъ ни австрійцы, ни пруссаки не уступили поля сраженія. Салтыковъ уже стоялъ тогда на зимнихъ квартирахъ въ Польшѣ. Отступленіе русскихъ означено было однако жъ дѣломъ въ сущности безполезнымъ, но блестящимъ. Легкій отрядъ генерала Тотлебена промчался до Берлина, гдѣ весь гарнизонъ состоялъ изъ трехъ батальоновъ. Поспѣшно отвсюду бросились къ Берлину небольшіе прусскіе отряды. Тотлебена подкрѣпилъ Ласси съ австрійцами. Пруссаковъ разогнали, разбили, и, пока самъ король поспѣшалъ на помощь столицѣ своей, она была занята русскими и австрійскими войсками сентября 29-го. Побѣдители знали, что имъ невозможно держаться, и спѣшили удалиться, довольствуясь славою побывать въ прусской столицѣ въ виду Фридриха; контрибуціею, наложенною на жителей, и опустошеніемъ, какое причинили русскіе казаки и австрійскіе кроаты въ загородныхъ дворцахъ, несмотря на стараніе начальника русскихъ войскъ поддержать порядокъ. Опустошеніе всюду сопровождало тогда войну и превратило въ пустыни Бранденбургъ, Пруссію, Силезію, Саксонію. Среди могилъ и развалинъ ждалъ послѣдняго рѣшенія судьбы своей Фридрихъ, начиная шестой годъ войны. Русскими предводилъ фельдмаршалъ Бутурлинъ, любимецъ императрицы. Положено соединиться съ Лаудономъ и занять Силезію. Фридрихъ имѣлъ не болѣе 50.000 новобраннаго, неопытнаго войска и не могъ открыто сражаться противъ 120.000 русскихъ и австрійцевъ. Заставя Лаудона отступать, онъ старался не допустить его соединенія съ русскими, истребляя запасы русскихъ и отряжая войско защищать Померанію, куда Румянцевъ пошелъ осадить и взять Кольбергъ. Фридрихъ укрѣпился въ лагерѣ при Бунцельвицѣ, когда Бутурлинъ, несмотря на маневры пруссаковъ, соединился съ Лаудономъ. Надлежало нападать, выбить 50.000 пруссаковъ, предводимыхъ Фридрихомъ, изъ крѣпкаго лагеря ихъ. Фридрихъ зналъ, что непріятели не рѣшатся на дѣло столь отважное; расчетъ его былъ оправданъ вполнѣ. Бутурлинъ поссорился съ Лаудономъ и, встревоженный истребленіемъ запасовъ, отступилъ за Одеръ. Война продолжалась послѣ этого только въ Помераніи, гдѣ Румянцевъ, дѣйствуя отдѣльно, осадилъ крѣпкій Кольбергъ и хотѣлъ загладить двукратную неудачу русскихъ подъ этою крѣпостью, защищенною сильнымъ гарнизономъ.

Въ оба эти года Суворовъ отличался личною храбростью, смѣлостью и рѣшительностію въ битвахъ. Онъ выпросилъ себѣ назначеніе въ легкіе отряды, участвовалъ въ нападеніи Тотлебена на Берлинъ и былъ въ числѣ покорившихъ Елисавѣтѣ столицу Фридриха. Въ 1761 году перешелъ онъ въ легкій авангардный корпусъ генерала Берга, который двинулся впередъ при сближеніи русской арміи съ Лаудономъ, отбилъ при Рейхенбахѣ нападеніе генерала Кноблоха и отбросилъ его къ Бреславлю. Суворовъ съ полковникомъ Текелли былъ въ головѣ Бергова корпуса. Неожиданнымъ набѣгомъ захватилъ онъ Вальштдатскій монастырь и истребилъ

бывшіе въ немъ запасы сѣна. Когда арміи союзниковъ соединились и приблизились къ Бунцельвицу, Суворовъ съ казаками безпрерывно нападалъ на прусскій лагерь, тревожилъ его и однажды съ 60 человѣками казаковъ Краснощекова полка схватилъ прусскій пикетъ, отбилъ посланный противъ него отрядъ гусаровъ и отважно пронесся за ними до непріятельскихъ окоповъ, такъ что могъ разсмотрѣть палатки королевской квартиры въ лагерѣ. Онъ умолялъ Берга не посылать къ фельдмаршалу Бутурлину захваченныхъ имъ при этомъ случаѣ плѣнныхъ, увѣрявшихъ, что прусскій лагерь достаточно снабженъ запасами. Лучше совѣтовалъ онъ извѣстить, что пруссаки терпятъ большой недостатокъ, ибо тогда Бутурлинъ рѣшится продолжать дѣйствія наступательныя. Бергъ не смѣлъ послѣдовать слишкомъ отважному совѣту. Показанія плѣнныхъ были одною изъ причинъ, побудившихъ Бутурлина отступать.

Избавленный отъ угрожавшей ему главной арміи русскихъ, Фридрихъ обратился на Лаудона и отрядилъ въ партизанскую войну генерала Платена съ 10.000 легкаго войска, приказывая ему захватить русскіе магазейны въ Познани и потомъ тревожить осадный русскій корпусъ, бывшій подъ Кольбергомъ, когда принцъ Евгеній Виртембергскій старался отбить осаждавшихъ, дѣйствуя отъ Штетина.

Осада и взятіе Кольберга не принадлежатъ исторіи Суворова. Но любопытно слѣдить удалые наѣзды Суворова, составлявшаго авангардъ въ отрядѣ Берга, посланномъ остановить движенія Платена. Суворовъ долженъ былъ сражаться съ лихими наѣздниками прусскими и всегда гордился онъ тогдашними дѣлами своими, какъ первыми опытами въ военномъ дѣлѣ, заслужившими ему честь отчаяннаго наѣздника-партизана среди товарищей и даже между непріятелями. Отецъ его, опредѣленный въ 1761 году губернаторомъ Пруссіи, могъ убѣдиться, что онъ не ошибся, соглашаясь на прошеніе сына замѣнить перо мечомъ.—Въ осеннее время по грязнымъ дорогамъ Суворовъ опередилъ Платена и заслонилъ отрядомъ своимъ Познань, когда Платенъ захватилъ врасплохъ и разбилъ отрядъ бригадира Черепова въ Керлинѣ, оставленный защищать познанскіе магазейны. Видя неудачу, Платенъ повелъ свое войско къ Кольбергу. Затрудняя походъ его, съ сотнею казаковъ Дуровѣрова полка въ одну ночь проскакалъ Суворовъ 40 верстъ, переправился вплавь черезъ рѣку Неццу въ Дризенѣ, захватилъ Ландсбергъ на Вартѣ, сжегъ мостъ, укрылся отъ Платена, пошелъ сзади его, когда онъ переправился черезъ Варту, и преслѣдовалъ его до Реги. Подъ Фридбергомъ отрѣзалъ онъ батальонъ прусскихъ гусаровъ и принудилъ ихъ сдаться въ плѣнъ. Соединясь опять съ Бергомъ въ Старгардтѣ, Суворовъ врѣзался въ растянутое на походѣ войско Платена, пробравшись по болоту, гдѣ лошадь его завязла и самъ онъ едва не погибъ. Дѣло завязалось жаркое. Платенъ поворотилъ назадъ, слыша о неожиданноомъ нападеніи русскихъ. Суворовъ укрылся отъ него, соединился съ Бергомъ, шелъ во флангѣ непріятеля, напалъ врасплохъ на посланный для фуражировки отрядъ, разбилъ его и захватилъ двѣ пушки. Когда возвращался онъ изъ

своего поиска, непріятель окружилъ его. Бросивъ захваченныя пушки, Суворовъ принужденъ былъ пробиваться упорнымъ боемъ. Полковники Текелли и Медемъ подоспѣли къ нему на помощь. Въ же-

стокой схваткѣ пруссаки были разбиты и потеряли до тысячи человѣкъ. Съ гусарскимъ эскадрономъ и 60 казаками врубился Суворовъ въ Финкенштейновъ гусарскій полкъ, на берегахъ Реги, когда Бергъ посланъ былъ не допускать обозъ, препровождаемый изъ Штетина Платеномъ. Близъ Аренсвальда, ночью, въ лѣсу, застигла Суворова жестокая гроза. Небольшой отрядъ его раз-

сѣялся, и съ двумя только казаками наѣхалъ онъ на прусскіе пикеты. Темнота ночи укрыла Суворова. Но, узнавъ о близости непріятеля, на разсвѣтѣ напалъ онъ на него. Русскихъ встрѣтилъ отрядъ прусскаго полковника Ламотта-Курбьера, стоявшій среди топкой равнины. Отбитый батальнымъ огнемъ карея прусскаго, Суворовъ собралъ бѣгущихъ и со своими конными гренадерами сбилъ пруссаковъ и захватилъ 800 плѣнныхъ. Слѣдуя далѣе за Платеномъ, ворвался онъ въ городокъ Гольнау и былъ раненъ пулею. Лѣкаря не было. Суворовъ самъ примочилъ неопасную свою рану виномъ и перевязалъ ее, но принужденъ былъ воротиться. Ему дали начальство надъ тверскимъ драгунскимъ полкомъ, и послали

его отбить вылазку, сдѣланную изъ Кольберга. Въ Нейгартенѣ завязалась битва. Подъ Суворовымъ убили лошадь. Преслѣдуя пруссаковъ, онъ изрубилъ батальонъ гусарскаго принца Фердинанда полка. Послѣднимъ дѣломъ Суворова было нападеніе на Платена, принудившее пруссаковъ отступить съ обозомъ къ мѣстечку Треппау и вывести въ битву весь корпусъ войскъ, сопровождавшій обозы. Кольбергъ сдался. Суворовъ получилъ начальство надъ архангелогородскимъ драгунскимъ полкомъ и былъ представленъ отъ Румянцева къ наградѣ. Бергъ свидѣтельствовалъ о Суворовѣ, какъ отличномъ кавалерійскомъ офицерѣ, «быстромъ при рекогносцировкѣ, отважномъ въ битвѣ и хладнокровномъ въ опасности».

Неожиданное событіе слѣдовало за послѣднимъ успѣхомъ русскихъ. Императрица Елисавета скончалась 25-го декабря. Въ мартѣ 1762 года заключено было перемиріе, въ маѣ объявленъ союзъ русскихъ съ Фридрихомъ. Русскія войска очистили всѣ занятыя ими прусскія области, и корпусъ русскій соединился съ пруссаками. Фридрихъ торжествовалъ, но радость его была непродолжительна. Іюня 28-го воцарилась императрица Екатерина. Русскіе снова заняли Пруссію. Екатерина отказалась отъ войны, но требовала общаго мира. Фридрихъ спѣшилъ мириться, ибо согласіе на миръ не наносило ему безславія. Императрица Терезія не спорила, утомлен-

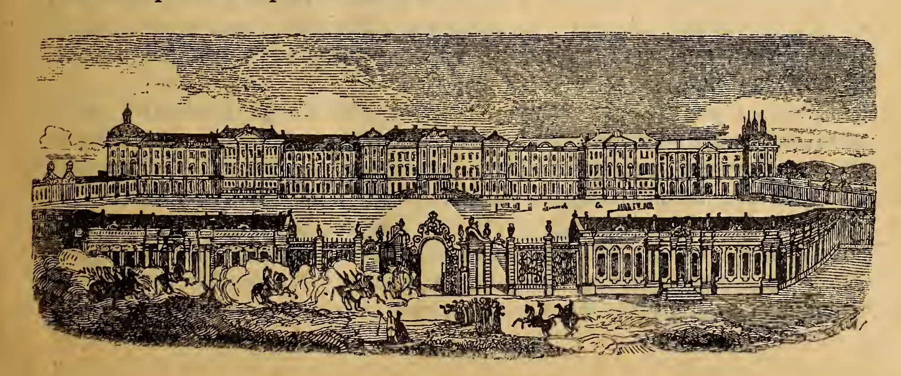
ная войною. Въ ноябрѣ умолкли бранные громы. Суворовъ посланъ былъ въ Петербургъ отъ П. И. Панина, тогдашняго генералъ-губернатора кенигсбергскаго, съ донесеніемъ къ императрицѣ о выступленіи русскихъ войскъ изъ Пруссіи.

Суворовъ зналъ Екатерину, уже восемнадцать лѣтъ украшавшую Дворъ русскій своимъ необыкновеннымъ умомъ, величественною красотою, плѣнительнымъ обхожденіемъ, уже пріобрѣвшую любовь народа и привязанность войска, но въ первый разъ увидѣлъ онъ ее императрицею Россіи. Можетъ быть, когда онъ почтительно предсталъ съ донесеніемъ, мудрая царица увидѣла въ немъ будущаго героя и полководца, слушая отчеты его о событіяхъ въ Пруссіи. Она пожаловала его чиномъ полковника, назначила начальникомъ астраханскаго пѣхотнаго полка и оставила въ Петербургѣ съ особенными порученіями, когда отправилась въ Москву принять вѣнецъ императорскій.

Тихо и мирно началось царствованіе Екатерины. Казалось, она обдумывала обширныя предпріятія, таившіяся въ душѣ ея. Но когда Румянцевы, Орловы, Рѣпнины, Потемкины являлись въ числѣ царедворцевъ блестящаго Двора Екатерины, Суворовъ скрывался въ рядахъ простыхъ воиновъ. Шесть лѣтъ протекло послѣ окончанія прусской войны, пока наступилъ новый періодъ въ жизни его.

Въ эти шесть лѣтъ Суворовъ начальствовалъ суздальскихъ пѣхотнымъ полкомъ. Полкъ этотъ, надъ которымъ онъ получилъ начальство по возвращеніи императрицы изъ Москвы, состоялъ изъ тысячи слишкомъ человѣкъ. Онъ былъ расположенъ на квартирахъ въ Новой Ладогѣ. Тамъ жилъ Суворовъ. Онъ явился въ Петербургъ съ полкомъ своимъ на смотръ осенью 1762 года. Екатерина сама смотрѣла полкъ Суворова, допустила офицеровъ къ рукѣ, пожаловала рядовымъ по рублю и благодарила начальника за образцовую, примѣрную выправку солдатъ. Лѣтомъ 1765 года передъ царскосельскимъ дворцомъ стояли на бивакахъ и маневрировали 30.000 войска. Императрица командовала одною изъ дивизій, являлась передъ войсками на лихомъ бѣгунѣ, въ преображенскомъ, особенно сшитомъ, щегольскомъ мундирѣ. Полкъ Суворова составлялъ прикрытіе императорской квартиры въ лагерѣ. Суворову поручены были на маневрахъ легкія войска.

Будущее вмѣщало въ себѣ рядъ событій необыкновенныхъ, наставало время совершиться имъ.

ГЛАВА II.

Екатерина и Суворовъ.—Характеръ его.—Суворовъ въ Польшѣ.—Первые воинскіе подвиги.—Чинъ генералъ-маіора.

вропейская исторія Россіи началась царствованіемъ Петра Великаго. Царствованіе Екатерины заключило первый періодъ этой новой русской исторіи. Время, протекшее между Петромъ и Екатериною, было временемъ какого-то колебанія, какой-то нерѣшительности въ государственной жизни Россіи. Казалось, Европа и Россія разгадывали вопросъ: Европѣ или Азіи принадлежитъ Россія? Екатерина рѣшила его. Благословенный внукъ Екатерины утвердилъ рѣшеніе: Европа не споритъ.

Если не постигаемъ мы, какъ въ душѣ Петра Великаго могла явиться мысль преобразованія Русской земли, менѣе ли непостижима судьба Екатерины, рожденной въ семействѣ неизвѣстнаго нѣмецкаго князя и предназначенной быть довершительницею дѣлъ Петра Великаго? Дочь преобразителя Россіи избираетъ Екатерину супругою своего наслѣдника; восьмнадцать лѣтъ уединенно проводитъ Екатерина среди русскаго двора, изучаетъ Россію, постигаетъ ея назначеніе, роднится съ ея нравами, обычаями, языкомъ, восхо-

дитъ на престолъ русскій,—и славное, благодатное, обильное во всѣхъ отношеніяхъ царствованіе великой жены продолжается цѣлую треть вѣка (1762—1796).

Любовь къ славѣ наравнѣ съ любовью къ Россіи и мысль о благоденствіи Россіи, соединенная съ мыслью о величіи своего царствованія—таковъ былъ характеръ дѣяній Екатерины. Не достигая ни разнообразія, ни обширности предпріятій Петра, Екатерина не имѣла надобности и въ тѣхъ рѣзкихъ преобразованіяхъ, въ тѣхъ крутыхъ переворотахъ, коими иногда сопровождались дѣла его. Женщина и царица, она не могла сама входить въ тѣ подробности, въ какія входилъ Петръ, не могла такъ повсюдно, такъ дѣятельно дѣйствовать, оставаясь царицею въ своихъ великолѣпныхъ чертогахъ и окружая себя величіемъ Двора. Въ дѣлахъ Екатерины не было изобрѣтательной всеобъемлемости Петра, но главная мысль ея всегда была великая, а единство идеи удивительно вѣрно.

Послѣ Петра Россія являла еще глубокіе слѣды прежняго бытія, сліяніе крайностей, смѣшеніе Азіи и Европы. Екатерина устроила созданное имъ: не все начатое имъ кончила, но все стремилась кончить, и потому казалось, что нѣтъ промежутка между Петромъ и Екатериною, хотя треть вѣка раздѣляла ихъ, и разница была та, что Петръ являлся въ дѣлахъ своихъ геніемъ безпримѣрнымъ, а Екатерина свѣтилась умомъ необыкновеннымъ.

Одна изъ государственныхъ способностей Екатерины обращаетъ на себя особенное вниманіе наше: умѣнье выбирать людей. Она умѣла выбирать себѣ помощниковъ, умѣла и оцѣнять ихъ. Изучая людскія страсти, она обращала ихъ на благо и добро, и толпа блестящихъ разнообразныхъ характеровъ рѣзко означила царствованіе Екатерины. Полководцы, министры, судіи, ученые, поэты, граждане, чужеземцы и русскіе, родовые вельможи и безвѣстныя дѣти счастія окружали Екатерину. Мудро мирила она всѣ честолюбія, всѣ недостатки, всѣ своенравія, всегда и во всякомъ уважая достоинство человѣка. При вступленіи на престолъ оставила она прежнихъ дѣятелей—Разумовскихъ, Бестужевыхъ, Миниховъ, Воронцовыхъ, Вильбуа, Шуваловыхъ, постепенно замѣняла ихъ Орловыми, Паниными, Румянцевыми, Долгорукими, Рѣпниными, Вяземскими и въ чреду сихъ новыхъ дѣятелей ввела Потемкиныхъ, Безбородко, Завадовскихъ, Кутузовыхъ.

Военныя силы, какъ ручательство успѣха въ обширныхъ политическихъ предположеніяхъ, съ самаго начала царствованія Екатерины обратили на себя ея особенное вниманіе. Семилѣтняя война, столь безполезная и разорительная, была великимъ училищемъ русскихъ военачальниковъ и солдатъ. Русское войско въ 1762 году уже не было «дикою толпою», какъ называлъ его Фридрихъ, и на него могла оперетъся Екатерина. Руководствуясь совѣтами людей опытныхъ, она заботилась о внутреннемъ устройствѣ его. Дни мира давали на то время и досугъ.

Обращая вниманіе на войско, могла ли Екатерина не замѣтить Суворова? Мы видѣли, что при первомъ личномъ ознакомленіи съ нимъ Екатерина отличила его среди другихъ. Но отличіе, оказанное

ему, какъ храброму, исправному офицеру, не могло удовольствовать Суворова. Назовемъ ли недостаткомъ честолюбіе, основанное на сознаніи силъ своихъ, на благородномъ соревнованіи выказать ихъ еще болѣе, на непреодолимомъ порывѣ исполнить предназначеніе своей судьбы? Такое честолюбіе—источникъ дѣлъ великихъ. Суворовъ послѣ любви къ отечеству одушевлялся такимъ честолюбіемъ. Замѣшанный среди рядовыхъ офицеровъ, онъ томился мыслью о чести, о славѣ, провидѣлъ отдаленную мѣту своего бытія, но какъ могъ онъ разрушить очарованную преграду, отдѣлявшую его отъ высшихъ почестей, не отличенный ни знатнымъ родомъ, ни богатствомъ, ни внѣшнимъ видомъ? Умомъ гибкимъ и обширнымъ Суворовъ понялъ, что прежде всего надобно было дать замѣтить себя. Онъ зналъ сердце человѣческое, зналъ, что странности Діогена замѣтятъ всѣ, когда о мудрости Сократа никто не подумаетъ. Храбрыхъ и умныхъ полковниковъ было много, оригиналовъ по характеру не было. Игра была опасная, но Суворовъ надѣялся поддержать ее. И мало-по-малу развился принятый имъ на себя характеръ, отличившій его оригинальностью среди всѣхъ его товарищей.

Строгій, исполнительный по дѣламъ службы, онъ усилилъ свое нелюдимство и прибавилъ къ нему множество разныхъ странностей. Въ разговорѣ, на письмѣ, въ движеніяхъ, въ самой походкѣ отвергъ онъ условныя приличія, не нарушая только законовъ вѣжливости, показывая въ то же время необыкновенный умъ и высокое образованіе своими оригинальными выходками. Онъ ходилъ припрыгивая, говорилъ отрывисто, вмѣшивалъ въ рѣчи свои поговорки и пословицы, высказывалъ правду въ глаза; притворялся, что не терпитъ зеркалъ, боясь въ нихъ увидѣть себя; иногда странно кривлялся и посмѣивался, слушая другихъ; молчалъ, когда всѣ ожидали его рѣчей, начиналъ говорить умно, краснорѣчиво, вдругъ останавливался, смѣялся и убѣгалъ, прыгая на одной ногѣ. Онъ повелъ особенный образъ жизни—отказался отъ всякихъ предметовъ роскоши, спалъ на сѣнѣ, ходилъ зимою безъ шубы, ѣлъ простую, грубую пищу, отрекся отъ свѣтскихъ обществъ, проводя время только со своими солдатами и офицерами. Жители Ладоги показываютъ церковь, гдѣ онъ читалъ Апостолъ за обѣднею и пѣлъ на крылосѣ. Иногда принималъ онъ на себя должность школьнаго учителя, собиралъ солдатскихъ дѣтей, самъ училъ ихъ, сочинилъ для нихъ молитвенникъ, катехизисъ, руководство къ ариѳметикѣ, шумѣлъ, спорилъ, игралъ съ ними. Обращеніе его съ солдатами, самый образъ ученья солдатскаго были у него особенные. Первое требованіе его отъ подчиненнаго было немедленный отвѣтъ на всякій, даже самый странный, нелѣпый вопросъ: слово «не знаю», возбуждало гнѣвъ Суворова; онъ притворялся разсерженнымъ, кричалъ, бранился, топалъ ногами. Кромѣ обыкновеннаго воинскаго ученья, изобрѣталъ онъ свои особенныя экзерциціи, гдѣ можно было показать силу, ловкость, отвагу. Такъ, однажды, идя съ полкомъ изъ Ладоги въ Петербургъ мимо какого-то монастыря, неожиданно скомандовалъ онъ: «на штурмъ!», и полкъ его бросился на монастырскія стѣны; солдаты взобрались на нихъ съ крикомъ

«ура!» *). Суворовъ извинялся передъ испуганнымъ настоятелемъ, что онъ учитъ солдатъ своихъ. Императрицѣ донесли о поступкѣ Суворова. Она улыбнулась и сказала: «Не троньте его—я его знаю».—Иногда Суворовъ проводилъ цѣлые дни съ солдатами на полѣ, въ маршахъ, въ переходахъ, училъ ихъ ружью среди морозовъ и жаровъ, тревожилъ и внезапно выводилъ ночью, переправляясь съ ними вплавь черезъ рѣки. Если прежде замѣчали въ немъ странности, роль, принятая Суворовымъ, скоро доставила ему имя чудака и проказника. Начальники и товарищи не понимали его. Иные говорили даже, что онъ дурачится пьяный. Но за странности характера и обращенія взыскивать было нельзя, если чудакъ былъ образцомъ по службѣ, а клеветы Суворовъ не боялся. Онъ видѣлъ, что Екатерина улыбается, и понялъ, что онъ достигъ своей цѣли, если она поняла его, а другіе не боялись его и оставляли въ покоѣ. «Тотъ еще не уменъ, о комъ разсказываютъ, что онъ уменъ!» говаривалъ Суворовъ.

Такъ прошло шесть лѣтъ. Въ мирной тишинѣ созрѣли думы Екатерины, уже опредѣлившей отношенія Россіи къ Европѣ. Семилѣтняя война показала значеніе Россіи въ бытѣ европейскомъ, а твердость, оказанная Екатериною при окончаній этой войны, и вскорѣ потомъ дѣла въ Польшѣ—ея необыкновенный характеръ.

Начавъ европейскую исторію Россіи, Петръ Великій заключилъ исторію Польши: какъ самобытному государству, Польшѣ уже не было мѣста въ Европѣ. Россія и Польша не могли существовать рядомъ. Со временъ Владислава IV-го исторія Польши была исторіею государства, постепенно упадавшаго. Зрѣлище грустное для друга человѣчества, но—не человѣку разрѣшать тайны судебъ: видимъ причины и слѣдствія—для чего? вопрошайте Провидѣніе на могилахъ народовъ!

Паденіе Польши объясняется ея исторіею. Лѣтописи Польши всегда были поэмою въ родѣ Аріостовой, и какихъ поэтическихъ событій не представляетъ исторія польская! Но уже въ 1661 году король польскій Казиміръ предвѣщалъ, что сбылось черезъ сто лѣтъ потомъ. Съ Собіескимъ потухла послѣдняя государственная слава Польши. Августъ II-й, Станиславъ Лещинскій, Августъ III-й были жалкими орудіями политики сосѣдей. Россія правила судьбою Польши. Русскія войска переходили черезъ Польшу, стояли въ ней безвыходно, будто въ помѣстьи русскихъ царей, и только тѣнь самобытности являло царство Собіескаго. Но, какъ лампада угасая вспыхиваетъ ярко, послѣдніе годы бытія Польши ознаменовались усиліями ума, храбрости, подвигами самопожертвованія, явленіемъ людей, которые мечтали возстановить самобытность отчизны. Поздны были усилія, ничтожныя противъ силы судебъ, разрушавшихъ Польшу. Сопротивленіе только ускорило быстроту событій и обрызгало послѣднія страницы польскихъ лѣтописей кровью дѣтей ея.

Екатерина хотѣла продолжить политику Петра въ отношеніи Поль-

*) Анект. графа Суворова Рымн., изд. Фуксомъ, стр. 115.

ши. Послѣ смерти Августа III-го по ея волѣ избранъ былъ въ 1764 году на польскій престолъ Станиславъ Понятовскій, сынъ Понятовскаго, памятнаго дружбою Карла XII и Станислава Лещинскаго, племянникъ Чарторійскихъ. Его избраніе обрадовало истинныхъ патріотовъ, ибо съ согласія Екатерины уничтожено было притомъ злоупотребленіе гибельной свободы голосовъ (liberum veto). Но возвышеніе Станислава возбудило ненависть личныхъ враговъ его. Не одаренный умомъ государственнымъ, мелкій честолюбецъ, человѣкъ робкаго характера, Станиславъ боялся ихъ, боялся и дружбы Екатерины; унижаясь передъ нею, онъ велъ тайные переговоры съ Австріею; Екатерина оскорбилась, назвала поступки его вѣроломствомъ и приняла сторону противниковъ Станислава. Посолъ ея, князь Рѣпнинъ, явился самовластителемъ на сеймѣ 1766 года. Станиславъ робко отказался отъ всякой самобытности и покорился велѣніямъ Рѣпнина. Тогда вся Польша вознегодовала на Станислава— друзья и враги. И когда Станиславъ и робкіе друзья его подписывали, что диктовалъ имъ посолъ Екатерины, общій ропотъ волновалъ Польшу. Ненависть народная загорѣлась послѣднимъ пламенемъ любви къ отчизнѣ. Польша готова была возстать и взяться за оружіе. Не было ни средствъ къ возстанію подъ штыками русскихъ войскъ, введенныхъ въ Польшу, ни людей, способныхъ принять начальство надъ недовольными. Предводитель нашелся: то былъ Адамъ Красинскій, епископъ каменецкій, человѣкъ ума необыкновеннаго. Онъ нашелъ себѣ помощника въ Пулавскомъ, незнатномъ дворянинѣ, но человѣкѣ мужества непобѣдимаго и любви къ отечеству неподкупной ни страхомъ, ни корыстью. Клятвою погибнуть или возстановить величіе Польши запечатлѣли друзья союзъ свой. Пулавскій надѣялся на саблю. Красинскій основывалъ замыслы на отношеніяхъ Франціи, Австріи и Пруссіи къ Россіи. Правленіе Франціи находилось въ рукахъ Шуазеля, оскорбленнаго нейтралитетомъ Екатерины, принудившимъ Францію мириться съ Пруссіею. Въ Австріи съ 1765 года властвовалъ Іосифъ, юный государь, мечтавшій объ исполненіи своихъ честолюбивыхъ затѣй. Престарѣлая мать едва удержала его отъ немедленнаго начала смѣлыхъ предпріятій. Онъ завидовалъ славѣ Фридриха и могуществу Россіи, не смѣлъ ничего предпринять противъ прусскаго героя и, льстя ему мнимою дружбою, уговаривалъ его соединиться противъ Россіи, опасной имъ обоимъ. Въ Польшѣ видѣлъ онъ средство вредить Россіи и тайно передалъ Фридриху мысль свою. Изъявляя наружно дружбу Екатеринѣ, Фридрихъ скрывалъ тайное неудовольствіе. Екатерина заставила его мириться съ Австріею, когда побѣдами думалъ онъ расплатиться за семилѣтнюю войну. Онъ не могъ простить смѣлаго рѣшенія Екатерины при самомъ вступленіи ея на престолъ, и приступилъ къ союзу съ Франціею и Австріею. Положено было подкрѣпить возстаніе поляковъ и увлечь Россію въ войну съ Турціею и Швеціею. Управляемая дипломатикою Франціи и Австріи, Турція была готова воевать и искала только предлога.

Пулавскій и его сообщники тайно набирали дружины. Уже нѣ-

сколько тысячъ человѣкъ были въ заговорѣ ихъ. Пулавскій едва могъ удерживать товарищей. Опасаясь, что Рѣпнинъ все узнаетъ и предупредитъ возстаніе, онъ согласился наконецъ начать его, не дожидаясь окончанія медленныхъ переговоровъ Красинскаго съ Австріею и Пруссіею: 29-го февраля 1768 года, Пулавскій, Потоцкій, Красинскій (братъ Адама), Заремба, Коссаковскій и другіе соединились въ Барѣ, небольшомъ городѣ близъ Каменца, недалеко отъ турецкой границы, издали воззваніе къ полякамъ, подняли оружіе, объявили себя конфедераціею (союзомъ), а Станислава лишеннымъ престола, призывая его какъ измѣнника къ суду отечества.

Екатерина проникла замыслы, знала хитрости сосѣдей, невѣрную дружбу союзниковъ и не боялась ихъ. Она объявила конфедератовъ барскихъ возмутителями. Станиславъ подтвердилъ слова ея. Королевскія польскія войска, соединясь съ русскими, начали укрощать возстаніе. Кровавое народное междоусобіе явилось въ печальныхъ событіяхъ. Мѣстечко Баръ было взято и разорено русскими. Большая часть конфедератовъ погибла. Пулавскій бѣжалъ и умеръ за границею. Думая угодить императрицѣ русской, запорожцы толпами сбѣжались въ польскую Украйну и Подолію и ужаснули злодѣйствами, мстя Малороссіи прежнія обиды Польши. Екатерина отвергла помощь разбойниковъ, но безумная ярость ихъ повлекла за собою событія важныя: преслѣдуя поляковъ, запорожцы ворвались въ турецкія области, разграбили и выжгли мѣстечко Балту. Султанъ объявилъ, что будетъ мстить нанесенное оскорбленіе войною съ Россіею. Фридрихъ и Іосифъ торжествовали. Конфедерація ожила надеждою. Тогда явился вполнѣ обширный умъ Екатерины. Тщетно оправдывая себя въ своеволіи запорожцевъ, тщетно напоминая Австріи и Пруссіи о союзахъ и договорахъ и доказывая, что въ Польшѣ дѣйствовали русскіе согласно волѣ короля польскаго, она была готова на войну и хотѣла показать Европѣ огромныя средства Россіи. Отправить русскій флотъ къ Царьграду, возстановить противъ турковъ христіанскіе народы Эллинскаго полуострова, послать войско въ одно время на Дунай и за Кавказъ, гдѣ единовѣрцы наши страдали подъ игомъ мусульманъ—таковъ былъ исполинскій планъ, къ исполненію котораго приступили немедленно. Голицынъ и Румянцевъ двинулись въ Бессарабію, Медемъ пошелъ на Кубань, Тотлебенъ отправился въ Грузію; русскіе корабли поплыли въ Архипелагъ. Предпріятія столь обширныя требовали великихъ усилій. Русское войско вышло изъ Польши. Екатерина велѣла остаться тамъ генералу Веймарну съ 10.000 (въ томъ числѣ было 2.000 казаковъ). Опасаясь, что столь малыя силы не удержатъ возстанія поляковъ, не укрощеннаго истребленіемъ барской конфедераціи, она велѣла послать къ Веймарну еще 4 пѣхотные и 2 кирасирскіе полка подъ начальствомъ генерала Нуммерса. Въ числѣ пѣхотныхъ полковъ былъ суздальскій полкъ Суворова, пожалованнаго въ то время въ бригадиры. Онъ спѣшилъ по назначенію. Такъ начались обширныя дѣла Екатерины, такъ началъ Суворовъ свое военное поприще, окурившись порохомъ изъ пушекъ Фридриха Великаго!

Походъ Суворова изъ Ладоги до Смоленска совершенъ былъ глубокою осенью 1768 года. Въ мѣсяцъ прошелъ онъ болѣе тысячи верстъ. Весною 1769 года Нуммерсъ перешелъ къ Оршѣ. Суворовъ былъ у него въ авангардѣ.

Опасеніе, что съ удаленіемъ войскъ въ Турцію возстанутъ польскіе конфедераты, оказалось справедливо. Кровавое наказаніе непокорныхъ только воспламеняло ярость ихъ. Оробѣвшій Веймарнъ звалъ къ себѣ Суворова, столь извѣстнаго наѣздами въ прусскую войну, и первый шагъ Суворова показалъ, что молва объ его смѣлости и отвагѣ была справедлива: онъ посадилъ пѣхоту и конницу на телѣги, ведя лошадей свободными, и въ 12 дней достигъ Праги, проскакавъ 700 верстъ безъ отдыха, мимоходомъ усмиривъ подъ Брестомъ конфедератовъ Бѣляка и Коржицкаго, единственно быстротою движенія. Они собрали два полка и вовсе не ожидали русскихъ, когда Суворовъ явился, окружилъ квартиры ихъ и заставилъ распустить набранное войско. Захваченные врасплохъ, конфедераты поневолѣ повиновались. Но Веймарнъ со страхомъ извѣстилъ Суворова, что Варшава готова возстать, что заговорщики ждутъ приближенія корпуса Котелуповскаго, состоящаго изъ 8.000 и идущаго къ Варшавѣ. Суворовъ не вѣрилъ преувеличеннымъ слухамъ и просилъ позволенія идти немедленно съ легкимъ отрядомъ. Въ семи верстахъ отъ Варшавы увидѣлъ онъ на правомъ берегу польскихъ всадниковъ, переправился въ бродъ черезъ рѣку, напалъ на нихъ, разогналъ ихъ и доказалъ справедливость своей недовѣрчивости. Весь отрядъ Котелуповскаго состоялъ изъ 400 человѣкъ и немедленно разсѣялся.

Уничтоживъ предпріятіе Котелуповскаго, Суворовъ узналъ о сборѣ въ Литвѣ Пулавскихъ, соединявшихся около Бреста. Поспѣшнымъ набѣгомъ полетѣлъ онъ на конфедератовъ, пробрался по болоту въ лѣсъ, гдѣ они находились, бросился на двѣ пушки, коими защищали себя конфедераты, сбилъ ихъ и сталъ кареемъ, не боясь, что конница окружила его со всѣхъ сторонъ. «Мы отрѣзаны!» вскричалъ дежурный майоръ. Суворовъ велѣлъ арестовать его и картечью охолодилъ жаркое нападеніе поляковъ. Четыре аттаки ихъ были безуспѣшны. Францъ Пулавскій былъ убитъ. Поляки смѣшались. Тогда ударъ въ штыки рѣшилъ дѣло. Поляки держались еще въ ближней деревнѣ. Русскіе зажгли ее, очистили штыками, и конфедераты бѣжали, преслѣдуемые драгунами. Одобряя смѣлыя дѣйствія Суворова, Екатерина пожаловала его въ генералъ-майоры января 1-го 1770 года.

Суворовъ сдѣлался главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ войнѣ конфедератской. Онъ составилъ планъ своихъ дѣйствій и три года слѣдовалъ ему. Онъ проникъ, что всего важнѣе было не допускать соединенія конфедератовъ: надобно было предупреждать ихъ, падая на нихъ «какъ снѣгъ на голову» по русской пословицѣ. Всѣ правила этой войны заключались въ словахъ: «взглядъ, быстрота, натискъ». Суворовъ занялъ Люблинъ, городъ между Вислою и Бугомъ, почти въ равномъ разстояніи отъ Варшавы, Бреста и Кракова, и учредилъ въ немъ свою главную квартиру. Отсюда могъ онъ на-

блюдать движенія въ Польшѣ за Вислою и въ Литвѣ. Онъ старался имѣть вѣрныя свѣдѣнія о всѣхъ движеніяхъ конфедератовъ. Города занимали русскіе гарнизоны. При первомъ сборѣ поляковъ Суворовъ летѣлъ со своимъ отрядомъ и нежданымъ ударомъ разсѣивалъ сборища, даже удаляясь по возможности отъ кровопролитія и только отбирая оружіе и распуская набранныя конфедератами дружины.

Война съ Турціею должна была рѣшить дальнѣйшую участь войны въ Польшѣ, ибо неудача русскихъ открывала туркамъ путь въ Польшу. Тогда возстаніе могло сдѣлаться всеобщимъ. Къ прискорбію Екатерины, первый годъ турецкой войны ничего не рѣшилъ: главное дѣло въ походѣ 1769 года возложено было на князя Голицына. Съ 75.000 войска онъ долженъ былъ взять Хотинъ, идти на Дунай и занять Молдавію и Валахію. Румянцевъ подкрѣплялъ его, находясь между Днѣпромъ и Дономъ. Медленность и робость русскаго полководца были причиною, что только нечаянный случай далъ ему возможность овладѣть Хотиномъ. Медемъ занялъ Азовъ и Таганрогъ, но легкое завоеваніе ихъ было незначительно. Дѣйствія Тотлебена въ Грузіи были неважны. Русскій флотъ шелъ медленно и зазимовалъ въ Англіи и Портъ-Магонѣ.

Не слыша о побѣдахъ русскихъ и думая, что Турція совершенно увлекла силы русскія, конфедераты рѣшились дѣйствовать смѣлѣе. Главою ихъ явился Казиміръ Пулавскій, сынъ первоначальнаго конфедерата барскаго, братъ Франциска, убитаго подъ Брестомъ, лихой наѣздникъ, великанъ ростомъ, отваги необыкновенной. Товарищами его были: Валевскій, Коссаковскій, Мошинскій, не уступавшіе Пулавскому въ смѣлости; Савва, полудикій казакъ; Заремба, опытный офицеръ пѣхотный; Огинскій, важный вліяніемъ своимъ въ Литвѣ. Неожиданныя событія 1770 года еще разъ остановили предпріятія конфедератовъ.

Если 1769 годъ могъ порадовать надеждами враговъ Россіи, 1770 изумилъ Европу. Всѣ предположенія Екатерины исполнились. Румянцевъ одержалъ неслыханныя дотолѣ побѣды надъ турками подъ Ларгою и Кагуломъ. Покореніе Бендеръ, занятіе крѣпостей по Дунаю, возстаніе грековъ, морскія битвы въ Архипелагѣ, истребленіе турецкаго флота въ Чесменскомъ заливѣ—ознаменовали достопамятный второй годъ первой турецкой войны.

Конфедераты не осмѣлились и не могли предпринять ничего важнаго при этихъ событіяхъ и неутомимой дѣятельности Суворова. Въ апрѣлѣ онъ разбилъ отрядъ Мошинскаго при Клементовѣ обыкновеннымъ маневромъ своимъ—быстрымъ походомъ и ударомъ въ штыки на батарею изъ 6-ти пушекъ, которыя были у конфедератовъ. Мошинскій успѣлъ снова собраться близъ Опатова. Суворовъ неусыпно преслѣдовалъ его и разбилъ вторично. Несчастный случай едва не погубилъ Суворова послѣ этой битвы: спѣша вскочить на паромъ при переправѣ черезъ Вислу, онъ упалъ, ударился грудью о паромъ, лишился чувствъ и свалился въ воду. Одинъ изъ гренадеровъ бросился въ рѣку и спасъ его. Три мѣсяца Суворовъ былъ боленъ. Екатерина прислала ему орденъ св. Анны, съ 1762 года

причисленный къ орденамъ россійскимъ и имѣвшій тогда только одну степень.

Можно было ожидать, что 1771 годъ поведетъ русскихъ къ побѣдамъ болѣе легкимъ, болѣе блестящимъ, слѣдствія коихъ будутъ окончательны. Румянцеву, возведенному въ званіе фельдмаршала и получившему св. Георгія І-й степени—высшую воинскую награду, учрежденную въ 1769 году, велѣно было перенести оружіе за Дунай и идти къ стѣнамъ Царьграда, когда Орловъ подойдетъ къ столицѣ султанской по волнамъ Архипелага, а князь В. М. Долгорукій со второю арміею овладѣетъ Крымомъ. Надежды не осуществились. Румянцевъ переходилъ за Дунай, но дѣйствовалъ нерѣшительно, кончивъ походъ неважными битвами, взятіемъ нѣсколькихъ крѣпостей и возвращеніемъ въ Молдавію. Орловъ занялъ островъ Метелинъ, но не смѣлъ идти въ Дарданеллы, куда Эльфинстонъ указалъ ему дорогу еще въ прошломъ году. Онъ не умѣлъ подкрѣпить и возстанія грековъ, уничтоженнаго свирѣпымъ мщеніемъ оттомановъ. Только Долгорукій исполнилъ свое дѣло. «Крымъ—область русская», писалъ онъ Екатеринѣ изъ дворца хановъ крымскихъ. Дѣйствій русскаго войска и флота нельзя было назвать неудачами, но Екатерина знала, что только рѣшительные и блестящіе успѣхи доставятъ ей миръ, прекратятъ тайные замыслы непріятелей и усмирятъ Польшу. Она не ошиблась. Тревожимые прежними успѣхами Россіи и обрадованные замедленіемъ войны, тайные и явные враги Россіи спѣшили воспользоваться временемъ. Австрія заключила союзъ съ Турціею, предлагая Россіи мириться съ султаномъ при ея посредничествѣ и требуя выхода русскихъ войскъ изъ Польши. Предложенія свои подтвердила она сближеніемъ войска къ польскимъ границамъ. Екатерина показывала что она не боится войны съ Австріею при союзѣ Пруссіи, и требовала отъ Фридриха исполненія трактатовъ. Тогда увидѣли ненадежность дружбы его. Престарѣлый герой прусскій хитрилъ: ему страшно было усиленіе Россіи, когда онъ не боялся Австріи безъ союза ея съ Россіею. Фридрихъ придвинулъ войско къ польскимъ границамъ. Два соперника, Австрія и Пруссія, стерегли другъ друга, но оба равно не доброжелательствовали Екатеринѣ и усердно поощряли конфедерацію, ибо при успѣхѣ ея Польша являлась союзникомъ полезнымъ. Еще живѣе приняла участіе въ дѣлѣ Польши Франція. Въ 1770 году прибылъ къ конфедератамъ Дюмурье, столь извѣстный впослѣдствіи въ исторіи французской революціи. Главное мѣсто конфедераціи находилось тогда въ Эперіи, въ Венгріи. Тамъ укрывались многочисленные польскіе изгнанники. Самъ Іосифъ посѣтилъ ихъ. Посолъ конфедератовъ былъ принятъ при французскомъ дворѣ. Паденіе Шуазеля лишило ихъ денежной помощи, но Дюмурье устроилъ планъ конфедераціи, называвшейся тогда всеобщею. Въ Бялую, близъ силезскихъ границъ, перенесли главное мѣсто союза. Самыя женщины приняли дѣятельное участіе: графиня Брюль, урожденная Мнишекъ, была душою заговора; графиня Грабовская дѣлила съ мужемъ труды и опасности. Полагали, что около 15.000 могутъ поднять оружіе немедленно. Пулавскій долженъ былъ дѣй-

ствовать въ Великой Польшѣ, Мошинскій—въ Малой Польшѣ, Огинскій—въ Литвѣ. Мошинскій и Пулавскій начали немедленно. Суворовъ, какъ мы видѣли, уничтожилъ предпріятія Мошинскаго, но болѣзнь его дала возможность Пулавскому овладѣть Ченстоховомъ, другимъ конфедератамъ—Ландскроною, Тинецомъ, а Огинскому—пробраться въ Литву. Дюмурье явился въ Польшу. Съ 1771 года должна была начаться война дѣятельная. Веймарнъ потерялъ всѣ соображенія, и положеніе малочисленныхъ русскихъ войскъ въ Польшѣ становилось опаснымъ. Затрудненія Россіи, при неконченной войнѣ съ Турціею, непріязни Австріи, шаткой дружбѣ Пруссіи, умножило еще восшествіе на шведскій престолъ Густава III-го—Карла XII-го въ маломъ видѣ, успѣвшаго разрушить при началѣ царствованія ограниченіе королевской власти въ Швеціи и угрожавшаго Россіи войною. Прибавить войска въ Польшу было невозможно: надлежало воевать въ Турціи, оберегать Финляндію отъ шведовъ. Тѣмъ важнѣе были дѣйствія Суворова, и въ 1771 году показалъ онъ дѣятельность и неутомимость изумительныя: былъ всюду и всюду оправдывалъ вѣрный расчетъ свой на успѣхъ. Не силою, но единственно искусствомъ достигалъ онъ побѣды, несмотря на отчаянныя усилія конфедератовъ.

Едва оправившись отъ болѣзни, Суворовъ перешелъ подъ Сендоміромъ Вислу съ 4 ротами пѣхоты, 3 эскадронами карабинеровъ, сотнею казаковъ и нѣсколькими пушками (исчисляемъ количество войска, дабы показать, съ какими малыми силами дѣйствовалъ Суворовъ). Онъ немедленно огнялъ Ландскрону и разбилъ отрядъ Шуца. Пользуясь его отсутствіемъ, непріятель напалъ на Люблинъ. Суворовъ обратился туда. Дорогою захватилъ онъ конфедератовъ въ Казимиржѣ. Здѣсь, когда русскіе очищали улицы отъ бѣгущихъ конфедератовъ, Суворовъ увидѣлъ отрядъ казаковъ Саввы, укрывшійся въ обширномъ сараѣ. Онъ подъѣхалъ одинъ къ сараю и предложилъ сдаться. Непріятели не смѣли противиться и сдались. Люблинъ былъ освобожденъ, но Пулавскій и Савва осадили Красникъ. Когда появленіе Суворова заставило ихъ отступать, Веймарнъ былъ отрѣзанъ и окруженъ въ Краковѣ. Суворовъ спѣшилъ на выручку. Конфедераты остановили его на рѣкѣ Дунайцѣ. Онъ велѣлъ очистить переправу пушками—первый бросился черезъ рѣку въ бродъ; гренадеры шли за нимъ по поясъ въ водѣ. Непріятель бѣжалъ. Суворовъ разбилъ отрядъ поляковъ у Велички и взялъ приступомъ редутъ непріятельскій подъ Тинецомъ. Подъ Ландскроною ждали его соединенныя силы конфедератовъ, числомъ болѣе 5.000. Дюмурье былъ тамъ со своимъ отрядомъ французовъ. Быстрое нападеніе Суворова смяло непріятелей. Русскіе отняли двѣ пушки, гнали конфедератовъ до силезской границы и разрушили главное убѣжище ихъ, Бялой. Сапега и Оржевскій пали въ битвѣ. Мощинскій и Лассоцкій, другъ Дюмурье, попались въ плѣнъ. Дюмурье потерялъ надежду поддержать возстаніе, оставилъ Польшу и отправился во Францію. Краковъ былъ освобожденъ. Пулавскій, не успѣвъ соединиться съ товарищами подъ Ландскроною, бросился къ Замосцью и овладѣлъ этою крѣпостью. Суворовъ шелъ по слѣдамъ

его. Съ 2.000-ми Пулавскій хотѣлъ удержать русскихъ, но не успѣлъ даже построить рядовъ своихъ,—такъ быстро напалъ на него Суворовъ. Пока Пулавскій бѣжалъ разбитый, Суворовъ обратился къ Краснику и уничтожилъ отрядъ Новицкаго. Вся Польша завислянская была очищена. Часть конфедератовъ ушла за границу, другая укрылась въ Литву, подкрѣпляя Огинскаго, усиленнаго приходомъ Коссаковскаго съ полкомъ черныхъ гусаровъ—отборною дружиною, названною «вольными братьями». Войско Огинскаго возросло до 5.000; у него было 12 пушекъ. Онъ обнародовалъ въ Пинскѣ манифестъ, захватилъ въ плѣнъ русскій батальонъ и не боялся посланныхъ противъ его полковниковъ Тиринга и Древича. Отвсюду сходились сюда конфедераты. Суворовъ не медлилъ. Съ тысячью человѣкъ войска поскакалъ онъ въ Литву изъ Люблина и черезъ четыре дня былъ въ Слонимѣ, проѣхавъ болѣе 200 верстъ. Тамъ собралъ онъ до 700 человѣкъ изъ разныхъ отрядовъ, ибо у него оставалось не болѣе 200 изъ собственнаго отряда: всѣ другіе оставлены были на пути, изнеможенные усталостью. Суворовъ не зналъ утомленія. Слыша, что Огинскій укрѣпился подъ мѣстечкомъ Сталовичами, ночью прошелъ Суворовъ по лѣсамъ и болотамъ, зашелъ въ тылъ Огинскому, ударилъ внезапно съ крикомъ «ура!» и разсыпалъ не ждавшаго нападенія, изумленнаго непріятеля. Въ безпорядкѣ бросились конфедераты къ Сталовичамъ. Русскіе ворвались туда вслѣдъ за ними. Здѣсь едва не погибъ Суворовъ. Еще было такъ темно, что, не разглядѣвъ хорошо, онъ обратился съ приказомъ къ арнауту изъ свиты Огинскаго, скакавшему по улицѣ. Почти въ припоръ выстрѣлилъ въ него арнаутъ, но не попалъ. Въ Сталовичахъ нашли захваченный Огинскимъ русскій батальонъ, вооружили его отнятымъ у поляковъ оружіемъ, и Суворовъ спѣшилъ догнать непріятеля. Пробѣжавъ черезъ мѣстечко, поляки выстроились на открытомъ полѣ. Началась битва. Никогда прежде не дрались конфедераты такъ упорно и отчаянно. Натискъ штыками заставилъ ихъ отступать и наконецъ бѣжать въ безпорядкѣ къ Слониму. По-

ложеніе Суворова было весьма опасно даже и послѣ побѣды. Число плѣнныхъ почти равнялось числу побѣдителей, изъ коихъ убито было до 100 человѣкъ и до 400 ранено. Огромный обозъ и всѣ пушки польскія были взяты русскими. Если бы непріятель умѣлъ тогда собраться и напасть на Суворова, успѣхъ русскихъ былъ бы на этотъ разъ сомнителенъ. Но Суворовъ, поступая, повидимому, съ безразсудною отважностью, зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Отразивъ нападеніе Бѣляка, не подоспѣвшаго къ битвѣ со своими уланами и думавшаго смять русскихъ отчаянною аттакою, Суворовъ спѣшилъ къ Слониму. За нимъ тянулся обозъ на три версты. Едва явились русскіе въ Слонимѣ, конфедераты бѣжали въ Пинскъ, главное гнѣздо заговора въ Литвѣ. Быстро преслѣдовалъ ихъ Суворовъ и разрушилъ литовскую конфедерацію. Огинскій удалился въ Пруссію. Его примѣру послѣдовали Бѣлякъ и Грабовскій, послѣ краткихъ переговоровъ. Заборовскій былъ убитъ въ сшибкѣ подъ Пулавами. Суворовъ возвратился въ Люблинъ, гдѣ ожидала его награда орденомъ св. Георгія 3-й степени за побѣду подъ Тинецомъ и за разбитіе Пулавскаго у Замосцья. Имя Суворова сдѣлалось страхомъ конфедератовъ. Русскіе солдаты считали его непобѣдимымъ. За побѣду подъ Сталовичами Екатерина прислала Суворову орденъ св. Александра Невскаго. «Поблагодарите Суворова за окончаніе фарсовъ Огинскаго», писала она .

Успѣхи войны и милости императрицы не могли однако жъ утѣшить Суворова. Онъ скорбѣлъ объ участи конфедератовъ. Исполняя долгъ свой, сражаясь съ ними, не губить храбрыхъ, но несчастныхъ защитниковъ Польши, желалъ онъ, а устремиться туда, гдѣ гремѣли громы Кагула и Бендеръ. Тамъ хотѣлось ему быть, а не тратить годы въ войнѣ мелкой, утомительной, гдѣ подвергался онъ безпрерывной опасности, сражался, не щадя себя въ битвахъ, и пуля конфедерата или пика улана могли положить конецъ жизни его безъ славы въ какомъ-нибудь безвѣстномъ болотѣ Пинска или деревнѣ польской. Огорченіе Суворова умножали несогласія съ товарищами и съ Веймарномъ. Суворовъ старался облегчать участь мирныхъ жителей Польши, щадилъ самыхъ конфедератовъ, уважалъ ихъ безполезную, но непреклонную храбрость и вольное обреченіе на гибель. Онъ послалъ даже однажды къ Пулавскому табакерку на память своего уваженія къ его мужеству *), и ласковость и кротость Суворова привлекали къ нему сердца враговъ. Не такъ поступали другіе, оставившіе въ Польшѣ память безпощаднаго свирѣпства и завидовавшіе подвигамъ Суворова, не умѣя подражать имъ. Суворовъ безпрерывно видѣлъ препятствія, встрѣчалъ неудовольствія, ощущалъ недостатки во всемъ въ теченіе всѣхъ трехъ лѣтъ кочевой, бездомной жизни. Веймарнъ, слушавшій навѣты другихъ, не соглашался съ Суворовымъ, затруднялъ его предписаніями, даже упрекалъ своеволіемъ, незнаніемъ правилъ тактики. Суворовъ отвѣчалъ ему однажды съ улыбкою на этотъ упрекъ: Ja, ja, so sind wir, ohne Taktik und ohne Praktik, und doch überwinden wir unsere Feinde

*) Suworow's Leben, Фр. Шмитта. Т. I. стр. 73.

(да—что дѣлать—мы ужъ такіе: безъ тактики и практики, а непріятеля бьемъ!). Когда ему говорили, что онъ изнуряетъ солдатъ быстротою походовъ, «Римляне еще скорѣе нашего ходили: читайте Цезаря!» сказалъ онъ. Веймарнъ, вѣроятно, полагалъ, что Цезарь ему не указъ и не примѣръ. Неудовольствія превращались въ явную ссору. Когда Суворовъ представилъ о необходимости идти въ Литву на Огинскаго, Веймарнъ строго запретилъ ему этотъ походъ, увѣдомляя, что Древичъ и Тирингъ уже отправлены туда. «Скажите генералу,—отвѣчалъ Суворовъ,—что когда выпалили изъ пушки, Суворову не сидится на мѣстѣ!» Онъ велѣлъ немедленно выступать. Ему представили о запрещеніи начальника. «Я отвѣчаю за мою вину головою, а вы исполняйте свое дѣло!» вскричалъ онъ. Веймарнъ оскорбился. Въ одно время съ донесеніемъ Суворова о побѣдѣ, Екатерина получила жалобу Веймарна на его ослушаніе и нарушеніе воинской подчиненности. Веймарна подкрѣплялъ Салдернъ, бывшій русскимъ повѣреннымъ при Станиславѣ, ничтожный интриганъ. Екатерина отвѣчала смѣною Веймарна и Салдерна. Мѣсто обоихъ заступилъ А. И. Бибиковъ, другъ Суворова, но интриги не прекращались. Суворовъ просилъ увольненія. «Я исполнялъ долгъ мой,—писалъ онъ Бибикову,—не желая притомъ зла странѣ, гдѣ находился. Никогда самолюбіе не управляло мною, и я забывалъ себя при дѣлѣ общемъ. Не привыкнувъ къ свѣтскому обращенію, я сохранилъ простоту моей природы и свободу чувства. Мизантропія овладѣваетъ мною. Не предвижу далѣе ничего, кромѣ досадъ и горестей». Дѣло конфедератовъ казалось потеряннымъ. Они увѣрились, что съ такимъ соперникомъ, какъ Суворовъ, когда и безъ того возникли между ними несогласія—никто не хотѣлъ слушаться, каждый поступалъ по-своему, народъ не принималъ участія, а храбрость личная была безполезна при недостаткѣ средствъ,—сопротивляться было невозможно. Всѣ оставляли конфедерацію. Только Пулавскій не уступалъ. Онъ искалъ смерти, если уже не побѣды. Смѣлый замыселъ его захватить Станислава въ Варшавѣ не удался по измѣнѣ Косинскаго, котораго дотолѣ считалъ онъ другомъ своимъ. Товарищи безпрестанно уходили отъ него. Онъ еще надѣялся, что Австрія, Пруссія и Россія перессорятся между собою. Но уныніе овладѣло конфедератами, когда узнали они, что Фридрихъ придумалъ средство къ общему миру: видя, что Россія не уступала Польши, и почитая неумѣстнымъ начинать за то войну, онъ предложилъ подѣлиться легкою добычею и раздѣлить яблоко раздора, оставя для вида нѣсколько областей Станиславу, подъ именемъ Польскаго королевства. Такимъ образомъ всѣ стороны были довольны. Екатерина согласилась. Іосифъ, еще недавно жаркій защитникъ поляковъ, такъ охотно приступилъ къ дѣлежу, что спѣшилъ занять польскія области. Фридрихъ не уступалъ ему. Австрійцы захватили Спижъ. Пруссаки взяли Торунь и Познань. Тщетно протестовалъ Станиславъ и вопіяли конфедераты, полагавшіе всю надежду на Фридриха и Іосифа. При посредничествѣ Австріи, между Турціею и Россіею заключено было перемиріе, и въ одно время начались переговоры въ Варшавѣ о раздѣлѣ Польши,

и въ Фокшанахъ совѣщанія о мирѣ Россіи съ турками. Пулавскій, Коссаковскій и нѣсколько французскихъ офицеровъ, между коими были Віомениль, Шуази и Галиберъ, рѣшились въ послѣдній разъ отличиться отвагою: другой цѣли они уже не могли имѣть, пускаясь на дѣло, которымъ могли бы похвастать самые отчаянные искатели приключеній.

Узнавъ, что находившійся въ Краковѣ русскій комендантъ, полковникъ Штакельбергъ, былъ влюбленъ въ ловкую красавицу польку и отличался на балахъ ея, несмотря на старость свою, слыша притомъ, что Краковскій замокъ охраняется слабо, конфедераты вздумали во время отсутствія Штакельберга пробраться ночью въ замокъ, сквозь отверстіе въ стѣнѣ его, сдѣланное подъ гору для стока воды и нечистотъ. Одѣтые въ бѣлыя рубашки сверхъ мундировъ, они проползли по горѣ незамѣченные по выпавшему въ тотъ день снѣгу (24 января 1772 года), вошли въ замокъ и захватили гарнизонъ спящій. Штакельбергъ былъ на балѣ и шелъ въ польскомъ, любуясь своею красавицею, когда пушечная пальба съ крѣпости ужаснула его. Нѣсколько поляковъ вбѣжали въ залу и по-

требовали у него шпаги. Едва могъ онъ спастись съ бывшими при немъ офицерами, собралъ отряды, находившіеся въ городѣ, бросился къ замку, но принужденъ былъ отступить.

Суворову донесли шпіоны о предпріятіи конфедератовъ. Онъ спѣшилъ къ Кракову, но явился уже поздно: замокъ былъ занятъ. Кромѣ оскорбительной вѣсти о взятіи Кракова конфедератами, полетѣвшей по всей Польшѣ, положеніе Суворова было затруднительное. Пулавскій и Коссаковскій, пользуясь смятеніемъ, заняли Тинецъ и Ландскрону, сильнѣе укрѣпились въ Ченстоховѣ, и многочисленные отряды ихъ окружили Суворова въ Краковѣ.

Краковскій замокъ находится на высокомъ мѣстѣ близъ городской стѣны, и приступъ къ нему, а равно и осада были невозможны при малочисленности войска и недостаткѣ средствъ. У Суворова было не болѣе 1.000 человѣкъ, а пушекъ всего четыре. Принужденный отбивать отважныя вылазки изъ замка и набѣги конфедератовъ, не довѣряя притомъ полякамъ, Суворовъ вооружилъ жидовъ и велѣлъ имъ занимать въ городѣ караулы. Безъ смѣха нельзя было смотрѣть на іудейскихъ воиновъ, дрожавшихъ, когда ставили ихъ на часы. Увѣряютъ, что они просили даже для охраненія при-

бавлять къ каждому отряду ихъ хоть одного русскаго солдата. Суворовъ рѣшился штурмовать замокъ, но былъ отбитъ и принужденъ удовольствоваться блокадою. «Ничего не могу добиться отъ Штакельберга о томъ, какъ сдѣлалось здѣшнее невѣроятное приключеніе,—писалъ Суворовъ Бибикову.—Онъ всегда былъ изъ числа

избалованныхъ Иваномъ Ивановичемъ Веймарномъ перепиской на иностранныхъ діалектахъ, а ксендзы и бабы повредили ему голову и сдѣлали его черезчуръ добрымъ. Таковъ былъ начальникъ, а каковъ попъ—таковъ и приходъ!»—«Что дѣлать? Штурмъ нашъ былъ неудаченъ и доказалъ храбрость, а не искусство наше», писалъ онъ послѣ приступа къ краковскому замку.

Полученная помощь дала Суворову средства разбить отряды Коссаковскаго подъ Тинецомъ. Здѣсь Суворовъ опять подвергался большой опасности: польскій уланскій офицеръ поклялся умертвить его, пробился къ нему, выстрѣлилъ изъ двухъ пистолетовъ и кинулся на него съ саблею. Суворовъ ловко отбилъ ударъ наѣздника,

а пуля подскакавшаго русскаго кирасира повергла его съ лошади. Конфедератовъ гнали до силезской границы. Апрѣля 15-го сдался Краковъ. Суворовъ возвратилъ шпаги французскимъ офицерамъ, говоря имъ: «Моя императрица не воюетъ съ вашимъ королемъ: вы не плѣнники мои, а гости!» Онъ обнялъ ихъ и велѣлъ угощать.

Занятіемъ Кракова заключилась конфедератская война, грозившая всеобщимъ возстаніемъ Польши. Безъ Суворова она могла причинить большой вредъ политическимъ расчетамъ Екатерины. Трактатъ о раздѣлѣ Польши былъ подписанъ и объявленъ. Конфедераты, укрывшіеся за границею, просили позволенія возвратиться въ Польшу, обѣщая покорность. Пулавскій не уступалъ. Онъ скрылся въ Германіи. Когда въ послѣднемъ собраніи конфедератовъ, бывшемъ въ Браунау въ Баваріи, изданъ былъ протестъ ихъ противъ раздѣла Польши и имъ приказано было удалиться изъ Баваріи, не находя нигдѣ пріюта, Пулавскій отправился въ Америку. Тамъ на-

чиналась тогда война за независимость Соединенныхъ Штатовъ. Пулавскій погибъ въ битвѣ на берегахъ Саванна, сражаясь въ рядахъ воиновъ Вашингтона. Мошинскій удалился съ Дюмурье во Францію и голова его легла на гильотинѣ во время революціи. Коссаковскій былъ несчастливѣе всѣхъ товарищей: онъ дожилъ до своего безславія и погибъ черезъ 20 лѣтъ позорною смертью предателя, въ послѣднія минуты самостоятельнаго бытія Польши.

Но политическія тучи все еще носились на горизонтѣ европейской дипломатики. Іосифъ спорилъ, Фридрихъ хитрилъ, Екатерина не уступала. Неисполнимыя условія предложила она на фокшанскомъ конгрессѣ. Австрія объявила неумѣренныя требованія на участокъ въ Польшѣ. Австрійцы двигались впередъ и занимали города польскіе. Два русскіе корпуса, подъ предводительствомъ генераловъ Эльмпта и Романіуса, вошли въ Литву и Польшу. Австрія готова была воевать, увѣренная въ нейтралитетѣ Фридриха, требовала только отъ султана отдачи Буковины и за то обѣщала помощь сильнымъ войскомъ. Густавъ III-й также грозилъ войною, Бибиковъ былъ оскорбляемъ своевольными поступками австрійскихъ генераловъ. Суворовъ раздѣлялъ его негодованіе, и такъ горячо, что не однажды доходило почти до явнаго разрыва. Бибиковъ принужденъ былъ напомнить ему объ осторожности. «Виноватъ!—отвѣчалъ Суворовъ,—да дайте же мнѣ такое философское мѣсто, гдѣ я никому не помѣшаю: мнѣ пора на покой! Я со Срѣтеньева дня не разувался, и что я за политикъ такой у тебя, батюшка, сталъ! Пришли кого-нибудь другого: чортъ ли съ ними сговоритъ! Вѣдь я политики не знаю...»

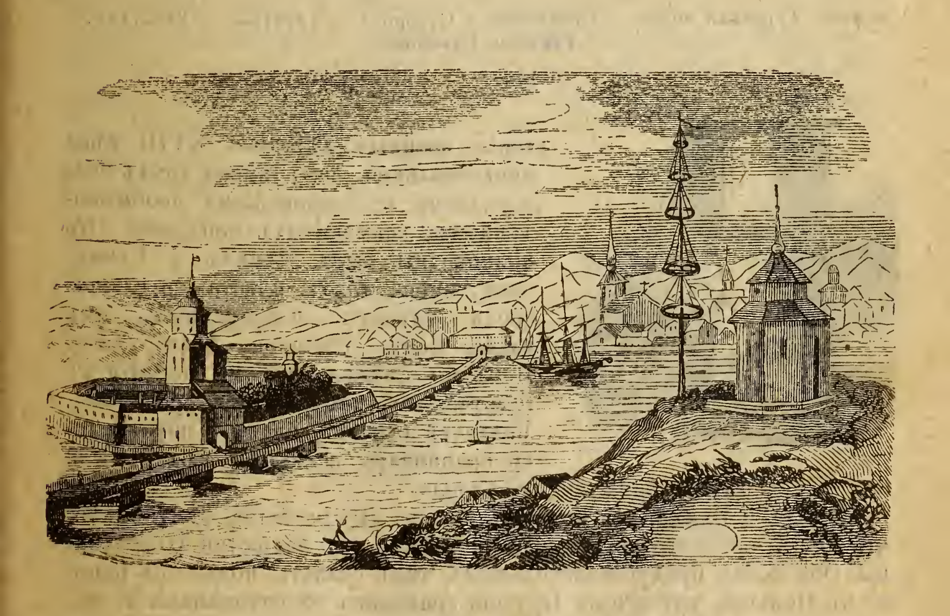
Радостно услышалъ Суворовъ, что онъ прикомандированъ къ корпусу Эльмпта, которому велѣно идти въ Финляндію. «Теперь я въ своей тарелкѣ,—писалъ Суворовъ къ Бибикову:—слѣдую моему жребію, приближаюсь къ отчизнѣ, удаляюсь изъ земли, гдѣ хотѣлъ я добра, дѣлая то, чему сердце мое не противорѣчило и долгъ не препятствовалъ. Радуюсь, что жители свидѣтельствуютъ мнѣ благодарность. Я любилъ ихъ и оставляю съ сожалѣніемъ, оканчивая дѣло мое, какъ честный человѣкъ. Завистниковъ моихъ не хочу ни ненавидѣть, ни презирать, а перемѣны въ нихъ не ожидаю, зная ихъ свойства. Женщины правятъ здѣсь жребіемъ какъ и вездѣ: я боялся ихъ и забавлялся съ ними почтительно, не умѣя имъ угождать».

Внезапный приказъ Эльмпту остановиться встревожилъ Суворова. Дѣла въ Польшѣ принимали болѣе и болѣе видъ грозный, хотя въ сентябрѣ 1772 года Бѣлоруссія была уже объявлена русскою провинціею. На Дунаѣ велѣно возобновить военныя дѣйствія. Бибикова огорчила холодность Екатерины, думавшей, что онъ не умѣетъ ладить съ австрійцами, грозившими войною. «Что же новаго обо мнѣ?—писалъ къ нему Суворовъ,—куда идти: впередъ или назадъ?.. Или Двина будетъ для меня рѣкою забвенія?.. Тянемся къ Дерпту... Если со шведами ничему не бывать, что мнѣ въ Финляндіи дѣлать: зайцевъ гонять или жениться?»

Но что казалось ему забвеніемъ, было свидѣтельствомъ надежды

на него и благоволенія къ нему императрицы. Она не посылала его къ Румянцеву, ибо онъ былъ ей надобенъ, пока Швеція тревожила ее сомнѣніемъ и въ Польшѣ дѣло не было рѣшено. Споры продолжались до августа 1773 года, когда сеймъ, окруженный 20.000 русскихъ солдатъ, утвердилъ первый раздѣлъ Польши.

Суворовъ былъ призванъ зимою 1772 года въ Петербургъ. Изъявляя лестные знаки милостей, Екатерина приказала ему осмотрѣть крѣпости по шведской границѣ. Въ февралѣ 1773 года Суворовъ объѣхалъ Выборгъ, Кексгольмъ, Нейшлотъ и собралъ свѣдѣнія о расположеніи умовъ въ пограничной Финляндіи на случай войны. Марта 21-го кончился срокъ перемирію съ турками. Екатерина повторила Румянцеву немедленно начать наступательную войну, не думая ни о какихъ переговорахъ. По возвращеніи изъ Финляндіи въ Петербургъ Суворовъ просилъ императрицу позволить ему отправиться въ молдавскую армію. Получивъ разрѣшеніе на отъѣздъ, онъ спѣшилъ на Дунай. Не мелкая война, не стычки съ конфедератами, но битвы съ сильнымъ непріятелемъ подъ предводительствомъ героя, обратившаго на себя вниманіе Европы, ожидали его. Суетны надежды человѣческія: тамъ готовы были Суворову новые лавры, но судьба готовила ему и новыя скорби!

ГЛАВА III.

Первая Турецкая война.— Румянцевъ и Суворовъ.— Туртукай. Козлуджи.— Удаленіе Суворова.

Русскія военныя лѣтописи XVIII вѣка представляютъ намъ имена двухъ полководцевъ съ дарованіями необыкновенными, знаменитыхъ побѣдами. Эти полководцы были Минихъ и Румянцевъ, имена коихъ блистаютъ славою среди другихъ, современныхъ имъ именъ Кейта, Рѣпнина, Долгорукаго. Нерѣдко смѣшиваемъ мы понятія въ безотчетномъ наименованіи „славный“. Различна бываетъ слава, а поучительно сравнивать великихъ людей, если они идутъ въ исторической параллели.

Минихъ и Румянцевъ подаютъ поводъ къ сравненію тѣмъ болѣе, что многія обстоятельства жизни и побѣдъ ихъ являются сходственны. Оба послѣ предуготовительныхъ, такъ сказать, подвиговъ одного въ Польшѣ, другого въ Пруссіи сражались съ оттоманами на поляхъ придунайскихъ. Здѣсь начали, здѣсь и кончили они свое военное поприще.

Нельзя не удивляться, какъ долго европейцы не могли постигнуть тайны побѣдъ надъ оттоманами и какъ даже великіе полководцы испытывали неудачи потому именно, что вели войну съ турками по

правиламъ тактики, употребляемой въ битвахъ съ регулярными войсками. Образъ войны турковъ былъ всегда и неизмѣнно одинъ: они нападали; первый ударъ ихъ, всегда огромными силами и съ многочисленною конницею, бывалъ ужасенъ. Удача дѣлала турковъ опасными. Кто могъ выдерживать первый натискъ ихъ, тотъ уже въ половину выигрывалъ, ибо неудача всегда лишала оттомановъ бодрости: они укрывались въ крѣпостяхъ, собирая войска для второго удара. Европейцы старались удерживать ударъ турковъ, двигали свои арміи огромными кареями, ограждались рогатками, а послѣ побѣды обыкновенно приступали къ осадѣ крѣпостей, стараясь обратить ихъ въ основу своихъ дѣйствій, для недопущенія или выдержанія второго непріятельскаго натиска.

Такъ поступалъ Минихъ, принадлежавшій къ школѣ старыхъ тактиковъ. Ученикъ Евгенія, онъ принялъ войско русское въ его первобытномъ образованіи послѣ Петра Великаго, и велъ войну съ турками ученымъ образомъ. Два похода изучалъ онъ оттомановъ, но въ третій (честь безспорно ему принадлежащая) понялъ настоящій образъ войны съ ними: походъ 1739 года, битва ставучанская, взятіе Хотина, занятіе Молдавіи были подвигомъ самобытнымъ и блестящимъ. Доказавъ на дѣлѣ, о чемъ еще сомнѣвался Петръ Великій подъ Прутомъ, Минихъ показалъ примѣръ настоящей войны съ турками, хотя движеніе тяжелымъ кареемъ, имя иностранца, разстройство войскъ и нестерпимое самолюбіе Миниха вредили ему.

Румянцевъ обладалъ многими преимуществами передъ Минихомъ. Онъ былъ ученикъ Фридриха и Лаудона, измѣнившихъ прежнюю тактику, находился въ битвахъ семилѣтней войны, и былъ русскій, обладая довѣренностью солдатъ, испытанныхъ въ бою послѣ семилѣтней войны. Важное облегченіе движеній раздѣленіемъ огромнаго каре на малыя и уничтоженіе рогатокъ, вселявшихъ робость въ солдата (если только не Потемкину должно приписать отмѣну ихъ), принадлежатъ ему. Мужество въ бою, умѣнье распорядиться при неудачѣ, искусство размѣщенія и продовольствія армій были его неотъемлемыми свойствами, но Румянцевъ не постигъ образа настоящей войны съ турками, несмотря на примѣръ Миниха и даже на то, что походъ 1770 года показалъ ему тайну побѣды.

Турецкая война, какъ мы видѣли, началась въ 1769 году. Русское войско раздѣлено было на двѣ арміи: первою, главною, начальствовалъ князь А. М. Голицынъ; вторая была подъ начальствомъ Румянцева и только подкрѣпляла дѣйствія первой. Голицынъ поступалъ нерѣшительно. Взятіе Хотина и движеніе на Дунай отчасти оправдывали его, но онъ былъ смѣненъ и Румянцевъ заступилъ его мѣсто. Вторая армія поступила подъ начальство графа П. И. Панина.

Немного представляетъ военная исторія дѣлъ столь блестящихъ, какъ дѣла Румянцева въ 1770 году. Пока Панинъ осаждалъ Бендеры и занималъ турковъ блокадою Очакова, Румянцевъ двинулся противъ турецкихъ и татарскихъ полчищъ. Битвы при Ларгѣ и Кагулѣ казались чѣмъ-то баснословнымъ, и современники славили Румянцева,

какъ великаго полководца. Потомство судитъ строже современниковъ».

Если внимательнѣе разсматривать дѣйствія Румянцева даже и въ 1770 году, то убѣдимся, что битвы при Ларгѣ и Кагулѣ были счастливою случайностью, доказавшею только мужество Румянцева въ минуту опасности. Онъ долженъ былъ искупить неосторожность похода своего побѣдою или гибелью—и побѣдилъ! Важные недостатки были соединены съ его воинскими достоинствами. Медленный, нерѣшительный, недовѣрчивый къ другимъ и къ самому себѣ до того, что никогда не давалъ опредѣленныхъ приказаній, сберегая, какъ говорили, извиненіе на случай неудачи; честолюбивый, завистливый къ славѣ подчиненныхъ до того, что готовъ былъ устранить всякаго, кто былъ ему опасенъ дарованіемъ, хотя угодливый передъ людьми случайными, хитрый и уклончивый въ обращеніи, Румянцевъ не умѣлъ возбудить любви къ себѣ войска, хотѣлъ славы, но трепеталъ безславія. Взглядъ на походы въ 1771-мъ и слѣдующихъ годахъ докажетъ справедливость нашихъ словъ.

Компанію послѣ Кагульской битвы (въ 1770 году) Румянцевъ кончилъ тѣмъ, что занялъ оставленный турками Измаилъ, Килію, отданную при первомъ требованіи, Браиловъ и Аккерманъ, взятые послѣ слабаго сопротивленія. Бендеры покорены были Панинымъ. Русскіе стали на Дунаѣ. Турки копили новыя войска на правомъ берегу Дуная. Сильные гарнизоны ихъ засѣли въ крѣпостяхъ, составлявшихъ двойную линію защиты по обоимъ берегамъ рѣки (кромѣ взятыхъ русскими Киліи, Браилова, Измаила): Журжѣ, Турнѣ, Тульчѣ, Исакчѣ, Мачинѣ, Гирсовѣ, Силистріи, Туртукаѣ, Рущукѣ, Систовѣ, Никополѣ, изъ коихъ главными были Силистрія и Рущукъ.

Вторая армія поступила въ 1771 году подъ начальство князя В. М. Долгорукаго, и ей предписано было занять Крымскій полуостровъ. Обнадеженная кагульскою побѣдою и спѣша кончить войну побѣдами, Екатерина велѣла Румянцеву перейдти за Дунай. Здѣсь оказались недостатки Румянцева, какъ полководца. Онъ готовился къ походу, но прежде началъ забиратъ дунайскія крѣпости. Зимою русскіе взяли Журжу. Неосторожность Потемкина, искавшаго воинской славы подъ знаменами Румянцева, ободрила турковъ. Они перешли на лѣвый берегъ Дуная, отняли у русскихъ Журжу, оттѣснили корпусъ русскій къ Бухаресту. Румянцевъ не думалъ разгромить ихъ ударомъ и только послалъ за Дунай Милорадовича и Вейсмана отвлекать движеніе непріятелей. Милорадовичъ захватилъ Мачинъ и Гирсово. Вейсманъ сдѣлалъ болѣе предписаннаго ему: разорилъ Тульчу и Исакчу, разбилъ войско турковъ при Бабадагѣ, гдѣ находилась запасная артиллерія турецкая и гдѣ взялъ онъ до 170 пушекъ. Эссену съ Потемкинымъ удалось также разбить турковъ, стремившихся на Бухарестъ; они укрылись за Дунай; русскіе снова заняли Журжу. Тѣмъ кончилась кампанія 1771 года.

Дѣла Румянцева, столь нерѣшительныя, привели въ недоумѣніе всѣхъ и огорчили Екатерину. Крымъ былъ завоеванъ Долгору-

кимъ. Будь рѣшительнѣе Румянцевъ, ужасъ турковъ кончилъ бы войну съ ними, усмирилъ бы Польшу, устрашилъ бы Швецію, Пруссію, Австрію и прекратилъ бы интриги Франціи при дворѣ оттоманскомъ. Мы видѣли, какія важныя политическія слѣдствія, принудившія Екатерину согласиться на переговоры о мирѣ, произошли отъ нерѣшительной—скажемъ болѣе—неудачной войны Румянцева.

Онъ былъ однако жъ увѣренъ, что турки согласятся на миръ, какой имъ предпишутъ, и Екатерина видитъ необходимость заключить миръ. Но турки уже оправились отъ страха, а Екатерина понимала, что уступить оттоманамъ значитъ унизить себя въ глазахъ Европы и ободрить завистниковъ Россіи. Она была увѣрена, что Румянцевъ не понимаетъ своего положенія, предложила туркамъ тягостныя условія и не боялась расторженія фокшанскаго конгресса, совершенно смѣшавшаго предположенія Румянцева. Онъ не приготовился къ войнѣ въ цѣлый годъ, проведенной въ переговорахъ, даже разстроилъ свое войско и не зналъ что дѣлать, когда Екатерина снова предписала ему идти за Дунай. Съ большею прежняго нерѣшительностью приступилъ онъ къ войнѣ. Турки собрались въ огромныхъ силахъ. Румянцевъ медлилъ и началъ рекогносцировкою, препоручивъ ее Потемкину, можетъ быть потому, что не боялся упрека за неудачи его, и Вейсману потому, что гдѣ былъ Вейсманъ, тамъ неудачи не могло быть.

Въ такомъ положеніи находились дѣла русскихъ на Дунаѣ, когда явился въ армію Суворовъ. Молва объ его имени предшествовала ему. И тогда уже только одинъ русскій генералъ былъ ему равенъ извѣстностью между солдатами—Вейсманъ, имя коего было кликомъ побѣдъ, несмотря на чинъ генералъ-майора, младшаго передъ многими другими товарищами. Съ именемъ Суворова соединялась слава трехлѣтней войны конфедератской. Извѣстно было особенное вниманіе къ нему императрицы, и вездѣ носились слухи объ его оригинальностяхъ и странностяхъ. Румянцевъ не опасался другихъ—графа И. П. Салтыкова, князя Н. В. Рѣпина, М. Ѳ. Каменскаго, хотя генералъ-поручиковъ и корпусныхъ командировъ (не говоримъ объ Олицахъ, Эссенахъ, Ступишиныхъ, Унгарнахъ и прочихъ подчиненныхъ Румянцеву начальникахъ войскъ). Напросившійся на службу въ дѣйствующую армію, Суворовъ встрѣченъ былъ холодно. Румянцевъ не оказалъ ему никакого отличія и назначилъ его въ корпусъ Салтыкова, охранявшій лѣвый берегъ дунайскій отъ Туртукая до Гирсова. Замѣчательно, что подъ начальствомъ Салтыкова находились тогда Потемкинъ и Суворовъ, столь достопамятные впослѣдствіи. Потемкинъ, уже отличенный императрицею, извѣстенъ былъ личною храбростью и притомъ былъ безпеченъ, неостороженъ, лѣнивъ. Между тѣмъ ему препоручались всѣ отвѣтственныя предпріятія, несмотря на безпрестанныя ошибки его и невыгодную славу, какъ генерала, такъ что корпусъ его прозванъ былъ въ арміи «мертвымъ капиталомъ». Суворова мы уже знаемъ, но его послали съ небольшимъ отрядомъ войскъ наблюдать турковъ, бывшихъ въ Туртукаѣ, какъ будто какого-нибудь рядового, ничтожнаго генерала. Рекогносцируя правый дунайскій берегъ, Потемкинъ занялъ

Гирсово. Вейсманъ, отряженный также для опознанія непріятеля, устремился на Силистрію, напалъ на лагерь турецкій близъ Карасу и завладѣлъ имъ. Турки сдвинулись къ Силистріи. Румянцевъ велѣлъ переправляться за Дунай, назначивъ для того Гирсово, и отмѣнилъ приказаніе, назначая Гуробадъ, въ 30 верстахъ ниже Силистріи. Здѣсь стояло до 12.000 турковъ. Вейсману велѣно было осмотрѣть положеніе непріятеля. Имѣя не болѣе 4.000, онъ напалъ на турецкій лагерь и овладѣлъ имъ. Дорога была очищена. Войско русское переправилось 12 іюня. Потемкинъ начальствовалъ лѣвымъ крыломъ, генералъ Ступишинъ—правымъ (при немъ былъ Вейсманъ, прыкрывая главную армію). Тридцать тысячъ турковъ выступили отъ Силистріи. Вейсманъ встрѣтилъ ихъ, вогналъ обратно въ городскія укрѣпленія и хотѣлъ штурмовать и взять крѣпость. Румянцевъ остановилъ его, располагаясь осаждать Силистрію правильно, и, не отваживаясь на штурмъ, медлилъ три дня, далъ время снова ободриться туркамъ и рѣшился сперва прогнать войско, охранявшее Силистрію и расположенное вокругъ нея лагеремъ. Потемкину и Вейсману поручено было нападеніе. Первый смятъ былъ сильнымъ ударомъ непріятелей и отступилъ въ безпорядкѣ. Вейсманъ ворвался въ ретраншементы турецкіе и овладѣлъ ими. Слыша, что еще 8.000 турковъ спѣшатъ изъ Базарджика, онъ оборотился на нихъ и разсѣялъ ихъ. Казалось, ничто не препятствовало дѣйствіямъ рѣшительнымъ, но не такъ думалъ Румянцевъ. Снова началось медленіе, и, конечно, никто не могъ предвидѣть страннаго окончанія дѣлъ за Дунаемъ. Узнавъ, что сераскиръ Нуманъ-паша спѣшитъ къ Силистріи отъ Шумлы съ 20.000, и находится уже въ Кучукъ-Кайнарджи, побѣдитель кагульскій велѣлъ поспѣшно отступать за Дунай, не отваживаясь сразиться съ войсками сераскира. Вейсманъ былъ призванъ къ Румянцеву и получилъ приказъ прикрыть отступленіе арміи. Почтительно изъявилъ онъ сомнѣніе о малочисленности своего отряда: у него было только 5.000. «Но вы сами стоите патнадцати тысячъ!» съ усмѣшкой сказалъ ему Румянцевъ. Вейсманъ повиновался. Опасаясь натиска турковъ, онъ рѣшился идти навстрѣчу сераскира, и все уничтожилось передъ нимъ. Къ несчастію, когда онъ велъ въ огонь побѣдительные полки свои, пуля янычара пробила ему грудь. «Не говорите солдатамъ!» воскликнулъ онъ и палъ мертвый. Смертъ его привела въ ярость солдатъ: они разграбили лагерь, даже перерѣзали плѣнныхъ турковъ. По разсказамъ другихъ, Вейсманъ убитъ былъ уже послѣ побѣды, на возвратномъ походѣ: смертельно раненый турокъ, видя его проѣзжающаго, собралъ послѣднія силы и застрѣлилъ его изъ ружья. Прахъ Вейсмана покоится въ Измаилѣ. Преклонитесь тамъ передъ гробницею героя: онъ могъ быть вторымъ Суворовымъ! Румянцевъ спокойно переходилъ между тѣмъ обратно за Дунай. Онъ велѣлъ Потемкину начальствовать аріергардомъ и съ досадою услышалъ, что Потемкинъ давно «убрался за рѣку», какъ говоритъ одинъ изъ самовидцевъ въ своемъ описаніи.

Когда воля Екатерины показывала Румянцеву путь къ побѣдамъ, а дѣла Вейсмана являли возможность ихъ, вновь прибывшій въ

армію чудакъ также вздумалъ дать урокъ самолюбію главнокомандующаго.

Пока русскіе выбирали мѣсто для переправы, шли къ Гирсову и переходили отъ него къ Гуробаду, Суворовъ въ бездѣйствіи стоялъ въ монастырѣ Нигоешти противъ Туртукая, небольшой крѣпости, находящейся выше Силистріи на Дунаѣ. При первомъ взглядѣ увидѣлъ Суворовъ возможность взять Туртукай и переправиться здѣсь черезъ рѣку.

Весь отрядъ его составляли два пѣхотные полка, но одинъ изъ нихъ былъ знакомый ему, астраханскій пѣхотный полкъ. Артиллерія состояла изъ 4-хъ пушекъ; 100 донцовъ было при отрядѣ. Суворовъ извѣстилъ Салтыкова о возможности сдѣлать поискъ на Туртукай и получилъ позволеніе. Суворовъ приступилъ къ дѣлу немедленно. Сначала хотѣлъ онъ переправиться черезъ Дунай скрытно, въ семи верстахъ ниже Туртукая. Лодки повезли туда на телѣгахъ, всевозможно утаивая движеніе войскъ. Но турки замѣтили приготовленія русскихъ и рѣшились воспрепятствовать имъ. Приведя войско свое къ мѣсту переправы, Суворовъ велѣлъ солдатамъ отдыхать и самъ спокойно легъ на землю на берегу, завернувшись въ свой плащъ. Онъ заснулъ такъ крѣпко, что только ужасный крикъ «Алла!» разбудилъ его. Турецкіе всадники, незамѣтно переплывшіе черезъ Дунай, срѣзали казацкіе караулы и неслись прямо на него. Едва успѣлъ Суворовъ броситься на лошадь и ускакать къ карабинерамъ, поспѣшно строившимся въ боевой порядокъ. Казаки не выдержали натиска и были сбиты турецкими спагами. Карабинеры встрѣтили толпу непріятелей, смяли ихъ и гнали до лодокъ. Поспѣшно переправились турки обратно. Восемьдесятъ человѣкъ убитыхъ и нѣсколько плѣнныхъ, въ томъ числѣ старый Бимъ-паша, предводитель турецкаго отряда, состоявшаго изъ 400 человѣкъ, были платою турковъ за первую встрѣчу съ Суворовымъ. Видя, что движеніе его открыто непріятелемъ, Суворовъ возвратился въ Нигоешти и рѣшился напасть прямо изъ устья рѣки Агиша, впадающей въ Дунай противъ Туртукая, увѣренный, что турки не ожидаютъ здѣсь нападенія. Онъ послалъ къ Потемкину просить помощи, и Потемкинъ обѣщалъ прислать ему 2.000 запорожцевъ, но помощь не шла, а Суворовъ боялся неожиданныхъ препятствій. Дѣйствительно, препятствія не замедлили. Салтыковъ объявилъ Суворову приказъ главнокомандующаго оставить поискъ на Туртукай и не подвергать войско напрасной гибели. Не знаемъ побужденій Суворова, но онъ рѣшился не повиноваться, увѣренный въ легкомъ успѣхѣ. Поспѣшно распорядился онъ нападеніемъ.

Ночью на 10-е мая пѣхота поплыла черезъ Дунай въ лодкахъ; конница пустилась вплавь (всего было ея 700 человѣкъ). Непріятель открылъ пальбу съ прибережной батареи, но войска успѣли пристать къ берегу благополучно. Часть ихъ бросилась на турецкія лодки, другая напала на самый городъ. Суворовъ самъ повелъ третій отрядъ на крѣпостные ретраншаменты. На дорогѣ нашли заряженную непріятельскую пушку и выстрѣлъ изъ нея едва не погубилъ Суворова, ибо пушку разорвало; онъ упалъ жестоко окон-

туженный, но тотчасъ поднялся, схватилъ ружье, первый вскочилъ въ турецкій редутъ, оттолкнулъ бородатаго янычара, приставилъ къ груди его ружье и закричалъ солдатамъ: «Бери его!» Турки бѣжали изъ редута почти безъ боя. Городъ и флотилія были въ рукахъ русскихъ, также послѣ слабаго сопротивленія. Суворовъ отдалъ опустѣлый Туртукай на грабежъ. Шесть легкихъ орудій турецкихъ было увезено въ лодкахъ; восемь тяжелыхъ пушекъ бросили въ Дунай; 10 знаменъ, 50 лодокъ и другихъ судовъ, въ числѣ ихъ многія съ товарами, были трофеями первой побѣды Суворова надъ турками. Русскіе потеряли 60 человѣкъ убитыми и 150 было ранено. Пока войско отдыхало, Туртукай зажгли. Взрывъ порохового магазина въ крѣпости былъ слышенъ на 60 верстъ въ окружности. Турковъ находилось въ Туртукаѣ около 4.000. Полагали, что до 600 человѣкъ изъ нихъ было убито, наиболѣе при преслѣдованіи казаками и карабинерами. Солдатамъ досталась столь богатая добыча, что послѣ благодарственнаго молебна горстями сыпали они въ церковную кружку червонцы и серебряныя деньги. Уже на другой день, по возвращеніи Суворова въ Нигоешти, явились отъ Потемкина запорожцы. Они были ненужны.

Смѣлый поступокъ Суворова, когда дѣла въ главной арміи шли столь неудачно, тянулись столь медленно, возбудилъ всеобщій восторгъ. Оправдывали, даже хвалили самое непослушаніе его, придававшее дѣлу что-то оригинальное и подтверждавшее слухи о странностяхъ Суворова. Но одобряемый всѣми, покоритель Туртукая могъ опасаться, что своевольный поступокъ его не заслужитъ похвалы главнокомандующаго. Суворовъ думалъ отдѣлаться шуткою. Донесеніе его фельдмаршалу состояло изъ двухъ стиховъ:

Слава Богу, слава вамъ!
Туртукай взятъ и я тамъ.

И безъ того не любившій шутить, Румянцевъ, раздраженный другими событіями въ арміи, вызвалъ Суворова въ главную квартиру. Послѣ строгаго выговора, Суворовъ былъ лишенъ командованія, отданъ подъ военный судъ и осужденъ на смерть за ослушаніе. Больной лихорадкою, страдая отъ полученной при Туртукаѣ контузіи, Суворовъ жилъ въ Бухарестѣ, когда неожиданно узналъ, что рѣшеніе военнаго суда отправлено къ императрицѣ, а ему велѣно опять явиться къ Салтыкову, получившему приказаніе отвлекать непріятеля отъ пособія Силистріи. Салтыковъ явно враждовалъ съ Румянцевымъ, отговаривался, затруднялся,—кончилъ тѣмъ, что не двинулся изъ своего лагеря, отправивъ только Суворова на прежнее мѣсто его въ Нигоешти и приказавъ, «если найдетъ возможность», снова выбить турковъ изъ Туртукая.

У Суворова не было невозможнаго. Къ прежнимъ отрядамъ придали ему 200 пѣхотинцевъ, казачій полкъ Леонова, 300 рекрутовъ, въ пополненіе некомплектныхъ полковъ и 200 арнаутовъ. Отъ душевнаго огорченія и болѣзни Суворовъ былъ такъ слабъ, что едва могъ двигаться и говорить, но отправился по назначенію немедленно и на другой день по прибытіи приготовился въ экспедицію. Карабинеровъ по его приказанію учили драться спѣшившись и штыками.

Турки снова укрѣпились въ разоренномъ Туртукаѣ, спѣша поправить прежніе и соорудить нѣсколько новыхъ шанцевъ. Число ихъ простиралось уже до 8.000. Суворовъ выбралъ бурную ночь на 17-е іюня. Шестипушечная батарея защищала переправу русскихъ. Прикрываемый ея выстрѣлами, первый отрядъ подъ начальствомъ полковника Батурина, состоявшій изъ 500 человѣкъ, достигъ берега, легко овладѣлъ однимъ шанцемъ и остановился, вопреки повелѣнія Суворова немедленно занимать оба шанца, пользуясь смятеніемъ, испугомъ турковъ и темнотою ночи. Суворова водили подъ руки два человѣка, и адъютантъ передавалъ его приказы. Онъ хотѣлъ отправиться при третьемъ отрядѣ, но замѣтя остановку Батурина и опасаясь, что непріятель ободрится, забылъ болѣзнь, бросился въ лодку и самъ вывелъ второй отрядъ на берегъ, поспѣшая занять второй шанецъ. Турки стояли отдѣльнымъ лагеремъ въ лощинѣ за Туртукаемъ. Туда бѣжали непріятели изъ шанцовъ. Начинало свѣтать. Толпы всадниковъ бросились на шанцы. Пока подоспѣли карабинеры третьяго отряда, съ пушкою, бывшею при нихъ, Суворовъ только отстрѣливался изъ шанцевъ, отбивая турковъ ружейною пальбою. Карабинеры пошли въ аттаку. Турками начальствовалъ паша Сари-Махметъ, славный красотою и удальствомъ, другъ Али-Бея, потомъ измѣнившій ему. Видя упорство русскихъ, онъ сдвинулъ толпу отборныхъ всадниковъ и самъ помчался впереди ихъ, на борзомъ конѣ, въ богатой одеждѣ. Пуля поразила его, когда онъ подскакалъ къ укрѣпленію. Казаки ударили на турковъ и пронзили Сари-Махмета пиками. Суворовъ двинулъ пѣхоту изъ шанцевъ, и поле мгновенно покрылось бѣгущими турками. Русскіе ворвались въ турецкій лагерь, захватили всю артиллерію (18 пушекъ), разграбили лагерь, забрали на Дунаѣ

4

лодки и суда и далеко преслѣдовали бѣглецовъ, не смѣвшихъ остановиться. Турковъ убито до 2.000. Число всего отряда, бывшаго съ Суворовымъ, не превышало 1.800 человѣкъ. Онъ велѣлъ перевезти на лѣвый берегъ трупъ Сари-Махмета и съ честію похоронилъ его. Онъ зналъ, что оставить убитаго начальника въ рукахъ непріятельскихъ считается у мусульманъ за величайшее безславіе. Могила паши была побѣднымъ трофеемъ русскихъ.

Обрадованный успѣхомъ, тѣмъ болѣе что въ день вторичнаго взятія Туртукая Румянцевъ нерѣшительно сражался подъ Силистріею, Салтыковъ отважился на предпріятіе гораздо важнѣе: онъ велѣлъ Суворову идти къ Рущуку и стараться взять его. Несмотря на то, что ему не прибавили войска и Рущукъ считался второю крѣпостью послѣ Силистріи, Суворовъ не отговаривался. Бурная погода, разсѣявшая лодки, на коихъ плыли русскіе къ Рущуку, остановила его. Онъ готовился плыть снова по собраніи флотиліи, когда получилъ извѣстіе объ отступленіи Румянцева отъ Силистріи и строгій приказъ Салтыкова воротиться. На этотъ разъ Суворовъ не смѣлъ ослушаться. Еще неизвѣстно было, чѣмъ рѣшится осужденіе его за прежнее взятіе Туртукая.

Рѣшеніе императрицы не замедлило. Препровождая къ ней приговоръ суда, Румянцевъ препроводилъ и стихи Суворова, прибавляя, что посылаетъ «безпримѣрный лаконизмъ безпримѣрнаго Суворова». Екатерина узнала въ остроумной шуткѣ своего Діогена, подписала на приговорѣ: «Побѣдителя не судятъ», и прислала Суворову крестъ св. Георгія 2-й степени «за храброе и мужественное дѣло».

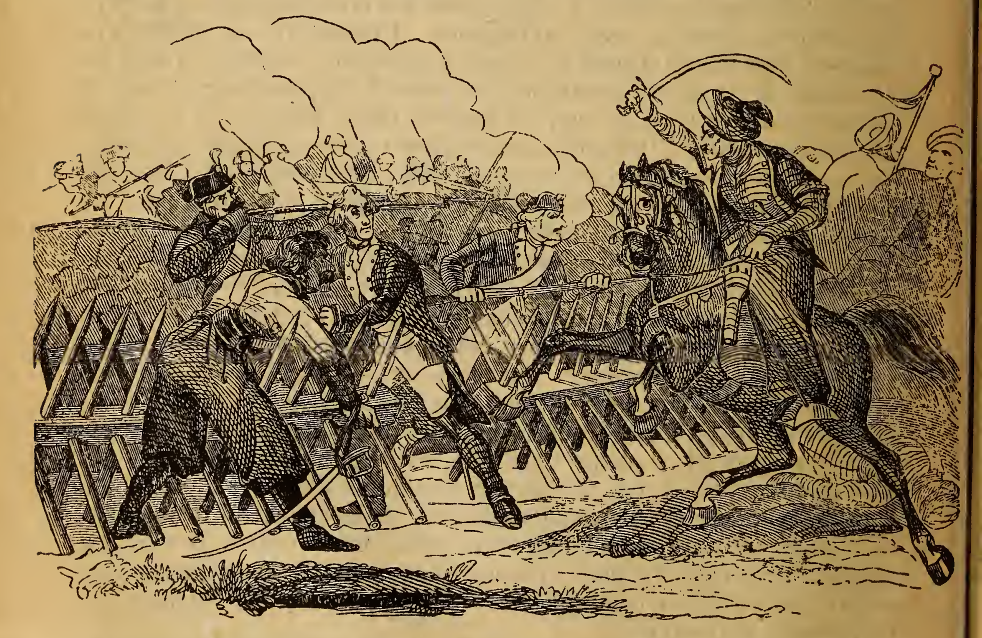
Въ тотъ день, когда въ Царскомъ Селѣ (30-го іюня) подписанъ былъ рескриптъ о наградѣ Суворова, Румянцевъ въ письмѣ, исполненномъ сѣтованія и жалобъ на недоброжелателей, болѣзни и не-

послушаніе Салтыкова, описывалъ положеніе русской арміи едва способнымъ выдерживать битвы и не обѣщающимъ побѣдъ и торжества. Ссылаясь на болѣзнь свою, онъ просилъ Екатерину избрать на его мѣсто другого, «кто лучше можетъ находить способъ угодить ей и принести болѣе пользы». «Укоры на мое усердіе никто положить не можетъ,—говорилъ Румянцевъ,—но находятъ недостатокъ въ моихъ способностяхъ и называютъ меня человѣкомъ видящимъ во всемъ трудности». Онъ увѣрялъ, что съ корпусомъ, «подъ именемъ арміи», перейдя за Дунай, не испыталъ онъ только того, чего не могутъ преодолѣть силы человѣческія. Все оказалось безуспѣшно, и если угодно еще приказать ему идти за Дунай, то надобно удвоить или утроить войско.

Любопытно читать отвѣтъ Екатерины—образецъ ума, силы душевной и снисхожденія къ слабостямъ другихъ. «Признаюсь,—писала она,—возвращеніе ваше изъ-за Дуная не ускоритъ миромъ, не говоря уже объ оскорбительномъ отзывѣ, который разлетѣлся по Европѣ и порадовалъ враговъ нашихъ. Не знаю, о какихъ недоброжелателяхъ пишете вы: ушенадувателей я не имѣю, переносчиковъ не люблю, сплетниковъ терпѣть не могу, но зато и объ усердіи сужу по дѣламъ. Удвоить и утроить войско нельзя и притомъ я помню правило римлянъ, что не числомъ побѣждаютъ, помню и вашу кагульскую побѣду и жду новыхъ побѣдъ вашихъ при тѣхъ средствахъ, какія у васъ находятся». Румянцевъ отвѣтствовалъ новыми жалобами: унижалъ свою кагульскую побѣду, хвалился успѣхами за Дунаемъ, жаловался на робость подчиненныхъ («многіе оруженосцы,—говорилъ онъ,—мѣряютъ силы числомъ, а не свойствами душевными и, утверждая на первомъ свое упованіе и подпору, въ послѣднемъ оказываютъ, если не страхъ, то сомнѣніе»). Подробно отвѣчала ему на все Екатерина (сентября 8-го), доказывая потребность мира, необходимость воевать для пріобрѣтенія его и побѣдъ, если воевать необходимо. «Вѣрю усердію, но люди судятъ по дѣламъ», прибавляла она. Опять въ отвѣтѣ своемъ ссылался Румянцевъ на болѣзнь и совершенное неимѣніе средствъ. «Не смѣю оправдываться, и, можетъ быть, тѣлесная болѣзнь моя заставляетъ меня упадать духомъ,—говорилъ онъ.—Осмѣливаюсь думать, что сдѣлано все, что было можно. Ссылаюсь на совѣтъ генераловъ, которые не нашли ничего лучшаго, кромѣ отступленія отъ Силистріи. Если бы кто-нибудь сказалъ иное, я послѣдовалъ бы его совѣту». Екатерина упрекала его за вредное уныніе, подтверждала вновь начинать дѣйствіе, если только возможно, по крайней мѣрѣ приготовиться къ походу на будущій годъ, такъ чтобы этотъ походъ заградилъ уста непріятелямъ Россіи и принудилъ къ миру непріятеля, «явно трепещущаго силы русскаго оружія вездѣ, гдѣ только онъ встрѣчаетъ русскихъ».

Новое дѣло Суворова подтвердило слова Екатерины. Видя благоволеніе къ нему императрицы, Румянцевъ измѣнилъ обхожденіе съ нимъ, изъявилъ ему свою благосклонность, перевелъ его въ главный корпусъ и поручилъ самое опасное дѣло: велѣлъ охранять Гирсово, занимаемое русскими за Дунаемъ. Войска дано было Су-

ворову менѣе 2.500 человѣкъ, считая въ томъ числѣ нѣсколько сотъ казаковъ. Опасность была очевидная, хотя пользы никакой предвидѣть было невозможно. Суворовъ незадолго передъ тѣмъ жестоко ушибся, упавъ съ лѣстницы, и нѣсколько дней едва могъ дышать. Онъ ожилъ, слыша о милостяхъ императрицы, радовался своему новому назначенію, не думалъ о трудности дѣла и въ половинѣ августа прибылъ въ Гирсово. Видя слабость своего отряда и невыгодность мѣстоположенія, онъ укрѣпилъ Гирсово двумя новыми шанцами, съ глубокимъ рвомъ. Непріятель не заставилъ себя ждать. Визирь хотѣлъ отнять единственное, оставшееся въ рукахъ русскихъ мѣсто за Дунаемъ. Сентября 3-го явилось къ Гирсову 11.000 турковъ. Приготовляясь отразить ихъ, Суворовъ не спалъ всю ночь и на разсвѣтѣ самъ обозрѣвалъ положеніе непріятеля, простоявшаго ночь на мѣстѣ. Онъ засмѣялся, когда турки, предводимые французскими офицерами, вздумали показать здѣсь первый примѣръ правильнаго боя, строились на полѣ, имѣя янычаровъ и артиллерію въ срединѣ, а спаговъ по бокамъ. «Варвары хотятъ биться строемъ! За то имъ худо будетъ!» сказалъ Суворовъ. Строй оттоманскій недолго продержался. Всадники турецкіе кинулись впередъ, столь быстро, что Суворовъ и бывшіе при немъ едва успѣли вскочить въ русскій шанецъ черезъ рогатки. Приказано было

допускать турковъ ближе, слабо отбиваясь, даже бѣжать изъ перваго шанца во второй. Хитрость удалась. Думая, что русскіе робѣютъ, турки бросились въ бѣшеной ярости, были встрѣчены картечами скрытой батареи, смѣшались, ударили снова и были снова смѣшаны. Тогда двѣ скрытыя колонны пѣхоты ударили на

нихъ въ штыки съ фланговъ; конница врубилась въ средину, бѣгство турковъ было столь поспѣшно, что вся артиллерія ихъ 9) пушекъ) осталась на мѣстѣ. Русскіе преслѣдовали бѣгущихъ верстъ на тридцать. Янычары сбрасывали съ себя одежду, дабы легче было бѣжать, и спасались полунагіе. Весь корпусъ непріятельскій разсѣялся. Болѣе 1.000 человѣкъ непріятелей было убито.

Но если эта битва Суворова снова доказывала „возможность побѣдъ", новое предпріятіе Румянцева показало, что гдѣ не было Суворова, побѣда доставалась нелегко. Главнокомандующій рѣшился отправить часть войска за Дунай. Генералъ-поручику Унгарну, опредѣленному на мѣсто Вейсмана, велѣно идти изъ Измаила, а генералъ-майору князю Ю. В. Долгорукому—изъ Гирсова, пока Потемкинъ будетъ безпокоить турковъ пальбою по Силистріи и Салтыковъ станетъ угрожать Рущуку. Суворову приказано находиться при Долгорукомъ. Онъ отказался и по болѣзни просилъ увольненія. Можетъ быть, онъ осмѣлился замѣтить о безполезности предпріятія, начинаемаго безъ всякой цѣли, глубокою осенью. Румянцевъ, мнимо или дѣйствительно больной, находился тогда въ Браиловѣ. Онъ прислалъ увольненіе Суворову. Суворовъ уѣхалъ изъ дѣйствующей арміи и всю зиму прожилъ въ Кіевѣ.

„Точнаго ничего предписано не было", говоритъ Долгорукій о своемъ задунайскомъ походѣ. Соединясь съ Унгарномъ, онъ дошелъ до Базарджика и разбилъ небольшой отрядъ турковъ. Тогда получили новый приказъ Румянцева. „По обыкновенію своему, точнаго повелѣнія онъ не давалъ, а писалъ: нѣтъ ли возможности сдѣлать покушеніе на Шумлу". Унгарнъ отказался и пошелъ къ Варнѣ, посмотрѣть, не удастся ли ему сдѣлать какого поиска на эту крѣпость. Долгорукій отправился къ Шумлѣ. На другой день начались дожди, развели страшную грязь, и Долгорукій съ трудомъ воротился изъ-за Дуная. Еще хуже поступилъ Унгарнъ. Онъ приблизился къ Варнѣ и вздумалъ штурмовать ее. Войско подошло ко рвамъ, и тогда только замѣтили, что рвы глубоки и безъ фашинъ и лѣстницъ стѣны Варны недоступны. Потерявъ 800 человѣкъ и бросивъ 6 пушекъ, завязшихъ въ болотѣ, Унгарнъ убрался въ Измаилъ.

Екатерина изъявила сожалѣніе, что походъ за Дунай не былъ предпринятъ полугодомъ ранѣе. „Если мы также опоздаемъ и въ слѣдующемъ году,—писала она,—то ни пользы, ни чести, ни славы не будетъ въ подобныхъ распоряженіяхъ. Вѣрю усердію, но повторяю, что свѣтъ судитъ по дѣламъ". Потемкинъ испросилъ тогда себѣ увольненіе изъ арміи, считая себя обиженнымъ по службѣ, ибо Вейсманъ и Суворовъ, оба моложе его въ чинахъ, получили георгіевскіе кресты 2-й степени. Честолюбіе его могло утѣшиться пріемомъ въ Петербургѣ. Румянцева не могли оскорбить награды Потемкину, но съ досадою увидѣлъ онъ благоволеніе императрицы къ Суворову. Вопреки немилости фельдмаршала, въ началѣ 1774 года Суворовъ, пожалованный въ генералъ-поручики, снова явился въ армію по волѣ императрицы. Смерть султана

Мустафы и вступленіе на престолъ оттоманскій Абдулъ-Гамида отнимали надежду на заключеніе мира. Пятидесятилѣтнее дитя, жившій дотолѣ въ тюрьмахъ серальскихъ, слабоумный властитель оттоманскій былъ игрушкою корыстолюбивыхъ сановниковъ, коими управляли европейскіе дипломаты. Война за Дунаемъ въ 1771 и 1773 годахъ оживила турковъ. Они уже не боялись русскихъ, и дѣйствія Румянцева заставляли улыбаться Фридриха, называвшаго прежнія побѣды его „побѣдами кривыхъ надъ слѣпыми". „Русскіе,—говорилъ онъ,—не понимаютъ ни кастрометаціи, ни тактики". Несмотря на раздѣлъ Польши, Австрія вела переговоры съ султаномъ, обѣщая принудить Россію мириться. Шестилѣтняя война утомляла войско и народъ, а между тѣмъ юго-востокъ Россіи былъ объятъ пламенемъ бунта, и Пугачевъ, противъ коего послали Бибикова, становился день ото дня болѣе опаснымъ. Кончить турецкую войну миромъ честнымъ, если уже не славнымъ, была необходимость государственная. Екатерина усилила армію на Дунаѣ до 50.000 человѣкъ. Взоры всѣхъ обращались на Румянцева. Отъ него ждали побѣдъ Европа, Россія, Екатерина, а онъ совершенно упалъ духомъ. Если кампаніи 1771 и 1773 годовъ показывали недоумѣніе, нерѣшительность его,—по крайней мѣрѣ въ нихъ видна была какая-то цѣль, но въ планѣ дѣйствій Румянцева въ 1774 году невозможно было видѣть даже никакой цѣли.

Онъ раздѣлилъ армію на три корпуса. Центральный, подъ личнымъ его начальствомъ, долженъ былъ перейти за Дунай и опять обложить Силистрію, когда правый корпусъ, подъ начальствомъ Салтыкова, осадитъ Рущукъ, а лѣвый, командуемый генералъ-поручикомъ Каменскимъ, пойдетъ влѣво, стараясь вытѣснить главную турецкую армію изъ Шумлы. Силистрія и Рущукъ были защищаемы сильными корпусами. Прошлогоднія покушенія русскихъ на Силистрію могли доказать трудность взятія этой крѣпости. Слабый корпусъ Каменскаго не былъ въ состояніи отважиться на большія предпріятія противъ Шумлы, неприступной по ея положенію въ горахъ. Кажется, все рѣшеніе войны Румянцевъ предоставлялъ счастливой случайности. Насъ утверждаетъ въ этомъ мнѣніи донесеніе его Екатеринѣ, требовавшей отъ него плана его военныхъ предположеній: „Планы, при началѣ войны предполагаемые, подвержены столькимъ перемѣнамъ, что при сближеніи съ непріятелемъ должно предоставлять военачальнику расположеніе дѣломъ, какъ время, удобства и обстоятельства ему покажутъ".

Назначеніе Суворова показало явное нерасположеніе Румянцева. Сначала оставили его въ резервахъ и поручили ему наблюденіе за дунайскимъ берегомъ отъ Гирсова до Силистріи. Онъ осмѣлился подать фельдмаршалу свое мнѣніе о походѣ за Дунай. Отвѣтомъ былъ приказъ присоединиться къ корпусу Каменскаго и состоять въ его повелѣніяхъ, какъ генерала старшаго по чину (Каменскій произведенъ былъ въ генералъ-поручики однимъ годомъ прежде Суворова). Не знаемъ, или неохотно повиновался Суворовъ оскорбительному повелѣнію, или усматривалъ несообразность распоря-

женій Румянцева, предвидя, что съ Каменскимъ, упрямымъ, своенравнымъ, вспыльчивымъ, ему невозможно будетъ поладить, но онъ двинулся медленно, такъ что когда Каменскій пришелъ къ Муса-Бей 1-го іюня и 2-го іюня перешелъ въ Базарджикъ, откуда оттѣснилъ небольшой отрядъ турецкій, пять дней ждалъ онъ здѣсь Суворова, всегда удивлявшаго быстротою. Выступивъ изъ Гирсова 16-го мая, Суворовъ шелъ сначала на Силистрію, отъ Кучукъ-Кайнарджи повернулъ вправо и сблизился съ Каменскимъ уже 8-го Іюня, въ Утенлы.

Едва соединились здѣсь войска, получено извѣстіе, что за густымъ Деліорманскимъ лѣсомъ, при селеніи Козлуджи, находилось 40.000 турковъ, посланныхъ на Гирсово. Суворовъ еще не успѣлъ стать лагеремъ и отдохнуть, когда изъ лѣса показались толпы арнаутовъ. Каменскій отправилъ на нихъ свою конницу. Арнауты опрокинули ее. Суворовъ удержалъ ихъ пѣхотою, но натискъ былъ такъ силенъ, что и здѣсь русскіе уступили. Суворовъ ускакалъ къ слѣдовавшимъ за первымъ отрядомъ его, двумъ гренадерскимъ и одному егерскому батальонамъ. Всадники турецкіе гнались за нимъ, и только быстрота лошади спасла его. Одинъ изъ батальоновъ не успѣлъ даже построиться въ каре и сталъ треугольникомъ. Картечи охолодили горячку нападающихъ; они были опрокинуты и бѣжали въ лѣсъ. Каменскій не двигался съ мѣста, полагая достаточнымъ, если нападеніе турковъ отбито. Суворовъ осмотрѣлъ лѣсъ и повелъ свой корпусъ впередъ, не спрашиваясь приказа своего начальника. Жаръ былъ нестерпимый. Солдаты падали полумертвые отъ усталости. Дорога въ лѣсу была такъ узка, что только четверо могли идти рядомъ. Послѣ семи верстъ перехода черезъ лѣсъ, войско выступило на долину. Вдали видно было на возвышеніи, верстахъ въ шести отъ лѣса, мѣстечко Козлуджи, и за нимъ въ долинѣ скрывался обширный турецкій лагерь. Турки устроили батареи. Подъ выстрѣлами ихъ войско, выходя изъ лѣса, устроилось въ четыре карея, имѣя конницу по бокамъ. Быстро пошли русскіе на батареи, овладѣли ими и двинулись къ лагерю. Янычары и спаги встрѣтили ихъ, нападали отчаянно, даже врѣзывались въ кареи съ кинжалами, и гибли, отбиваемые штыками и преслѣдуемые конницею. Русскіе стройно дошли до лагеря турецкаго. Съ высоты загремѣли русскія пушки. Тщетно предводитель турковъ ободрялъ ихъ, хотѣлъ остановить, удержать—все въ безпорядкѣ предалось бѣгству. Солнце заходило, когда Суворовъ вошелъ въ богатый турецкій лагерь и отдалъ его на грабежъ солдатамъ. Гусары преслѣдовали бѣгущихъ; 3.000 турковъ было убито; нѣсколько сотъ взято въ плѣнъ; въ лагерѣ досталось побѣдителямъ 40 пушекъ и 80 знаменъ. Къ ночи подошли остальныя войска изъ корпуса Суворова. На другой день явился Каменскій. Онъ не думалъ упрекать Суворова въ непослушаніи и поступилъ гораздо хуже—приписалъ успѣхъ битвы себѣ, увѣдомляя Румянцева о своей славной козлуджійской побѣдѣ. Румянцевъ усердно поздравлялъ, благодарилъ его, и оскорбленный до глубины души Суворовъ объявилъ, что по болѣзни

служить болѣе не можетъ. Онъ явился въ Фокшанахъ къ Румянцеву, снова получилъ увольненіе и отправился въ Яссы, рѣшась не возвращаться болѣе подъ знамена кагульскаго побѣдителя.

Означимъ кратко остальныя дѣла кампаніи 1774 года. Русскіе обложили Рущукъ, Румянцевъ перешелъ за Дунай и блокировалъ Силистрію. Каменскій, награжденный за Козлуджи орденомъ св. Георгія 2-й степени, подошелъ къ Шумлѣ. Визирь ужаснулся, думая, что его отрѣзываютъ отъ Царьграда, и 10-го іюля въ лагерь къ Румянцеву явились послы турецкіе, а 23-го іюля выстрѣлы съ Петербургской крѣпости возвѣстили столицѣ о заключеніи мира съ Оттоманскою Портою.

Такъ кончилась первая, или Румянцевская, война съ турками въ царствованіе Екатерины. Туртукай, Гирсово и Козлуджи показали въ новомъ блескѣ воинскія дарованія Суворова. Все войско русское видѣло въ немъ героя. Умѣя мирить раздоры страстей, Екатерина не показала никакого неудовольствія Румянцеву за непріязнь его противъ Суворова, но она не выдала „своего генерала“ врагамъ его. И, когда Каменскій былъ такъ щедро награждаемъ за Козлуджи, Суворовъ на почтовой телѣжкѣ скакалъ въ Москву по повелѣнію императрицы. Екатерина указывала ему на новый подвигъ. Довѣренность къ нему императрицы была его наградою.

ГЛАВА IV.

Усмиренiе Пугачевскаго возмущенiя.—Кучукъ-Кайнарджiйскiй миръ.—Суворовъ въ Крыму и на Кубани.

ъ славный для Россiи кагульскiй годъ, когда Екатерина истребляла оттоманскiе флоты въ Архипелагѣ и управляла судьбами Польши, не боясь смѣлаго Iосифа и грознаго Фридриха, съ ихъ сотнями тысячъ войска австрiйскаго и прусскаго, едва замѣтила Европа внутреннее бѣдствiе Россiи, моровую язву и возмущенiе народное въ Москвѣ. Волненiе было ничтожно, произведенное невѣжествомъ нѣсколькихъ изувѣровъ, разсѣянное нѣсколькими картечными выстрѣлами. Не такимъ являлось смятенiе, возникшее на берегахъ Яика и Волги въ нерѣшительное время войны турецкой, явленiе самозванца, казавшееся непостижимымъ въ основанiи, но встревожившее Екатерину, когда ее не тревожили полчища оттомановъ и замыслы Австрiи, Пруссiи и Швецiи: говоримъ о возмущенiи Пугачева.

Вообще край, простирающiйся отъ Оки и Дона на юго-востокъ, вошелъ въ составъ Россiи въ позднѣйшее время. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Воронежъ, Пенза, Саратовъ, Уфа считались еще пограничными городами. Смѣшенiе русскихъ бродягъ, казацкой воль-

ницы, кочевыхъ и полуосѣдлыхъ племенъ калмыцкихъ, башкирскихъ, татарскихъ, киргизскихъ нѣсколько разъ было тамъ причиною гибельныхъ возмущеній. Тамъ являлись Разины и Булавины, бунтовали башкиры, и калмыки прикочевывали и откочевывали тысячами кибитокъ. Казалось, что въ половинѣ XVIII вѣка, когда власть царская утвердилась въ Оренбургѣ и очертила къ югу сибирскую линію, явленія буйнаго своеволія не могли существовать на Волгѣ и Яикѣ. Но такъ еще худо была тамъ устроена общественность, такъ еще слабо было тамъ мѣстное управленіе, что въ самомъ началѣ царствованія Екатерины началось сильное волненіе среди яицкихъ казаковъ, вольницы, заселившей берега Яика, подобно тому какъ собратія ихъ заселили нѣкогда Днѣпровскіе пороги, а другіе казаки засѣли по Дону. При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ яицкіе казаки признали власть царскую, но худо подчинялись они уставамъ, и когда Малороссія и донцы уже смиренно повиновались общимъ законамъ Русскаго государства, яицкіе казаки все еще буйствовали, особливо подкрѣпляемые изувѣрствомъ, ибо тамъ, въ отдаленіи, нашли себѣ пріютъ раскольники, гонимые изъ другихъ ближайшихъ мѣстъ Россіи. Съ 1762 года, стѣсняемые строгими постановленіями, яицкіе казаки явно забунтовали. Смятеніе длилось, утихало, вспыхивало снова, а въ 1771 году дошло до того, что послано было на Яикъ войско. Неожиданный успѣхъ ободрилъ мятежниковъ. Жестокое наказаніе слѣдовало послѣ мгновеннаго успѣха. Они еще разъ стихли, но ждали случая, ожидали предводителя, и едва явился среди нихъ отважный мятежникъ, бунтъ загорѣлся снова и разлился съ ужасающею силою.

Предводителемъ мятежниковъ былъ Емельянъ Пугачевъ, донской казакъ, родившійся въ 1729 году. Онъ отличался храбростью, ловкостью, умомъ, служилъ въ Семилѣтнюю войну, былъ въ турецкой войнѣ и послѣ взятія Бендеръ Панинымъ, въ 1770 году, пожалованъ былъ за отличіе есауломъ. Безумная мысль взволновала душу его. Несмотря на то, что въ звѣрообразномъ, безграмотномъ казакѣ никто не могъ бы признать умершаго императора Петра III, Пугачевъ вздумалъ присвоить себѣ его имя, явился на Яикъ и объявилъ, сперва за тайну, потомъ явно, видя легковѣріе невѣждъ, что онъ императоръ Петръ III, что о смерти его пронесли ложный слухъ и что онъ пришелъ къ своимъ вѣрнымъ казакамъ, поведетъ ихъ въ Москву, сядетъ на тронѣ, будто бы неправедно у него похищенномъ, возстановитъ старую вѣру, а бусурмановъ и нѣмцевъ велитъ переказнить. Можно вообразить себѣ подобное явленіе при Годуновѣ, но въ половинѣ XVIII столѣтія, послѣ десятилѣтняго царствованія Екатерины, оно казалось безуміемъ. Бываютъ иногда непостижимыя явленія въ лѣтописяхъ народовъ. На призывъ Пугачева откликнулись тысячи: раскольники, бѣглые русскіе, киргизы, башкиры, барскіе холопья сбѣжались къ нему отвсюду. Онъ овладѣлъ нѣсколькими небольшими крѣпостцами и въ октябрѣ 1773 года съ 3.000 бродягъ и 20 пушками осадилъ Оренбургъ, вовсе не готовый къ защитѣ. Импе-

ратрица отправила генерала Карра усмирить волненіе. Пугачевъ разбилъ его, и вся Волга обуяла мятежомъ. Вездѣ рѣзали, грабили помѣщиковъ и дворянъ, умерщвляли вѣрныхъ императрицѣ людей. Присылка письма и появленіе посланныхъ отъ Пугачева подымали селенія. Личная месть, всѣ страсти и вражды явились неисконча-емымъ источникомъ свирѣпства. Императрица отправила на Волгу Бибикова, только что возвратившагося изъ Варшавы. Съ малымъ, кое-какъ набраннымъ войскомъ, ибо русское войско сражалось тогда на Дунаѣ, удерживало Польшу и охраняло шведскія границы, Бибиковъ разбилъ злодѣя, когда онъ, имѣя уже 25.000 человѣкъ, осмѣлился на открытый бой. Пугачевъ бѣжалъ, но бунтъ не погасъ. Бибиковъ (въ апрѣлѣ 1774 года) неожиданно скончался. „Пугачевщина" (такъ называли возстаніе злодѣя) представила зрѣлище странное. Преслѣдуемый войскомъ, особливо отрядомъ Михельсона, храбраго полковника, неутомимо сражавшагося противъ мятежниковъ, Пугачевъ былъ всюду разбиваемъ, но каждое пораженіе, казалось, увеличивало силы его. Іюля 12 Пугачевъ напалъ на Казань; зажегъ и разграбилъ этотъ обширный городъ, бѣжалъ отъ Михельсона, слѣдовавшаго за нимъ по пятамъ, но возмутилъ и разграбилъ Курмышъ, Алатырь, Саранскъ, Пензу, Саратовъ — 20.000 вооруженной сволочи опять было у него.

Шутливо писавши къ Вольтеру и разсказывая ему, что бесѣдуетъ съ Гриммомъ и Дидеротомъ, мимоходомъ упоминала Екатерина въ письмѣ своемъ о появленіи „маркиза Пугачева", но на дѣлѣ она была смущена странными событіями. Всего страшнѣе были неизвѣстность и нелѣпые слухи, что даже въ Москвѣ распространяются ужасъ и смятеніе отъ неблагонамѣренныхъ толковъ. Императрица рѣшалась сама ѣхать на Волгу. Совѣты канцлера Панина убѣдили ее не придавать такой значительности бунту презрѣннаго самозванца. Но дѣло было однако жъ столь важно, что велѣно было отовсюду сдвинуть по возможности войска. Надобно было послать для управленія ими высшаго сановника. Панинъ указалъ на младшаго брата своего. Покоритель Бендеръ, по неудовольствіямъ съ Румянцевымъ и Орловымъ и по болѣзни жившій въ своей деревнѣ, почтительно принялъ повелѣніе императрицы, но требовалъ себѣ помощника. Выборъ предоставили ему. Онъ зналъ Суворова и указалъ на него, томимаго бездѣйствіемъ въ Яссахъ. По первому требованію Суворовъ явился въ Москвѣ.

Здѣсь главнокомандующій, князь Волконскій, вручилъ ему тайное, собственноручное повелѣніе императрицы. Восхищенный довѣренностью монархини, Суворовъ писалъ Панину (октября 13-го 1774 года): „Въ пріѣздъ мой въ Москву на кратчайшее время удостоился я получить письмо Е. И. В. Пріемлю его съ благоговѣніемъ: посѣщеніе милостью сколь благопріятно, столь и велико—собираю силы доказать мое усердіе".

Не медля ни минуты, поскакалъ онъ къ Панину, по болѣзни еще не выѣзжавшему изъ своей деревни. Получивъ его приказанія и полномочіе, Суворовъ пустился по слѣдамъ Пугачева, черезъ Арзамасъ, Пензу и Саратовъ. Путь изъ Молдавіи въ Москву

и изъ Москвы на Волгу Суворовъ совершилъ въ почтовой телѣжкѣ, несмотря на осеннее время. Панинъ, успокоенный пріѣздомъ своего дѣятельнаго помощника, донесъ императрицѣ, какъ усердно исполняетъ ея повелѣнія Суворовъ. Императрица спѣшила благодарить его, и въ Саратовѣ получилъ онъ собственноручное письмо императрицы. „Видя изъ письма графа Панина,—писала она,—что вы пріѣхали къ нему такъ скоро и налегкѣ, что кромѣ испытаннаго усердія вашего къ службѣ, иного экипажа при себѣ не имѣете и что тотчасъ отправились вы на пораженіе враговъ, за такую хвалы достойную, проворную ѣзду весьма васъ благодарю. Знаю, что ревность ваша проводникомъ вамъ служила, и ни малѣйшаго сомнѣнія не полагаю, что призвавъ Бога въ помощь, предуспѣете вы истребить злодѣевъ славы отечества вашего и общаго покоя, судя по природной вашей храбрости и предпріимчивости, но дабы вы скорѣе нужнымъ экипажемъ снабдиться могли, посылаю вамъ 2.000 червонцевъ“.

Въ Саратовѣ узналъ Суворовъ, что Михельсонъ еще разъ разбилъ толпы Пугачева подъ Царицынымъ и что Пугачевъ бѣжалъ за Волгу и скитается съ нѣсколькими сотнями казаковъ и бѣглецовъ по обширнымъ степямъ между Яикомъ и Волгою. Извѣстіе могло порадовать его, но должно было воспользоваться обстоятельствами и не дать снова усилиться возмущенію. Какъ рядовой офицеръ, самъ рѣшился преслѣдовать его Суворовъ, не думая о трудахъ и опасности. Поспѣшно явясь въ Царицынъ, составилъ онъ легкій отрядъ и принялъ надъ нимъ начальство, ибо никому не смѣлъ довѣрить поимки злодѣя, увѣренный, что пока не будетъ захваченъ Пугачевъ, зло не искоренится. Съ 300 пѣхотинцевъ, посаженныхъ на лошадей, двумя эскадронами конницы, 200 казаковъ и двумя пушками, Суворовъ переправился за Волгу.

Походъ былъ трудный, поспѣшный, при нестерпимыхъ жарахъ, среди обнаженныхъ степей, безъ обоза. Черезъ рѣку Еруслань Суворовъ достигъ до рѣкъ Большого и Малаго Узеней, гдѣ жили раскольники въ скитахъ. Здѣсь узнали, что Пугачевъ уже пойманъ. Преслѣдуемый со всѣхъ сторонъ онъ хотѣлъ бѣжать къ киргизамъ, но товарищи его, надѣясь испросить помилованіе и видя невозможность противиться, рѣшились предать его. Въ одной изъ крестьянскихъ избъ въ Узеняхъ задумчиво сидѣлъ Пугачевъ. Оружіе его лежало подлѣ него на столѣ. Три казака бросились на него, осилили, несмотря на отчаянную борьбу, связали злодѣя и повезли въ Уральскъ. Суворовъ спѣшилъ туда. На пути подвергся онъ неожиданной опасности. Ночью отрядъ его сбился съ дороги. Завидя вдали разложенный на степи огонь, отправились туда и наѣхали на толпу киргизовъ. Хищники, пользуясь смятеніями, грабили на Волгѣ и возвращались во-свояси. Встревоженные появленіемъ русскихъ, киргизы схватились за свои винтовки, выстрѣлили

въ отрядъ, ранили многихъ, между прочимъ Максимовича, адъютанта, который ѣхалъ рядомъ съ Суворовымъ, бывшимъ впереди. Принуждены были оружіемъ разсѣять толпу хищниковъ. Они разбѣжались отъ первыхъ выстрѣловъ. Суворовъ не думалъ преслѣдовать ихъ.

Въ Уральскѣ комендантъ Симоновъ сдалъ Суворову Пугачева. Приказавъ готовиться въ обратный путь, онъ хотѣлъ самъ проводить злодѣя. Сдѣлана была желѣзная клѣтка; ее поставили на двухколесную телѣгу и въ нее посадили Пугачева, окованнаго кандалами по рукамъ и по ногамъ. Три роты солдатъ, 200 казаковъ и 2 пушки взялъ съ собой Суворовъ и неусыпно надзиралъ самъ во все время пути. Въ деревнѣ Мостахъ на Иргизѣ, ночью

сдѣлался пожаръ. Опасаясь злоумышленій, Суворовъ не спалъ до утра и сидѣлъ подлѣ клѣтки Пугачева. Въ Самарѣ, послѣ 400-верстнаго перехода по степямъ, переправились черезъ Волгу, несмотря на бурную погоду, и въ Симбирскѣ Суворовъ представилъ своего плѣнника Панину. Подъ сильнымъ прикрытіемъ повезли Пугачева въ Москву, гдѣ судили и казнили его 10 января 1775 г.

Поимкою Пугачева не прекратилось смятеніе. Вся страна отъ Казани до Оренбурга была разорена, терпѣла отъ безначалія, была угрожаема голодомъ и болѣзнями. Суворову поручено умиреніе, успокоеніе, продовольствіе жителей и необходимое преслѣдованіе злоумышленниковъ. Ему ввѣрили начальство надъ 80.000 войска, расположеннаго по Волгѣ. Умъ и дѣятельность Суворова, правосудіе, снисхожденіе къ заблудшимъ долго потомъ оставались въ памяти жителей и заслужили ему благоволеніе Екатерины, умѣвшей примирять благосердіе съ строгостью закона и говорившей, что не всегда наказаніе должно быть предметомъ правосудія, но гораздо чаще милосердіе къ виновному.

Въ 1775 году Москва увидѣла зрѣлище величественное. Екатерина, побѣдительница оттомановъ, усмирительница Польши, безопасная отъ внутреннихъ бѣдствій, явилась праздновать миръ. Со временъ Елисаветы древняя столица не видала такого величія и великолѣпія. Императрица являлась, окруженная дворомъ, послами, полководцами своими, войскомъ—молчала объ ошибкахъ, награждала подвиги; милостямъ и наградѣ вождямъ, войску, народу не было счета. Празднества начались благодареніемъ Богу въ Успенскомъ соборѣ и привѣтомъ русской царицѣ отъ лица отечества въ Грановитой палатѣ. Имена Задунайскаго, Чесменскаго, Крымскаго увѣковѣчили память дѣлъ Румянцева, Орлова, Долгорукаго. Въ числѣ знаменитыхъ русскихъ вождей явился и Суво-

ровъ, вызванный императрицею въ Москву; ему пожалована была шпага, осыпанная брильянтами. Такъ умѣла взыскать и оцѣнить заслуги Екатерина. За пять лѣтъ бригадиръ, въ 1775 году онъ былъ уже генералъ-поручикъ и, кромѣ другихъ наградъ, кавалеръ орденовъ св. Анны, св. Александра Невскаго, св. Георгія 2-й степени. Императрица назначила его начальникомъ войскъ въ Петербургъ. Суворовъ просилъ позволенія остаться въ Москвѣ по домашнимъ дѣламъ и прожилъ здѣсь и въ деревняхъ своихъ болѣе года. Онъ считался на время при корпусѣ Салтыкова, расположенномъ около Москвы.

Посвятивъ жизнь свою военному званію, уже двадцать лѣтъ кочуя на поляхъ битвъ и забывая о свѣтскихъ обществахъ среди солдатъ, Суворовъ не думалъ объ управленіи имѣніемъ и еще менѣе о семейной жизни, оставаясь холостякомъ до 40 лѣтъ. Странный въ обществѣ, онъ не могъ нравиться женщинамъ, но престарѣлый отецъ уговорилъ его вступить въ супружество, и въ 1775 году Суворовъ женился на дочери сослуживца своего, князя И. А. Прозоровскаго, княжнѣ Варварѣ Ивановнѣ, внукѣ по матери достопамятнаго фельдмаршала, князя М. М. Голицына. На другой годъ скончался его родитель. Суворовъ былъ тогда въ Симбирскѣ. Онъ пріѣхалъ въ Москву, можетъ быть, думая усладить скорбь и горесть свою въ семейной жизни. Но супружество нашего героя не было счастливо. Несмотря на рожденіе дочери и потомъ сына, страстно любимыхъ отцомъ, онъ разстался съ ихъ матерью. Дочь его воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ. Сынъ оставался при матери. Въ 1779 году Суворовъ рѣшался даже просить о разводѣ. Императрица не согласилась. Можетъ быть, она надѣялась, что супруги примирятся. Суворовъ не хотѣлъ болѣе оставаться дома, гдѣ не находилъ счастія. Если и не было войны, онъ желалъ быть среди своихъ ратныхъ товарищей. Супруга Суворова разсталась съ нимъ и жила въ Москвѣ. Не смѣемъ обвинять и думаемъ, что здѣсь оправдалась истина: геній плохой семьянинъ, и ужиться съ нимъ могутъ всего менѣе его ближніе и семьяне...

„Долгъ императорской службы, — писалъ Суворовъ изъ Москвы (въ ноябрѣ 1776 года),—столь обширенъ, что всякій долгъ собственности въ немъ исчезаетъ: присяга, честность и благонравіе то съ собою приносятъ. Препроводивши почти годъ довольно спокойно, при новыхъ движеніяхъ войскъ, живо чувствую возросшую къ службѣ привязанность и жаждаю объ употребленіи меня въ службѣ, которой себя посвятилъ. Нынѣшній мой постъ того въ себѣ не замыкаетъ и я просился на него временно“.

Зимою 1776 года снова началась кочевая жизнь Суворова, и онъ навсегда отказался отъ мирной семейной жизни. Когда покоились другіе, онъ не отдыхалъ. Двѣнадцать лѣтъ, протекшихъ до второй турецкой войны, ознаменованы были его разнообразною дѣятельностью. Послѣдуемъ за нимъ, пока встрѣтимъ его опять на поляхъ битвъ.

Кучукъ-кайнарджійскій миръ заключилъ первый періодъ цар-

ствованія Екатерины. Торжествуя въ политикѣ и въ войнѣ, она исполнила мысль Петра Великаго — Черное море было доступно русскимъ.

Отъ Петра до Екатерины, съ 1711-го по 1774 годъ, предѣлы Россіи на югъ оставались неизмѣнно прежніе: Днѣпръ раздѣлялъ Россію отъ Польши, такъ что правый берегъ его, кромѣ Кіева, принадлежалъ Польшѣ, а немного ниже Кіева по правому берегу начинались области оттоманскія. Польская граница на западъ шла отсюда къ Каменцу. По лѣвую сторону до Самары берегъ днѣпровскій принадлежалъ Россіи. Здѣсь русская граница на востокъ простиралась къ Донцу, пересѣкала его и выше донского устья сходила черезъ степи къ Каспійскому морю. Все теченіе Буга, Ингула, низовья Днѣпра, устье Дона и обширныя области отъ рѣки Маныча до Кавказа были внѣ предѣловъ Россіи, считаясь владѣніемъ оттоманскимъ, хотя послѣ трактата 1675 года турки не имѣли права строить здѣсь города и заводить селенія, начиная съ береговъ Буга далѣе на востокъ. Такимъ образомъ тянулась здѣсь необозримая степь, гдѣ кочевали татары, простираясь въ Крымъ и далѣе за Азовское море, до Кубани и Кумы; тамъ граничили они съ горскими племенами, признававшими, какъ всѣ татарскія орды, власть султана. Только гнѣздо казацкой вольницы, Запорожская Сѣчь, заброшена была между татарскими племенами и считалась подвластною Россіи. Русская граница обезопасена была при Елисаветѣ заднѣпровскими поселеніями сербовъ, подъ именемъ Новой Сербіи, съ городами Елисаветградомъ и Новомиргородомъ, а далѣе, на лѣвомъ берегу Днѣпра, такъ называемою Украинскою линіей, рядомъ крѣпостей, при коихъ около Бахмута были опять заселенія сербовъ, подъ именемъ Славяно-Сербіи; за ними по Дону и далѣе къ Волгѣ шли станицы донцовъ, и между ними и Астраханью находились кочевья калмыковъ. Татары, остатокъ грозныхъ ордъ Чингисъ-Хановыхъ, дѣлились на три главные отдѣла: буджацкихъ—между Бугомъ и Днѣпромъ на Очаковской степи; ногайскихъ—между Днѣпромъ и Дономъ и за Дономъ къ Кубани, и крымскихъ—жившихъ осѣдло въ городахъ и селеніяхъ на Крымскомъ полуостровѣ, древней Тавридѣ, закрывающей Азовское море и узкимъ Перекопскимъ перешейкомъ примыкающей къ заднѣпровской степи. Тамъ, на древнихъ развалинахъ греческихъ и генуэзскихъ городовъ, были города татаръ: Бахчисарай, столица хановъ, Кафа, Ахмечетъ, Ахтіаръ, Козловъ.

Уже не опасны были Россіи ни оттоманы, ни татарскія орды, но, задвигая отъ Россіи благословенныя прибрежья Чернаго и Азовскаго морей, владѣя богатою Тавридой, татары являлись вѣчнымъ предметомъ ссоръ и междоусобій, тревожили предѣлы Малороссіи, угрожали набѣгами въ случаѣ разрыва съ Польшею и Турціею, ибо, жадные до грабежа и добычи, по первому слову султана сотни тысячъ татарскихъ всадниковъ выходили въ поле. На Фокшанскомъ конгрессѣ Екатерина требовала за миръ съ Турціею власти надъ всѣмъ черноморскимъ и азовскимъ побережьемъ по Дунай. Обстоятельства принудили ее впослѣдствіи уступить, но и притомъ

миръ Кучукъ-Кайнарджійскій былъ обиленъ важными послѣдствіями: Турція отдала Россіи прежнія завоеванія Петра Великаго— Азовъ, Таганрогъ, и, кромѣ того, еще крѣпость *Кинбурнъ*, на полуостровѣ, составляющемъ южный край Днѣпровскаго лимана. Пріобрѣтенія были незначительны, но важнѣйшее условіе заключалось въ объявленіи всѣхъ татаръ независящими отъ Турціи, съ предоставленіемъ имъ самобытнаго управленія. Россія принимала ихъ подъ свое покровительство и вслѣдствіе этого выговорила себѣ владѣніе крѣпостями Керчью и Еникольѣю, составлявшими ключъ Азовскаго моря. Оттоманы отказались отъ власти надъ всѣмъ прибрежьемъ Чернаго моря отъ Днѣстра до Кубани, съ правомъ свободнаго плаванія русскимъ кораблямъ по Черному морю. Имѣя Кинбурнъ, Керчь, Ениколь и Азовъ, Россія дѣлалась властительницею Азовскаго и Чернаго морей, хотя до времени и признавала татаръ независимыми.

Легко можно было предвидѣть слѣдствія. Татары, какъ покровительствуемые Россіею, передавали ей право прекращать всѣ внутреннія волненія и междоусобія между ними. Владѣя упомянутыми крѣпостями, Россія имѣла всѣ средства держать татаръ подъ рукою и приготовлять постепенно мѣры къ совершенному покоренію Крыма и черноморскихъ прибрежьевъ. Это то важное дѣло обратило на себя вниманіе императрицы послѣ первой Турецкой войны и въ теченіе девяти лѣтъ было совершено тихо и мирно, такъ что ни Турція, ни Европа не смѣли оспаривать законности владычества русской царицы, а татары не могли противиться политикѣ и силѣ русской. Суворовъ былъ однимъ изъ тѣхъ, на кого возложено было дѣло столь важное, требовавшее неусыпнаго попеченія, смѣлости и еще болѣе осторожной хитрости въ запутанныхъ политикою отношеніяхъ.

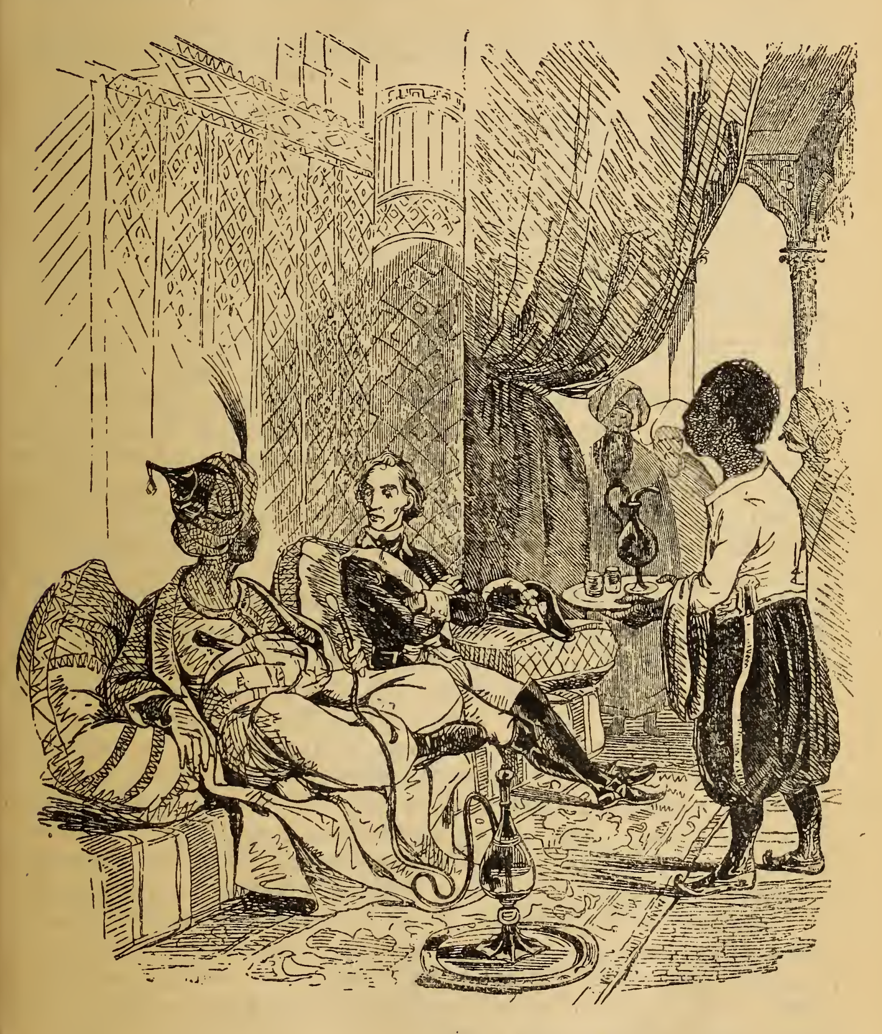
Партія, благопріятствовавшая Россіи, начала тѣмъ, что вмѣсто храбраго ненавистника Россіи, хана Девлетъ-Гирея, уговорила крымцевъ избрать въ ханы слабаго и малодушнаго Шагинъ-Гирея. Онъ былъ призванъ въ Петербургъ, обольстился великолѣпіемъ столицы, ласкою императрицы и европейскою роскошью. Подкрѣпляя избраніе его, русскія войска двинулись на Крымскій полуостровъ въ 1776 году подъ начальствомъ князя Прозоровскаго. Суворову велѣно находиться при немъ. Русскіе вступили въ Крымъ и безъ битвы разсѣяли Девлетъ-Гиреевыхъ приверженцевъ. Ханъ бѣжалъ въ Царьградъ. Шагинъ-Гирей былъ возведенъ на ханскій престолъ. Суворовъ охранялъ Перекопь. Гибельный климатъ тамошній такъ разстроилъ его здоровье, что онъ принужденъ былъ ѣхать въ Полтаву, гдѣ открылась у него горячка, и онъ былъ долго боленъ.

Едва оправился онъ, какъ получилъ повелѣніе зимою 1777 г. принять начальство надъ Кубанскою линіей. Желая отдѣлить задонскихъ ногайцевъ и черкесовъ отъ Крыма, предположили устроить рядъ укрѣпленій по новой русской границѣ и защитить ихъ войскомъ, подъ предлогомъ, что набѣги кавказскихъ горцевъ нарушаютъ спокойствіе русскихъ подданныхъ. Суворовъ осмотрѣлъ

всѣ мѣста отъ Азова до Тамани и распорядился строеніемъ небольшихъ редутовъ между Ениколью и Азовомъ на каждыхъ 70-ти верстахъ, съ прибавленіемъ между ними малыхъ укрѣпленій. Каждый редутъ охранялся ротою солдатъ съ двумя пушками. Три тысячи работниковъ выслано было съ Дона и всю зиму работа производилась дѣятельно. Суворовъ самъ былъ инженеромъ, принужденный между тѣмъ отбивать безпрерывные набѣги черкесовъ. Нерѣдко отправлялся онъ съ легкими отрядами навстрѣчу хищникамъ или, какъ удалый наѣздникъ, пускался въ погоню за ними.

Весною 1778 года князь Прозоровскій былъ отозванъ въ Петербургъ. Суворову поручили войска, стоявшія въ Крыму и въ низовьяхъ Днѣпра. Ему предстояло дѣло затруднительное. Видя русскихъ, безвыходно остававшихся въ Крыму, турки тайно сносились со своими тамошними приверженцами и рѣшились, наконецъ, отправить сильный флотъ на помощь имъ, занять главныя мѣста, возмутить татаръ и съ помощью ихъ изгнать русскихъ. Суворовъ проникалъ намѣренія непріятелей, но долженъ былъ поступать весьма осторожно, уклоняясь отъ начатія военныхъ дѣйствій, распоряжаясь именемъ Шагинъ-Гирея, дѣйствуя самовластительно, но скрывая власть и не возбуждая ропота между татарами. Онъ ввелъ въ Крымъ еще нѣсколько полковъ, разставилъ войско и артиллерію во всѣхъ опасныхъ мѣстахъ, захватилъ подъ стражу людей подозрительныхъ, не препятствовалъ другимъ бѣжать за Кубань и въ Турцію, пріѣхалъ въ столицу ханскую и, пируя въ раззолоченныхъ дворцахъ и розовыхъ садахъ бахчисарайскихъ, управлялъ Крымомъ именемъ хана. Слыша о выходѣ въ море турецкаго флота, состоявшаго изъ 160 судовъ, въ томъ числѣ 15 линейныхъ кораблей, Суворовъ отправился съ ханомъ обозрѣвать приморскія мѣста, учредилъ караулы по берегамъ и ждалъ появленія турковъ. Въ Ахтіарѣ, тамъ, гдѣ нынѣ возвышаются твердыни Севастополя и гдѣ всегда было главное мѣсто прихода турецкихъ кораблей, явились передовыя суда оттоманскія. Имъ не позволили войти въ гавань, и на вопросы присланныхъ съ флота чиновниковъ, почему русскія войска занимаютъ Крымъ и русскіе корабли находятся въ крымскихъ гаваняхъ, вопреки смысла трактатовъ, коими утверждена независимость Крыма, Суворовъ отвѣтствовалъ, что смятенія въ Крыму заставили хана просить пособія россійской императрицы и для безопасности его прислала она флотъ и войско. Когда спокойствіе будетъ возстановлено, русскіе очистятъ Крымъ, но не допустятъ теперь высадки турецкихъ войскъ и входа кораблей турецкихъ въ крымскія гавани, какъ явнаго нарушенія трактатовъ, принужденные въ случаѣ насилія отражать силу силою. Ханъ подтверждалъ слова Суворова. Несмотря на объясненія, турецкій флотъ подошелъ къ Ахтіарской гавани, предводимый храбрымъ Гассаномъ, капуданъ-пашою оттоманскимъ. Видя грозныя батареи по берегамъ и всюду неусыпную стражу, турки ничего не смѣли предпринять. Они просили позволить имъ налить бочки водою. Суворовъ отказалъ, боясь ухищре-

ній. Оставалось дѣйствовать оружіемъ. Не имѣя на то приказаній, Гассанъ не осмѣлился, плавалъ еще недѣли двѣ около крымскихъ береговъ и, терпя недостатки и болѣзни, принужденъ былъ отправиться обратно въ Царьградъ.

Между тѣмъ предположено было новое важное распоряженіе: желая усилить народонаселеніе по берегамъ Азовскаго моря, рѣшились переселить изъ Крыма армянскихъ и греческихъ христіанъ, издревле тамъ обитавшихъ и просившихъ покровительства императрицы. Ханъ не смѣлъ противиться. Нѣкоторые изъ его совѣтниковъ заспорили. Именемъ хана Суворовъ взялъ ихъ подъ стражу, какъ ослушниковъ ханской воли, и болѣе 20.000 армянъ и грековъ въ одно лѣто съ имѣніемъ и стадами своими оставили

Крымъ. Обширныя земли отведены были на Дону, близъ крѣпости св. Димитрія Ростовскаго, гдѣ армяне построили себѣ городъ Нахичевань, а греки основали Маріуполь и завели колоніи по берегамъ Азовскаго моря, оживляя земледѣліемъ и торговлею дикія пустыни.

Всѣ эти дѣла требовали дѣятельности необыкновенной и утомили Суворова, жестоко страдавшаго отъ нездороваго крымскаго климата.

„Не описать вамъ всѣхъ припадковъ слабостей моего здоровья,— писалъ онъ Потемкину,—а служба весь сей годъ была моя въ числѣ рядовыхъ, иначе до успѣха не достигъ бы; о помощи мнѣ судите по тому, что теперь повелѣваю съ однимъ поручикомъ и однимъ майоромъ за вѣстоваго—прочіе всѣ больны. Горячка съ лихорадкой насъ въ Бахчисараѣ захватила. Перемѣните мнѣ воздухъ—увидите еще во мнѣ пользу. Я чуть не умеръ. Найдите мнѣ способъ здоровье польготить—выдумайте, выдумайте, не теряйте времени—истинно пора—Богъ вамъ заплатитъ—жизнь пресѣчется—она одна: я еще могъ бы по службѣ угодить, если бы пожилъ...—Мнѣ здѣсь дѣла почти нѣтъ. Игельштрому пора быть на Кубани, а Рейтеру всего тамъ не управить. Мнѣ за нимъ черезъ проливъ не усмотрѣть, какъ бы прозраченъ ни былъ. Есть здѣсь въ запасѣ князь Багратіонъ—это послѣднее. Татары если не подняли носа, то и не поднимуть, и нынѣ наилучше тихи, а былъ бы хорошій командиръ на Кубани, да позвольте сказать, съ двумя генералъ-майорами—одному тяжело: не всякій во всѣ мѣста ускачетъ. Здѣсь тако-жъ надобно ихъ человѣка два, въ Козловѣ и на Салгирѣ. Неописанною Божіею милостью христіане выведены. Повертѣлись было здѣсь громадные стамбульцы. Но мы хотѣли сажать ихъ въ карантинъ, не давали имъ прѣсной воды, и съ недѣлю, какъ ушли они въ море, увѣряютъ, къ Румеліи... Нынѣ, если бы системѣ быть на прежнемъ положеніи, то по миролюбивому сложенію новаго турецкаго министерства, по очевиднымъ турецкимъ неудачамъ... моръ, изнуреніе... чего бы лучше Россіи дополнительнаго мира съ выгоднѣйшими кондиціями! Въ началѣ полезныя учрежденія въ протектованныхъ, вольныхъ здѣшнихъ областяхъ, несмотря ни на что, двоякія учинить, тако назаворотъ, съ хорошими командующими, но не собственничками. Въ протектованныхъ дружескихъ земляхъ для ихъ охраненія досталось бы оставить приличныя войска; прочія вывести и отвесть—всюду годятся, хоть до поры пусть отдыхаютъ. Прежнимъ кончу: во мнѣ здѣсь нынѣ почти нужды нѣтъ..."

Но ему велѣно было оставаться въ Крыму и продолжать устройство тамошнихъ дѣлъ.

Суворовъ зимовалъ въ Козловѣ (Евпаторіи) и весною 1779 года собралъ сильный корпусъ войска близъ Карасу-Базара, подъ предлогомъ смотра, дабы продолжить еще по какой-нибудь причинѣ пребываніе русскихъ въ Крыму. Видя невозможность устранить Крымъ отъ владычества русскаго, султанъ призналъ ханомъ Шагинъ-Гирея. Онъ хотѣлъ сохранить еще надъ нимъ тѣнь власти,

приславъ ему, какъ халифъ, или духовный властитель всѣхъ мусульманъ, почетный кафтанъ и саблю. Суворовъ не дозволилъ присланнымъ одѣть хана въ султанскій кафтанъ и препоясать саблею. Они принуждены были поднести кафтанъ и саблю просто, какъ подарки султанскіе, а не почетные знаки достоинства.

Лѣтомъ 1779 года русскія войска выступили изъ Крыма, но сильные отряды русскихъ остались въ Керчи,Ениколѣ, Кинбурнѣ, кромѣ находившихся на Кубани.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, не имѣя средствъ сопротивляться, лишенные предводителей, привыкшіе къ власти русской, благотворной, кроткой, страшной только противникамъ, крымцы уже не буйствовали. Суворовъ умѣлъ привлекать сердца дружескимъ обращеніемъ, шуткою, подарками, бесѣдовалъ съ мурзами на ихъ языкѣ, весьма хорошо объясняясь по-турецки, и не щадилъ угощеній и подарковъ. Заслуги его были награждены отъ императрицы драгоцѣнною золотою табакеркою, съ ея портретомъ, осыпаннымъ бриллиянтами. Ему ввѣрено было начальство надъ войсками, стоявшими въ южной Малороссіи. Нѣсколько мѣсяцевъ прожилъ онъ въ Полтавѣ. Зимою императрица приказала ему явиться въ Петербургъ. При первой встрѣчѣ съ Суворовымъ она сняла съ себя бриллиянтовую звѣзду александровскую и вручила ему, прося принять *въ знакъ памяти объ ея дружбѣ*, какъ выражалась она. Суворову препоручено было новое предпріятіе, для коего надлежало ему отправиться въ Астрахань и принять начальство надъ войсками по Волгѣ и надъ каспійскимъ флотомъ.

Екатерина помышляла о завоеваніяхъ за Кавказомъ, видя Персію слабою, беззащитною, терзаемою смутами и междоусобіями послѣ смерти Тахмасъ-Кулыхана. Она хотѣла возобновить предпріятія Петра Великаго, оставленныя его преемниками. Суворову надлежало осмотрѣть Астрахань и Каспійское прибрежье до предѣловъ Дагестана и сообразить способы, коими можно было упрочить завоеванія въ персидскихъ областяхъ, присоединеніе Грузіи къ Россіи и торговлю русскихъ въ Хиву, Бухару и Индію. Въ мартѣ 1780 года Суворовъ отправился изъ Петербурга, прожилъ лѣто и осень въ Астрахани, собралъ подробныя свѣдѣнія о мѣстности и средствахъ. Донесенія его показали невозможность приступить къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ, когда столь многое надлежало оканчивать ближе.

Зимою получилъ онъ начальство надъ войсками въ Казани, съ порученіемъ надзирать за устройствомъ областей приволжскихъ, гдѣ таились еще слѣды Пугачевщины.

Не видя рѣшенія императрицы по донесеніямъ своимъ, боясь козней враговъ, вредившихъ ему во всѣхъ дѣлахъ, обращавшихъ въ упрекъ подвиги и службу его въ Крыму (какъ увидимъ далѣе), опасаясь, что пребываніе его въ Астрахани было почетнымъ удаленіемъ отъ дѣлъ, Суворовъ грустилъ и унывалъ. „Сверстники мои поступаютъ въ управленіе генералъ-губернаторскими мѣстами,— писалъ онъ Потемкину.—Велика была бы милость, если бы и мнѣ таковую должность поручили и если бы она притомъ и отъ воен-

ной службы меня не отвлекала: сей службѣ посвятилъ я себя и милостью монархини буду ободренъ къ ежечасному употребленію себя къ ней“. Не получая отвѣта и видя, что распоряженія каспійскимъ флотомъ производятся безъ сношеній съ нимъ, „Воззрите милостиво,—писалъ Суворовъ,—на двухлѣтнее пребываніе здѣсь меня, оставленнаго безъ команды, безгласнаго и презрѣннаго“. Отвѣтъ Потемкина, полагавшаго пребываніе его въ Астрахани необходимымъ, успокоилъ его. Онъ прожилъ тамъ до конца 1781 года, когда императрица повелѣла ему вести казанскую дивизію войскъ къ устью Днѣпра: наступалъ рѣшительный часъ покоренія Крыма, приготовленный его прежнею дѣятельностью. Несмотря на всѣ предварительныя распоряженія, можно было опасаться, что присовокупленіе обширныхъ черноморскихъ областей и Крыма будетъ нелегко и громко отзовется въ Турціи и въ Европѣ. Надлежало дѣйствовать осторожно, готовя силы къ отпору, если бы потребовалось начать войну.

Предлогомъ похода русскихъ былъ бунтъ крымцевъ противъ Шагинъ-Гирея. Осенью 1782 года Магметъ-Гирей, ближайшій родственникъ хана, возмутилъ татаръ. Бѣглецы крымскіе явились въ Крымъ изъ Турціи и изъ-за Кубани. Ничтожный ханъ бѣжалъ въ Кафу, оттуда на Донъ и просилъ помощи русскихъ. Весною 1782 года русскія войска вступили въ Крымъ, сопровождая Шагинъ-Гирея. Магметъ-Гирей, уже избравшій въ ханы Багатуръ-Гирея, старшаго брата Шагинова, былъ схаченъ и по приказанію Шагина побитъ каменьями какъ возмутитель. Богатуръ и другой братъ Шагинъ-Гирея, Арасланъ, были заключены въ тюрьму. Шагинъ-Гирей снова царствовалъ въ Бахчисараѣ, и имя его на ханскихъ монетахъ возвѣщало еще его царствованіе въ 1194 году эгиры, когда уже едва ли можно было назвать царствованіемъ правленіе Шагина подъ опекою русскихъ и подъ штыками русскихъ полковъ. Русскія войска уже не выходили изъ Крыма, занявши Ахтіаръ, подъ предлогомъ, что турецкій флотъ снова явился близъ Крыма и даже высадилъ небольшой отрядъ на Тамань.

Дѣйствіями въ Крыму распоряжалъ генералъ де-Бальменъ. Суворовъ находился въ Азовѣ, начальствуя надъ кубанскимъ корпусомъ, состоявшимъ изъ 12 батальоновъ пѣхоты, 20 эскадроновъ конницы и 6 казачьихъ полковъ. Кромѣ войскъ въ Крыму и на Кубани, отдѣльные корпуса собраны были въ Подоліи противъ Хотина, подъ начальствомъ князя Н. В. Рѣпнина; въ Умани, подъ начальствомъ И. П. Салтыкова; на Кавказокой линіи, подъ начальствомъ П. С. Потемкина. Всѣми войсками предводительствовалъ человѣкъ достопамятный, по окончаніи турецкой войны возвысившійся среди другихъ государственныхъ мужей двора Екатерины. Черезъ немного лѣтъ самовластительно управлялъ онъ дѣлами политики и войны—

Рѣшитель дѣлъ въ войнѣ и въ мирѣ,
Могущъ, хотя и не въ порфирѣ,

по словамъ поэта, сказавшаго, что знаменитый царедворецъ умѣлъ взвѣсить мощь росса, духъ Екатерины, и, опираясь на нихъ, хотѣлъ бросить громъ на твердыни византійскія. Этотъ правитель русскаго государства былъ Потемкинъ.

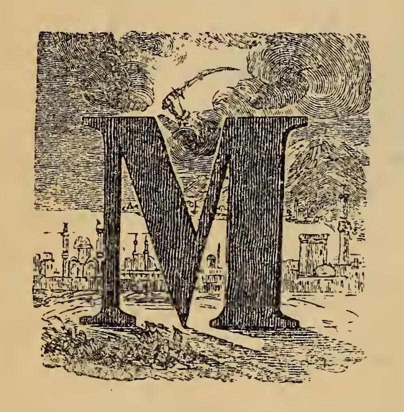
Препорученія, коимы занятъ былъ Суворовъ съ 1775-го и въ слѣдующіе за тѣмъ годы, принадлежали къ обширной системѣ дѣйствій, душою коихъ былъ Потемкинъ. Необходимо обратить здѣсь вниманіе на временщика при дворѣ Екатерины, ибо безъ того неполны и непонятны будутъ дѣла, слѣдствіемъ коихъ была вторая турецкая война, и самая война эта, составившая второй періодъ царствованія Екатерины.

ГЛАВА V.

Событія до второй турецкой войны.—Потемкинъ.—Покореніе Крыма.—Путешествіе Екатерины въ Тавриду.—Суворовъ генералъ-аншефъ.

ы видѣли Потемкина въ битвахъ первой турецкой войны, подъ знаменами Румянцева. Никто не оспаривалъ у него личной храбрости, но общая молва обрекала его на бездарность какъ начальника войскъ; порицали характеръ его, лѣнивый, безпечный; смѣялись надъ его честолюбіемъ неограниченнымъ и, уважая въ немъ только любимца императрицы, считали его изнѣженнымъ царедворцемъ и избалованнымъ сыномъ счастія.

Исторія возвышенія Потемкина любопытна. Бѣдный дворянинъ смоленскій, родившійся въ 1736 году, худо учившійся, странный мечтатель, долго не рѣшался Потемкинъ при началѣ поприща жизни, что ему выбрать: идти ли въ монахи, или вступить въ военную службу – избрать предметомъ честолюбія своего санъ митрополита, или чинъ фельдмаршала? Далѣе даже и самъ онъ не смѣлъ ничего ожидать. Исключенный изъ московскаго университета за нехожденіе на лекціи, онъ вступилъ въ гвардію, былъ вахмистромъ въ день восшествія на престолъ Екатерины, а черезъ полгода—камеръ юнкеромъ, черезъ пять лѣтъ—генералъ-майоромъ. Въ первый разъ находившись въ битвѣ подъ Хотиномъ въ 1769 году, онъ получилъ въ 1770 году крестъ Георгія 3-й степени за битву

при Ларгѣ, гдѣ главный трудъ русскимъ былъ догонять бѣжавшаго непріятеля; командовалъ корпусомъ въ 1771 году, надѣлалъ ошибокъ и произведенъ былъ въ генералъ-поручики. Послѣ неудачныхъ дѣйствій подъ Силистріею въ 1773 году, оскорбляясь, что его обошли наградами, Потемкинъ уѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь честолюбіе его могло утѣшиться: возвышеніе его было изумительно, награды сыпались на него. Черезъ два года онъ былъ уже генералъ-адъютантомъ, генералъ-аншефомъ, вице-президентомъ военной коллегіи, командиромъ всей легкой конницы и нерегулярныхъ войскъ, графомъ Россійской, свѣтлѣйшимъ княземъ Римской имперіи, кавалеромъ андреевскаго ордена, Георгія 2-й степени, орденовъ прусскихъ, шведскихъ, датскихъ, польскихъ. Не исчисляемъ дальнѣйшихъ почестей Потемкина. Онъ получилъ званія сенатора, подполковника гвардіи, шефа полка и сталъ выше всѣхъ, когда Орловы были удалены и Панинъ умеръ. Великопѣпные дворцы, обширныя помѣстья дарила ему императрица. Онъ получалъ 150.000 рублей жалованья, жилъ въ Зимнемъ Дворцѣ и видѣлъ униженными передъ собою всѣхъ вельможъ, дипломатовъ, старыхъ сановниковъ, прежнихъ товарищей и начальниковъ, не зналъ счета своимъ богатствамъ, говорилъ презрительно, что отказался отъ званія герцога курляндскаго, предложеннаго ему императрицею, и могъ бы, но не хочетъ быть королемъ польскимъ. Чего же хотѣлъ онъ? Имени человѣка великаго, оправданія подвигами неслыханныхъ наградъ: жаждалъ чести себѣ, славы Екатеринѣ, блага Россіи. По окончаніи первой турецкой войны начались дѣла Потемкина. Тогда вполнѣ раскрылись его дарованія необыкновенныя, его характеръ, изумлявшій противоположностями, смѣшеніе внѣшней безпечности и внутренней дѣятельности, европейской образованности и азіатской дикости, блеска и неопрятности, умѣнія изумлять умомъ и желанія казаться грубымъ невѣждою.

Таковъ былъ Потемкинъ. Не ошибались, когда почитали его неспособнымъ къ предводительству войсками, но ошибался тотъ, кто полагалъ, что Екатерина была слишкомъ пристрастна къ своему любимцу. Такъ могъ говорить только не знавшій дѣлъ Потемкина. „Всемогущая рука единовластителя, — говоритъ Карамзинъ, — одного ведетъ, другого мчитъ на высоту; медленная постепенность — законъ для множества, но не для всѣхъ“. Осудимъ ли за то? Пусть будутъ любимцы царей Потемкины и пусть будутъ они всемогущи.

Любя славу и величіе, какъ любила ихъ Екатерина, Потемкинъ думалъ, что европейскую силу Россіи всего болѣе умножитъ прочное устройство силъ воинскихъ, скрѣпленіе внутреннихъ частей государства и утвержденіе Россіи на югѣ, по берегамъ Чернаго моря, при слабости Турціи, когда Россія возобладаетъ черноморскими прибрежьями и будетъ имѣть тамъ сильный флотъ. Потемкинъ мечталъ даже, что Россія можетъ послѣ того отбросить турковъ изъ Европы въ Азію, подчинить себѣ Закавказье, покорить Эллинскій полуостровъ, раздвинуться въ Персію и Индію, уничтожить Польшу, — и если бы Европа захотѣла противиться такимъ домашнимъ распоряженіямъ русской царицы, Россія въ состояніи

будетъ вызвать на бой Европу. Всею дѣятельностью ума, всею силою средствъ Россіи приступилъ Потемкинъ къ исполненію своихъ предпріятій. Довѣренность императрицы къ нему была безпредѣльна. По данному единожды полномочію, простая записка Потемкина исполнялась какъ царскій указъ: онъ никому не давалъ отчета, кромѣ Екатерины. Собственно Потемкинъ занимался судьбою южной Россіи, отношеніями Турціи къ Россіи, устройствомъ войска и черноморскаго флота, но съ этими обширными предметами столь многое было связано: внутренное управленіе, политика Россіи въ Европѣ, всѣ части государственнаго управленія, что во все время съ 1775 года по 1791 годъ Потемкина можно было назвать самовластнымъ правителемъ Россіи.

Обозначимъ здѣсь нѣсколько главныхъ чертъ, могущихъ показать сущность преобразованій, произведенныхъ Потемкинымъ.

Предпринявъ присоединить къ Россіи черноморскіе берега и кавказскія угорья, Потемкинъ съ властію правителя всей южной Россіи отъ Астрахани до польскихъ границъ сначала укрѣпилъ предѣлы Россіи городами, заселилъ степи переселенцами, уничтожилъ гнѣздо буйныхъ запорожцевъ, преобразовалъ другія казацкія войска и, постепенно приготовляя покореніе Крыма усиленіемъ власти русской въ Крыму, заложилъ пристань русскому флоту въ устьѣ Днѣпра (Херсонъ). Войска русскія преобразовывались и дополнялись. Предѣлы около Кавказа заслонились новыми крѣпостями (Ставрополь, Александровъ, Георгіевскъ, Екатериноградъ, рядъ редутовъ къ Дону отъ Тамани). Съ Грузіею ведены были переговоры о подданствѣ; предполагаема была экспедиція въ Персію; шли переговоры съ Турціею и Австріею.

Среди этихъ трудовъ и предпріятій Потемкинъ казался попрежнему роскошнымъ, безпечнымъ царедворцемъ, жилъ въ Петербургѣ, иногда посѣщалъ области, ему подвѣдомственныя, и являлся въ своемъ Екатеринославлѣ,—но все видѣлъ онъ, зналъ, предусматривалъ, руководилъ своимъ умомъ. Поставленный выше всѣхъ другихъ вельможъ, онъ не могъ никому завидовать и презиралъ частныя и личныя отношенія. Передъ нимъ уничтожился Румянцевъ, которому предоставилъ Потемкинъ гордиться славою Кагула и почетнымъ званіемъ малороссійскаго генералъ-губернатора и начальника войскъ въ южной Россіи. Чувствуя, что его политическое и военное поприще кончено, скрывая свое негодованіе, видя невозможность преобороть власть Потемкина, Румянцевъ обращалъ гнѣвъ свой на людей, подозрѣваемыхъ имъ въ приверженности къ Потемкину. Въ числѣ такихъ, особенно гонимыхъ имъ, людей, былъ Суворовъ, ненавистный ему послѣ первой турецкой войны, когда Екатерина оградила его своею милостью отъ гоненій Румянцева.

Вѣроятно, что самое назначеніе Суворова при укрощеніи Пугачевщины происходило подъ вліяніемъ Потемкина. По крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ Суворовъ пользовался особеннымъ покровительствомъ Потемкина, прибѣгалъ къ защитѣ его отъ всякихъ преслѣдованій и, состоя подъ начальствомъ Румянцева, относился во

всѣхъ случаяхъ къ Потемкину. Есть преданіе, что почитая Суворова храбрымъ и искуснымъ генераломъ, Потемкинъ долго однако жъ считалъ его страннымъ чудакомъ, кромѣ войны ни къ чему негоднымъ. Екатерина хотѣла разувѣрить Потемкина, призвала къ себѣ однажды Суворова и начала разсуждать съ нимъ о дѣлахъ государственныхъ, когда Потемкинъ слушалъ, стоя скрытно за ширмами. Восхищенный умомъ Суворова, Потемкинъ не вытерпѣлъ, выбѣжалъ изъ-за ширмъ, обнялъ Суворова и поклялся ему въ дружбѣ. Разсказъ невѣроятный, несообразный съ характеромъ ни Суворова, ни Потемкина, который могъ узнать Суворова, служа съ нимъ въ первую турецкую войну. Предвидя неудовольствія, когда Румянцевъ назначилъ его въ крымскій корпусъ, въ 1777 г., подчинивъ Прозоровскому, Суворовъ писалъ Потемкину (изъ Ахмечети, въ іюлѣ 1777 года): „здѣсь мнѣ нечего ждать, и велика была бы милость, если бы препоручили вы мнѣ отдѣльный корпусъ“.—Когда по выздоровленіи своемъ послѣ крымской лихорадки, бывши въ Опошнѣ (близъ Полтавы), Суворовъ получилъ приказъ Румянцева опять отправиться въ Крымъ, онъ писалъ Потемкину (въ ноябрѣ 1777 года): „въ службѣ благополучіе мое зависитъ отъ васъ! Графъ П. А. опять посылаетъ меня въ Крымъ—не оставьте покровительствомъ!“ Потемкинъ перевелъ Суворова начальникомъ надъ Кубанскою линіею и устранилъ отъ власти Румянцева. Мы видѣли, какія важныя дѣла предлежали въ Крыму въ 1778 году—угроженіе турковъ высадкою, прекращеніе смятеній, переселеніе грековъ и армянъ изъ Крыма. Суворовъ былъ тогда посланъ въ Крымъ вмѣсто Прозоровскаго уже по волѣ Потемкина. Имѣя тайныя повелѣнія, онъ поступалъ смѣло и рѣшительно. Мы не повѣрили бы, если бы не имѣли безспорныхъ доказательствъ, что герой Кагула унизился тогда до мелкой, ничтожной интриги противъ Суворова. Не зная тайныхъ повелѣній, данныхъ ему, онъ противился своевольнымъ, какъ онъ думалъ, распоряженіямъ Суворова, писалъ къ хану, останавливалъ переселенія крымскихъ христіанъ, требовалъ строгаго отчета, даже поощрялъ низкихъ клеветниковъ, увѣрявшихъ, что Суворовъ грабитъ Крымъ, допускаетъ своевольство солдатъ, беретъ подарки отъ хана. Въ тайной запискѣ Потемкину Суворовъ съ негодованіемъ и прискорбіемъ опровергалъ клеветы. «Говорятъ,—писалъ онъ,—будто я сказалъ, что иду завоевать Крымъ. Нѣтъ! я хвастаю только тѣмъ, что сорокъ лѣтъ служу непорочно. Говорятъ, будто я требовалъ у хана—стыдно сказать—красавицъ, но я, кромѣ брачнаго, ничего не разумѣю. Говорятъ, будто я требовалъ: аргамаковъ, а я ѣзжу на подъемныхъ; лучшихъ уборовъ—да ящика-то у меня для нихъ нѣтъ; драгоцѣнностей—да, у меня множество брильянтовъ изъ высочайшихъ въ свѣтѣ ручекъ; индѣйскихъ парчей—а я, право, и не зналъ, есть ли онѣ въ Крыму!» Суворовъ не скрывалъ и именъ клеветниковъ и, горько жалуясь на Румянцева, «фельдмаршала я непрестанно боюсь,—писалъ онъ.—По выводѣ хрисіанъ порадовалъ было онъ меня письмомъ къ хану, а послѣ прислалъ другое, гдѣ меня ему выдаетъ. Кажется, такое дѣло низковато. Мнѣ

пишетъ онъ будто изъ облака! Только все поздно: христіане выведены, а его распоряженія успѣху были бы явною помѣхою. Боюсь я его сіятельства, очень боюсь! Хотя бы уже онъ, купоросность отлагая, равнодушно смотрѣлъ лучше въ конецъ или терпѣливо ждалъ бы его. А то по мечтѣ какой-то изъ Иліады, особливо, Боже сохрани, въ прицѣпкѣ по мнимымъ неудачамъ, выбьетъ онъ мнѣ изъ своихъ Вишенокъ (имя деревни, гдѣ жилъ тогда Румянцевъ) костьми и мозгъ, и глаза... Преподанія его обыкновенно послѣ иліаднаго экстракта брань, иногда облеченная розами. Дрожалъ я за Ахтіаръ, ибо отъ него о томъ не имѣлъ ни слова, кромѣ темныхъ амблеммъ. А потомъ на концѣ похвалилъ, будто я его повелѣнія выполнилъ! Дрожу и нынѣ по христіанамъ, ибо въ производствѣ кромѣ брани ничего не было, а въ С. Петербургѣ красно отзываться великому человѣку можно! И за турковъ боюсь чего-нибудь. Не освѣщаются ли нынѣ и прежнія мои невинныя страданія, происходившія только отъ неожиданныхъ мною успѣховъ? По общему правилу, судьба и воля: послѣдняя въ мѣрахъ человѣческихъ, а первая въ благословеніи Божіемъ. У тварей нашего рода отнимающіе время пороки мною не обладали: и началъ я жить отъ мушкета!»

Потемкинъ защищалъ своего любимца и перевелъ его въ Астрахань. Когда наступило рѣшительное мгновеніе покорить Крымъ, Суворовъ былъ опять призванъ Потемкинымъ на мѣсто дѣйствія. Ему поручили дѣло, гдѣ наиболѣе требовались дѣятельность и смѣлость, именно кубанскій корпусъ, то-есть войска, занимавшія восточный и южный берега Азовскаго моря. Первый и второй корпуса, Салтыкова и Рѣпнина, близъ Умани и Хотина, были только наблюдательные за движеніями Турковъ, а равно и корпусъ П. С. Потемкина на Кавказской линіи; третій корпусъ, стоявшій въ Малороссіи, былъ резервный. При четвертомъ, дѣйствующемъ, гдѣ начальствовалъ де-Бальменъ, находился самъ Потемкинъ. По занятіи Крыма войсками, когда флотъ русскій изъ Азова, Керчи, Ахтіара и Николаева окружилъ крымскіе берега, всякое сопротивленіе крымцевъ сдѣлалось невозможно. Но можно было опасаться, что подкрѣпляемые турками изъ Анапы, надѣясь на пособіе кавказскихъ горцевъ, усиленные бѣглецами изъ Крыма и кочуя на привольныхъ степяхъ, ногайцы воспротивятся распоряженіямъ русскаго правительства. Движенія ногайцевъ долженъ былъ наблюдать Суворовъ, поступая съ ними дружелюбно, но готовя оружіе и предупреждая враждебные замыслы. Корпусъ его состоялъ изъ 12 батальоновъ пѣхоты, 20 эскадроновъ драгуновъ и 6 казачьихъ полковъ; 24 большія орудія были при немъ.

Зимою 1782 года происходили переговоры съ Шагинъ-Гиреемъ и его царедворцами, мурзами и духовенствомъ татарскимъ. Они должны были добровольно покориться Россіи. Предложили хану жить, гдѣ ему угодно, въ Россіи или въ Турціи, получая отъ Русскаго правительства 200.000 рублей жалованья и оставляя при себѣ гаремъ и дворъ свой. Крымцамъ обѣщаны были свобода мугаммеданской религіи, подтвержденіе правъ, безопасность имѣній.

Краснорѣчіе золота и страхъ оружія русскаго рѣшили сомнѣнія, когда буйныхъ противниковъ уже давно не было въ Крыму.

Лѣтомъ 1783 года совершилось разрушеніе Крымскаго царства, послѣдняго остатка владычества монголовъ въ Европѣ. Въ маѣ Суворовъ ѣздилъ въ Херсонъ, отдалъ отчетъ Потемкину въ переговорахъ своихъ съ ногайцами и возвратился въ Азовъ, гдѣ торжественно разыграно было историческое позорище покоренія ногайцевъ со всею полудикою азіатскою поэзіею.

Укрѣпивъ войсками пограничные редуты и крѣпости, отъ Тамани до Азова, Суворовъ назначилъ для собранія ногайцевъ городокъ Ейскъ, на юго-восточномъ берегу Азовскаго моря. Туда съѣхались три тысячи ногайцевъ. Суворовъ предложилъ имъ условія, на которыхъ Шагинъ-Гирей слагаетъ съ себя званіе ханское и передаетъ русской императрицѣ владычество надъ всѣми татарскими ордами. Въ числѣ ногайцевъ были Муса-Бей, султанъ Чамбурлукской орды, и Галлиль-Эффендій, султанъ орды Гедисанской, оба приверженные Россіи и друзья Суворова. Они умѣли убѣдить своихъ подвластныхъ и товарищей не противиться судьбѣ Божіей и волѣ ханской. Пиръ на степи заключилъ переговоры. Суворовъ успѣлъ уговорить ногайцевъ не только покориться, но даже убѣдилъ многихъ султановъ переселиться съ Кубанской степи на раздольныя кочевья за Волгою. Положено было съѣхаться всѣмъ ногайцамъ въ Ейскъ къ 28-му іюня, дню вступленія на престолъ императрицы, выслушать отреченіе Шагинъ-Гирея и присягнуть въ вѣрности русской царицѣ.

Въ назначенный день степь вокругъ Ейска покрылась татарскими кибитками. Суворовъ придалъ сколько можно болѣе торжественности празднику. Русское войско стояло подъ ружьемъ. Послѣ обѣдни въ полковой церкви Суворовъ со своимъ штабомъ явился въ кругу ногайскихъ предводителей. Торжественно читанъ былъ манифестъ Шагинъ-Гирея, гдѣ отрекался онъ отъ своего ханства и передалъ власть русской императрицѣ. Всѣ ногайцы присягнули на коранѣ въ вѣрности новой властительницѣ и привели къ присягѣ своихъ подвластныхъ. Многимъ мурзамъ объявлены были чины штабъ и оберъ-офицеровъ русской службы. Начался пиръ. Сто воловъ и 800 барановъ было сварено и изжарено, и при пушечной пальбѣ и звукахъ полковой музыки, съ коими сливались восклицанія татаръ, ура русскихъ и заунывные звуки татарскихъ пѣсенъ и волынокъ, болѣе шести тысячъ ногайцевъ засѣли на разостланныхъ коврахъ. Суворовъ и русскіе офицеры и солдаты угощали своихъ гостей. Забывая заповѣди корана, гости дружно осушали кружки съ виномъ и пивомъ. Пиръ заключили конскія скачки. На другой день, въ именины наслѣдника, угощеніе возобновилось. Ногайцы отправились во-свояси, повторяя клятвы вѣрности.

Такъ совершено было покореніе обширныхъ областей черноморскихъ. Крымъ былъ переименованъ Тавридою и подчиненъ Потемкину. Заслуги Потемкина награждены были чиномъ фельдмаршала, званіемъ президента военной коллегіи и шефа кавалергардскаго полка. Труды Суворова наградила императрица орденомъ св. Вла-

диміра 1-й степени, учрежденнаго за годъ передъ тѣмъ. «Усердная и ревностная служба ваша, доказанная искусствомъ въ части вамъ порученной,—писала императрица въ рескриптѣ,—особливое радѣніе въ дѣлахъ, вамъ ввѣренныхъ, а наипаче исполненіе предлежавшаго вамъ по случаю присоединенія кубанскихъ народовъ къ имперіи Россійской обращаютъ на васъ наше вниманіе и милость».

Все казалось тихо и покойно въ Крыму, но опасенія касательно ногайцевъ оправдались. Далеко не общее было ихъ согласіе, и упреки товарищей вскорѣ заставили многихъ присягнувшихъ императрицѣ раскаяться въ своей поспѣшности. Первымъ зачинщикомъ волненія явился легкомысленный Шагинъ-Гирей, презираемый бывшими подданными его и угрожаемый проклятіемъ духовенства мусульманскаго за покорность иновѣрнымъ гяурамъ. Закубанская сторона возмутилась. Напрасно Муса-Бей и Галиль-Эффендій удерживали ногайцевъ. Начались кровавыя междоусобія. Муса-Бей былъ раненъ въ битвѣ съ мятежниками. Бунтъ разлился по Ейской степи. Ногайцы, шедшіе на поселеніе за Волгу и уже находившіеся близъ Дона, обратились на прежнія кочевья. Среди горскихъ народовъ явился изувѣръ Шихъ-Мансуръ и возбуждалъ ихъ къ возстанію именемъ Бога и Мугаммеда. Отважный наѣздникъ, султанъ Тавъ, провозгласилъ ханомъ ногайскимъ племянника Шагинъ-Гиреева. Наконецъ, самъ Шагинъ-Гирей бѣжалъ изъ Крыма и явился среди мятежниковъ.

Но, пируя съ ногайцами, Суворовъ предварительно принималъ охранительныя мѣры противъ своихъ друзей. Когда ногайцы поворотили обратно отъ Дона, ихъ встрѣтило русское войско и разсѣяло полчища ихъ, такъ, что болѣе 500 татаръ легло на мѣстѣ; остальные ушли за Кубань, оставя русскимъ семейства свои, женъ, дѣтей, имѣнія и стада: болѣе 30.000 лошадей, 40.000 штукъ рогатаго скота и 200.000 овецъ досталось въ добычу русскимъ. Султанъ Тавръ бросился на Ейскъ, съ 10.000 ногайцевъ. Три дня осаждалъ онъ этотъ городокъ, но былъ отбитъ и бѣжалъ за Кубань.

Суворовъ вѣрно расчелъ, что быстрый ударъ мгновенно уничтожитъ волненія. Онъ рѣшился самъ идти за Кубань, назначилъ сборное мѣсто войску въ Копылѣ, неподалеку отъ впаденія Кубани въ Черное море, и собралъ тамъ 16 ротъ пѣхоты, 16 эскадроновъ драгунскихъ и 4 казацкихъ полка; при нихъ было 24 пушки; 6.000 казаковъ, съ атаманомъ Иловайскимъ, отправились прямо изъ Черкасска къ устью Лабы, впадающей въ Кубань, тамъ, гдѣ, какъ слышно было, закочевали главныя скопища ногайскихъ мятежниковъ.

Осторожно повелъ Суворовъ войско отъ Копыла по берегамъ Кубани. Русскіе прошли болѣе 200 верстъ, идя по ночамъ, отдыхая и укрываясь отъ непріятелей днемъ. При началѣ похода присланъ былъ изъ Анапы турокъ, съ вопросомъ анапскаго паши о томъ, какія собрались войска на Кубани и куда они идутъ. Ему отвѣчали, что идетъ небольшая команда на Кавказскую линію. Близъ селенія аттукайскихъ черкесовъ высыпали въ поле черкесскіе всадники и хотѣли сражаться. Суворовъ взъѣхалъ на крутой берегъ и повелительно приказалъ бегу, предводившему всадниками, не стрѣлять, если онъ не хочетъ погибнуть. Черкесы не смѣли ослушаться приказа. Близъ впаденія Лабы въ Кубань, съ высокой

горы Суворовъ завидѣлъ признаки обширнаго кочевья. Здѣсь соединился съ нимъ Иловайскій, пройдя прямо изъ Черкасска 500 верстъ. Кубань по сліяніи съ Лабою раздвигается почти на двѣ версты въ ширину, но весьма мелка. Войско переправилось въ бродъ. Патронные и пороховые ящики солдаты несли на плечахъ; пушки перекатили по дну рѣки. Болѣе затруднительна была переправа черезъ болота, находящіяся въ шести верстахъ за Кубанью. Перейдя семь верстъ далѣе, захватили ногайскій отрядъ, и рано утромъ, близъ развалинъ старинной крѣпости Керменчука, напали на кочевья ногайцевъ. Битва была непродолжительна, но татары дрались вразсыпную, гонимые русскими. Суворовъ преслѣдовалъ бѣгущихъ неутомимо. Въ 14-ти верстахъ отъ мѣста битвы, близъ Сарасскаго лѣса, находилось главное ногайское кочевье. Здѣсь съѣхались и союзники ногайцевъ, темиргойцы и наврузы. Они хотѣли сражаться, но не выдержали огня артиллеріи, хотя отчаянно бросались со своими шашками на русскихъ. Преслѣдованіе непріятеля продолжалось на другой день. Пораженіе было ужасное. Болѣе 4.000 ногайцевъ и черкесовъ захвачено было въ плѣнъ; мѣста битвъ и всѣ окрестности были покрыты трупами. Ногайцы разсѣяны совершенно; остатокъ ихъ погибъ въ бѣгствѣ; множество бѣглецовъ было перерѣзано и полонено черкесами враждебныхъ племенъ. Когда русскіе отдыхали послѣ труднаго похода и битвъ, явились многіе изъ ногайцевъ съ покорностью, обѣщая возвратиться на прежнія кочевья. Отправивъ войско обратно черезъ Копылъ, а Иловайскаго на Донъ, Суворовъ рѣшился идти прямо на Ейскъ съ эскадрономъ драгуновъ, полкомъ казаковъ, нѣсколькими ротами пѣхоты и двумя пушками. Походъ былъ чрезвычайно затруднителенъ по протяженію степей около 300 верстъ. Черезъ рѣчки и болота настилали мостики изъ камышей и дерна. Въ продовольствіи былъ такой недостатокъ, что въ послѣдній день похода припасовъ вовсе не было. Казалось, труды радовали Суворова.

Страшный урокъ, данный мятежникамъ, былъ такъ поучителенъ, что всѣ ногайцы, уцѣлѣвшіе отъ побоища, смиренно покорились Россіи. Тавъ султанъ погибъ за Кубанью. Его сообщники явились въ Ейскъ. Суворовъ объявилъ имъ прощеніе. Шумное пированье слѣдовало за примиреньемъ. Въ числѣ почетныхъ гостей находился Муса-Бей. Ему было тогда около ста лѣтъ отъ роду, но онъ былъ еще такъ бодръ, что на скачкахъ не уступалъ молодымъ удальцамъ и даже вздумалъ жениться. Суворовъ купилъ у казаковъ плѣнную красавицу черкешенку и подарилъ ее своему другу, восхищенному столь неожиданнымъ подаркомъ.

Весною 1784 года возвратился въ Крымъ Шагинъ-Гирей съ покорною головою. Его не думали наказывать и съ почестью перевезли въ Воронежъ. Тоскуя въ почетномъ плѣну, онъ просилъ позволенія ѣхать въ Царьградъ. Рады были избавиться отъ него и позволеніе дали охотно. Но султанъ не впустилъ несчастнаго Шагина въ оттоманскую столицу. По его приказанію, ханъ былъ отвезенъ въ Родосъ и тамъ удавленъ.

По водвореніи спокойствія между кубанцами Суворовъ жилъ въ

крѣпости св. Дмитрія Ростовскаго, гдѣ находилась главная квартира кубанскаго корпуса. Не предвидя войны и желая устроить свое имѣніе, онъ просилъ Потемкина о временномъ отпускѣ. Потемкинъ поручилъ ему владимірскую дивизію. Суворовъ избралъ для пребыванія свое помѣстье, село Ундолы, находящееся недалеко отъ Владиміра по сибирской дорогѣ. Здѣсь пробылъ онъ болѣе года. Лѣтъ двадцать тому жители еще показывали аллею, насажденную тогда Суворовымъ. Живы еще были старики, разсказывавшіе множество подробносетй о житьѣ-бытьѣ своего помѣщика и его безпрестанныхъ проказахъ. Одѣтый въ холщевую куртку, онъ бѣгивалъ по селу, бесѣдовалъ съ крестьянами, пѣлъ и читалъ въ церкви и самъ звонилъ въ колокола. Но жизнь деревенская, когда все начинало снова готовиться къ битвѣ, была не по душѣ Суворову. Боясь, что его забудутъ въ деревнѣ, онъ просилъ о переводѣ въ дѣйствующую армію, желая хоть умереть на полѣ битвъ. «Смерть на постелѣ—не солдатская смерть!» говаривалъ онъ. «Ѣду въ свою деревню,—писалъ онъ Потемкину въ іюнѣ 1784 года,—но пріятность праздности не долго меня утѣшить можетъ. Исторгните меня изъ оной поданіемъ случая по службѣ, гдѣ могу я окончить съ честію мой животъ!» Черезъ полгода просьба Суворова была еще убѣдительнѣе. «Истекающій годъ прожилъ я въ деревнѣ (писалъ онъ изъ Ундолъ, 10-го декабря 1784 года) въ ожиданіи команды, гдѣ бы ни получилъ ее, все равно, хоть въ Камчаткѣ. Служу больше сорока лѣтъ, и мнѣ почти шестьдесятъ лѣтъ, но одно мое желаніе—кончить службу съ оружіемъ въ рукахъ. Долговременное бытіе мое въ нижнихъ чинахъ пріобрѣло мнѣ грубость въ поступкахъ

при чистѣйшемъ сердцѣ и удалило отъ познанія свѣтскихъ наружностей. Препроводя мою жизнь въ полѣ, поздно мнѣ къ свѣту привыкать. Наука осѣнила меня въ добродѣтели: я лгу какъ Эпаминондъ, бѣгаю какъ Цезарь, постояненъ какъ Тюреннъ, праводушенъ какъ Аристидъ. Не разумѣя изгибовъ лести и ласкательствъ, моимъ сверстникамъ часто бываю неугоденъ, но никогда не измѣнялъ я моего слова, даже ни одному изъ непріятелей. Былъ счастливъ потому, что повелѣвалъ счастіемъ... Исторгните меня изъ праздности—въ роскоши жить не могу...»

Потемкинъ и безъ напоминаній Суворова помнилъ объ немъ. Въ началѣ 1785 года Суворова назначили командиромъ петербургской дивизіи. Императрица встрѣтила его милостиво, призывала къ себѣ и совѣтовалась съ нимъ. Въ сентябрѣ 1786 года онъ былъ пожалованъ въ генералъ-аншефы. Ему велѣно было принять начальство надъ корпусомъ, расположеннымъ около Кременчуга на Днѣпрѣ. Екатерина хотѣла сама обозрѣть новыя страны, присоединенныя къ Россіи послѣ покоренія Крыма и упроченныя неутомимыми трудами и умомъ Потемкина. Много другихъ важныхъ причинъ было путешествію императрицы.

Послѣ покоренія Крыма и усмиренія Кубани Потемкинъ довершалъ все начатое имъ Въ 1783 году Грузія признала власть Россіи. Въ 1785 году флотъ русскій на Черномъ морѣ состоялъ уже изъ 50 слишкомъ судовъ, съ 13.000 войска и экипажа. Главный портъ былъ въ Севастополѣ. Въ Херсонѣ была устроена верфь. На Днѣпрѣ, близъ пороговъ, опредѣлено воздвигнуть обширный губернскій городъ. Сотни тысячъ переселенцевъ изъ Россіи, изъ Крыма, съ Кубани заселили Новороссійскій край. Запорожцы назначены были къ заселенію прежнихъ кочевьевъ ногайскихъ между Кубанью и Азовскимъ моремъ. Важныя политическія измѣненія произошли въ эти годы въ Европѣ.

Внутреннія волненія во Франціи при добродѣтельномъ, но слабомъ королѣ Людовикѣ XVI-мъ и война Англіи съ ея Американскими колоніями отвлекли и почти уничтожили на время вліяніе этихъ обѣихъ державъ на дѣла Европы.

Тѣмъ важнѣе являлась Россія, укрѣпленная миромъ, обладаніемъ черноморскихъ предѣловъ и сильною арміею, состоявшею изъ 300.000 конницы и пѣхоты. На тешенскомъ конгрессѣ 1780 года, гдѣ споры Австріи и Пруссіи рѣшились посредничествомъ Россіи, Іосифъ видѣлъ необходимость пріобрѣсть дружбу Россіи всякими пожертвованіями. Смерть императрицы Маріи Терезіи и восшествіе Іосифа на императорскій престолъ давали ему полную свободу. Онъ все еще хотѣлъ помѣряться силами съ Фридрихомъ и, стараясь укрѣпиться союзомъ русской императрицы, рѣшился ѣхать въ Россію, дабы личнымъ знакомствомъ утвердить союзъ съ сѣверною Семирамидою. Торжественна была встрѣча римскаго императора, явившагося смиреннымъ странникомъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Іосифъ не обманулся. Путешествіе его такъ польстило императрицу, что она наградила его своею дружбою. Крѣпкій союзъ утвердилъ взаимныя выгоды Россіи и Австріи. Старый Фридрихъ встревожился

и сопротивленіе предпріятіямъ Іосифа и намѣреніямъ Екатерины было послѣднимъ дѣломъ его достопамятной жизни. Онъ скончался въ 1786 году, передавая наслѣдникамъ своимъ мысль объ опасности допустить дальнѣйшее усиленіе Австріи и Россіи: здѣсь было начало общаго союза противъ Екатерины и Іосифа. Франція, Англія, Пруссія рѣшились противопоставить имъ хитрость дипломатики и силу оружія. Въ союзъ съ Пруссіею вступилъ Густавъ III. Хотѣли снова возмутить Польшу и возбудить къ войнѣ Турцію. Предполагая осмотрѣть новыя земли своего государства, Екатерина пригласила Іосифа участвовать въ ея прогулкѣ. Станиславъ также хотѣлъ о многомъ лично объясниться съ нею. Онъ давно не видался съ Екатериною, и имъ было о чемъ поговорить, когда участь Польши зависѣла отъ воли Екатерины.

Никогда, ни прежде, ни послѣ, не являлась Екатерина въ такомъ блескѣ и величіи. Многочисленный дворъ, европейскіе министры, русскіе полководцы окружали царицу. Вся Россія подвиглась навстрѣчу. Казалось, не земная властительница, но полубогиня обозрѣваетъ страны, ввѣренныя Провидѣніемъ ея власти. «Какъ вамъ нравится мое маленькое хозяйство?» шутя говорила Екатерина Сегюру и принцу де-Линю, любезнѣйшимъ остроумцамъ своего времени, сопровождавшимъ ее въ путешествіи, указывая на великолѣпныя освѣщенія городовъ, тысячи народа, выходившія навстрѣчу, блестящіе ряды войскъ, живую дѣятельность и плѣнительныя картины мѣстъ, коими проѣзжали. Путешествіе началось зимою. Января 29-го императрица черезъ Бѣлоруссію прибыла въ Кіевъ. Сюда явился Потемкинъ. Съ нимъ былъ Суворовъ. Пиры, увеселенія, милости народу ознаменовывали каждый шагъ русской царицы. Кіевъ казался столицею, куда съѣхалось все, что было знатнаго и богатаго въ Россіи и Польшѣ. Малороссіяне, поляки, татары, запорожцы, греки, армяне, сербы привѣтствовали здѣсь свою монархиню. По вскрытіи Днѣпра путешествіе продолжалось водою, въ раззолоченныхъ, украшенныхъ рѣзьбою и цвѣтными флагами галерахъ, гдѣ роскошныя помѣщенія и драгоцѣнные уборы заставляли забывать, что путь шелъ среди земель, недавно бывшихъ пустынями. Въ двѣнадцать лѣтъ возникли здѣсь города и селенія. Довольство жителей являлось въ опрятствѣ домовъ, цвѣтущихъ садахъ, поляхъ, засѣянныхъ хлѣбомъ, безсчетныхъ стадахъ, щегольскомъ нарядѣ жителей. Въ Каневъ пріѣхалъ къ императрицѣ Станиславъ со своимъ польскимъ дворомъ. Его встрѣтили громомъ пушекъ. Почтительно снялъ онъ шляпу, приближаясь въ раззолоченной лодкѣ къ императорской галерѣ. Дружескій привѣтъ ожидалъ его. Нѣсколько дней Станиславъ былъ почетнымъ гостемъ императрицы, хотя всѣ замѣтили грусть его при отъѣздѣ. Едва удалился онъ, пришло извѣстіе о скоромъ прибытіи Іосифа. Императрица поѣхала на встрѣчу своего союзника. Увидя карету императрицы, Іосифъ остановился на дорогѣ и привѣтствовалъ ее низкимъ поклономъ. Онъ сопровождалъ императрицу въ путешествіи по Крыму. Съ высотъ Инкермана указывала ему Екатерина на новый флотъ свой, бѣлѣющійся на волнахъ Эвксина, и съ улыбкою

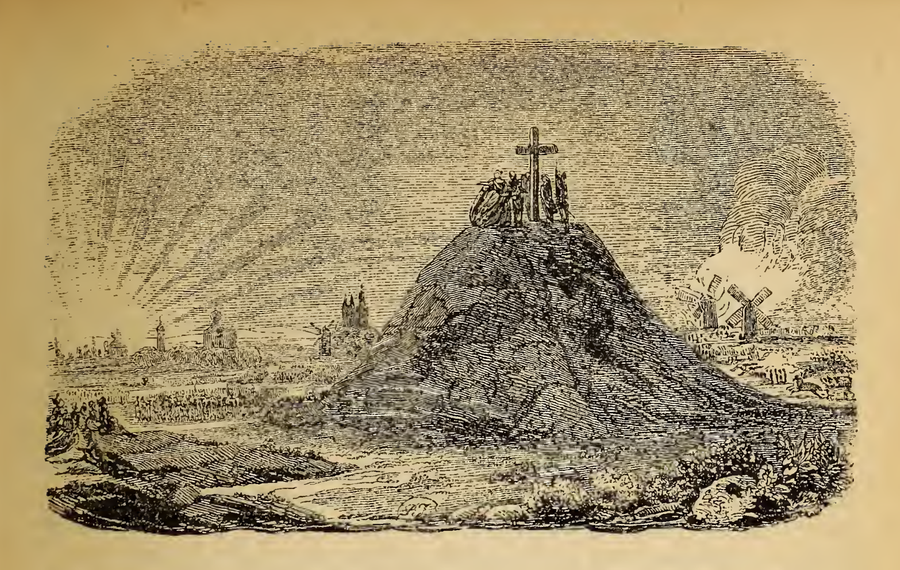

дала замѣтить на торжественныхъ вратахъ въ Херсонѣ надпись: «Путь въ Византію».

Среди безпрерывныхъ пировъ и увеселеній Екатерина и Іосифъ положили общими силами воевать Турцію. Интриги Англіи, Франціи и Пруссіи довели слабоумнаго Абдулъ-Гамида до непріязненныхъ отношеній къ Россіи. Швеція и Пруссія обѣщали ему пособіе, увѣряя, что Польша не замедлитъ возстать на помощь. Утвердивъ договоромъ за Россіею Крымъ въ 1787 году, грозно требовалъ онъ возстановленія прежняго порядка дѣлъ, независимости Крыма, отдачи Турціи черноморскихъ береговъ. Отвѣтъ Екатерины можно было предвидѣть.

Въ Полтавѣ, стоя на высокомъ холмѣ, называемомъ Шведскою могилою, когда войска маневрировали, представляя примѣрный видъ Полтавской битвы, Екатерина задумчиво произнесла, смотря на полтавское поле: «Одно мгновеніе рѣшаетъ судьбы царствъ!» Здѣсь разстался съ нею Потемкинъ. Титулъ Таврическаго былъ новымъ свидѣтельствомъ милостей къ нему императрицы. Въ Москвѣ праздновала Екатерина двадцатипятилѣтіе своего царствованія. Въ день кучукъ-кайнарджійскаго мира возвратилась она въ Царское Село. Черезъ мѣсяцъ уже гремѣла война тамъ, гдѣ недавно видѣли великолѣпный поѣздъ императрицы русской. Потемкинъ спѣшилъ распорядить войскомъ и флотомъ. Нѣсколько времени жилъ онъ въ Кременчугѣ и потомъ отправился въ свои деревни на границахъ Польши.

Въ числѣ приближенныхъ особъ, окружавшихъ императрицу, находился Суворовъ. Онъ пріѣхалъ въ Кіевъ съ Потемкинымъ и шутилъ среди гостей и царедворцевъ, не боясь угрюмаго Румянцева. Станиславъ встрѣтилъ его, какъ стараго знакомаго. Въ Кременчугѣ Екатерина любовалась маневрами войскъ, предводимыхъ Су-

боровымъ. Онъ сопровождалъ императрицу въ Херсонъ. Здѣсь нечаянно подошелъ къ нему какой-то австрійскій офицеръ безъ всякихъ знаковъ отличія: то былъ Іосифъ. Суворовъ говорилъ съ нимъ, притворяясь, будто вовсе не знаетъ, съ кѣмъ говоритъ, и съ улыбкой отвѣчалъ на вопросъ его: «Знаете ли вы меня?»—«Не смѣю сказать, что знаю», и прибавилъ шопотомъ: «говорятъ, будто вы императоръ римскій!»—«Я довѣрчивѣе васъ», отвѣчалъ Іосифъ, «и вѣрю, что говорю съ русскимъ фельдмаршаломъ, какъ мнѣ сказали».

Пока продолжалось путешествіе императрицы по Крыму, Суворовъ готовилъ войско для встрѣчи ея въ Блакитной, въ 70 верстахъ отъ Херсона. Послѣ маневровъ здѣсь онъ присоединился къ свитѣ ея и въ Полтавѣ на прощаньи получилъ отъ нея на память драгоцѣнную табакерку, осыпанную брильянтами. Изъ Полтавы сопровождалъ онъ Потемкина въ Кременчугъ и польскія его деревни и съ важными порученіями поспѣшилъ въ Херсонъ. Августа 19-го русскій флотъ сходился съ турецкимъ, въ тотъ самый день, когда Порта объявила въ Царьградѣ войну Россіи. Сентября 7-го былъ изданъ манифестъ императрицы о турецкой войнѣ. Суворовъ стерегъ непріятелей, и 1-го октября первая битва и первая побѣда русскихъ огласили берега Чернаго моря.

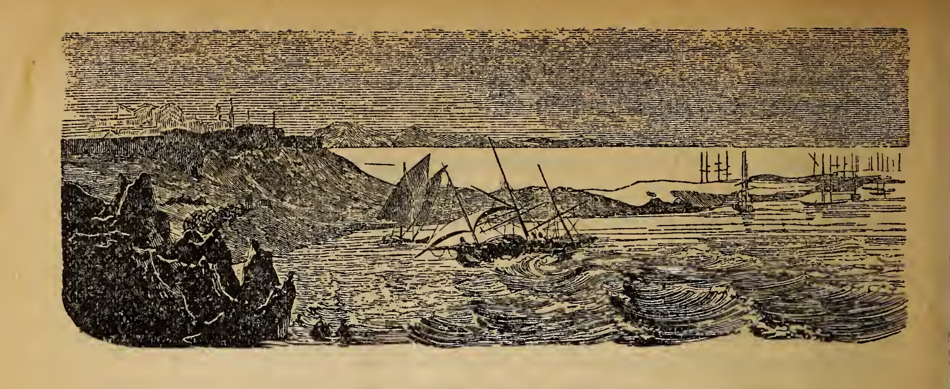
Черезъ 12 лѣтъ послѣ кучукъ-кайнарджійскаго мира начиналась вторая турецкая война, далеко затмившая первую, Румянцевскую. Званіе главнокомандующаго принадлежало въ теченіе ея Потемкину, но героемъ этой войны былъ Суворовъ. Въ первый разъ вполнѣ показалъ онъ тогда свой военный геній, утвердилъ молву о своей непобѣдимости, развилъ свою тактику и сталъ въ ряду первыхъ полководцевъ своего времени. Любопытно обратиться здѣсь назадъ, взглянуть на жизнь Суворова до того времени и на характеръ и мѣсто его среди другихъ современниковъ въ то время.

Въ 1787 году Суворову совершилось пятьдесятъ восемь лѣтъ. Онъ былъ уже въ лѣтахъ преклонныхъ, казался хилымъ, съ его сѣдою, покрытою рѣдкими волосами головою и морщиноватымъ лицомъ, сгорбленный, при маленькомъ ростѣ. Но онъ былъ крѣпокъ, здоровъ, проворенъ, неутомимъ, ловко ѣздилъ верхомъ, легко переносилъ труды, безсонницу, голодъ, жажду. Голубые глаза его сверкали умомъ. Странности его никого не удивляли, ибо ему уже нечего было прикрывать ими: офицеръ на 25 году, бригадиръ на 40-мъ, въ восемнадцать лѣтъ потомъ перегналъ онъ многихъ товарищей, былъ генералъ-поручикомъ съ 1774-го, генералъ-аншефомъ съ 1786 года. Если оставались еще немногіе старше его чинами, безспорно первый былъ онъ въ мнѣніи императрицы, всесильнаго Потемкина, всего войска, даже народа, видѣвшаго Суворова всюду—въ Пруссіи, Польшѣ, Крымѣ, на Волгѣ, Кубани. Непобѣдимость его и тогда уже сдѣлалась повѣрьемъ солдатскимъ и народнымъ. Странности его разсказывали, какъ диковинку, преувеличивая ихъ, говоря, какъ онъ бѣгаетъ, прыгаетъ, поетъ пѣтухомъ, говоритъ правду всякому, ходитъ зимою безъ шубы, ѣздитъ передъ войскомъ въ дѣдушкиной шинели. Причуды эти, повторяемъ, никого не могли обмануть, но Суворовъ ужъ такъ привыкъ къ нимъ, что не могъ отъ нихъ отказаться. «Вотъ человѣкъ, который хочетъ всѣхъ увѣрить, что онъ глупъ, и никто не вѣритъ ему!» говорилъ, угрюмо улыбаясь, Румянцевъ. Среди великолѣпной свиты императорской Суворовъ проказничалъ, какъ вездѣ, и изумлялъ своею оригинальностью чужестранцевъ. Умный Сегюръ писалъ объ немъ, какъ о геніи по его достоинствамъ и философѣ по его странностямъ. Де-Линь, щеголь на шутку остроумную, называлъ его Александромъ Діогеновичемъ. Встрѣтившись въ Кіевѣ съ А. Ламетомъ, Суворовъ остановился, уставилъ на него глаза и началъ поспѣшно спрашивать: «Кто вы? какого званія? какъ ваше имя?» Ламетъ также поспѣшно отвѣчалъ ему: «Французъ, полковникъ, Александръ Ламетъ».—«Хорошо!» сказалъ Суворовъ. Немного оскорбленный допросомъ, Ламетъ также быстро переспросилъ: «Кто вы? какого званія? какъ ваше имя?» Послѣ отвѣтовъ: «Русскій, генералъ, Суворовъ», Ламетъ прибавилъ въ свою очередь: «Хорошо!» Суворовъ захохоталъ, обнялъ Ламета и сдѣлался другомъ его. Завистники разнесли слухъ, что Суворова, дряхлаго и больного, предполагаютъ уволить отъ службы. При первой прогулкѣ съ императрицею по водѣ, когда лодка пристала къ берегу, Суворовъ прыгнулъ на берегъ. «Ахъ! Александръ Васильевичъ! какой вы молодецъ!» сказала ему смѣясь Екатерина. «Какой молодецъ, матушка! Вѣдь говорятъ, будто я инвалидъ!»—«Едва ли тотъ инвалидъ, кто дѣлаетъ такія сальтомортале!» возразила Екатерина.—«Погоди, матушка, еще не такъ прыгнемъ въ Турціи!» отвѣчалъ ей Суворовъ. Ему сказали, что императрица за что-то изъявила на него досаду. Онъ бросился передъ нею и легъ у ногъ ея. «Что вы? Что вы, Александръ Васильевичъ?» спрашивала Екатерина, подымая его. Суворовъ вскочилъ бодро и сказалъ смѣясь: «Вотъ—врутъ, будто я упалъ—видите: сама матушка-царица подняла меня!» Эпиграммы его были безпощадны. Когда

въ Полтавѣ императрица, довольная маневрами войскъ, спросила: «Чѣмъ мнѣ наградить васъ?»—«Ничего не надобно, матушка», отвѣчалъ Суворовъ, «давай тѣмъ, кто проситъ: вѣдь у тебя и такихъ попрошаекъ чай много?» Императрица настояла. «Если такъ, матушка,—спаси и помилуй, прикажи отдать за квартиру моему хозяину: покою не даетъ, а заплатить нечѣмъ:»—«А развѣ много?» сказала Екатерина.—«Много, матушка: три рубля съ полтиной!» важно произнесъ Суворовъ. Деньги были выданы, и Суворовъ разсказывалъ «объ уплатѣ за него долговъ» императрицею. «Промотался!» говорилъ онъ, «хорошо, что матушка за меня платитъ, а то бѣда бы...»

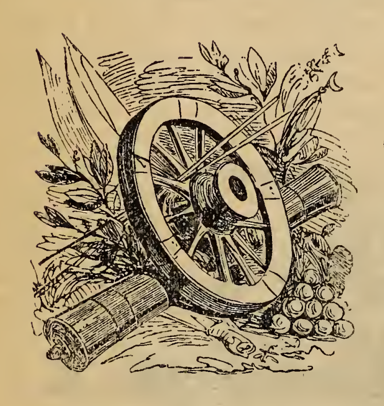
Здѣсь только начиналась историческая жизнь Суворова. Судьба опредѣляла ему черезъ нѣсколько лѣтъ стать на высшую степень воинскую, съ именемъ перваго полководца русскаго, опредѣляла ему начать войну, грозившую Россіи, подвигомъ смѣлымъ и блестящимъ и какъ будто завѣрить тѣмъ въ несомнѣнной побѣдѣ русскаго войска, когда Суворовы предводятъ имъ.

ГЛАВА VI.

Румянцевъ и Потемкинъ.—Вторая турецкая война.—Защита Кинбурна.—Осада Очакова.—Удаленіе Суворова.

бъявленіе войны Турціею предупредило объявленіе войны со стороны Россіи и императора, ея союзника. Такъ спѣшила европейская дипломатика въ Царьградѣ. Причинъ медленности Екатерины и Іосифа было много. Екатерина не соглашалась съ планонъ Потемкина объ изгнаніи оттомановъ изъ Европы и возстановленіи Греческаго царства, хотя позволила назначить въ Херсонѣ путь въ Византію и назвала Константиномъ второго внука своего. Іосифъ, принужденный угождать Екатеринѣ, хотѣлъ воевать не съ Турціею, а съ Пруссіею, видѣлъ въ турецкой войнѣ только препятствіе мечтательнымъ планамъ своимъ на преобразованія въ Европѣ, которыхъ не одобряла Екатерина. Соглашаясь на войну противъ султана, съ досадою говорилъ Іосифъ приближеннымъ: «За что я стану драться? Потемкинъ любитъ все начинать и ничего не оканчиваетъ. Ему недостаетъ Георгія І-й степени,—онъ получитъ его и помирится!» Но отказаться было невозможно. Іосифъ готовился на войну. Такъ со всѣхъ сторонъ являлись недоумѣнія, и хотя русскія войска были готовы къ походу, но распоряженія Потемкина ограничились на 1787 годъ оборонительными дѣйствіями. Не могли согласиться въ планѣ военныхъ дѣйствій съ австрійцами, и, кажется, еще важное обстоятельство препятствовало Потемкину начать войну наступательную: можетъ быть, не

надѣясь на воинскія дарованія своего любимца, Екатерина опредѣлила Румянцеву вмѣстѣ съ нимъ начальствовать войсками. Потемкинъ не хотѣлъ раздѣлить съ другимъ начальства, и Румянцевъ, предвидя неизбѣжную неудачу, если Потемкинъ будетъ съ нимъ вмѣстѣ, отказывался, хотя Потемкинъ называлъ себя ученикомъ его и увѣрялъ, что радъ слушать повелѣнія своего наставника. Мраченъ и печаленъ являлся среди царедворцевъ Екатерины герой Кагула, не скрывая своего неудовольствія, хотя императрица казалась къ нему благосклонна и милостива. Честолюбіе его страдало и не допускало покориться временщику. Въ ожиданіи болѣе рѣшительныхъ распоряженій на слѣдующій годъ, Суворову поручилъ Потемкинъ охраненіе черноморскихъ береговъ, полагая, что позднее время года не допуститъ турковъ къ обширнымъ дѣйствіямъ до будущаго года.

Въ августѣ 1787 года поспѣшно прискакалъ Суворовъ въ Херсонъ и принялъ начальство надъ 30-тысячнымъ корпусомъ войскъ и черноморскимъ флотомъ. Полагали, что непріятель прежде всего устремится разорить Херсонъ и уничтожить тамошніе флотъ и верфь, ибо еще лѣтомъ усиленъ былъ гарнизонъ очаковскій отборными турецкими войсками. Впаденія Днѣпра съ ю.-в. и Буга съ Ингуломъ съ с., тамъ, гдѣ длиннымъ полуостровомъ съ юга заграждаетъ Черное море протяженіе заднѣпровской степи, оканчивающееся длинною песчаною косою, составляетъ Днѣпровскій лиманъ. Сѣверный берегъ его, принадлежавшій туркамъ, былъ защищенъ очаковскою твердынею. Съ нашей стороны старались укрѣпить Кинбурнъ, находящійся противъ Очакова, такъ что эти двѣ враждебныя крѣпости замыкали проливъ, не болѣе 14-ти верстъ шириною, составляющій гирло лимана Днѣпровскаго. Корабельная верфь русскаго флота устроена была близъ Херсона, въ гавани Глубокой. Неудобства мѣстнаго положенія не дозволяли возвести сильной крѣпости въ Кинбурнѣ, ибо песчаная почва и выступающая изъ нея вода препятствовали рытью рвовъ и устройству стѣнъ при малой ширинѣ Кинбурнской косы, омываемой съ одной стороны Чернымъ моремъ, съ другой—Днѣпровскимъ лиманомъ. Видя важность этого сторожевого пункта, Суворовъ усилилъ гарнизонъ кинбурнскій, расположивъ за крѣпостью въ разныхъ мѣстахъ по Кинбурнскому полуострову 12 эскадроновъ конницы, 10 эскадроновъ драгунскихъ и 4 казачьихъ полка; въ Кинбурнѣ находилось 4 батальона мушкетерскихъ. На небольшомъ рейдѣ стояли здѣсь фрегатъ и ботъ. Сильныя батареи прибрежныя обстрѣливали проливъ. Заслонивъ войскомъ устье Буга и устроивъ пловучія батареи передъ Херсономъ и Глубокою, Суворовъ избралъ мѣстомъ своего пребыванія Кинбурнъ, ибо отсюда могъ наблюдать всѣ движенія непріятеля.

Первое извѣстіе о началѣ военныхъ дѣйствій и скоромъ приходѣ турецкаго флота получено было изъ Очакова. Августа 19-го турецкіе корабли напали на стоявшіе у Кинбурна фрегатъ и ботъ; они успѣли отбиться и уйти. Тогда явился флотъ турецкій, состоявшій изъ 18-ти линейныхъ кораблей и фрегатовъ и 38 мелкихъ

судовъ. Онъ расположился въ Очаковѣ и закрылъ входъ въ лиманъ Днѣпровскій. Русскому флоту велѣно было выступить изъ Севастополя. «Хотя бы всѣмъ погибнуть, но только покажите неустрашимость вашу, нападите и истребите непріятеля», писалъ Потемкинъ. Къ несчастію, жестокая буря разсѣяла русскій флотъ и повредила корабли, такъ что начальникъ флота, графъ Воиновичъ, едва могъ возвратиться въ Севастополь; одинъ русскій корабль былъ занесенъ въ Царьградскій проливъ и достался туркамъ.

Положеніе Суворова было затруднительно. Ободренные успѣхомъ, турки рѣшились употребить всѣ силы противъ Кинбурна. Корабли турецкіе приблизились къ Кинбурну и бомбардировали его. Имъ удачно отвѣчали. Одинъ корабль турецкій взлетѣлъ на воздухъ, другіе отошли поврежденные. Тогда турки рѣшились взять Кинбурнъ приступомъ. Сентября 30-го бомбардировка съ кораблей началась снова и еще сильнѣе возобновилась октября 1-го. Видны были приготовленія къ высадкѣ. Суворовъ спокойно слушалъ обѣдню въ крѣпостной церкви и не велѣлъ стрѣлять въ турковъ. Запорожцы, бѣжавшіе въ Турцію и находившіеся въ турецкомъ войскѣ, сдѣлали высадку выше Кинбурна, когда ниже его, на узкой косѣ, начали высаживаться отборныя турецкія войска. По мѣрѣ выхода на берегъ, они рыли ложементы одинъ за другимъ, устраивая валы изъ мѣшковъ, набитыхъ пескомъ. Съ удивленіемъ видѣли турки, что изъ крѣпости имъ не отвѣчаютъ. Русскихъ вовсе не было видно. Суворовъ ожидалъ прибытія 10-ти эскадроновъ конницы, стоявшихъ въ 25-ти верстахъ, и по прибытіи ихъ хотѣлъ смять турковъ ударомъ. Но войско не приходило. Около полудня непріятель кончилъ уже 15-ю линію ложементовъ, и считая себя вполнѣ укрѣпленнымъ, пошелъ на крѣпость. Вся защита Кинбурна состояла изъ 1.000 человѣкъ пѣхоты и 4 казачьихъ полковъ. Суворовъ полагалъ, что даже и при малочисленномъ войскѣ внезапность удара послужитъ къ легкой побѣдѣ. Въ одно время загремѣли выстрѣлы со стѣнъ Кинбурна, казаки ударили съ фланговъ, изъ крѣпости выступила пѣхота и пошла на штыки. Дѣйствительно, турки были смяты и бѣжали, но Суворовъ, не зная многочисленности непріятеля, не зналъ и того, что французскіе офицеры предводили турками и что храбрость турковъ подкрѣпили фанатизмомъ, предоставляя имъ на выборъ смерть или побѣду. Бѣснующіеся дервиши бѣгали по рядамъ и призывали воиновъ въ битву. По приказанію очаковскаго паши, послѣ высадки войска немедленно отчалили отъ берега всѣ турецкія суда. Когда русскіе ворвались въ ложементы, турки увидѣли необходимость побѣды, ибо спасенія не было, средства къ отступленію были отняты, и яростно обратились они въ битву. Турецкіе корабли подошли къ крѣпости и открыли страшную пальбу. Мужественно стояла русская пѣхота, но тщетны были ея усилія. Генералъ-майоръ Рекъ, предводившій ею, былъ раненъ и вынесенъ за фрунтъ. Турки принялись за сабли и кинжалы и съ дикимъ воплемъ: «Алла, алла!» гнали русскихъ, когда самъ Суворовъ бросился впередъ, крича: «Ребята! за мной!» Ядромъ оторвало морду у его лошади. Онъ

упалъ. Турки кинулись къ нему. Русскіе солдаты бросились защищать его, съ крикомъ: «Братцы! спасайте генерала!» Мушкетеръ Новиковъ повергъ штыкомъ турка, уже занесшаго саблю на Суворова. Турки были сбиты вторично, но они воротились еще разъ, и третье нападеніе ихъ было страшнѣе двухъ прежнихъ. Всѣ окру-

жавшіе Суворова были убиты и ранены. Пуля пробила ему лѣвую руку. Онъ принужденъ былъ удалиться за крѣпость, истекая кровью. При немъ находились Тищенко, ординарецъ, и казачій урядникъ Кутейниковъ. Суворовъ велѣлъ наскоро обмыть рану его морскою водою и завязать; потомъ перевернулъ онъ рубашку, надѣлъ ее сухимъ рукавомъ на рану, и говоря: «Помогло, помилуй Богъ, помогло!» спѣшилъ снова въ битву. Она представляла безпорядочное смѣшеніе. Бой былъ рукопашный. Русскіе перемѣшались съ турками, такъ что съ крѣпости невозможно было стрѣлять, и хотя выстрѣлами успѣли взорвать двѣ турецкія лодки, но, казалось, дѣло было проиграно. Многолюдство должно было наконецъ одолѣть храбрость. Турки тѣснили, гнали русскихъ; счастіе не забыло своего любимца: 10 эскадроновъ конницы уже приближались къ Кинбурну и немедленно были введены въ дѣло. Ужасное пораженіе непріятеля слѣдовало за ихъ ударомъ. Турковъ погнали, били, топили въ морѣ, несмотря на отчаянную оборону. Едва 700 человѣкъ спаслось изъ 6.000, вышедшихъ на Кинбурнскую косу. Лучшая половина очаковскаго гарнизона погибла въ этой высадкѣ. Изъ 600 взятыхъ въ плѣнъ турковъ умерло отъ ранъ до 500. Труповъ дервишей насчитали до пятидесяти. Юсъ-Паша, предводившій турками, былъ убитъ. Русскихъ убито до 200 и ранено до 800. Въ 10 часовъ вечера кончилось сраженіе, и, когда только вопли раненыхъ и утопавшихъ турковъ оглашали воздухъ, Суворовъ, чувствуя совершенное изнеможеніе силъ, отправился въ крѣпость. Едва вновь перевязали ему рану, онъ упалъ безъ чувствъ, но, услышавъ тревогу при нападеніи запорожцевъ, послѣдовавшемъ уже ночью, на ботахъ, онъ забылъ свою рану и явился на крѣпостномъ валу. Нападеніе отбили нѣсколькими пушечными выстрѣлами. Весь слѣдующій день хоронили убитыхъ. Трупы непріятелей бросали въ море. Октября 3-го русское войско выстроилось по Кинбурнской косѣ, и «Тебѣ Бога хвалимъ» было воспѣто при громѣ пушекъ съ крѣпости.

Сколь несчастны могли быть слѣдствія потери Кинбурна, ибо тогда подвергался гибели Херсонъ и туркамъ открытъ былъ свободный путь въ Крымъ, столь важны оказались послѣдствія побѣды. Ужасъ заставилъ многихъ жителей Очакова бѣжать, и флотъ турецкій немедленно удалился въ Царьградъ. Повергая въ уныніе турковъ, побѣда ободрила русскихъ. «Не нахожу словъ благодарить тебя, сердечный другъ!—писалъ Суворову Потемкинъ,—да возстановитъ Богъ твое здоровье для общихъ трудовъ!» Октября 17-го праздновали побѣду Суворова въ Петербургѣ. «Старикъ поставилъ насъ на колѣни, жаль только что его ранили», говорила Екатерина и собственноручнымъ письмомъ изъявила Суворову благодарность. «Въ первый разъ по началѣ войны,—писала она,—благодарили мы Бога за побѣду и одолѣніе надъ врагомъ и читали въ церкви дѣянія ревности, усердія и храбрости вашей. Объявите всѣмъ наши усердіе и благодарность. Молимъ Бога, да исцѣлитъ раны ваши и возставитъ васъ къ новымъ успѣхамъ.» Подвигъ Суворова награжденъ былъ андреевскимъ орденомъ. «Вы заслу-

жили его вѣрою и вѣрностью», писала Екатерина. «Умножа заслуги свои, вы подтвердили мнѣніе Россіи о вашихъ военныхъ достоинствахъ, и ваше бдѣніе и неустрашимость доставили намъ побѣду», прибавилъ къ тому Потемкинъ. Солдатская пѣсня прославила подвигъ Суворова, и вся армія русская пѣла:

Наша Кинбурнска коса
Вскрыла первы чудеса!

«Такого писанія, какое получилъ я,—писалъ Суворовъ Потемкину,—никогда и ни у кого отъ высочайшаго престола я не видывалъ. Судите мое простонравіе: ключъ таинствъ души моей въ рукахъ вашихъ!» «У насъ была драка посильнѣе той, когда вы другъ друга за уши дерете,—писалъ Суворовъ дочери, бывшей тогда въ Смольномъ монастырѣ.—И какъ мы танцовали: въ боку картеча, на рукѣ отъ пули дырочка, да подо мною лошади мордочку оторвало! То-то была комедія: насилу черезъ восемь часовъ съ театра отпустили. Я только что воротился—проѣздилъ 500 верстъ верхомъ. А какъ у насъ весело: на морѣ поютъ лебеди, утки и кулики, на поляхъ жаворонки, синички, лисички, а въ водѣ стерляди, да осетры—пропасть! Прости, мой другъ Наташа! Знаешь ли, что матушка государыня пожаловала мнѣ андреевскую ленту за вѣру и вѣрность?» Отъ 7-го октября Суворовъ писалъ В. С. Попову (секретарю Потемкина): «Мнѣ легче, но только слабъ, и видно недѣли двѣ на конь не садиться. Посмотри, голубчикъ, на планѣ нашу адскую баталію. Непонятно силамъ человѣческимъ, какъ къ тому приступить было можно! А отъ варваровъ какая прекрасная операція и какое было прекрасное войско!»

Кинбурнская битва заключила кампанію 1787 года, и въ этотъ годъ только еще удачная битва съ Шихъ-Мансуромъ за Кубанью порадовала Россію. Тѣмъ болѣе ожидали на слѣдующій годъ. Многочисленное войско готовилось къ походу. Нѣсколько знаменитыхъ иностранцевъ просили позволеніе служить подъ начальствомъ Потемкина. Въ числѣ ихъ были: принцъ Нассау-Зигенъ, извѣстный своими странными похожденіями, путешествіемъ около свѣта съ Бугенвилемъ и осадою Гибралтара; Поль Джонесъ, прославившійся въ американской войнѣ; Рожеръ Дамасъ, впослѣдствіи защитникъ Неаполя, въ 1798 году. Принцъ де-Линь назначенъ находиться при Потемкинѣ, какъ генералъ австрійскій, для общихъ совѣтовъ. Австрія не уступала Россіи въ дѣятельномъ приготовленіи. Іосифъ, всегда непостоянный въ намѣреніяхъ, приступившій къ войнѣ неохотно, вдругъ принялся за нее такъ ревностно, что не только 100.000 войска австрійскаго двинулись еще осенью 1787 года и австрійцы упорно осадили Бѣлградъ, но самъ Іосифъ принялъ начальство надъ арміею. Желая славы полководца, онъ не согласился взять съ собою старика Лаудона. Льстецы увѣряли его, что вскорѣ вся Европа услышитъ о побѣдахъ мужественнаго императора. Но ожиданіе далеко не оправдалось успѣхами въ арміи Іосифа и въ арміи русской.

И въ 1788 году императрица не рѣшилась передать Потемкину

полной власти. Русское войско раздѣлено было на двѣ арміи. Одну изъ нихъ поручили Румянцеву; она должна была соединиться съ австрійскимъ корпусомъ, взять Хотинъ и идти на Дунай. Другую, ввѣренную Потемкину, назначили осадить и взять Очаковъ, а потомъ сблизиться съ первою арміею на Дунаѣ. Императоръ, занявшій Молдавію и Валахію по взятіи Бѣлграда, хотѣлъ соединиться съ Румянцевымъ къ веснѣ 1789 года. Тогда всѣ три арміи совокупно должны были перейти Дунай и идти къ Шумлѣ и Андріанополю.

Напередъ можно было предсказать несогласія въ исполненіи плана дѣйствій слишкомъ раздѣленныхъ, когда войско растягивалось на обширномъ пространствѣ, военачальники были различнаго характера и интрига пользовалась слабостью каждаго изъ нихъ. Іосифъ, лишенный дара полководца, мечталъ о воинской чести. Пользуясь тѣмъ, успѣли уговорить его взять въ помощники Ласси, ученика Даунова, и—самый несчастный планъ войны, прославившійся потомъ подъ именемъ «системы кордоновъ», предложенъ былъ помощникомъ Іосифа. Долго спорилъ противъ него императоръ, не смѣлъ отвергнуть его и не допускалъ вполнѣ исполненія. Не менѣе было несогласія въ русскомъ войскѣ. Румянцевъ, оскорбляясь, что Потемкинъ уравненъ съ нимъ въ начальствѣ войсками, не думалъ помогать ему. Потемкинъ не скрывалъ неудовольствія, что власть не отдана ему вполнѣ, вредилъ всѣмъ распоряженіямъ Румянцева и хотѣлъ отличія только себѣ, когда страхъ неудачи въ глазахъ опаснаго соперника усиливалъ еще болѣе недостатки его военныхъ дарованій. Отличаясь быстротою, смѣлостью и дальновидностью соображеній во всѣхъ другихъ дѣлахъ, какъ полководецъ онъ являлся нерѣшителенъ, медленъ, робокъ: утверждалъ и измѣнялъ планы, давалъ и отмѣнялъ приказы, унывалъ, робѣлъ и, съ тѣмъ вмѣстѣ гордый и самолюбивый, не хотѣлъ слушать ничьихъ совѣтовъ.

Украинская армія, подъ начальствомъ Румянцева, состояла изъ 40.000 человѣкъ; екатеринославская, подъ начальствомъ Потемкина—изъ 80.000, не считая кавказскаго войска. Потемкинъ раздѣлилъ ее на четыре корпуса. Первый, подъ начальствомъ Н. В. Рѣпнина, гдѣ находился самъ Потемкинъ, шелъ къ Очакову отъ Ольвіополя. Войска, бывшія у Суворова, защищая Херсонъ, Кинбурнъ и устья Буга, составляли второй корпусъ. Суворову подчинили херсонскій флотъ, начальство надъ которымъ было отдано принцу Нассау-Зигену и Поль Джонесу. Отбивая нападенія турковъ до прихода Потемкина, Суворовъ долженъ былъ соединиться съ нимъ подъ Очаковымъ. Третій корпусъ охранялъ Крымъ; четвертый находился на Кубани. Севастопольскій флотъ, подъ начальствомъ графа Воиновича, долженъ былъ дѣйствовать противъ турецкаго флота.

Опасность, угрожавшая оттоманамъ съ двухъ сторонъ, при союзѣ Австріи съ Россіею, не только не устрашила турковъ, но, казалось, возродила ихъ силы и увеличила мужество. Начатая по интри-

гамъ дипломатики, война являлась священною, ибо дѣло шло о спасеніи отечества отъ враговъ многочисленныхъ, грозившихъ гибелью. Потемкинъ и Іосифъ хотѣли мириться только въ Царьградѣ. Руководимые французскими офицерами, турки составили превосходный планъ войны. Половина войска ихъ, составленнаго изъ 300.000 человѣкъ, заняла крѣпости; 100.000, подъ предводительствомъ храбраго Юссуфа-паши, пошли противъ австрійцевъ, дѣйствуя наступательно; 50.000 должны были защищаться противъ Румянцева; къ нимъ присоединились до 30.000 татаръ, собравшихся подъ знамена Шахъ-Басъ-Гирея, объявленнаго отъ султана крымскимъ ханомъ. Храбрый Гассанъ, капуданъ-паша, съ 16 линейными кораблями, 14 фрегатами и 66 мелкими судами, долженъ былъ подкрѣплять защиту Очакова, уничтожить русскій флотъ и завладѣть Крымомъ. «Возвращусь завоевателемъ Крыма или не возвращусь вовсе!» говорилъ онъ, оставляя Царьградъ мая 11-го.

Немедленно началъ онъ военныя дѣйствія. Русскій флотъ въ Херсонѣ состоялъ изъ 5 линейныхъ кораблей, 8 фрегатовъ, 65 мелкихъ судовъ и 80 казачьихъ лодокъ съ пушкою на каждой. Явясь подъ Очаковомъ, Гассанъ съ частью своихъ кораблей вошелъ въ Днѣпровскій лиманъ и смѣло пошелъ на русскихъ, стоявшихъ на рейдѣ Глубокой гавани. Геройскій подвигъ капитана Сакена ознаменовалъ начало битвъ: онъ командовалъ дубель-шлюпкою, не могъ уйти, захваченный турками, сражался съ ними, видѣлъ невозможность спастись, зажегъ свое судно и взлетѣлъ на воздухъ, не сдаваясь, спустивши напередъ сколько могъ матросовъ въ боты, у него бывшіе, и оставя при себѣ только тѣхъ, кто согласился раздѣлять его славную смерть. Нападеніе турковъ было жестоко, но кончилось неудачею. Два линейные турецкіе корабля и фрегатъ стали на мель и были сожжены. Русскіе преслѣдовали непріятеля, когда Гассанъ велѣлъ отступать, убѣдясь въ невозможности дѣйствовать большими кораблями въ тѣсномъ лиманѣ и желая соединиться съ флотомъ, оставшимся въ открытомъ морѣ. Ночью хотѣлъ онъ пробраться чрезъ Кинбурнскій проливъ, но на самомъ краю Кинбурнской косы была тайно устроена Суворовымъ батарея изъ 24 пушекъ. Она открыла убійственный огонь. Отъ каленыхъ ядеръ загорѣлось и погибло нѣсколько судовъ. «Непобѣдимый Доріа! спѣши бить потомковъ Барберуссы!» писалъ Суворовъ принцу Нассау-Зигену, который напалъ на разстроенныя Суворовымъ турецкія суда и произвелъ страшное опустошеніе: линейный корабль и фрегатъ взяты были побѣдителями; 3 корабля, 5 фрегатовъ и 17 мелкихъ судовъ сгорѣли и потонули. Гассанъ едва успѣлъ спастись съ двумя кораблями, тремя фрегатами и 14 мелкими судами. Изъ нихъ одинъ корабль и одинъ фрегатъ были такъ повреждены, что потонули въ открытомъ морѣ. Два фрегата и 12 мелкихъ судовъ спаслись подъ пушками Очакова. Принцъ Нассау-Зигенъ преслѣдовалъ ихъ и истребилъ. Гассанъ встрѣтился близъ крымскихъ береговъ съ флотомъ севастопольскимъ и послѣ нерѣшительной битвы удалился въ Царьградъ. Воиновичъ не рѣшился преслѣдовать его, но Черное море было очищено отъ непрія-

телей, и Гассанъ въ отчаяніи увидѣлъ, какъ страшенъ былъ едва возродившійся на Черномъ морѣ флотъ русскій.

Когда побѣда радовала русскихъ на морѣ, дѣйствія русской арміи представляли странное зрѣлище. Румянцевъ не двигался съ мѣста. Корпусъ принца Кобургскаго, присланный на помощь къ нему, пошелъ къ Хотину и въ іюлѣ обложилъ эту крѣпость. Двухмѣсячная медленная осада и сдача Хотина, нѣсколько небольшихъ сраженій и занятіе Яссъ австрійцами ограничили всѣ подвиги второй арміи. Потемкинъ, съ 40.000 войска, два мѣсяца шелъ къ Очакову, только 20-го іюля обложилъ его, и еще прошелъ мѣсяцъ, пока началась осада. Суворовъ призванъ былъ подъ Очаковъ; ему поручено отъ Потемкина лѣвое крыло войска, осаждавшаго крѣпость. Лагерь его примыкалъ къ морскому берегу. Въ бездѣйствіи ожидало русское войско приказовъ главнокомандующаго и не могло дождаться ихъ. Въ великолѣпной ставкѣ своей Потемкинъ лежалъ по цѣлому дню, переводилъ церковную исторію Флери, слушалъ музыку Сарти и, казалось, забывалъ объ Очаковѣ. Иногда, разгнѣванный напоминаніями, онъ выѣзжалъ на батареи, становился подъ непріятельскими выстрѣлами, смѣясь, когда его просили удалиться и беречь свою драгоцѣнную жизнь. Нѣсколько разъ онъ хотѣлъ, казалось, усилить дѣйствія, даже отважиться на приступъ, и снова все останавливалъ, начиналъ молиться и бездѣйствовать. Князь Н. В. Рѣпнинъ, храбрый, опытный генералъ, но еще болѣе хитрый дипломатъ, управлялъ осадою, принималъ приказы Потемкина улыбаясь и не думалъ ему противорѣчить. Принцъ де-Линь приходилъ въ отчаяніе, называлъ Потемкина то Терситомъ, то Ахиллесомъ; всѣ другіе молчали. Суворовъ не думалъ молчать. Еще весною представилъ онъ Потемкину планъ свой, состоявшій въ томъ, что послѣ страха, наведеннаго на турковъ истребленіемъ флота, всего легче взять Очаковъ поспѣшною осадою и рѣшительнымъ приступомъ. Онъ осуждалъ поступки принца Нассау-Зигена и Поль Джонеса, доказывая, что если бы они дѣйствовали отважнѣе, то могли бы рѣшительно уничтожить весь флотъ турецкій, бывшій въ лиманѣ; осуждалъ и нерѣшительныя дѣйствія Воиновича. Онъ досадовалъ даже, что флотъ порученъ былъ иностранцамъ и не вѣрилъ усердію ни Нассау-Зигена, ни Воиновича. «Если слушать общихъ прихотей, у меня всего ближе моя подмосковная. Кинбурнъ не деревня барона Розена—мы не французы, мы русскіе, а я не наемникъ», писалъ онъ В. С. Попову, прямо высказывая ему и Потемкину свои мысли. Откровенность Суворова не могла укрыться отъ другихъ, хотя онъ подтверждалъ Попову: «Жгите, прошу васъ, мои письма: у васъ всегда хороводъ трутней!» Слова и дѣла Суворова находили злонамѣренныхъ изъяснителей. Ему вредили не одни трутни, но и тѣ немногіе люди, которымъ онъ ввѣрялся душою. Въ числѣ ихъ былъ Рибасъ, хитрый испанецъ, сперва услужникъ Орлова, потомъ Потемкина. Онъ находился во флотѣ и передавалъ врагамъ Суворова всѣ его мысли. Письма Суворова къ нему были исполнены дружеской искренности. Рибасъ не стыдился называть его двоедушнымъ и, лаская дружбою, передавалъ всѣ его поступки

и слова Потемкину превратно. Mr. Souvaroff se conduit avec tant de duplicité, que ces messieurs sont au désespoir d'être sous ses ordres (Суворовъ поступаетъ такъ двоедушно, что подчиненные ему отъ того приходятъ въ отчаяніе), писалъ онъ, восхваляя авантюриста Джонеса и увѣряя, qu'il agit avec prudence (что онъ дѣйствуетъ благоразумно). Поступая такъ, Рибасъ могъ почесть насмѣшкою слова Сувоорва, написанныя въ минуту досады: «Если вы ищете совершенства, вы не найдете его ни въ себѣ, ни во мнѣ и ни въ одномъ добродѣтельномъ человѣкѣ: оно не въ здѣшнемъ мірѣ! Если вамъ тошно, выплюньте поскорѣе и будьте честнымъ человѣкомъ». (Vous cherchez la perfection, vous ne la trouverez pas ni dans vous, ni dans moi, ni dans un plus vertueux: elle est dans l'autre monde. Quand le cœur fait mal, crachez vite, vous resterez honnête!)

Потемкинъ зналъ Суворова и не вѣрилъ клеветамъ на него, не рѣшаясь послѣдовать и его совѣтамъ. Восхищенный морскими побѣдами, онъ писалъ къ нему: «Мой любезный, сердечный другъ! Ладьи бьютъ корабли и пушки преграждаютъ теченіе рѣкъ. Христосъ среди насъ! Что если найду тебя въ Очаковѣ? Переговаривай съ ними и обѣщай имъ именемъ моимъ безопасность!» Въ извѣстіяхъ о войнѣ, говоря объ устроеніи батареи на Кинбурнской косѣ, нанесшей столько вреда непріятелю, онъ приписалъ устройство ея Суворову, хотя Рибасъ увѣрялъ, что Суворовъ даже противился тому. Когда началась медленная осада Очакова, Суворовъ заговорилъ громко и смѣло: «Не такъ бивали мы поляковъ, не такъ бивали турковъ—тѣмъ крѣпости не возьмешь, что станешь стоять передъ нею; послушались бы меня, и давно бы Очаковъ былъ нашъ: штурмъ лучше и дешевле станетъ!" Нетерпѣніе Суворова умножалось, онъ предвидѣлъ пагубныя слѣдствія медленности и рѣшился, подвергаясь гнѣву Потемкина, показать ему, что должно было дѣлать. Но еще прежде начались неудовольствія. При расположеніи осадныхъ батарей произошелъ споръ. Потемкинъ съ досадою воскликнулъ: „Онъ все себѣ хочетъ заграбить!" Суворовъ высказалъ досаду въ письмѣ Рибасу. „Si vous ne m'écrivez pas, je ne vous écrirai rien", писалъ онъ, „soyons désintéressés pour la cause commune, pensons à nous, c'est la pure vertu d'un homme du monde. Mendiez la sagesse de J. J. Vous vous noyerez dans une bouteille remplie du lait d'amande. Vous serez célébré de ses disciples, ils vous érigeront un tombeau au promontoire du néant avec cette inscription pompeuse: *Ci-git le grand*, je ne saurais vous le dire. Avant cette mort glorieuse commensez par devenir fou, écrivez des sottises; vous verrez qu'elles feront plus de bien à l'Etat que tout ce bel appareil d'égoisme. Si vous n'étiez plus au monde, votre ombre m'apparaîtrait; si vous l'êtes, suivez le démon de Socrate... Ce que nout consultâmes, ne reste qu'ébauché. Beau jeu pour les Rachmanow, les Falgots!.. Depuis le все себѣ заграбилъ! Si la ruse vous plaît, vous êtes un enfant; suivez le chemin battu par la sagesse, à qui la prudence ne peut être préférée. Vous savez, dès l'arrivée de S. je commençai sourdement d'être éclipsé... Pour l'angle rentrant de S., que j'aurai fait saillant, je vous jure pour faire trembler Ocza-

kow, qui ne m'aurait jamais appartenu, et est-ce le все себѣ заграбилъ? On m'impute le projet de son bombardement, oui, j'étais de concert avec P. de Nassau, et S. ne peut pas comprendre qu'on ne l'aurait pu assaillir avant une large brèche, qui aurait pu être faite avant une épreuve de loin et d'une distance hors de danger, ce que, en cas d'impossibilité, aurait toujours été compté pour un bombardement, mais qui sait si dès les premiers coups, la ville, sans soutien de terre et de mer, ne se serait point rendue? Voici le все себѣ заграбилъ!" *).

Разумѣется, письмо было передано Потемкину. Неудовольствія умножались, но Потемкинъ все еще грызъ ногти и молчалъ. Іюля 27-го гнѣвъ его разразился страшною грозою. Турки сдѣлали сильную вылазку на прибрежныя укрѣпленія, гдѣ былъ Суворовъ. Ударъ въ штыки заставилъ ихъ бѣжать. Гренадеры, разгоряченные преслѣдованіемъ непріятеля, достигли крѣпостного ретраншамента. Изъ крѣпости явились на помощь своимъ. Суворовъ долженъ былъ подкрѣпить гренадеровъ. Битва завязалась упорная. Турки выходили тысячами. Суворовъ усиливалъ подкрѣпленія, наконецъ самъ бросился въ огонь, ведя нѣсколько полковъ. Тревога распространилась въ крѣпости и по всему лагерю. Турки уступали, побѣда одушевляла русскихъ. Легко могли ворваться въ Очаковъ. Суворовъ послалъ просить Потемкина двинуться на крѣпость со всѣхъ сторонъ. Принцъ де-Линь прибѣжалъ къ Потемкину и умолялъ его о томъ. Минута была рѣшительная. Потемкинъ, внѣ себя отъ гнѣва, плакалъ съ досады. Можетъ быть, и безъ него рѣшилось бы дѣло и Очаковъ бы палъ, ибо ретраншаментъ былъ уже въ рукахъ русскихъ, но, къ несчастію, Суворова жестоко ранили: пуля прошла сквозь шею и остановилась въ затылкѣ. Онъ чувствовалъ, что рана была опасна, захватилъ ее рукою и поскакалъ въ свою палатку, сдавъ команду генералъ-поручику Бибикову. Не зная, что дѣлать,

---

*) „Если вы мнѣ ничего не пишете, и я вамъ писать не буду. Будемъ безстрастны къ общему дѣлу, станемъ думать о самихъ себѣ—вотъ настоящія достоинства свѣтскаго человѣка! Требуйте мудрости Ж. Ж., вы утопитесь въ бутылкѣ миндальнаго молока, вы будете прославляемы его учениками—они воздвигнутъ вамъ гробницу на мысѣ ничтожества, съ громкою надписью: „Здѣсь лежитъ великій" не знаю кто. Но прежде такой славной смерти начните тѣмъ, что сдѣлайтесь дуракомъ, пишите глупости, и вы увидите, что онѣ сдѣлаютъ для государства больше добра, нежели весь красивый нарядъ себялюбія. Если васъ нѣтъ уже въ мірѣ, тѣнь ваша мнѣ появится, а если вы еще въ здѣшнемъ свѣтѣ, слѣдуйте Сократову демону... О чемъ мы совѣтовались, остается едва начатое... Славный выигрышъ для Р. и Ф.! А потомъ: *все себѣ заграбилъ!* Если лукавство вамъ нравится, вы дитя: идите по дорогѣ, пробитой мудростью, которой нельзя предпочесть осторожности. Вы знаете: со времени пріѣзда С. я глухо началъ затмеваться... О входящемъ углу С., который я хотѣлъ сдѣлать выходящимъ, клянусь вамъ, что думалъ тѣмъ заставить трепетать Очаковъ, котораго никогда не присвоилъ бы себѣ, и значитъ ли это: *все себѣ заграбилъ!* Говорятъ, что я хотѣлъ его бомбардировать—да, по согласію съ принцомъ Нассау, а С. не можетъ понять, что штурмовать нельзя, не сдѣлавъ большого пролома. Но сперва можно бы сдѣлать опытъ издали, на дистанціи, внѣ опасности, что въ случаѣ невозможности всегда почли бы за бомбардированіе. А кто знаетъ, что съ первыхъ выстрѣловъ городъ безъ поддержки съ моря и съ сухаго пути, можетъ быть, и сдался бы? Вотъ вамъ и—*все себѣ заграбилъ!*"

и не видя подкрѣпленія, Бибиковъ смѣшался и поспѣшно велѣлъ отступать. Турки ободрились, ударили на отступавшихъ и обратили ихъ въ бѣгство. Нѣсколько сотъ человѣкъ русскихъ погибли подъ саблями янычаръ. Въ извѣстіяхъ изъ арміи упомянуто было объ этомъ дѣлѣ, какъ о небольшой сшибкѣ, и сказано, что русскіе потеряли убитыми 3 офицеровъ, 150 рядовыхъ, да ранено было 6 офицеровъ, 240 рядовыхъ, и генералъ-аншефъ Суворовъ раненъ легко въ шею.

Но рана была не легкая. Когда вырѣзали пулю, Суворовъ лишился чувствъ; обморокъ слѣдовалъ за обморокомъ; рана воспалилась; онъ едва дышалъ, призвалъ священника, исповѣдался и готовился къ смерти. Лошадь, бывшая подъ нимъ, пала мертвая отъ ранъ, едва разсѣдлали ее. Жестокая горячка терзала Суворова. Къ страданію тѣлесному прибавилась скорбь душевная: Потемкинъ не хотѣлъ его видѣть, но написалъ ему письмо, гдѣ жестоко упрекалъ его за безполезную погибель солдатъ и своевольство. «Солдаты такая драгоцѣнность, что ими нельзя безполезно жертвовать», говорилъ Потемкинъ. «Не за что, не про что погублено столько драгоцѣннаго народа, что весь Очаковъ того не стоитъ! Странно, что при мнѣ мои подчиненные распоряжаются движеніями войскъ, даже не увѣдомляя меня!»

Письмо было писано въ такомъ волненіи, что едва можно было разобрать его. Потемкинъ не слушалъ оправданій и увѣреній, что Суворовъ старался только воспользоваться счастливымъ случаемъ. Опасно больной, Суворовъ отправился въ Кинбурнъ. Тамъ операцію ему сдѣлали снова. Сонъ укрѣпилъ силы старика. Отъ огорченія онъ занемогъ желтухою. Боялись, что шея у него искривится, но наблюдая строгую діету, Суворовъ начиналъ чувствовать себя лучше, когда несчастное событіе едва совершенно не погубило его. Онъ лежалъ въ своей комнатѣ, въ небольшомъ деревянномъ домѣ, который занималъ, и вдругъ услышалъ трескъ: съ ужаснымъ громомъ бомба упала въ его комнату сквозь потолокъ и лопнула, изломавъ кровать, гдѣ лежалъ онъ, и повредивъ стѣну. Едва успѣлъ Суворовъ выскочить въ сѣни, и былъ осыпанъ обломками, израненъ ими; кровь хлынула у него изъ рта. Ясный день превратился въ ночь. Съ трудомъ могъ добраться Суворовъ до лагеря за крѣпостью и тамъ только узналъ, что взорвало артиллерійскую мастерскую, гдѣ начиняли бомбы и гранаты. Подъ Очаковомъ думали, что весь Кинбурнъ взлетѣлъ на воздухъ. Заживавшая рана раскрылась. «Благодарю васъ за участіе, пріемлемое въ случаѣ здѣшняго несчастнаго трясенія», писалъ Суворовъ къ В. С. Попову, «но, слава Богу, большого вреда не было: знаки на лицѣ да ударъ въ грудь, въ колѣно и въ локоть; писать самъ не могу». И среди этихъ страданій тѣлесныхъ разгнѣванный Потемкинъ не стыдился терзать Суворова. За ничтожную ошибку какого-то офицера онъ прислалъ ему строгій выговоръ. За то, что Суворовъ потребовалъ къ себѣ племянника и удержалъ его при себѣ, послѣдовалъ другой выговоръ. Потемкинъ причелъ въ вину Суворова всѣ прежнія донесенія и совѣты, переданные въ письмахъ къ нему и къ Попову; не хо-

тѣлъ вѣрить даже, что онъ жестоко раненъ. Суворовъ старался оправдываться. «Воображенія наши подвержены ежевременной перемѣнѣ вида, почему за пролетающія наши мысли мы и сами себѣ не отвѣчаемъ», писалъ онъ Попову: «иногда мы ихъ описываемъ пріятелю безъ обоюднаго уваженія. Такъ я переписывался съ вами, такъ часто съ моимъ другомъ Осипомъ Михайловичемъ: басни и дѣло. Вы имѣете ваши департаменты безъ обремененія выше... Благополучно текло. Кратко, вы сами знаете: подозрѣнія быть не могло. Природа не одарила меня безчестностью—перемѣниться мнѣ поздно—буду всегда тотъ же. Два героя, подъ протекціею Академіи, хвалились, что они будутъ Суворовыми. Не предосудительно ли то мнѣ? Честь моя мнѣ всего дороже. Покровитель ей Богъ! Развѣ я спичка, и не имѣлъ я долга вамъ дружески напомянуть? Рана моя, М. Г., не шутка! Два доктора медецины и я третій кричали вмѣстѣ безъ толку—брызнули они отъ меня, какъ съ рыстанья, но она была смертельна... Чувствую нынѣ и прежнія мои раны, но доколѣ живъ—служить, хотя иногда и отдыхать—такъ долгъ христіанина. Чистый разсудокъ безъ узловъ. Мой стиль не фигуральный, но натуральный при твердости моего духа!»

Неудовольствія не прекращались, и Суворовъ рѣшился объясниться съ Потемкинымъ. Больной, едва двигаясь, явился онъ въ ставку его, безмолвно слушалъ упреки гордаго вельможи, видѣлъ, что оправдаться невозможно; вымаливать помилованія онъ не хотѣлъ; оставалось просить объ увольненіи: «Не думалъ я, чтобы гнѣвъ В. С. столь далеко простирался,—писалъ онъ Потемкину,—и всегда старался я утолять его моимъ простодушіемъ. Невинность не требуетъ оправданія. Всякій имѣетъ свою систему, и я по службѣ имѣю свою. Мнѣ не перерodиться, да и поздно! Успокойте остатки дней моихъ. Шея у меня не оцараплена; чувствую сквозную рану—тѣло изломано—дни мои не будутъ длинны—я христіанинъ—имѣйте человѣколюбіе! Если вы не можете побѣдить свою немилость, удалите меня отъ себя. На что сносить вамъ отъ меня малѣйшее безпокойство? Есть мнѣ служба и въ другихъ мѣстахъ, по моей практикѣ и по моей степени, а милости ваши, гдѣ бы ни былъ, буду помнить!»

На такое дерзкое письмо Потемкинъ, какъ нѣкогда Румянцевъ, отвѣчалъ увольненіемъ. Кажется, рѣшеніе всемогущаго временщика испугало Суворова. Грустно помышлялъ онъ, что долженъ оставить поле битвъ и чахнуть въ деревнѣ, когда думалъ, что судьба поведетъ его къ побѣдамъ, къ славной смерти, которой такъ жаждалъ онъ. Суворовъ смирился и написалъ Потемкину покорное письмо. «Ищете ли истинной славы, идите по слѣдамъ добродѣтели,—говорилъ онъ.—Послѣдней я преданъ, а первую замыкаю въ службѣ отечеству. Для излѣченія ранъ и поправленія здоровья отъ длинной кампаніи я ѣду къ водамъ; вы меня отпускаете, но цѣленіе мое ближе—оно въ обновленіи милостей вашихъ. Защитите простонравіе мое отъ ухищреній, а противъ непріятелей государства я готовъ сражаться. Какая вдругъ перемѣна милости вашей! Чего же могу надѣяться въ случаѣ несчастія, свойственнаго смертному, если нынѣ безвинно стражду? Противенъ человѣкъ,

противны и дѣла его... Съ честью служилъ я—жестокія раны отвлекаютъ. Дозвольте же мнѣ удалиться къ сторонѣ Москвы только для исцѣленія ранъ и поправленія здоровья: явиться къ службѣ не замедлю». Потемкинъ былъ неумолимъ. Онъ хотѣлъ доказать, что если гнѣвъ его постигъ кого-либо, то для такого опальнаго нѣтъ службы нигдѣ, ни по практикѣ, ни по степени. Всѣ заслуги Суворова были забыты. Суворовъ оставилъ армію, прожилъ еще нѣсколько времени въ Херсонѣ, вѣроятно ожидая милости, но ничего не могъ дождаться и уѣхалъ въ Кременчугъ.

Казалось, поприще Суворова навсегда кончилось. Немилость Потемкина продолжалась. Прежде, когда угрожалъ Суворову гнѣвъ Веймарна или Румянцева, была надежда, что его не выдадутъ. Кто теперь могъ за него заступиться? Возвысить голосъ свой къ престолу, къ матушкѣ императрицѣ, онъ не смѣлъ, и какъ возвысить, когда Потемкинъ сталъ тогда на высочайшую степень почестей, власти и могущества? Послѣ четырехмѣсячнаго медленія, которое выводило изъ терпѣнія все войско, Потемкинъ рѣшился на приступъ: надобно было на что-нибудь рѣшиться; наступила жестокая зима, оставшаяся въ памяти народной подъ именемъ очаковской—русскіе гибли, и декабря 6-го, въ Николинъ день, Очаковъ палъ передъ штыками раздраженныхъ воиновъ, пока Потемкинъ молился на главной батареѣ, со слезами восклицая: Господи помилуй! Взятіе Очакова не только загладило всѣ ошибки Потемкина, его медленность и нерѣшительность, но никакая славная по-

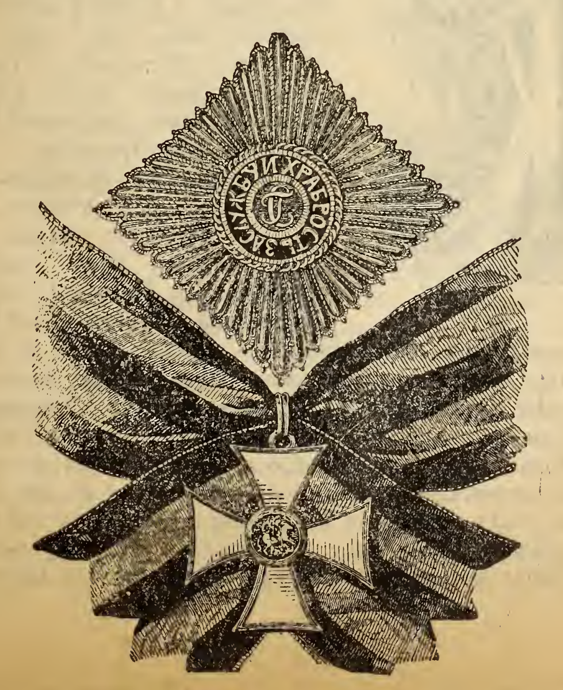
бѣда не могла быть награждена такъ, какъ наградили Потемкина за взятіе крѣпости, которую столь легко хотѣлъ покорить Суворовъ. Потемкинъ великимъ побѣдителемъ ѣхалъ въ Петербургъ отдыхать послѣ своихъ подвиговъ. Въ темныя зимнія ночи для него освѣщали дорогу кострами. По городамъ встрѣчали его генералъ-губернаторы. Толпы народа кричали ему ура! Едва пріѣхалъ онъ

въ столицу, Екатерина сама посѣтила его немедленно и привѣтствовала съ побѣдою. Похвальная грамота, медаль на память потомству, фельдмаршальскій жезлъ, осыпанный брильянтами, орденъ александровскій, прикрѣпленный къ брильянту въ 100.000 рублей цѣною, шпага съ брильянтами, сто тысячъ рублей на достройку Таврическаго дворца, были его наградами по пріѣздѣ въ Петербургъ. Георгій первой степени присланъ былъ ему подъ Очаковъ. Едва онъ потребовалъ смѣны Румянцева—воля его исполнилась. Обѣ арміи на слѣдующій годъ поступили подъ начальство Потемкина. Чей голосъ смѣлъ возвыситься противъ временщика?

Только любовь родительская могла въ то время утѣшать Суворова. Милая ему дочь его перешла въ тотъ годъ въ старшій воз-

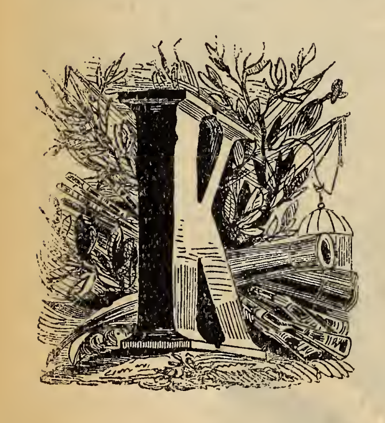
растъ Смольнаго монастыря. Среди кровавыхъ битвъ и ужасовъ смерти Суворовъ писалъ къ ней шутливыя письма. «Ты меня такъ утѣшила письмомъ, что я плакалъ. Кто тебя такому красному слогу учитъ? Боюсь—меня перещеголяешь! Ай, Суворочка! Сколько у насъ салата, жаворонковъ, стерлядей, воробьевъ, цвѣтовъ! Волны бьютъ въ берега, какъ изъ пушекъ, и слышно, какъ въ Очаковѣ собаки лаютъ и пѣтухи поютъ. Посмотрѣлъ бы я на тебя въ бѣломъ платьицѣ! При свиданіи не забудь разсказать мнѣ исторію о великихъ мужахъ древности! Голубушка Суворочка! цѣлую тебя! Радъ говорить съ тобой о герояхъ, научи имъ послѣдовать. А какой по ночамъ въ Очаковѣ вой: собаки поютъ волками, коровы охаютъ, волки блеютъ, козы ревутъ! Я сплю на косѣ, она далеко въ море ушла. Гуляю по ней и слушаю, какъ турки говорятъ на своихъ лодкахъ, и вижу, какъ они курятъ трубки. А лодки у нихъ такія большія: иная съ вашъ Смольный, паруса съ версту, и на иной лодкѣ ихъ больше, чѣмъ у васъ въ Смольномъ мухъ, и желтенькіе и синенькіе, и красненькіе, и сѣренькіе, и зелененькіе, да и ружья-то у нихъ величиною съ ту комнату, въ которой ты спишь съ сестрами!» Страдая отъ ранъ и душевной скорби, добрый отецъ все еще шутилъ съ своею Суворочкою. «Ma chère sœur!» писалъ онъ (отъ 21-го августа), «мы были съ турками въ рефектуарѣ. Ай, да охъ! какъ подчивались: бросались свинцовымъ горохомъ, желѣзными кеглями, съ твою голову величиною. Такія у насъ были длинныя булавки да ножницы кривыя и прямыя: рука не попадайся, тотчасъ отхватятъ да и голову отрѣжутъ! Кончилось иллюминаціей и фейерверкомъ, и съ пира турки ушли—ой, далеко!—Богу посвоему молиться! Только больше ничего нѣтъ, да и то завралась мы съ тобой! Прости, душа моя!»

ГЛАВА VII.

1789 годъ.—Битва Фокшанская.—Битва Рымникская.—Георгій I-й степени.—1790 годъ.—Взятіе Измаила.—Суворовъ въ Финляндіи.—Миръ съ Турціею 1791 года.

Когда враги Суворова радовались, и, можетъ быть, онъ самъ изнывалъ въ тоскѣ душевной о будущей безславной участи своей, судьба готовила ему самое блестящее вознагражденіе за всѣ страданія.

Несмотря на безмѣрныя награды Потемкину, всѣ видѣли, что война съ Турціею далеко не была такъ славна, какъ старались ее представить. Награды сыпались на Потемкина; поэты воспѣвали его подвиги; царедворцы уничтожались передъ нимъ и искали ласковаго взора «великолѣпнаго князя Тавриды», но неумолимое общее осужденіе падало на его дѣйствія: жалѣли Суворова, осуждали Потемкина, и въ числѣ обвинителей его были принцъ Нассау-Зигенъ и Поль Джонсъ, разставшіеся съ нимъ по неудовольствіямъ, ибо и они наконецъ потеряли терпѣніе, смотря на его медленную очаковскую осаду. Кампанія австрійцевъ была еще неудачнѣе похода русскихъ въ 1788 году. По крайней мѣрѣ русскіе кончили успѣхомъ, когда напротивъ давно уже не испытывала Австрія такихъ

пораженій и потерь. Отнявъ у себя всѣ средства дѣйствовать наступательно, растянувшись кордонною линіею по границѣ, занимаясь осадою крѣпостей, стотысячная армія австрійская не могла воспрепятствовать визирю прорваться въ Баннатъ и Трансильванію. Австрійцы были разбиты въ августѣ подъ Мехадіею и въ сентябрѣ подъ Слатиномъ, гдѣ начальствовалъ самъ императоръ, потерпѣли совершенное пораженіе. Только опасеніе пособія русскихъ остановило дальнѣйшіе успѣхи турковъ, угрожавшихъ Вѣнѣ. Іосифъ спѣшилъ вызвать старика Лаудона; онъ явился на призывъ и прибытіемъ своимъ успѣлъ поправить неудачи своихъ предмѣстниковъ. Іосифъ готовъ былъ мириться, тѣмъ болѣе что Пруссія уже не скрывала своихъ непріязненныхъ расположеній, заключила договоръ съ Польшею и требовала мира съ Турціею. Еще рѣшительнѣе поступалъ шведскій король. Въ іюлѣ началъ онъ войну съ Россіею на сушѣ и на морѣ и дѣйствовалъ такъ быстро и упорно, что заставилъ императрицу сказать: «Въ самомъ дѣлѣ Петръ Великій поставилъ столицу слишкомъ близко къ шведскимъ берегамъ!» Кюмень разграничивала тогда Россію съ Швеціею. Екатерина не думала уступать ни султану, ни королю шведстскому, но положеніе Россіи было затруднительно. И прежде отвергая мечты Потемкина о завоеваніи Царьграда, Екатерина хотѣла мира, но чтобы пріобрѣсть его и уничтожить интриги европейской дипломатики, надобны были побѣды. Потемкинъ не могъ не сознавать въ душѣ своей, что предводительство войсками было не его дѣло. Онъ не могъ не понимать, что никто изъ помощниковъ его не былъ геніемъ военнымъ, и не могъ не признавать великихъ военныхъ дарованій Суворова. Оскорбленная гордость еще удерживала его, но, можетъ быть, онъ замѣтилъ, что и Екатерина не раздѣляетъ его негодованія противъ своевольнаго, но геніальнаго старика. Когда въ небытность Потемкина въ Петербургѣ старались наговорить императрицѣ на Суворова, она молчала и наконецъ съ досадою отвѣчала на повторенныя обвиненія: «Перестаньте говорить мнѣ о Суворовѣ!» Вѣроятно, она старалась сблизить Потемкина съ Суворовымъ. Замѣтимъ, что Потемкину угрожала тогда большая опасность: при Дворѣ явился соперникъ временщика, П. А. Зубовъ. Въ цвѣтѣ лѣтъ (ему было въ 1792 г. 22 года), гордый, честолюбивый, Зубовъ смѣло возставалъ противъ стараго любимца, надѣясь на милость императрицы. Изъ офицеровъ конной гвардіи въ три года былъ онъ возведенъ въ генералъ-адъютанты и генералъ-поручики, получивъ званіе шефа кавалергардовъ и андреевскій орденъ (въ 1796 г. онъ былъ уже князь Римской имперіи, генералъ-фельдцейхмейстеръ, генералъ-губернаторъ екатеринославскій и таврическій). Кажется, Зубовъ изъявилъ пріязнь свою Суворову (старшій братъ его женился потомъ на дочери Суворова) и указывалъ императрицѣ на него, какъ на единственнаго военачальника, могущаго ручаться за побѣду.

Суворовъ вдругъ увидѣлъ неожиданную перемѣну въ отношеніяхъ Потемкина. Требуя только безусловной покорности, Потемкинъ готовъ былъ примириться и забыть прежнее. Императрица звала Суворова въ Петербургъ. Онъ поскакалъ зимою, на почтовыхъ,

и упалъ въ ноги «матушкѣ-императрицѣ», предварительно написавъ Потемкину: «Скромность, притворность, благонравіе, своенравіе, твердость, упрямство равногласны. Что изволите разумѣть? Общій порокъ человѣчества? На него пятая заповѣдь (чти отца твоего и матерь твою). По естеству или случаю, одинъ способенъ къ первой ролѣ, другой ко второй; не въ своей—оба испортятъ, хотя обоимъ воинскіе законы руководство и счастіе отъ ихъ правилъ. Кто у васъ отнимаетъ, свѣтлѣйшій князь? Вы великій человѣкъ, вы начальникъ начальниковъ, вы вѣчны, вы кратки, вамъ себя поручаю!» Умъ Екатерины примирилъ всѣ затрудненія. Надобно было наградить Суворова за безвинное терпѣніе: нельзя было дать ему награды за Очаковъ; придумали еще награду за Кинбурнъ; брильянтовое перо на каску, съ изображеніемъ буквы К (Кинбурнъ). Но лучшею наградою ему были неограниченная довѣренность Потемкина и немедленное отправленіе въ армію, гдѣ возложили на него главную обязанность.

Съ отъѣздомъ Потемкина изъ арміи, какъ будто ожилъ Румянцевъ. Ободренные успѣхомъ надъ австрійцами, турки двинулись противъ русскихъ и весною 1788 года начали кампанію. Великій визирь долженъ былъ идти на вторую русскую армію со 100.000 войска. Гассанъ, бывшій капуданъ-паша, возведенный въ сераскиры, съ 60.000 назначенъ былъ отнять Очаковъ. Въ мартѣ турки перешли Дунай. Генералъ Дерфельденъ, отряженный Румянцевымъ, разбилъ корпусъ ихъ. Румянцевъ выступилъ съ зимнихъ квартиръ. Тогда полученъ былъ имъ указъ о сдачѣ начальства надъ арміею Потемкину. Прикрывая удаленіе Румянцева ласковымъ привѣтомъ, императрица звала его на совѣщанія въ Петербургъ. Румянцевъ отозвался болѣзнью, просилъ полнаго увольненія, не дожидаясь его, сдалъ армію и жилъ уединенно близъ Ясъ. Сюда явился къ нему Суворовъ, почтительно привѣтствуя своего прежняго начальника.

Потемкинъ прислалъ повелѣніе раздѣлиться второй арміи на три корпуса: съ однимъ Рѣпнинъ расположился у Рябой Могилы; съ другимъ Кречетниковъ сталъ влѣво къ Бендерамъ; съ третьимъ—Суворовъ въ Берладѣ, находясь въ сообщеніи съ отдѣльнымъ корпусомъ австрійцевъ, подъ начальствомъ принца Кобургскаго, стоявшимъ въ Романѣ и Бакеу, послѣ перехода съ зимнихъ квартиръ изъ Галиціи. Ждали Потемкина.

Въ маѣ мѣсяцѣ оставилъ Потемкинъ Петербургъ. Онъ предварительно прислалъ новыя распоряженія: совокупляя обѣ арміи, украинскую и екатеринославскую, отдѣлилъ два корпуса изъ 1-й арміи Суворову и Рѣпнину; собралъ главный корпусъ у Ольвіополя; назначилъ четвертый корпусъ, съ княземъ Ю. В. Долгорукимъ, для дѣйствій по Днѣстру, а корпусамъ Гудовича и Ферзена велѣлъ защищать Кинбурнъ и Очаковъ. Три остальные корпуса, Каховскаго, Салтыкова, Розена, находились въ Крыму, на Кавказѣ, на Кубани. Дальнѣйшихъ распоряженій не могли дождаться. Явно было, что Потемкинъ хотѣлъ видѣть, что станутъ дѣлать австрійцы и ждалъ движенія турковъ. Противъ корпуса сераскира Гассана про-

тивопоставилъ онъ Рѣпнина, а противъ главной арміи великаго визиря назначались принцъ Кобургскій и Суворовъ, занимавшіе область между Прутомъ и Серетомъ, куда должно было устремиться сильнѣйшему натиску непріятеля. Турки хотѣли дѣйствовать наступательно, тѣмъ болѣе, что слабоумный Абдулъ-Гамидъ умеръ (17-го апрѣля) и на престолъ султанскій восшелъ юный Селимъ III-й, горѣвшій желаніемъ отмстить за униженіе оттоманскаго оружія. Онъ не хотѣлъ слышать о мирѣ; даже самъ думалъ отправиться къ войску.

Такимъ образомъ на Суворова падало главное дѣло въ кампаніи 1789 года. Онъ понималъ важность своего назначенія. Увидимъ, какъ оправдалъ онъ надежды Потемкина, Екатерины и Россіи. Товарищъ его, принцъ Кобургскій, ученикъ старой тактической школы, былъ робокъ и медлителенъ, но превосходныя качества доброй души были его достояніемъ. Суворовъ сблизился съ нимъ; умѣлъ пріобрѣсть его дружбу и полную довѣренность. Австрійцы были въ восторгѣ отъ Суворова. Храбрый полковникъ Карачай, находившійся у принца Кобургскаго, во всю жизнь свою со слезами на на глазахъ произносилъ имя Суворова. Получивъ въ то время извѣстіе о рожденіи сына, онъ просилъ Суворова быть заочно его крестнымъ отцомъ. Охотно согласившись, Суворовъ написалъ крестнику своему наставленіе (о которомъ мы будемъ говорить далѣе) и заключилъ его словами: Que Dieu vous élève au héroisme du célèbre Karatchay (да возвыситъ тебя Богъ до героизма знаменитаго отца твоего)! Но, лаская австрійцевъ, онъ зналъ, какъ надлежало обходиться съ ними въ дѣлѣ.

По его распоряженію, принцъ Кобургскій перешелъ къ Аджуду, на правомъ берегу Серета. Въ началѣ іюля услышали о движеніи турковъ: 40.000-й корпусъ оттоманскій передвинулся черезъ Дунай и шелъ на принца Кобургскаго. Онъ спѣшилъ извѣстить Суворова. Немедленно выступилъ Суворовъ. Принцъ Кобургскій безпокоился, не получая отвѣта, когда его извѣстили, что русскіе уже пришли. Въ полторы сутки Суворовъ перешелъ отъ Берлада 80 верстъ. Принцъ Кобургскій хотѣлъ видѣться съ другомъ своимъ. Суворовъ отдыхалъ въ солдатской палаткѣ, не велѣлъ сказывать, что онъ пришелъ съ войскомъ, и объявить, напротивъ, что онъ остался назади. Принцъ Кобургскій пріѣзжалъ три раза; ему повторяли одно: «Суворова нѣтъ!» Рано утромъ Суворовъ ударилъ сборъ, и безъ объясненій прислалъ приказъ выступать немедленно. Онъ сказалъ принцу Кобургскому, что надобно идти на непріятеля, стоявшаго въ 80 верстахъ, подъ Фокшанами, и не слушалъ возраженій его о малочисленности войскъ. Надлежало повиноваться. Поспѣшно отправились съ мѣста. Скрывая соединеніе русскихъ съ принцомъ Кобургскимъ, Суворовъ пустилъ передовыми австрійскіе отряды, хотя самъ былъ при нихъ, и такъ отважно уѣзжалъ впередъ, что едва не попался въ плѣнъ отряду турковъ. Двое сутокъ продолжался походъ до Маріечешти, въ 14 верстахъ отъ рѣчки Путны, гдѣ открыли передой пятитысячный отрядъ турковъ, подъ предводительствомъ храбраго Османа-паши. Велѣно было заманить

его на скрытый отрядъ, и распоряженіе было исполнено такъ удачно, что турки, встрѣченные картечью, бѣжали черезъ Путну, потерявъ до 600 человѣкъ. Свободно переправилось союзное войско черезъ Путну ночью. Турки напали, когда уже расположились союзники лагеремъ; ихъ опять встрѣтили картечами. Рано утромъ выстроились австрійцы направо, девятью кареями, шахматомъ, въ двѣ линіи; русскіе—налѣво шестью кареями, также шахматомъ; конница была сзади въ третьей линіи; Карачай съ авангардомъ находился между линіями австрійцевъ и русскихъ. Турки набѣгали отрядами и были отбиваемы. Безпорядокъ нападеній показывалъ смятеніе непріятеля. Главный лагерь турецкій былъ расположенъ у Фокшанъ, куда гнали союзники всѣ турецкіе отряды своимъ сближеніемъ. Въ верстѣ отъ лагеря турки открыли пушечную пальбу. Суворовъ велѣлъ не останавливаясь идти впередъ, вышелъ изъ-подъ выстрѣловъ, быстро открылъ жестокую пальбу и, сблизясь на 300 шаговъ, ударилъ въ штыки. Турки не выдержали и бросились бѣжать, кидая обозы и пушки, такъ что едва успѣли захватить въ плѣнъ 300 человѣкъ; 2.000 было убито. Остатокъ непріятеля ушелъ къ Рымнику и Браилову. Только въ двухъ укрѣпленныхъ монастыряхъ отважились защищаться турки, за рѣчкою Милмилкою, гдѣ въ смятеніи много непріятелей потонуло. Монастыри взяты приступомъ; въ одномъ изъ нихъ взорвало пороховой магазинъ и перебило много турковъ. Лагерь съ 16-ю знаменами и 12 пушками достался побѣдителямъ. Весь корпусъ турецкій, коимъ предводилъ сераскиръ Мустафа-паша, разсѣялся. Русскихъ войскъ было въ дѣлѣ до 7-ми, австрійскихъ—до 18-ти тысячъ. Суворовъ и принцъ Кобургскій обнялись на полѣ битвы, выигранной летучею быстротою Суворова. Потеря людей была ничтожна. Спрашивали у Суворова: почему не хотѣлъ онъ видѣться съ принцомъ Кобургскимъ по приходѣ въ Аджудъ? «Нельзя было,—отвѣчалъ Суворовъ:—онъ умный, онъ храбрый, да вѣдь онъ тактикъ, а у меня былъ планъ не тактическій. Мы заспорили бы, и онъ загонялъ бы меня дипломатически, тактически, энигматически, а непріятель рѣшилъ бы споръ тѣмъ, что разбилъ бы насъ! Вмѣсто того—ура! съ нами Богъ! и спорить было некогда!»

Императоръ наградилъ принца Кобругскаго крестомъ Маріи Терезіи. Суворовъ получилъ отъ него табакерку съ брильянтовымъ вензелемъ. Изъ Петербурга ничего не было прислано. Фокшанская битва оживила на время войну, но послѣ нея обѣ арміи, русская и австрійская, опять бездѣйствовали. Потемкинъ поѣхалъ въ Очаковъ, заложилъ на устьѣ Ингула Николаевъ, но главная квартира его только 10-го августа перешла въ Дубосары. На Суворова обращалось общее вниманіе. Отъ него ждали вѣстей, и онъ не замедлилъ исполненіемъ ожиданій. Сентября 11-го произошла памятная въ военной исторіи битва, имя коей соединилось въ потомствѣ съ именемъ Суворова.

Послѣ фокшанской побѣды корпуса Суворова и принца Кобургскаго заняли прежнія мѣста. Принцъ Кобургскій сталъ въ Аджудѣ, Суворовъ—въ Берладѣ, но разъѣзды его, бывшіе у Фальчи, узна-

ли, о движеніи Гассана и татаръ изъ Измаила, а изъ Валахіи получено было извѣстіе о переходѣ визиря черезъ Дунай. Увидя бѣглецовъ изъ-подъ Фокшанъ, визирь удивлялся разсказамъ и не вѣрилъ, что русскими предводилъ Суворовъ. «Суворовъ убитъ въ Кинбурнѣ!» говорилъ онъ. Но его увѣрили въ истинѣ, что Суворовъ живъ и что онъ страшный топалъ-паша (хромой паша—такъ называли тогда турки Суворова, потому что онъ накололъ нечаянно ногу и хромалъ). Слыша о малочисленномъ корпусѣ Суворова, визирь хотѣлъ отмстить за Фокшаны уничтоженіемъ русскихъ и австрійцевъ. Суворовъ велѣлъ принцу Кобургскому передвинуться къ Фокшанамъ и самъ перешелъ въ Пучени. По сношенію съ Потемкинымъ, Рѣпнину велѣно было идти на Гассана. Небольшая битва при Сальчѣ испугала турковъ. Рѣпнину оставалось только преслѣдовать ихъ. Онъ доходилъ до Измаила, куда укрылся непріятель, и, не смѣя отважиться на приступъ, удалился къ Сальчѣ.

Не таково было положеніе Суворова. Сентября 6-го принцъ Кобургскій извѣстилъ его, что вся армія визиря, около 100.000 человѣкъ числомъ, сближалась на него. «Спасите насъ!» писалъ принцъ Кобургскій. Суворовъ отвѣчалъ однимъ словомъ на лоскуткѣ бумаги: «Иду!» Въ полночь выступилъ онъ. Къ досадѣ его, гроза и дождь, отъ чего развело большія грязи и разрушило мостъ на Серетѣ, затруднили переходъ. Несмотря на то принцъ Кобургскій

изумился приходу Суворова, выбѣжалъ навстрѣчу ему и называлъ его спасителемъ своимъ.

Суворовъ освѣдомился о положеніи непріятеля. Главная армія визиря стояла въ Мартинешти, на рѣкѣ Рымникѣ, впадающей въ Сереть и параллельно текущей съ рѣчкою Рымною, гдѣ, въ одной линіи съ Фокшанами, влѣво отъ Мартинешти, находился авангардъ турецкій изъ 12.000 человѣкъ у Тургукукули, отдѣляясь отъ главной квартиры визирской на 15 верстъ; между ними, у Крунгумейлорскаго лѣса, стояло 15.000 янычаръ. Суворовъ предложилъ исполнить тотъ же маневръ, какой исполненъ подъ Фокшанами,— идти и разбить непріятеля. Число австрійцевъ и русскихъ было прежнее, не болѣе 25.000. Принцъ Кобургскій ужаснулся, но довѣренность его къ Суворову была такъ неограниченна, что онъ не смѣлъ спорить. Войско двинулось за рѣку Милкову и къ утру перешло 28 верстъ, до рѣчки Рымны. Здѣсь переправились ниже Тургукукули. Устроивъ войско шахматомъ изъ двухъ линій пѣхотныхъ каре и поставя конницу назади, Суворовъ самъ напалъ на турецкій авангардъ при Тургукукули, предписавъ принцу Кобургскому идти влѣво и удерживать непріятеля, стоявшаго у Крунгумейлорскаго лѣса.

Переходъ Суворова былъ совершенъ такъ быстро и тихо, нападеніе сдѣлано было такъ внезапно, что когда услышанная вдали канонада распространила тревогу въ турецкомъ лагерѣ, никто не вѣрилъ, что топалъ-паша русскій былъ тутъ и осмѣлился сразиться. Визирь пилъ кофе, чашка выпала у него изъ рукъ при извѣстіи:

«Суворовъ здѣсь и уже сражается!» Немедленно велѣлъ онъ идти на помощь авангарду. Шпіонъ, извѣстившій его, что за два дня русскіе стояли спокойно въ Пучени, былъ повѣшенъ какъ измѣн-

никъ: несчастный говорилъ правду, которую превратили въ ложь предусмотрительность и быстрота Суворова.

Помощь, отправленная визиремъ къ авангарду, состоявшая изъ 5.000 человѣкъ, подъ начальствомъ Османа-паши, бывшаго подъ Фокшанами, прискакала на мѣсто битвы поздно. Захваченные въ расплохъ, турки выслали отрядъ изъ лагеря. Онъ былъ сбитъ, смятъ, и не боясь пальбы турковъ, Суворовъ устремился на высоты. Турки бѣжали; часть ихъ обратились къ Мартинешти, другая бѣжала прямо къ мѣстечку, попавшись между перекрестнымъ огнемъ, когда Суворовъ обратился на помощь австрійцамъ; Османъ спасался бѣгствомъ. Всѣ укрѣпленія между Тургукукули и Крунгумейлоромъ сдѣлались безполезны. Турки, спѣшившіе отъ Крунгумейлорскаго лѣса съ отрядомъ Османа, въ числѣ 15.000, попали подъ пушки принца Кобургскаго и бѣжали. Видя гибель отвсюду, визирь двинулъ отъ Мартинешти 20.000 и хотя былъ боленъ, но самъ выѣхалъ передъ войско въ каретѣ. Ударъ почти 40.000, сплоченныхъ въ густую толпу, былъ опасенъ. Слѣдуя приказу Суворова, принцъ Кобургскій отстрѣливался картечами и отражалъ штыками отважныхъ янычаръ, пробившихся къ его кареямъ. Шесть разъ возобновлялись атаки турковъ. Принцъ посылалъ къ Суворову адъютанта за адъютантомъ. «Скажи, чтобы держались,—отвѣчалъ Суворовъ,—а бояться нечего: я все вижу!» Онъ далъ часъ на роздыхъ своему войску, двинулся мгновенно и вывелъ въ бой всю линію русскихъ войскъ, такъ что составляя съ австрійцами прямой уголъ, она ударила прямо во флангъ турковъ. Напрасно визирь, забывая болѣзнь свою, пересѣлъ на лошадь и съ кораномъ въ рукѣ уговаривалъ бѣгущихъ, даже велѣлъ стрѣлять въ нихъ изъ пушекъ—все было тщетно! Толпы турковъ бѣжали за лѣсъ. Суворовъ велѣлъ очистить лѣсъ, гдѣ засѣлъ непріятель, и, когда союзники вышли на долину, простирающуюся отъ лѣса на семь верстъ до рѣки Рымника, вся эта долина представляла зрѣлище бѣгства, безпорядка и гибели. Бѣглецы смѣшивались съ шедшими изъ-за рѣки, гдѣ находился лагерь самаго визиря, и сбивали другъ друга взаимно. Все пространство покрыто было мертвыми, ранеными, пушками и обозами. Визирь въ отчаяніи бѣжалъ за рѣку, во многихъ мѣстахъ запруженную трупами людей, лошадьми, пушками, обозомъ. Картечные выстрѣлы и конница довершили пораженіе. Вечерѣло, когда союзники вступили въ лагерь, бывшій на лѣвомъ берегу Рымника. Принцъ Кобургскій явился къ Суворову съ своими генералами и офицерами и не зналъ, какъ благодарить его. На другой день, рано утромъ, завладѣли визирскимъ лагеремъ, взяли даже шатеръ его, богато вышитый золотомъ. Турки бѣжали къ Браилову и не останавливаясь переправлялись за Дунай. Визирь не перенесъ позора пораженія; онъ умеръ въ какой-то румельской деревнѣ, терзаемый горестью. Число погибшихъ турковъ полагали болѣе 10.000; весь обозъ, 100 знаменъ, 80 пушекъ и мортиръ достались побѣдителямъ, кромѣ богатой добычи и запасовъ. Въ числѣ пушекъ было много австрійскихъ. Въ дѣлежѣ ихъ произошелъ споръ: «Отдайте имъ,—сказалъ Суворовъ,—вѣдь они свое берутъ. Мы еще себѣ достанемъ, а имъ гдѣ взять?» Уронъ союзниковъ былъ ничтожный.

Такъ совершилась знаменитая побѣда, которую австрійцы назвали битвою подъ Мартинешти, а русскіе рымникскою. Она произвела всеобщій восторгъ въ Австріи и Россіи. Императоръ спѣшилъ наградить побѣдителей. Суворовъ возведенъ былъ въ графы Римской имперіи; принцъ Кобургскій пожалованъ фельдмаршаломъ. Екатерина наградила «своего генерала» по царски: орденъ св. Георгія 1-й степени, графское достоинство, съ названіемъ Рымникскаго, брильянтовые знаки андреевскаго ордена, и ему и принцу Кобургскому шпаги, осыпанныя брильянтами, съ надписью: Побѣдителю визиря, свидѣтельствовали признательность императрицы. «Всегда и у всякаго равно пріобрѣли бы вы побѣды и награды,—писалъ Суворову Потемкинъ,—но не всякій съ такимъ удовольствіемъ, какъ я, препроводилъ бы вамъ награду. Увѣрься, графъ А. В., что я добрый человѣкъ и буду такимъ!»—«C'est avec un double plaisir", писалъ принцъ Кобургскій Суворову, „que je reçois le premier souvenir de votre incomparable Impératrice par les mains de mon ami auquel je dois le bonheur d'avoir vaincu les ennemis des illustres empires. Permettez, *mon sublime maître*, que je témoigne à V. E. toute ma reconnaissance de la part glorieuse, que vous méritez de cette victoire et des suites fécondes qui en résultent". *) Слава и почести наградили Суворова за прошедшее.

«Comtesse de deux empires (графиня двухъ имперій)», писалъ онъ дочери, «у меня горячка въ мозгу, да и кто выдержитъ? Слышала ли ты, сестрица, душа моя: еще de ma magnanime mère рескриптъ, на полулистѣ, какъ будто Александру Македонскому: знаки св. Андрея тысячъ въ пятьдесятъ, да выше всего, голубочка, первый классъ св. Георгія! Вотъ каковъ твой папенька за доброе сердце! Чуть было, право, отъ радости не умеръ!»—Восхищенный своимъ Александромъ Діогеновичемъ, принцъ де-Линь писалъ Суворову: «Любезный братъ Александръ Филипповичъ, зять Карла XII-го, племянникъ Баярда, потомокъ де-Блуаза и Монлюка! Ты заставилъ меня плакать отъ радости и удивленія! Надѣюсь вмѣстѣ съ тобою проливать кровь невѣрныхъ, хочу быть твоимъ подражателемъ! Удостой меня немногою дружбою взамѣнъ моего жаркаго къ тебѣ почтенія!»—«Дядюшка потомокъ Юлія Цесаря, внукъ Александра Македонскаго, правнукъ Іисуса Навина,—отвѣчалъ ему Суворовъ, «уваженіе, почтеніе, дружба мои къ тебѣ неизмѣнны, я хочу тебѣ подражать. Мы такъ зальемъ кровью невѣрныхъ поля, что на нихъ ничто уже не выраститъ. Сила рѣшитъ, а счастіе пособитъ. Мы пожнемъ толпы враговъ, какъ стѣнобитное орудіе поражаетъ крѣпости, и я обниму тебя въ тѣхъ вратахъ, гдѣ палъ послѣдній Палеологъ, и скажу: видишь—я сдержалъ слово—побѣда или смерть! И громъ славы нашей наполнитъ вселенную, вельможа съ чистымъ сердцемъ, Сюлли Іосифа, осторожный Улиссъ!»

---

*) „Съ удвоеннымъ удовольствіемъ получаю я первый знакъ памяти вашей несравненной императрицы черезъ васъ, моего друга, коему одолженъ счастіемъ побѣды надъ врагами знаменитыхъ имперій. Позвольте, *мой великій учитель*, засвидѣтельствовать В. П. всю мою благодарность за славное участіе, которому одолжены мы побѣдою и обильными слѣдствіями, отъ нея происшедшими".

Принцъ Кобургскій справедливо называлъ рымникскую битву обильною послѣдствіями. Почти безъ боя (ибо фокшанская и рымникская битвы были пораженія, а не сраженія) русскіе очистили все пространство земель до Дуная, заняли Кишеневъ, Каушаны, Паланку, Аккерманъ. Сентября 14-го взято приморское укрѣпленіе Гаджибей, находящееся на томъ мѣстѣ, гдѣ черезъ нѣсколько лѣтъ заложена была великолѣпная Одесса. Едва явился Потемкинъ передъ Бендерами, эта крѣпость, защищаемая 16.000 гарнизона и 300 пушекъ, сдалась безъ всякаго сопротивленія. Не менѣе успѣшно воевали австрійцы. Ослабленіе силъ турецкихъ на верхнемъ Дунаѣ, и ужасъ, распространившійся между турками послѣ рымникской битвы, дали возможность Лаудону взять Бербиръ, изгнать турковъ изъ Банната, и наконецъ овладѣть Бѣлградомъ (въ концѣ сентября), за что наградою его былъ чинъ генералиссимуса. Принцу Кобургскому велѣно было занять Валахію. Онъ безъ сопротивленія вступилъ въ Бухарестъ. Турки стояли за Дунаемъ. Войска союзниковъ расположились на зимнія квартиры. Русскіе занимали области отъ Бендеръ до Яссъ, гдѣ была главная квартира Потемнина. Суворовъ оставался въ Берладѣ.—Но къ чему вели подвиги изумительные? Потемкинъ велъ переговоры о мирѣ съ Гассаномъ, возведеннымъ въ санъ великаго визиря, и, мечтая прежде о завоеваніи Царьграда, съ досадою видѣлъ, что турки спорятъ объ утвержденіи за Россіею даже тѣхъ земель, коими она уже нѣсколько лѣтъ обладала?

Не такихъ слѣдствій ожидалъ, да не такъ хотѣлъ и поступать Суворовъ. «Для чего нейдемъ мы къ Царьграду, когда флотъ нашъ въ то же время осадилъ бы султанскую столицу съ моря?» говорилъ онъ другу своему Дерфельдену. «Надобно пользоваться побѣдою—впередъ, впередъ! Время всего дороже. Отвѣчаю за успѣхъ, если мѣры будутъ наступательныя. Для чего мѣры оборонительныя?.. Что еще ждать намъ визиря и стоять на мѣстѣ, бить тупымъ концомъ, когда можемъ колоть острымъ?» Слова Суворова не были хвастовствомъ: онъ доказывалъ ихъ на дѣлѣ,—не въ его волѣ было исполнить то, что казалось ему такъ легко для исполненія...

Другія помышленія занимали тогда Австрію, Россію, Екатерину, Іосифа, Потемкина. Терзаемый неисцѣлимою, предсмертною болѣзнью, униженный несчастнымъ началомъ войны съ Турціею, обманутый во всѣхъ своихъ реформахъ, видя волненія въ Нидерландахъ и Венгріи, Іосифъ хотѣлъ мира, требовалъ спокойствія, совершенно разочарованный въ жизни, потерявшій всякую систему въ политикѣ. Пользуясь его душевнымъ и тѣлеснымъ разстройствомъ, Пруссія оспорила у него первенство въ политикѣ, скрѣпляла союзъ съ Польшею и Швеціею, повелительно принуждала Іосифа къ миру съ оттоманами, даже поставила войско на границѣ, угрожая войною. Лаудонъ долженъ былъ отложить турецкую войну и принять начальство надъ австрійскимъ войскомъ, выставленнымъ противъ прусскаго. Оскорбленная поступками Пруссіи и Польши, видя неспособность Потемкина какъ полководца, но не рѣ-

шаясь смѣнить его, досадуя, что побѣды не принуждаютъ Швецію къ миру, и не надѣясь болѣе на Іосифа, Екатерина строго подтверждала Потемкину мириться съ Турціею, требуя только одного: не унизить достоинства Россіи миромъ. Другія предпріятія увлекали императрицу. Потемкинъ, дряхлый отъ трудовъ, роскоши, пресыщенія всѣми благами мира и терзаній ненасытнаго властолюбія, чувствовалъ изнуреніе силъ, близость смерти (хотя ему было только 56 лѣтъ). Чувство честолюбія сохранилось еще въ немъ, но не прежняго, высокаго, соединеннаго съ мечтами о славѣ и благѣ отечества,—честолюбія мелкаго, соединеннаго съ боязнью видѣть себя смѣненнымъ при Дворѣ новымъ временщикомъ, дожить до опалы, паденія, низверженія съ той степени силы и власти, на которой стоялъ онъ пятнадцать лѣтъ. Какъ самовластитель роскошествуя въ Яссахъ, осыпанный новыми наградами (онъ былъ пожалованъ шефомъ полка его имени, 100.000-ми рублей, брильянтовымъ вѣнкомъ въ 150.000 рублей, чиномъ гетмана казацкихъ войскъ), Потемкинъ замѣчалъ явное измѣненіе въ поступкахъ Екатерины. Онъ искалъ мира съ Турціею, велъ переговоры и видѣлъ неудачу, ибо юный султанъ, подкрѣпляемый политикою Англіи, Пруссіи и Франціи, не робѣлъ русскихъ побѣдъ и понималъ, что онѣ ни къ чему не поведутъ побѣдителей при тогдашнемъ положеніи европейской политики.

Такъ прошла зима 1789 года. Императоръ и Потемкинъ ничего не оканчивали, и ни тотъ, ни другой не думали о рѣшительныхъ военныхъ дѣйствіяхъ. Въ февралѣ 1790 года скончался Іосифъ. Мѣсто его заступилъ кроткій Леопольдъ. Медленно началъ Потемкинъ движенія русскихъ войскъ. Леопольдъ смирилъ гордость, дотолѣ изъявляемую Австріею, съѣхался съ королемъ прусскимъ въ Рейхенбахѣ и договаривался съ нимъ о мирѣ при посредствѣ Англіи и Голландіи. Только въ дѣлежѣ не могли условиться. Пруссія требовала себѣ Данцига и Торуна, съ тѣмъ, что Австрія возвратитъ Польшѣ Галицію, за которую обѣщали Леопольду выторговать у султана часть Валахіи. Переговоры шли безъ участія Екатерины. Не только не требовали ея согласія, но полагали, въ случаѣ упорства ея, обратить на нее силы Австріи и Пруссіи, подкрѣпляя Турцію, Швецію и Польшу. При такомъ отношеніи, Екатерина уже не думала о Турціи. Войну поддерживали для вида. Два корпуса русскіе придвинулись къ польскимъ предѣламъ. Третій собрался на Двинѣ; остальное войско прикрывало Очаковъ и Бендеры. Только Суворовъ оставался для дѣйствій въ Берладѣ. Желая ускорить переговоры о мирѣ съ султаномъ, австрійцы заняли Орсову, осадили Журжду, но были отбиты, и турки рѣшились остановить непріятеля. Визирь перешелъ черезъ Дунай въ Рущукѣ съ 80.000 войска. Принцъ Кобургскій просилъ помощи. Суворову велѣно соединиться съ нимъ. Герой радостно полетѣлъ въ битву. Безъ сомнѣнія, турковъ ожидала гибель, тѣмъ болѣе, что принцъ Кобургскій имѣлъ до 45.000 войска, но судьба вырвала у Суворова новую побѣду! Смотря по слухамъ о приближеніи визиря и успѣхахъ или замедленіи переговоровъ съ султаномъ

австрійцевъ, Потемкинъ то подвигалъ, то останавливалъ Суворова. Іюля 10-го Суворовъ былъ уже въ Киліенахъ—и простоялъ здѣсь двѣ недѣли; двинулся до Гинешти—и стоялъ мѣсяцъ; въ два дня перешелъ 70 верстъ до Низапени—и снова мѣсяцъ бездѣйствовалъ. Наконецъ велѣно было сражаться. Въ три дня пролетѣлъ Суворовъ 126 верстъ, до Афумача, близъ Бухареста, увидѣлся съ другомъ своимъ, принцемъ Кобургскимъ, расположилъ планъ битвы... еще нѣсколько часовъ, и битва огласила бы берега Дуная! Но вмѣсто того принцъ Кобургскій получилъ извѣстіе о мирѣ Австріи съ Турціею и приказъ о немедленномъ очищеніи Валахіи. Потемкинъ ужаснулся, видя, что Суворовъ остается съ малымъ корпусомъ противъ визиря, и спѣшилъ возвратить его. «Австрійцы кончили, мой милостивый другъ!» писалъ онъ. «Только что курьеръ пріѣдетъ къ вамъ, вы въ свое мѣсто!»—«Если и не кончили еще австрійцы», писалъ онъ вторично, «идите обратно. Для чего драться и терять людей за землю, которую уже рѣшено отдать?»

Надлежало повиноваться, и Суворовъ повиновался. Принцъ Кобургскій плакалъ, прощаясь съ нимъ. Суворовъ отошелъ въ Киліены и въ концѣ сентября сталъ у Максимени, въ 35 верстахъ отъ Галаца. Потемкинъ просилъ его совѣта о военныхъ дѣйствіяхъ. Суворовъ предложилъ ему овладѣть устьями Дуная посредствомъ гребнаго флота, взять Тульчу и Исакчу, а потомъ съ помощью флота овладѣть Измаиломъ, Браиловомъ, и угрожать туркамъ переходомъ за Дунай. Суворовъ ждалъ послѣ этого приказа—его не было. Потемкинъ молчалъ, велъ переговоры и строго запрещалъ всѣ непріятельскія дѣйствія. Только флоты русскій и турецкій сражались между собою. Между тѣмъ августа 3-го кончилась война съ Швеціею верельскимъ миромъ. Наступила осень. Потемкинъ рѣшился дѣйствовать.

Непостижимо, почему не хотѣлъ онъ препоручить исполненія дѣла Суворову! Неужели справедливы были подозрѣнія, что Потемкинъ завидовалъ ему? Кажется, и самъ Суворовъ раздѣлялъ мнѣніе другихъ. Въ октябрѣ получилъ онъ письмо друга своего, принца Кобургскаго. Выступая изъ Валахіи, принцъ Кобургскій писалъ: «Ничто не печалитъ меня такъ, какъ разлука съ вами, другомъ моимъ: я узналъ васъ при важныхъ событіяхъ, люблю какъ человѣка, уважаю какъ героя. Продолжите дружбу вашу. Не имѣлъ я силъ проститься съ вами лично. Никогда не будетъ у меня такого, какъ вы, друга, и никого болѣе васъ не буду я уважать во всю жизнь мою!»

Между тѣмъ по приказанію Потемкина осаждали Килію и обложили Измаилъ. Рибасъ очистилъ Дунай отъ турецкихъ лодокъ. Килія сдалась Гудовичу октября 18-го. Гудовичъ обратился къ Измаилу, пока Рибасъ занималъ Тульчу и Исакчу. Потемкинъ думалъ угрозами взять Измаилъ, но Измаилъ былъ не Килія, не Тулча и не Исакча. Грозныя стѣны его защищалъ сорокатысячный гарнизонъ, подъ начальствомъ сераскира, поклявшагося умереть, а не сдаваться. Генералъ-майоръ М. Л. Кутузовъ, безсмертный впослѣдствіи великою войною 1812 г., началъ осаду. Ноября 20-го Гу-

довичъ донесъ Потемкину о невозможности взять Измаилъ въ настоящемъ году. «Вижу пространныя толкованія, а не вижу вреда непріятелю», отвѣчалъ ему Потемкинъ и 25-го ноября послалъ приказъ Суворову взять Измаилъ. Отвѣтъ Суворова состоялъ въ словахъ: «Получа повелѣніе, В. С., отправился я къ Измаилу. Боже, дай помощь свою!»

Но русскіе уже отступили отъ Измаила, не дожидаясь распоряженій Потемкина, изнуряемые осеннею непогодою, болѣзнями, недостаткомъ запасовъ и снарядовъ. Потемкинъ, всегда раздумчивый и робкій, когда надлежало дѣйствовать, испугался слѣдствій своего приказа Суворову и, увѣдомляя его объ отступленіи Гудовича, писалъ: «Получивъ извѣстіе объ отступленіи русскихъ войскъ отъ Измаила, предоставляю В. С. рѣшить: продолжать или оставить предпріятіе на Измаилъ? Вы на мѣстѣ. Руки у васъ развязаны, и вы, конечно, не упустите ничего, что способствуетъ пользѣ службы и славѣ оружія».

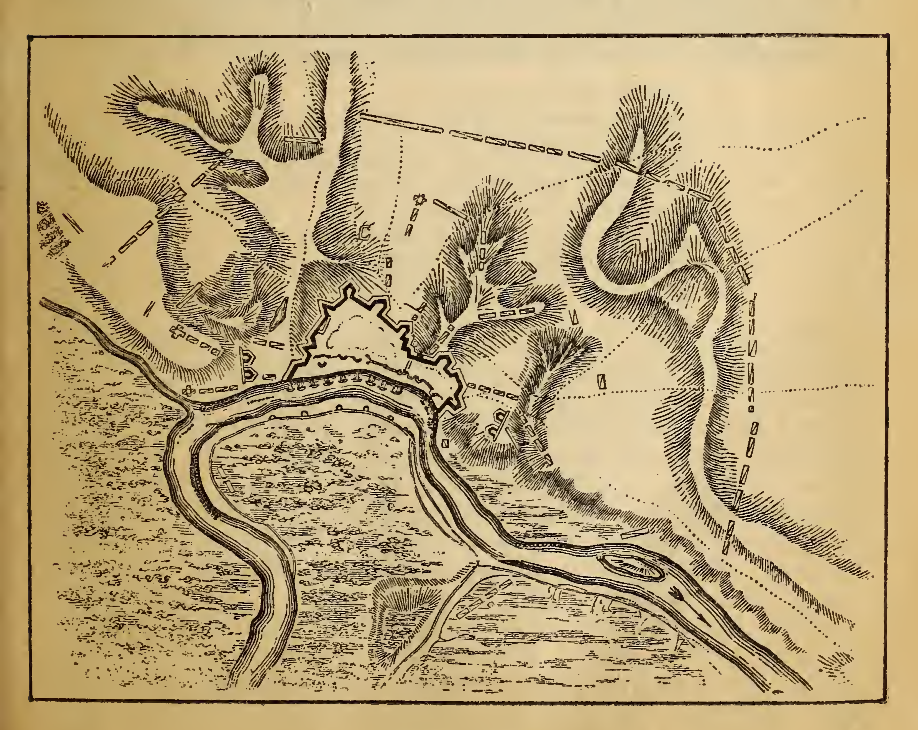
Такимъ образомъ на отчетъ Суворова отданъ былъ подвигъ, огромность коего донынѣ изумляетъ смѣлыхъ и опытныхъ воиновъ. Графъ Дибичъ, находясь въ Андріанополѣ, вблизи Царьграда, говорилъ: «Взятіе Измаила почитаю я самымъ отважнымъ дѣломъ въ военной исторіи—я не рѣшился бы на него!» Суворовъ, рѣшаясь на взятіе Измаила, клалъ въ таинственную урну судьбы славу сорокалѣтнихъ подвиговъ, болѣе—самую жизнь свою, ибо позора неудачи не могъ бояться рымниковскій герой: онъ рѣшался не пережить его. Но дабы судить о высокомъ рѣшеніи Суворова, надобно знать, что былъ тогда Измаилъ.

Эта громадная крѣпость, по обширности своей названная турками орду-калеси (крѣпость сбора войскъ), занимала въ окружности 10 верстъ и, составляя треугольникъ, примыкалась одною стороною къ Дунаю, гдѣ ограждала ее каменная стѣна; съ другихъ сторонъ былъ земляной валъ, въ 4 сажени вышиною, со рвомъ въ 7 саженъ глубины; 250 пушекъ и 40.000 гарнизона (въ томъ числѣ наполовину было спаговъ и янычаръ) охраняли Измаилъ, подъ начальствомъ сераскира Аудузлу-паши, старика, посѣдѣлаго въ битвахъ. При немъ было нѣсколько пашей и находился братъ крымскаго хана, Капланъ-Гирей, съ шестью юными сыновьями. Надобно вспомнить объ отчаянной храбрости турковъ при защитѣ крѣпостей: робкій бѣглецъ въ полѣ, оттоманъ непобѣдимъ за стѣнами крѣпости! Для взятія Измаила у Суворова было 28.000 войска, унылаго, ослабленнаго недостатками, наполовину состоявшаго изъ казаковъ. Время было ужасное: грязь и холодъ отнимали средства дѣйствовать.

Послѣ перваго отвѣта Потемкину, посланнаго изъ Галаца, Суворовъ сѣлъ на казацкую лошадь и на другой день съ отрядомъ казаковъ былъ уже подъ Измаиломъ (2-го декабря). «Къ Измаилу я прибылъ», написалъ онъ немедленно къ Потемкину. Войска уже отступали. Суворовъ приказалъ воротиться. Двумысленное повелѣніе Потемкина растолковалъ онъ по-своему: «Воля отступать и не отступать, слѣдовательно отступать не приказано.» «Безъ особа-

го повелѣнія вашего безвременно отступить было бы постыдно», писалъ онъ Потемкину, отъ 3-го декабря. «Ничего не обѣщаю. Гнѣвъ и милость Божія въ его провидѣніи; войско пылаетъ усердіемъ къ службѣ!»

Суворовъ не обманывалъ. Одно волшебное имя его уже переродило всѣхъ. На военномъ совѣтѣ тѣ самые люди, которые приходили въ отчаяніе за два дня, положили единодушно: «штурмовать Измаилъ—блокада безполеезна; спрашивать повелѣній не нужно; отступать предосудительно». Платовъ, славный въ войнѣ 1812 года, какъ младшій изо всѣхъ, первый подписалъ рѣшеніе совѣта и первый подалъ голосъ: «штурмовать» «Хорошо, помилуй Богъ, хорошо!» воскликнулъ Суворовъ, обнимая его. «Сегодня молиться, завтра учиться, послѣ завтра—побѣда или смерть!» вскричалъ онъ, когда утверждено было общее рѣшеніе. Къ сераскиру послали декабря 2-го требованіе о сдачѣ. Онъ совѣтовалъ русскимъ «убраться поскорѣе, если не хотятъ погибнуть отъ холода и голода». Послали еще разъ. «Скажи Суворову,—былъ отвѣтъ сераскира,— что прежде небо упадетъ на землю и Дунай потечетъ кверху, нежели я сдамъ Измаилъ!» Между тѣмъ русскіе дѣятельно готовили фашины и лѣстницы. Суворовъ самъ училъ солдатъ, какъ ставить лѣстницы, какъ лѣзть на стѣны и сражаться. Утромъ 10-го числа, желая занять вниманіе турковъ, открыли пальбу съ флота

Штурмъ Измаила.

и съ двухъ батарей. Вечеромъ она смолкла. Сильнымъ морозомъ скрѣпило грязь. Войско было готово. Пала темная ночь, послѣдняя для столькихъ тысячъ храбрыхъ! Все войско русское дѣлилось на три отдѣленія, и въ каждомъ было по три колонны. Первымъ отдѣленіемъ начальствовалъ генералъ-поручикъ Потемкинъ (П. С.), вторымъ—генералъ-поручикъ Самойловъ, третьимъ—Рибасъ (бывшій тогда контръ-адмираломъ и снова изъявлявшій Суворову прежнюю дружбу). Начальниками колоннъ были: генералъ-майоры Львовъ, Ласси, Мекнобъ, Безбородко, Кутузовъ, Арсеньевъ, бригадиры Платовъ, Орловъ, Марковъ, атаманъ запорожскій Чепега. Волонтерами при войскѣ находились: сынъ принца де-Линя, эмигранты: герцогъ Фронсакъ (впослѣдствіи достопамятный герцогъ Ришельё, градоправитель одесскій и министръ Людовика XVIII-го), графъ Ланжеронъ (герой 1812 года), графъ Валеріанъ Зубовъ, братъ любимца императрицы. Нельзя не удивляться, читая подробности диспозиціи штурма: каждому предписывалось въ точности назначеніе его. Ни въ городѣ, ни въ лагерѣ русскихъ никто не спалъ. Полки двигались. Осажденные готовились, увѣдомленные отъ перебѣжчиковъ о наступающей грозной минутѣ. Суворовъ объѣзжалъ войско; говорилъ съ офицерами и солдатами; являлся всюду. Радостно привѣтствовали его солдаты. Въ три часа взлетѣла ракета—всѣ взялись за оружіе; въ четыре часа другая—построились; въ пять третья—и въ одно мгновеніе колонны двинулись къ Измаилу. Стѣны Измаила вспыхнули огнемъ, и скоро крики Ура!, Алла! показали начало неслыханнаго воинскаго подвига...

Везувій пламень изрыгаетъ,
Столпъ огненный во тмѣ стоитъ,
Багрово зарево зіяетъ,
Дымъ черный клубомъ въ верхъ летитъ;
Блѣднѣетъ Понтъ, реветъ громъ ярый,
Ударамъ въ слѣдъ гремятъ удары,
Дрожитъ земля, дождъ искръ течетъ,
Клокочутъ рѣки рдяной лавы —
О Россъ! таковъ твой образъ славы,
Что зрѣлъ подъ Измаиломъ свѣтъ!

Такъ описывалъ взятіе Измаила Державинъ. Не будемъ разсказывать подробностей, довольствуясь немногими чертами. «Въ Измаилѣ не крѣпость была взята, но истреблена была сорокатысячная армія, защищенная укрѣпленіями», говорилъ Потемкинъ въ донесеніи. Побѣдители сами изумлялись, когда днемъ осматривали рвы и валы, по которымъ перешли ночью подъ губительнымъ огнемъ непріятелей. Первый взошедшій на стѣны былъ майоръ Неклюдовъ, вызвавшійся идти съ охотниками. Прежде всѣхъ достигла на валъ колонна Ласси. Бросивъ лѣстницы, солдаты лѣзли безъ нихъ, втыкая въ валъ штыки. Въ одномъ мѣстѣ русскіе дрогнули,— среди нихъ явился священникъ и именемъ Бога Побѣдодавца, держа въ рукѣ крестъ, повелъ ихъ впередъ. Колонна Кутузова остановилась. Онъ извѣстилъ Суворова о невозможности идти далѣе. «Скажите Кутузову, что я жалую его комендантомъ Измаила! отвѣчалъ Суворовъ. «Мы другъ друга знаемъ», говорилъ Суворовъ послѣ

взятія Измаила, «ни онъ, ни я не пережили бы неудачи!» Въ 8 часовъ утра русскіе овладѣли всѣми внѣшними укрѣпленіями,

но имъ предлежала битва не менѣе страшная. Каждая улица, каждый домъ были оспориваемы съ оружіемъ въ рукахъ. Капланъ-Гирей сражался, окруженный своими сыновьями; пятеро изъ нихъ пали въ его глазахъ, и на трупы ихъ послѣдній палъ отецъ! Сераскиръ убитъ въ свалкѣ. Сражались даже женщины, ибо пощады не было; только одинъ человѣкъ ушелъ изъ Измаила и принесъ визирю вѣсть о взятіи русскими непобѣдимой крѣпости: до 23.000 турковъ было убито, и только до 5.000, и то большею частью раненыхъ, взято въ плѣнъ. Въ числѣ убитыхъ было около 60 пашей. Въ 4 часа пополудни Измаилъ лежалъ безмолвною могилою, опаленный пожаромъ, залитый кровью, заваленный трупами, и Суворовъ писалъ императрицѣ: «Гордый Измаилъ у ногъ В. И. В.», а къ Потемкину: «Не бывало крѣпости крѣпче, не бывало обороны отчаяннѣе обороны Измаила, но Измаилъ взятъ; поздравляю В. С.».

Изъ 28.000 русскихъ было убито до 4.000, ранено 6.000; изъ 650 офицеровъ убито и ранено до 400. Въ числѣ убитыхъ были: бригадиръ Рибоньеръ, 7 полковниковъ, 8 майоровъ; въ числѣ раненыхъ: 5 генераловъ (изъ нихъ Мекнобъ умеръ отъ раны), 12 полковниковъ и подполковниковъ, 24 майора. Добыча войску досталась несмѣтная: огромные запасы хлѣба, пшена, кофе, рыбы, скота, лошадей. Имѣнія турковъ свезены были въ Измаилъ для сохраненія изъ Киліи, Аккермана, Хотина, Бендеръ. Изъ числа

жителей уцѣлѣло 6.000 женщинъ и дѣтей, 2.000 молдаванъ и армянъ, 200 татаръ, 500 жидовъ. Знаменъ и древковъ знаменныхъ, съ коихъ знамена сорвали въ дракѣ, взято было 595, пушекъ—232. На другой день Суворовъ пѣлъ благодареніе Богу въ церкви греческаго монастыря св. Іоанна и подлѣ могилы Вейсмана похоронилъ Рибоньера. Шесть дней очищали городъ. Трупы турковъ бросали въ Дунай. Черезъ два дня былъ пиръ на кораблѣ у Рибаса; потомъ пировали у генерала Потемкина. Черезъ недѣлю войско пошло на зимнія квартиры. Суворовъ отправился въ Галацъ попрежнему, верхомъ, на казацкой лошадкѣ.

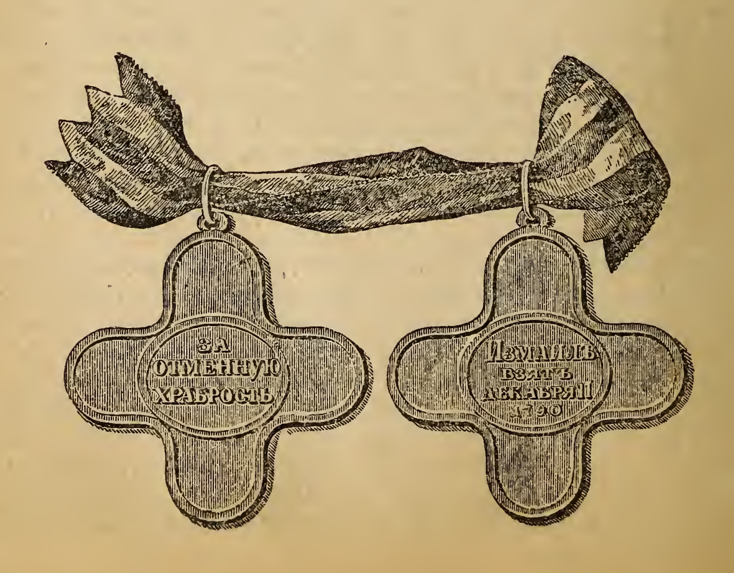
Взятіе Измаила поставило имя Суворова выше всѣхъ его современниковъ. Онъ не скрывалъ, что гордится своимъ подвигомъ, не скрывалъ и своего негодованія, когда при первомъ личномъ свиданіи Потемкинъ встрѣтилъ его словами: «Чѣмъ могу наградить тебя, Александръ Васильевичъ?» «Кромѣ Бога и императрицы никто наградить меня не можетъ: я не купецъ и не торговаться съ вами пріѣхалъ!» отвѣчалъ Суворовъ. Пора было высказать истину Потемкину! Суворовъ уже не боялся его и не думалъ о томъ, что гордый временщикъ оскорбится. Они разстались холодно. Императрица звала Суворова въ Петербургъ въ январѣ. Онъ отправился въ столицу и былъ пожалованъ въ подполковники гвардіи Преображенскаго полка. Награда была не щедрая за подвигъ неслыханный,

ибо подполковниковъ гвардейскихъ считалось тогда одиннадцать: фельдмаршалы Разумовскій, Румянцевъ, Потемкинъ; генералъ-аншефы—два Салтыковыхъ, Брюсъ, Рѣпнинъ, Прозоровскій, Мусинъ-Пушкинъ, Долгорукій,—Суворовъ былъ младшій изъ всѣхъ. Ожидали, что Суворова наградятъ чиномъ фельдмаршала, но Потемкинъ не хотѣлъ, изъявилъ Суворову немилость свою и уже не прощалъ его. Въ февралѣ 1791 года пріѣхалъ Потемкинъ, въ послѣдній разъ, въ Петербургъ. Все раболѣпствовало передъ нимъ, хотя власть Зубова усилилась. Императрица казалась попрежнему внимательною къ Потемкину; приписывала ему всѣ успѣхи войны, велѣла сенату заготовить особенную грамоту, воздвигнуть дворецъ и передъ нимъ поставить памятникъ Потемкину; пожаловала ему фельдмаршальскій мундиръ, обшитый брильянтами. О Суворовѣ не было сказано ни одного слова. Потемкинъ приготовилъ великолѣпный пиръ въ Таврическомъ дворцѣ и удивилъ столицу роскошью своего пира. При звукахъ музыки пѣли тогда: Звукъ Измайла раздается (извѣстный Польскій: Громъ побѣды раздавайся—слова Державина, музыка Козловскаго), а покорителя измаильскаго не было на пирѣ! За три дня Екатерина призвала его къ себѣ, говорила съ нимъ и какъ будто невзначай сказала: «Я пошлю васъ, А. В., въ Финляндію». Суворовъ понялъ, бросился къ ногамъ ея, поклонился ей въ землю, возвратясь домой сѣлъ въ почтовую тѣлежку и уже изъ Выборга написалъ императрицѣ: «Жду повелѣній твоихъ, матушка!» Суворовъ надѣялся однакожъ, что его обратятъ въ дѣйствующую армію, и съ огорченіемъ увидѣлъ, что ему препоручили укрѣпленіе шведскихъ границъ, когда Потемкинъ снова отправился воевать. Заботъ о войнѣ было ему однакожъ немного, ибо до пріѣзда его было все кончено: Рѣпнинъ разбилъ визиря за Дунаемъ, подъ Мачиномъ, 27-го іюля и подписалъ миръ 31-го іюля. Россія удовольствовалась землями по Днѣстръ, подтвержденіемъ кучукъ-кайнарджійскаго договора и дополнительной конвенціей о Крымѣ и татарахъ, заключенной въ 1783 году. Не такъ думалъ Потемкинъ кончить войну, начиная ее въ 1787 году! Онъ жилъ послѣ этого недолго, томился тяжкою, предсмертною болѣзнью два мѣсяца, хотѣлъ «умереть въ своемъ Николаевѣ», поѣхалъ туда, и на 38-й верстѣ отъ Яссъ неумолимая судьба ждала его—часъ смерти сблизился. Потемкинъ велѣлъ вынести себя изъ кареты—на землю разостлали плащъ, положили на него умирающаго,—и октября 5-го 1791 года не стало Потемкина.

Румянцевъ, жившій въ своемъ уединеніи, заплакалъ и сказалъ: «Потемкинъ былъ врагъ мой, но человѣкъ великій!» Немного лѣтъ жизни оставалось Румянцеву и Екатеринѣ, но время мчалось и приносило новыя событія, когда «травой забвенія» зарастали поля Кагула, степи Очакова, слѣды битвы рымникской и развалины измаильскія... Мечты лелѣяли живыхъ. Память добрая или худая до могилы означали бытіе отжившихъ. «Се человѣкъ, се образъ мірскихъ суетъ—бѣги отъ нихъ, мудрый!» писалъ Суворовъ въ отвѣтъ на увѣдомленіе о кончинѣ Потемкина, когда вдохновенный современный ему бардъ вѣка Екатерины восклицалъ въ поученіе современникамъ:

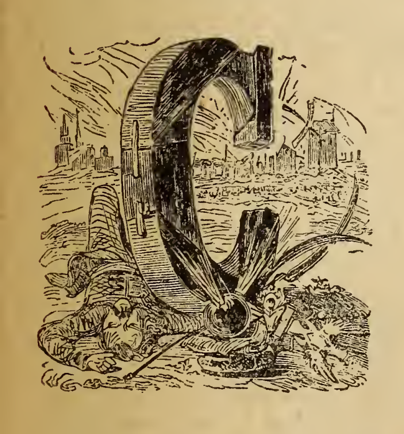
Чей одръ — земля, кровь — воздухъ синь,
Чертоги — вкругъ пустынны виды?
Не ты ли, счастья, славы сынъ,
Великолѣпный князь Тавриды,
Не ты ли, съ высоты честей
Внезапно палъ среди степей?

исчисляя дѣла и подвиги Потемкина и изображая дивный жребій его въ поэтическихъ картинахъ. Но кто внемлетъ поучительному голосу мудрости, когда жизнь обольщаетъ своею прелестью?

ГЛАВА VIII.

Суворовъ въ Финляндіи.—Участь Польши.—Начало революціи.—Раздѣлъ Польши въ 1793 году.—Косцюшко.—Возстаніе Польши въ 1794 году. Походъ Суворова.

Суворовъ могъ почитать свое назначеніе въ Финляндію почетнымъ удаленіемъ по волѣ Потемкина. Императрица смягчила такую неожиданную немилость къ покорителю Измаила предлогомъ важнаго порученія, приказывая Суворову осмотрѣть всю шведскую границу и представить планъ объ ея укрѣпленіи. Недавно конченная война показывала надобность подобнаго распоряженія, но неужели побѣдителю при Рымникѣ и покорителю Измаила должно было заняться строеніемъ пограничныхъ укрѣпленій, когда новыми побѣдами надлежало исторгнуть миръ у непріятеля, трепещущаго при его имени? Суворовъ былъ награжденъ, но за мачинскую побѣду Рѣпнинъ получилъ Георгія І-й степени, и имя Рѣпнина славили, какъ довершителя войны, а что была мачинская побѣда противъ побѣдъ Суворова? Черезъ мѣсяцъ Суворовъ возвратился изъ Финляндій и представилъ отчеты и планы. Ему велѣно было исполнить по представленнымъ планамъ и заняться устройствомъ границъ, состоя подъ начальствомъ графа Н. И. Салтыкова, тогдашняго на-

чальника военнаго департамента. Суворовъ повиновался, и съ грустью видѣлъ, что по кончинѣ Потемкина начальство надъ арміею предложили Румянцеву. «Я ближе къ смерти, нежели къ животу», отвѣчалъ Румянцевъ. «Бури жизни и слабость души не позволяютъ мнѣ принять меча. У васъ, Государыня, въ изобиліи герои; они воззрятъ гордымъ окомъ и несытымъ сердцемъ, если я сравнюсь съ ними. Гробъ, а не украшенія мнѣ приличны!» Не такъ думалъ Суворовъ. Старецъ шестидесяти лѣтъ, онъ одушевлялся жаждою чести и славы. Общее вниманіе обращено было тогда на дѣла съ Польшею и Пруссіею. Тамъ началась война, а Суворова тамъ не было! Онъ не вытерпѣлъ, осмѣлился просить себѣ мѣста въ дѣйствующей арміи. Къ удивленію его, императрица подписала на его письмѣ: «Польскія дѣла не требуютъ графа Суворова». Ему велѣно командовать флотомъ и войскомъ въ Финляндіи: весь флотъ состоялъ изъ сотни лодокъ и 16-ти мелкихъ судовъ, а войско изъ 25.000 человѣкъ. На войну съ Швеціею не было никакого повода. «Томлюсь въ бездѣйствіи», писалъ Суворовъ своему племяннику, «смотрю на Турцію, на Польшу—мечтаю—по почтѣ могу быть всюду обращенъ!»—«Что затѣяли со мною дѣлать?» писалъ онъ въ 1792 году. «Въ прошломъ году я считалъ у себя по пятамъ князя Гр. Ал., а теперь кто меня преслѣдуетъ? Поле битвы—моя стихія, а меня заставляютъ глядѣть изъ-за кулисъ на тріумфъ Терситовъ! Для чего подчинять меня зависимости другихъ? Порабощенія не могу терпѣть! Неужели преслѣдуютъ меня изъ угодности къ бабушкину старшинству? Но за мной старшинство лѣтъ вступленія въ службу и служба моя. Уступаю діалектику денщикамъ, но имъ можно бы успокоиться и не кричать въ чертогахъ, видя, что меня уже поравняли съ побочными талантами!»

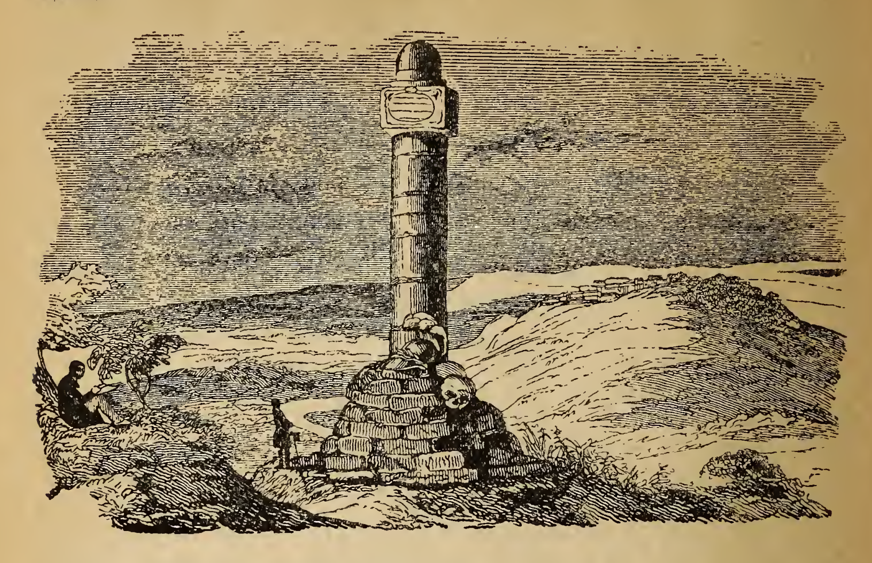
Такъ грустилъ герой въ бездѣйствіи, преслѣдуемый ничтожною интригою. Но между тѣмъ, свято исполняя долгъ свой, онъ неусыпно заботился о ввѣренномъ ему дѣлѣ. Въ Финляндіи нашелъ онъ все запущеннымъ: войско въ неустройствѣ, злоупотребленія во всѣхъ частяхъ. Два года провелъ онъ тамъ въ безпрерывныхъ разъѣздахъ. Подъ его надзоромъ устроены были бастіоны Нейшлота; на Кюмени воздвигнулъ онъ крѣпости Озерную, Утти, Ликолу и защитилъ Рогенсальмъ крѣпостью Кюменгардскою, такъ что съ другими укрѣпленіями Рогенсальмъ сдѣлался оплотомъ русской Финляндіи. Строжайшая дисциплина и безпрерывное ученье солдатъ занимали его. Суворовъ показалъ здѣсь познанія свои въ инженерномъ искусствѣ. Бывши однажды на флотѣ, онъ просилъ моряковъ сдѣлать ему экзаменъ, и получилъ аттестатъ на званіе мичмана. «Если Рибасъ съ суши попалъ на море», говорилъ онъ послѣ того, «видите, что и я могу, если бы захотѣлъ, служить Нептуну!» Простивъ вѣроломство Рибаса, Суворовъ не любилъ его и называлъ умникомъ. Говоря однажды о князѣ М. Л. Голенищевѣ-Кутузовѣ, онъ сказалъ: «Кутузовъ уменъ: его и Рибасъ не обманетъ!» Кутузовъ доказалъ въ 1812 году, что онъ былъ столь же, если не болѣе, ловкій дипломатъ, сколь великій полководецъ. «Побѣдить Наполеонъ меня можетъ, но обмануть—никогда!» говорилъ Кутузовъ, стоя на бивакахъ за

Москвою и заставляя Наполеона томиться на московскомъ пожарищѣ.

Слова и отзывы Суворова не могли нравиться Терситамъ, послѣ смерти Потемкина управлявшимъ интригою при Дворѣ, гдѣ передъ Зубовымъ и его клевретами такъ же все преклонялось, какъ нѣкогда передъ Потемкинымъ. Донесенія Суворова о безпорядкахъ, найденныхъ имъ въ Финляндіи, при чемъ не щадилъ онъ сильныхъ того времени, возбудили жестокое гоненіе. На Суворова взводили клеветы, старались осуждать всѣ его распоряженія, ставили ему въ вину изнуреніе солдатъ ученьемъ. Приказъ его: «отмѣнить гошпитали», перетолковали своевольствомъ, утверждая, что госпитали необходимы при нездоровомъ климатѣ Финляндіи, гдѣ люди безпрерывно страдаютъ скорбутомъ. Суворовъ оправдывался, опровергалъ клевету и не щадилъ никого—даже любимцевъ Зубова. «Ученье необходимо», писалъ онъ, «но только было бы съ толкомъ и кратко. Солдаты любятъ его». «Говоря отмѣнить, я разумѣлъ: опорожнить гошпитали оздровленіемъ. Не терплю гошпиталей! Тотъ ихъ любитъ, кто не радѣетъ о здоровьи солдата. Минералы и ингреденціи не по солдатскому воспитанію. И что сдѣлаетъ одинъ медикъ при сотнѣ больныхъ? По вступленіи моемъ въ управленіе Финляндіею, я нашелъ тысячу человѣкъ въ двухъ гошпиталяхъ,—теперь ихъ остается только 40. Въ гошпиталь слѣдуютъ у меня чахотка, водяная, камень, да... а остальное должно лѣчить въ артеляхъ. Кислая капуста, табакъ, хрѣнъ—и нѣтъ скорбута! Изъ больныхъ переводить въ слабые, изъ тѣхъ—въ хворые, изъ сихъ—въ прохладные, а тамъ—въ роту, и солдатъ здоровъ! У меня правило: въ полку—отъ 8-ми до 20 больныхъ, а если больше—свидѣтельство и виноватъ!»—«Къ чему ваши безтолковыя вѣдомости, которыми доказываете вы свое недоуміе? Зачѣмъ проситься вамъ въ роту? спросилъ я у капитана З***. Развѣ у меня вамъ худо? Скажите по совѣсти.—Мнѣ тамъ тысяча рублей дохода, отвѣчалъ онъ.—Отъ чего?—Отъ мертвыхъ солдатъ!—Въ Херсонѣ капитанамъ приходило по 2.000 такого дохода. Прикажите хоть рубашки отпускать повѣрнѣе: вотъ отъ этого скорѣе разведутся больные, а не отъ отмѣны лазаретовъ!»—«За плевелы на меня я потребую разбирательства, если моихъ объясненій не довольно противъ клеветъ, недоумѣній и ложной молвы: честь службы мнѣ священна!»

Видя, что невозможно сладить съ неугомоннымъ старикомъ, когда императрица, терпя мелкую интригу, не выдавала его на погибель врагамъ, почли лучшимъ средствомъ удалить его въ какое-нибудь почетное назначеніе. Въ 1792 году Суворовъ пріѣхалъ въ Петербургъ и получилъ повелѣніе императрицы «принять подъ начальство войска, расположенныя въ Екатеринославской губерніи, Тавридѣ и новопріобрѣтенныхъ областяхъ, приводя къ исполненію всѣ предложенныя о безопасносстн границъ укрѣпленія». Онъ поѣхалъ по назначенію. Безъ него торжествовали въ Петербургѣ второй раздѣлъ Польши и миръ съ Турціею въ 1793 году. Рѣпнинъ и Салтыковъ были представителями побѣдителей Турціи и Швеціи. Повелѣно было воздвигнуть памятникъ Потемкину. Кончина Екатерины

разрушила это предпріятіе. Только бѣдная, забвенная пирамида означила въ степяхъ Бессарабскихъ мѣсто, гдѣ скончался Потемкинъ.

Среди великихъ наградъ другимъ не забыли Румянцева и Суворова, но—только не забыли. Румянцеву пожалована была шпага съ брильянтами, Суворову прислали брильянтовые эполеты и перстень, и на выборъ его предоставленъ былъ крестъ св. Георгія 3-й степени, «да возложитъ на отличившагося наиболѣе храбростью». Не знаемъ, кому отдалъ его Суворовъ.

Дѣятельно занимался между тѣмъ Суворовъ устройствомъ крѣпостей и ученьемъ войскъ. Онъ ждалъ событій, когда мечъ его потребуется для рѣшенія запутанныхъ вопросовъ современной политики и дипломатики. Учредивъ главную квартиру свою въ Херсонѣ, объѣзжалъ онъ границы и осматривалъ крѣпости такъ усердно, какъ будто вѣкъ былъ только инспекторомъ гарнизоновъ. Число войскъ, ввѣренныхъ ему, простиралось до ста тысячъ. Они расположены были по турецкимъ границамъ и въ Новороссійскомъ краѣ. Рибасъ строилъ Одессу подъ надзоромъ Суворова. Къ этому времени относится любопытный разсказъ нашего поэта-партизана Дениса Давыдова. Онъ былъ тогда ребенкомъ лѣтъ девяти. Отецъ его командовалъ Полтавскимъ легко-коннымъ полкомъ. Суворовъ неожиданно примчался въ курьерской телѣжкѣ, осматривалъ войска, и между прочимъ смотрѣлъ полкъ Давыдова. Маневрируя съ полками, онъ скакалъ по полю во весь опоръ, безъ мундира, въ бѣлой рубашкѣ, въ ботфортахъ и въ солдатской каскѣ. Ему указали на маленькаго Дениса и брата его. «Любишь солдатъ?» спросилъ Дениса Суворовъ. «Люблю Суворова—съ нимъ и солдаты, и побѣда, и слава!» отвѣчалъ восторженный Денисъ. «О, помилуй Богъ! Удалый, удалый! Онъ будетъ военный: я не умру, а онъ

ужъ выиграетъ три сраженія!» вскричалъ Суворовъ. Послѣ маневровъ былъ обѣдъ, въ 8 часовъ утра. Суворовъ окатился холодною водою, надѣлъ свой аншефскій мундиръ и ордена, шутилъ за обѣдомъ, а вечеромъ помчался на почтовыхъ въ Херсонъ. Телѣжку, въ которой пріѣзжалъ онъ, отецъ Давыдова хранилъ, какъ драгоцѣнность. Она пропала въ Бородинѣ, бывшемъ помѣстьи Давыдовыхъ.

Суворовъ ждалъ, когда онъ понадобится,—и дождался. Орелъ громовержецъ, мгновенно разорвалъ онъ тогда путы ничтожныхъ

интригъ. Отечество на него возлагало надежды: Екатерина звала его, и новый подвигъ его напомнилъ Измаилъ! Здѣсь должны мы обозрѣть рядъ событій, о коихъ упоминали мимоходомъ, событій, приготовленныхъ издавна, но ознаменовавшихъ собою конецъ XVIII-го вѣка и окончаніе царствованія Екатерины. Съ ними связано разрушеніе Польши мечомъ Суворова. Они увлекли его чрезъ нѣсколько лѣтъ на поля Италіи.

Семилѣтняя война и дѣла Европы до кончины Фридриха Великаго составляли событія, относившіяся къ прежней, обыкновенной исторіи Европы: то были частныя вражды, расчеты государствъ, рѣшенія вопросовъ о политическихъ выгодахъ и взаимныхъ отношеніяхъ. Такъ Семилѣтняя война утвердила Пруссію въ числѣ сильныхъ Европейскихъ державъ. Вражда противъ нея Австріи и желаніе преимущества въ дѣлахъ Европы были причиною раздоровъ Іосифа съ Фридрихомъ и Екатериною, первой турецкой войны, перваго раздѣленія Польши, примирившаго Пруссію, Австрію и Россію, и смятеній, возбужденныхъ дѣлами Іосифа въ Баваріи и Фландріи. По кончинѣ Фридриха политика Австріи перемѣнила непріязнь на дружбу и союзъ съ Россіею, но отношенія европейскихъ державъ были прежнія. Россія старалась утвердить власть

свою на Черномъ морѣ второю турецкою войною. Союзъ Екатерины съ Іосифомъ возбудилъ опасенія и непріязнь Пруссіи противъ Россіи и Австріи. Отселѣ происходило вмѣшательство Пруссіи въ войну турецкую. Въ Польшѣ видѣла Пруссія средство противъ своихъ соперниковъ, и самобытность Польскаго государства, на разрушеніе коего наложилъ руку Фридрихъ Великій, сдѣлалась предметомъ заботливости прусскихъ дипломатовъ.

Среди этихъ разнородныхъ политическихъ отношеній заколебалось разрушительнымъ переворотомъ одряхлѣвшее царство Людовика XVI-го, и повторяя слова поэта,

....лилій тронъ у галловъ надъ главами
Разгрянулся въ куски и вспыхнулъ, какъ волканъ.

Пожаръ его освѣтилъ Европу и вывелъ на позорище исторіи событія дотолѣ неслыханныя. Уже не частныя выгоды государствъ, не расчеты политическихъ отношеній сдѣлались основаніемъ ихъ, но волненія переворота вѣкового и всемірнаго, наименованнаго въ новѣйшей исторіи революціею.

Не здѣсь указывать на причины, произведшія этотъ губительный переворотъ, начиная съ борьбы Европы противъ Людовика XIV-го до устремленія европейцевъ къ реформѣ во всѣхъ знаніяхъ, во всѣхъ идеяхъ, съ войны американскихъ колоній противъ Англіи до финансоваго и политическаго упадка Франціи при Людовикѣ XVI-мъ. Безотчетныя идеи о свободѣ, вольности, равенствѣ обуяли Европу. Судьбами непостижимыми явились люди, явились и случаи, коими осуществились мечты нововводителей, смѣшались всѣ расчеты политическіе, всѣ страсти человѣческія, всѣ отношенія государствъ: враги стали помогать врагамъ, друзья—губить друзей, благія мысли—обращаться во зло, и зло—приносить плоды добра. Рядъ новыхъ дѣятелей явился повсюду. Философъ Кантъ, насмѣшникъ Вольтеръ, добродѣтельный Франклинъ, развратный Мирабо, экономистъ Смитъ, мечтатель Руссо, республиканецъ Неккеръ, юристъ Монтескье, герой Вашингтонъ, честолюбивый Питтъ, хитрый Фридрихъ, безпокойный Іосифъ, слабый Карлъ IV-й, юный Селимъ III-й, миролюбивый Леопольдъ, воинственный Густавъ III-й, дипломатъ Тугутъ—какой рядъ разнообразныхъ дѣятелей Провидѣнія, безсознательно исполнявшихъ волю Его! «Это возстаніе!» говорилъ Людовикъ XVI-й, услышавъ о возмущеніи народномъ. «Нѣтъ, государь, не возстаніе, а переворотъ!» отвѣчали ему (C'est une révolte.—Non, sire, ce n'est pas une révolte, c'est une révolution). И что же? Таковъ человѣкъ! Когда Европа видѣла войско французовъ въ Америкѣ, видѣла короля французскаго призвавшимъ на совѣтъ всю Францію, видѣла осуществленіе того, что за нѣсколько лѣтъ считалось мечтою несбыточною, всѣ понимали, что видятъ событія необыкновенныя, и никто не помышлялъ, что наступаетъ время дѣлъ вѣковыхъ, новый періодъ исторіи человѣчества! Политика Европы продолжалась прежняя: безпечно дремали народы, частные интересы увлекали европейскую дипломатику... Такъ Леопольдъ и Фридрихъ-Вильгельмъ взаимно уступали другъ другу различныя требованія, утвер-

ждая, что всѣ дѣла Европы должны оставаться на прежнемъ положеніи (in statu quo), а Екатерина мирилась съ Швеціею и Турціею и готовила рѣшеніе участи Польши. Событія послѣднихъ лѣтъ убѣдили ее, что доколѣ останется Польша самобытною, она всегда будетъ «горномъ, опаснымъ для сосѣдственныхъ державъ» (какъ говорилъ посолъ ея на варшавскомъ сеймѣ). Еще до восьми милльоновъ жителей и до десяти тысячъ квад. миль пространства составляли Польшу, но она была опаснѣе прежняго существенными измѣненіями, какія совершились въ ней въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, послѣ перваго раздѣла ея въ 1775 году.

Важныя перемѣны произошли въ эти годы въ Польшѣ. Къ непріязни противъ русскихъ присоединились новыя западныя разрушительныя идеи и возродили мысль о скрѣпленіи внутренняго состава Польши. Пруссія подкрѣпляла эту мысль по расчету политики. Едва Станиславъ при свиданіи съ Екатериною въ Каневѣ возобновилъ увѣренія въ своей покорности, Екатерина увидѣла нарушеніе его обѣщаній. Она потребовала союза Польши противъ Турціи при войнѣ, начавшейся въ 1787 году. Сеймъ польскій отвергъ ея предложеніе. Пруссія подкрѣпила отказъ Польши объявленіемъ, что войну поляковъ противъ Турціи почтетъ она объявленіемъ войны Пруссіи (въ октябрѣ 1787 года.) Но здѣсь было только начало важнѣйшихъ событій. Когда Екатерина и Іосифъ воевали съ оттоманами и Швеція принялась за оружіе, ободренная союзомъ Пруссіи шумно возстала Польша. Прежняя польская конституція была разрушена. Престолъ объявленъ наслѣдственнымъ. Вмѣшательство другихъ державъ во внутреннее управленіе Польши было отвергнуто. Трактатъ съ Пруссіею и соглашеніе Австріи утвердили всѣ эти распоряженія, и 3-го мая 1791 года торжественно объявлена была въ Варшавѣ новая польская конституція. Согласія Екатерины не спрашивали. Она молчала, оканчивала дѣла съ Швеціею и Турціею, придвинула сильное войско къ Литвѣ, но, казалось, не думала о Польшѣ. Страшно загремѣли тогда бури Запада. Европа забыла Польшу.

Свирѣпство партій, возстаніе въ областяхъ, разрушеніе Бастиліи, начало эмиграціи французской, бунтъ версальскій, бѣгство короля, насильственное возвращеніе его, клубы якобинцевъ, конституція 3-го сентября 1791 года, начало законодательнаго собранія, 10-го октября 1791 года—показали наконецъ монархамъ Европы опасность, грозившую кореннымъ основаніямъ власти и общественнаго устройства. Пруссія и Австрія оставили прежнія вражды свои. На пильницкомъ совѣщаніи императора Леопольда съ королемъ прусскимъ (въ августѣ 1791 года) положено было утишить опасныя волненія Франціи. Въ іюлѣ 1792 года началась кровавая, страшная брань народовъ, коей суждено было продолжиться 25 лѣтъ, поколебать троны, увлажить кровью Европу и отразиться на судьбѣ всего міра. Соединенныя австрійскія и прусскія войска двинулись во Францію.

Тогда-то, предоставляя будущему рѣшить событія на Западѣ, грозно напомнила Екатерина о своеволіи распоряженіи во внутрен-

немъ управленіи Польши и потребовала отчета во всемъ совершившемся въ послѣдніе годы. Волнуемая раздорами и междоусобіями, управляемая ничтожнымъ Станиславомъ, лишенная союзниковъ, угрожаемая Екатериною, сдвинувшею къ границамъ ея огромныя силы, Польша сознала опасность, грозившую ей. Россійскія войска вступили въ Польшу. Станиславъ первый началъ просить пощады. Екатерина была неумолима.

Опасность соединила поляковъ. Они хотѣли защищаться. Войско польское состояло изъ 45.000 человѣкъ. Недостатокъ средствъ, несогласіе защитниковъ, политика Екатерины скоро разрушили слабую защиту Польши. Битвы подъ Зеленцами (іюня 18-го) и подъ Дубенкою (іюля 17-го), гдѣ усилія храбрости не устояли противъ первозмогающей силы, привели русскихъ въ Варшаву. Станиславъ, какъ въ 1768 году, былъ плѣнникомъ русскихъ въ своей столицѣ. Посолъ Екатерины управлялъ Варшавою и государствомъ. Племянникъ Станислава, Іосифъ Понятовскій, явился въ Петербургѣ, предлагая условія мира. Еще могли ожидать, что Австрія и Пруссія вспомнятъ свои ручательства за безопасность Польши, но несчастныя событія войны союзниковъ съ Франціею лишили Польшу послѣдней надежды.

Въ Вѣнѣ и Берлинѣ ждали извѣстій о легкихъ побѣдахъ, взятіи Парижа, укрощеніи Франціи. Ученикъ Фридриха, принцъ Брауншвейгскій предводилъ союзною стотысячною арміею. Уже въ поляхъ Шампани стояли полки прусскіе и австрійскіе. Буйство французовъ превратилось въ нечестивую ярость, и Европа увидѣла всѣ ужасы революціи. Кровожадный конвентъ заступилъ мѣсто королевской власти. Франція была объявлена республикою. Добродѣтельный Людовикъ XVI-й повергнутъ въ темницу. Ужасъ казней двинулъ французовъ на поля битвъ. Милліонъ солдатъ сталъ подъ трехцвѣтныя знамена властителей Франціи. Съ именемъ свободы рабы и жертвы тираніи смѣшались со своими тиранами, и тактика стройныхъ войскъ Пруссіи и Австріи уступила толпамъ революціоннымъ. Побѣдами французовъ и поспѣшнымъ отступленіемъ союзниковъ кончился походъ, на который истощены были финансы Пруссіи. Европа содрогнулась, видя, какъ страшно потекло пламя революціи за предѣлы Франціи. Ниспровергая все, что дотолѣ чтили народы, французы возложили цареубійственную руку на Людовика XVI-го и его семейство: онъ, супруга, сестра его погибли на плахѣ, сынъ умеръ въ тюрьмѣ. Разрушая тронъ, мятежники отвергли христіанскую вѣру и съ мечомъ, пожаромъ и окровавленнымъ знаменемъ бунта, призывая народы къ несбыточному равенству, ринулись въ предѣлы Голландіи и Италіи. Походъ принца Кобургскаго, бывшаго товарища Суворова подъ Рымникомъ, былъ еще неудачнѣе похода принца Брауншвейгскаго. Тогда увидѣли всю Европу, соединившуюся противъ чудовища революціи. Англія сдѣлалась душою союза. Сардинія, Италія, Неаполь, Пруссія. Австрія, Португалія, Тоскана соединились на войну, когда Франція, вызывая на бой Англію, Испанію и Нидерланды (въ февралѣ и мартѣ 1793 года), безъ объявленія войны заняла въ Италіи Савойю и Ниццу. Герма-

нія приступила къ общему союзу. Всюду загремѣло оружіе. Пламя войны обнимало полсвѣта: загорѣлась въ Европѣ, Азіи и Америкѣ.

Среди этихъ громовыхъ потрясеній Европы рѣшалась участь Польши. Воля Екатерины была неизмѣнна. Она опредѣлила болѣе прежняго ограничить Польшу и сдѣлать ее вовсе незначительною и неопасною: рѣшенъ второй раздѣлъ Польши. Когда прусскій король снѣдаемъ былъ грустью и страхомъ послѣ неудачнаго похода во Францію, Екатерина, принимая участіе въ союзѣ народовъ противъ Франціи, указала ему на близкую опасность, если оставить Польшу, гнѣздо мнимой свободы и революціонныхъ идей. Дотолѣ ревностный союзникъ Польши, видя невозможность противиться волѣ Екатерины, разсчитывая выгоды отъ согласія съ нею, цѣною коего покупалъ союзъ Россіи противъ Франціи, король прусскій согласился на всѣ предложенія. Войска прусскія заняли Познань, Калишъ, Ченстоховъ, Плоцкъ, Данцигъ, Торунь. Апрѣля 9-го объявленъ новый раздѣлъ Польши. За Пруссіею утверждались занятыя ею области. Екатерина присоединяла къ Россіи земли, лежащія на востокъ отъ границъ Курляндіи до Австрійской Галиціи. Польша ограничивалась 4.000 квадр. миль и 3-мя милліонами народонаселенія. Въ этомъ небольшомъ участкѣ возстановлялись прежняя конституція, выборы королей, свобода голосовъ. Число польскихъ войскъ ограничивалось 15.000-ми. Польша признавала покровительство Россіи.

Казалось, кто могъ противиться опредѣленію Екатерины? На гродненскомъ сеймѣ, 22 декабря 1793 года, утверждена была воля русской царицы. Польшу занимали сильныя прусскія и русскія войска. Варшаву стерегъ русскій гарнизонъ. Въ Петербургѣ торжествовали легкое пріобрѣтеніе обширныхъ областей, не помышляя, что кровавою цѣною надлежало еще купить ихъ. Отчаяніе поляковъ, всѣми оставленныхъ, заступило мѣсто силы; рѣшительность не пережить паденія отечества—всѣ надежды. Еще живы были старые товарищи Пулавскихъ, и Польша взволновалась послѣднимъ возстаніемъ.

Малаховскій, бывшій президентъ сейма, Коллонтай, послѣдователь революціонныхъ идей, Игнатій Потоцкій, одинъ изъ защитниковъ конституціи 3-го мая, Іосифъ Понятовскій, племянникъ короля, Заіончекъ и Домбровскій, люди новаго поколѣнія, одни въ Польшѣ, другіе, укрываясь въ Саксоніи и Австріи—предводили возстаніемъ. Изъ среды всѣхъ возвысился тогда Тадеушъ Косцюшко, незнатный шляхтичъ, товарищъ Вашингтона въ войнѣ за независимость Америки, искусный военачальникъ, увлекавшій краснорѣчіемъ и примѣромъ и отличившійся въ битвахъ 1792 года. Первый знакъ возстанія поданъ былъ Мадалинскимъ, бригадиромъ польскихъ войскъ, когда получено было повелѣніе обезоружить отрядъ его. Вооруженною рукою пробился онъ въ Краковъ. Косцюшко явился туда и призывалъ поляковъ подъ хоругвь отечества. Безумнымъ казалось предпріятіе, но вскорѣ увидѣли, что могъ сдѣлать Косцюшко. На голосъ его отвсюду отозвались поляки. Еще недоумѣніе останавливало нѣкоторыхъ, особливо, когда Станиславъ объя-

вилъ новыхъ конфедератовъ бунтовщиками. Побѣда Косцюшки открыла ему путь къ Варшавѣ. Бунтъ жителей Варшавы и свирѣпое кровопролитіе, врасплохъ застигнувшее безпечнаго русскаго военачальника, заставили русскій гарнизонъ удалиться изъ польской столицы. Косцюшко, объявленный генералиссимусомъ польскихъ войскъ, вступилъ въ Варшаву. Вильна возмутилась. Поспѣшно составлялись повсюду конфедераціи. Можно было думать, что присутствіе русскаго, и особливо прусскаго войска, предводимаго самимъ королемъ, укротитъ волненіе. Король занялъ Краковъ, и послѣ побѣды надъ Косюцшкою подъ Щекоциномъ (іюня 6-го) осадилъ Варшаву. Успѣхи означили начало дѣйствій, но неожиданное измѣненіе обстоятельствъ показало опасность возстанія поляковъ. Екатерина услышала странныя вѣсти: 50.000 прусскихъ и русскихъ войскъ отступили отъ польской столицы, когда упорное сопротивленіе защитниковъ Варшавы остановило прусскаго короля и въ то же время узналъ онъ о возстаніи въ тылу арміи его польскихъ областей, присоединенныхъ къ Пруссіи. Отступленіе было произведено такъ поспѣшно, что союзники оставили даже раненыхъ, больныхъ и бросили обозы. Кликъ надежды раздался въ рядахъ защитниковъ Польши. Имя Косцюшки славили, какъ имя спасителя отечества. Русскіе корпуса, раздѣленные, безъ общаго плана дѣйствій, угрожаемые со всѣхъ сторонъ, разсѣянные по обширному пространству, оставленные союзниками, находились въ опасности. Уже не прежняя, мелкая конфедератская война начиналась въ Польшѣ. Косцюшко соединилъ тысячи, изобрѣлъ новое вооруженіе пѣхоты, устроилъ сильную конницу, собралъ многочисленную артиллерію, одушевилъ мужество товарищей. Кто могъ ручаться за дальнѣйшія слѣдствія при измѣнчивой политикѣ европейской и всеобщемъ волненіи народовъ Европы? Демагоги Парижа отзывались на голосъ возмутителей Польши. Поляки знали, что идутъ на битву послѣднюю. Нельзя было медлить. Сильною рукою надобно было задушить начало опасной борьбы. Потребно было противопоставить Косцюшкѣ полководца съ довѣренностью отечества, съ любовью солдатъ, съ честью побѣдъ,—и Екатерина велѣла Суворову поспѣшить въ Польшу.

Онъ былъ тогда въ Немировѣ. Еще въ маѣ 1792 года получилъ онъ приказаніе вступить въ Подолію съ 15.000-мъ корпусомъ и обезоружить польскія войска, находившіяся въ этой области между русскими войсками. Быстротою похода, занятіемъ мѣстъ, искуснымъ разъединеніемъ поляковъ, Суворовъ успѣлъ тихо и счастливо кончить трудное препорученіе: въ двѣ недѣли 8.000 поляковъ, готовыхъ, подобно другимъ товарищамъ, усилить войско Косцюшки, были обезоружены безъ всякаго кровопролитія. Въ бездѣйствіи оставался Суворовъ въ Немировѣ, училъ солдатъ, негодовалъ, слыша объ удачахъ Косцюшки и неловкихъ распоряженіяхъ военными дѣйствіями въ Польшѣ. Казалось, безъ Суворова старались обойдтись пока могли: отступленіе короля прусскаго отъ Варшавы и призывъ Суворова на поле брани разрушили всѣ ничтожныя интриги враговъ его. «Слава Богу!—воскликнулъ онъ,—пойдемъ и покажемъ, какъ бьютъ поляковъ!» Онъ посѣтилъ Румянцева, жившаго

тогда въ деревнѣ своей, Ташанахъ, близъ Кіева. Румянцеву ввѣрено было главное начальство надъ резервными войсками, расположенными на Волыни и въ Подоліи. Екатерина предлагала ему принять начальство надъ дѣйствующею арміею въ Польшѣ. Семидесятилѣтній старецъ, изнуренный болѣзнями, онъ отрекся и прямо указалъ императрицѣ на Суворова. Суворовъ не старѣлся. Ему было тогда 64 года, но, какъ юноша живой и бодрый, онъ изумлялъ своею неутомимостью. Такъ, во все время польскаго похода онъ ѣздилъ верхомъ передъ войскомъ и съ нимъ не было экипажа. Слава его между солдатами и непріятелями была такова, что одно извѣстіе о назначеніи его уже ободрило русское войско и произвело робость между поляками. Одушевляя надеждою своихъ подчиненныхъ, начальники польскіе увѣряли, что новый полководецъ русскихъ былъ не тотъ Суворовъ, который нѣкогда воевалъ въ Польшѣ и взялъ Измаилъ, но другой, молодой генералъ, соименникъ его. Суворовъ скоро показалъ, что онъ тотъ же, прежній.

Возстаніе поляковъ обнимало всю Польшу, распространяясь отъ Курляндіи до Галиціи и отъ Силезіи до Двины и Припети. Опасались за Литву и Галицію. Прусская Польша волновалась. Польское войско составляло нѣсколько сильныхъ корпусовъ. Средоточіе дѣйствій было въ Варшавѣ. Остальные корпуса находились въ прусской Польшѣ и Гродно, между Бугомъ и Вислою. Мадалинскій и Домбровскій защищали Великую Польшу; Макрановскій былъ въ Гродно, Сираковскій въ Кобринѣ. Охранительный корпусъ Рѣпнина занималъ Курляндію и Вильну. Прусскія войска охраняли Познань и Торунь. Король прусскій удалился изъ арміи и уѣхалъ въ Берлинъ. Изъ русскихъ войскъ оставался въ Польшѣ только корпусъ Ферзена, соединенно съ пруссаками осаждавшій Варшаву и по отступленіи ихъ сближавшійся по теченію Вислы къ Люблину. Войска польскія были одушевлены успѣхомъ, предводимы вождемъ искуснымъ, если и неопытнымъ. Но Суворовъ понималъ, что имъ некогда было устроиться, зналъ, что партіи раздирали Польшу, стѣсняя власть Косцюшки и затрудняя всѣ его распоряженія спорами. Потребна была быстрота дѣйствія, надобно было не дать времени на устройство, надлежало охолодить горячку умовъ неожиданнымъ ударомъ, не допустить опомниться и рѣшить дѣло въ Варшавѣ. Никто не стѣснялъ Суворова. Полная воля предоставлена была ему дѣйствовать, и побѣда оправдала смѣлый планъ его.

Выступая изъ Немирова 14-го августа, онъ повелъ съ собою 8.000 человѣкъ, назначивъ сборныя мѣста другимъ отрядамъ въ Варковичахъ и Ковелѣ. До Варковичъ 329 верстъ перешелъ Суворовъ въ семь дней. Дожди и трудная дорога едва въ шесть дней дали ему возможность дойдти до Ковеля, въ 126 верстахъ отъ Варковичей. Здѣсь соединилъ Суворовъ до 12.000 войска. Слыша, что Сираковскій находится подъ Кобриномъ, немедленно выступилъ туда Суворовъ. На разсвѣтѣ былъ встрѣченъ и сбитъ отрядъ поляковъ. Кобринъ заняли и захватили въ немъ магазины. Сираковскій стоялъ въ крѣпкой позиціи подъ Крупчицкимъ монастыремъ. Ночью отправился на него Суворовъ и на разсвѣтѣ уже былъ противъ непріятельскихъ укрѣпленій. Сираковскій открылъ сильную канонаду.

Подъ пушечными выстрѣлами перешли русскіе болото, за которымъ находился польскій лагерь. Ударъ въ штыки смялъ поляковъ. Нападеніе конницы съ фланговъ довершило разстройство ихъ. Съ потерею 3.000 человѣкъ непріятель отступилъ въ безпорядкѣ черезъ лѣсъ. Едва отдохнули войска послѣ битвы, въ полночь Суворовъ двинулся впередъ и остановился въ 7-ми верстахъ отъ Бреста. Здѣсь узнали, что Сираковскій перешелъ Бугъ, укрылся въ Тирасполѣ и поспѣшаетъ идти къ Варшавѣ. Суворовъ не медлилъ, двинулся опять ночью и 8-го сентября, черезъ лѣса и болота, достигъ Сираковскаго. Захваченный врасплохъ, видя невозможность уйдти, Сираковскій рѣшился на битву, но нестройное войско его не выдержало смѣлаго удара въ штыки и кавалерійской атаки. Брестъ и Тирасполь были заняты.

Весь корпусъ Сираковскаго, состоявшій еще послѣ пораженія подъ Крупчицами изъ 10.000 пѣхоты, 3.000 конницы и 4.000 пѣшихъ ратниковъ, вооруженными косами (косарей, какъ называли поселянъ, которымъ вмѣсто всякаго другого оружія Косцюшко далъ косы, утвердивъ ихъ на длинныхъ древкахъ), разсѣялся. Ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ было неописанное. Пощады не давали. Едва 3.000 поляковъ спаслось бѣгствомъ и не болѣе 500 было взято въ плѣнъ; 28 пушекъ и 2 знамени досались русскимъ. Потеря русскихъ въ обѣихъ битвахъ простиралась убитыми до 300, ранеными до 400. Сираковскій бѣжалъ въ Варшаву. Пораженіемъ его съ перваго шага уничтожилъ Суворовъ возстаніе въ Литвѣ. «Корпусъ Сираковскаго конченъ!» писалъ онъ Румянцеву. Екатерина, обрадованная успѣхомъ, прислала Суворову брильянтовую петлицу на шляпу и подарила ему три пушки изъ взятыхъ у непріятеля. Ждали новыхъ успѣховъ—и ждали недолго!

Главное затрудненіе состояло въ соображеніи, гдѣ и въ какихъ силахъ находился непріятель, ибо всѣ сообщенія были прерваны; въ затрудненіи переходовъ, потому что всѣ дороги, и безъ того непроходимыя въ Польшѣ осенью, были испорчены; наконецъ, въ недостаткѣ средствъ продовольствовать войско. Учредивъ свою главную квартиру въ Брестѣ, Суворовъ послалъ легкіе отряды къ Варшавѣ для развѣдываній о непріятелѣ, къ Слониму, гдѣ стоялъ съ войскомъ генералъ Дерфельденъ, за Вислу и къ Ферзену, бывшему, какъ говорили, на лѣвомъ берегу Вислы около Пилицы. Казацкіе разъѣзды достигали даже до Варшавы. Дерфельдену велѣно было очистить Гродно отъ войскъ Макрановскаго.

Косцюшко, и безъ того убѣдившійся въ невозможности поддержать возстаніе, узнавъ о прибытіи Суворова и распоряженіяхъ его, видѣлъ свою неизбѣжную гибель.

Ужасы безначалія свирѣпствовали въ Варшавѣ. Правители отнимали всѣ средства дѣйствовать. Храбрые лично, никто изъ товарищей Косцюшки не понималъ его плановъ, и каждый хотѣлъ поступать по своему. Многіе искали въ смятеніи общемъ только удовлетворенія личной враждѣ. Своекорыстіе и измѣна гнѣздились всюду. Находились приверженцы парижскихъ демагоговъ и послѣдователи старыхъ польскихъ мнѣній. Примирить умы, сблизить дѣйствія при недостаткѣ средствъ не было возможности. А неумолимое

время не ждало! Оставлять до весны военныя распоряженія было гибельно. Прусскія войска снова готовы были идти къ Варшавѣ. Австрійцы еще въ іюнѣ приблизились къ Кракову и хотя еще не начинали военныхъ дѣйствій, но явно было, что они не приступаютъ къ занятію Польши только по несогласію въ дѣлежѣ. Косцюшко рѣшился на послѣднее смѣлое предпріятіе: соединить войско изъ Литвы и Варшавы, ударить на Ферзена, разбить его, идти послѣ этого на Суворова и послѣ побѣды надъ нимъ снова возмутить Литву. Въ Сельцахъ стоялъ Княжевичъ съ 2.000 человѣкъ. Косцюшко привелъ къ нему еще 6.000 и отправился въ Гродно. Здѣсь приказалъ онъ Макрановскому собрать отряды Гедройца изъ Курляндіи, Вавржецкаго съ границъ курляндскихъ, Майена изъ-подъ Ковно, Віельгурскаго, Грабовскаго и Ясинскаго изъ-подъ Вильны и преградить путь Суворову къ Варшавѣ, сообщаясь съ войсками Мадалинскаго и Домбровскаго на прусской границѣ, пока Косцюшко произведетъ поискъ свой противъ Ферзена. Ожидая войска, Косцюшко остановился въ Луковѣ. Понинскій съ 5.000 наблюдалъ походъ Ферзена по Вислѣ.

Движеніе Дерфельдена задержало Макрановскаго. Понинскій извѣстилъ Косцюшку, что Ферзенъ обратился къ Пулавамъ, но часть войска его переходитъ въ Козенцѣ. Извѣстіе обрадовало Косцюшку. Надѣясь легко разбить раздѣленныя войска Ферзена, онъ бросился съ 10.000-мъ корпусомъ къ Козенцу. Но здѣсь ждала его неумолимая судьба. Обманувъ ложнымъ движеніемъ на Пулавы и отвлекая туда Понинскаго посылкою небольшого отряда, Ферзенъ узналъ о движеніи Косцюшки и выше Пулавъ перешелъ Вислу со

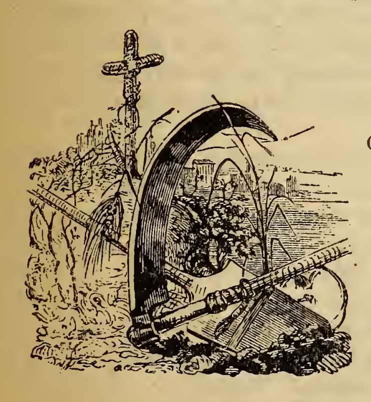
всѣмъ своимъ корпусомъ. Напрасно, видя передъ собою сильный корпусъ русскій, началъ отступать Косцюшко, посылая Понинскому приказъ ударить въ тылъ непріятелю. Напрасно ждалъ онъ войскъ отъ Макрановскаго. Курьеръ, посланный съ извѣстіемъ, что Макрановскій стоитъ въ Бѣльсткѣ и ждетъ приказа Косцюшки, попался русскимъ; курьеръ Косцюшки, посланный съ приказаніемъ соединиться съ нимъ, погибъ безъ вѣсти, а неумолимое время летѣло! Косцюшко рѣшился на неравный бой—хотѣлъ умереть, если мужество не подаритъ ему побѣды. Подъ Мацеёвицами окопался онъ шанцами. Сентября 28-го войско Ферзена окружило со всѣхъ сторонъ Косцюшку. Долго хладнокровно, отчаянно оспаривалъ онъ побѣду и потомъ, безнадежный, искалъ смерти: побѣда не внимала ему, смерть забыла его... «Finis Poloniæ!» воскликнулъ Косцюшко, видя совершенное пораженіе поляковъ; бросился на лошадь и думалъ спастись бѣгствомъ. Преслѣдуемый казаками и гусарами, онъ попалъ въ болото и завязъ въ немъ. Казаки налетѣли и кололи всѣхъ безъ пощады. Косцюшко, пораженный пикою, лишился чувствъ. Уже сабли засверкали надъ его головою, но одинъ изъ бывшихъ при немъ умирая собралъ послѣдія силы и закричалъ: «Это Косцюшко!» Имя Косцюшки было такъ извѣстно, что остановило сабли и пики. Косцюшко опомнился въ плѣну. Изъ 10.000 войска его 6.000 легло на мѣстѣ, 1.600 раненыхъ были взяты въ плѣнъ. Въ числѣ плѣнныхъ находились: Сираковскій, Косинскій, Княжевичъ. Русскихъ убито было 800, ранено 1.500. «Слава Богу, и Польша наша!» воскликнулъ Суворовъ, когда донесли ему о разбитіи и плѣнѣ Косцюшки. Мгновенно измѣнилъ онъ планъ дѣйствія. Какъ прежде медлилъ и соображалъ онъ, такъ теперь привелъ онъ все въ поспѣшное движеніе. Велѣно было оставить безъ преслѣдованія всѣ остальные польскіе корпуса. Дерфельдену и Ферзену приказано было идти прямо къ Варшавѣ, и октября 7-го Суворовъ выступилъ изъ Бреста къ польской столицѣ. Онъ зналъ, что плѣнъ Косцюшки произведетъ ужасъ и уныніе, и, пользуясь тѣмъ, надлежало уничтожить главное гнѣздо возстанія. Суворовъ зналъ искусство воевать, онъ зналъ и сердце человѣческое, и страсти человѣческія.

ГЛАВА IX.

Взятіе Праги. Суворовъ фельдмаршалъ. Раздѣлъ Польши. Обширные планы Екатерины. Кончина ея.

Сообразно предписанію Суворова, Дерфельденъ повелъ свой корпусъ изъ Бѣлостока. На дорогѣ догналъ онъ Макрановскаго, отступавшаго поспѣшно къ Варшавѣ, истребилъ арьергардъ его, разсѣялъ у Закрочима отрядъ Грабовскаго и, достигнувъ Станиславова, узналъ, что Суворовъ и Ферзенъ соединились здѣсь и уже были далеко впереди. Войско Суворова по соединеніи съ Ферзеномъ составляло до 17.000. Всѣ отряды польскіе поспѣшно уходили отъ нихъ, какъ ни старался Суворовъ отхватывать поляковъ, дабы не допустить ихъ усилиться въ Варшавѣ. Услышавъ, что при Кобылкѣ остановился польскій корпусъ изъ 5.000 человѣкъ, Суворовъ самъ бросился на него и успѣлъ отрѣзать его. Отчаянное защищеніе и крѣпкая позиція не спасли непріятеля. Некому даже было подать вѣсть въ Варшаву объ истребленіи этого корпуса, хотя Кобылка отстоитъ только въ 14 верстахъ отъ Праги, предмѣстія Варшавскаго, и тамъ слышали пальбу, не зная, гдѣ она происходитъ.

Все, что предвидѣлъ Суворовъ, сбылось вполнѣ. Погибель Косцюшки казалась гибелью Польши. Народъ бѣгалъ по улицамъ варшавскимъ, вопія со слезами: «Нѣтъ Косцюшки! Погибло отечество!» Выборъ переемника Косцюшкѣ довершилъ разстройство. На мѣсто его избранъ былъ генералиссимусомъ генералъ Вавржецкій, нелюбимый народомъ, неуважаемый никѣмъ. Среди шума, волненія и безпорядковъ не знали что дѣлать: одни хотѣли сражаться, защищать Варшаву; другіе—договариваться и предлагать условія. Многіе думали дѣйствовать ужасомъ: перерѣзать русскихъ плѣнниковъ и всѣхъ, кто былъ подозрителенъ, вооружиться поголовно, идти, биться на смерть, зажечь Варшаву и умереть на ея развалинахъ, если отчаяніе не дастъ побѣды. Между тѣмъ отвсюду приходили войска, уже безполезныя въ другихъ мѣстахъ, ибо Суворовъ стоялъ подъ стѣнами Варшавы. Макрановскій успѣлъ пробраться съ 15.000 человѣкъ и 35 пушками. Подъ Кобылкою разбитъ былъ одинъ изъ его отрядовъ. Прибытіе этого корпуса подкрѣпило мнѣніе тѣхъ, кто хотѣлъ защищаться. Макрановскій первый тому воспротивился; доказывалъ, что упорство не принесетъ ничего, кромѣ безполезнаго кровопролитія; говорилъ, что укрѣпленія варшавскія, по слабому устройству и обширности мѣста, неспособны къ защитѣ. Видя, что его не слушаютъ, онъ просилъ увольненія и отказался отъ всякаго участія въ дѣлахъ. Послали узнать о намѣреніяхъ Суворова. Онъ не допустилъ къ себѣ посланныхъ, отвѣчая, что съ бунтовщиками, вѣроломными нарушителями договоровъ, людьми измѣннически погубившими русскихъ въ Варшавѣ, говорить не станетъ; что если они хотятъ пощады, то должны обезоружить войско, отдать оружіе, покориться королю и безусловно ждать приговора императрицы россійской, а между тѣмъ, не дожидаясь рѣшенія ихъ, онъ идетъ къ Варшавѣ.

Отвѣтъ Суворова воспламенилъ угасавшую ярость конфедератовъ. Итакъ, не было пощады, не было условія ни на честь, ни на жизнь! «Смерть легче безчестія!» кричали въ совѣтѣ правительсства. Положено было ввести войско въ Прагу, оставя въ самой Варшавѣ небольшой гарнизонъ для охраненія города, защищаться, сколько будетъ возможно, умереть, если защита будетъ безполезна! Множество молодыхъ людей, даже старики, женщины вооружились и шли въ Прагу. Заіончекъ принялъ начальство надъ Прагою. Къ нему присоединились многіе другіе генералы. Прощаясь съ друзьями, Ясинскій, зачинщикъ возстанія въ Литвѣ, поклялся, что не останется живъ.

Прага, предмѣстье Варшавы, отдѣляемая отъ столицы Вислою, соединялась съ Варшавою посредствомъ моста. Укрѣпленіе Праги состояло изъ вала и было собственно мостовымъ прикрытіемъ. Но готовясь къ осадѣ, Поляки окружили Прагу обширнымъ ретраншаментомъ, съ глубокимъ рвомъ и волчьими ямами. Сто пушекъ защищали ретраншаментъ, между коимъ и прежнимъ внутреннимъ укрѣпленіемъ находилось войско. Тридцать тысячъ засѣли въ Прагѣ на жизнь и смерть.

Октября 15-го происходила битва при Кобылкѣ; 18-го въ виду

Праги явилась легкая русская конница; казаки схватывались съ непріятельскими разъѣздами. Суворовъ рекогносцировалъ Прагу и возвратился въ Кобылку. Онъ еще ожидалъ покорности. Явился посланный отъ короля съ просьбою отпустить въ Варшаву раненаго королевскаго адъютанта Бишевскаго. Суворовъ исполнилъ просьбу, но не упомянулъ ни о какихъ договорахъ. Тогда явился майоръ Миллеръ съ просьбою позволить отправить къ Косцюшкѣ доктора и карету. Заіончекъ писалъ къ Суворову какъ предводитель польскихъ войскъ. Миллеръ осмѣлился упомянуть о переговорахъ. «Скажите пославшимъ васъ,—отвѣчалъ Суворовъ,—что я не вхожу въ сношенія съ возмутителями, кромѣ одного случая, если они безусловно потребуютъ пощады. Осмотрите мой лагерь, и передайте имъ извѣстіе, что я готовъ идти на Варшаву и никого щадить не буду!» На письмѣ Заіончека онъ велѣлъ написать: «Свирѣпые возмутители хотятъ мѣряться съ Россіею. Бунтовщикъ противъ своего короля, Заіончекъ считаетъ себя генераломъ карманьоловъ и осмѣливается писать къ Суворову. Письмо якобинца отсылается безъ отвѣта. Здѣсь нѣтъ уравненія, нѣтъ и пощады изступленію своевольныхъ. Только покорностью купятъ забвеніе прошедшаго». Въ тотъ же день объявлено строжайшее запрещеніе имѣть какія-либо сношенія съ Варшавою.

Прошло три дня—три ужасные дня томительнаго ожиданія. Русскіе не показывались передъ Прагою. Защитники начинали думать, что Суворовъ колеблется, не рѣшается на битву—тщетныя надежды: грохотъ барабановъ и звуки музыки 22-го октября возвѣстили приближеніе русскихъ. Войско русское шло, раздѣленное на три колонны, подъ начальствомъ Дерфельдена, Потемкина и Ферзена. Защитники Праги взволновались. Все бросилось къ оружію. Со стѣнъ Праги загремѣли пушки. Со страхомъ и любопытствомъ видѣли, что русскіе располагаются лагеремъ. Русскіе гусары и казаки выѣзжали гарцовать съ польскими наѣздниками, выбѣгавшими изъ Праги. Къ ночи все смолкло. Ночью неутомимо работали въ русскомъ лагерѣ, и съ разсвѣтомъ 80 пушекъ пробудили защитниковъ Праги, если только кто-нибудь изъ нихъ спалъ въ эту страшную ночь. Русскія ядра заставили замолчать пушки на стѣнахъ ретраншамента. Канонада гремѣла весь день. Суворовъ, и безъ того хорошо знавшій расположеніе Варшавы и Праги, еще разъ осматривалъ мѣстоположеніе. Устройство русскихъ батарей заставляло думать, что Прага будетъ осаждена. Но Суворовъ уже рѣшилъ судьбу ея: войску велѣно было готовиться на приступъ—защитники Праги обречены были на смерть!

Все войско русскихъ состояло изъ 22.000. По диспозиціи Суворова, оно раздѣлилось на семь колоннъ. Четыре должны были идти на ретраншаменты съ правой стороны, двѣ лѣвѣе отъ нихъ; одна еще лѣвѣе по самому берегу Вислы. Колоннами начальствовали генералъ-майоры Ласси, Исленьевъ, Буксгевденъ, Тормасовъ, Рахмановъ, Денисовъ и полковникъ князь Лобановъ-Ростовскій. Первою и второю предводилъ Дерфельденъ, третьею и четвертою Потемкинъ, тремя остальными Ферзенъ. Штурмъ начинался въ пять часовъ.

Войско готовилось заранѣе, ждало условленнаго знака, и, услышавъ его, четыре первыя колонны шли на ретраншаменты, пуская впередъ по 128 стрѣлковъ, а за ними по 272 человѣка съ фашинами и лѣстницами. Всѣ четыре въ одно время устремляются на валъ. Первая колонна, перейдя валъ, отрѣзываетъ по берегу сообщеніе съ Варшавою; вторая и третья строятся на главной прагской площади; четвертая беретъ кавальеры, устроенные въ ретраншаментѣ. Три послѣднія колонны выступаютъ черезъ полчаса послѣ движенія первыхъ, когда вниманіе непріятеля занято будетъ нападеніемъ и увлечетъ его въ одну сторону. Седьмая колонна старается отрѣзывать непріятеля отъ моста и соединиться съ первою колонною. Пятая и шестая, подобно третьей и четвертой, занимаютъ городъ. Всѣ колонны, строясь по вступленіи въ ретраншаментъ, идутъ на внутреннее укрѣпленіе, вступаютъ въ Прагу, саблями и штыками истребляютъ непріятеля, идя по улицамъ, не входя въ домы, не останавливаясь за малостями и тѣсня непріятеля къ Вислѣ, гдѣ встрѣчаютъ ихъ 1-я и 7-я колонны, отрѣзавшія отступленіе. «Противъ вооруженнаго непріятеля дѣйствовать съ крайнимъ напряженіемъ и силою, а невооруженныхъ и помилованія просящихъ щадить». Каждая колонна имѣетъ резервы, при которыхъ находятся полковыя пушки. Они идутъ въ 150 шагахъ сзади колоннъ, подкрѣпляютъ ихъ и по вступленіи въ городъ занимаютъ валы, направляя пушки въ Прагу. Конница (ею начальствовалъ генералъ-майоръ Шевичъ съ бригадирами Поливановымъ, Боровскимъ, Сталемъ и Сабуровымъ) прикрываетъ пушки. Казаки держатъ цѣпь внѣ ретраншамента.

Наступила темная осенняя ночь на 24-е октября. Суворовъ находился въ селеніи Бялоленкѣ, назади главнаго лагеря, и отдавалъ

послѣдніе приказы. Въ два часа ночи тихо, безмолвно выступили войска и ждали знака. Въ пять часовъ зашипѣла въ воздухѣ ракета—четыре колонны двинулись. Загремѣли пушки съ валовъ. Русскіе шли прямо, смѣло, неуклонно. Свирѣпая рукопашная битва началась на валахъ. Суворовъ стоялъ на высокомъ холмѣ вблизи валовъ и распоряжалъ движеніями. Мракъ освѣтился огнемъ. Нерѣшительность длилась недолго. Вѣрно разсчитанный ударъ 5-й и 6-й колоннъ, когда все вниманіе непріятеля обратилось въ одну сторону, довершилъ побѣду. Мостъ черезъ Вислу былъ зажженъ. Средства къ побѣгу отняты. Валы ретраншамента были пройдены, пушки сбиты. Страшное кровопролитіе свирѣпѣло за валами. Все смѣшалось въ дымѣ, стонѣ, набатѣ, громѣ барабановъ. Стѣсненные наступавшими войсками, защитники Праги слышали позади себя вопли жителей, поражаемыхъ колоннами, ворвавшимися по берегу Вислы. Наконецъ Прага загорѣлась. Взорвало пороховой магазинъ. Упорное сопротивленіе раздражало осаждающихъ, и, когда солдаты ворвались въ самую Прагу, всѣ ужасы неукротимаго ожесточенія рушились на несчастный городъ! Въ девять часовъ утра на мѣстѣ Праги были окровавленныя, дымящіяся развалины, заваленныя изуродованными, обгорѣлыми трупами и умирающими. Противоположный берегъ усѣянъ былъ варшавскими жителями. Трепетно побѣжали они, когда русскія ядра полетѣли черезъ рѣку и бомбы начали падать въ Варшаву; одна изъ нихъ упала въ домъ, гдѣ собрался совѣтъ правителей, и убила секретаря.

Пораженіе конфедератовъ было ужасно: тринадцать тысячъ человѣкъ погибло въ Прагѣ; болѣе 2.000 потонули въ Вислѣ; 1.000 взято было въ плѣнъ—не болѣе 800 успѣли перебраться въ Варшавъ. Въ числѣ убитыхъ были генералы Ясинскій (онъ сдержалъ свое слово), Корсакъ, Квашневскій и Грабовскій. Въ числѣ плѣнныхъ находились генералы Майенъ, Геслеръ, Крупинскій, 5 полковниковъ, 438 офицеровъ. Русскихъ было убито 8 офицеровъ и до 600 рядовыхъ, ранено до 23-хъ офицеровъ и до 1.000 рядовыхъ. Число пушекъ, гаубицъ и мортиръ, взятыхъ въ Прагѣ, простиралось до 204.

Суворовъ въѣхалъ въ Прагу, когда стихли ужасы приступа. Буксгевденъ опредѣленъ былъ комендантомъ Праги. Разставили караулы и пушки по берегу Вислы. Остальное войско расположилось бивакам внутри ретраншамента и около него. Близъ кавальера раскинули солдатскую палатку Суворову. Сюда явились къ нему съ поздравленіемъ генералы и полковники. Привели плѣнныхъ. Суворовъ возвратилъ имъ шпаги. На землѣ разостлали скатерть, и Суворовъ угощалъ гостей. На ночь поставили калмыцкую кибитку, и онъ уснулъ въ ней въ первый разъ послѣ двухъ безсонныхъ ночей.

Рано утромъ, на другой день, явились депутаты изъ Варшавы. Они привезли Суворову письмо короля Станислава. «Правленіе Варшавы просило моего посредничества,—писалъ онъ.—Жители хотятъ защищаться, если не будутъ обнадежены въ безопасности жизни и имѣнія». Депутаты требовали перемирія на недѣлю для

заключенія переговоровъ. Дежурный генералъ передалъ имъ отвѣтъ Суворова: «Договоры не нужны. Войско обезоруживается, и всякое оружіе отдается русскимъ. Король утверждается въ своемъ достоинствѣ. Русскіе вступаютъ немедленно въ Варшаву. Жизнь и имѣніе жителей безопасны. Отвѣтъ черезъ 24 часа». Депутатовъ ввели въ палатку Суворова. Онъ сидѣлъ на обрубкѣ бревна; другой обрубокъ замѣнялъ ему столъ. «Pokój (миръ)!» воскликнулъ онъ, бросая саблю свою и съ распростертыми объятіями идя на-

встрѣчу депутатовъ. Изумленные неожиданною встрѣчею, они заплакали. Суворовъ ласково говорилъ съ ними, шутилъ и, отпустивъ ихъ, приказалъ очищать Прагу и погребать убитыхъ. Плѣнныхъ солдатъ и жителей Праги велѣно переписывать и отпускать, кромѣ генераловъ и офицеровъ, взявъ реверсы, что они не поднимутъ оружія противъ русскихъ. Въ тотъ же день 8.000 человѣкъ распущено. На другой день явились снова депутаты и опять требовали перемирія. Суворовъ отказалъ рѣшительно: обезоруженіе или высылка войскъ изъ Варшавы, если они не хотятъ положить оружія; сдача оружія и арсеналовъ русскимъ; освобожденіе русскихъ плѣнныхъ; день срока на отвѣтъ и немедленное начало военныхъ дѣйствій въ случаѣ несогласія были его непремѣнными условіями.

Неизобразимое смятеніе царствовало въ Варшавѣ. Ночью начались кровавыя буйства. Войско польское хотѣло захватить короля, городскихъ правителей и плѣнныхъ русскихъ. Народъ собрался толпами и хотѣлъ сражаться съ ними. Всякая власть уничтожилась.

Октября 27-го утромъ явились графы Потоцкій и Мостовскій. Они извѣстили Суворова, что для очищенія Варшавы отъ войска потребна недѣля срока. «Ни одного часа!» вскричалъ гнѣвно Суворовъ. «Мы не воюемъ съ Польшею и королемъ ея! О какихъ

войскахъ вы мнѣ говорите? Толпа бунтовщиковъ не войско: я посланъ истребить ихъ, я не дипломатъ, и переговоры прекращаются!»

Онъ велѣлъ Ферзену переправляться черезъ Вислу, полагая это движеніе необходимымъ даже для сохраненія Варшавы, угрожаемой междоусобіемъ и кровопролитіемъ. Въ 4 часа по полудни привезли отвѣтъ изъ Варшавы: Вавржецкій выступалъ изъ Варшавы съ остальнымъ войскомъ, а Варшава отдавала оружіе и арсеналы и покорялась безусловно.

Въ тотъ же день посланы были отряды русскіе въ Варшаву, заняли всѣ караулы, приняли арсеналъ и запасы пороха. Плѣнные русскіе были освобождены. Русскіе генералы и офицеры поѣхали въ Варшаву, и изъ Варшавы пріѣхали въ Прагу поляки. Мостъ черезъ Вислу наскоро возобновляли. Ферзенъ приблизился къ Варшавѣ, откуда нестройными толпами выходило войско и бѣжали многіе зачинщики возстанія, члены правительства, всѣ опасавшіеся преслѣдованій. Суворовъ не велѣлъ ни кого останавливать. Игнатій Потоцкій присланъ былъ отъ короля въ лагерь. Суворову предложили задержать его, какъ одного изъ главныхъ возмутителей. «Постыдно употреблять во зло довѣренность человѣка, добровольно ко мнѣ пришедшаго!» отвѣчалъ Суворовъ. «Пусть бѣгутъ,— сказалъ онъ, когда донесли ему о бѣгствѣ членовъ бывшаго правительства,—это не мое дѣло. Помните ли стихи Ломоносова?

Великодушный левъ злодѣя низвергаетъ,
Но только хищный левъ лежащаго терзаетъ!“

Между тѣмъ всѣ плѣнники и захваченные въ Прагѣ были отпущены. Старикъ генералъ Геслеръ также получилъ дозволеніе ѣхать въ свои помѣстья.

Октября 29-го начался торжественный входъ русскихъ въ Варшаву при звукѣ музыки и громѣ барабановъ. Суворовъ ѣхалъ верхомъ, окруженный своими генералами. Онъ былъ въ вицъ-мундирѣ, безъ

орденовъ, на казацкой лошади. У моста встрѣтили его городовые правители и поднесли ему хлѣбъ-соль и ключи города, серебряные, позолоченные (они донынѣ хранятся въ петербургскомъ Петропавловскомъ соборѣ). Суворовъ взялъ ихъ, перекрестился, поцѣловалъ и сказалъ: «Благодарю Бога, что они не такъ дорого куплены, какъ...» Онъ обратился къ Прагѣ и утеръ слезы. Толпы народа наполняли улицы, восклицая: «Да здравствуетъ Суворовъ! Да здравствуетъ Екатерина!» Суворовъ остановился въ трактирѣ, въ предмѣстьи города, гдѣ на полѣ пришедшія въ Варшаву русскія войска остановились лагеремъ. Потемкину велѣно было ѣхать и привѣтствовать короля. Ферзенъ двинулся съ 7.000-ми преслѣдовать ушедшія изъ Варшавы польскія войска. Къ Суворову привели плѣнныхъ русскихъ: ихъ было до 1.400 человѣкъ, кромѣ 500 пруссаковъ и 80 австрійцевъ, чиновниковъ россійскаго посольства, захваченныхъ во время возмущенія въ Варшавѣ, офицеровъ и трехъ генераловъ: Арсеньева, Милашевича и Сухотина. Нѣсколько мѣсяцевъ томившіеся въ тюрьмахъ и ежеминутно угрожаемые страхомъ смерти, многіе изъ нихъ падали на колѣни передъ Суворовымъ и цѣловали руку его. Онъ обнималъ ихъ со слезами.

«Всемилостивѣйшая Государыня! Ура! Варшава наша!» Въ этихъ словахъ состояло донесеніе Суворова императрицѣ.

На другой день Суворовъ, во всѣхъ орденахъ своихъ, сопровождаемый своими генералами и чиновниками русскаго посольства, отправился посѣтить короля Станислава. Карета, въ которой ѣхалъ Суворовъ, принадлежала одному изъ русскихъ генераловъ, большому говоруну. Приказъ Суворова о взятіи у него кареты былъ въ слѣдующихъ словахъ: «Карету позлащенную взять у генерала **. Хозяинъ кареты поѣдетъ со мною вмѣстѣ, но долженъ сидѣть и молчать, ибо мнѣ надобно думать дорогою». Станиславъ встрѣтилъ Суворова низкимъ поклономъ. Какая превратность судьбы! Они видѣлись за семь лѣтъ въ Каневѣ, среди великолѣпнаго двора Екатерины, гдѣ Станиславъ являлся еще въ величіи двора своего,—теперь онъ былъ плѣнникъ русскій и зналъ, что корона уже недолго продержится на головѣ его! Суворовъ изъявилъ ему глубокое почтеніе, какъ королю. Станиславъ просилъ освободить одного плѣннаго офицера. «Если угодно, я освобожу вамъ ихъ сотню», отвѣчалъ Суворовъ, «двѣсти», продолжалъ онъ подумавъ, «триста, четыреста, такъ и быть пятьсотъ!» прибавилъ онъ смѣясь. Въ тотъ же день 500 офицеровъ и другихъ плѣнниковъ были освобождены, и въ числѣ ихъ находился генералъ Майенъ.

Неусыпно и дѣятельно обезоруживали Варшаву. Всякое оружіе, даже въ оружейныхъ лавкахъ, было забрано и сдано русскимъ. Обезоруженіе польскихъ войскъ занимало Суворова. Войска польскаго оставалось еще нѣсколько корпусовъ: Іосифъ Понятовскій стоялъ въ Блони съ 3.000 и 17 пушками, Ожаровскій—въ Сухочинѣ съ 1.500 и 10 пушками. Мадалинскій и Домбровскій, преслѣдуемые пруссаками, и имѣвшіе 18.000 съ 20 пушками, соединились съ ушедшими изъ Варшавы 2.000-ми пѣхоты, 4.000-ми косарей и 1.500-ми конницы при 25 пушкахъ. Ожаровскій и Понятовскій пер-

вые прислали просить помилованія и позволенія распустить свои войска. Прежде нежели послали имъ отвѣтъ, корпуса ихъ разошлись. По соединеніи съ ушедшими изъ Варшавы войсками Мадалинскій сдалъ начальство Вавржецкому. Здѣсь были Заіончекъ (онъ не палъ на развалины Праги), Коллонтай, Захаржевскій. Хотѣли договариваться. Суворовъ отвергъ договоры, требовалъ покорности и выдачи Коллонтая и Мадалинскаго. Ферзенъ, усиленный войскомъ изъ Варшавы, окружилъ ихъ. Сражаться было строго запрещено. Лишенный всякой надежды и средствъ существованія, Вавржецкій отступилъ за Пилицу и бросилъ пушки въ Опочнѣ. Ежедневно тысячи солдатъ оставляли его, и, когда подъ Радошицами (сентября 6-го) русскіе стѣснили его совершенно, все войско, бывшее при немъ, состояло изъ 3.000. Віельгурскій, Грабовскій, Гладницкій оставили его гораздо прежде и уѣхали въ свои помѣстья. Мадалинскій, Заіончекъ и Коллонтай бѣжали тайно въ Галицію. Вавржецкій сдался и былъ привезенъ въ Варшаву съ Гедройцомъ, Гельгудомъ, Носаковскимъ и Домбровскимъ. Прусскія войска заняли Краковъ. Польша въ безмолвіи ожидала рѣшенія Екатерины. Станиславъ добровольно отказался отъ короны. Января 9-го 1795 года, онъ навсегда оставилъ Варшаву и переѣхалъ въ Гродно. Ноября 25-го подписано было Станиславомъ отреченіе. Прежде его отреченія Курляндія, по добровольному согласію герцога ея, присоединена къ Россіи. Декабря 14-го послѣдовалъ манифестъ о присоединеніи къ Россіи остальной Литвы, Волыніи и Подоліи. Января 5-го 1796 года австрійскія войска заняли Краковъ. Января 9-го прусскія войска вступили въ Варшаву. Память Польши осталась только въ исторіи.

Дѣла Суворова казались какимъ-то чудомъ. «Шагнулъ и царство покорилъ!» восклицалъ Державинъ. Въ два мѣсяца кончена была польская война и дописана мечомъ Суворова лѣтопись Польши. Народъ славилъ его. Войско боготворило. Народы и цари свидѣтельствовали ихъ признательность. На донесеніе Суворова о покореніи Варшавы Екатерина отвѣчала тремя словами: «Ура! фельдмаршалъ Суворовъ!» Препровождая къ нему фельдмаршальскій жезлъ, она писала собственноручно:

«Господинъ генералъ-фельдмаршалъ, графъ Александръ Васильевичъ! Поздравляю васъ съ побѣдами, со взятіемъ Праги и Варшавы».

Января 1-го 1795 года предписано Сенату изготовить грамоту на новый чинъ Суворова. Августа 18-го пожалованъ Суворову Кобринскій ключъ, гдѣ считалось крестьянъ 6.922 души. Декабря 25-го императоръ австрійскій прислалъ Суворову свой портретъ, осыпанный брильянтами. Еще въ декабрѣ 1794 года получилъ онъ отъ короля прусскаго ордена Краснаго и Чернаго Орла. Ни одна изъ наградъ не порадовала Суворова такъ, какъ порадовалъ его чинъ фельдмаршала. Тогда въ Россіи были только два сановника въ этомъ высшемъ санѣ: графъ К. Г. Разумовскій и Румянцевъ. Девять генералъ-аншефовъ были старше Суворова (И. П. и Н. И. Салтыковы, Рѣпнинъ, Долгорукій, Эльмптъ, Прозоровскій, Мусинъ-Пушкинъ, Каменскій и Каховскій). «Мое правило не производить никого

не въ очередь,—писала Суворову Екатерина,—но вы завоевали чинъ фельдмаршала въ Польшѣ».—«А! таки перескочилъ!» воскликнулъ Суворовъ, прыгая черезъ стулья и высчитывая по пальцамъ генералъ-аншефовъ старше себя: «Салтыковъ назади, Долгорукій назади, Каменскій назади, а мы впереди!» Онъ перекрестился и примолвилъ: «Помилуй Богъ матушку императрицу! Милостива она ко мнѣ, старику.»

Суворовъ пробылъ въ Польшѣ до ноября 1795 года. Никогда прежде не являлся онъ въ такой славѣ. Фельдмаршалъ русскій, герой, на котораго обращались взоры всего отечества, правитель Польши, съ коимъ сносились императоръ, король прусскій, король польскій, сановникъ, облеченный полною властью отъ императрицы,

онъ видѣлъ окрестъ себя пословъ, министровъ, генераловъ, дворянство польское, знатныхъ чужестранцевъ. Восемьдесятъ тысячъ русскаго войска, занимавшаго Польшу, находились подъ его начальствомъ. Множество заботъ обременяло его въ то время: содержаніе войскъ, споры союзниковъ, дѣленіе областей, воинская дисциплина, облегченіе жителей, разоренныхъ четырехлѣтнею войною и пребываніемъ войскъ многочисленныхъ, разборъ преступленій, совершенныхъ во время безначалія. Ласковость, кротость, милосердіе Суворова, грознаго только въ дни брани, остались въ благодарномъ воспоминаніи поляковъ. Среди величія онъ не измѣнялъ образа жизни, удалялся отъ блеска, не переставалъ шутить попрежнему и нерѣдко изумлялъ странностями иностранцевъ, желавшихъ видѣть покорителя Измаила и Варшавы. Среди важныхъ дѣлъ онъ отвѣчалъ стихами Державину. Услышавъ о взятіи Варшавы, Державинъ создалъ свой диѳирамбъ, пламенное поэтическое твореніе:

Пошелъ и—гдѣ тристаты злобы?
Чему коснулся, все сразилъ!
Поля и грады стали гробы,
Шагнулъ и царство покорилъ!

Изображая Суворова полуночнымъ вихремъ богатыремъ, который

Ступитъ на горы—горы трещатъ,
Ляжетъ на воды—воды кипятъ,
Граду коснется—градъ упадаетъ,
Башни рукою за облакъ кидаетъ,—

Державинъ вопрошалъ:

Твой ли, Суворовъ, се образъ побѣдъ?

«Я не поэтъ и въ простотѣ сердца буду отвѣчать вамъ солдатскимъ языкомъ», писалъ къ нему Суворовъ. Стихами отвѣчалъ Суворовъ и старому знакомцу своему по Москвѣ, Кострову, на эпистолу, которою привѣтствовалъ его переводчикъ Оссіана и Омира. Въ числѣ поэтовъ, славившихъ Суворова, былъ Дмитріевъ, еще юный, служившій тогда въ гвардіи. Въ его одѣ, начинавшейся стихами:

Гдѣ буйны, гордые Титаны,
Смутившіе Астреи дни?
Стремглавъ низверженны, попранны!
„Въ прахъ! Въ прахъ!“ рекла—и гдѣ они!

замѣтили прекрасное изображеніе русскаго войска:

Речешь—и двинется полсвѣта,
Различный образъ и языкъ:
Тавридецъ, чтитель Магомета,
Поклонникъ идоловъ калмыкъ,
Башкирецъ съ мѣткими стрѣлами,
Съ булатной саблею черкесъ—
Ударятъ съ шумомъ въ слѣдъ за нами
И прахъ поднимутъ до небесъ!

Участь Польши была кончена, и новыя, великія думы занимали Екатерину. Она рѣшительно хотѣла приступить къ союзу европейскихъ государей и положить предѣлъ переворотамъ на Западѣ. Взоръ ея обращался на Суворова; ему хотѣла она ввѣрить жребій великой войны. Едва кончился раздѣлъ Польши, Екатерина звала его въ Петербургъ.

Проѣздъ Суворова изъ Варшавы въ Петербургъ былъ торжествомъ. Какъ ни старался онъ скрываться, его встрѣчали губернаторы, чиновники, войско, граждане съ хлѣбомъ и солью; народъ стерегъ его по дорогѣ и оглашалъ воздухъ кликами: «Ура! Суворовъ!»—«Помилуй Богъ, помилуй Богъ! Они уморятъ меня!» говорилъ онъ и плакалъ отъ радости. Придворныя кареты были высланы ему навстрѣчу. Суворовъ пріѣхалъ прямо въ Зимній дворецъ и повергся предъ Екатериною. Для житья отведено было ему прежнее жилище Потемкина, Таврическій дворецъ. Разговаривая на другой день съ Суворовымъ, Екатерина вручила ему богатую табакерку съ изображеніемъ Александра Македонскаго. «Никому не приличенъ болѣе васъ портретъ вашего тезки: вы велики, какъ онъ!» сказала

Екатерина. Въ февралѣ 1796 года торжествовали бракосочетанiе в. к. Константина Павловича. Суворовъ былъ почетнымъ гостемъ на царскихъ праздникахъ. Въ Петербургѣ пировалъ онъ тогда и на свадьбѣ своей Наташи, своей Суворочки, всегда имъ любимой дочери, которую помнилъ подъ громами Измаила и при разгромѣ Праги. Въ 1792 году, по выходѣ изъ Смольнаго монастыря, графиня Наталья Александровна пожалована была во фрейлины государыни. Братъ временщика, графъ Николай Александровичъ Зубовъ, просилъ руки дочери Суворова. Сама императрица желала этого союза. Зубовъ былъ тогда въ числѣ первыхъ вельможъ. Отецъ его получилъ графское Римской имперiи достоинство. Оба брата П. А., графы Валерьянъ и Николай, отличались воинскими подвигами. Валерьянъ былъ съ Суворовымъ подъ Измаиломъ; въ польской войнѣ онъ лишился ноги и 25-ти лѣтъ былъ генералъ-поручикомъ и андреевскимъ кавалеромъ. Всегда шутя съ своею Суворочкою, отецъ писалъ къ ней изъ Варшавы:

Коли любишь отца,
Полюби молодца!

Послушная дочь повиновалась отцу. Но и среди дворского величiя и почестей Суворовъ не измѣнялъ своего обхожденiя, своихъ странностей и образа жизни. Въ Таврическомъ дворцѣ занималъ онъ маленькую комнату, спалъ на сѣнѣ, рѣдко являлся на великолѣпныхъ обѣдахъ, и только мелькомъ—въ высшихъ обществахъ, гдѣ всѣ искали его, почитая счастiемъ, если Суворовъ удостоивалъ чей-нибудь пиръ и праздникъ минутнымъ присутствiемъ. Императрица снисходила къ странностямъ великаго человѣка, которыя казались теперь всѣмъ чемъ-то особеннымъ и генiальнымъ. Анекдоты о Суворовѣ ходили въ народѣ и были предметомъ общаго удивленiя. Разсказывали, что бывши на балѣ во дворцѣ, когда императрица спросила: «Чѣмъ подчивать васъ, Александръ Васильевичъ?»—«Матушка!» отвѣчалъ онъ, «будь милостива: вели дать водочки!»—«Но что скажутъ красавицы, если отъ васъ будетъ пахнуть водкой?» сказала смѣясь императрица.—«Ничего матушка: онѣ увидятъ, что Суворовъ солдатъ». Замѣтивши, что Суворовъ ѣздитъ зимою безъ шубы, императрица упрекала его, почему онъ не бережетъ здоровья, и подарила ему дорогую соболью шубу. Суворовъ благодарилъ и, ѣздя во дворецъ, садилъ съ собою въ карету слугу, который держалъ шубу на рукахъ и надѣвалъ на него при выходѣ изъ кареты. «Не смѣю ослушаться императрицы,—говорилъ Суворовъ,—шуба со мной, а нѣжиться солдату нехорошо!»

Но среди увеселенiй и праздниковъ Екатерина уклонялась съ Суворовымъ въ свой кабинетъ, и тамъ нерѣдко цѣлые вечера были посвящаемы важнымъ разсужденiямъ. Планы и предположенiя Екатерины были обширны. Чего не могла предпринять владычица Россiи, имѣя многочисленное, превосходное, опытное войско и такого полководца, какъ былъ Суворовъ? Въ совѣщанiяхъ съ нимъ рѣшенъ былъ походъ за Кавказъ. Войско, туда отправленное, ввѣрено было графу В. А. Зубову. Непрiязненныя отношенiя Турцiи заставляли помышлять о новой войнѣ противъ оттомановъ. Неожи-

данный разрывъ дружескихъ отношеній съ Швеціею требовалъ предосторожностей. Въ началѣ 1798 года Суворовъ снова осмотрѣлъ крѣпости и войска въ Финляндіи.

Но всѣ другія предпріятія уничтожались передъ однимъ, болѣе всѣхъ важнымъ—дѣлами на Западѣ, страшно потрясавшими всю Европу и увлекавшими все вниманіе Екатерины.

Съ начала революціи Екатерина дальновиднѣе другихъ монарховъ понимала опасность, грозившую спокойствію и безопасности Европы, и преслѣдовала идеи, возмущавшія Западъ. Она не призна-

ла новыхъ постановленій Франціи, выслала изъ Россіи французское посольство, открыла въ Россіи убѣжище эмигрантамъ и съ почестью встрѣтила братьевъ Людовика XVI-го, искавшихъ ея покровительства. Занятая войною съ Турціею и Швеціею до 1791 года, а потомъ уничтоженіемъ Польши до 1795 года, императрица принимала однако жъ участіе въ союзѣ европейскихъ государей и заключила договоры съ Англіею и императоромъ Леопольдомъ, а по кончинѣ его (въ 1792 г.)—съ императоромъ Францомъ II-мъ. Здѣсь не частные расчеты политики увлекали императрицу, повторяемъ: она видѣла опасность, угрожавшую престоламъ царей и кореннымъ основаніямъ общественнаго порядка Европы. Суворовъ раздѣлялъ ея мнѣнія. «Матушка! пошли меня бить французовъ!»

писалъ онъ ей изъ Польши. Когда Вандейская область во Франціи возстала противъ беззаконныхъ правителей Франціи и заступилась за добродѣтельнаго Людовика XVI-го, Суворовъ, съ позволенія Екатерины, написалъ привѣтствіе Шаретту, предводителю храбрыхъ вандейцевъ. Вотъ письмо Суворова, отмѣченное всегдашнею его оригинальностью:

„Héros de la Vendée, illustre défenseur de la foi de tes pères et du trône de tes Rois, salut! Que le Dieu des armes veille à jamais sur toi, qu'il guide ton bras à travers les bataillons de tes nombreux ennemis, qui marqués du doigt de ce Dieu vengeur, tomberont dispersés, comme les feuilles qu'un vent du nord a frappées! Et vous, immortels Vendéens, fidèles conservateurs de l'honneur de Français, dignes compagnons d'armes d'un héros, guidés par lui, relevez le temple du Seigneur et le trône de vos Rois! Que le méchant périsse! Que ses traces s'effacent!.. Alors que la paix bienfaisante renaisse, et que la tige antique des lys, que la tempête avait courbée, se rélève du milieu de vous, plus brillante et plus majestueuse!—Brave Charette, honneur des chevaliers français! l'univers est plein de ton nom. L'Europe étonnée te contemple, et moi, je t'admire et te félicite. Dieu te chérit, comme autrefois David, pour punir le Philistin! Adore Ses décrets. Vole, attaque, frappe, et la victoire suivra tes pas. Tels sont les voeux d'un soldat, qui blanchi aux champs d'honneur, vit constamment la victoire couroner la confiance qu'il avoit placée dans le Dieu des combats. Gloire à Lui, car Il est la source de toute gloire. Gloire à toi, car Il te chérit!“ *).

Не сбылись предвѣщанія Суворова: несчастная Вандея страшно заплатила за вѣрность свою къ законнымъ государямъ. Шареттъ палъ, какъ преступникъ, отъ рукъ цареубійцъ (въ 1798 г.).

Провидѣнію, испытующему бѣдствіями царей и народы, угодно было допустить событія вопреки всѣхъ расчетовъ и предположеній человѣческихъ.

Кто могъ бы думать, когда противъ Франціи, обуянной мечтою мнимой вольности, соединялась вся Европа, кто могъ бы думать,

---

*) „Герой Вандеи, знаменитый защитникъ вѣры твоихъ отцовъ и престола твоихъ государей—привѣтъ тебѣ! Да блюдетъ тебя всегда сокрушаяй брани и да предводитъ руку твою сквозь полки твоихъ многочисленныхъ враговъ и, назнаменованные перстомъ сего Бога мстителя, падутъ они, разсѣянны, яко листья, возвѣянныя сѣвернымъ вѣтромъ! И вы, безсмертные вандейцы, вѣрные хранители чести французовъ, достойные братья по оружію героя, имъ ведомые, возстановите храмъ Господа и престолъ вашихъ государей! Да погибнутъ злые! Да изгладятся слѣды ихъ! И тогда да возродится миръ благотворный, и древняя лилія, склоненная бурею, да возвысится среди васъ, болѣе блистательная, болѣе великолѣпная! Храбрый Шареттъ, честь французскихъ рыцарей! Свѣтъ исполненъ твоего имени, удивленная Европа созерцаетъ тебя, а я—я удивляюсь тебѣ и привѣтствую тебя! Богъ благословляетъ тебя, какъ нѣкогда Давида, мстителя филистимлянамъ! Благоговѣй предъ Его судьбами, лети, нападай, поражай, и побѣда пойдетъ по стопамъ твоимъ! Таковы обѣты воина, посѣдѣвшаго на поляхъ чести и всегда видѣвшаго побѣду вѣнчающею увѣренность въ Бога побѣдодавца! Слава Ему, ибо Онъ источникъ всякой славы! Слава тебѣ, ибо Онъ благословляетъ тебя!“

что великіе союзы царей и народовъ и войска образованныя и гордыя побѣдами уступятъ безпорядочнымъ толпамъ революціоннымъ, гонимымъ въ битвы страхомъ казни и безумною горячкою революціи? Такъ было.

Мы говорили о неудачныхъ походахъ пруссаковъ и австрійцевъ въ 1792 и 1793 годахъ. Торжествуя побѣды, французы вторглись въ Нидерланды, Германію, Италію, Испанію, и какъ будто передъ грознымъ привидѣніемъ, вселяющимъ суевѣрный страхъ въ душу человѣка, преклонились царства, распались союзы; одни изъ союзниковъ только уступили, другіе даже перешли на сторону революціонную. Въ началѣ 1795 г. Пруссія предложила миръ Франціи. За базельскимъ трактатомъ Пруссія съ Франціею (апрѣля 5-го 1795 года) слѣдовалъ трактатъ Франціи съ Испаніею (также въ Базелѣ 22-го іюля 1795 года). Нидерланды, переименованные республикою Батавскою, сдѣлались союзникомъ и рабомъ Франціи.

Республика Французская была признана государствомъ среди другихъ государствъ Европы. Она являлась могущественною и грозною. Опасность достигла крайняго предѣла. Екатерина не хотѣла болѣе медлить: февраля 18-го 1795 г. былъ заключенъ союзный и оборонительный трактатъ Россіи съ Англіею; мая 20-го такой же договоръ Англіи съ Австріею. Этотъ новый союзъ казался твердымъ оплотомъ Европы. Мечты Суворова, желаніе его сразиться съ революціонерами, явиться защитникомъ царей и законовъ, осуществлялись. Положено было русскимъ войскамъ соединиться съ австрійскими. Суворовъ долженъ былъ принять надъ ними начальство. Восемьдесятъ тысячъ русскихъ назначалось въ походъ.

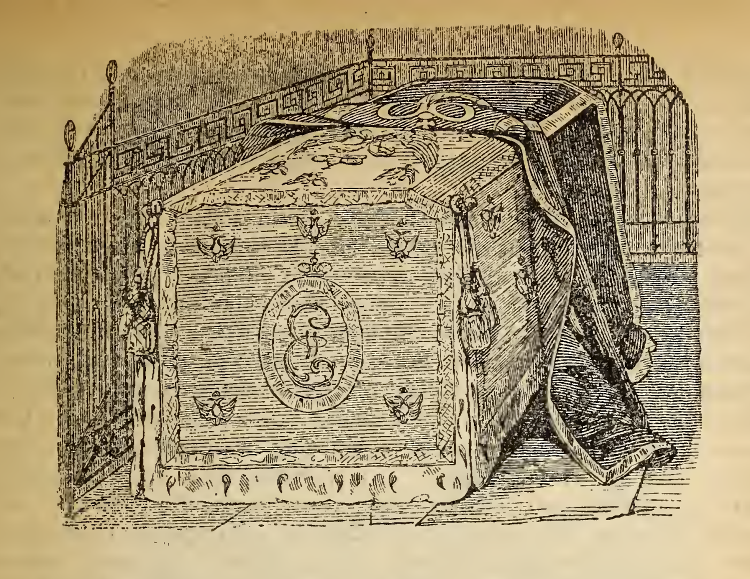
Весною 1796 года Суворовъ оставилъ Петербургъ и принялъ начальство надъ арміею, собранною въ Брацлавской, Вознесенской и Екатеринославской губерніяхъ. Ее дополнили до назначеннаго въ походъ числа войскъ. Товарищи Суворова, его сотрудники подъ Рымникомъ, Измаиломъ и Прагою радостно встрѣтили его. Лѣтомъ обозрѣвалъ онъ собранное войско. Главная квартира его была въ Тульчинѣ на Днѣстрѣ. Нетерпѣливо ждалъ Суворовъ приказанія двинуться за границу. Уже австрійскія войска сражались въ Италіи и на Рейнѣ. Наконецъ приказаніе о походѣ было получено. Русскій корпусъ вступилъ въ Галицію, и вдругъ новымъ повелѣніемъ императрицы походъ былъ остановленъ. Военныя и политическія дѣла мгновенно измѣнились.

Осенью 1795 года послѣдовала перемѣна правительства во Франціи. Конвентъ смѣнился директоріею. Испанія заключила союзъ съ Франціею. Англія вмѣсто усиленія войны повела переговоры. Но Австрія, вспомоществуемая германскими и итальянскими государями, не уступала, и война началась. Директорія сдвинула громадныя силы. Двѣ арміи французскія шли, одна въ Германію, другая въ Италію. Журданъ и Моро заняли Палатинатъ и Баварію. Баденъ и Виртембергъ, угрожаемые нашествіемъ непріятельскимъ, заключили миръ. Здѣсь остановилъ успѣхи французовъ юный полководецъ австрійскій, эрцъ-герцогъ Карлъ. На 25-мъ году главнокомандующій войсками, едва за три года въ первый разъ явясь на поляхъ битвъ, онъ разбилъ Журдана и принудилъ Моро къ отступленію. Но

1796 г. былъ временемъ явленія другого полководца, болѣе достопамятнаго, коему судьба назначала поприще великое: въ первый разъ Европа услышала тогда имя Наполеона Бонапарте.

Уроженецъ Корсики (только въ 1769 году присоединенной къ Франціи), въ 1793 году не находя пріюта нигдѣ, думая даже оставить Францію и вступить въ службу султана, въ началѣ 1796 года, на 26-мъ году отъ рожденія Бонапарте увидѣлъ себя главнокомандующимъ арміею въ Италіи, и въ концѣ года изумленная Европа спрашивала: кто этотъ юный вождь, располагающій жребіемъ битвъ и судьбами народовъ? Едва въ мартѣ 1796 г. принявъ начальство, Бонапарте вступилъ въ Италію, гдѣ совершеннымъ истребленіемъ угрожали австрійскія войска слабымъ корпусамъ французскимъ. Побѣды при Монтеноттѣ, при Миллезимо, при Мондови; миръ, вынужденный у сардинскаго короля, коимъ Савойя и Ницца присоединены къ Франціи и всѣ піемонтскія крѣпости заняты французскими гарнизонами; отступленіе австрійцевъ, переходъ черезъ Адду, побѣда при Лоди, занятіе Милана, блокада Мантуи; Модена, Парма, папа, умоляющіе о мирѣ—все совершенное въ одну кампанію,—явили въ Бонапарте будущаго властителя жребія Европы. Недоумѣніе заступило мѣсто согласія между союзниками. Екатерина остановила походъ русскихъ войскъ. Суворовъ получилъ приказъ расположить войска на зимнія квартиры. И когда съ грустною думою о современныхъ событіяхъ исполнялъ онъ повелѣніе, горестная вѣсть неожиданно поразила его, измѣнила всѣ политическія отношенія и разрушила всѣ надежды Суворова: ноября 6-го 1796 года скончалась Екатерина. Суворовъ плакалъ неутѣшно. Мрачно и печально являлось передъ нимъ грядущее. Могъ ли онъ думать, прощаясь съ царицею, благословлявшею его на побѣды, что въ послѣдній разъ видитъ обожаемую имъ монархиню, великую владычицу сѣвера. Бодрая старость и крѣпкое здоровье обѣщали ей долголѣтіе. «Матушка царица!—говорилъ Суворовъ,—безъ нея не видать бы мнѣ ни Кинбурна, ни Рымника, ни Измаила, ни Варшавы!»

ГЛАВА X.

Суворовъ въ отставкѣ.—Житье его въ деревнѣ.—Событія на Западѣ.—Союзъ России съ Австріею.—Призваніе Суворова.

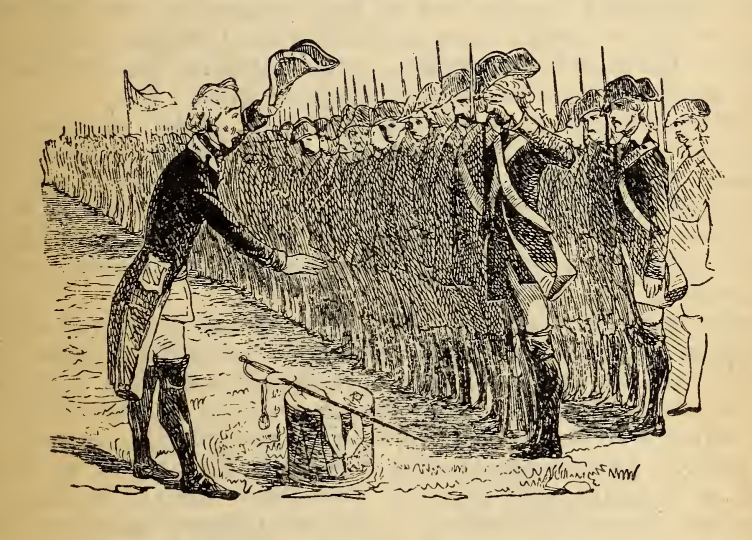

Казалось, новый вѣкъ спѣшилъ смѣнить вѣкъ протекавшій, вѣкъ, видѣвшій Людовика XIV-го, Петра Великаго, Вильгельма III-го, Фридриха Великаго и Екатерину — вѣкъ созданія Пруссіи, гибели Польши, движенія Россіи въ Европу. Дивенъ былъ истекавшій вѣкъ событіями, но вѣкъ новый, казалось, хотѣлъ проявить себя событіями еще болѣе дивными. Смѣнялись люди по лицу земли. Новыя идеи, новые нравы, новыя требованія являло новое поколѣніе. И какъ будто среди нихъ не было мѣста дѣятелямъ прежняго вѣка: Потемкинъ предшествовалъ Екатеринѣ въ могилу. Румянцевъ недолго пережилъ ее (онъ умеръ въ декабрѣ 1796 года). Съ восшествіемъ на престолъ императора Павла, при Дворѣ, въ политическихъ дѣлахъ, въ войскѣ, въ гражданскомъ управленіи Россіи явились новые сановники. Быстро смѣняли они прежнихъ подвижниковъ, являлись и новые царедворцы, и новые временщики. Черезъ день послѣ кончины императрицы трое товарищей Суворова были пожалованы въ фельдмаршалы (ноября 8-го—графъ Н. И. Салтыковъ, князь Н. В. Рѣпнинъ, графъ И. Г. Чернышевъ). Каменскій получилъ фельдмаршальскій жезлъ 24-го ноября. На другой годъ

получили его графъ И. П. Салтыковъ, Эльмптъ, Мусинъ-Пушкинъ, Броліо. Перемѣны въ политикѣ, гражданскомъ устройствѣ Россіи и русскомъ войскѣ происходили безпрерывныя. Такъ, въ войскѣ измѣнены были одежда, вооруженіе, чиноначаліе, ученіе, команда, раздѣленіе полковъ.

Непоколебимый поборникъ истины, увѣренный, что на высотѣ его славы и почестей и на чредѣ, имъ занимаемой, ему уже недоступны ни злоба, ни зависть людская, Суворовъ рѣшился смѣло говорить истину монарху. И, когда все раболѣпствовало передъ его волею, съ благоговѣніемъ вѣрноподданнаго, но смѣло изъявилъ Суворовъ императору свои мнѣнія касательно различныхъ нововведеній въ войскѣ. Слова Суворова представили неприличною дерзостью. Взаимныя недоразумѣнія между нимъ и императоромъ умножались. Все умѣли представить императору въ превратномъ видѣ—любовь войска къ Суворову, его противорѣчіе волѣ монаршей, самыя странности его. «Мнѣ поздно перемѣняться!» отвѣчалъ огорченный старецъ, когда ему замѣтили, что его проказы неумѣстны и что тѣмъ нарушается военная дисциплина. «Доложите императору,—говорилъ онъ,—что матушка его Екатерина тридцать лѣтъ терпѣла мои причуды и я шалилъ подъ Рымникомъ и подъ Варшавою, а для новой дисциплины я слишкомъ старъ!» Еще нѣсколько времени недоброжелатели щадили упрямаго старика, но не любимцевъ и друзей Суворова: одни были отставлены, другіе удалены. Въ числѣ удаленныхъ отъ Двора и изъ службы находились родственники Суворова—Зубовы, Горчаковы. Суворовъ не унимался и не скрывалъ ни чувствъ своихъ, ни негодованія. Когда введены были въ русскомъ войскѣ прусскій мундиръ, пудра, букли, косы, эспонтоны, Суворовъ улыбнулся и сказалъ: «Пудра не порохъ, букли не пушки, косы не тесаки, а мы не нѣмцы, а русаки!» Шутка Суворова была передана въ Петербургъ; ее повторяли въ войскѣ и въ народѣ. Друзья старались уговорить Суворова смягчить немилость покорностью. «Мнѣ поздно перемѣняться!» повторялъ Суворовъ, безпрестанно огорчаемый мелкими кознями своихъ личныхъ враговъ. Января 19-го 1797 года онъ получилъ строгій выговоръ «за самовольный отпускъ подполковника Батурина, ибо власти на то никто не имѣетъ, кромѣ государя». Суворовъ отправилъ куда-то курьеромъ капитана Мерлина. Посланный имъ былъ отосланъ въ рижскій гарнизонъ, а Суворову сдѣланъ выговоръ «за посылку курьеромъ военнослужащаго безъ всякаго дѣла». Января 27-го командованіе екатеринославскимъ корпусомъ передано было генералъ-лейтенанту Беклешеву, а «Суворову повелѣно быть въ Петербургѣ и остаться безъ команды». Такое распоряженіе показывало явную немилость императора. Съ глубокою горестью Суворовъ осмѣлился представить, что если у него взято начальство надъ войскомъ, то ему не только въ Петербургѣ, но и въ службѣ дѣлать нечего. Отвѣтомъ на представленіе его былъ приказъ февраля 6-го: «Фельдмаршалъ графъ Суворовъ, отнесясь Е. И. В., что такъ какъ войны нѣтъ, то и ему дѣлать нечего, за подобный отзывъ отставляется отъ службы».

Ударъ былъ жестокъ и попалъ мѣтко. Повинуясь волѣ монарха, трогательно разстался съ товарищами своими Суворовъ. Его любимый Фанагорійскій полкъ былъ выстроенъ на площади Тульчинской. Суворовъ явился передъ полкомъ въ фельдмаршальскомъ мундирѣ, во всѣхъ орденахъ, обратилъ рѣчь къ солдатамъ, прощался съ ними, увѣщевалъ ихъ быть вѣрными государю, послушными начальникамъ. Потомъ снялъ онъ съ себя ордена, положилъ ихъ на барабанъ и воскликнулъ: «Прощайте, ребята, товарищи, чудо-богатыри! Оставляю здѣсь все, что я заслужилъ съ вами. Молитесь Богу! Не пропадетъ молитва за Богомъ и служба за царемъ! Мы еще увидимся—мы еще будемъ драться вмѣстѣ! Суворовъ явится среди васъ!» Солдаты плакали. Суворовъ подозвалъ одного изъ

нихъ къ себѣ, обнялъ, зарыдалъ и побѣжалъ на свою квартиру. Почтовая телѣжка стояла уже готовая. Суворовъ сѣлъ въ нее и тройка помчалась...

Онъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ былъ у него тогда небольшой домикъ. Здѣсь, на родинѣ своей, укрываясь отъ свѣта, хотѣлъ жить и умереть Суворовъ среди семейства дочери своей. Но враги не думали оставить его въ покоѣ. Прощаніе съ солдатами и уединенная жизнь въ Москвѣ возбудили новыя клеветы. Страшились встрѣчи съ нимъ императора, пылкаго въ гнѣвѣ, но великодушнаго и по-царски умѣвшаго сознаваться въ ошибкахъ. Нѣсколько словъ его съ Суворовымъ въ одно мгновеніе могли разрушить всѣ коварные умыслы враговъ. Надобно было удалить Суворова, лишить его всѣхъ средствъ оправдаться передъ императоромъ, и, когда Москва нетерпѣливо ждала царя и въ древней столицѣ все готовилось для священнаго коронованія государя, полицейскій чиновникъ явился въ уединеніе Суворова и объявилъ ему высочайшій приказъ ѣхать изъ Москвы въ деревню. «Сколько времени дается мнѣ на сборы?» спросилъ Суворовъ—«Четыре часа», отвѣчалъ присланный.—«Слишкомъ мно-

го! Не только въ деревню, но бить турковъ и поляковъ сбирался я въ часъ!» сказалъ Суворовъ, взявъ подъ мышку небольшой ящичекъ съ бумагами, накинулъ на себя старый плащъ свой, простился съ домашними и сказалъ присланному чиновнику, что онъ готовъ. У крыльца стояла дорожная карета. Суворовъ отказался сѣсть въ нее. «Для чего мнѣ карета?—говорилъ онъ:—и во дворецъ царскій ѣзжалъ я въ почтовой телѣжкѣ!» Принуждены были исполнить его требованіе. Въ послѣдній разъ взглянулъ Суворовъ на древнюю Москву, колыбель свою, мѣсто, гдѣ столько разъ являлся онъ въ величіи и славѣ и гдѣ оставлялъ милыхъ сердцу людей. Телѣга помчалась по петербургской дорогѣ, но не въ Петербургъ; съ Вышняго Волочка повернули вправо: мѣстомъ пребыванія Суворова назначалось родовое сельцо его Коншанское, гдѣ былъ еще цѣлъ старый отцовскій домъ и гдѣ нерѣдко Суворовъ живалъ въ дѣтствѣ. Полицейскій чиновникъ, сопровождавшій его, остался при немъ съ нѣсколькими полицейскими служителями.

Коншанское находится въ глуши лѣсовъ, далеко отъ большой дороги, на с.-в. отъ уѣзднаго города Новгородской губерніи, Боровичей, среди дикихъ болотъ и озеръ. Оно населено карелами. Господскій домъ и садъ расположены въ немъ на высокой горѣ. За садомъ находилась тогда старинная деревянная церковь. Видъ мѣста вообще мрачный и унылый. Сѣверная природа является здѣсь въ своемъ дикомъ величіи.

Здѣсь поселился Суворовъ, одинокій и, казалось, забытый всѣми, и людьми и славою, дотолѣ влачившеюся всюду по слѣдамъ его. Кромѣ того, что при немъ былъ полицейскій чиновникъ, надзиравшій за его поступками, строго запрещено было видѣться и переписываться кому бы то ни было съ знаменитымъ изгнанникомъ.

Суворовъ расположился житьемъ своимъ. Ни жалобъ, ни сѣтованій не слыхали изъ устъ его. Онъ былъ веселъ, спокоенъ и заботливо занялся постройкою двухъ небольшихъ домиковъ. Эти домики еще донынѣ цѣлы. Въ одномъ изъ нихъ—три небольшіе покоя, спальня и комната для служителя, находившагося при Суворовѣ. Стѣны были обиты простыми, пестрыми обоями. Другой домикъ въ саду. Въ немъ одна комната. Тамъ уединялся Суворовъ для своихъ вечернихъ занятій.

Онъ велъ прежній образъ жизни: вставалъ рано и отправлялся на сельскую колокольню звонить, слушалъ въ церкви заутреню и обѣдню, въ продолженіе коихъ исправлялъ онъ должность понамаря и дьячка, пѣлъ на крылосѣ, читалъ Апостолъ, подавалъ священнику кадило. По воскресеньямъ заходилъ онъ послѣ обѣдни на водку къ священнику. Обѣдалъ всегда у себя одинъ и послѣ отдыха отправлялся гулять по деревнѣ. Здѣсь онъ бѣгалъ и прыгалъ съ крестьянскими дѣтьми, слушалъ сельскія и городскія новости и сплетни, мирилъ ссоры и споры, благотворилъ крестьянамъ, вмѣшивался въ ихъ игры, а по вечерамъ удалялся въ свой садовой пріютъ. Тамъ иногда утренняя заря заставала его за картами, планами и книгами. Суворовъ былъ здѣсь не одинъ—онъ бесѣдовалъ съ великими всѣхъ вѣковъ, вспоминалъ прошедшее и вопрошалъ

будущее, прилежно слѣдя современныя событія, какъ будто предчувствуя, что ему не суждено умереть въ забвеніи, въ уединенной деревнѣ. Онъ переселялся мыслью на поля Италіи, на Рейнъ, гдѣ тогда шумѣли битвы, куда уже готовъ онъ былъ полетѣть, когда судьба вырвала изъ рукъ его побѣдоносный мечъ. Читая извѣстія о побѣдахъ Бонапарте, Суворовъ восклицалъ иногда: «О пора, пора унять мальчика—далеко шагаетъ!» и отправлялся въ сельскую церковь свою молиться Богу и въ село играть съ дѣтьми, либо слушать разсказы о томъ, какъ славно пляшетъ боровицкая

капитанша-исправница Аксинья Степановна и какой важный человѣкъ тамошній городничій...

Жизнь Суворова—Шекспирова драма, гдѣ отъ забавнаго чудный переходъ къ высокому. Изъ Коншанскаго мы должны обратиться къ тогдашнимъ великимъ событіямъ Европы. Таковъ былъ Суворовъ, Шекспиръ въ жизни, таковъ былъ и XIX-й вѣкъ—въ началѣ своемъ.

Если блестяще и необыкновенно было появленіе Бонапарте въ 1796 году, дальнѣйшіе успѣхи его заставили всѣхъ содрогнуться при видѣ человѣка судебъ (l'homme du destin). Взоры всего свѣта обращались на Италію: тамъ рѣшалась участь европейскихъ царствъ и народовъ. Толентинскій миръ съ Моденою, Пармою и папою; уступка Франціи Болонской и Феррарской легацій; миръ съ Неаполемъ; Генуя, принятая подъ покровительство Франціи; отнятіе Корсики у англичанъ; разбитіе австрійцевъ при Бресчіи и на озерѣ

Гардскомъ; побѣды при Ровердо и Бассано, пораженіе Алвинчи, битва аркольская, битва риволійская, взятіе неприступной Мантуи, уничтоженіе Венеціанской республики, переходъ черезъ Альпы, завоеваніе Корфу; основаніе Лигурійской республики въ Генуѣ и Цизальпинской республики, гдѣ соединены были Миланъ, Модена, Феррара, Болонія, Мантуя, и въ то же время перемиріе съ Австріею въ Леобенѣ 18-го апрѣля и миръ въ Кампо-Форміо 17-го октября 1799 года; Бонапарте предписывающій законы Европѣ, побѣдителемъ возвращающійся въ Парижъ, начало раштадтскаго конгресса и замыселъ Бонапарте сражаться съ англичанами въ Индіи, миѳологическая экспедиція его въ Египетъ—таковы были событія 1797 и 1798 годовъ.

Европа уже не смѣла испытывать счастія въ борьбѣ съ превозмо-

гающею силою. Въ Раштадтѣ Франція предписывала условія императору и Германіи. Бельгія, Савойя и Ницца были областями Франціи. Нидерланды, Испанія, Лигурійская и Цизальпинская республики повиновались ей. Пруссія хранила нейтралитетъ, была союзницею Франціи, и ея политики не измѣнили кончина короля Фридриха Вильгельма (въ ноябрѣ 1797 года) и вступленіе на престолъ юнаго монарха, Фридриха Вильгельма III-го.

Только Англія оставалась единственною, непримиримою соперницею Франціи. Но совершивъ обширныя завоеванія въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ, овладѣвши почти всѣми колоніями Франціи, Голландіи и многими испанскими, истребивъ флоты непріятельскіе, уничтоживъ предпріятіе Бонапарте въ Египтѣ абукирскою битвою, Англія безуспѣшно принимала участіе въ войнахъ на материкѣ Европы. Французы отняли Тулонъ и Корсику, взятые англичанами. Со вступленія на престолъ императора Павла Россія соблюдала строгій нейтралитетъ, хотя императоръ Россіи не начиналъ сношеній съ Франціею

и не признавалъ ея республиканскаго правленія. Медленно тянулся раштадтскій конгрессъ, начавшійся въ декабрѣ 1797 года.

Когда шли эти переговоры объ утвержденіи мира, можно было предвидѣть, что не къ миру, но къ новой войнѣ поведутъ всѣ обстоятельства, въ какихъ являлась Европа. Очевидная опасность новой формы правительства во Франціи и быстрое распространеніе духа революціи въ Европѣ; усилія Англіи поддержать войну; тайныя старанія императора и Германіи возвратить новою борьбою потери; извѣстія о разстройствѣ внутренняго порядка Франціи при недостойныхъ правителяхъ; удаленіе Бонапарте въ Египетъ и неудача предпріятій его въ Египтѣ и Сиріи; новыя насилія французскаго правительства въ сосѣдственныхъ государствахъ—все вело къ войнѣ, болѣе прежняго упорной, борьбѣ рѣшительной, гдѣ прежнія неудачи могли послужить уроками, тѣснѣе сближая народы. Надѣялись, что великодушный императоръ Павелъ приступитъ къ союзу и исполнитъ великія предположенія его родительницы.

Наглые поступки Франціи дѣлались болѣе и болѣе нестерпимы. Во время переговоровъ о мирѣ, требуя уступки всего лѣваго берега рейнскаго, французы заняли двѣ важнѣйшія германскія крѣпости—Маинцъ и Эренбрейтштейнъ. Возмущеніе въ Римѣ (въ февралѣ 1798 г.) подало поводъ къ занятію папской столицы французами. Папа былъ увезенъ плѣнникомъ во Францію, и Римъ объявленъ республикою. Возмущенія въ Швейцаріи имѣли слѣдствіемъ занятіе Швейцаріи французами и объявленіе новыхъ постановленій ея подъ именемъ Гельветской республики (въ апрѣлѣ 1798 г.). Женева присоединена къ Франціи. Войска французскія вступили во владѣнія сардинскаго и неаполитанскаго королей. Первый изъ нихъ принужденъ былъ уступить всѣ свои остальныя владѣнія Франціи и удалиться на островъ Сардинію (въ декабрѣ 1798 г.); второй спѣшилъ укрыться въ Сицилію, и Неаполь объявленъ республикою Партенопейскою.

Гдѣ же были предѣлы самовластію и хищенію? Но, по выраженію Державина, въ то время «уже гремѣли громы, на крыліяхъ орловъ несомы!»

Первое участіе императора Павла въ дѣлахъ Европы оказалось принятіемъ имъ на себя званія гроссмейстера рыцарей св. Іоанна Іерусалимскаго, или мальтійскихъ кавалеровъ, прибѣгнувшихъ къ его защитѣ послѣ занятія Мальты французами во время плаванія Бонапарте изъ Франціи въ Египетъ. Быстро слѣдовали послѣ того измѣненія русской политики. Въ концѣ 1798 г. Россія, Англія и Австрія заключили условія о войнѣ съ Франціею и ея союзниками. Неаполь и Турція приступили къ союзу. Русскія эскадры должны были соединиться въ Архипелагѣ съ англійскимъ и турецкимъ и въ Сѣверномъ морѣ съ англійскимъ флотомъ и учинить высадки въ Италію и Голландію, а корпуса русскихъ войскъ, соединенно съ австрійскими, начать военныя дѣйствія въ Италіи и Швейцаріи. Цѣлью войны предположено было возстановленіе прежняго порядка общественнаго въ Европѣ, уничтоженіе революціи и возведеніе дома Бурбоновъ на престолъ Франціи.

Помышляя о дѣлахъ столь важныхъ, гдѣ жребіи царствъ должны были рѣшиться оружіемъ, могъ ли императоръ Павелъ не вспомнить о героѣ, подобно Цинциннату смѣнившемъ мечъ на плугъ? Несмотря на безпрерывныя козни враговъ Суворова, императоръ нѣсколько разъ хотѣлъ видѣть его, говорить съ нимъ. Обвинимъ ли героя, что подозрѣвая умыслы людей непріязненныхъ, хотя и благоговѣя предъ монархомъ, Суворовъ желалъ предстать предъ лицо его, увѣренный предварительно въ милостивомъ пріемѣ и въ томъ, что пламенное желаніе его сражаться съ врагами спокойствія Европы исполнится? Тогда только готовъ былъ Суворовъ покинуть свое уединеніе. Безъ того, зачѣмъ явился бы онъ при Дворѣ, среди сонма новыхъ временщиковъ и даредворцевъ? И Суворовъ отказался отъ всѣхъ предложеній, не хотѣлъ испрашивать милостей. Онъ получилъ пакетъ изъ Петербурга съ нарочнымъ. Надпись была: «Фельдмаршалу Суворову». «Письмо не ко мнѣ,—сказалъ онъ курьеру,—со мною запрещено переписываться». Курьеръ утверждалъ, что письмо къ нему по волѣ государя. «Не вѣрю,—говорилъ Суворовъ,—я названъ фельдмаршаломъ, но если я фельдмаршалъ, мнѣ надобно быть при арміи, а не подъ стражею въ деревнѣ!» Слѣдствіемъ этого отзыва было требованіе Суворова въ Петербургъ. «Нѣтъ!—отвѣчалъ онъ,—я не поѣду, и если уже не могу быть полезнымъ чѣмъ-нибудь другимъ, позвольте мнѣ удалиться въ монастырь и посвятить остатокъ дней моихъ молитвѣ за государя и отечество!» Немедленно написалъ онъ императору.

«Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій, Великій Монархъ!

В. И. В. всеподданнѣйше прошу позволить мнѣ отбыть въ Нилову Новгородскую пустынь, гдѣ намѣренъ я окончить мои краткіе дни въ службѣ Богу. Спаситель нашъ одинъ безгрѣшенъ. Неумышленности моей прости, милосердый Государь! Повергаю себя къ священнѣйшимъ стопамъ В. И. В.

Всеподданнѣйшій богомолецъ, Божій рабъ,
графъ Суворовъ-Рымникскій.»

Его оставили въ покоѣ. Но когда быстро смѣнялись одно другимъ событія въ Европѣ, когда уже все готово было снова вспыхнуть кровавою бранью, императоръ Павелъ почелъ нужнымъ узнать образъ мыслей Суворова о тогдашней политикѣ Европы. Поручено было генералъ-майору Прево де-Люміану ѣхать къ Суворову и говорить съ нимъ. Суворовъ зналъ де-Люміана въ Финляндіи, гдѣ онъ находился при строеніи крѣпостей. Суворовъ любилъ его и шутя прозвалъ Иваномъ Ивановичемъ, хотя ни отецъ, ни самъ онъ Иванами не назывались. Какъ стараго друга встрѣтилъ Суворовъ присланнаго къ нему и въ бесѣдѣ съ нимъ въ хижинѣ коншанской показалъ и то, что онъ не старѣется, и то, какъ вѣренъ и обширенъ былъ опытный взглядъ его, обнимавшій всю политику Европы и сущность современныхъ дѣлъ. Суворовъ изложилъ мысли свои въ краткой запискѣ.

Онъ полагалъ, что успѣхъ противъ Франціи несомнителенъ и что

для успѣха довольно союза Россіи съ Австріею. Если и можно опасаться (говорилъ Суворовъ), что противъ Россіи возстановятъ Турцію, Швецію, даже Персію и кавказскихъ народовъ и что Пруссія, стремясь ослабить силы Австріи и подавить гидру Россіи (de pousser l'affaiblissement des Autrichiens et de terrases l'hydre Russe), не только не войдетъ въ союзъ, но можетъ соединиться съ французами, то всѣ эти обстоятельства неопасны. Въ такомъ случаѣ Россія и Австрія нападаютъ на Пруссію, каждая съ 60.000 войска, и удерживаютъ силы ея. Данія воюетъ съ Швеціею, а Россія посылаетъ противъ Швеціи флотъ, выставляя 25.000 хорошо вооруженныхъ штыками и легкихъ войскъ (bien baïonnetés et celers). Турцію можно польстить мечтою объ отдачѣ ей Крыма, а въ случаѣ войны Россія посылаетъ противъ нея отдѣльно 60.000, держитъ въ резервѣ 30.000 и дѣйствуетъ севастопольскимъ флотомъ. Англія страшна на морѣ, но ничтожна на сухомъ пути. Она защищаетъ берега и займется колоніями и Египтомъ. Высадокъ нигдѣ не дѣлать. Ошибка англичанъ въ томъ, что они дѣйствуютъ разсѣянно. Саксонія можетъ остаться нейтральною, но Баварія и всѣ прирейнскіе владѣтели должны соединиться. Принявъ эти предосторожности, Австрія и Россія выдвигаютъ по 100.000 противъ Франціи и поручаютъ ихъ одному главнокомандующему. Условія: полная мочь избранному полководцу; ничего кромѣ наступательнаго (rien que l'offensive); методику прочь; маневры, марши, контръ-марши, и всѣ такъ называемыя военныя хитрости оставить бѣднымъ академикамъ. Замедленіе, ложная осторожность и зависть суть головы Медузы, окаменяющія войну и политику. Планъ: идти прямо къ Парижу черезъ Рейнъ; бить непріятеля въ полѣ; не развлекать силъ охраненіемъ пунктовъ; не заниматься осадами крѣпостей, блокировать и брать ихъ приступомъ, а главное—не думать объ отступленіяхъ. Въ обезпеченіе себя занять только Маинцъ, гдѣ учредить депо. Обсерваціонный корпусъ остается у Страсбурга и еще летучій корпусъ идетъ къ Люксанбургу. Война оканчивается въ Парижѣ. Слѣдствіемъ такого плана будетъ, что Нидерланды, Сардинія, Неаполь, вся Италія, гдѣ еще много горячихъ головъ, сами собою возстанутъ, крѣпости сдадутся и юные герои, Суворовы и Марлборуги явятся изъ среды воиновъ.

Кто не сознается въ геніальномъ взглядѣ, глубокой опытности, познаніи дѣлъ политическихъ и обширномъ объемѣ основаній военнаго искусства, что все очевидно въ планѣ Суворова? Скажемъ ли, что только два человѣка понимали истинное положеніе тогдашнихъ дѣлъ въ Европѣ и средства успѣха въ войнѣ и политикѣ, Бонапарте и Суворовъ; но одинъ былъ среди песковъ Сиріи, другой въ лѣсахъ новгородскихъ! Безспорно—судьбы Провидѣнія неисповѣдимы, но дѣла Наполеона впослѣдствіи не доказываютъ ли, что планъ Суворова былъ вѣрный и единственный? Не его ли исполнилъ Наполеонъ? Такъ подъ Куннерсдорфомъ, еще бывши майоромъ, Суворовъ говорилъ Фермору: «Для чего нейдемъ мы въ Берлинъ?» Таковы были его планы войны румянцевской и войны потемкинской. Такъ онъ доказалъ вѣрность своего плана въ Польшѣ въ 1794 году.

Но, представленный въ превратномъ видѣ совѣтниками императора Павла, планъ Суворова не заслужилъ одобренія. Люди, окружавшіе императора, не могли понять величія идей мудраго политика и опытнаго полководца. Кромѣ того, какъ прежде Румянцевъ и Потемкинъ были препятствіемъ въ исполненіи геніальныхъ мыслей Суворова, такъ еще болѣе поставляла затрудненій тогдашняя политика европейская, впослѣдствіи подвергнувшая своими близорукими расчетами Европу власти Наполеона. То, что Суворовъ называлъ «Медузиными головами въ политикѣ и войнѣ», окаменяло европейскую дипломатику. Планъ войны уже былъ готовъ, составленный со всѣми недостатками, о которыхъ говорилъ Суворовъ, войною осторожною, медленною, въ раздѣльныхъ мѣстахъ, съ высадками, обезпеченіемъ себя крѣпостями, взаимною недовѣрчивостью союзниковъ, своекорыстными расчетами эгоизма, тайною мыслью перемѣнить наступательную войну въ оборонительную, выдать союзниковъ и помириться при первой неудачѣ. Только императоръ Павелъ мыслилъ какъ царь, дѣйствовалъ какъ рыцарь среди запутанныхъ интересовъ и интригъ европейской политики. Не такъ поступали другіе. Уже русскія войска шли въ Германію, и появленіе ихъ въ Австріи возбудило протестъ французскаго правительства на раштадтскомъ конгрессѣ (2-го января 1797 года). Уже война начиналась въ Италіи, и австрійскія войска двигались на Рейнъ, а Суворовъ все еще былъ въ своей новгородской хижинѣ, когда Провидѣнію угодно было поставить его среди народовъ Европы, сонма царей, прежнихъ его товарищей, на поляхъ, гдѣ сражались Аннибалъ, Евгеній и Бонапарте. Сблизилось послѣднее событіе въ жизни великаго человѣка, готовилась новая блестящая страница въ русской исторіи, въ лѣтописяхъ военнаго искусства...

Курьеръ, поспѣшно прискакавшій въ Коншанское, вручилъ Суворову собственноручное письмо императора. Вотъ оно—драгоцѣнныя строки монарха, увлекавшагося минутою гнѣва, но умѣвшаго великодушно мириться съ оскорбленнымъ и награждать за терпѣніе:

«Графъ Александръ Васильевичъ!»

«Теперь намъ не время разсчитываться. Виноватаго Богъ «проститъ. Римскій императоръ требуетъ васъ въ начальники своей арміи и вручаетъ вамъ судьбу Австріи и Италіи. Мое дѣло на сіе согласиться, а ваше спасти ихъ. Поспѣшите пріѣздомъ сюда и не отнимайте у славы вашей времени, а у меня удовольствія васъ видѣть».

Никакіе расчеты, никакая крамола не могли отклонить избранія Суворова военачальникомъ союзныхъ армій. Добровольное или, лучше сказать, невольное сознаніе чужеземцевъ призывало Суворова въ битвы. Говорили, что получивъ письмо императора Франца, императоръ Павелъ усмѣхнулся и сказалъ своему любимцу Растопчину: «Вотъ каковы русскіе—вездѣ пригождаются!»

Слезы радости потекли изъ глазъ Суворова. Онъ поцѣловалъ письмо императора, побѣжалъ въ свою сельскую церковь, велѣлъ служить молебенъ, стоя на колѣняхъ пѣлъ, молился и плакалъ. Между тѣмъ запрягали лошадей въ повозку и открытыя сани, а

камердинеръ Суворова распоряжался по слѣдующему письменному приказу его:

«Часъ собираться, другой отправляться. Ѣду съ четырьмя товарищами. Приготовь 18 лошадей. Денегъ взять на дорогу 250 рублей. Егоркѣ бѣжать къ старостѣ Ѳомкѣ и сказать, чтобы такую сумму повѣрилъ. Ѣду не на шутку, да вѣдь я же служилъ здѣсь дьячкомъ и пѣлъ басомъ, а теперь ѣду пѣть Марсомъ».

Въ первыхъ числахъ февраля по Петербургу мчалась почтовая кибитка, а въ ней сидѣлъ сѣдой старичокъ. Кибитка остановилась у Зимняго дворца. Старичокъ выскочилъ бодро и побѣжалъ по дворцовой лѣстницѣ. Черезъ часъ весь Петербургъ шумно заговорилъ: «Суворовъ пріѣхалъ!»

Современники разсказываютъ, что невозможно представить себѣ всеобщаго восторга народа и войска при извѣстіи о пріѣздѣ Суворова. Поздравляли, привѣтствовали взаимно другъ друга, благословляли добраго государя. Казалось, пріѣздъ Суворова уже ручался за побѣды. Суворовъ со слезами повергся къ ногамъ императора. Императоръ спѣшилъ поднять его, поцѣловалъ, самъ заплакалъ и крѣпко обнялъ престарѣлаго героя. Слова были не нужны. Безмолвно сознались царь и герой. Суворовъ торопился ѣхать. Какой переходъ отъ кельи Столобенскаго монастыря и хижины коншанской въ Петербургъ и Вѣну, ко дворамъ двухъ императоровъ и на поля Италіи!

Милостью и ласкою императоръ какъ будто хотѣлъ наградить Суворова за претерпѣнныя имъ страданія. Онъ самъ надѣлъ на него цѣпь ордена св. Іоанна Іерусалимскаго большого креста. «Боже, спаси царя!» воскликнулъ Суворовъ. «Тебѣ спасать царей!» сказалъ императоръ. «Съ тобою, государь, можно!» отвѣчалъ Суворовъ. Радостно сознавалъ престарѣлый герой знаки вниманія къ нему всего семейства царскаго. Порадовавшись на двухъ старшихъ царевичей, Александра и Константина, и прекрасныхъ супругъ ихъ, Суворовъ хотѣлъ видѣть и двухъ младшихъ царскихъ сыновей, родившихся послѣ отъѣзда его изъ Петербурга. Одному изъ в. к., Николаю Павловичу, было тогда около трехъ лѣтъ. Увидя его, Суворовъ, восхищенный внукомъ Екатерины, со слезами преклонилъ передъ нимъ колѣно. Въ ту минуту вошелъ въ комнату императоръ. «Что вы дѣлаете, графъ?» сказалъ онъ ему съ улыбкою. «Преклоняюсь передъ сыномъ боготворимаго мною монарха», отвѣчалъ герой. «Пусть скажутъ ему нѣкогда, что его почтилъ поклоненіемъ старый вѣрноподданный его родителя!» Видя милости государя, кто не льстилъ тогда Суворову, кто не изгибался передъ нимъ! Народъ бѣгалъ за его каретою по улицамъ; собирались толпами на парады, желая посмотрѣть его. Проказы, странности, шутки Суворова пересказывали какъ черты генія, удивлялись имъ, восхищались ими. Царедворцы съ ранняго утра тѣснились въ его передней. Изъявляя уваженіе немногимъ, Суворовъ не щадилъ многихъ. Онъ увѣрялъ, что всѣ старики похорошѣли и помолодѣли въ его отсутствіе. «Всѣ вы стали красавцы», говорилъ онъ, «да вѣдь я

старая кокетка—смѣюсь и не боюсь!» Встрѣтясь во дворцѣ съ однимъ изъ выскочекъ, который униженно раскланивался съ нимъ, Суворовъ показывалъ видъ, что не замѣчаетъ поклоновъ, и усердно началъ кланяться придворному лакею. «В. с. не замѣчаете, что кланяетесь лакею!» сказалъ ему выскочка, оскорбленный такимъ поступкомъ. «Лакею, лакею! Помилуй Богъ!» вскричалъ Суворовъ. «Вотъ вы теперь знатный человѣкъ, и я знатный человѣкъ, а онъ, можетъ быть, знатнѣе насъ будетъ. Надобно задобрить его!» Одинъ изъ временщиковъ явился къ Суворову въ звѣздахъ и лентахъ. Суворовъ нѣсколько разъ спрашивалъ у него объ его имени, качалъ головою и повторялъ: «Не слыхивалъ! Не слыхивалъ! Да за что же васъ такъ пожаловали?» спросилъ онъ весьма важно. Смущенный временщикъ не смѣлъ произнести слова: заслуга, и бормоталъ что-то о милостяхъ и угожденіи. «Прошка!» закричалъ Суворовъ своему камердинеру, «поди сюда, дуралей—поди, учись мнѣ угождать! Я тебя пожалую: видишь, какъ награждаютъ тѣхъ, кто угождать умѣетъ!» Иныхъ приводилъ Суворовъ въ смущеніе, разспрашивая, за что данъ имъ тотъ или другой орденъ, качая съ удивленіемъ головою и восклицая: «Не слыхивалъ! Не слыхивалъ!» Шутки его были неистощимы. Онъ выбѣжалъ навстрѣчу къ одному изъ гостей своихъ, кланялся ему чуть не въ ноги и бѣгалъ по комнатѣ, крича: «Куда мнѣ посадить такого великаго, такого знатнаго человѣка! Прошка! стулъ, другой, третій!» И при помощи Прошки Суворовъ становилъ стулья одинъ на другой, кланяясь и прося са-

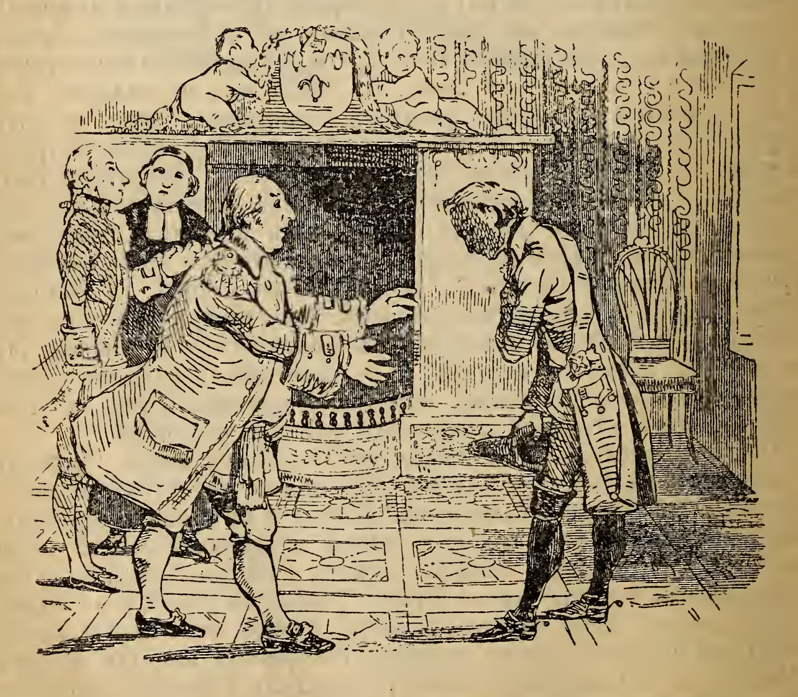
диться выше другихъ: «туда, туда, батюшка, а ужъ свалишься—не моя вина!» говорилъ Суворовъ улыбаясь. Сердечно полюбилъ онъ тогда умнаго графа Ѳ. В. Растопчина, русскаго сердцемъ, горячаго на добро и бывшаго душою политики русскаго Двора. Въ бесѣдахъ съ Растопчинымъ открывалъ Суворовъ всѣ тайны души своей, все величіе своего генія, но и съ нимъ шутилъ онъ не менѣе другихъ. Однажды, среди важныхъ разговоровъ, когда Растопчинъ «обратился весь въ слухъ и вниманіе» (какъ самъ онъ разсказывалъ), Суворовъ вдругъ остановился и запѣлъ пѣтухомъ. «Какъ это можно!» съ негодованіемъ воскликнулъ Растопчинъ. «Поживи съ мое—запоешь курицей!» отвѣчалъ Суворовъ смѣясь. Въ другой разъ увѣрялъ онъ Растопчина, что онъ былъ раненъ тридцать два раза: дважды на войнѣ, десять дома, двадцать при Дворѣ. «Трехъ смѣлыхъ человѣкъ зналъ я на свѣтѣ», сказалъ ему Суворовъ. Растопчинъ желалъ знать имена ихъ. «Курцій, Долгорукій, да староста Антонъ», отвѣчалъ Суворовъ: «одинъ безстрашно бросился въ пропасть; другой не боялся говорить царю правду, а третій ходилъ на медвѣдя!» Растопчинъ былъ въ восторгѣ отъ Суворова. Любимецъ императора, П. Х. Обольяниновъ, засталъ Суворова прыгающимъ черезъ чемоданы и разныя дорожныя вещи, которыя въ нихъ укладывали. «Учусь прыгать», сказалъ ему Суворовъ. «Вѣдь въ Италію-то прыгнуть—ой, ой! великъ прыжокъ, поучиться надобно!»

Отвсюду являлись желавшіе служить съ Суворовымъ. Друзья и любимцы его, одни отставленные, другіе исключенные изъ службы, всѣ были въ нее приняты снова. Въ числѣ ихъ находились: вѣрный адъютантъ Суворова, капитанъ Ставраковъ, другъ и спутникъ его въ Польшѣ и Турціи Дерфельденъ, Горчаковъ, Штренгпортенъ и другіе. Первою просьбою Суворова императору была просьба о наградѣ полицейскаго чиновника, приставленнаго для надзора за нимъ въ деревнѣ. Императоръ наградилъ чиновника и перевелъ въ гвардію офицера, сына его. Второю просьбою было прощеніе капитана Синицкаго, сосланнаго въ Сибирь, за котораго умоляла заступиться несчастная мать. Императоръ простилъ его. Суворовъ просилъ не объявлять въ приказахъ о вступленіи его на службу. «Видите, государь: я не переставалъ служить тебѣ!» сказалъ онъ послѣ изложенія плановъ, обдуманныхъ имъ въ уединеніи. «Вижу!» отвѣчалъ императоръ, пожимая ему руку.

При объясненіяхъ съ императоромъ о планахъ войны Суворовъ съ досадою видѣлъ, что надежды его далеко не осуществлялись: русскіе были только помощниками Австріи и не могли дѣйствовать отдѣльно. Договоры о союзѣ и планы предположенной кампаніи были уже утверждены. Вопреки мнѣнію Суворова, главныя военныя дѣйствія назначались въ Италіи. Войска на Рейнѣ и въ Швейцаріи должны были только помогать главной италіянской арміи, когда англичане и русскіе предпримутъ особыя высадки на югѣ Италіи и въ Голландіи. Не такъ располагалъ Суворовъ. Но императоръ Павелъ не могъ измѣнить плана, уже подтвержденнаго общимъ согласіемъ, если и убѣждался словами Суворова въ недоста-

точности предположеній. Онъ далъ только Суворову полную власть надъ русскими войсками, велѣлъ относиться прямо къ нему и даже вручилъ ему бланкетъ за своею подписью. Суворовъ надѣялся, что дѣла его заставятъ союзниковъ согласиться на совершенное къ нему довѣріе и ему дана будетъ свобода. Между тѣмъ оставалось дѣлать, что было можно, и недостаточный планъ возвеличить и преобразить силою генія своего.

Помолясь Богу, преклонясь передъ императоромъ, Суворовъ отправился въ Вѣну. Онъ ѣхалъ на почтовыхъ, безъ отдыха, день и ночь. Въ Дерптѣ явился къ нему какой-то старый сослуживецъ его. Суворовъ обрадовался, разговорился съ нимъ и вдругъ спросилъ: какія будутъ станціи отъ Дерпта до Риги? Не зная названій ихъ, но зная, что немогузнайство разсердитъ старика, сослуживецъ важно отвѣчалъ: «Первая Туртукай, вторая Кинбурнъ, третья Измаилъ».—«Помилуй Богъ!» важно отвѣчалъ Суворовъ. «Видно прежнія названія перемѣнили. А за Ригой что?»—«Тамъ первая Миланъ, вторая Туринъ, третья Парижъ!»—«Охъ! да какъ ты географію знаешь! Хорошо, хорошо!» сказалъ Суворовъ, потрепавъ по плечу стараго знакомаго. Въ Митавѣ посѣтилъ Суворовъ графа Прованскаго, жившаго тамъ съ братомъ, графомъ д'Артуа и семействомъ его. По кончинѣ племянника, графъ Прован-

скій принялъ уже тогда титулъ королевскій, подъ именемъ Людовика XVIII-го. Суворовъ явился къ нему и изъявилъ радость

свою, что идетъ положить за него голову или возвести его на престолъ предковъ. «Я забываю мои бѣдствія и вѣрю, что буду счастливъ, если Богъ вручилъ судьбу Франціи и короля ея мечу Суворова», отвѣчалъ растроганный Людовикъ.

Марта 15-го прибылъ Суворовъ въ Вѣну. Въ Сенъ-Пелтенѣ встрѣтилъ онъ корпусъ русскихъ войскъ, выскочилъ изъ экипажа и закричалъ: «Здорово, ребята, чудо-богатыри! Вотъ видите ли? Я опять съ вами!» Крики ура и слезы солдатъ привѣтствовали великаго вождя къ побѣдамъ. Въ Вѣну пріѣхалъ Суворовъ ночью, остановился у россійскаго посла, графа А. К. Разумовскаго, и легъ спать на соломѣ, какъ всегда.

Утромъ вся Вѣна подвинулась: хотѣли видѣть, привѣтствовать Суворова. Улицы сперлись народомъ. Едва показался Суворовъ въ каретѣ съ русскимъ посломъ, раздались клики: «Да здравствуетъ Суворовъ!» Окна домовъ, мимо которыхъ проѣзжалъ герой, были наполнены зрителями. Даже на крышахъ былъ народъ. У дворцоваго подъѣзда не было прохода отъ тѣсноты. Выйдя изъ кареты, Суворовъ остановился, закричалъ по-нѣмецки: «Австрійцы храбры— русскіе непобѣдимы! Мы будемъ бить французовъ! Ура! Да здравствуетъ императоръ Францъ!» Онъ побѣжалъ по лѣстницѣ при радостныхъ восклицаніяхъ народа.

Императоръ Францъ встрѣтилъ Суворова съ великими почестями. Суворовъ не измѣнилъ своихъ поступковъ и своего обхожденія. При первомъ свиданіи онъ сказалъ императору: «Съ французами обходились слишкомъ вѣжливо, какъ съ дамами, но я старъ для учтивостей и поступлю съ ними грубѣе!» Императоръ объявилъ Суворову чинъ австрійскаго фельдмаршала, съ жалованьемъ по 24.000 флориновъ, кромѣ 8.000 флориновъ на путевыя издержки. Въ древней церкви св. Стефана, при великолѣпномъ собраніи двора, подлѣ гробницы принца Евгенія, произнесъ Суворовъ присягу на новый чинъ. Пиры и увеселенія готовились въ Вѣнѣ. Суворовъ отъ нихъ отказался и не явился даже къ императорскому столу, подъ предлогомъ Великаго поста. Въ Шенбрунѣ, гдѣ потомъ два раза кочевалъ Наполеонъ и гдѣ впослѣдствіи умеръ сынъ его, Вѣна видѣла трогательное зрѣлище. Тамъ остановились проходившія черезъ Вѣну русскія войска. Императоръ, дворъ его и Суворовъ отправились встрѣчать ихъ. Восторгомъ привѣтствовали солдаты своего стараго полководца, явившагося торжественно съ императоромъ, семействомъ его, дворомъ, генералитетомъ, при безсчетной толпѣ народа. Русское ура въ первый разъ огласило тогда столицу Австріи. Получены были извѣстія объ успѣхахъ австрійцевъ противъ французовъ на Рейнѣ. «Славно», воскликнулъ Суворовъ, «посмотрите, что и мы будемъ бить ихъ!»—Онъ хотѣлъ видѣть старыхъ друзей своихъ, принца Кобургскаго и принца де-Линя. Старики плакали обнимаясь. Суворовъ непремѣнно требовалъ къ себѣ своего прежняго товарища, храбраго Карачая, бывшаго въ отставкѣ. Онъ взялъ его съ собою.

Послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ Вѣнѣ Суворовъ спѣшилъ

на мѣсто военныхъ дѣйствій. Онъ ѣхалъ день и ночь, несмотря на дурныя дороги и темныя ночи. Въ Штейермаркскихъ горахъ, ночью, дормезъ его упалъ въ рѣку. Суворовъ больно ушибся. «Ничего!» отвѣчалъ онъ, когда ему изъявляли сожалѣніе. «Жаль только, что церковныя ноты мои подмокли: боюсь, что не по чемъ будетъ пѣть Тебѣ Бога хвалимъ!»

ГЛАВА XI.

Италіянскій походъ. — Битва при Кассано. — Отступленіе Моро. — Взятіе Милана и Турина. — Битва при Требіи.

аштадскій конгрессъ кончился въ началѣ 1799 года, но мы видѣли, что прежде окончанія его началась война въ Италіи. Римъ и Неаполь были заняты французами. Австрійцы стояли на Адижѣ. Русскіе шли соединиться съ ними.

Разсматривая положеніе Европейскихъ державъ въ началѣ 1799 года, видимъ превосходную силу Франціи. Кромѣ собственнаго многочисленнаго войска, Франція подкрѣплялась союзомъ Испаніи. Республика Батавская составляла оплотъ ея на сѣверѣ; республики Гельветская, Цизальпинская, Лигурійская, Римская, Партенопейская—на югѣ. Завоеванія на Рейнѣ ограждали Францію со стороны Германіи, а Піемонтъ и Ницца укрѣпляли ей Италію. Франція была увѣрена въ нейтралитетѣ Пруссіи и могла обратить всѣ силы противъ союзниковъ.

Противъ нея были силы Австріи, Баваріи, прирейнскихъ владѣтелей, Россіи, Турціи и Англіи, но Турція была союзникомъ безполезнымъ; силы германскихъ властителей являлись ничтожны; Ан-

глія могла помогать только задержаніемъ Бонапарте въ Египтѣ и деньгами, которыя выдавала она весьма скупо. Сардинія и Сицилія требовали силъ Австріи и Россіи для своего охраненія. Слѣдовательно, вся тяжесть борьбы падала на Австрію и Россію.

Силы этихъ двухъ державъ были велики. Франція управлялась ничтожными правителями, была истощена войною, волновалась междоусобіями. Неудача могла отвлечь отъ нея Нидерланды и Италію, гдѣ самовластіе французовъ было нестерпимо, но великія нравственныя преимущества находились на сторонѣ французовъ.

Войско Франціи составляли не прежнія нестройныя полчища, но воины, испытанные въ бояхъ, гордые побѣдами, предводимые искусными генералами. Битвы и походы революціонные далеко подвинули военное искусство. Новое устройство армейскихъ штабовъ и легкой артиллеріи, самая диспозиція сраженій и образъ походовъ были превосходно соображены съ положеніемъ Франціи и современнымъ расположеніемъ умовъ. Напротивъ, войско австрійское не могло забыть прежнихъ потерь и пораженій. Неловкое старинное устройство арміи, медленная, осторожная тактика, ограниченіе воли генераловъ вѣнскимъ военнымъ совѣтомъ, или гофъ-кригсъ-ратомъ, когда, кромѣ эрцгерцога Карла, ни одинъ изъ австрійскихъ генераловъ не былъ отличенъ дарованіемъ военачальника: таковы были сравнительныя отношенія военныя между войсками союзниковъ и войсками Франціи. Къ несчастію, дѣлами Австріи управлялъ дипломатъ, почитавшій себя великимъ министромъ, баронъ Тугутъ, робкій, медлительный, подозрительный, вышедшій интригою изъ ничтожества и пользовавшійся неограниченною довѣренностью своего государя, а вслѣдствіе того полновластный въ гофъ-кригсъ-ратѣ, гдѣ надъ каждою мелочью думали и недоумѣвали старые, запоздалые понятіями тактики.

Планъ кампаніи 1799 года состоялъ въ томъ, что главная австрійская армія соединялась подъ предводительствомъ эрцгерцога Карла на Рейнѣ и въ Швейцаріи. Другая, менѣе числомъ, сосредоточивалась въ Италіи. Четыре русскихъ корпуса назначались для дѣйствія: одинъ соединялся съ австрійцами въ Италіи, и Суворовъ принималъ начальство надъ италійскою арміею союзниковъ... Онъ долженъ былъ уничтожить силы французовъ въ верхней Италіи, когда англійскій, русскій и турецкій флоты завоюютъ Іоническіе острова и произведутъ десанты на италійскіе берега. Другой корпусъ долженствовалъ вступить въ Швейцарію и подкрѣплять дѣйствія эрцгерцога Карла на Рейнѣ. Третій, малый корпусъ долженъ былъ отправиться изъ Италіи и отнять у французовъ Мальту, возстановляя тамъ орденъ Мальтійскихъ рыцарей. Наконецъ, русскій флотъ долженъ былъ перевезть четвертый русскій корпусъ на берега голландскіе, гдѣ соединялся съ нимъ англійскій корпусъ, и имъ предписывалось завоевать Нидерланды.

Планъ, повторяемъ, былъ совершенно противоположенъ геніальному плану Суворова: союзники дѣйствовали раздѣльно и болѣе оборонительно, ибо первою цѣлью похода на Рейнъ и въ Италію было отраженіе непріятеля, предположившаго дѣйствовать насту-

пательно. Охраненіе Германіи отъ вторженія французовъ поставлялось главною обязанностью эрцгерцога Карла и Суворова. Русскій вождь проникалъ тайную мысль Тугута. Говоря объ освобожденіи Италіи и Германіи и уничтоженіи революціи и ея приверженцевъ, Тугутъ не думалъ въ самомъ дѣлѣ исполнить слова свои. Онъ хотѣлъ только укрѣпить власть австрійцевъ въ Италіи, оградиться ея покореніемъ, а потомъ торговаться о мирѣ и уступкахъ съ Франціею, предоставляя дальнѣйшія предпріятія времени,—политика, далекая отъ великодушія, съ коимъ приступила къ союзу Россія. Еще вѣроломнѣе былъ умыселъ Тугута ограждать себя русскими и сберегать австрійцевъ. Эрцгерцогу Карлу тайно было предписано немедленно оставить Швейцарію, когда придетъ россійскій корпусъ. Къ прискорбію Суворова, предводительство отдѣльными русскими войсками было вручено начальникамъ не вполнѣ оправдывавшимъ выборъ ихъ: голландскимъ корпусомъ начальствовалъ генералъ Германъ, швейцарскимъ генералъ Нумсенъ, смѣненный потомъ генераломъ Римскимъ-Корсаковымъ. Главное начальство надъ русскими и англичанами въ Голландіи принималъ на себя герцогъ іоркскій, сынъ короля англійскаго, извѣстный только неудачами въ войнѣ въ 1793 и 1795 годахъ. Русскій флотъ былъ подъ начальствомъ Ушакова, храбраго, но своенравнаго адмирала. Англійскимъ флотомъ въ Средиземномъ морѣ предводилъ славный Нельсонъ, отчаянный храбрецъ, неспособный обдумать и исполнить какое-либо обширное предпріятіе и, кромѣ того, увлеченный въ постыдную интригу при неаполитанскомъ дворѣ, гдѣ всѣмъ управляла любовница его, леди Гамильтонъ, жена англійскаго посланника, знаменитая мотовствомъ и безславнымъ развратомъ.

Не таковы были начальники французскихъ войскъ и не таковъ планъ дѣйствій ихъ. Побѣды Бонапарте и еще прежде его Дюмурье, Пишегрю, Моро, Журдана показали, какъ надобно было дѣйствовать. Французы начинали войну наступательную, сосредоточивали удары, и при раздѣльности корпусовъ было между ними вѣрное единство дѣйствій по планамъ, начертаннымъ превосходнымъ тактикомъ Карно. Охраняя берега Голландіи, Рейнъ и нижнюю Италію, французы выставляли три арміи въ Швабіи, Швейцаріи и верхней Италіи. Всѣ онѣ должны были съ разныхъ точекъ, но въ одно время ударить на непріятелей, вторгнуться въ Австрію и Германію и стремиться къ Вѣнѣ. Число войскъ французскихъ простиралось до 200.000: дунайская армія, подъ предводительствомъ Журдана въ Швабіи, состояла изъ 40.000 человѣкъ; влѣво отъ нея, къ Мангейму, былъ обсерваціонный корпусъ Бернадотта, 25.000; швейцарская армія, подъ предводительствомъ Массены, простиралась до 30.000; италійская армія, на границѣ Цизальпиніи, подъ начальствомъ Шерера и Моро—до 60.000; неапольская, подъ начальствомъ Магдональда—до 25.000. Разные отряды поддерживали сообщеніе между всѣми арміями, и французскіе и италіянскіе гарнизоны занимали важнѣйшія крѣпости по Рейну, въ Швейцаріи, Піемонтѣ, Цизальпинской, Лигурійской, Римской и Партенопейской республикахъ.

Противъ Бернадотта находился австрійскій корпусъ Старрая—24.000. Лѣвѣе отъ него была армія эрцгерцога Карла, по берегамъ рѣки Иллера—70.000. Лѣвое крыло ея прикрывалъ Готцъ въ Форалсбергѣ съ 18.000; Ауффенбергъ, въ Граубинденѣ—съ 6.000; Беллегардъ, въ Тиролѣ—съ 18.000. Къ нему примыкала италійская армія, подъ начальствоммъ Меласа, по болѣзни передавшаго начальство Краю. Она состояла изъ 36.000, расположенныхъ по рѣкѣ Адижу. Имена Бернадотта, Журдана, Массены, Магдональда ручались за успѣхъ. Не таковъ былъ Шереръ, генералъ ничтожный по дарованію и презираемый солдатами. Безразсудныя распоряженія Директоріи и низкая интрига удалили Шампіонета и Жуберта, подчинивъ Шереру Моро и Серрюрье. Надобно ли говорить объ австрійскихъ полководцахъ? Кромѣ эрцгерцога Карла, съ самаго начала революціонной войны дѣйствія австрійскихъ полководцевъ, связанныхъ планами гофъ-кригсъ-рата, представляли рядъ неудачъ, не измѣняемыхъ ни мужествомъ войскъ, ни храбростью офицеровъ. Меласъ, ученикъ Дауна (славный впослѣдствіи потерею маренгской битвы), былъ «честный, добрый старикъ», какъ говаривалъ объ немъ Суворовъ, любившій его и называвшій папа Меласъ. Беллегарда называлъ Суворовъ «мудрымъ полководцемъ, привыкшимъ терять людей». Достойнѣе всѣхъ другихъ считалъ онъ Края.

Мы видѣли, что Суворовъ почиталъ оборонительную войну вѣрнымъ средствомъ неудачи и не въ Италіи хотѣлъ онъ открыть военныя дѣйствія. Десанты и разъединенныя движенія въ Германіи, Голландіи и Италіи казались ему дѣломъ вовсе безполезнымъ. Рѣшить побѣду вѣрно разсчитаннымъ ударомъ на Парижъ съ береговъ Рейна была его основная мысль. Изъявляя свои сомнѣнія императору Павлу и видя невозможность перемѣнить планъ войны, онъ не спорилъ въ Вѣнѣ, соглашался съ гофъ-кригсъ-ратомъ, оттовариваясь двусмысленною шуткою, что до мѣстнаго обозрѣнія ничего рѣшить не можетъ. «Неужели вы не имѣете своего опредѣленнаго плана?» говорилъ ему Тугутъ. «Плана?» возразилъ Суворовъ, «а вотъ мой планъ», онъ развернулъ бланкетъ императора Павла.

Слова Суворова императору и просьба уволить его отъ всякихъ сношеній съ гофъ-кригсъ-ратомъ возбудили подозрѣніе тактиковъ австрійскихъ и непріязнь Тугута. Императоръ не могъ отказать въ просьбѣ Суворова, но, позволяя ему относиться прямо къ себѣ, по внушенію Тугута ограничилъ онъ русскаго полководца особеннымъ наставленіемъ при самомъ отъѣздѣ изъ Вѣны. Строжайше предписывалось Суворову: имѣть главною цѣлью прикрытіе австрійскихъ границъ; дѣйствовать въ Ломбардіи и Піемонтѣ со всевозможною осторожностью; послѣ успѣха ограждать себя взятіемъ крѣпостей и занятіемъ Ломбардіи и Піемонта кончить кампанію 1799 года. Воображаемъ, какъ смѣялся Суворовъ «черепашьему ходу» распоряженій гофъ-кригсъ-рата, скрывая тайную мысль свою—въ одну кампанію перенесть оружіе союзниковъ изъ Италіи во Францію.

Русское войско, подчиненное Суворову, состояло изъ вѣрныхъ сподвижниковъ его въ войнахъ турецкой и польской, подъ предводительствомъ генерала отъ инфантеріи Дерфельдена, генерала

отъ инфантеріи Розенберга, генералъ-лейтенанта Повало-Швейковскаго и Ферстера; въ числѣ генералъ-майоровъ были два юные героя, Багратіонъ и Милорадовичъ: одинъ, отличившійся на Кавказѣ, подъ Очаковымъ, подъ Прагою, хотя ему было только 34 года; другой, заслужившій извѣстность въ финляндскомъ походѣ и генералъ-майоръ на 28 году (род. въ 1770 году).

Военныя дѣйствія въ одно время открыли Журданъ, Массена и Шереръ. Нападеніе Журдана было неудачно. Послѣ битвъ при Остеррахъ и Штоккахъ онъ уступилъ многочисленности австрійцевъ и отступилъ за Рейнъ. Ауфенбергъ былъ разбитъ Массеною. Готцъ успѣлъ удержаться. Нерѣшительность дѣлъ въ Швейцаріи долженъ былъ рѣшить Шереръ. Онъ подкрѣпилъ посланнаго въ Тироль отъ Массены генерала Лекурба 6.000-ми съ генераломъ Дессолемъ. Дессоль и Лекурбъ дѣйствовали удачно, но отступленіе Журдана измѣнило планъ Массены, состоявшій въ томъ, что когда Журданъ займетъ эрцгерцога Карла, а Шереръ—Меласа, Массена прорвется черезъ Граубинденъ и Тироль, разъединитъ австрійскія войска и станетъ въ тылу Меласовой арміи, угрожаемой съ фронта Шереромъ. Дѣйствія Шерера совершенно уничтожили распоряженія Массены.

Италійская армія австрійцевъ занимала берега Адижа, до Леньяно. Центръ ея былъ въ Веронѣ, прикрываемый отъ Тироля Беллегардомъ. Французы находились по теченію Минчіо до самаго По, опираясь на Пескіеру и Мантую. Ослабивъ войско свое отдѣленіемъ Дессоля, прикрывая Тоскану 7.000-мъ корпусомъ Готье, оста-

вя до 10.000 въ Миланѣ, Генуѣ и Піемонтѣ, Шереръ имѣлъ не болѣе 40.000 для нападенія. Смѣло двинулся онъ однако жъ на непріятеля равнаго числомъ. Марта 26-го началось сраженіе на всей австрійской линіи. Французы были отбиты, возобновили нападеніе на другой день, еще болѣе усилили его марта 30-го. Услышавъ о нерѣшительныхъ дѣйствіяхъ въ Тиролѣ, Шереръ вдругъ оробѣлъ, перестал̃ъ нападать, отступилъ поспѣшно и въ нерѣшительности остановился между Адижемъ и Минчіо, имѣя главную квартиру въ Маньяно. Край воспользовался замѣшательствомъ его. Апрѣля 3-го австрійцы перешли Адижъ и начали тѣснить французовъ отъ Пескіеры. Шереръ вдругъ повернулъ свое войско и возобновилъ нападеніе на Верону. Край увидѣлъ возможность атаковать непріятеля во флангѣ, и послѣ упорной битвы при Маньяно Шереръ въ безпорядкѣ отступилъ за Минчіо, потерявъ въ маньянскомъ сраженіи до 5.000 плѣнными, 18 пушекъ и обозы. Австрійцы преслѣдовали его, заняли Пескіеру, перешли здѣсь за Минчіо, овладѣли Говернолою на рѣкѣ По, ниже Мантуи, и отрѣзали Шереру сообщеніе съ Феррарою. Жители Феррары возстали, когда генералъ Кленау подкрѣпилъ ихъ изъ Говерноло, пока Беллегардъ шелъ сѣвернымъ берегомъ Гардскаго озера и тѣснилъ отряды французовъ до Бресчіи. Сбиваемый на всѣхъ пунктахъ, Шереръ рѣшился отступать, оставивъ гарнизонъ въ Бресчіи и усиливъ гарнизонъ въ Мантуѣ. Апрѣля 13-го лѣвое крыло его перешло черезъ рѣку Кіезу, правое черезъ рѣку Оліо, сдвигаясь къ Аддѣ и По. Имѣя уже не болѣе 30.000 войска, Шереръ думалъ утвердиться на правомъ берегу Адды и перешелъ эту рѣку, призывая войска изъ Тосканы и Милана, требуя подкрѣпленій изъ Франціи и умоляя Магдональда поспѣшать изъ Неаполя, ибо съ часу на часъ ожидали прихода русскихъ, послѣ чего Шереръ не находилъ никакой возможности удержаться. Его скоро избавили отъ заботы о томъ. Директорія, раздраженная безразсудными распоряженіями Шерера, прислала ему отставку. Начальство передано было генералу Моро.

Дѣйствія Шерера оправдали объ немъ слова Суворова, говорившаго, что «пока этотъ квартирмейстеръ будетъ чистить солдатскія пуговицы, его легко можно будетъ разбить». Едва ли можно военачальнику поступать нелѣпѣе того, какъ поступалъ онъ. Растянутое нападеніе на Адижъ, послѣ ослабленія себя гарнизонами и посылкою войска въ Тироль, поспѣшное отступленіе, остановка между Адижемъ и Минчіо, принятіе сраженія подъ Маньяно и отступленіе за Адду были учинены вопреки всѣмъ расчетамъ военнаго искусства. Уже Край и Меласъ умѣли воспользоваться ошибками Шерера. Когда Моро принялъ начальство, французская армія имѣла лѣвое крыло подъ начальствомъ Сюррюрье въ Лекко, на озерѣ Комо; правое подъ начальствомъ Дельмаса въ Пиччигетонѣ; центръ ея, съ генералами Гренье и Викторомъ, былъ въ Конегліано. Главная квартира находилась въ Инзаго. Такимъ образомъ французская армія въ Италіи, разъединенная съ войсками въ Тосканѣ и Граубинденѣ и съ корпусомъ Магдональда, ожидаемымъ изъ Неаполя, занимала растяженную позицію отъ Комскаго озера до рѣки По,

оставя опору дѣйствій своихъ, Мантую, и угрожаемая вдвое сильнѣйшимъ непріятелемъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда апрѣля 14-го Суворовъ прибылъ въ Верону. Радостные клики народа привѣтствовали русскаго вождя. Апрѣля 17-го пришли русскія войска въ числѣ 18.000. Соединя ихъ съ 44.000 австрійцевъ, Суворовъ имѣлъ болѣе 60.000 войска, ободреннаго началомъ войны, одушевленнаго именемъ своего полководца. Принявъ начальство отъ Меласа въ Валеджіо 15-го апрѣля, Суворовъ немедленно измѣнилъ планъ гофъ-кригсъ-рата.

Театръ войны составляла верхняя Италія. На сѣверъ ограничивали его горныя страны Тироля и Швейцаріи; на югъ гористыя аппенинскія приморья, Ривіера ди Леванте и Ривіера ди Поненте. Въ цвѣтущихъ долинахъ между Альповъ и Аппенинъ протекаетъ здѣсь рѣка По (древній Эриданъ) отъ з. къ в., вливаясь въ Адріатическое море. Издревле мѣсто битвъ и вѣковѣчной войны, вся эриданская долина, раздѣленная на множество владѣній, была усѣяна крѣпостями, по самому теченію По и по рѣкамъ, въ нее впадающимъ: съ сѣвера—Адижу, Минчіо, Оліо, Аддѣ, Тичино, Сессіи, Дора-Балтеѣ, съ юга—Панаро, Секкіи, Кростоло, Пармѣ, Торо, Нурѣ, Треббіи, Тидонѣ, Скривіи, Танаро. Границы Австріи по кампо-формійскому миру составляла рѣка Адижъ. Отъ Адижа къ з. и на ю. отъ рѣки По простиралась Цизальпинская республика, составленная изъ части бывшихъ венеціанскихъ владеній (Бергамо, Бресчіи, Кремоны), Мантуи, Модены, Массы, Каррары, части владѣній Папскихъ, Феррары, Болоніи, Романіи и австрійской Ломбардіи (Милана). Къ югу отъ нея были Римская республика, Тоскана, Лукка, Парма, республика Лигурійская (Генуя); къ западу присоединенные къ Франціи Піемонтъ и Ницца. На самомъ По находились крѣпости: Кремона, Піаченца, Александрія; на югъ отъ По—Феррара, Болонія, Модена, Реджіо, Парма, Вогера, Тортона, Акви, Ницца, Хераско, Кони. По впадающимъ въ По отъ сѣвера рѣкамъ: на Адижѣ—Верона и Леньяно, принадлежавшія Австріи; на Минчіо—Пескіера и Мантуя; на Гардѣ—Бресчія; на Аддѣ—Орчинова и Понте-Вико; на Серіо—Крема; на Аддѣ—Лоди и Пиччигетона; на Севезѣ—Миланъ; на Тичино—Павія; на Сесси—Верчель; на Дора-Балтеѣ—Ивріа, и при впаденіи Доры въ По—Туринъ. Дѣйствуя отъ Адижа и Вероны на Миланъ, встрѣчали здѣсь главныя точки въ Мантуѣ, чрезвычайно укрѣпленной, и дальнѣйшую охранительную линію непріятельскую на Аддѣ, а за Миланомъ—къ Турину на Тичино и Танару. По плану гофъ-кригсъ-рата слѣдовало осторожно очищать земли до Адды и взять осадою Мантую, вслѣдствіе чего Край и Меласъ остановились на Минчіо. Потомъ предписывалось идти на Миланъ и укрѣпясь въ немъ, помышлять о Туринѣ, поддерживая сношенія съ Тиролемъ и Феррарою. Пользуясь превосходствомъ силъ, Суворовъ предположилъ напротивъ продолжать немедленно наступательное движеніе, не останавливаясь гнать Моро, распространить завладѣніе землями на западъ, принудить Моро удалиться въ горы за Генуя, если невозможно будетъ разбить его окончательно; быстро

овладѣть Миланомъ, Туриномъ, Генуею и, охраняясь отъ подкрѣпленій, могущихъ придти къ французамъ изъ Франціи и Швейцаріи, обратиться на Магдональда и разбить его. Тогда Мантуя и другія крѣпости должны были по необходимости сдаться, а съ главною арміею Суворовъ предполагалъ вторгнуться во Францію, когда эрцгерцогъ Карлъ и Корсаковъ должны разбить и изгнать изъ Швейцаріи Массену, дѣйствуя оборонительно на Рейнѣ противъ Журдана. «Благодарю васъ за побѣды; онѣ проложили намъ путь къ дальнѣйшимъ успѣхамъ!» говорилъ Суворовъ Краю. Меласъ изъявилъ сомнѣніе, когда Суворовъ изъяснилъ ему новый планъ свой. «Знаю, что вы генералъ впередъ (vorwärts)!» говорилъ онъ Суворову. «Полно, папа Меласъ!» сказалъ Суворовъ, «правда, что впередъ мое любимое правило, но я и назадъ оглядываюсь!» Меласъ спорилъ недолго. Вникнувъ во всѣ распоряженія Суворова, онъ съ восторгомъ воскликнулъ: «Гдѣ и когда успѣли вы все это обдумать!»— «Въ деревнѣ: мнѣ тамъ было много досуга; зато здѣсь думать некогда, а надобно дѣлать!» отвѣчалъ Суворовъ. Смотря на маневры австрійцевъ, Суворовъ съ удовольствіемъ сказалъ: «Шагъ ихъ хорошъ, и побѣда вѣрна!»—«Что, разобьемъ ли мы французовъ, старикъ?» спросилъ Суворовъ стараго гренадера австрійскаго. «Мы бивали непріятеля съ Лаудономъ, а съ вами еще лучше бить будемъ!» отвѣчалъ гренадеръ.

Въ Веронѣ издано было воззваніе къ италіянцамъ: «Возстаньте, народы Италіи!» писалъ онъ. «Изъ далекихъ странъ сѣвера пришли мы защищать вѣру, возстановить престолы, избавить васъ отъ притѣснителей. Наказаніе непокорнымъ; свобода, миръ и защита тѣмъ, кто не забудетъ долга своего сражаться съ злодѣями!»

Апрѣля 18-го, находясь между Капріана и Кассельто, Суворовъ отдѣлилъ Края осаждать Бресчію, Пескіера сдалась; здѣсь найдено 40 пушекъ и взято 1.000 плѣнныхъ. Апрѣля 23-го войско перешло рѣку Оліо и раздѣлилось на два корпуса. Розенбергъ пошелъ на Бергамо и Лекко сразиться съ Серрюрье; Меласъ съ сильнымъ корпусомъ, при коемъ находился Суворовъ,—на Кассано отрѣзать Серрюрье отъ Моро; Гогенцоллернъ и Кеймъ, одинъ по правому, другой по лѣвому берегу По, отправились на Кремону и Піаченцу тѣснить Моро въ правый флангъ. Апрѣля 25-го Кеймъ оттѣснилъ французовъ отъ Кремоны за Адду. Суворовъ былъ въ Тривиліи близъ Кассано. Розенбергу велѣно раздѣлить свой корпусъ на двѣ части: одна устремилась на Лекко, другая на Вопріо. Генералъ Секкендорфъ оттѣснилъ отрядъ французовъ отъ Кремы къ Лоди, а генералъ Гогенцоллернъ дошелъ до Пармы. Дѣйствіе сосредоточивалось у Лекко, занятаго Багратіономъ. 25-го Розенбергъ перешелъ за Адду. Видя Серрюрье въ опасности, Моро отправилъ ему на помощь дивизію Виктора; ее встрѣтилъ Шателеръ у Треццо, когда Меласъ атаковалъ Кассано, взялъ его и сталъ въ Гаргонцоло на дорогѣ миланской. Серрюрье былъ такимъ образомъ отрѣзанъ. Моро принужденъ былъ предать Серрюрье его жребію, и, поспѣшно стягивая остальныя войска, перешелъ за Миланъ. Сер-

рюрье старался отступить на Комо и Миланъ, но окруженный въ Вердерію, принужденъ былъ сдаться съ 2.700 человѣкъ. Кассанское сраженіе выиграно было единственно быстрымъ движеніемъ войска и недопущеніемъ помощи отъ Моро. Оно стоило французамъ 3.000 убитыми, 2.000 плѣнными, 14-ти пушекъ, 11 знаменъ. Моро нельзя было винить въ потерѣ кассанскаго сраженія и плѣнѣ Серрюрье, ибо наканунѣ только принялъ онъ начальство отъ Шерера. Необыкновенныя дарованія свои показалъ Моро въ дальнѣйшихъ распоряженіяхъ. Въ виду наступившей арміи Суворова рѣшился онъ отступить за рѣку По, занять крѣпкія позиціи на правомъ берегу ея, тамъ, гдѣ начинается гористая приморская область, увлечь за собой Суворова, облегчая приближеніе Магдональда и сближеніе съ резервами изъ Франціи. Поспѣшно сдвинулъ онъ вслѣдствіе этого плана свои войска, оставляя небольшіе гарнизоны въ Миланѣ, Туринѣ и другихъ крѣпостяхъ. Сосредоточенное войско французское шло изъ Лоди на Піаченцу, изъ Милана на Павію и Вогреру, отъ Комо на Новару, гдѣ мая 2-го была главная квартира Моро, между Миланомъ и Туриномъ. Все войско Моро составляло не болѣе 25.000. Отряды праваго крыла его достигали до Аппенинъ. Мая 7-го Моро былъ въ Туринѣ, откуда возобновилъ сношенія съ Піемонтомъ и юго-западною Италіею, прерванныя возстаніемъ піемонтцевъ. Главная квартира Моро перешла въ Александрію между Туриномъ и Тортоною.

Войска Суворова, особливо русскія, утомленныя быстрымъ походомъ и немедленнымъ вступленіемъ въ битвы (въ первый разъ русскіе сразились съ французами при Палацоло апрѣля 12), требовали отдыха. Апрѣля 29 Суворовъ торжественно въѣхалъ въ Миланъ, изумивъ жителей его быстрымъ переходомъ изъ Вероны въ столицу Ломбардіи. Замокъ миланскій, защищаемый 2.500 гарнизона, блокировали. Но здѣсь только начинались обширныя предположенія Суворова. Генералу Отто немедленно велѣно было занять горные проходы изъ Тосканы и по соединеніи съ Кленау блокировать Болонію и осаждать Феррару. Самъ Суворовъ хотѣлъ идти на Павію, преслѣдовать Моро и отрѣзать его отъ Генуи. Въ первый разъ оказались тогда пагубныя слѣдствія распоряженій гофъ-кригсъ-рата. Быстрота и неожиданность движеній Суворова ужаснули тактиковъ вѣнскихъ. Суворовъ получилъ строжайшее повелѣніе императора прежде всякихъ наступательныхъ дѣйствій взять Мантую и другія обойденныя крѣпости и ими обезпечить завоеванныя по рѣку По земли. Исполняя волю императора, Суворовъ принужденъ былъ отрядить къ Мантуѣ генерала Края съ 20.000, и при отдѣленіи Отто, отрядовъ къ сторонѣ Швейцаріи и войскъ, оставленныхъ гарнизонами въ занятыхъ городахъ, Суворовъ имѣлъ для дѣйствій наступательныхъ уже не болѣе 25.000. Съ этимъ малочисленнымъ войскомъ показалъ онъ, какъ несправедливы были обвиненія тѣхъ, кто видѣлъ въ старцѣ-героѣ варвара, умѣвшаго сражаться только съ турками и побѣждать только многочисленностью войскъ и безотчетнымъ ударомъ. Дѣла въ теченіе шести недѣль, оконченныя разбитіемъ Магдональда на берегахъ Треббіи, при от-

нятіи всѣхъ средствъ у Моро помочь ему, показали съ обѣихъ сторонъ высокое познаніе ученой войны и преимущество генія передъ полководцами съ дарованіемъ.

Главная квартира Суворова 11-го мая была уже въ Павіи. Скрывая малочисленность войскъ, онъ угрожалъ Моро обходомъ съ обоихъ фланговъ. Генералъ Вукассовичъ, перейдя Тесино у Лаго-Маджіоре, занялъ Версель на рѣкѣ Сессіо. Генералъ Гогенцоллернъ отъ Піаченцы устремился на Вогтеру, прогналъ оттуда французовъ до Тортоны, занятіемъ Боббіо соединяясь съ движеніями Отто къ Моденѣ и Реджіо. Къ Тортонѣ изъ Павіи отправленъ былъ князь Багратіонъ, и по извѣстіи отъ него, что французы усилились въ Тортонѣ, Суворовъ самъ поспѣшилъ туда, оставя корпусъ Розенберга въ Дорно, между Тесиною и Тердоніею. Видя усиленіе союзниковъ въ Тортонѣ, Моро мгновенно очистилъ пространство между Скривіею и Танаро. Слыша, что французы оставили Валенцу, Суворовъ заключилъ, что Моро отступилъ на Кони или на Генуя. Немедленно двинулъ онъ Розенберга изъ Дорна на Валенцу, велѣлъ стѣснять Тортону и самъ перешелъ въ Гарафалѣ черезъ Скривію. Но немедленно проникъ онъ хитрость Моро, перешедшаго въ крѣпкую позицію между Валенціею и Александріею, въ треугольникѣ, образуемомъ рѣками По и Танаро, прикрывая лѣвое крыло противъ Вукассовича отрядами по лѣвому берегу По, въ Казалѣ и Верруѣ. Розенбергу велѣно было поспѣшно перейти обратно черезъ По въ Камбіо и соединиться съ главною арміею. Зная важность этого обратнаго движенія, Суворовъ повторилъ свой приказъ. Розенбергъ осмѣлился не послушаться. Увлеченный отступленіемъ французовъ изъ Бассиньяно при первомъ появленіи казаковъ, онъ продолжалъ движеніе на Валенцу и перешелъ По. При Печетто авангардъ его, состоявшій изъ 5.000, съ генералъ-майоромъ Чубаровымъ, былъ атакованъ Гренье и Викторомъ (12-го мая). Суворовъ поспѣшилъ остановить переправу остальныхъ войскъ Розенбергова корпуса и наскоро послалъ легкій отрядъ, къ Верчелѣ по лѣвому берегу По, отвлекать вниманіе непріятеля. Храбрость генералъ-майора Милорадовича спасла отъ гибели авангардъ Розенберга. Онъ успѣлъ переправиться обратно за По, послѣ 8-часовой битвы, потерявъ убитыми 7 офицеровъ и 326 солдатъ; ранены были генералъ-майоръ Чубаровъ, 56 офицеровъ, 600 солдатъ. Суворовъ изъявилъ гнѣвъ свой Розенбергу. Обративъ корпусъ его въ Камбіо, онъ двинулъ Багратіона къ Акви на рѣкѣ Бормидѣ, а генерала Карачая послалъ на Александрію. Онъ полагалъ, что угрожая такимъ образомъ пересѣчь сообщеніе съ Генуею, заставитъ Моро оставить его крѣпкую позицію. Багратіонъ захватилъ Нови, Сераваллу, Акви. Жители возстали въ Мондови, Хераско, Чеви, Онеллѣ, но Моро не дался въ обманъ. Тогда, рѣшаясь сбить Моро ударомъ въ лѣвый флангъ, Суворовъ потянулъ войско опять по лѣвому берегу По, Розенбергъ отъ Камбіо пошелъ къ Кандіи, при устьѣ рѣки Сезіи. Тортона была блокирована генераломъ Секкендорфомъ.

Выгадывая каждый шагъ свой, Моро хотѣлъ воспользоваться

возможностью нападенія во флангъ союзниковъ, пока Суворовъ совершаетъ обратное движеніе. Ночью на 16 мая, онъ навелъ мосты черезъ Бормиду при Александріи, и 10.000-й корпусъ французовъ стремительно ударилъ черезъ Маренго, Ст.-Жуліано и Гарафало. Опытный вождь русскій все предвидѣлъ. Быстрый переходъ Багратіона къ Маренго изъ Акви остановилъ ударъ. Суворовъ самъ поспѣшилъ изъ Кастель-Нови-ди-Скривіа, заслышавъ канонаду. Французы потеряли у Маренго до 2.500 убитыми, до 200 плѣнными и поспѣшно отступили въ Александрію. Мая 18-го Суворовъ перешелъ обратно за рѣку По. Моро видѣлъ угрожавшую ему опасность и принужденъ былъ измѣнить планъ. Онъ рѣшился безъ боя отдать свою позицію, пока Суворовъ быстро шелъ, перенося главную квартиру 18-го въ Кастеджіо, 19-го въ Каву, 20-го въ Кандію. Моро столь же поспѣшно оставилъ Казале, Валенцу, Александрію (гдѣ заперся французскій гарнизонъ) и 19-го отступилъ по Танаро къ Асти и Хераско на Кони, куда прибылъ 22-го мая. Отсюда укротилъ онъ возстанія въ Чевѣ и Мондови и снова сталъ въ крѣпкой позиціи, сохраняя сообщеніе влѣво съ резервами въ южной Франціи, а вправо, черезъ Генуя, гдѣ находился генералъ Периньонъ, съ Магдональдомъ, поспѣшившимъ изъ Неаполя.

Между тѣмъ Край мая 6-го занялъ крѣпость Пескіерскую, гдѣ найдено 1.200 гарнизона, 60 пушекъ и взята гардская флотилія, 1 галера, 2 шебеки, 20 лодокъ. Мая 20-го сдалась генералу Кейму Піччигетона съ 600 гранизона. Край началъ осаду Мантуи, а генералъ Латтерманъ—5-го мая осаду миланскаго замка. Мая 7-го

русское войско обрадовано было прибытіемъ в. к. Константина Павловича. Съ нимъ пріѣхалъ Дерфельденъ.

Союзники заняли Казале и Валенцу немедленно по уходѣ французовъ. Въ Валенцѣ найдены 31 пушка и 2 мортиры. Если бы Суворовъ не разгадалъ здѣсь дальнѣйшаго плана Моро и увлекся его преслѣдованіемъ, положеніе его могло бы быть болѣе нежели сомнительно: Моро уклонился бы къ приморью, соединился бы съ Магдональдомъ, и они противопоставили бы Суворову 70.000 войска, отрѣзавъ сообщеніе его съ Краемъ въ Александріи или Піаченцѣ. Тогда только битва при великомъ неравенствѣ силъ могла бы спасти Суворова. При разбитіи онъ былъ бы стѣсненъ къ берегу По. Точно въ такомъ положеніи черезъ годъ потомъ очутился Меласъ (въ іюнѣ 1800 г.), устремясь на уничтоженіе Массены и Сюше и занявшись осадою Генуи, когда Наполеонъ перешелъ черезъ Ст.-Бернардъ и рѣшилъ подъ Маренго участь войны, Италіи и Европы. Не такъ поступилъ Суворовъ. Разсматривая на картѣ движенія Моро, онъ съ удовольствіемъ сказалъ: «Моро понимаетъ меня старика, а я радуюсь, что имѣю дѣло съ умнымъ полководцемъ!»— «Но не тотъ уменъ, о комъ всѣ говорятъ, что онъ уменъ, а тотъ кого другіе считаютъ дуракомъ», часто повторялъ Суворовъ. И здѣсь оправдалъ онъ слова свои, ибо понявши маневры Моро, онъ умѣлъ заставить его думать, что дается въ обманъ, и перехитрилъ его геніальнымъ образомъ.

Имѣя въ виду не допустить соединенія Магдональда съ Моро и разбить его отдѣльно, Суворовъ началъ такія странныя движенія войскъ, что они рѣшительно спутали всѣ расчеты Моро и Магдональда.

Не только показывалъ онъ, будто увлекается преслѣдованіемъ Моро, но что даже рѣшается отрѣзать сообщенія его съ Франціею, какъ будто опасаясь только ухода Моро въ южную Францію и вовсе не обезпечиваясь отъ войскъ, шедшихъ изъ Неаполя.

Мая 22-го генералъ Повало-Швейковскій блокировалъ Александрію, а генералъ Альвинчи Тортону. Гогенцоллернъ, послѣ движенія на озеро Лугано, гдѣ являлись отряды французовъ и тѣснили отрядъ герцога Рогана, усилилъ осаду миланской крѣпости; она сдалась 24-го; гарнизонъ миланскій составляли 2.000 человѣкъ. Гогенцоллернъ подкрѣпилъ послѣ этого корпусъ Края, успѣшно дѣйствовавшій на югъ отъ низовья По: 22-го занялъ онъ Феррару; 25-го взялъ онъ тамошнюю крѣпость съ 90 пушками и 1.500 гарнизона; началъ блокаду и потомъ осаду Урбино; овладѣлъ Равенною и при пособіи возставшихъ жителей занялъ Камакіо, Чезену, Римни, Луго и Фори, когда эскадра русско-турецкая приступила къ осадѣ Анконы. Овладѣніе Червіею и Лаго (между Равенною и Болоніею) было слѣдствіемъ движенія Края.

Суворовъ изъ Кандіи поспѣшно шелъ между тѣмъ лѣвымъ берегомъ По въ двухъ колоннахъ. Главная квартира 23-го была въ Трино, а 24-го въ Кресчентино. Отряды Багратіона и Вукассовича подошли одинъ къ Риволи, другой къ Суперго, близъ Турина, и протянули аванпосты до Пиньероля и Монкальери. Мая 26-го вся армія союзниковъ сблизилась къ Турину. Народное возмущеніе началось въ сардинской столицѣ. Едва бросили въ нее нѣсколько

бомбъ, Туринъ покорился Суворову. Французскій гарнизонъ укрылся въ крѣпости. Въ арсеналахъ туринскихъ найдено до 400 пушекъ и мортиръ. Пока переговаривали о сдачѣ крѣпости, легкіе отряды полетѣли впередъ. Казаки явились даже въ Дофине, другія партіи ихъ—въ Валлонской области. Фенестрелла была занята.

Въ движеніяхъ, повидимому, имѣвшихъ цѣлью безполезное завоеваніе столицы Сардинскаго королевства, скрывалась мысль глубокая. Распространяя уничтоженіе владычества французовъ отъ Анконы до Турина, Суворовъ всюду возбуждалъ возстаніе жителей, призывая ихъ къ защитѣ законной власти. Онъ зналъ важность молвы, распространявшейся по Европѣ и провозглашавшей, что въ два мѣсяца завоеваны были Суворовымъ столицы Ломбардіи и Піемонта. Возстановленіемъ сардинскаго правительства утверждалъ онъ охранительный оплотъ къ сторонѣ Швейцаріи и Франціи, препятствовавшій движенію французскихъ резервовъ и упрочивавшій сообщеніе съ Швейцаріею. Походы Наполеона въ 1796 году черезъ Дофинейскія горы и въ 1800 году черезъ Ст.-Бернардъ доказываютъ важность этой мѣры. Наконецъ, движеніе на Пиньероль и Фенестреллу рѣшительно убѣждало Моро, что онъ увлекъ Суворова и что ему легко будетъ послѣ этого быстрымъ движеніемъ на Геную безпрепятственно соединиться съ Магдональдомъ.

Дѣйствія Суворова облегчили дѣла австрійцевъ въ Швейцаріи. Занявъ отрядомъ своимъ Ст.-Готардъ, эрцгерцогъ Карлъ оставилъ генерала Гаддика на Лаго-Маджіоре (въ Домо-Оссоле) и послалъ Беллегарда съ 18 баталіонами пѣхоты и 3.000 конницы къ Суворову. Беллегарду велѣно было усилить осаду Тортоны. Въ то же время Краю приказано только блокировать Мантую, а главную часть войска соединить съ войсками Отто въ Пармѣ, овладѣть Понтремоли и тѣмъ преградить Магдональду путь по Корнишской или прибрежной дорогѣ въ Геную. Такимъ образомъ, когда растянутыя дѣйствія отрядовъ Кленау, Отто, Беллегарда, Фрелиха и самого Суворова казалось, ослабляли дѣла, всѣ распоряженія русскаго вождя вели къ одной цѣли: Кленау въ Моденѣ и Отто въ Пармѣ составляли первую линію противъ Магдональда, подкрѣпляясь Беллегардомъ отъ Тортоны, Фрелихомъ отъ Асти, Краемъ отъ Мантуи; Суворовъ, останавливая Моро, нѣсколькими быстрыми переходами могъ соединиться съ ними и сдвинуть на Магдональда громаду силъ.

Здѣсь близорукія распоряженія гофъ-кригсъ-рата, изъ коихъ успѣлъ выпутаться геній Суворова, вторично стѣснили его и помѣшали полному развитію превосходнаго плана. Вопреки приказанію Суворова, Краю строго было запрещено оставлять и даже ослаблять осаду Мантуи. Не зная, какъ примирить разнорѣчившія повелѣнія, Край рѣшился на соглашеніе того и другого—отрядилъ небольшой отрядъ, съ пособіемъ коего Отто могъ поставить въ Понтремоло только охранительный постъ, раздвинувъ аванпосты въ Массу и Каррару на Ривіеро ди Леванте, оставаясь самъ въ Форновіо близъ Пармы. Гораздо пагубнѣе были другія распоряженія гофъ-кригсъ-рата, коими уничтожалось возстановленіе прежнихъ властителей въ занятыхъ союзниками итальянскихъ земляхъ. Вмѣсто сардинскихъ

правителей въ Туринъ опредѣлены были австрійскіе комиссары. Этою мѣрою уничтожалась довѣренность къ словамъ Суворова, и бѣдственныя слѣдствія недовѣрчивости итальянцевъ и упадка народнаго духа, отъ того послѣдовавшія, сознали австрійцы впослѣдствіи.

Спорить было некогда, не повиноваться было нельзя, а Суворовъ принужденъ былъ измѣнить свой планъ. Онъ надѣялся еще на то, что Магдональдъ обольстится легкостью перехода черезъ долины Пармскую и Моденскую на правомъ берегу По, когда Моро будетъ ждать его по приморской дорогѣ. Полагая, что увлекъ Суворова своимъ отступленіемъ на Кони, Моро сдвинулся еще болѣе къ Коль-де-Тенда и, считая легкимъ дѣломъ уходъ отсюда, предварительно послалъ дивизію Виктора на Геную для сообщенія съ Магдональдомъ. Подкрѣпляя заблужденіе Моро, Суворовъ отрядилъ Вукассовича занять Карманьолу, Хераско и Альбу и усилить возстаніе въ Чеви и Мондови. Тогда Моро почелъ, что цѣль его движеній была достигнута, оставилъ Коль-де-Тенду и, имѣя уже не болѣе 15.000, онъ остановился въ Савонѣ и, все еще думая отвлекать Суворова, послалъ легкіе отряды въ Танаро. Хитрость безполезная! Суворовъ, проводя Моро, не ошибся въ расчетѣ своемъ на Магдональда.

Мы видѣли, что движенія въ верховьяхъ По производили только легкія войска. Суворовъ держалъ всю главную армію свою готовою на ударъ. Для наблюденія за Моро по переходѣ его къ Савонѣ онъ отрядилъ только Фрелиха въ Асти и охранялъ Александрію и Тортону, опасаясь, что эти два пункта могутъ сдѣлаться точками соединенія французовъ, когда Моро узнаетъ настоящее положеніе Магдональда.

Получивъ отъ Шерера убѣдительное требованіе, а потомъ приказъ Директоріи, Магдональдъ двинулся изъ Неаполя, оставляя гарнизонъ въ Капуѣ, Гаеттѣ, Римѣ, Чивита-Веккіо, Перузѣ, Анконѣ, ибо всюду здѣсь могъ онъ опасаться возстанія жителей и высадокъ съ русскаго, англійскаго и турецкаго флотовъ. Мая 24-го Магдональдъ пришелъ во Флоренцію, присоединилъ къ себѣ войска генерала Готье и Міолиса, находившіяся между Болоніею и Флоренціею и занимавшія Пистойю. Онъ началъ стѣснять отряды Кленау и освободилъ Урбино. Домбровскій выгналъ Отто изъ Понтремоли. Магдональдъ пришелъ въ Лукку 2-го іюня. Если бы слѣдовалъ онъ прежнему плану и устремился по Корнишской дорогѣ, непослушаніе Края и потеря Понтремоли могли бы показать всю нелѣпость и гибель распоряженій гофъ-кригсъ-рата, ибо ничто не препятствовало бы тогда соединенію Магдональда съ Моро и удару на Тортону и Александрію въ перерѣзъ движенію Суворова. Подкрѣпленный изъ Ниццы 3.000-ми, Моро былъ уже близъ Генуи, присоединивъ къ себѣ Периньона. Дивизія Виктора, посланная впередъ, какъ мы упоминали, достигла Понтремоли и соединилась съ Домбровскимъ. Но Магдональдъ увлекся удобствомъ перехода черезъ Парму, и расчетъ Суворова превосходно оправдался.

Войско Магдональда двинулось къ Моденѣ, Монришаръ и Руско изъ Болоніи, Викторъ изъ Понтремоли пошли къ Реджіо. Іюня 10-го генералъ Оливьеръ сбилъ отрядъ Гогенцоллерна; 12-го Модена была занята и разграблена французами. Кленау соединился съ Гогенцоллерномъ. Они отступили къ Феррарѣ. Край, испуганный движеніемъ Магдональда, оставилъ осаду Мантуи, уничтожилъ мосты на рѣкѣ По и съ 10.000 сталъ въ Бенедетто. Позднее исполненіе приказаній Суворова ни къ чему не вело, ибо Магдональдъ усильно стремилися на Парму. Отто ретировался передъ нимъ безостановочно. Іюня 14-го французы заняли Парму, 15-го Піаченцу. Отто съ 7.000 сталъ на лѣвомъ берегу рѣки Требіи, впадающей въ По ниже Піаченцы. Такимъ образомъ Моро могъ соединиться съ Магдональдомъ только въ Тортонѣ, но русскій полководецъ не бездѣйствовалъ.

Іюня 10-го выступилъ Суворовъ изъ Турина; 12-го главная квартира его была въ Асти, 13-го въ Александріи. Близъ Валенцы, Павіи и Піаченцы наскоро готовили укрѣпленія для безопасности сообщенія съ Миланомъ. Генералъ Кеймъ оставленъ былъ продолжать осаду Туринской крѣпости. Въ Александріи, казалось, Суворовъ нѣсколько времени колебался: велѣлъ Розенбергу двинуться обратно къ Асти, но тотчасъ поворотилъ его. Іюня 16-го главная квартира перешла въ Тортону. Оставя отряды Вукассовича въ Кастельмиліо, Беллегарду приказывая продолжать осаду Александріи и Тортоны, Суворовъ поспѣшно шелъ далѣе. Іюня 17-го, когда Магдональдъ, полагая, что Суворовъ находится еще около Турина, ударилъ на отрядъ Отто, перешедшій за Тидону, текущую въ По параллельно съ Требіею, думалъ сбить его и соединиться съ Моро, поспѣшившимъ по дорогѣ на Тортону и Воггеру, русскій авангардъ и предвѣстникъ побѣды, начальникъ его, князь Багратіонъ, уже подкрѣпили Отто. Въ Ст.-Джіованни послѣдовало начало великой битвы Требійской. Магдональдъ принужденъ былъ принять сраженіе, ибо за Тидоною стоялъ со всѣмъ войскомъ своимъ Суворовъ, а Моро дожидаться было невозможно.

Такъ Суворовъ достигъ цѣли своего желанія, русскому штыку приходилось перевѣдаться съ непріятелемъ открытымъ боемъ. Планы гофъ-кригсъ-рата и искусство Моро не могли вырвать у него лавровъ. Судьбѣ угодно было, чтобы мѣстомъ битвы была долина памятная побѣдою намъ римлянами Аннибала. Такъ первая битва, при Кассано, была въ мѣстахъ памятныхъ битвами принца Евгенія Савойскаго съ Вандомомъ. Предлежалъ подвигъ разбить Магдональда. Силы обѣихъ армій были почти равны, но можно ли было сомнѣваться въ побѣдѣ—съ русскими былъ Суворовъ!

Нападеніе французовъ на Отто послѣдовало въ три часа пополудни. Генералъ Сальмъ велъ 16.000 войска. Отто отступалъ, когда Багратіонъ штыками удержалъ непріятеля. В. к. Константинъ Павловичъ самъ повелъ въ атаку полкъ. Битва продолжалась до 9 часовъ вечера. Непріятель былъ прогнанъ. Пушечною пальбою принудили его отступить къ Требіи. Французы потеряли до 1.000 человѣкъ.

Рано утромъ Суворовъ диспозировалъ войско для нападенія. Лѣвое крыло его велъ генералъ Меласъ, правое генералъ Розенбергъ, центромъ начальствовалъ Ферстеръ. Приказано было атаковать непріятеля, тѣснить его за Требію и не останавливаясь идти до рѣки Нуры за Требіею. Изумленный, что ничего не было предписано на случай отступленія, Меласъ прислалъ спросить, куда надлежитъ отступать! «Куда?» отвѣчалъ Суворовъ,—«за Требію, въ Піаченцу!» Движеніе войскъ началось въ 10 часовъ утра, но, затрудняясь переходами черезъ рытвины, усаженныя деревьями, не прежде 2-го часа пополудни войско достигло берега Требіи, гдѣ ожидалъ его непріятель. Правое крыло французовъ, примыкаясь къ берегамъ По, было подъ начальствомъ Сальма и Оливьера, центръ Монришара и Виктора, правое крыло Руско и Домбровскаго. Резервами командовалъ генералъ Патренъ. Магдональдъ находился за Требіею, въ монастырѣ св. Антонія.

Битву началъ Розенбергъ. Здѣсь Багратіонъ скоро рѣшилъ дѣло штыками, несмотря на отчаянное сопротивленіе Домбровскаго. Подкрѣпленіе посланное Магдональдомъ изъ центра, ослабило силы тамъ. Союзники воспользовались разстройствомъ и сбили непріятеля. На помощь сблизились резервы, но были опрокинуты. Упорнѣе всѣхъ держались Сальмъ и Оливьеръ. Въ сумерки битва кончилась полнымъ отступленіемъ французовъ за Требію. Мужественное сопротивленіе непріятеля, утомленіе войскъ и сильная канонада, открытая французами съ праваго берега Требіи, заставили Суворова остановиться и не переходить въ тотъ день рѣку. Въ 10 часовъ вечера кончился бой. Ночью Суворовъ расположилъ переправу за Требію и нападеніе слѣдующаго утра, но Магдональдъ предупредилъ его.

Сождавъ остальныя войска свои, Магдональдъ рѣшился продолжать битву, увѣренный, что Моро спѣшитъ къ нему на помощь. Несмотря на тяжелый опытъ двухъ дней, онъ полагалъ, что можетъ устоять, если уже и не надѣялся побѣды. Іюня 19-го, утромъ, вся линія французской арміи двинулась черезъ Требію. Положеніе союзниковъ было прежнее. Жестокая атака французовъ началась противъ Розенберга. Домбровскій устремился съ своимъ польскимъ легіономъ, стараясь обойдти съ фланга. Багратіонъ отбилъ его. Нападеніе упорно возобновилось. Французы прорвали линію. Самъ Суворовъ съ Милорадовичемъ бросился въ битву. Магдональдъ двинулъ полки изъ центра. Пользуясь ослабленіемъ непріятеля въ центрѣ, Ферстеръ усильно началъ стѣснять его. Монришаръ поспѣшалъ сюда на помощь, но онъ не успѣлъ еще развернуть фронта, когда кавалерійская атака смяла французовъ. Робость овладѣла ими. Съ праваго крыла спѣшили къ нимъ на помощь. Меласъ, отражавшій дотолѣ нападенія Сальма жестокою канонадою, воспользовался мгновеніемъ, ударилъ въ штыки, сбилъ непріятеля, перешелъ Требію, овладѣлъ Піаченцою, гдѣ взято было въ плѣнъ до 7.000 раненыхъ, и въ числѣ ихъ четыре генерала: Оливьеръ, Руско, Сальмъ и Камбре, 4 полковника, 350 офицеровъ. Магдональдъ перевелъ всѣ свои войска на правый берегъ Требіи. Жаръ былъ нестер-

пимый. Разбирая тѣла на полѣ сраженія, находили умершихъ безъ всякой видимой причины: очевидно было, что они падали отъ безсилія и задыхались, заваленныя мертвыми и ранеными. Утомленіе обѣихъ сторонъ прекратило битву въ 6 часовъ вечера. И Суворовъ и Магдональдъ хотѣли сражаться на другой день. Но ужасная потеря въ теченіе трехъ дней, очевидность, что Моро не успѣетъ подкрѣпить его, жестокая рана, полученная въ стычкѣ подъ Моденою Магдональдомъ, такъ что онъ не могъ сидѣть на лошади и его носили въ качалкѣ, и наконецъ несогласіе всѣхъ другихъ генераловъ на его мнѣніе, заставили французскаго полководца рѣшиться на отступленіе. Оно началось ночью. Войско французское раздѣлилось на два корпуса; одинъ шелъ къ Пармѣ, увлекая союзниковъ, другой къ Понтремоли для ближайшаго соединенія съ Моро.

Немного бывало битвъ, гдѣ сражались бы такъ долго и такъ упорно. Всѣ три дня Суворовъ въ рубашкѣ, безъ мундира, не

сходилъ со своей лошади, являлся всюду, и только личное присутствіе его остановило успѣхъ непріятеля 19-го числа. Онъ отдавалъ полную похвалу храбрости французовъ и искусству французскаго полководца.

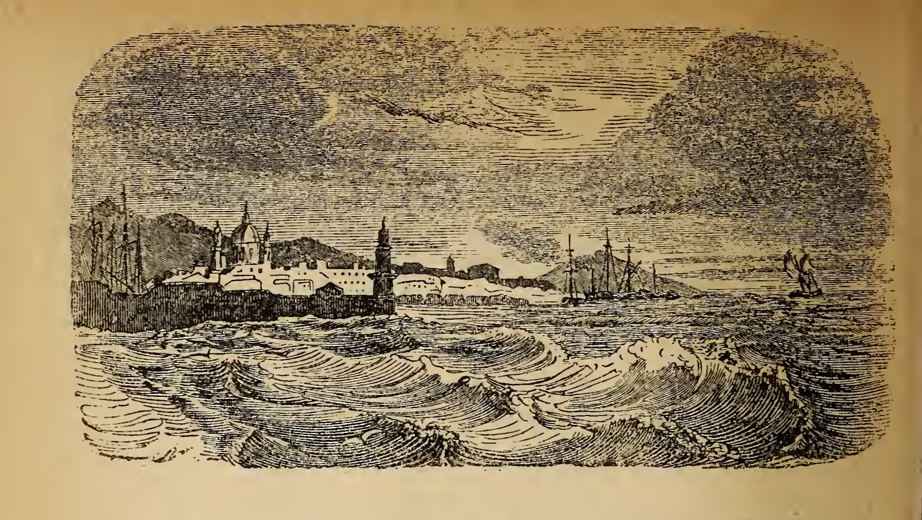
Рано утромъ, видя отступленіе Магдональда, Суворовъ велѣлъ преслѣдовать его. На пути безпрестанно забирали плѣнныхъ. Войско шло двумя корпусами къ Пармѣ. На Нурѣ генералъ Чубаровъ успѣлъ захватить арріергардъ французскій и истребилъ его. Въ Фіоренцолѣ 21-го Суворовъ узналъ о движеніи Моро. Видя, что Су-

воровъ успѣлъ перерѣзать путь Магдональду на Требіи, Моро поспѣшалъ туда, надѣясь рѣшить битву своимъ приходомъ. Съ 20.000-ми шелъ онъ на Бокетту, Гави и Нови. При его приближеніи Беллегардъ оставилъ осаду Тортоны и отступилъ въ Ст.-Жуліано. Суворовъ быстро повернулъ назадъ. Главная квартира его была въ Піаченцѣ. Беллегарду велѣно идти въ тылъ Моро и отрѣзать ему обратный путь въ Геную. Суворовъ навѣрное полагалъ, что успѣетъ кончить дѣло съ Моро, но къ величайшей досадѣ его неблагоразуміе Беллегарда разрушило дальновидные расчеты. Вмѣсто обхода въ тылъ Беллегардъ вздумалъ задерживать Моро 20-го іюня, имѣя не болѣе 11.000 войска, и напалъ на него изъ Ст.-Жуліано. Послѣ упорной битвы Моро принудилъ Беллегарда отступать, и преслѣдуемый непріятелемъ, Беллегардъ ушелъ за Бормиду, потерявъ 2.000 человѣкъ и 5 пушекъ. Моро выдвинулся до Вогеры. Въ недоумѣніи остановился онъ здѣсь, узнавъ о битвѣ подъ Требіею, спѣшилъ обратно, услышавъ о движеніи на него Суворова, и ушелъ къ Генуѣ безпрепятственно, ибо разбитіе и отступленіе Беллегарда лишили Суворова средствъ задержать непріятеля. Іюня 26-го главная квартира Суворова перешла въ Александрію. Осада Тортоны была возобновлена.

Движеніе Моро спасло остатки арміи Магдональда. Битва требійская уничтожила ее. Число убитыхъ французовъ простиралось до 6.000, взято въ плѣнъ было до 12.000. Въ числѣ раненыхъ, кромѣ Камбре, Оливьера, Сальма и Руско, были генералы Домбровскій, Гранжанъ, генералъ-адъютанты Ліебо, Сарразенъ и Бландо. Пушекъ досталось побѣдителямъ 6, знаменъ 7. Потеря ихъ состояла изъ 1.000 убитыми и 4.000-ми ранеными. Въ числѣ раненыхъ были генералы Повало-Швейковскій, Дальгеймъ и Багратіонъ. Подъ Розенбергомъ ранены три лошади.

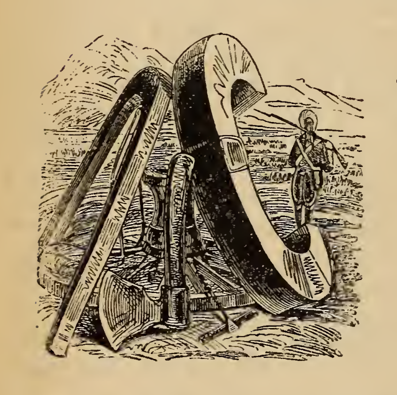
Извѣстіе о требійской битвѣ шумно полетѣло въ Вѣну, Петербургъ и Лондонъ, оправдывая славу имени Суворова и надежды на него. При благодарственномъ молебствіи въ С.-Петербургѣ, по повелѣнію императора, провозглашено было многолѣтіе «высокоповелительному фельдмаршалу графу Суворову-Рымникскому». Сынъ Суворова, бывшій въ церкви, заплакалъ и упалъ на колѣни передъ императоромъ, говоря: «Простите, ваше величество!»—«Хвалю за любовь къ отцу», отвѣчалъ императоръ. Изъ камеръ-юнкеровъ былъ онъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты и посланъ въ Италію. «Сыну героя неприлично быть въ придворной службѣ», писалъ императоръ Суворову. «Учись у отца побѣждать враговъ!» сказалъ онъ юному Суворову на прощаньи. Посылая къ великому вождю портретъ свой въ перстнѣ, осыпанномъ брильянтами, «примите его въ свидѣтельство дѣлъ вашихъ и носите на рукѣ вашей, поражающей врага», писалъ императоръ. Суворовъ видѣлъ безпрерывныя свидѣтельства монаршаго благоволенія. Вотъ нѣсколько выписокъ изъ писемъ императора Суворову: «Бейте французовъ, а мы будемъ бить вамъ въ ладоши и молиться за васъ Богу».—«Начало благое. Дай Богъ успѣховъ и побѣды: они старые ваши знакомые».—«Графъ А. В.», писалъ императоръ 7-го іюня, «сперва увѣдомили

вы насъ объ одной побѣдѣ, потомъ о трехъ, а теперь прислали реестръ взятыхъ вами городовъ и крѣпостей. Побѣда предшествуетъ вамъ повсюду и слава сооружаетъ въ Италіи вѣчный памятникъ подвигамъ вашимъ».—«Слава Богу, слава вамъ! скажу вашими словами», писалъ императоръ послѣ требійской битвы.—«Воинъ непобѣдимый!» писалъ Суворову графъ Ѳ. В. Растопчинъ, «герои любятъ истину—вотъ она: вами славится Россія и избавляется Европа. Горжусь, что я землякъ вашъ!» Кто не повторитъ этихъ словъ, говоря о Суворовѣ?

ГЛАВА XII.

Окончаніе Италіянскаго похода. — Битва при Нови. — Смерть Жуберта. — Дипломатическія интриги.

лѣдствія Требійской битвы были весьма важны. Мы видѣли поспѣшное отступленіе въ Геную Моро. Остатки арміи Магдональда ретировались отъ Требіи безъ порядка, преслѣдуемые союзниками. Іюня 22-го генералъ Велецкій напалъ въ Боббіо на 3.000-й отрядъ Лапоипа. Посланный во флангъ русскаго войска, когда Магдональдъ положилъ сражаться 21-го числа, Лапоипъ не успѣлъ придти во время и отступилъ къ вершинѣ Требіи, не имѣя возможности соединиться съ главною арміею. Пораженный Велецкимъ, Лапоипъ бросился къ отряду Виктора, отступавшему на Форновію. Не столь удачно было покушеніе Кленау остановить самого Магдональда на Секкіи. Французы перешли рѣку при Руббіерѣ и заняли Модену; 28-го Магдональдъ былъ въ Пистойи; Домбровскій укрылся въ Понтремоли; Монришаръ вступилъ во Флоренцію. Модена немедленно была занята Кленау. Преслѣдуемый Кленау, Отто и Велецкимъ во всѣхъ направленіяхъ и угрожаемый возстаніемъ жителей Тосканы, Магдональдъ оставлялъ городъ за городомъ, собралъ всѣ свои остальныя войска и гарнизоны изъ городовъ въ Луккѣ, отправилъ артиллерію моремъ изъ Ливорны въ Геную и предпринялъ маршъ по трудной приморской дорогѣ, черезъ

Сарзану, Специію и Сестри-ди-Леванте, прикрываясь отрядами Домбровскаго въ Понтремоли и Виктора въ Борго-ди-Таро. У него было не болѣе 13.000 человѣкъ, и даже по соединеніи съ Викторомъ и Домбровскимъ онъ привелъ въ Геную въ концѣ іюня только 18.000—остатокъ сильной неаполитанской арміи и всѣхъ французскихъ гарнизоновъ и войскъ, находившихся въ Тосканѣ и Церковной области.

Покореніе городовъ слѣдовало быстро. Въ Вѣнѣ и Петербургѣ едва успѣвали получать извѣстія о взятіи ихъ и городскіе ключи. Всюду забираемы были гарнизоны и многочисленная артиллерія. Іюня 14-го Суворовъ писалъ изъ Александріи Клейму: «Иду къ Піаченцѣ бить Магдональда. Поспѣшите работами при туринской цитадели, чтобы мнѣ не пропѣть прежде васъ: «Тебѣ Бога хвалимъ!» Киймъ не отсталъ отъ Суворова: въ первый день требійской битвы началось бомбардированіе, и 20-го числа сдалась туринская цитадель. Фіорелло принужденъ былъ уступить губительному огню осаждающихъ; 2.800 человѣкъ гарнизона, 148 мортиръ, 384 пушки, 30 гаубицъ, 40.000 ружей, огромныя количества артиллерійскихъ запасовъ и аммуниціи сданы побѣдителямъ. Іюня 11-го Гарданнъ, комендантъ Александрійской крѣпости, видя невозможность держаться, когда ему угрожали приступомъ, сдалъ крѣпость; здѣсь взято 2.400 человѣкъ и 160 орудій. Корпусъ Кленау занималъ мѣста по мѣрѣ отступленія Магдональда. Іюня 30-го вступилъ онъ въ Болонію. Вся Тоскана возстала. Жители Ареццо, Волдерны и Казеты составили ополченія и подступили къ Флоренціи. Генералъ Готье вышелъ изъ нея, и инсургенты заняли тосканскую столицу. Кленау явился туда 5-го іюля; инсургенты въ тотъ же день окружили Сіенну, и гарнизонъ ея сдался; 9-го Отто вступилъ въ Урбино, гдѣ захвачено было 600 гарнизона съ 30-ю пушками и 2.600 ружей. Генералъ Даргубетъ сдалъ Ливорно, Пизу и Лукку тосканскому генералу Лавалетту. Порто-Ферраіо, крѣпость на островѣ Эльбѣ, сдалась сицилійскому коменданту другой тамошней крѣпости Порто-Лангоне. Кленау вступилъ въ Понтремоли, Филиццано и Авлу. Іюля 31-го занята Сарзана и началось очищеніе приморскихъ мѣстъ по Ривіера-ди-Леванте—Порто-Венеро, крѣпостей въ заливѣ Специіи, св. Терезы и св. Лаврентія. Отряды доходили до Сестри. Только крѣпостца св. Маріи удержалась, при подкрѣпленіи 2.000-го отряда, посланнаго съ Міоллисомъ изъ Генуи.

Еще важнѣе были происшествія въ средней и южной Италіи. Мы говорили о возстаніи жителей Ломбардіи и Піемонта. Гораздо сильнѣе явилось возстаніе въ Тосканѣ, помнившей благодѣтельное правленіе своихъ прежнихъ герцоговъ, и въ Римѣ, оскорбленномъ насильственнымъ плѣномъ папы. Начальникомъ инсургентовъ явился здѣсь Лагоцъ, австрійскій офицеръ, отчаянная голова, измѣнившій Австріи и думавшій купить прощеніе измѣною французамъ. Онъ писалъ о томъ къ Суворову. «Прошедшее забываютъ», отвѣчалъ Суворовъ, «если его стараются загладить чистосердечнымъ и блистательнымъ раскаяніемъ». Ободренный словами русскаго полководца, Лагоцъ собралъ толпы народа и съ 20.000 человѣкъ явил-

ся грозою французовъ и итальянскихъ революціонеровъ. Полковникъ Цукато, посланный Суворовымъ, предводилъ инсургентами. Они заняли адріатическій берегъ и распространились отъ Тосканы до Неаполя, гдѣ еще сильнѣйшее возстаніе восколебало всѣхъ жителей. Флоты англійскій, русскій и турецкій подкрѣпляли инсургентовъ высадками. При ихъ помощи произвелъ въ Калабріи возстаніе кардиналъ Руффо, смѣнившій четки мечомъ. Товарищемъ его былъ молодой монахъ, сидѣвшій въ тюрьмѣ за какое-то преступленіе и получившій свободу за обѣщаніе истреблять французовъ и ихъ союзниковъ. Съ толпами полудикихъ пастуховъ калабрійскихъ онъ ужаснулъ своею отвагою и свирѣпостью, такъ что товарищи прозвали его—Братъ-Дьяволъ (Фра-Діаволо).

Руффо и Фра-Діаволо съ помощью русскихъ и англичанъ ворвались въ Неаполь, провозгласили имя короля и страшнымъ мщеніемъ платили своимъ прежнимъ притѣснителямъ. Лаццарони неапольскіе пристали къ освободителямъ. Кровь лилась потоками по улицамъ Неаполя. Освободители предавались всѣмъ неистовствамъ народныхъ волненій, истощая утонченную злобу итальянской мстительности. Руффо пошелъ къ Риму съ своими толпами, гдѣ видѣли вмѣстѣ сражавшихся неаполитанскихъ солдатъ, русскихъ, австрійцевъ, англичанъ, турковъ, монаховъ, бандитовъ, лаццароновъ и апулійскихъ пастуховъ. Онѣ заняли Римъ и осадили крѣпости. Римская и Партенопейская республики были уничтожены; дерева вольности срублены; французы гибли повсюду, и все, что только фанатизмъ и дикая злоба можетъ изобрѣтать, было повторено въ Римѣ и другихъ городахъ. Іюля 28-го сдалась Мантуя послѣ двухнедѣльной упорной осады. Гарнизону позволено было удалиться во Флоренцію; 300 пушекъ взято въ этой опорѣ французскаго владычества въ Италіи. Послѣ паденія Мантуи во власти французовъ оставались во всей Италіи только Тортона, Анкона и Генуя.

Успѣхи Суворова встревожили правителей Франціи, произвели смущеніе въ Парижѣ и отозвались даже на берегахъ Нила. Тамъ, въ борьбѣ съ непреодолимыми трудностями, сражаясь съ природою и непріятелями, былъ тотъ, кто за три года возвелъ Францію на высокую чреду славы и могущества. «Безумцы!» восклицалъ Бонапарте, «они погубили всѣ мои побѣды! Суворовъ уничтожилъ въ одинъ походъ годы трудовъ моихъ!» Долго, задумчивый и нерѣшительный, размышлялъ онъ, и слѣдствіемъ размышленія его была отважная мысль возвратиться во Францію. Онъ хотѣлъ явиться среди прежнихъ товарищей своихъ и сразиться съ сѣдовласымъ вождемъ русскимъ, «пожиравшимъ его побѣды», какъ говорилъ Бонапарте. Переходъ во Францію безъ воли ея правителей, тяжкая необходимость оставить въ Египтѣ храброе войско, довѣрившее ему жребій свой, трудность, если не совершенная невозможность укрыться на Средиземномъ морѣ отъ англійскаго, русскаго и турецкаго флота—ничто не остановило Бонапарте. Утлой ладьѣ ввѣрилъ онъ судьбу свою. «Nous arriverons!» говорилъ онъ «La fortune ne nous a jamais abandonnés (мы достигнемъ Франціи! Счастіе никогда не оставляло насъ)!»

Когда отъ береговъ Нильскихъ стремился по Средиземному морю корабль, на коемъ былъ рѣшитель судебъ Европы, Директорія принимала всѣ возможныя средства возвратить потери въ Италіи. Приказано было, для развлеченія союзниковъ, усилить дѣйствія въ Швейцаріи. Недовольные осторожными мѣрами генерала Моро, правители Франціи рѣшились вручить ему начальство на Рейнѣ, а въ Италію послать генерала Жуберта, съ повелѣніемъ дѣйствовать наступательно. Генералу Шампіонету препоручено собрать сильный корпусъ и напасть на союзниковъ въ Піемонтѣ, подвергая такимъ образомъ Суворова нападенію съ трехъ сторонъ. Надѣялись, что прибытіе юнаго, храбраго генерала и наступательное движеніе ободрятъ французовъ. Жубертъ славился отважностью, умомъ, рыцарскимъ безкорыстіемъ, юный, прекрасный, любимый солдатами. Пятнадцати лѣтъ бѣжалъ онъ изъ отцовскаго дома, сталъ въ ряды солдатъ въ 1784 г., совершилъ первые подвиги на поляхъ итальянскихъ, былъ генераломъ въ 1793 г., участвовалъ въ побѣдахъ Бонапарте, который послѣ битвы ривольской сказалъ объ немъ: „Joubert se monstra grenadier par son courage et grand général par ses connaissances militaires“ (Жубертъ показалъ себя гренадеромъ по храбрости и великимъ генераломъ по военнымъ знаніямъ). Походъ въ Тироль, названный Карно походомъ исполиновъ (campagne de géants), дѣла въ Голландіи, на Рейнѣ, занятіе Піемонта въ 1798 году, прославили имя Жуберта. Негодованіе противъ притѣсненій Италіи жадными комиссарами республики и ссора съ Шереромъ заставили Жуберта выйти въ отставку. Онъ любилъ, былъ любимъ и готовъ былъ вести невѣсту свою къ алтарю, когда Директорія

вызвала его снова на воинскіе подвиги. Жубертъ отправился немедленно и по дорогѣ заѣхалъ въ мѣстечко, гдѣ жило семейство будущей подруги. Она не хотѣла разстаться съ женихомъ; ихъ обвѣнчали, и на другой день счастливые супруги поѣхали вмѣстѣ. Жубертъ оставилъ молодую свою жену на границѣ, поклялся ей возвратиться побѣдителемъ или умереть на полѣ чести и черезъ недѣлю былъ въ Генуѣ. Моро сдалъ ему начальство. Вполнѣ чувствуя всю тяжесть подвига, ему предназначеннаго, Жубертъ просилъ Моро остаться на нѣсколько дней при войскѣ и помогать совѣтами и опытностью. Моро согласился. Отважность и осторожность соединились противъ Суворова. Надежда оживила французовъ.

Главная квартира Суворова весь іюль оставалась въ Александріи. Отсюда распоряжалъ онъ дѣйствіями войскъ, взятіемъ крѣпостей и готовилъ планы, коими долженъ былъ охранить свои завоеванія и уничтожить остатки непріятелей. Изъ Россіи пришелъ корпусъ войскъ 8.000 человѣкъ, подъ начальствомъ генерала Ребиндера, назначенный въ Мальту и Неаполь. Суворовъ до времени оставилъ его при главной арміи, передавъ начальство надъ нимъ Розенбергу, коего замѣнилъ Дерфельденъ. Генералъ Кеймъ охранялъ Піемонтъ со стороны Франціи и Швейцаріи. Суворовъ сосредоточивалъ войска на Скривіи и Бормидѣ и присоединилъ къ нимъ корпусъ Края по взятіи Мантуи. Онъ распоряжалъ походомъ на Генную. Кленау, съ 20.000, долженствовалъ стѣснять непріятеля отъ Понтремоли и Ривіеро-ди-Леванте, когда другія 20.000 пойдутъ черезъ Нови, Тортону, Гави и возьмутъ Генную, подкрѣпляясь англійскимъ флотомъ съ моря, а третій корпусъ отъ Кони, черезъ Коль-ди-Тенду, пройдетъ въ Ниццу и отрѣжетъ отступленіе Моро черезъ Ривіеру-ди-Поненте. Несогласіе гофъ-кригсъ-рата остановило этотъ планъ, когда соединеніе сильныхъ французскихъ войскъ на сѣверъ отъ Турина, у границъ Швейцаріи, подъ начальствомъ Шампіонета, и извѣстіе о прибытіи въ Генную Жуберта и движеній французовъ обратили особенное вниманіе Суворова. Слыша о наступательныхъ движеніяхъ Жуберта, Суворовъ обрадовался, что непріятель самъ вызываетъ его на битву и избавляетъ отъ затруднительнаго похода въ генуезскія горныя ущелья. «А! Видно, что Жубертъ молодой человѣкъ—пріѣхалъ поучиться!» сказалъ Суворовъ,—«дадимъ ему урокъ!» Августа 3-го союзная армія перешла въ Поццоло-Формигаро между Тортоною и Нови. Кейму велѣно сильнѣе стѣснить Кони, а Кленау идти въ Понтремоли. Августа 7-го Багратіонъ осадилъ и взялъ Сераваллу, куда немедленно перешла главная квартира, 8-го августа перенесенная въ Нови.

Слѣдуя предписанію Директоріи, Жубертъ хотѣлъ дѣйствовать наступательно; войско его состояло изъ 50.000 и растягивалось отъ Миллезимо до Бокетты; авангарды находились въ Гави. Еще не зная о взятіи Мантуи и соединеніи Суворова съ Краемъ, Жубертъ полагалъ Суворова въ числѣ, уступающемъ числу арміи, находившейся подъ его начальствомъ, хотѣлъ отрѣзать его отъ сооб-

щеній съ Краемъ и Кленау и, слыша о движеніи на Сераваллу, думалъ обмануть Суворова движеніемъ на Акви, когда главныя силы французовъ шли къ Сераваллѣ. Суворовъ разгадалъ планъ Жуберта, изумляясь легкой возможности вызвать непріятеля изъ горныхъ областей, велѣлъ отступать и 13-го августа снова перенесъ главную квартиру въ Поццоло-Формигару, оставя гарнизонъ въ Сераваллѣ и стѣсняя Тортону, что представляло войска его непріятелю неловко разбросанными. При движеніи непріятеля на Тортону союзники могли сдвинуться къ ней, Розенбергъ изъ Вигицуолы и Дерфельденъ изъ Ривальто, хотя Тортона была повидимому совершенно открыта. Поступки Суворова показывали робость. Беллегардъ поспѣшно отступилъ отъ Акви къ рѣкѣ Орби. Тогда Жубертъ, увлеченный въ обманъ, стремительно склонился отъ Акви направо и 14-го августа сталъ со всею своею арміею на высотахъ, гдѣ оканчиваются горныя стремнины приморскихъ Аппенинъ и начинаются долины къ Танаро и По. Лѣвое крыло французовъ упиралось въ рѣку Лемму, правое въ Скривію, центръ былъ въ Нови. Здѣсь неожиданно узнали, что Край соединился съ Суворовымъ, что хитрый старикъ обманулъ своимъ отступленіемъ и что сильная армія его поспѣшно идетъ на французовъ. Жубертъ не зналъ, должно ли рѣшаться на борьбу противъ силъ превосходныхъ. Онъ собралъ совѣтъ, гдѣ находились Моро, Сенъ-Сиръ, Периньонъ, Дессоль, и предложилъ опредѣлить отступленіе въ горы или спускъ въ долину и нападеніе на непріятеля. Моро и всѣ другіе утверждали, что отваживаться на битву опасно. Жубертъ колебался, думалъ, что Суворовъ не посмѣетъ напасть на крѣпкую, защищенную горами позицію французовъ. Онъ полагалъ, что войско Суворова не было сосредоточено и избралъ самое гибельное дѣло—нерѣшительность вмѣсто битвы или немедленнаго отступленія, оставшись на ночь при Нови, думая, что успѣетъ еще отступить, если будетъ необходимо, на другой день. Роковая ночь эта погубила его. На другой день отступленіе было уже поздно. Крѣпкая позиція не устрашила Суворова; утромъ началъ онъ кровавую битву.

Всего болѣе опасался Суворовъ, что непріятель отступитъ, узнавъ о превосходствѣ силъ союзниковъ. Тогда Суворовъ подвергался затруднительному походу въ горы или опасности быть съ одной стороны атакованнымъ Жубертомъ, съ другой Шампіонетомъ. На военномъ совѣтѣ 14-го августа всѣ австрійскіе генералы оспоривали мысль его дать битву. Вопреки мнѣнію непріятеля о великомъ превосходствѣ силъ его, Суворовъ имѣлъ не болѣе 45.000 противъ 40.000. Ему представляли неприступность непріятельской позиціи и отдаленность корпуса Меласова. Суворовъ рѣшилъ совѣтъ приказомъ сражаться. Край началъ битву нападеніемъ на лѣвое крыло французовъ въ 4 часа утра, августа 15-го. Онъ овладѣлъ высотами. Видя опасность, Жубертъ бросился ободрять солдатъ. En avant (впередъ)! восклицалъ онъ, вмѣшавшись между бѣгущими. Пуля поразила героя. Онъ упалъ съ лошади съ кликомъ: Camarades, marchez toujours (товарищи, впередъ, впередъ)! Чувствуя себя смертельно раненымъ, Жубертъ вспомнилъ о подругѣ

своей, вынулъ портретъ ея, бывшій у него на груди, прижалъ его къ губамъ и испустилъ духъ. Остервенѣло мстили солдаты смерть своего храбраго полководца. Моро принялъ начальство. Край былъ сбитъ. Въ 6 часовъ Дерфельденъ ударилъ въ центръ, занявъ Нови. Край снова двинулся въ битву. Она была отчаянная. Трудность завладѣнія высотами, нестерпимый жаръ, грозная артиллерія и мужество непріятелей дѣлали тщетными всѣ усилія. До трехъ часовъ пополудни два раза высоты переходили изъ рукъ въ руки. Не знали, гдѣ дѣвался Меласъ, удивлялись, что Суворовъ длитъ сраженіе и остается спокоенъ, видя безуспѣшность его. Великое предначертаніе Суворова и удивительную вѣрность взгляда его поняли тогда только, когда онъ вдругъ велѣлъ учинить усиленное нападеніе на центръ. Здѣсь начался самый страшный разгаръ битвы. Багратіонъ былъ отбитъ. Суворовъ самъ бросился въ ряды солдатъ. При немъ былъ в. к. Константинъ. «Друзья богатыри! Дѣти! Ура! съ нами Богъ!» восклицалъ Суворовъ. «Въ слѣпотѣ изступленной храбрости, подъ градомъ смертоносныхъ орудій, не думая о превосходствѣ непріятельской позиціи, презирая неминуемую смерть, бросились русскіе солдаты. Сугубо возстали на нихъ смерть и бѣдствіе, но ободряемыхъ примѣромъ вождей ихъ уже невозможно было удержать» (слова реляціи Суворова). Тогда неожиданно загремѣла канонада въ тылу непріятеля. Меласъ обошелъ по правому берегу Скквиріи и громилъ французовъ. Нападеніе на центръ было усилено. Краю велѣно напирать на лѣвое крыло. Моро видѣлъ невозможность продолжать битву. Его мужественное хладнокро-

віе и рѣшительность генераловъ и офицеровъ едва могли спасти остатки войскъ французскихъ. Къ отступленію оставалась одна дорога, на Овадо черезъ Лемму, къ берегамъ Орби. Предавая часть войска на жертву, Моро отступилъ поспѣшно, и наступившій мракъ ночи, при истощеніи силъ побѣдителей, лишилъ средствъ преслѣдовать непріятелей въ горныхъ ущельяхъ. Часть артиллеріи французской была захвачена и досталась побѣдителямъ; битва кончилась въ шесть часовъ вечера, продолжавшись болѣе полусутокъ.

Такъ совершилось второе великое сраженіе и кончилось второе покушеніе непріятелей силою вырвать у Суворова побѣду. Бывшіе въ битвѣ при Требіи не могли рѣшить, гдѣ сражались упорнѣе, тамъ или подъ Нови. Принудивъ непріятеля къ битвѣ, Суворовъ одержалъ побѣду искусною диспозиціею, личною храбростью въ минуту опасности и разсчитаннымъ ударомъ при окончаніи битвы. Только малплакетская (1709 года) и кунерсдорфская (1759 года) битвы могли сравняться съ новійскою числомъ потери съ обѣихъ сторонъ. Французы потеряли убитыми и ранеными болѣе 10.000; въ плѣнъ взято до 5.000. Русскихъ и австрійцевъ убито и ранено до 8.000. Побѣдители взяли 39 пушекъ. Кромѣ Жуберта, были убиты генералы Вотренъ и Гаро; Периньонъ, Груши, Партуно, Колли попались въ плѣнъ. Изъ русскихъ ранены были генералы Тыртовъ, Горчаковъ и Чубаровъ.

Суворовъ не преслѣдовалъ далеко отступавшаго непріятеля. Слыша о движеніи Шампіонета, желая соединить силы свои и разъединяя Шампіонета съ Моро, онъ перенесъ главную квартиру августа 20-го въ Асти. Край былъ отправленъ на помощъ Кейму. Шампіонетъ поспѣшно отступилъ къ швейцарской границѣ. Моро снова остановился въ окрестностяхъ Генуи. Суворовъ готовился къ походу.

Подвиги Суворова достойно оцѣнялись монархомъ Россіи, освобожденною имъ Италіею и изумленною Европою, возбуждая ужасъ правителей Франціи, оживляя надеждою ихъ противниковъ. Императоръ Павелъ изъявилъ престарѣлому герою благодарность свою присылкою своего портрета. «Пусть на груди вашей являетъ онъ признательность мою къ великимъ дѣламъ подданнаго, прославляющаго мое царствованіе», писалъ императоръ (іюля 13). Августа 8-го новую награду Суворову составилъ титулъ княжескій, съ наименованіемъ Свѣтлѣйшимъ и Италійскимъ, «да сохранится въ вѣкахъ память дѣлъ Суворова, въ четыре мѣсяца освободившаго Италію и возстановившаго царства и законныя власти».—«Отецъ отечества!» отвѣчалъ Суворовъ императору, «прими жертву благоговѣйной признательности—сердечное, слезное моленіе за тебя Богу и остатокъ дней моихъ!» Послѣ побѣды при Нови императоръ писалъ: «Не знаю, кому пріятнѣе: вамъ ли побѣждать, или мнѣ награждать васъ, хотя мы оба исполняемъ свое дѣло, я, какъ государь, вы, какъ полководецъ, но я уже не знаю, что вамъ дать: вы поставили себя выше всякихъ наградъ». Награда еще сыскалась: повелѣно «отдавать князю Италійскому, графу Суворову-Рымникскому, даже и въ присутствіи государя всѣ воинскія почести, подобно отдавае-

мымъ особѣ е. и. в.» (августа 24-го). «Достойному достойное!» говорилъ императоръ въ своемъ рескриптѣ.

Особенное удовольствіе принесла императору награда, пожалованная Суворову королемъ сардинскимъ. Король возвелъ его въ чинъ главнокомандующаго фельдмаршала сардинскихъ войскъ, съ титуломъ и степенью кузеновъ королевскихъ и грандовъ Сардиніи. «Радуюсь, что вы мнѣ дѣлаетесь роднею», писалъ Суворову послѣ этого императоръ Павелъ, «ибо всѣ владѣтельныя особы между собою роднею почитаются».—«Славѣ легко породниться съ царями!» восклицали поэты, слыша о наградѣ герою. «Я раздѣляю съ другими благодѣянія ваши», писалъ Суворову король неаполитанскій.

«Вы открыли мнѣ дорогу въ царство мое, вы утвердите меня на моемъ престолѣ». Коллегія кардиналовъ прислала къ Суворову депутатовъ благодарить его и просить его покровительства столицѣ папской. Въ Англіи побѣды Суворова приводили въ восторгъ. Заздравные тосты гремѣли за его здоровье. Въ лондонскихъ театрахъ пѣли пѣсни въ честь его; выбили медали съ изображеніемъ Суворова. «Если бы ваша свѣтлость могли явиться здѣсь», писалъ къ нему русскій посолъ, графъ С. Р. Воронцовъ, «вы увидѣли бы народъ благодарный и чувствующій цѣну вашихъ заслугъ и достоинствъ». «Цѣлую руку великаго человѣка!» писалъ Суворову Растопчинъ. «Меня осыпаютъ наградами», говорилъ Суворову Нельсонъ, «но сегодня удостоился я величайшей награды: мнѣ сказали,

что я похожъ на васъ. Горжусь, если я, ничтожный по дѣламъ, похожу на человѣка великаго!» Въ дополненіе прежнихъ наградъ король сардинскій прислалъ Суворову (сентября 9-го) цѣпь перваго ордена сардинскаго Благовѣщенія (Аннунціады).

Можно ли повѣрить, что среди столь блестящихъ успѣховъ, удивленія Европы, высшихъ наградъ, герой былъ удручаемъ скорбью и изъявлялъ желаніе оставить поприще славы!

Не труды, едва выносимые человѣческими силами, не безсонныя ночи, не соображенія обширнаго плана войны тревожили и изнуряли доблестнаго старца, но дѣйствія другихъ, положеніе дѣлъ въ Европѣ и препятствія, какія полагали всѣмъ распоряженіямъ его.

Не смѣя противорѣчить предположенному плану войны, Суворовъ предвидѣлъ безполезность похода русскихъ въ Швейцарію и экспедиціи въ Голландію. Въ то время, когда онъ поражалъ враговъ въ Италіи, эрцгерцогъ Карлъ бездѣйствовалъ на Рейнѣ и въ Швейцаріи. Нельсонъ въ объятіяхъ леди Гамильтонъ не думалъ подкрѣплять дѣйствій Суворова противъ Генуи. Адмиралъ Ушаковъ

тратилъ время на учрежденіе Іонической республики, слабо блокируя Анкону. Возстаніе средней Италіи, не руководимое систематически, подавало поводы только къ безполезному взаимному мщенію итальянцевъ. Толпы ихъ рѣзали, грабили жителей, уничтожали одна другую, и неистовство освободителей отвращало сердца, возбуждало сожалѣніе народа о прежнемъ, болѣе сносномъ правленіи французовъ. Напрасно писалъ Суворовъ эрцгерцогу Карлу, что онъ долженъ завоевать Швейцарію и бить французовъ на Рейнѣ. Напрасно говорилъ онъ Нельсону, что «Палермо не островъ Цитера». Слова были безполезны, когда между тѣмъ онъ видѣлъ, что потери французовъ не заставляютъ ихъ упадать духомъ и что единство и усиліе дѣйствій ихъ должны наконецъ передать имъ побѣду, отнимаемую у нихъ только его геніемъ. Моро являлся уже въ новыхъ силахъ послѣ своего отступленія отъ Адды. Разбитіе Магдональда не препятствовало явиться Жуберту съ грознымъ ополченіемъ, а послѣ погибели Жуберта, Моро отъ Генуи, Шампіонетъ отъ Швейцаріи угрожали снова въ огромныхъ силахъ.

Всего пагубнѣе были Суворову въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ дѣйствія вѣнскаго гофъ-кригсъ-рата. Мы говорили, какъ приказы его связывали Суворова послѣ перехода черезъ Адду и какъ едва не помогли они соединенію Магдональда съ Моро. Безпрерывно подтверждали Суворову дѣйствовать осторожнѣе, негодовали, когда онъ насмѣшливо доносилъ, что получилъ въ Миланѣ приказаніе идти за Адду, въ Туринѣ позволеніе дѣйствовать на Миланъ. Когда побѣды Суворова освободили Италію,—раскрылось подозрѣваемое имъ, своекорыстное, тайное намѣреніе австрійскаго министерства. Мы упомянули, что по взятіи Турина, вопреки объявленіямъ Суворова, призывавшаго народы итальянскіе къ возвращенію подъ власть законныхъ государей, учреждены были всюду австрійскія управленія; доходы велѣно сбирать на Австрію; строго запрещены народныя возстанія. Присланные отъ сардинскаго короля не допущены къ отправленію должностей. Инсургентовъ въ Тосканѣ и Римѣ велѣно обезоружить и замѣнить австрійцами. Эрцгерцогъ Карлъ, издавшій воззваніе къ швейцарцамъ и обѣщавшій имъ свободу, получилъ строгій выговоръ. Дѣйствуя по правотѣ сердца, императоръ Павелъ велѣлъ Суворову звать сардинскаго короля въ Туринъ и передать ему Піемонтъ (іюня 7-го). Изъ Вѣны прислано повелѣніе противорѣчащее, неоднократно повторенное прежде, вмѣстѣ съ подтвержденіемъ, что кампанія 1799 года должна ограничиться въ Италіи и о походѣ во Францію помышлять не должно. Суворовъ все еще думалъ, что можно было не слушаться приказовъ гофъ-кригсъ-рата. «Ограничьтесь завоеваніемъ лѣваго берега По и взятіемъ Мантуи», писали ему 12-го мая. Суворовъ взялъ Туринъ. На подчиненіе Піемонта Австріи Суворовъ отвѣчалъ призваніемъ сардинскаго короля, ссылаясь на повелѣніе императора Павла. «Вы и ваша армія предоставлены мнѣ въ полное распоряженіе», отвѣчалъ ему императоръ Францъ, «и я требую повиновенія волѣ моей».

Горько жаловался Суворовъ на всѣ оскорбительныя и бѣдствен-

ныя распоряженія гофъ-кригсъ-рата, открывая кромѣ того скрытныя козни Тугута. Австрійскимъ генераламъ присылались тайныя повелѣнія. Имъ приказано было доносить отдѣльно о дѣйствіяхъ Суворова. «Я стою между двумя батареями—военною и дипломатическою. Первой не боюсь, но не знаю, устою ли противъ другой», говорилъ съ досадою Суворовъ... Выписки изъ писемъ его покажутъ яснѣе сущность дѣлъ и чувства огорченнаго героя.

«Предразсудкамъ кабинета безъ отвѣта Богу нельзя слѣдовать. Гофъ-кригсъ-ратъ вяжетъ меня изъ всѣхъ четырехъ угловъ. Если бы я зналъ, то изъ Вѣны уѣхалъ бы домой. Двѣ кампаніи гофъ-кригсъ-рата стоили мнѣ мѣсяца, но если онъ загенералиссимствуетъ, то мѣсяца его кампаніи станетъ мнѣ на цѣлую кампанію. Такъ было, когда Вейсмана не стало: я одинъ изъ Польши пріѣзжаю—всѣхъ другихъ бьютъ, а я самъ бью, и когда подъ Гирсовой побилъ я турковъ, то сказалъ: «мой послѣдній ударъ!» Такъ и сбылось: я погибалъ!—Покореніе Ломбардіи считаютъ мечтою, хотятъ, чтобы я стерегъ вѣнскія ворота... Я скоро отсюда! Довольно—спѣшу къ сохѣ! Что за неискореняемая привычка быть битыми—Унтеркунфтъ, Нихтбештимзагеръ... Величайщая милость: превратите черепаху въ оленя... У фортуны голый затылокъ, а на лбу длинные волосы; летъ ея молнійный: не схвати за хохолъ, ужъ она не воротится. Не лучше ли одна кампанія вмѣсто десяти? Не лучше ли идти въ Парижъ, а не заграждать только входъ къ себѣ? Дайте мнѣ волю или вольность—у меня горячка, и труды и переписка съ скептиками, съ бештимзагерами, интриги—я прошу отзыва мнѣ... Дайте мнѣ полную власть и никто не мѣшай—ради Бога, отнимите у нихъ перья, бумагу и крамолу... Я думалъ, будутъ толковать только о деталяхъ, а они во всѣ операціи мѣшаются—прежде Рейнъ былъ предлогомъ, а теперь Швейцарія... Забыли, какъ французы изъ Кампо-Форміо давали имъ законы? Что за бѣда! Изъ Вѣны уйдутъ въ Пресбургъ! Вѣдь изъ Праги ушли же въ Берлинъ. Я не мерсенеръ, не наемникъ, не изъ хлѣба повинуюсь, не изъ титуловъ, не изъ амбицій, не изъ вреднаго эгоизма—оставлю армію съ побѣдами, и знаю, что безъ меня ихъ перебьютъ. Запретите глупую переписку Демосѳеновскую; она развращаетъ подчиненныхъ... Что такое бештимзагеры? Средина между плутомъ и дуракомъ, какъ подьяческія: мерере, бетрехтлихъ, и другія двулички... Дай Богъ только кончить кампанію—болѣе служить не въ силахъ! Цинциннатъ и соха! Все мнѣ не мило. Повелѣнія гофъ-кригсъ-рата ослабляютъ мое здоровье, и я не могу продолжать службы. Хотятъ управлять за тысячу верстъ; дѣлаютъ меня экзекуторомъ Тугута и Дитрихштейна—кончу съ Генуей и попрошу увольненія... Сколько ни мужаюсь, но вижу, что либо въ гробѣ, либо въ хуторѣ какомъ-нибудь искать убѣжища!.. Зрите адъ, надъ которымъ царствуетъ Момусъ! Плутонъ! полодѣлъ и Астаротъ сушитъ плащъ въ унтеркунфтѣ. Развалинъ храма Ѳемиды зрѣть не могу—прошу объ отзывѣ... Когда конферируете съ неистовыми, говорите отъ себя—подьячіе загоняютъ меня своими сателлитами! Сова въ темномъ гнѣздѣ препоясалась мечомъ Скандерберга

и хочетъ управлять арміями, но ему детали, мнѣ войско и политику, безъ которой нельзя быть главнокомандующимъ. Не они ли потеряли Нидерланды, Швейцарію, Рейнъ и преклоняли колѣни предъ Бонапартомъ? Я началъ поправлять и глупою системою меня вяжутъ!.. Деликатность здѣсь не у мѣста. Гдѣ оскорбляется слава русскаго оружія, тамъ потребны твердость духа и настоятельность!»

Суворовъ не шутилъ. Еще 25-го іюня, оскорбленный до глубины души, онъ просилъ увольненія, донося императору Павлу, что «робость гофъ-кригсъ-рата, зависть къ нему, какъ иностранцу, интриги двуличныхъ начальниковъ и безвластіе при требованіи доклада заставляютъ его просить объ отзывѣ». Жалобы Суворова возбудили негодованіе императора Павла. Онъ требовалъ отвѣта отъ своего союзника. Исторія не забудетъ писемъ его къ Суворову, гдѣ онъ просилъ его пренебрегать интригами. «Ничего не могу предписать вамъ, кромѣ осторожности отъ умысловъ зависти и хищности, предоставляя уму и искусству вашему отвращать ихъ и уничтожать вредное пользѣ общаго дѣла. Пренебрегите ими, какъ недостойными тѣхъ видовъ, коими подвиглись мы для спасенія Европы. Не помогать своекорыстію другихъ, но уничтожить нынѣшнее правленіе Франціи хотѣлъ я. Истребляйте общаго врага и не лишайте меня надежды возстановить миръ и спокойствіе Европы». Одобряя планы Суворова, императоръ Павелъ подтвердилъ ему полномочіе, «желая притомъ милости Божіей, здоровья и успѣховъ». Еще убѣдительнѣе писалъ любимецъ императора и душа его кабинета Растопчинъ. «Заклинаю васъ спасеніемъ Европы и славою вашею, презрите дѣйствія злобы и зависти. Франція ждетъ отъ васъ рѣшенія участи своей, и могутъ ли остановить васъ тѣ, кого вы побѣждать учили? Увѣнчайтесь новою славою; презрѣніе недостойнымъ чувствовать цѣну вашихъ добродѣтелей! Если государь оставитъ союзъ, слѣдствіемъ сего будетъ миръ. Франція рада мириться, чтобы потомъ снова начать завоеванія, и тогда ничто не спасетъ Европы. Куда же дѣнутся плоды вашихъ великихъ дѣлъ, упованіе народовъ, духъ бодрости? Но если вы увѣнчаетє побѣды возстановленіемъ престола во Франціи, Европа будетъ спасена безкорыстіемъ и твердостью императора россійскаго и великими дѣлами князя Италійскаго. Молю васъ останьтесь и побѣждайте! Вамъ ли обижаться хитростями коварныхъ, ждать участія отъ генераловъ, которые дожили, а не дослужились до сего званія? Съ вами русскіе и Богъ!»

Видя неукротимость Суворова, дипломаты и тактики вѣнскіе рѣшились нанести ему ударъ окончательный. Когда побѣда новійская доставила имъ мнимую увѣренность, что въ Италіи уже нечего болѣе опасаться, Суворовъ, готовившійся на завоеваніе Генуи, неожиданно получилъ приказъ сдать команду надъ австрійскою арміею Меласу и съ русскими войсками идти въ Швейцарію. «Побѣды ваши произвели уже счастливый оборотъ въ дѣлахъ Италіи, удаляющій всякое опасеніе. Отъ швейцарской экспедиціи будетъ зависѣть судьба всей войны». Хитрымъ убѣжденіемъ умѣли уже преклонить на это распоряженіе императора Павла. Здѣсь таился рядъ ничтожныхъ интригъ, съ начала войны завязанныхъ Тугутомъ.

Мы упомянули объ успѣхахъ эрцгерцога Карла на Рейнѣ при началѣ кампаніи. Журданъ былъ удаленъ Директоріею. Массена принялъ начальство надъ рейнскою и надъ гельветическою арміями. Разбитіе Шерера и занятіе Ломбардіи и Піемонта Суворовымъ дали возможность австрійцамъ удачно дѣйствовать противъ Дессоля и Лекурба въ Швейцаріи. Они оттѣснили ихъ. Въ швейцарскихъ восточныхъ кантонахъ послѣдовало народное возстаніе противъ французовъ. Массена принужденъ былъ отложить наступательныя дѣйствія на Рейнѣ и въ Швейцаріи и сосредоточивалъ войска свои, защищая предѣлы Франціи. Пользуясь тѣмъ, эрцгерцогъ Карлъ занялъ Цюрихъ, открылъ сообщенія съ Италіею, прислалъ Суворову Беллегарда, составивъ наблюдательный корпусъ, подъ начальствомъ генерала Гаддика на предѣлахъ Италіи и Швейцаріи. Но напрасно убѣждалъ и просилъ его Суворовъ продолжать удачно начатыя дѣйствія. Эрцгерцогъ отговаривался, что ожидаетъ на помощь русскихъ войскъ, что цѣль его защищеніе австрійскихъ предѣловъ и Германіи и что при растяженіи его операціонной линіи отъ Вирцбурга до Ст.-Готарда наступательныя дѣйствія невозможны. Гаддикъ бездѣйствовалъ. Французы успѣвали въ малыхъ предпріятіяхъ и утишили народныя возстанія швейцарцевъ. Когда Жубертъ двинулся на Суворова и Шампіонетъ угрожалъ Турину, Массена, выжидавшій времени, началъ наступательныя дѣйствія. Нападеніе его на Цюрихъ обезпокоило эрцгерцога, но главною цѣлью Массены было завладѣніе сѣверными границами Италіи, дабы открыть сообщеніе съ Шампіонетомъ и Жубертомъ. Онъ достигъ этой цѣли. Генералъ Лекурбъ вытѣснилъ австрійцевъ, завладѣвъ проходами черезъ Швейцарскія горы въ Италію. Между тѣмъ подходили къ Швейцаріи русскія войска въ числѣ 30.000, подъ начальствомъ генерала Корсакова. Тогда открылся вполнѣ пагубный и непріязненный замыселъ Тугута: эрцгерцогу Карлу приказано оставить Швейцарію и дѣйствовать въ прежнемъ направленіи на Рейнѣ. Суворовъ долженъ былъ вести русское войско изъ Италіи въ Швейцарію и соединиться тамъ съ Корсаковымъ, австрійскимъ войскомъ въ Граубинденѣ и небольшимъ корпусомъ французскихъ эмигрантовъ, подъ начальствомъ принца Конде. До прибытія его въ Швейцарію Корсаковъ долженъ былъ занять линію отъ впаденія рѣки Аары въ Рейнъ до Цюриха, а генералъ Готцъ съ граубинденскимъ корпусомъ отъ Цюрихскаго озера къ Гларису и Граубиндену. Они принимали оборонительное положеніе, пока Суворовъ перейдетъ съ войскомъ изъ Италіи. Всѣ средства возражать были отняты у Суворова, ибо не только предъявлено было ему согласіе императора Павла, но кромѣ того эрцгерцогу Карлу предписано не дожидаясь Суворова оставить Швейцарію, а Суворову идти немедленно. «Иду», воскликнулъ Суворовъ, «иду, но горе тѣмъ, кто посылаетъ меня! Я билъ, но не добилъ французовъ, и злоумышленники раскаются, но поздно!»

Онъ видѣлъ дѣла въ Италіи неоконченными, опасался, что плоды побѣдъ его погибнутъ отъ неискусства начальниковъ, кромѣ того вполнѣ подчиненныхъ гофъ-кригсъ-рату, а своекорыстная по-

литика погубитъ возстановленіе Италіи, когда раздоры и недоумѣнія уже колебали союзъ государей. Русское войско, ослабленное въ числѣ, утомленное походами и битвами, лишенное снарядовъ, запасовъ, средствъ, должно было начинать осенью войну въ горахъ, пробиться сквозь ущелья, занятыя непріятелемъ. Походъ въ Швейцарію разрушалъ всѣ мечты Суворова о переносѣ войны во Францію, чего онъ надѣялся достигнуть послѣ совершеннаго уничтоженія французовъ въ Италіи. Правда, въ Швейцаріи давали ему вовможность дѣйствовать свободнѣе, освобождали его отъ гофъ-кригсърата, и Суворовъ надѣялся преодолѣть всѣ трудности, но онъ трепеталъ при мысли, что, если до его прихода эрцгерцогъ оставитъ Швейцарію, Массена уничтожитъ растянутую линію Корсакова и австрійцевъ. Тогда, не только побѣдъ, но и спасенія не могли доставить никакая храбрость, никакой геній! Несмотря на рѣшительное повелѣніе о походѣ, Суворовъ обстоятельно изложилъ обоимъ императорамъ всѣ невыгоды и пагубу новаго распоряженія и, не ожидая отвѣта ихъ умолялъ эрцгерцога Карла не спѣшить выходомъ изъ Швейцаріи. Суворовъ доказывалъ, что безъ покоренія Тортоны, Кони, Ниццы и огражденія со стороны Піемонта Италія еще не безопасна отъ новыхъ покушеній французовъ и что невозможно было ожидать важныхъ послѣдствій отъ похода русскаго войска, ослабленнаго трудами, изнуреннаго потерями, въ осеннее время, при неготовности его вести горную войну. Онъ предсказывалъ эрцгерцогу неминуемую гибель оставляемыхъ въ Швейцаріи войскъ, съ отступленіемъ его прежде прихода русскихъ войскъ изъ Италіи. Отвѣтомъ императора австрійскаго было подтвержденіе сдать начальство надъ австрійскою арміею Меласу, а эрцгерцогъ (августа 29-го) извѣстилъ Суворова о выходѣ своемъ изъ Швейцаріи. Императоръ Павелъ, увлеченный хитростью Тугута, безотчетно подтвердилъ свой приказъ. Сентября 7-го Суворовъ сдалъ Меласу начальство въ Италіи. «Никогда не забуду австрійскихъ воиновъ, почтившихъ меня любовью и довѣренностью и подвигами своими содѣлавшихъ меня побѣдителемъ», говорилъ онъ въ приказѣ своемъ. Трогательно было прощаніе его съ товарищами битвъ. И Меласъ, и Суворовъ заплакали, какъ будто предчувствуя бѣдствія будущаго.

Послѣдними распоряженіями Суворова въ Италіи были: преслѣдованіе и стѣсненіе Моро, наблюденіе за Шампіонетомъ, усиленіе осады Тортоны, охраненіе сообщеній до границы Швейцаріи. Кленау находился уже въ Рекко, въ 4-хъ миляхъ отъ Генуи. Движеніе Кейма на Асти остановило Шампіонета. Край очистилъ сѣверныя области до предѣловъ Швейцаріи. Тортонѣ дано сроку для сдачи до 11-го сентября. Русскія войска двинулись изъ Италіи двумя отдѣленіями. Надобно было поспѣшить, ибо только быстрота перехода могла еще обнадежить успѣхомъ. Движеніе Моро остановило походъ русскихъ. Услышавъ объ удаленіи Суворова, неожиданно двинулся онъ къ Тортонѣ, полагая, что успѣетъ принудить снять осаду этой крѣпости и даже разбить разъединяющіяся силы союзниковъ. Узнавъ о движеніи его, Суворовъ мгновенно поворнулъ назадъ. Моро отступилъ и ушелъ въ горы. Тортона сда-

лась. Два дня были потеряны въ обратномъ походѣ русскихъ. Ихъ замѣнили усиленными маршами. Сентября 13-го русскія войска достигли береговъ Тессины; 15-го пришли въ Беллинцону—передъ ними высились снѣжныя вершины Альповъ.

Здѣсь кончилась итальянская кампанія, начавшаяся апрѣля 15-го. Въ пять мѣсяцевъ разбиты были Суворовымъ непріятели въ двухъ великихъ и шести меньшихъ сраженіяхъ; освобождена вся Италія; взято 25 крѣпостей, 3.000 орудій, 200.000 ружей, 80.000 плѣнныхъ; остатки французскихъ войскъ не смѣли оставить аппенинскихъ и альпійскихъ ущельевъ. Суворовъ готовился отрѣзать Моро отъ Франціи и тѣмъ принудить его сражаться или предать союзникамъ Геную. Продолжая планъ Суворова, Меласъ разбилъ Шампіонета, принявшаго начальство надъ французами послѣ отъѣзда Моро на Рейнъ. Битва женольская происходила ноября 3-го. Анкона сдалась ноября 16-го. Кони сдана въ Декабрѣ. Шампіонетъ, запертый въ Генуѣ, погибъ жертвою голода и заразы, и въ началѣ іюня 1800 года Генуя покорилась австрійцамъ, доведенная до послѣдней крайности бѣдствіями осады. Но Суворовъ былъ уже тогда въ могилѣ, и окончаніе военныхъ дѣлъ въ Италіи въ 1799 и 1800 годахъ не относится къ исторіи его.

ГЛАВА XIII.

Походъ въ Швейцарію. Ст.-Готардъ, Цюрихъ и Чортовъ мостъ.—Отступленіе Суворова.

Великая минута сближается. Приступаемъ къ послѣднимъ подвигамъ героя, послѣднему, яркому отблеску заходящаго солнца. Съ нимъ были мы свидѣтелями битвъ противъ Фридриха Великаго и въ теченіе сорока лѣтъ переходили въ лѣса и болота Польши и Литвы, на берега Дуная, въ степи заволжскія, закубанскія, черкасскія, ногайскія, крымскія кочевья, находились при покореніи Россіи потомковъ Чингиза въ Тавридѣ, въ Очаковѣ съ Потемкинымъ, снова на берегахъ Дуная и Рымника, на скадахъ Финляндіи, на развалинахъ Праги, при Дворѣ Екатерины, въ уединеніи лѣсовъ новогородскихъ, при дворахъ двухъ императоровъ и на поляхъ Италіи. Послѣдуемъ за нимъ въ отчизну потомковъ Вильгельма Теля, на льды Гельвеціи, туда, гдѣ пріобрѣлъ онъ славу, «которой еще недоставало ему»—«славу преодолѣть саму природу», какъ говорилъ Суворову императоръ Павелъ.

Гнѣздо первозданныхъ громадъ, среди цвѣтущихъ долинъ, возвышающихся отдѣльными горами и хребтами горъ, вершины коихъ увѣнчаны вѣчными снѣгами и среди коихъ проложены тропинки, перерѣзываемыя потоками и водопадами,—Швейцарія являла театръ войны совсѣмъ особеннаго рода.

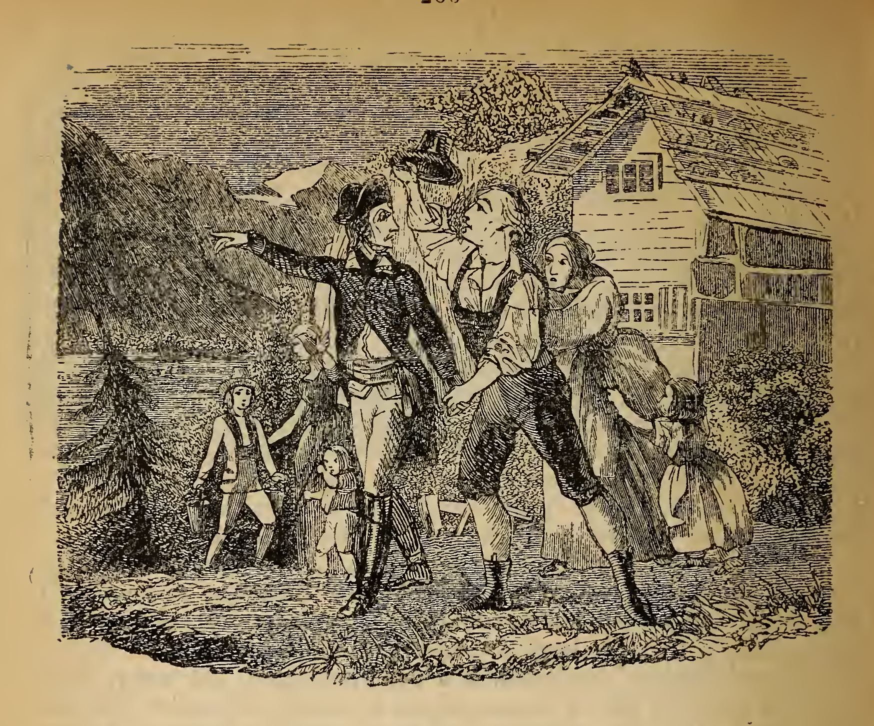
Суворовъ изъ Италіи распорядилъ диспозиціями похода и битвъ въ Швейцаріи. Войска его имѣли при себѣ только легкую артиллерію, которую надлежало везти на мулахъ. Остальная артиллерія долженствовала быть перевезена черезъ Миланъ, Комо, Граубинденъ и Тироль отдѣльно. Суворовъ съ 20.000 шелъ черезъ гору Ст.-Готардъ.

Опасенія опытнаго вождя начали оправдываться съ перваго шага въ Швейцарію. Въ назначенныхъ мѣстахъ не было ни муловъ, ни запасовъ. Принуждены были замѣнять муловъ казацкими лошадьми. Пять дней драгоцѣннаго времени были потеряны въ Таверно. «Боже мой!» восклицалъ горестно Суворовъ, «неужели они думаютъ, что Массена будетъ ждать насъ! Пока мы собираемся, онъ отдѣльно разобьетъ Корсакова, Готца и Конде!»

Корсаковъ съ 30.000 русскаго войска по отступленіи эрцгерцога Карла занималъ правый берегъ рѣки Лимматы, вытекающей изъ Цюрихскаго озера и впадающей въ рѣку Аару. Лѣвое крыло его находилось у Цюриха, правое упиралось въ берега Аары. Готцъ съ 20.000 австрійцевъ, оставленныхъ въ Швейцаріи, растянулъ войско свое по рѣкѣ Линтѣ, соединяющей озеро Цюрихское съ Валленштедскимъ. Эллахичъ отдѣльно отъ него занималъ Сарганъ. Ауфенбергъ былъ въ Коирѣ, или Хурѣ, на правомъ берегу верхняго Рейна. Корпусъ Конде, состоявшій изъ 4.000, поспѣшно шелъ изъ Германіи на Костницъ и Цюрихъ.

Суворовъ предписывалъ Готцу сблизиться на Гларисъ, гдѣ могъ онъ соединиться съ нимъ по переходѣ Ст.-Готарда, и подтверждалъ Корсакову наблюдать и отвлекать между тѣмъ Массену, стоявшаго противъ него. «Гдѣ и какъ вамъ дѣйствовать должно рѣшить вашимъ соображеніемъ. Замѣчу одно: никакого препятствія не надобно считать великимъ и никакого сопротивленія важнымъ. Ничто не должно устрашать насъ. Все совершимъ мы рѣшительнымъ натискомъ. Малѣйшая медленность усилитъ непріятеля и усугубитъ затрудненія наши въ такой землѣ, гдѣ нѣтъ ни продовольствія, ни дорогъ».

Изъ Беллинцоны армія Суворова раздѣлилась на два корпуса: съ однимъ Розенбергъ пошелъ вправо на Фогельбергъ, Донгіо и Тавештъ. Авангардомъ начальствовалъ Милорадовичъ. Съ другимъ корпусомъ Дерфельденъ долженъ былъ идти на Айроло, Госписъ и вершины Ст.-Готарда. Авангардомъ начальствовалъ Багратіонъ. Здѣсь находился Суворовъ. При немъ былъ в. к. Константинъ Павловичъ. Суворовъ во все время швейцарскаго похода ѣхалъ на казацкой лошади, въ ветхомъ синемъ плащѣ. Круглая съ большими полями шляпа была на головѣ его. Рядомъ съ нимъ безотлучно находился Антоній Гамба, швейцарецъ, житель городка Таверно. Суворовъ остановился тамъ въ его домѣ. Хозяинъ явился

привѣтствовать гостя. Суворовъ обласкалъ его, разговорился съ нимъ и, наконецъ воскликнулъ: «Антоній! поѣдемъ вмѣстѣ бить французовъ!» Восхищенный Гамба не хотѣлъ разстаться съ Суворовымъ, былъ его путеводителемъ въ горахъ и переносилъ всѣ труды похода.

Зрѣлище невиданныхъ дотолѣ горъ, съ ихъ льдами, водопадами, пропастями, пустынями, при недостаткѣ запасовъ, утомленіи, унынiи и мысль, что чрезъ эти горы должно проходить и сражаться съ непріятелемъ, поражающимъ изъ-за каменьевъ и засадъ, гдѣ каждый выстрѣлъ смертеленъ,—это зрѣлище ужаснуло безстрашныхъ воиновъ Суворова. Солдаты роптали. Нѣкоторые изъ полковъ осмѣливались даже не слушаться начальниковъ. «Что онъ дѣлаетъ съ нами?» говорили солдаты. «Онъ изъ ума выжилъ! Куда онъ насъ завелъ!» Суворовъ узналъ о возникающемъ волненіи. Немедленно велѣлъ онъ выстроить полки, изъявившіе неудовольствіе. Въ изумленіи видѣли солдаты, что передъ ними роютъ могилу. Явился Суворовъ и началъ упрекать недовольныхъ за ихъ неповиновеніе. «Вы безславите мои сѣдины», вскричалъ онъ, «я водилъ къ побѣдѣ отцовъ вашихъ, но вы не дѣти мои—я не отецъ вамъ! Ройте мнѣ могилу, положите меня въ могилу! Я не переживу моего стыда и вашего позора!» Онъ побѣжалъ къ могилѣ. Солдаты заплакали. Кликъ: «Отецъ нашъ! веди насъ, веди—умремъ съ тобою!» раздался въ ихъ рядахъ. Толпою бросились они къ Суворову, падали на колѣни, цѣловали руки его и клялись умереть съ нимъ. И ника-

кія опасности, никакіе ужасы горной войны не извлекли потомъ ни одного слова строптиваго изъ груди русскихъ воиновъ.

Въ Айроло, при подошвѣ Ст.-Готарда, начались битвы. Болѣе 600 французовъ, засѣвшихъ по горѣ, открыли ружейный огонь. Поручикъ Лутовиновъ, посланный выбить ихъ, былъ раненъ. Его смѣнилъ полковникъ графъ Шуваловъ, но и его ранили. Полковникъ Цукато и самъ Багратіонъ устремились въ битву, штыками выгнали французовъ и преслѣдовали ихъ до вершины горы, гдѣ находятся капуцинскій монастырь и гостиница. Здѣсь два раза были отбиты русскіе, но снова опрокинули непріятеля и прогнали его въ долину Унзернъ; другіе изъ бѣгущихъ устремились въ Валлизеръ и Реальпу. Престарѣлый аббатъ Ст.-Готардскаго монастыря встрѣтилъ Суворова и служилъ молебенъ въ церкви. Дружески бесѣдовалъ потомъ благочестивый старецъ съ русскимъ вождемъ и припомнилъ ему стихи Виргилія:

Per varios casus, per tot discrimina rerum
Tendimus in Latium, sedes ubi fata quietas ostendum.

Здѣсь было только начало трудовъ и опасностей. Розенбергъ успѣлъ прежде Дерфельдена выйдти на Унзернскую долину, и Милорадовичъ сбивалъ враговъ и гналъ ихъ по утесамъ. На другой день русскія войска соединились. Изъ долины Унзернской надлежало пробиться сквозь мрачное подземелье Урзернъ-Лохское и овладѣть Чортовымъ мостомъ, находящимся тамъ, гдѣ рѣка Русъ, падая съ высоты утесовъ въ бездны, раздѣляетъ горы. Непріятель разрушилъ мостъ. Майоръ князь Мещерскій бросился на полуразрушенные остатки его. Подъ пулями непріятельскими набрасывали доски, связывали ихъ офицерскими шарфами и спѣшили поражать бѣгущаго врага. Раненый смертельно, Мещерскій воскликнулъ:

«Друзья! не забудьте меня въ реляціи!» и упалъ въ пропасть. Милорадовичъ поспѣшилъ занять мостъ въ долинѣ Шахенъ, нашелъ его зажженнымъ, но перешелъ по горящимъ бревнамъ и овладѣлъ мѣстечкомъ Альтдорфомъ. Лекурбъ съ 8.000-ми защищавшій горные проходы, принужденъ былъ отступить, и войско его удалилось по Люцернскому озеру къ Унтервальдену. Путь былъ очищенъ. Суворовъ безъ остановки перебрался далѣе черезъ гору Кольмскую, и 16-го сентября Багратіонъ выгналъ изъ Мутенской долины послѣдній отрядъ французовъ. Въ Амштегѣ Ауфенбергъ соединился съ нимъ. Русскіе заняли Мутенскую долину. Здѣсь горестное извѣстіе ожидало Суворова: сбылись его предчувствія, безполезными явились труды, поспѣшность похода, мужество русскихъ. Массена не дождался грознаго противника, и «любимое дитя побѣдъ» (l'enfant chéri de la victoire) прибавилъ къ прежнимъ новый подвигъ. Готцъ и Корсаковъ сдѣлались жертвою мужества и искусства противниковъ и своей безпечности при несчастномъ раздѣленіи силъ.

Смѣнивъ войска эрцгерцога, Корсаковъ и Готцъ, вопреки напоминаніямъ Суворова, болѣе мѣсяца оставались въ своихъ позиціяхъ за Лимматою и Линтою. Массена также бездѣйствовалъ, но его бездѣйствіе было хитростью. Внезапно, когда Суворовъ переходилъ Ст.-Готардъ и гналъ отряды Лекурба, Сультъ напалъ на Готца, а самъ Массена въ то же время повелъ войско за Лиммату. Убійственный огонь непріятельской артиллеріи разстроилъ Корсакова, не готоваго къ битвѣ. Пораженіе русскихъ было ужасно. Едва 12.000 человѣкъ успѣли въ безпорядкѣ отступить изъ Цюриха къ Эглизау. Пушки, обозъ, знамена, три русскіе генерала и множество офицеровъ и солдатъ достались непріятелю. Не менѣе несчастна была битва французовъ съ австрійцами. Сультъ на голову разбилъ ихъ. Готцъ былъ убитъ. Остатки войскъ его съ генераломъ Петрашемъ удалились къ Лихтенштейгу.

Въ горестномъ безмолвіи остановился на нѣсколько минутъ Суворовъ, когда получилъ достовѣрныя вѣсти о гибели Корсакова и Готца. «Готцъ!» воскликнулъ онъ, «да они ужъ привыкли: ихъ всегда били, а Корсаковъ, Корсаковъ—30.000 и такая побѣда равнымъ числомъ непріятеля!»

Не болѣе 20.000 составляли все войско Суворова, безъ запасовъ, безъ артиллеріи, безъ одежды, при осенней погодѣ, холодѣ, дождѣ. Идти въ такомъ состояніи навстрѣчу побѣдителя, втрое болѣе многочисленнаго, значило бы вести войско на явную гибель. Оставалось одно—спасти остатки героевъ Требіи и Нови. Но и спасеніе требовало мужества необыкновеннаго и трудовъ неизобразимыхъ.

Суворовъ предписалъ Эллахичу и Линкену сближаться къ Гларису, надѣясь соединиться черезъ нихъ съ войскомъ Петраша. Корсакову велѣно было отступать на Ст.-Галленъ и Аппенцель, соединясь на пути съ корпусомъ Конде. Самъ Суворовъ обратился къ верхнему Рейну, надѣясь, что успѣетъ перейти его прежде наступленія непріятельскаго. Коиръ за Рейномъ назначался мѣстомъ общаго соединенія. Ауфенбергъ и Багратіонъ заслонили отступленіе русскихъ отъ Глариса, а Розенбергъ прикрылъ его отъ Швица. Непріятель устремился на оба корпуса въ превосходномъ числѣ. Багратіонъ отразилъ нападеніе, сбилъ войска Молитора съ горы Бракеля къ озеру Клонталерскому, занялъ Гларисъ и, поспѣшно отступивъ изъ него, достигъ главную армію въ Нетской долинѣ, гдѣ Суворовъ остановился на три дня, ожидая его и Розенберга. Положеніе Розенберга было весьма затруднительно. Сентября 19-го Мортье съ 8.000 ударилъ на русскихъ, но былъ отбитъ. На другой день нападеніе возобновилось. Здѣсь былъ самъ Массена. Русскій штыкъ не измѣнилъ. Непріятель былъ прогнанъ и преслѣдуемъ до Швица. Въ два дня битвъ французы потеряли убитыми генерала Лягурье и болѣе 4.000 офицеровъ и солдатъ; въ плѣнъ взяты были генералъ Лекурбъ и до 3.000 офицеровъ и солдатъ. Потеря русскихъ оказывалась также весьма значительною.

Битва мутенская была послѣдняя. По соединеніи съ Розенбергомъ Суворовъ ночью отступилъ по непроходимымъ дорогамъ черезъ Матъ, Эльмъ и гору Бинтнеръ. Непріятель преслѣдовалъ русскихъ слабо и издали. Багратіону, начавшему битвы, предназначено было и окончить ихъ: изъ Швандена онъ еще разъ обратился на французовъ, принудилъ ихъ отступить и гналъ до Глариса. Непріятель слѣдовалъ однако жъ за русскими до прихода ихъ въ Эльмъ, но уже не начиналъ битвы. Черезъ снѣга Бинтнера, Ринкама и Паникса перешли русскіе въ пустыни Граубиндена и 27-го достигли Коира.

Здѣсь кончился кратковременный походъ русскихъ въ Швейцарію, и послѣдній подвигъ Суворова былъ довершенъ. Какъ раненый левъ, онъ вырвался и ушелъ съ остаткомъ храбрыхъ отъ превозмогающаго непріятеля. Но планъ, предположенный имъ между тѣмъ для соединенія отстальныхъ войскъ Корсакова, Готца и Конде, былъ разрушенъ дѣятельностью и искусствомъ Массены. Всюду, гдѣ не было самого Суворова, французы торжествовали. Когда Массена устремился на главное русское войско и безуспѣшно сражался съ Розенбергомъ, Луазонъ прогналъ Штрауха, оставленнаго на Ст.-Готардѣ и въ Айроло; Молиторъ принудилъ Эллахича и Линкена удалиться за Валленштедтъ; Конде былъ разбитъ близъ Костница и отступилъ съ потерею до тысячи человѣкъ убитыми и ранеными; Корсаковъ храбро отразилъ нападеніе Менара, но принужденъ былъ перейти за Рейнъ въ Эглизау и Шафгаузенѣ. Такъ все было разстроено и уничтожено. Суворовъ требовалъ пособія отъ эрцгерцога Карла. Эрцгерцогъ отвѣчалъ, что не можетъ оставить позиціи на Рейнѣ, и предложилъ Суворо-

ву охранять Граубинденъ, пока не получитъ онъ новыхъ повелѣній изъ Вѣны. «Воиновъ увѣнчанныхъ побѣдами и завоеваніями дерзаютъ назначать сторожами австрійскихъ границъ!» въ негодованіи писалъ Суворовъ Растопчину. Немедленно перешелъ онъ въ Фельдкирхенъ, назначая мѣстомъ соединенія Корсакову Линдау. Здѣсь размѣняли французовъ, полоненныхъ въ Швейцаріи, на плѣнныхъ русскихъ. Прощаясь съ Лекурбомъ, Суворовъ неожиданно спросилъ его: «Женаты ли вы?»—«Да», отвѣчалъ Лекурбъ, «женатъ и счастливо!» Суворовъ сорвалъ розу съ куста, бывшаго въ его комнатѣ, и, отдавая ее Лекурбу, сказалъ: «Отвезите это въ подарокъ супругѣ вашей отъ старика Суворова!» Лекурбъ всегда сохранялъ цвѣтокъ, какъ драгоцѣнность.

По соединеніи въ Линдау съ остатками корпуса Корсакова русскія войска расположились между рѣками Иллеромъ и Лехомъ.

Изъ Фельдкирхена подробно донесъ Суворовъ императору Павлу о походѣ своемъ. «Подвиги русскихъ на сушѣ и на морѣ надлежало увѣнчать подвигами на громадахъ недоступныхъ горъ», писалъ онъ. «Оставя за собою въ Италіи славу избавителей и сожалѣніе освобожденныхъ нами народовъ, мы перешли цѣпи швейцарскихъ горныхъ стремнинъ. Въ семъ царствѣ ужаса на каждомъ

шагу зіяли окрестъ насъ пропасти, какъ отверстыя могилы. Мрачныя ночи, безпрерывные громы, дожди, туманы, при шумѣ водопадовъ, свергающихъ съ вершины горъ огромныя льдины и камни. Ст.-Готардъ, колоссъ, ниже вершины коего носятся тучи,—все было преодолѣно нами, и въ недоступныхъ мѣстахъ не устоялъ передъ нами непріятель... Русскіе перешли снѣжную вершину Бинтнера, утопая въ грязи, подъ брызгами водопадовъ, уносившихъ людей и лошадей въ бездны... Словъ недостаетъ на изображеніе ужасовъ, видѣнныхъ нами, среди коихъ хранила насъ десница Провидѣнія...»

«Кавказъ ничто передъ Альпами!» говорилъ Суворовъ, глядя съ Ст.-Готарда на дикія окрестности. «Зачѣмъ я не живописецъ!» воскликнулъ онъ, смотря на переходъ войскъ черезъ Бинтнеръ: «дайте мнѣ Вернета, и пусть онъ увѣковѣчитъ это мгновеніе нашей жизни!» «Провидѣніе забросило насъ за облака: отсюда шагъ и мы на экваторѣ, или подъ полюсомъ—сгоримъ или замерзнемъ!» писалъ онъ митрополиту Амвросію. «Знаешь ли ты трехъ сестеръ, которыя перевели насъ черезъ горы?» говорилъ онъ Милорадовичу. «Онѣ называются Вѣра, Надежда, Любовь—съ ними Богъ! Выбери себѣ героя, догоняй его, обгони его! Мой герой Цезарь. Альпы за нами и Богъ передъ нами! Орлы русскіе облетѣли орловъ римскихъ!»

Суворовъ трепеталъ, что при несчастномъ окончаніи похода будутъ забыты подвиги русскихъ въ Швейцаріи, не оцѣнятся бѣдствія ихъ на Альпахъ, не увѣрится Европа и не повѣритъ Россія, что интрига, погубившая всѣ средства, уничтожила возможность побѣды, но что геній русскаго полководца и мужество русскаго войска вполнѣ спасли честь русскую. Вскорѣ разувѣрился онъ въ своемъ опасеніи. Сознаніе подвига его отозвалось восторгомъ общаго удивленія. Извѣстія изъ Швейцаріи возбуждали изумленіе въ Россіи. Награды ему и войску свидѣтельствовали признательность императора Павла. Октября 29-го Суворовъ возведенъ былъ въ санъ генералиссимуса всѣхъ россійскихъ войскъ.

«Всюду и всегда побѣждали вы враговъ», писалъ императоръ Павелъ, «и вамъ недоставало одной славы—побѣдить природу. Ставя васъ на высшую степень почестей, увѣренъ, что возвожу на нее перваго полководца нашего и всѣхъ вѣковъ». «Этого много для другихъ», говорилъ императоръ Растопчину, «а для него мало: онъ достоинъ быть ангеломъ!» Тогда же повелѣлъ императоръ воздвигнуть памятникъ Суворову въ Петербургѣ и предписалъ Академіи художествъ немедленно представить проектъ памятника. Уваженіе императора къ Суворову не имѣло границъ. Узнавъ, что Суворова хотятъ наградить большимъ крестомъ ордена Маріи Терезіи, но въ гофъ-кригсъ-ратѣ спорятъ и недоумѣваютъ о томъ, не слишкомъ ли велика будетъ эта награда, императоръ Павелъ шутливо увѣдомилъ о томъ Суворова. «Императоръ римскій намѣренъ наградить васъ крестомъ Маріи Терезіи. Предупреждаю о томъ заранѣе, зная, что неожиданная радость бываетъ опасна». Суворовъ получилъ эту награду въ Линдау, въ октябрѣ мѣсяцѣ.

«Неужели Державинъ промолчитъ о нашихъ дѣлахъ?» говорилъ Суворовъ, находясь на вершинѣ Альповъ. Поэтъ, воспѣвшій Измаилъ и Прагу, не промолчалъ. Походъ швейцарскій былъ предметомъ оды, одного изъ дивныхъ созданій пѣвца Фелицы. Она исполнена самобытными красотами, своенравными, какъ геній Суворова, дикими, какъ природа Швейцаріи. Воспѣвая подвиги русскихъ въ Италіи, Державинъ изображалъ Валгаллу и древняго героя сѣвернаго, указывающаго на Суворова, говоря:

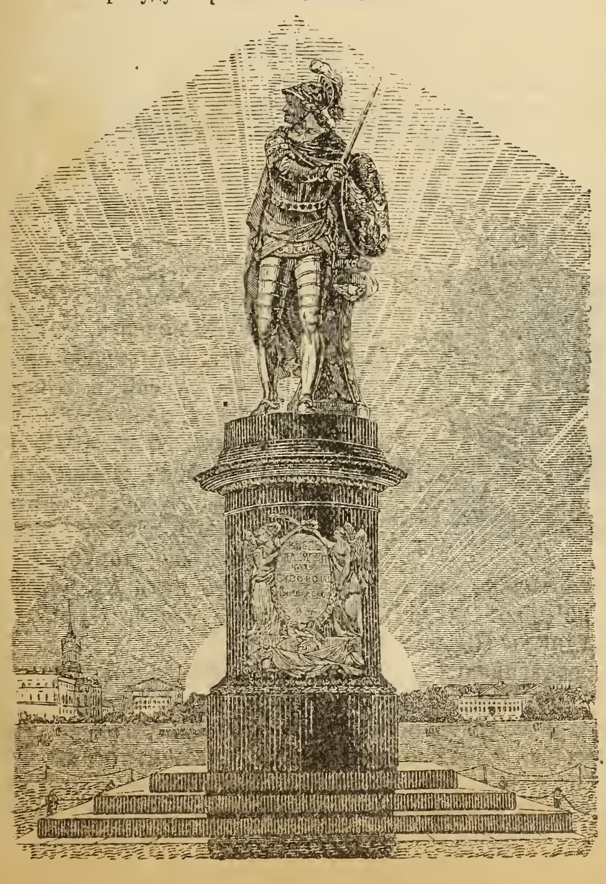
„Се мой“, гласитъ онъ, „воевода,
Воспитанный въ огняхъ, во льдахъ,
Вождь бурь полночнаго народа—
Девятый валъ въ морскихъ валахъ!“

«Хохочетъ Адъ!» восклицалъ Державинъ, изображая битвы въ Альпійскихъ горахъ и представляя Ст.-Готардъ исполиномъ, который касается «главой небесъ, ногами ада» и съ реберъ коего—

Шумятъ внизъ рѣки!..
Предъ нимъ мелькаютъ дни и вѣки,
Какъ вдругъ волнующійся паръ...

Вдохновенный пѣвецъ Суворова заключилъ оду свою словами:

Отнынѣ горы въ вѣкъ Альпійски
Пребудутъ россовъ обелиски!..

ГЛАВА XIV.

Европейская дипломатика.—Потери союзниковъ.—Награды и скорби Суворова. Возвращеніе въ Россію.—Кончина его.

Когда милости императора, удивленіе народовъ, восторгъ соотчичей, пѣсни поэтовъ, сознаніе своего подвига, увѣренность, что исполнено все, чего требовали долгъ, совѣсть, имена русскихъ и Суворова, награждали героя, величайшее замѣшательство въ дѣлахъ политики и совершенное распаденіе союзовъ волновали Европу.

Какъ будто рѣзкими чертами отличая дѣла генія среди дѣлъ людей обыкновенныхъ, Провидѣніе допустило пораженіе непріятелей только тамъ, гдѣ пролагалъ путь къ побѣдамъ Суворовъ. И не диво: Меласъ продолжалъ планъ Суворова, а мѣсто Моро заступилъ Шампіонетъ.

Послѣ отступленія Суворова вся Швейцарія подчинена была власти французовъ. Дѣла на Рейнѣ, куда, жертвуя союзниками, сдвинувъ армію эрцгерцога Карла гофъ-кригсъ-ратъ, были ничтожны и кончились небольшими битвами, снятіемъ осады Филипсбурга французами и взятіемъ Мангейма австрійцами. Гораздо большую неудачу испыталъ герцогъ Іоркскій, предводившій англійскими и

русскими войсками въ Голландіи. Сорокъ тысячъ составляли корпусъ его. Надѣялись, что Нидерланды возстанутъ. Все защищавшее ихъ войско простиралось до 20.000. Англичане завладѣли флотомъ голландскимъ, вышли на берегъ, и, несмотря на храбрость русскихъ, герцогъ Іоркскій умѣлъ проиграть всюду, допустилъ запереть себя среди каналовъ и плотинъ и едва спасся съ потерею 13.000 человѣкъ, по милости побѣдителей, умѣвшихъ удержать возстаніе приверженцевъ Оранскаго дома. Остатки войскъ союзныхъ удалились изъ Голландіи на англійскомъ флотѣ.

Такимъ образомъ, кромѣ Италіи и Рейна, гдѣ дѣла остались нерѣшительными, Нидерланды и Швейцарія утвердились больше прежняго во власти французовъ. Меласъ и эрцгерцогъ Карлъ разъединили свои дѣйствія. Слѣдующій годъ угрожалъ великою опасностью. Массена принялъ начальство въ Италіи, а Моро на Рейнѣ. Эрцгерцогъ Карлъ по болѣзни сдалъ армію Краю, а между тѣмъ въ тотъ день, когда Суворовъ оставлялъ Швейцарію, къ берегамъ Франціи присталъ корабль, и съ него сошелъ на пристань Фрежюса (октября 6-го) Бонапарте. Онъ полетѣлъ въ Парижъ, и черезъ мѣсяцъ услышали упреки его правителямъ Франціи: Qu'avez-vous fait de cette France que je vous ai laissée si florissante? Je vous ai laissée la paix, j'ai retrouvé la guerre. Je vous ai laissé des victoires, j'ai retrouvé des revers. Je vous ai laissé les millions de l'Italie et j'ai retrouvé partout des lois spoliatrices et la misère. Qu'avez-vous fait de 100.000 Français que je connaissais, tous mes compagnons de gloire? (что сдѣлали вы съ Франціею, которую оставилъ я вамъ столь цвѣтущею? Я оставилъ вамъ миръ, нахожу войну; оставилъ побѣды, нахожу пораженія; оставилъ милліоны Италіи, нахожу вездѣ хищничество и нищету? Гдѣ 100.000 французовъ, въ которыхъ сознавалъ я товарищей славы моей?). Все уничтожилось передъ героемъ, на коего обращались взоры всей Европы. Онъ самовластвовалъ во Франціи, облеченный званіемъ консула, и готовился оправдать предвѣщанія Суворова на поляхъ Италіи.

Противникамъ Суворова казалось недовольно, что они вырвали изъ рукъ его мечъ, поднятый на спасеніе Европы. Они надѣялись еще оправдаться отъ своего позора, надѣялись уговорить Суворова возвратиться на поля битвъ. Онъ уже не вѣрилъ словамъ, но готовъ еще былъ воротиться, если увидитъ прямодушіе и искренность. Эрцгерцогъ Карлъ просилъ объ личномъ свиданіи. Суворовъ отказался, говоря, что могутъ сообщить ему, что почтутъ нужнымъ, на письмѣ. Графъ Коллоредо пріѣхалъ просить снова о личныхъ переговорахъ, назначая мѣстомъ свиданія Штоккахъ. «Чего хочетъ отъ меня эрцгерцогъ?» писалъ Суворовъ графу П. А. Толстому. «Онъ думаетъ околдовать меня демосѳенствомъ. Рѣшите вы съ нимъ, а у меня на бештимзагенъ отвѣтъ готовъ. Онъ дозволилъ исторгнуть у себя побѣду. Мнѣ 60 лѣтъ, а я еще не испытывалъ такого стыда. Да возблистаетъ слава его! Пусть идетъ и освободитъ Швейцарію—тогда и я готовъ». Отказавшись снова

отъ свиданія, Суворовъ изобразилъ въ письмѣ эрцгерцогу сущность событій въ Швейцаріи. «Мы сражались день и ночь, взбирались въ холодъ на снѣгъ, утопали въ болотахъ, и пришли къ Рейну побѣдителями, но босые, въ рубищѣ, безъ хлѣба, оставляя раненыхъ». Въ отдѣльной замѣткѣ Суворовъ изложилъ условія, на какихъ согласенъ возвратиться. Замѣтку свою назвалъ онъ „Военною физикою“ (Physique militaire). „L'archiduc Charles“, писалъ онъ, „n'étant pas à la cour, mais en campagne, est de même général que Souworoff, excepté que le dernier est plus ancien par sa pratique, et c'est lui qui a fait tomber la théorie de ce siècle, principalement en dernier lieu par les conquêtes de Pologne et d'Italie: donc les règles de l'art appartiennent à lui. Toute persuasion dans les entrevues où entre ordinairement de l'intérêt particulier, serait onereuse (эрцгерцогъ Карлъ, если онъ не при дворѣ, а въ лагерѣ, такой же генералъ, какъ Суворовъ, кромѣ того, что Суворовъ старше его опытностью и разрушилъ современную теорію, особливо въ послѣднее время побѣдами въ Польшѣ и Италіи: потому правила искусства принадлежатъ ему. Всякое убѣжденіе при свиданіи личномъ, гдѣ обыкновенно входитъ расчетъ своекорыстія, тягостно). Условія Суворова, или «весь лаконизмъ тайны» (tout laconique du mystère), какъ говорилъ онъ, были: исправивъ арміи, соединиться, идти зимою, дѣйствовать всѣми силами, прямою линіею, опрокинуть непріятеля въ центрѣ, раздавить его, преслѣдовать и изгнать изъ Швейцаріи. Ces débris pourront être terrassés après sans embarras en peu de temps. C'est l'affaire d'un mois (обломки непріятелей могутъ быть истреблены безъ хлопотъ и въ немного времени: это на мѣсяцъ работы), заключалъ Суворовъ. Il ne faudra que se garder du gouffre infernal des méthodiques. Point de jalousie, contre-marches, démonstrations, qui ne sont que des jeux d'enfant (надобно только беречься адскаго жерла методиковъ. Прочь зависть, контръ-марши, демонстраціи: они—ребяческія игрушки). Эрцгерцогъ оскорбился и въ длинномъ письмѣ доказывалъ, что не онъ, а Корсаковъ и самъ Суворовъ были виноваты въ потеряхъ. «Всѣ тактики согласны съ тѣмъ», прибавилъ эрцгерцогъ. Суворовъ не пощадилъ его въ отвѣтѣ: «Царства защищаются завоеваніями безкорыстными, любовью народовъ, правотой поступковъ, а не потерей Нидерландовъ и гибелью двухъ армій въ Италіи. Это говоритъ вамъ солдатъ, который прослужилъ шестьдесятъ лѣтъ, водилъ къ побѣдамъ войска Іосифа и побѣдою утвердилъ Австріи Галицію, солдатъ, не знающій демосѳенскаго болтанья, академиковъ безсмысленныхъ и сената карѳагенскаго! Я не вѣдаю ребяческихъ соперничествъ, демонстрацій, контръ-маршей. Мои правила: взглядъ, быстрота, натискъ! Составимъ одно войско и одну душу и не будемъ при томъ мыслить о новомъ Кампо-Форміо. Развѣ не видите, что новый Римъ идетъ по слѣдамъ древняго, обольщаетъ союзомъ для рабства?» Въ холодномъ отвѣтѣ на письмо Суворова, эрцгерцогъ употребилъ слово «отступленіе», говоря о выходѣ русскихъ изъ

Швейцаріи. Суворовъ разсердился: «Во всю жизнь мою не зналъ я отступленій, какъ равно и оборонительной войны», отвѣчалъ Суворовъ. «Я иду на зимнія квартиры, укрѣпиться на новыя побѣды и на возстановленіе французскаго королевства, если Богъ поможетъ».

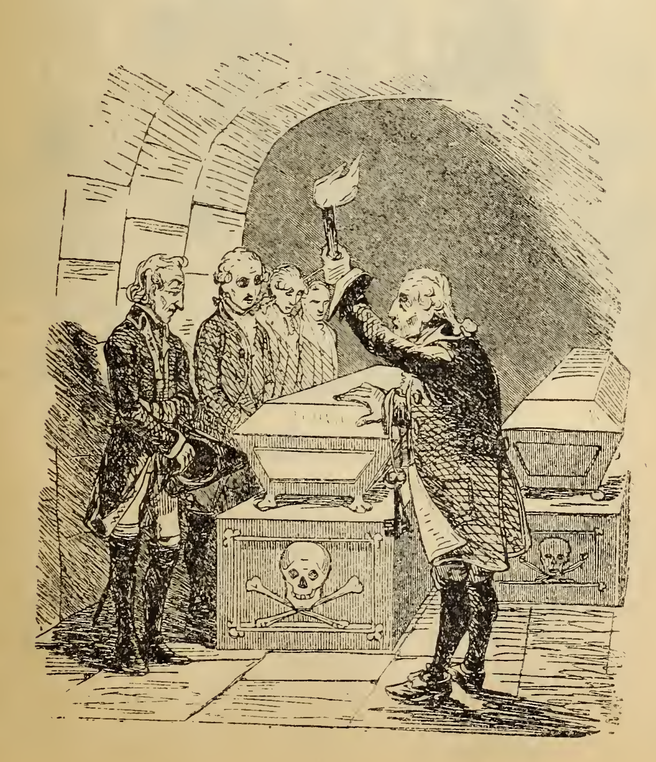
Смѣлые отвѣты Суворова при постепенномъ разрушеніи союза съ Россіею скоро заставили перемѣнить образъ переговоровъ съ старымъ героемъ. Долго не могъ увѣриться императоръ Павелъ въ поступкахъ австрійскаго министерства. Онъ не вѣрилъ двоедушію Тугута, не думалъ, чтобы дипломатики забыли высокую цѣль союза до того, что даже шли противъ собственныхъ пользъ. Всегда подтверждая мысль Суворова перенесть войну во Францію и изумляясь несоглашенію Австріи возстановить власть сардинскаго короля, если онъ и увлекся хитрыми убѣжденіями Тугута на походъ Суворова въ Швейцарію, тѣмъ не менѣе оставленіе эрцгерцогомъ Швейцаріи возбудило его сильное подозрѣніе. «Не предпринимайте ничего, что не касается цѣли союза. Не хочу тратить войска для тѣхъ, кто упустилъ время и хочетъ замѣнять себя союзниками для своихъ выгодъ», писалъ императоръ Павелъ Суворову. Онъ повелѣлъ графу Разумовскому требовать отчета, почему австрійцы спѣшатъ оставить Швейцарію, предавая въ жертву русскія войска. «Только искренность, довѣріе и согласіе укрѣпятъ союзъ нашъ», прибавилъ онъ. Графъ Кобенцель, посолъ австрійскій въ Петербургѣ, спѣшилъ извѣстить нашего вице-канцлера графа Кочубея, что до прибытія и соединенія русскихъ войскъ вполнѣ, Швейцарія не будетъ оставлена эрцгерцогомъ. Многоглагольныя объясненія Кобенцеля не понравились императору Павлу. Онъ требовалъ объясненій прямыхъ, говоря: «Если меня признаютъ помощникомъ, а не равнымъ союзникомъ, я буду дѣйствовать одинъ, по моему плану». Донесенія Суворова возбудили гнѣвъ его, и уже въ началѣ сентября рѣшался онъ разорвать союзъ свой съ Австріею, не оставляя мысли о спасеніи Европы. «Неподвижность, своекорыстіе, завладѣніе чужими землями, повторенія о вознагражденіи за убытки, двоякое поведеніе и лесть, когда я не могу забыть о возможности новаго Кампо-Форміо, заставляютъ меня предписать вамъ осторожность. Цѣль моя возстановленіе французскаго королевства. Удостовѣрясь въ неискренности союзниковъ, или дѣйствуйте отдѣльно, или идите въ Россію. Я веду переговоры съ Англіею и съ Пруссіею. Мужайтесь на побѣды и труды, живите съ Богомъ и со славою». Таковы были слова императора Павла Суворову. Разумовскій былъ уволенъ въ отпускъ. Тугутъ увидѣлъ опасность и прислалъ въ Петербургъ любимца своего графа Дитрихштейна. Гнѣвъ императора безпрерывно усиливался. «Хочу посмотрѣть, какъ австрійцы одни безъ васъ будутъ бить французовъ», писалъ онъ Суворову, подтверждая въ случаѣ сомнѣнія дѣйствовать отдѣльно или безостановочно идти въ Россію и увѣдомляя, что готовъ прислать еще 75.000 войска, стоящаго въ готовности на русской границѣ. Предписывая узнать о расположе-

ніи умовъ во Франціи до вступленія въ ея предѣлы, «испытайте все, прежде нежели рѣшитесь идти домой», подтверждалъ онъ. Событія въ Швейцаріи оправдали подозрѣнія императора, и онъ отказался послѣ этого отъ всякихъ переговоровъ. «Помню, что сдѣлано было въ турецкую войну при императрицѣ Аннѣ», говорилъ онъ. «Европа будетъ судить мои поступки». Ни въ чемъ не вѣря Тугуту, онъ выслалъ изъ Россіи его повѣренныхъ, а съ другими запретилъ говорить.

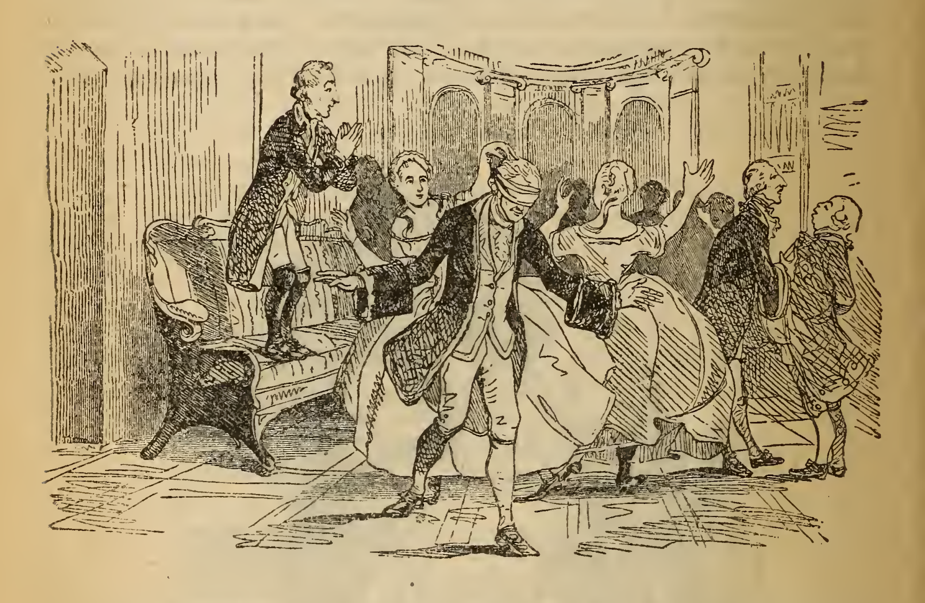
«Нетерпѣливо жду вѣстей отъ васъ. Наша цѣль—честь и слава. По несчастію, никто не слѣдуетъ нашему примѣру», писалъ онъ послѣ этого Суворову. Вѣсти отъ Суворова имѣли слѣдствіемъ объявленіе императора Павла октября 22-го: «Войска мои, принесенныя въ жертву; политика, противная моимъ намѣреніямъ и благосостоянію Европы; поведеніе австрійскаго министерства, причинъ коего я знать не желаю, заставляютъ меня общее дѣло прекратить, дабы не утвердить торжества въ дѣлѣ вредномъ». Несмотря на заключенный тогда родственный союзъ съ австрійскимъ домомъ, императоръ Павелъ былъ неумолимъ. Онъ предложилъ союзъ свой Англіи и Пруссіи и прервалъ переговоры съ Австріею. Напрасно Англія убѣждала его «пожертвовать справедливыми причинами негодованія его противъ Австріи». Суворову прислано строгое повелѣніе идти въ Россію. «Мой отвѣтъ одинъ: пока Тугутъ министромъ, я ничему не вѣрю и ничего дѣлать не стану. Идите: пусть узнаютъ, каково быть оставляему на побіеніе. Храните войско мое. Вижу, что безъ васъ ему не побѣждать».

Тогда прибѣгли съ просьбами къ Суворову. Знали, какъ неохотно оставляетъ онъ поприще побѣдъ и дѣло спасенія Европы. Императоръ Францъ отнесся къ нему письмомъ, прося повременить походомъ въ Россію. «Сколь рѣшеніе разрушить союзъ вредно въ глазахъ друга и недруга, не нужно объяснять такому мужу, какъ фельдмаршалъ князь Италійскій», говорилъ Императоръ. Еще убѣдительнѣе писалъ о томъ эрцгерцогъ Карлъ. «Меня побуждаютъ къ тому благо Европы, польза общая, честь Россіи, почтеніе къ вамъ». Въ надеждѣ на Суворова не ошиблись. Онъ готовъ былъ медлить возвращеніемъ въ Россію. «Пусть почтетъ меня виноватымъ мой государь и повелитель, я готовъ ждать еще; поведу войско медленно и нетерпѣливо буду ждать повелѣнія», отвѣчалъ онъ. Императоръ Павелъ поколебался. Онъ предложилъ послѣднія условія: дѣйствовать по его планамъ, поручить всѣ союзныя войска Суворову съ предоставленіемъ ему полномочія и съ увѣренностью, что цѣлью войны будетъ возвращеніе каждому законно слѣдующаго, возстановленіе Бурбоновъ во Франціи, немедленная отдача Италіи государямъ ея, крѣпкое пособіе Англіи и что война прекратится только завоеваніемъ Парижа. Гордость тактиковъ и хитрость дипломатовъ оскорбились такими условіями. Слѣдствіемъ были не только разрывъ Россіи съ Австріею, но негодованіе императора Павла противъ Англіи и окончательное повелѣніе Суворову немедленно идти въ Россію. Онъ повино-

вался. Къ удивленію всѣхъ, онъ казался веселымъ, какъ будто забылъ, что не допустили его кончить великое предназначеніе, даже лишили его средствъ расплатиться за Швейцарію новыми побѣдами. Походъ русскихъ былъ черезъ Баварію, Богемію и австрійскую Польшу въ Литву. Въ Аугсбургѣ прислали къ нему почетную стражу. «Меня охраняетъ любовь народная», сказалъ Суворовъ, отсылая ее. Въ Регенсбургѣ явился онъ на балъ къ принцессѣ Турнъ-Таксиской во всѣхъ своихъ орденахъ, былъ веселъ, шутливъ, смѣялся, спорилъ, что снятый съ него портретъ не похожъ. «Я не смотрѣлъ въ зеркало сорокъ лѣтъ, но помню, что я тогда былъ красавецъ, а тутъ написанъ какой-то старикъ! Видите ли, что я еще молодецъ!» говорилъ онъ, прыгая по залѣ. Въ городкѣ Вишау встрѣтилъ его хоръ дѣтей, пропѣвшій гимнъ въ честь ему. Суворовъ прослезился, перецѣловалъ маленькихъ пѣвцовъ, усадилъ ихъ за столъ, подчевалъ, самъ пѣлъ съ ними. Въ Нейтитченѣ, гдѣ умеръ и похороненъ Лаудонъ, Суворовъ хотѣлъ видѣть гробницу этого великаго человѣка. Долго, задумчивый, стоялъ онъ и смотрѣлъ на длинную латинскую эпитафію, гдѣ исчислены были дѣла и чины Лаудона. «Къ чему такая длинная надпись?» сказалъ онъ. «Завѣщаю тебѣ волю мою», прибавилъ Суворовъ, обращаясь къ директору канцеляріи своей, Е. Б. Фуксу, «на моей гробницѣ написать только три слова: Здѣсь лежитъ Суворовъ». Кто

думалъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ наступитъ время исполнить горестный завѣтъ великаго! Въ Прагѣ долго прожилъ Суворовъ. Сюда пріѣхали генералъ Беллегардъ со стороны императора австрійскаго и лордъ Минто со стороны короля англійскаго для послѣднихъ переговоровъ съ Суворовымъ. Множество знатныхъ людей, министровъ, генераловъ окружали Суворова. Среди героевъ, коихъ водилъ онъ къ побѣдамъ, при сношеніяхъ съ государями, искавшими его вниманія и согласія, въ послѣдній разъ явился онъ здѣсь въ полномъ блескѣ славы и почестей. Въ Прагѣ помолвилъ онъ сына своего съ принцессою курляндскою. По вечерамъ были у него многочисленныя шумныя собранія. Суворовъ праздновалъ русскія святки, заводилъ святочныя игры, жмурки, жгуты, подблюдныя пѣсни, самъ пѣлъ, плясалъ, игралъ въ хороводы, путалъ и смѣшивалъ танцы и заставлялъ нѣмцевъ выговариватъ трудныя русскія имена и слушать разсказы о славной плясуньѣ въ Боровичахъ. Курфистръ саксонскій прислалъ живописца Миллера, прося Суворова позволить списать портретъ его для дрезденской галлереи. Суворовъ очаровалъ Миллера своими разговорами.

Ihr Pinsel wird die Züge meines Gesichts darstellen, говоритъ онъ ему, diese sind sichtbar, allein meine innere Menschheit ist verborgen. Ich muss Ihnen sagen, dass ich Blut in Strömen vergossen habe—ich erbebe, allein ich liebe meinen Nächsten. In meinem Leben habe ich keinen unglücklich gemacht, nie ein Todesurtheil unterzeichnet, kein Insect ist von meiner Hand gefallen—ich war klein, ich war gross (ваша кисть изобразитъ черты лица моего: онѣ видимы, но внутренній человѣкъ во мнѣ скрытъ. Я долженъ сказать вамъ, что я лилъ кровь ручьями. Трепещу, но люблю моего ближняго,

въ жизнь мою никого не сдѣлалъ я несчастнымъ, не подписалъ ни одного смертнаго приговора, не раздавилъ моею рукою ни одного насѣкомаго, бывалъ малъ, бывалъ великъ)! Онъ вскочилъ на стулъ, спрыгнулъ со стула и прибавилъ: Bei der Fluth und Ebbe des Glücks, auf Gott bauend, war ich unerschütterlich, so wie auch jetzt (въ приливѣ и отливѣ счастія, уповая на Бога, бывалъ я неподвиженъ, такъ, какъ теперь)—онъ сѣлъ на стулъ. «Вдохновитесь геніемъ и начинайте», сказалъ онъ Миллеру. «Твой геній вдохновитъ меня!» воскликнулъ Миллеръ.

Проникая въ тайные помыслы великаго человѣка, вѣримъ, что не суетный блескъ, окружавшій его, не величіе, въ какомъ являлся онъ, но надежда снова явиться среди громовъ побѣдъ оживляла душу его. Зная великодушный характеръ императора Павла, видя необходимость уступки другихъ государей, пользуясь полною довѣренностью своего монарха, Суворовъ все еще надѣялся примирить страсти и отношенія, дожить до желанной борьбы съ исполиномъ, схватившимъ въ руки свои судьбу Франціи и Европы, и умереть въ битвѣ, если уже судьба не обрекала его на побѣду.

Горячо защищая славу оружія союзныхъ войскъ, бывшихъ подъ

его предводительствомъ, Суворовъ диктовалъ замѣтки противъ замѣчаній Дюмаса, помѣщаемыхъ въ его Prècis des événements militaires. «Побѣдителя не судятъ», говорилъ Суворовъ, исчисляя свои побѣды. Изъ Аугсбурга разослалъ Суворовъ въ газеты опроверженіе хвастливыхъ бюллетеней Массены. Но опровергая непріятелей, онъ высказывалъ горькую истину своимъ товарищамъ и союзникамъ Россіи. Исчисляя козни Тугута и ошибки гофъ-кригсърата, «безъ того», говорилъ Суворовъ, «въ ноябрѣ я былъ бы въ Ліонѣ, и Новый годъ праздновалъ бы въ Парижѣ!»—«Le chef de l'armée est le génie, on le veut esprit éxécuteur du scribentisme, lorsqu'à lui seul appartient le jugement militaire... César dit, qu'il n'a rien fait, s'il n'a tout fini. Dédommagements! Cherchez les dédommagments à Paris, lorsque par votre justice vous aurez dans vos mains le sort de ce royaume. Jusque-là vos conquêtes ne sont guères assurées, sans la sage prévoyance qui les dicte (полководецъ—геній, а отъ него требуютъ исполнительнаго умишка скрибусовъ, когда ему одному принадлежитъ сужденіе военное. Цезарь сказалъ, что онъ ничего не сдѣлалъ, если не кончилъ всего. Вознагражденіе! Ищите вознагражденія въ Парижѣ, когда вашею справедливостью въ рукахъ вашихъ будетъ жребій Франціи. До тѣхъ поръ ваши побѣды невѣрны, безъ мудрой предусмотрительности, которая научаетъ имъ). „Mais", заключалъ Суворовъ, „Cincinnatus n'ambitionne que sa charrue" (но Цинциннатово честолюбіе—соха его). Возражая на новые планы, представленные въ Прагѣ Беллегардомъ и Минто, tous ces plans sont éloquents, mais innaturels, beaux et non bons, brillants mais insolides (всѣ эти планы краснорѣчивы, да не естественны; прекрасны, да не хороши), говорилъ Суворовъ. Прощаясь съ Беллегардомъ и Минто, онъ изрекъ имъ мудрое предвѣщаніе генія войны и политики: Si on veut faire encore la guerre à la France, qu'on la fasse bien, mais si on la fait mal, ce sera un poison mortel. Il vaut mieux ne pas l'entreprendre. Tout homme qui a étudié le génie des révolutions, serait criminel de le taire. La première grande guerre qu'on fera à la France doit être aussi la dernière (если хотите еще воевать съ Франціею, воюйте хорошо, ибо война плохая—смертельный ядъ. Лучше не предпринимать войны. Всякій изучавшій духъ революціи былъ бы преступникъ, умалчивая о томъ. Первая великая война съ Франціею должна быть также и послѣдняя). Черезъ пятнадцать страшныхъ, кровавыхъ лѣтъ Европа убѣдилась въ словахъ Суворова: великая война 1812 г. была послѣднею.

Слыша объ успѣхахъ Меласа въ Италіи, Суворовъ поздравлялъ его съ побѣдами. «Поздравляю васъ, gnädiger Papa!» писалъ онъ ему, «но ради Бога, спѣшите къ Ниццѣ и не давайте отдыха непріятелю!» Великій князь Константинъ Павловичъ привезъ Суворову письмо отъ принца Кобургскаго. «Убогій инвалидъ напоминаетъ о себѣ величайшему герою нашего времени, возстановившему царства и не забывающему стараго друга», писалъ принцъ Кобургскій. «Скорблю объ участи Германіи, видя разлуку армій двухъ императоровъ. Прости, Боже, виновника! Безъ васъ желаю

лучше мира, нежели негодной войны».—«Надобно имѣть запасъ философіи», отвѣчалъ ему Суворовъ, «чтобы не возгордиться похвалами изъ устъ вашихъ».—«Нѣтъ», писалъ Суворовъ Растопчину, «нѣтъ, не я произвелъ разрывъ между высокими союзниками». Государь самъ разгадалъ Тугута. Я служилъ и готовъ служить вѣрою и правдою; я только сердился, что мнѣ не дали также погулять во Франціи, какъ погулялъ я въ Италіи».

Императоръ Павелъ призывалъ Суворова, хотѣлъ видѣть и почтить героя. «Исчезаетъ, истекаетъ XVIII-е столѣтіе, и я со всѣмъ воинствомъ в. и. в. повергаюсь къ подножію вашего престола, моля Бога, да благословитъ отца отечества за подвиги, коими запечатлѣваетъ онъ конецъ года и вѣка!»—«Благодарю побѣдителя при Требіи, Нови и Мутенталѣ и жалѣю, что мирнѣе начинаю новый годъ, нежели прошедшій началъ», отвѣчалъ императоръ. «Спѣшите ко мнѣ. Не мнѣ тебя награждать, герой, но мнѣ чувствовать и цѣнить твои дѣла, отдавая тебѣ должное». Императоръ австрійскій простился съ Суворовымъ лестнымъ рескриптомъ. «Не забуду заслугъ вашихъ и подвиговъ вашихъ», писалъ онъ. Жалованье австрійскаго фельдмаршала утвердилъ онъ Суворову на всю жизнь. Курфирстъ баварскій прислалъ Суворову орденъ св. Губерта. «Ордена учреждены въ награду заслугъ, достоинствъ и добродѣтелей. Кто болѣе васъ имѣетъ на нихъ право?» писалъ курфирстъ.

Въ Прагѣ Суворовъ простился съ русскими войсками. Онъ прослезился и ничего не могъ сказать имъ. Ряды воиновъ безмолвствовали. Они предчувствовали, что видятъ Суворова въ послѣдній разъ. Начальство надъ войскомъ сдалъ Суворовъ генералу Розенбергу. Съ Суворовымъ осталась небольшая свита. Въ Краковѣ явился онъ на балѣ у графа Траутмансдорфа, но уже казался грустенъ. Здѣсь онъ сдѣлался боленъ, спѣшилъ въ свое кобринское помѣстье, и долженъ былъ остановиться тамъ, какъ ни желалъ поспѣшить въ Петербургъ. Открылась жестокая болѣзнь, фликтена, съ сильнымъ кашлемъ. Встревоженный извѣстіемъ о болѣзни Суворова, императоръ Павелъ прислалъ къ нему своего лейбъ-медика Вейкарта. «Молю Бога», писалъ онъ, «да сохранитъ мнѣ моего героя Суворова. По пріѣздѣ въ столицу вы увидите вполнѣ признательность вашего государя, которая никогда не сравнится съ подвигами и заслугами вашими». Ежедневно скакали курьеры изъ Кобрина въ Петербургъ съ извѣстіемъ о здоровьѣ Суворова. Никогда не терпѣвшій лѣкарствъ, онъ все еще пренебрегалъ медициною и лѣчился по-своему. Когда въ Краковѣ совѣтовали ему пользоваться водами, «Помилуй Богъ», отвѣчалъ онъ, «посылайте на воды здоровыхъ богачей, игроковъ, интригантовъ, а я боленъ не шутя. Мнѣ надобны деревенская изба, молитва, баня, кашица да квасъ». Слыша волю императора, онъ подчинился однако жъ приказаніямъ Вейкарта. Однажды Суворовъ велѣлъ было отыскать свою старую аптечку, подаренную ему Екатериною. «Я только хотѣлъ поглядѣть на нее», сказалъ онъ, когда медикъ сердито отнялъ у него аптечку. Предписано было Суворову одѣвать-

ся теплѣе. «Я солдатъ!» отвѣчалъ онъ.—«Вы генералиссимусъ!» сказалъ ему Вейкартъ. «Такъ, да солдатъ съ меня примѣръ беретъ», возразилъ Суворовъ. Никакъ не могли убѣдить его ѣсть скоромное въ Великій постъ. Чувствуя облегченіе, Суворовъ ходилъ въ церковь, пѣлъ, молился въ землю и читалъ Апостолъ. Вейкартъ, человѣкъ вспыльчивый, безпрестанно сердился на него. Зато Суворовъ заставлялъ его говорить по-русски, ходить въ церковь, ѣсть постное и смѣялся досадѣ врача. Слыша о безпрерывной благосклонности императора, со слезами говорилъ Суворовъ: «Вотъ это вылѣчитъ меня лучше Ивана Ивановича Вейкарта!» Онъ все еще дѣятельно занимался перепискою, пересматривалъ списки наградъ и спрашивалъ: «Не забытъ ли кто?» Чувствуя безнадежность своего здоровья, онъ говорилъ: «Поѣду въ Петербургъ, увижу государя, и потомъ—умирать въ деревню!» Готовя себѣ сельскій, мирный пріютъ, онъ распоряжался домашними дѣлами и заботился о сынѣ своемъ, жившемъ въ Петербургѣ. «Закажите ему беречься роскоши, расчислите его расходы по доходамъ, берегите въ неопытномъ юношѣ любомудріе и благонравіе. Подаренныя мнѣ пушки отправьте въ Коншанскъ. Тамъ я выстрою себѣ каменный домикъ съ церковью. Хочу тамъ жить и надѣюсь туда пріѣхать къ Петрову дню. На собранныя деньги прикупите къ Коншанскому что можно. Испрашивать что-нибудь у щедраго монарха мнѣ подло, совѣстно, грѣхъ. Въ Коншанскомъ задамъ я праздникъ, либо въ Эльмантовой, хотя Коншанское мнѣ дороже». Но въ другіе часы Суворовъ забывалъ о деревнѣ своей, говорилъ о битвахъ, походѣ въ Италію, новыхъ планахъ освободить Европу, писалъ письма къ государямъ и знаменитымъ современникамъ.

Радостно услышали императоръ и всѣ жители Петербурга, что Вейкартъ находитъ здоровье Суворова исправившимся и позволяетъ ему ѣхать, хотя въ каретѣ, на пуховикѣ, и не болѣе 25 верстъ въ день. Суворовъ нетерпѣливо хотѣлъ быть въ столицѣ. «Дайте, дайте мнѣ только увидѣть государя!» говорилъ онъ и съ удовольствіемъ слушалъ разсказы, какъ нетерпѣливо ждутъ его, какъ императоръ придумываетъ ему почести, готовитъ мѣсто для пребыванія его въ зимнемъ дворцѣ, хочетъ встрѣтить его съ гвардіею, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ. Письмо императора, гдѣ писалъ онъ, что «радуется приближенію часа, когда обниметъ героя всѣхъ вѣковъ», утверждало эти радостныя вѣсти. Старецъ оживалъ, веселился, торопился поѣздкою... Увы! Судьба готовила ему послѣдній, роковой ударъ!

«Сердце царево въ руцѣ Божіей», говорилъ мудрый царь-цѣвецъ. Не смѣемъ разгадывать, какія причины внезапно измѣнили милости и благорасположеніе императора Павла. Неожиданно и внезапно поразила Суворова вѣсть, что императоръ Павелъ разгнѣванъ на него. Не было ли здѣсь тайнаго умысла враговъ, клеветавшихъ на великаго человѣка.

Выѣхавъ изъ Вильны, Суворовъ услышалъ, что не почести, но гнѣвъ и негодованіе государя ожидаютъ его въ Петербургѣ; что

встрѣчи, готовленныя ему, отмѣнены; что войску не велѣно отдавать ему почестей, высочайше дарованныхъ приказомъ 24 августа; что комнаты, приготовленныя ему въ зимнемъ дворцѣ, отданы принцу Мекленбургскому, бывшему тогда въ Петербургѣ.

Въ нѣсколькихъ станціяхъ отъ Вильны свита Суворова, еще ничего не знавшая, съ изумленіемъ и страхомъ увидѣла внезапную перемѣну въ страждующемъ героѣ. Онъ не могъ ѣхать и остановился въ бѣдной литовской хатѣ. Припадки болѣзни возобновились. Бывшіе при Суворовѣ не могли удержаться отъ слезъ, видя его лежащаго на лавкѣ, прикрытаго простынею, умирающаго. Онъ громко молился, стоналъ и горестно повторялъ по временамъ: «Боже великій! За что страдаю?»

Но онъ еще ожилъ. Обрадовались, когда Суворовъ началъ снова путешествіе, и особливо когда онъ пріѣхалъ въ Ригу. Тамъ въ первый день Пасхи Суворовъ собралъ столько силъ, что надѣлъ мундиръ, былъ у обѣдни, разговѣлся у губернатора. Но огонь жизни погасалъ, потухалъ и уже едва теплился въ груди старца.

Путь Суворова отъ Риги до Петербурга походилъ на похоронное шествіе. Суворовъ лежалъ въ каретѣ, едва передвигавшейся. Народъ толпами выходилъ къ нему навстрѣчу, но не смѣлъ привѣтствовать его, провожалъ безмолвно, плакалъ и молился за него. Пятьсотъ шестьдесятъ пять верстъ отъ Риги до Петербурга Суворовъ ѣхалъ двѣ недѣли, онъ, такъ недавно двигавшій какъ волшебникъ полчища на враговъ съ одного конца Европы на другой!

Едва шевелясь, все еще шутилъ Суворовъ и иногда съ улыбкою говорилъ: «Охъ! что-то устарѣлъ я!»

Въ Стрѣльнѣ ждали его родные и друзья. Множество жителей Петербурга стеклось туда, и всѣ со слезами увидѣли умирающаго героя—тѣнь великаго Суворова. Слабымъ голосомъ говорилъ онъ съ окружавшими его, велѣлъ подводить къ себѣ дѣтей и благословлялъ ихъ.

Тихо ѣхала по Петербургу карета, и суета столичная встрѣчала и обгоняла ее, не думая, не зная, что въ ней возвращается Суворовъ. Онъ остановился въ Малой Коломнѣ, на Крюковскомъ каналѣ, противъ Никольскаго рынка, въ домѣ родственника своего, графа Д. И. Хвостова (домъ этотъ цѣлъ донынѣ и принадлежитъ полковницѣ Лобановой). Изнуреніе силъ было такъ велико, что Суворовъ безмолвно легъ въ постель едва дыша. Крѣпкая воля его еще боролась съ усиліями смерти, но уже недолго.

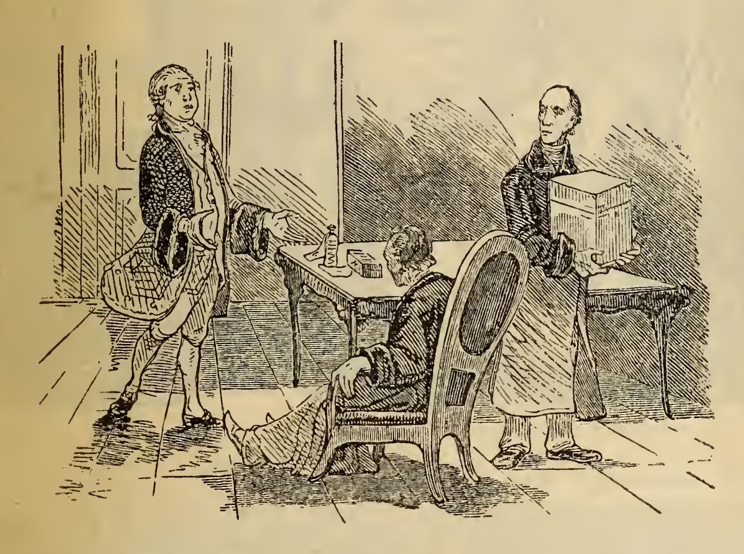
На другой день явился къ Суворову графъ Ѳ. В. Растопчинъ, но не вѣстникомъ милости. Суворовъ лежалъ въ забытьи. Онъ едва узналъ Растопчина, но услышавъ, что Растопчинъ привезъ къ нему письмо короля Людовика XVIII-го, велѣлъ читать немедленно: послѣдняя дань суеты мира—Людовикъ XVIII-й прислалъ Суворову ордена св. Лазаря и св. Богородицы Кармельской. «Откуда присланы?» спросилъ Суворовъ. «Изъ Митавы», отвѣчалъ Растопчинъ. Улыбка мелькнула на устахъ Суворова. «Какъ изъ Митавы? Король французскій долженъ быть въ Парижѣ!» отвѣчалъ Суворовъ.

Онъ велѣлъ вторично читать письмо Людовика XVIII-го, и, когда услышалъ слова: «примите, герой великій, знаки почестей отъ не-

счастнаго монарха, который не былъ бы несчастливымъ, если бы слѣдовалъ за вашими знаменами», слезы блеснули на глазахъ его. Суворовъ перекрестился, поцѣловалъ кресты орденовъ и не сказалъ ни слова. Какъ много высказало его молчаніе...

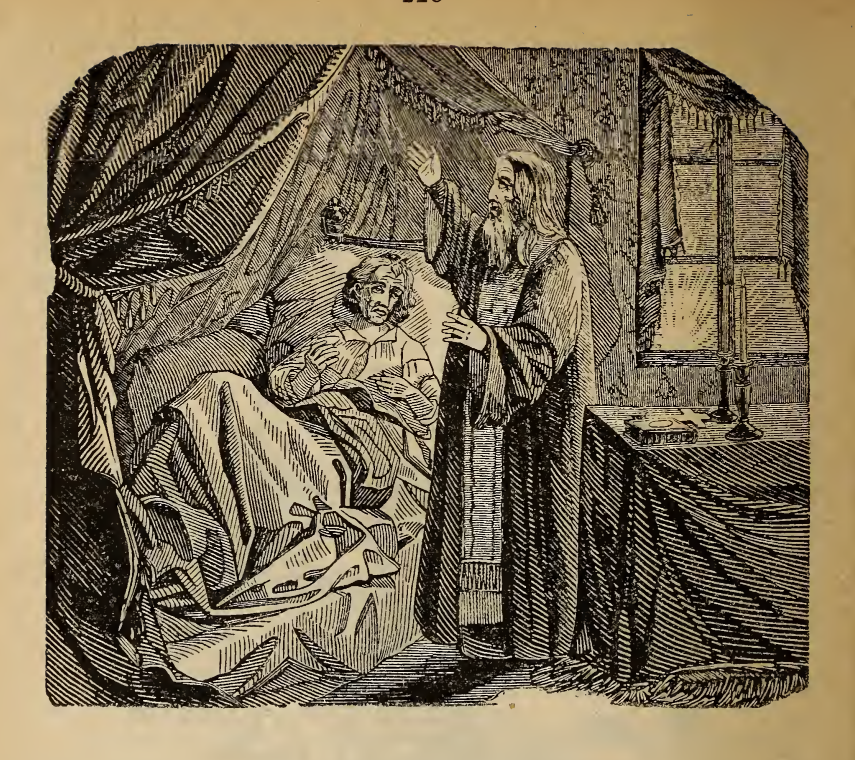
Смертныя томленія Суворова длились. Медленно, тихо, безропотно угасалъ герой. Постепенно терялъ онъ память, такъ что забывалъ наконецъ названія недавно одержанныхъ имъ побѣдъ, хотя иногда начиналъ еще говорить о своихъ походахъ въ Турціи, приказывалъ поднимать себя съ постели, садился въ кресла, за-

ставлялъ двигать ихъ по комнатѣ и вдругъ останавливался, голова его склонялась, и изъ груди вырывались слова: «Зачѣмъ не умеръ я тамъ—въ Италіи!»

Чувствуя приближеніе смерти, Суворовъ призвалъ священника, исповѣдался, причастился и простился со всѣми окружавшими его. Наставалъ торжественный часъ, приближалась вѣчность, тѣни великихъ героевъ призывали къ себѣ Суворова. Ночью на 6-го мая предсмертный бредъ овладѣлъ умирающимъ. Лежа въ забытьи, онъ говорилъ что-то... Могли разслушать слова: «Генуя... Сраженіе... Впередъ!» Видно было, что Суворову мечтались битвы, что онъ отдавалъ приказы войску. Къ утру онъ смолкъ, но еще дышалъ... Въ 12 часовъ пополудни, 6-го мая 1800 года, въ день св. Іова Многострадальнаго не стало Суворова... Когда донесли императору о кончинѣ Суворова, онъ задумался и тихо произнесъ: Voilà encore un héros, qui a payé un tribut à la nature (вотъ еще одинъ герой, заплатившій дань природѣ)! Повелѣно было отдать бреннымъ останкамъ Суворова почести фельдмаршала, но не генералиссимуса.

Современники передали намъ разсказъ о глубокомъ впечатлѣніи, какое произвела вѣсть о смерти Суворова въ столицѣ, вой-

скахъ, отечествѣ. Имя Суворова, тридцать лѣтъ бывшее символомъ побѣдъ, кончина его, такъ быстро, такъ скоро послѣ побѣдъ, гдѣ сливались съ именемъ Суворова Альпы и Италія, мысль, что великій почилъ среди скорби, все наводило на душу современниковъ Суворова печаль, тихую, но глубокую, равно чувствуемую въ чертогахъ царя и въ хижинѣ земледѣльца. А товарищи его подвиговъ, русскіе солдаты, старики, свидѣтели битвъ при Козлуджи и за Кубанью, юные герои, видѣвшіе его при Нови и на Ст.-Готардѣ, какъ неутѣшно плакали они, безстрашно смотрѣвшіе на смерть въ бояхъ, такъ близко и такъ часто!

На другой день толпы народа тѣснились около дома, гдѣ скончался герой, и чинно, тихо входили посѣтители въ ту комнату, гдѣ лежали бренные останки его. Лицо Суворова, блѣдное, было спокойно. Онъ казался спящимъ. Кругомъ лежали ордена и знаки отличій. Люди всѣхъ званій хотѣли видѣть еще разъ Суворова и проститься съ нимъ; въ числѣ ихъ замѣчали много старыхъ инвалидовъ. Они плакали и молились.

Настало ясное весеннее утро мая 9-го, и по улицамъ изъ Малой Коломны тянулся похоронный поѣздъ Суворова. Гробъ его провожало множество сановниковъ и духовенства. Трогательно было видѣть безчисленныя толпы народа, тѣснившіяся на улицахъ до Александро-Невской обители; окна, даже крыши домовъ были покрыты народомъ. Многіе горестно плакали. Грусть изобра-

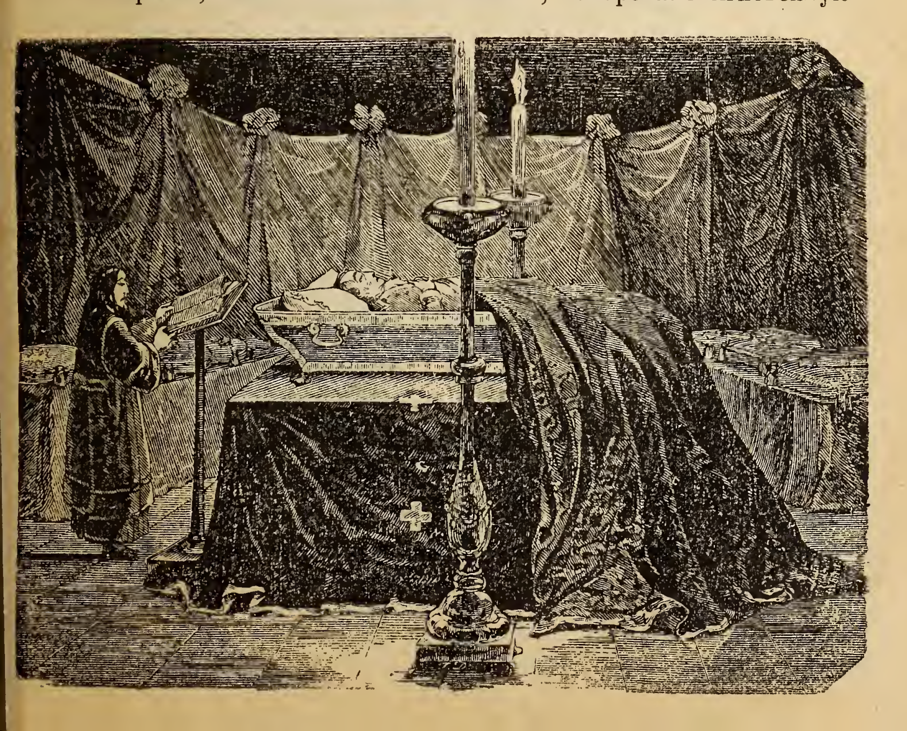
жалась на лицахъ всѣхъ. Давно ли тысячи волновались радостнымъ привѣтомъ Суворову въ Вѣнѣ, Веронѣ, Миланѣ, Туринѣ! И года еще не прошло, какъ во храмѣ Божіемъ провозглашали имя «высокоповелительнаго фельдмаршала Суворова-Рымникскаго!» На Невскомъ проспектѣ, близъ Публичной Библіотеки, задумчиво стоялъ императоръ и почтилъ поклономъ гробъ Суворова. Въ воротахъ лавры шествіе затруднилось. Опасались, что высокій балдахинъ надгробный не пройдетъ въ ворота .«Не бойтесь, пройдетъ! Онъ вездѣ проходилъ!» воскликнулъ какой-то старый унтеръ-офицеръ. Обрядъ отпѣванія совершилъ митрополитъ Амвросій. Въ послѣдній разъ загремѣли Суворову пушки, когда послѣ словъ: «Земля и въ землю идешь!» опускали въ нѣдра общей всѣхъ матери гробъ его.

Державинъ шелъ за гробомъ Суворова, и выразилъ грусть свою о кончинѣ его звуками поэтическими. «Сѣверны громы въ гробѣ лежатъ!» говорилъ бардъ, славившій взятіе Измаила, паденіе Варшавы, побѣды въ Италіи и переходъ Альпійскихъ горъ.

Кто передъ ратью будетъ, пылая,
Ѣздить на клячѣ, ѣсть сухари?
Въ стужѣ и зноѣ мечъ закаляя,
Спать на соломѣ, бдѣть до зари?

Скоро вспомнили Суворова, когда новыя событія поколебали въ основаніи Европу.

Въ то время, когда въ Петербургѣ хоронили Суворова, на поляхъ Маренго, вблизи Новійскихъ высотъ, похоронилъ мгновенную

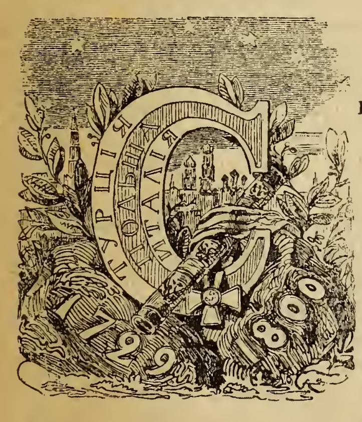
славу свою Меласъ (мая 22-го). Бонапарте, по слѣдамъ Суворова перешедшій Альпы, одною битвою рѣшилъ войну, пока Моро поражалъ войска союзниковъ на Рейнѣ и въ Германіи. Совершились предвѣщанія Суворова. Черезъ полгода еще миръ Люневильскій, потомъ Аміенскій миръ утвердили власть Бонапарте надъ западною и среднею Европою, десять лѣтъ стенавшею потомъ подъ желѣзнымъ скипетромъ деспота, пока не переломился этотъ скипетръ на холмахъ Бородино и цѣпи Европы не истлѣли въ пожарѣ Москвы. Въ грозное время великой отечественной брани, на бивакахъ подъ Москвою, среди ратныхъ товарищей, вдохновленный поэтъ призывалъ имя Суворова, указывая на великую тѣнь его, туманнымъ привидѣніемъ предводившую къ побѣдамъ:

Кто сей рьяный великанъ,
Сей витязь полуночи?
Друзья! на спящій вражій станъ
Вперилъ онъ грозны очи!
Его завидя въ облакахъ,
Шумящихъ, смутнымъ роемъ,
На снѣжныхъ Альповъ высотахъ
Возникли тѣни съ воемъ?
Блѣднѣетъ Галлъ, дрожитъ Сарматъ
Въ шатрахъ отъ гнѣвныхъ взоровъ...
О горе! горе! супостатъ
То—грозный нашъ Суворовъ!

ГЛАВА XV.

Характеристка Суворова, какъ полководца, политика и человѣка.—Частная жизнь его.—Потомство Суворова.—Память въ народѣ и мѣсто въ исторіи.—Памятники.—Жизнеописанія.—Заключеніе.

праведливо и смѣло предъ лицомъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ можемъ назвать Суворова однимъ изъ величайшихъ полководцевъ. Побѣда ни однажды не измѣнила ему, и тридцать лѣтъ безпрерывныхъ торжествъ на поляхъ битвъ свидѣтельствуютъ военный геній Суворова.

Искони былъ и всегда существуетъ въ мірѣ тайный заговоръ противъ всегда прекраснаго и великаго, заговоръ глупости противъ ума, зла противъ добра, людей противъ человѣка. Кто не выкупалъ возвышенія изъ толпы борьбою, и даже многіе ли вынесли изъ нея свѣтлыми и непомраченными достоинство и величіе человѣка! Суворовъ принадлежитъ къ этимъ немногимъ исключеніямъ. Человѣкъ недовѣрчивъ на добро, легковѣренъ на зло, завистливъ на славу великихъ, забывчивъ на подвиги. Въ чье изображеніе не бросали грязью неблагодарные современники и равно-

душные потомки! На чью славу не посягали близорукіе судьи, самозванные цѣнители достоинствъ! Суворовъ не избѣгъ общей участи. При жизни боролся онъ съ злобою, завистью, недоумѣніемъ современниковъ, и при жизни и послѣ смерти посягали на его славу героя, на его достоинство человѣка. Не видимъ ли и нынѣ скрибусовъ (какъ называлъ онъ ихъ), оцѣнивающихъ дѣла Суворова и открывающихъ его ошибки? Напрасно будемъ говорить имъ, что «побѣдителя не судятъ». Здѣсь другое возраженіе ихъ: счастіе, удача, говорятъ намъ. Тщетно будете повторять слова Суворова: «Сегодня удача, завтра удача, помилуй Богъ! надобно же немного и ума», или вспоминать слова его: «Что такое счастіе? Ослиная голова реветъ: счастіе такому-то! У фортуны только одинъ хохолъ на головѣ, а голова у нея голая: умѣй ловить ее за хохолъ, пропустишь—не поймаешь!» Кто же ловитъ фортуну за хохолъ? Умъ и геній.

Не будемъ отвѣчать завистливымъ чужеземнымъ клеветникамъ, въ глазахъ коихъ Суворовъ виноватъ тѣмъ, что онъ былъ «русскій», слово созвучное для нихъ слову: «варваръ». Они видятъ въ нашемъ Петрѣ Великомъ самовластнаго деспота, игравшаго просвѣщеніемъ, какъ игрушкою, и дубиною заставившаго русскихъ называться европейцами. Они увѣряютъ, что въ славный нашъ 1812 годъ мы не побѣдили, но заморозили полчища Наполеона. Они видятъ и въ Суворовѣ кровожаднаго, дикаго воителя, указывая на развалины Измаила и Праги, поражавшаго громадами войскъ толпы мусульманъ и уступившаго при встрѣчѣ съ образованнымъ войскомъ, если превосходство силъ и дало ему вначалѣ побѣду. Оставимъ ихъ, забудемъ отвратительную клевету и пустую болтовню, начиная съ остроумныхъ, но пошлыхъ шутокъ Байрона до ругательствъ сплетателя какихъ-нибудь лжей, увѣряющаго, что герой нашъ былъ «чудовище, у коего въ тѣлѣ обезьяны скрывалась душа пса» (un monstre qui renferme dans un corps de singe l'âme d'un chien de boucher). Такія слова, такія рѣчи ниже опроверженія, ибо опровергать ихъ значило бы унижать свое достоинство.

Суворовъ былъ рожденъ воиномъ, жилъ войною. Подобно Петру Великому, Карлу XII-му, Фридриху, Наполеону, Тюреню, Монтекукули, онъ былъ созданъ воиномъ, какъ другіе бываютъ созданы поэтами и законодателями. Мечты, вслѣдствіе коихъ война почитается зломъ, останутся мечтами: война зло необходимое, какъ страсти, какъ. поэзія, какъ жизнь, какъ смерть. Среди другихъ Божіихъ созданій гордо стоитъ воинъ съ мечомъ своимъ, и губитель ближнихъ становится благодѣтелемъ человѣчества, избранникомъ судебъ. Кроткій и миролюбивый гражданинъ и человѣкъ, воинъ дышитъ полною жизнью только въ лагерѣ, веселится только среди громовъ битвы: ему тѣсно дома, въ бытѣ семьянина. И вся жизнь Суворова была мысль войны. Онъ отрекался отъ семейнаго счастія, онъ отдавалъ свое честолюбіе, свои страсти, жизнь свою, отдавалъ одному: война была его стихія, его бытіе—его все!

Смотря на Суворова какъ на воина, пройдите мыслью всѣ событія жизни его, начиная съ перваго опыта битвъ въ Пруссіи, потомъ въ Польшѣ, Турціи, Крыму, на Кубани, снова въ Турціи, снова въ Польшѣ и наконецъ въ Италіи и Швейцаріи, какой рядъ подвиговъ, и многихъ ли имена станутъ рядомъ съ именемъ Суворова? Отвергая, не только въ дѣлѣ военномъ, но и во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ мысль о постоянномъ счастіи одного, о непреоборимомъ невзгодьи другого, мы утверждаемъ, что человѣкъ столько же самъ создаетъ свою судьбу, сколько судьба властвуетъ надъ его жребіемъ. Соединеніе этихъ двухъ причинъ творитъ великое, и это великое—геній, являющійся въ свое время, на свое дѣло и свое дѣланіе, да оплодотворитъ новою идеею человѣчество: здѣсь тайна счастія Суворова.

Безспорно, первая причина—геній, этотъ духъ Божій, вдохновляющій избранныхъ, рѣдкій гость на землѣ. Изучать вдохновеніе генія мы можемъ, но понять его не нашъ удѣлъ. Такъ взоръ нашъ видитъ недоступную вершину Монблана, но она недосязаема намъ. Суворовъ былъ полонъ геніальнаго восторга войны. Вдохновеніе сверкало въ его взорахъ, вспыхивало въ его идеяхъ, загоралось въ минуту рѣшительную. Взоръ его былъ орлиный. Безотчетно угадывалъ онъ мѣсто и время. Остановка и ударъ казались въ немъ какимъ-то математическимъ расчетомъ, и онъ никогда не ошибался въ немъ. Непобѣдимая сила воли Суворова была также изумительна. Сколько разъ больной, едва движущійся, онъ оживалъ въ минуту рѣшительную, вполнѣ оправдывая мысль Канта, что сила воли покоряетъ тѣло.

Но къ генію Суворовъ присовокупилъ два пособія: трудъ и науку. Подчинивъ труду тѣло свое, слабый, безсильный отъ природы, онъ сдѣлался желѣзнымъ человѣкомъ, переносилъ зной, холодъ, голодъ, жажду, не зналъ утомленія въ верховой ѣздѣ и владѣлъ шпагою какъ искусный фехтмейстеръ. Такъ умъ свой обратилъ онъ на пріобрѣтеніе науки: Въ дѣтскихъ лѣтахъ изучалъ онъ исторію, и особенно исторію военную, избирая творенія и дѣла великихъ людей. Онъ не терпѣлъ и презиралъ педантовъ, уставщиковъ кавыкъ военнаго дѣла, постигнувъ, что читать надобно многое, изучать немногое. Суворовъ читалъ однако жъ все, что могъ, и даже ни одинъ изъ новѣйшихъ говоруновъ не ускользалъ отъ его вниманія, но только для увѣренности въ томъ, что въ нихъ ему учиться нечему. Онъ присоединилъ къ исторіи обширное знаніе географіи, и изучалъ мѣста всѣхъ знаменитыхъ войнъ и походовъ древнихъ и новыхъ. Воюя въ Италіи, онъ помнилъ топографію походовъ Аннибала и Евгенія на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ водилъ свои войска. Должно ли говорить о дополнительныхъ свѣдѣніяхъ: математикѣ, инженеромъ искусствѣ, языкознаніи? Низлагая крѣпости, онъ и сооружалъ ихъ: говорилъ съ туркомъ, нѣмцомъ, французомъ на ихъ языкахъ, а изъ русскаго языка создалъ себѣ свой особенный языкъ. Важный, ясный въ донесеніи и диспозиціи, языкъ Суворова былъ лаконически геніаленъ въ его письмѣ

и бесѣдѣ,—и какъ доступенъ былъ солдату особенный, созданный Суворовымъ солдатскій языкъ!

Затѣмъ Суворовъ по опыту узналъ жизнь, бытіе, отношенія солдата, офицера и генерала. Онъ живалъ среди солдатъ, въ ихъ казармахъ, сиживалъ за ихъ кашицей, бесѣдовалъ за ихъ бивачнымъ огнемъ, и даже на поляхъ Италіи, вмѣшиваясь въ ихъ толпу, казался ихъ товарищемъ. Онъ изучилъ военные уставы и воинскіе законы, весь бытъ, все что окружаетъ солдата,—все отъ его ружья и его шага до образованія и идей, какія ему необходимы. «Не обижай обывателя: онъ тебя поитъ и кормитъ. Умирай за церковь и царя: останешься—честь и слава, умрешь—церковь Бога молитъ! Возьмешь крѣпость и лагерь, твоя добыча, но безъ приказа на добычу не ходи. Непріятель сдался, пощада. Бойся больницы. Нѣмецкія лѣкарства тухлыя, вредныя; у насъ свои порошки, травка-муравка. Береги здоровье, а не бережешь—палочки! Будь здоровъ, храбръ, твердъ, рѣшителенъ, справедливъ, благочестивъ. Молись Богу: у Него побѣда, Онъ твой генералъ. Ученье свѣтъ, неученье тьма. За ученаго трехъ неученыхъ даютъ—мало: давай намъ шесть, давай десять! Богатыри! непріятель отъ васъ дрожитъ, но есть врагъ хуже непріятеля и больницы—немогузнайка, намека, догадка, лживка, лукавка, краснословка, краткомолвка, двуличка, вѣжливка, безтолковка, кличка что и не выговоришь: край, афонъ, вайронъ, рокъ, адъ—бѣда съ ней! Слушай, слушай: субординація, экзерциція, послушаніе, обученіе, дисциплина, ордеръ воинскій, чистота, здоровье, опрятность, бодрость, смѣлость, храбрость, побѣда, слава, слава, слава!» И какъ понимали такой языкъ солдаты! Вспомните послѣ этого, какъ дорожилъ Суворовъ воинскимъ ученьемъ и экзерциціею. Но у него было свое ученье. Его ученье требовало силы, смѣлости, пахло порохомъ войны, а не одной пылью плацъ-парада. Читайте его «Вахтъ-парадъ», его «Поученіе солдатамъ», и у него учитесь учить солдатъ. «Солдатъ ученье любитъ, было бы съ толкомъ!» говорилъ Суворовъ. Читайте и наставленіе Суворова о солдатскомъ здоровьи—это настольныя книги офицера. Другъ солдата на бивакѣ, Суворовъ былъ грозенъ въ дѣлѣ, въ службѣ, и тогда солдатъ являлся въ рукахъ его чуднымъ орудіемъ его воли. «Они ропщутъ на меня—вздоръ! Слюбится!» говорилъ Суворовъ. «Дѣтей купаютъ въ холодной водѣ; они плачутъ, а зато бываютъ здоровы! Слышите, какъ они хвалятъ меня?» говорилъ онъ однажды, слыша ропотъ на него. Онъ подъѣзжалъ къ рядамъ недовольныхъ, начиналъ говорить, и все умолкало передъ нимъ.

И отъ солдата, и отъ офицера равно требовалъ Суворовъ быстроты, отваги, готовности, присутствія духа. Отсюда происходили его требованіе немедленнаго отвѣта на всякій вопросъ, его нелѣпые вопросы, затруднявшіе вопрошаемаго, его ненависть къ немогузнайкѣ, нихтбештимзагеру и унтеркунфту. «Сколько отсюда до мѣсяца? Сколько звѣздъ на небѣ?» спрашивалъ Суворовъ и цѣнилъ умъ въ отвѣтѣ, когда ему говорили: «Два солдатскихъ перехода». «Постойте, сосчитаю!»

Но для офицера и генерала были у него высшія требованія, высказываемыя языкомъ Плутарха и Цезаря: Les vertus militaires sont: bravoure au soldat, courage à l'officier, valeur au général. Aimez la vraie gloire, distinguez l'ambition de la fierté et de l'orgueil. Conservez dans votre mémoire les noms des grands hommes et suivez-les dans vos marches et vos opérations, mais avec prudence (добродѣтели военныя суть: храбрость солдату, мужество офицеру, безстрашіе генералу. Любите истинную славу, различайте честолюбіе отъ тщеславія и гордости. Храните въ памяти имена великихъ людей и слѣдуйте имъ въ вашихъ походахъ и войнахъ, но осторожно).

И какъ простого солдата, онъ умѣлъ возвысить до себя, одушевить и вдохновить офицера и генерала. У него не было людей ничтожныхъ. Кто съ Гудовичемъ совѣтовалъ отступать, тотъ съ Суворовымъ бралъ Измаилъ. Войска, съ Ферзеномъ отступавшія отъ Варшавы, взяли Прагу. Союзники, трепетавшіе предъ Моро и Бонапарте, были героями съ Суворовымъ. Но его взглядъ, проникавшій души истинныхъ героевъ, угадывалъ Багратіоновъ, Милорадовичей, Каменскихъ среди другихъ товарищей.

Такъ приготовляя себя и войско, Суворовъ никогда и ничѣмъ не пренебрегалъ. Не довѣряя никому, онъ самъ входилъ во всѣ малѣйшія подробности; не оставлялъ ничего на чьемъ-нибудь отчетѣ: все было на отчетѣ его. Ne méprisez jamais votre ennemi, quel qu'il soit, et connaissez bien ses armes, sa manière de s'en servir et de combattre, sachez vos forces et ses faiblesses (никогда не презирайте вашего непріятеля, каковъ ни былъ бы онъ, и хорошо узнавайте его оружіе, образъ дѣйствовать имъ и сражаться, свои силы и его слабости). Онъ самъ училъ подъ Измаиломъ ставить лѣстницы на валѣ. При каждой малой ошибкѣ онъ самъ осматривалъ мѣстоположеніе. Разсмотрите его диспозиціи: обезоруживаетъ ли онъ корпусъ поляковъ, располагаетъ ли штурмъ Измаила и Праги, сражается ли при Требіи и подъ Нови, идетъ ли на Ст.-Готардъ,—все предписано, все условлено, каждому указаны его мѣсто, его обязанность. «Кажется, предполагаю, можетъ быть не должны быть въ военномъ планѣ. Гипотезѣ не должно жертвовать войсками. Читай десять заповѣдей: видишь ли, какъ онѣ ясны и точны!» Такъ говорилъ Суворовъ, и вездѣ, всюду былъ онъ самъ, надзиралъ, ѣхалъ, шелъ впереди и сзади. Посмотрите, какъ онъ самъ стережетъ клѣтку Пугачева, самъ ѣдетъ за Кубань, самъ впереди войска идетъ подъ Рымникомъ и подъ Гирсовою, такъ что въ оба раза едва не попадается въ руки непріятельскихъ наѣздниковъ. Изъ Немирова въ Прагу онъ ѣдетъ нѣсколько сотъ верстъ верхомъ. Разглядывая каждый ручеекъ, каждый пригорокъ, онъ предводитъ, онъ и подаетъ примѣръ.

Наконецъ, будемъ откровенны въ заключеніе всего. Суворовъ отваживалъ свою жизнь всегда и вездѣ: отъ первой пули, въ 1759 году просвистѣвшей надъ его головою подъ Куннерсдорфомъ, до послѣдняго ядра въ 1799 году, прожужжавшаго мимо него въ Мутенталѣ. Отважность Суворова доходила до безразсудства.

Фельдмаршалъ, онъ несъ въ битвы свою голову, какъ молодой корнетъ, сражающійся за первый крестикъ. Смерть въ битвѣ была любимою мечтою его. Множество ранъ и изувѣченное тѣло свидѣтельствовали его отвагу. Въ теченіе сорока лѣтъ онъ ставилъ на карту все, и только чудо могло спасать его среди безчисленныхъ опасностей, какимъ онъ подвергался! «Кутузовъ знаетъ Суворова и Суворовъ Кутузова!—говорилъ онъ подъ Измаиломъ:—ни онъ, ни я не пережили бы неудачи!» Но дѣйствительно ли такая отвага, такая рѣшительность, такая «смерть копейка»—безразсудство? Не голосъ ли она Провидѣнія великому человѣку, что жизнь его стережетъ ангелъ-хранитель, внятно говорящій ему: «Падетъ отъ страны твоея тысяща и тма одесную тебѣ, но къ тебѣ не приблизится смерть»? Какъ? Неужели вы не видите, что такъ всегда поступали великіе избранники? Вы укажете на Густава-Адольфа, на Тюреня, павшихъ въ битвахъ, и ближе—на Вейсмана, въ коемъ погибъ, можетъ быть, другой Суворовъ? Вы скажете, что полководецъ долженъ соразмѣрять храбрость свою. Но гдѣ эта мѣра? Не находило ли лѣнивое ядро виноватаго тамъ, гдѣ онъ безпечно былъ зрителемъ благоразумнымъ? Такъ, Петръ, Фридрихъ, Наполеонъ, бывши монархами, подвергались гибели битвъ. Такъ, умалчиваемъ имя его, одинъ изъ избранниковъ Провидѣнія стоялъ грудью противъ пули мятежника, былъ безтрепетенъ подъ ядрами турковъ, равнодушенъ на кораблѣ, несомомъ бурею къ берегамъ вражескимъ, и смѣло явился среди столицы своей, губимой ужасомъ болѣзни смертоносной! Спросите у нихъ, у этихъ избранниковъ, о тайнѣ отваги ихъ и сознайтесь, что она вздохновляется непостижимо, какъ геній, коего никогда не разгадать нашей мудрости. Безъ этой увѣренности въ судьбу свою, безъ этого высокаго фатализма, если осмѣлимся такъ сказать, великое недоступно.

И вотъ гдѣ, въ этихъ соединенныхъ причинахъ, скрывалось то, что всегда вело Суворова къ побѣдѣ и что казалось близорукимъ наблюдателямъ слѣпымъ счастіемъ и случаемъ. Согласимся: былъ и въ его дѣлахъ случай, было счастіе, то, что пропускаетъ человѣкъ обыкновенный и чѣмъ пользуется человѣкъ геніальный. Есть случаи въ жизни человѣка, есть что-то, гдѣ видимъ неизъяснимое и что у простолюдиновъ называется счастіемъ. Провидѣніе выводитъ избранниковъ своихъ именно въ назначенномъ мѣстѣ, въ назначенное время. Суворову надлежало явиться при Екатеринѣ, понявшей «своего генерала», надлежало учиться съ первыхъ опытовъ у Фридриха, надлежало не встрѣтиться съ Бонапартомъ въ Италіи, какъ надлежало ему не погибнуть прежде въ тысячѣ опасностей. Но сколько было въ тѣ самыя времена, въ тѣхъ самыхъ обстоятельствахъ другихъ, и они не умѣли пользоваться случайностью, не были Суворовыми. Сколько и препятствій ставила Суворову судьба на пути, сколько разъ вязали его интрига, мелкій расчетъ, зависть другихъ, сколько было случаевъ, гдѣ погибли бы умъ, воля и средства всякаго другого? Онъ жилъ при Екатеринѣ, оцѣнявшей его, но не Екатерина ли выдала Суворова Потем-

кину и интригѣ дворской, пока Польша не заставила вновь вызвать его на побѣды? Всѣ сослуживцы Суворова учились въ Семилѣтнюю войну, но почему не выучились у Фридриха другіе? Въ Италіи не былъ Бонапарте, но тамъ былъ Моро, совершившій достопамятное отступленіе въ 1796 году и побѣдитель при Гогенлинденѣ въ 1800 году. Пусть Екатерина спасла Суворова отъ завистливости Румянцева, но вспомните Суворова подъ властью гофъкригсъ-рата, вспомните оставленнаго среди горъ Швейцаріи, гдѣ впереди были побѣдительный непріятель и могилы русскія, сзади недоступныя горы и гдѣ войско его, вѣрное войско, лишенное всѣхъ средствъ существованія и битвы, въ первый разъ возставало противъ него и говорило: куда ведетъ онъ насъ? И, какъ будто показывая, что счастіе не удѣлъ великихъ, судьба вызываетъ Суворова изъ его уединенія, куда забросили его злоба враговъ и интрига, и среди торжествъ лишаетъ его услажденія тихо и мирно почить на лаврахъ.

Только не изучавшій дѣлъ Суворова можетъ повѣрить ложному мнѣнію тѣхъ, кто послѣ счастія и удачи приписывалъ побѣды Суворова многочисленности войскъ, стремленію давить громадами и не жалѣть потери людей за успѣхъ. Напротивъ, почти всюду находимъ Суворова въ равномъ и наиболѣе въ меньшемъ числѣ войскъ противъ числа непріятелей. Официальные отчеты доказываютъ, что въ Италіи сражался онъ равнымъ числомъ, и многочисленность ли давала ему побѣду при Рымникѣ, Фокшанахъ и во всѣхъ битвахъ съ оттоманами? Тамъ вездѣ были у него сотни противъ тысячъ. Укоризна, что Суворовъ не жалѣлъ потерь,—наглая клевета. Суворовъ дорожилъ жизнью каждаго солдата, но не жалѣлъ потерь при перелетахъ своихъ съ мѣста на мѣсто, при ударѣ, зная, что гораздо болѣе утратитъ медленною войною, ползя черепахой, вмѣсто орлинаго взмаха. Въ лагерѣ, въ походѣ, въ больницѣ жизнь солдата была ему драгоцѣнна. Сравните, чего стоилъ Очаковъ при человѣколюбивой осадѣ Потемкинымъ, и Измаилъ при безчеловѣчной жертвѣ людьми Суворовымъ. Слова, что Суворовъ легко могъ побѣждать только буйныя дружины турковъ и нестройныя толпы польскихъ конфедератовъ, опровергаются италійскимъ походомъ. Но справедливо ли мнѣніе о легкости войны съ турками? Ихъ били Евгеній и Монтекукули, и Суворовъ довелъ побѣды надъ ними до какой-то игры военной. Но прежде, и даже послѣ Суворова, не нестройныя ли толпы турковъ оспоривали побѣды у полководцевъ Австріи и Россіи? Не приходилъ ли въ отчаяніе Румянцевъ въ 1771, 1773, 1774 и 1775 годахъ, сражаясь съ турками? Не отъ стѣнъ ли Акры отодвинулся геній Бонапарте? Суворовъ довелъ до совершенства искусство бить турковъ потому, что постигъ тайну побѣдъ надъ ними и привелъ ее въ тактическія правила.

Мы говоримъ: «тактическія правила», но не самъ ли Суворовъ отвергалъ всякую тактику? Недоразумѣніе забавное! Мы видѣли, какъ приготовился онъ наукою къ своему дѣлу, и глубокая тактика всегда руководила его. Отвергалъ онъ академическую так-

тику, которая то же, что риторика въ поэзіи, схоластика въ наукѣ. Эту тактику презиралъ Суворовъ, но онъ не скрывалъ тайнъ своей высшей тактики, и какую наставительную науку могло бы составить изученіе походовъ и битвъ Суворова (донынѣ не изъясненныхъ) людьми, которые были бы въ состояніи понимать ихъ!

Правда, и сто разъ повторялъ ее самъ Суворовъ, что вся тактика его состояла въ трехъ словахъ: быстрота, глазомѣръ, натискъ. Но не всякая ли наука состоитъ изъ немногихъ истинъ? Изучите ихъ, поймите ихъ, и вы узнаете науку, но приложеніе этихъ истинъ безконечно, и ему даже нельзя научиться. Здѣсь понятны слова Суворова, что война не наука, а искусство; что науку войны составляетъ геній; что плана въ войнѣ нѣтъ, и все опредѣляетъ глазомѣръ, дополняетъ быстрота, кончитъ натискъ. У Суворова было нѣсколько основныхъ правилъ, и они были глубоко вѣрны. Таковы были его правила: оборонительную войну должно вести только для перехода въ наступательную. Наступательная война даетъ побѣду. Раздѣленныя движенія и растянутыя линіи гибельны. Высадки дѣло всегда безполезное. Должно стремиться къ одной главной точкѣ и забывать о ретирадѣ, оставляя за собою только главныя точки опоры. Быстрота и внезапность замѣняютъ число. Натискъ и ударъ рѣшатъ битву и приступъ предпочтительнѣе осады. Такъ, въ выборѣ орудій битвы Суворовъ считалъ вѣрнѣйшимъ оружіемъ штыкъ. Таковы были его правила, и не должны ли они составлять основаній военной науки? Скажемъ болѣе, не составляли ли они ихъ у всѣхъ великихъ полководцевъ, отъ Александра и Цезаря до Фридриха и Наполеона? Повторяемъ, приложенія основныхъ истинъ безчисленны: изучайте походы Суворова, и вы изумитесь многоразличію приложеній при немногихъ основаніяхъ. «Всякая война различна: здѣсь масса въ одномъ мѣстѣ, тамъ громъ повсюду». Вспомните, что Суворовъ велитъ изучать своего непріятеля, что глазомѣръ его правило, что мѣстность опредѣляетъ у него побѣду. L'étude permanente du coup d'œil vous rendra grand général, говорилъ онъ. Sachez profitez des situations locales, gouvernez la fortune, c'est le moment qui donne la victoire. Maîtrisez la fortune par la célérité de César qui savait si bien surprendre ses ennemis, même en plein jour, les tourner et les attaquer aux endroits où il voulait et à quel temps. Habituez-vous à une activité énfatigable. Soyez patient dans vos travaux militaires, et ne vous laissez point abattre par les revers. Sachez prévenir les circonstances fausses et douteuses, mais ne vous laissez pas surprendre par une fougue déplacée (безпрерывное изученіе взгляда сдѣлаетъ тебя великимъ полководцемъ. Умѣй пользоваться мѣстностью, управляй счастіемъ: мгновеніе даетъ побѣду. Властвуй счастіемъ быстротою Цезаря, столь хорошо умѣвшаго захватывать внезапно враговъ даже днемъ, обращать ихъ куда ему угодно и побѣждать когда угодно. Піучайся къ неутомимой дѣятельности. Будь терпѣливъ въ военныхъ трудахъ и не унывай при неудачѣ. Умѣй предупреждать обстоятельства ложныя и сомнительныя, но не увлекайся неумѣстною горячностью).

Сообразите его планъ войны съ французами, диктованный Преводе-Люміану, его планы въ Италіи и послѣ итальянскаго похода. Планы Суворова такъ же поучительны, какъ его диспозиціи битвъ и его наставленія солдату.

Такъ, въ Польшѣ съ 1769-го до 1772 года Суворовъ съ малыми силами ведетъ войну гверильясовъ, является вездѣ, летаетъ всюду, не даетъ соединиться конфедератамъ и потому не боится раздѣльной многочисленности ихъ. Въ турецкой войнѣ 1773—1774 годовъ онъ начинаетъ приложеніе своей тактики противъ турковъ, состоявшей въ постройкѣ малаго карея, разстановкѣ кареевъ шахматомъ, охлажденіи горячки нападеній картечами, выборѣ минуты для удара штыкомъ и неутомимомъ преслѣдованіи, дабы не дать опомниться непріятелю. Не пренебрегайте дѣйствіями Суворова на Кубани и въ Крыму: здѣсь еще новое приложеніе его тактики. Въ турецкой войнѣ 1787—1790 годовъ Суворовъ вполнѣ развилъ свою тактику противъ турковъ. Каре, картечи, штыкъ; не дать опомниться; крѣпость сдается при быстротѣ движенія впередъ, блокируется, если не сдалась, берется приступомъ, если нельзя оставить ее при быстромъ расширеніи движенія впередъ. При Фокшанахъ и Рымникѣ Суворовъ выигрываетъ неожиданностью перехода, скрытнымъ приближеніемъ, шахматною постройкою кареевъ,—нападеніе, ударъ, картечи, быстрота преслѣдованія рѣшаютъ дѣло. Если бы слушали Суворова, нельзя сомнѣваться, что русскіе были бы въ Адріанополѣ за сорокъ лѣтъ прежде 1829 года! Въ польской войнѣ 1794 г., посмотрите, какъ очистивъ ударомъ Литву отъ Сираковскаго, онъ останавливается, ждетъ цѣлый мѣсяцъ, разсчитываетъ время и рѣшаетъ войну ударомъ. Но верхъ искусства его—походъ Итальянскій. Онъ хочетъ рѣшить быстротою, пользуясь смятеніемъ Шерера; лишенный средствъ, искусно маневрируетъ противъ Моро, обманываетъ его и Магдональда, бьетъ Магдональда, обращается на Моро, и принужденный необходимостью медлить, тщательно бережется отъ Шампіонета, выманиваетъ Жуберта къ Нови, схватываетъ минуту битвы, устремляется на неприступныя высоты, разсчитываетъ мигъ удара, бросается въ битву самъ и обходнымъ движеніемъ Меласа рѣшаетъ побѣду. Опять нѣтъ сомнѣнія: дайте ему еще мѣсяцъ времени, и Генуя была бы взята, и армія Шампіонета не существовала бы. Его планы эрцгерцогу Карлу, его борьба въ Италіи безспорно доказываютъ, что даже и при исполненіи чужого плана, оставаясь въ Италіи, онъ былъ бы въ ноябрѣ въ Ліонѣ и въ январѣ 1800 года въ Парижѣ.

Спрашиваютъ: какую же эпоху сдѣлалъ, какое измѣненіе произвелъ Суворовъ вообще въ военномъ искусствѣ? Что приложилъ онъ къ наукѣ войны? Но, кромѣ приведенія въ правила тактики противъ турковъ, не угадалъ ли онъ тайны новѣйшей тактики европейской, развитой въ революціонныя войны и въ войнахъ Наполеона? То, что европейцы называютъ Наполеоновскимъ, не должны ли мы справедливѣе назвать Суворовскимъ? Глазомѣръ, быстрота, натискъ не были ль основнымъ правиломъ Наполеона? Не

тѣмъ ли побѣдили его въ 1813 и 1814 годахъ? Походъ русскихъ въ Турцію въ 1829 году не былъ ли исполненіемъ мысли Суворова? Ударъ Паскевича на Варшаву не былъ ли повтореніемъ удара Суворова на Прагу въ 1794 году? Штыкъ, усовершенствованный Суворовымъ, не сдѣлался ли рѣшителемъ побѣдъ въ рукахъ русскаго солдата? И если вы станете утверждать, что Суворовъ отвергалъ тактику, мы скажемъ, что онъ отвергалъ ее потому, что онъ пересоздалъ ее и потому могъ отвергать, что былъ творцомъ новой науки войны.

Мы говорили о Суворовѣ, какъ о воинѣ и полководцѣ. Менѣе ли великъ онъ въ другихъ отношеніяхъ, разсматриваемый какъ политикъ, какъ дипломатъ? И здѣсь, отвергая лживую, обманчивую политику и вѣроломную дипломатику, онъ создавалъ свое и какъ глубоко проникалъ онъ въ тайны политики, въ умѣнье двигать событіями и людьми!

Мы видѣли Суворова послѣ укрощенія Пугачевскаго бунта, умиряющаго страны, опустошенныя и взволнованныя злодѣемъ. Вспомнимъ дѣла его въ Крыму и на Кубани, гдѣ онъ способствовалъ покоренію Россіи остатковъ монгольскихъ племенъ, предлагалъ планъ свой довершить покореніе Крымскаго полуострова и усмирялъ ногайцевъ; вспомнимъ пребываніе его въ Польшѣ съ 1794 года и наконецъ дѣла его въ Италіи, гдѣ призывалъ онъ подъ власть законныхъ государей народы, и тысячи принимались за оружіе противъ общаго врага. Всюду пріобрѣталъ онъ любовь, довѣріе, благословеніе жителей. Читайте его планы войны противъ французовъ, его донесенія изъ Италіи, его замѣчанія о современномъ положеніи Европы; вспомните слова его въ Прагѣ Беллегарду и Минто о французской революціи. Вы убѣдитесь, что не только воинъ, но и великій политикъ былъ герой Рымника и Требіи. Если намъ позволено предполагать, что могло бъ быть при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ, можемъ утвердить, что дѣла Европы могли бы совершенно измѣниться при исполненіи плановъ Суворова и событія 1814 года могли бы перенестись въ 1799 годъ.

Характеръ Суворова былъ прекрасно высокъ. Не себя ли изображалъ онъ, изображая характеръ истиннаго героя? Le héros, говорилъ онъ, est hardi sans fougue, célère sans brusquerie, actif sans étourderie, subordonné sans souplesse, chef sans suffisance, vainqueur sans vanité, ambitieux sans fierté,. noble sans orgueil, aisé sans duplicité, ferme sans opiniâtreté, discret sans dissimulation, solide sans pédantisme, agréable sans frivolité, uni sans mélanges, dispos sans artifice, pénétrant sans ruse, sincère sans bonhomie, affable sans détours, serviable sans intérêt, résolu, fuyant l'incertitude. Il préfère le jugement à l'esprit. Ennemi de l'envie, haine et vengeance, il abbat ses antagonistes par la bonté et domine ses amis par sa fidélité. Il fatigue son corps pour le renforcer. Il est maître de la pudeur et de la continence. Sa morale est la religion, ses vertus sont celles de grands hommes. Plein de candeur, il méprise le mensonge, droit par caractère, il culbute la fausseté. Son commerce n'est qu'avec les gens de bien. L'honneur

et l'honnêteté se décelent dans toutes ses actions. Il est chéri de son maître et de l'armée. Tout lui est dévoué et tout est plein de confiance en lui. Un jour de bataille ou de marche il pèse les objets, il arrange les mesures et se résigne pleinement en la Providence Divine. Il ne se laisse pas gouverner par le torrent des circonstances, mais il se soumet les événements. Agissant toujours avec prévoyance, il est infatigable à tout moment *). Кажется читаете страницу Плутарха, читая эти строки. И таковъ былъ Суворовъ.

Онъ любилъ славу и не скрывалъ своей любви, любилъ славу больше всего, ставя выше ея только счастіе и благо отечества, съ коими соединялъ онъ благоговѣніе къ монархамъ, гордясь именемъ русскаго, восклицая передъ рядами воиновъ своихъ: «Слава Богу! я русскій и вы русскіе!» Суворовъ видѣлъ въ славѣ, въ почестяхъ награду свою, дорожилъ отличіями, имъ полученными. Но какъ различно было его честолюбіе отъ мелкаго честолюбія, какъ глубоко было его презрѣніе къ интригѣ, къ тому, чѣмъ успѣвали другіе. Польза, истина были у него впереди всѣхъ страстей, и гордый характеръ его, допуская уклончивость передъ сильнымъ, никогда не уступалъ ему своей славы, своей чести. Въ юныхъ лѣтахъ, разгадавши вѣкъ свой, Суворовъ прикрылъ себя мантіей Діогена, но сколько разъ въ жизни его можно было примѣнить къ нему извѣстный стихъ Руссо (Le masque tombe, l'homme reste et le héros s'évanouit) въ обратномъ смыслѣ: Маска падаетъ, человѣкъ исчезаетъ и является герой! Онъ забылъ о своемъ притворствѣ, противорѣча въ польской войнѣ робкому Веймарну, указывая Румянцеву путь къ побѣдамъ, оскорбляясь, когда Каменскому отдали лавры его побѣдъ. Онъ видѣлъ въ Потемкинѣ великаго человѣка и повиновался ему, но какъ смѣло говорилъ онъ ему подъ Очаковомъ, и какъ великъ былъ онъ, побѣдитель подъ Рымникомъ и въ Измаилѣ, говоря Потемкину: «Я не торговаться къ

---

*) Герой смѣлъ безъ запальчивости, быстръ безъ торопливости, дѣятеленъ безъ опрометчивости, подчиненъ безъ изгибчивости, начальникъ безъ самонадѣянности, побѣдитель безъ тщеславія, честолюбивъ безъ надменности, благороденъ безъ гордости, доступенъ безъ лукавства, твердъ безъ упрямства, скроменъ безъ притворства, твердъ безъ педантства, пріятенъ безъ легкомыслія, ровенъ безъ примѣси, обязателенъ безъ хитрости, проницателенъ безъ коварства, искрененъ безъ оплошности, благосклоненъ безъ изворотовъ, услужливъ безъ своекорыстія, рѣшителенъ, убѣгаетъ недоумѣній. Онъ предпочитаетъ разсудокъ остроумію. Врагъ зависти, ненависти, мщенія, онъ низлагаетъ соперниковъ добротою, управляетъ друзьями вѣрностью. Онъ утомляетъ тѣло, укрѣпляя его. Онъ властитель стыдливости и воздержанія. Нравственность— его религія; его добродѣтели суть добродѣтели великихъ людей. Исполненъ откровенности, онъ презираетъ ложь; правый по характеру, онъ отвергаетъ лживость. Онъ въ сношеніяхъ только съ достойными людьми. Честь и честность сокрыты во всѣхъ дѣлахъ его. Онъ любимъ своимъ повелителемъ и войскомъ. Все ему предано и исполнено довѣренности къ нему. Въ день битвы или похода онъ взвѣшиваетъ предметы, уравниваетъ мѣры и вполнѣ предается Божественному Провидѣнію. Не увлекаясь потокомъ обстоятельствъ, онъ подчиняетъ событія. Всегда дѣйствуя предусмотрительно, онъ неутомимъ каждое мгновеніе.

вамъ пріѣхалъ—только Богъ и Царица моя могутъ наградить меня!» А какъ великъ онъ, когда послѣ смерти Екатерины враги успѣваютъ оклеветать его, какъ великъ онъ Цинциннатомъ въ своемъ уединеніи, непреклонный, гордый, согласный лучше надѣть рясу инока, нежели купить милость униженіемъ, идти въ келью монастырскую, нежели вмѣшаться въ толпу ласкателей дворскихъ!

Намъ могутъ казаться странными земные поклоны Суворова Екатеринѣ, униженныя выраженія въ письмахъ его Потемкину, но то были условія, приличія вѣка его. «Государь!» говорилъ китайскій мудрецъ, когда ему угрожалъ смертью раздраженный монархъ, передъ трономъ коего стоялъ онъ на колѣняхъ, стуча лбомъ въ землю, «Государь! я не подпишу повелѣваемаго тобою: ты несправедливъ!» Не выше ли былъ онъ, этотъ раболѣпный китаецъ, въ ту минуту гордаго европейца, который не становится на колѣни, но униженно склоняетъ волю свою передъ прихотью какого-либо гордаго временщика, пресмыкаясь въ его передней? Поймите величіе Суворова, колѣнопреклоненнаго передъ Екатериною и гордо отказывающагося отъ милостей Потемкина, падающаго на колѣни передъ императоромъ по пріѣздѣ изъ Коншанскаго, когда ничто прежде не могло преклонить его воли, пока не услышалъ онъ словъ: «Не время считаться! Виноватаго Богъ проститъ!» Не удивляйтесь, если Суворовъ, посылая къ Потемкину какого-то молодого родственника, пишетъ Попову: «Представьте его Свѣтлѣйшему Князю, велите поклониться пониже, и ежели можетъ быть удостоенъ, поцѣловалъ бы его руку. Доколѣ Жанъ-Жакомъ мы не были опрокинуты, цѣловали мы у стариковъ руку. Прикажите ему исполнить какъ приличнѣе». Такъ онъ писалъ дочери: «Когда будешь во дворцѣ и встрѣтишь стариковъ, показывай видъ, что хочешь поцѣловать у нихъ руку, отнюдь не позволяя цѣловать имъ своей руки». Обычаи и приличія измѣняются, но основанія благородства неизмѣнны. Во времена Суворова въ нравахъ русскихъ оставались еще слѣды бытія Россіи до Петра Великаго. Онъ запретилъ становиться на колѣни при встрѣчѣ съ нимъ на улицѣ; Екатерина уничтожила подпись полуименемъ и слово: «рабъ», въ просьбахъ и письмахъ на имя царское. Этикетъ и приличія дворскія и общественныя почти во всей Европѣ до самаго окончанія прошлаго вѣка носили на себѣ слѣды временъ феодолизма и вѣка Людовика XIV-го.

Суворовъ, свято чтившій обычаи предковъ, видѣвшій въ нихъ основаніе добродѣтелей, наблюдавшій пагубныя слѣдствія идей, распространявшихся съ послѣдней четверти прошедшаго вѣка, любилъ нарочно усиливать, увеличивать въ глазахъ другихъ все, что начинало казаться устарѣлымъ и обветшалымъ. Такъ изъявлялъ онъ знаки униженной покорности при встрѣчѣ съ старшими по чину стариками и женщинами, нарочно исполнялъ всѣ обряды религіозные, молился проѣзжая мимо церкви, клалъ земные поклоны передъ образами, строго держалъ посты, крестился входя въ комнату, садясь за столъ и даже зѣвая. Во всемъ житьѣ своемъ хранилъ онъ патріархальную простоту старины, даже предразсуд-

ки и суевѣрныя повѣрья, хотя понималъ всю тонкость свѣтскаго обращенія, былъ чуждъ суевѣрія, любилъ и требовалъ образованности и просвѣщенія и въ обращеніи, даже съ подчиненными своими, позволялъ полную свободу. Строгій на службѣ, неукоснительно соблюдавшій требованія дисциплины, онъ казался другомъ и товарищемъ самыхъ солдатъ, не допуская только нарушенія приличій. Въ обращеніи не отставалъ отъ своихъ привычныхъ странностей, но никогда не нарушалъ правилъ благопристойности и вѣжливости. Soyez franc avec vos amis, tempéré dans votre nécessaire, désintéressé dans votre conduite, apprenez de bonne heure à pardonner les fautes d'autrui, et ne vous pardonnez jamais les vôtres (будь открытъ съ друзьями, умѣренъ въ необходимомъ, безкорыстенъ въ поведеніи, заранѣе учись прощать ошибки другихъ и никогда не прощай своихъ ошибокъ), говаривалъ Суворовъ.

Онъ былъ небольшого роста, худощавъ, немного сгорбленъ, сложенія слабаго по природѣ, и здоровье его было ослаблено кромѣ того трудами, увѣчьемъ, ранами. Но такова была сила души его, такъ пріучено было къ труду и лишеніямъ тѣло его, что никакія перемѣны климата, временъ года, походы, безсонныя ночи, изнурительная ѣзда верхомъ не истощали его, и онъ изумлялъ бодростью мощныхъ и сильныхъ. Голова его рано посѣдѣла и на ней оставалось немного волосовъ, собранныхъ локономъ напереди. Лицо его было покрыто морщинами, небольшое, сухощавое, но оживлялось голубыми глазами, всегда живыми и свѣтлыми. Зрѣніе до самой смерти сохранилось у него необыкновенное. Каждый день начиналъ онъ тѣмъ, что его окачивали холодною водою со льдомъ, даже зимою. Онъ всегда спалъ на сѣнѣ или на соломѣ, даже и тогда, когда живалъ въ царскихъ дворцахъ и великолѣпныхъ чертогахъ. Онъ не терпѣлъ пышности и великолѣпія. Пища его была простая, русская: щи, каша, пирогъ, а питье квасъ. Передъ обѣдомъ онъ всегда выпивалъ рюмку водки, а послѣ обѣда рюмку вина. Въ походѣ иногда довольствовался онъ солдатскимъ сухаремъ и водою. Рѣдко выѣзжая въ гости, за самымъ роскошнымъ обѣдомъ ѣлъ онъ немного и не любилъ ни пировъ, ни баловъ, являясь на минуту и убѣгая послѣ какой-нибудь шутки. Проигравъ однажды въ молодости значительную сумму денегъ, онъ далъ себѣ слово не играть никогда въ карты, держалъ его, и даже терпѣть не могъ картъ. Онъ не курилъ табаку, но нюхалъ простой русскій табакъ. Изящныя художества казались ему забавою. На музыку смотрѣлъ онъ, какъ на средство возбуждать бодрость воина, считалъ ее необходимостью въ битвѣ и походѣ, водилъ полки въ сраженія съ музыкою и вѣніемъ и особенно любилъ русскія пѣсни. Преданный одной мысли, Суворовъ всегда велъ жизнь уединенную. Прислугу его составляли двое-трое служителей, въ числѣ коихъ много лѣтъ находился у него Прошка, нѣкогда спасшій ему жизнь въ битвѣ, пьяница и грубіянъ, камердинеръ его. Суворовъ вставалъ часа въ два пополуночи, окачивался холодною водою, одѣвался въ куртку, надѣвалъ на шею какой-нибудь орденъ, молился и пилъ чай. Тогда являлся его поваръ, и ему заказывались:

спартанская похлебка, вавилонскій соусъ, ассирійская каша, финикійскій пирогъ. Послѣ уроковъ въ турецкомъ языкѣ для экзерциціи памяти являлись чиновники съ бумагами, и въ шесть часовъ Суворовъ выходилъ на ученье или на разводъ въ мундирѣ. Въ 9 часовъ онъ обѣдалъ, приглашалъ къ себѣ офицеровъ и генераловъ. Адъютантъ его читалъ Отче нашъ. Каждый изъ гостей долженъ былъ отвѣчать: Аминь! Кто забывалъ аминь, тому не давали водки. Обѣдъ шелъ скоро, но за столомъ сидѣли долго: это было время отдыха, время шутки и проказъ. Суворовъ говорилъ тогда безъ умолка, мѣшалъ изреченія мудреца съ шалостями ребенка, коверкался, кривлялся, прыгалъ, умилялъ трогательнымъ разсказомъ, возвышалъ душу воспоминаніемъ и вдругъ пѣлъ кукуреку, прыгалъ на одной ногѣ, несмотря ни на чье присутствіе. Вдругъ онъ вставалъ, громко молился, убѣгалъ изъ комнаты, ложился спать, и иногда спалъ три-четыре часа. Вставши онъ долго умывался и начиналъ дѣла. Здѣсь являлся другой Суворовъ. Не оставляя шутокъ и проказъ даже во дворцѣ, вездѣ, гдѣ онъ бывалъ, прыгая, бѣгая, кланяясь страннымъ образомъ, Суворовъ измѣнялся, принимаясь въ кабинетѣ своемъ за дѣло. Онъ былъ тогда важенъ, задумчивъ, краснорѣчивъ, удивлялъ быстротою соображеній и не допускалъ ни малѣйшей шутки. Такъ, въ торжественныхъ случаяхъ, при пріемѣ иностранцевъ, на парадѣ, въ праздничные дни въ церкви, являясь въ богатомъ мундирѣ, обвѣшанный орденами, своимъ быстрымъ взглядомъ, сѣдою какъ лунь головою, онъ внушалъ невольное почтеніе. «Здѣсь я не Суворовъ», говорилъ онъ, «а фельдмаршалъ русскій!» По окончаніи дѣлъ Суворовъ оставался одинъ и посвящалъ время чтенію и ученью. До самой смерти чтеніе было его отдыхомъ. Поэзію назвалъ онъ услажденіемъ сердца. «Гдѣ есть Ахиллесы, тамъ должны быть Омиры: они ведутъ къ славѣ героя!» говаривалъ Суворовъ. Любя и уважая Державина, Суворовъ любилъ Кострова, переводчика Иліады и Оссіана. Суворовъ и Наполеонъ восхищались Оссіаномъ. Державину и Кострову иногда отвѣчалъ онъ стихами, которые самъ называлъ смѣясь «косноязычными».

Суворовъ былъ не только благочестивъ, но даже набоженъ, и поставлялъ религію обязанностью воина. Мы уже видѣли, что онъ самъ пѣвалъ и читывалъ въ церкви. Молитвою начиналъ онъ каждую битву и каждый походъ. Молебствія послѣ побѣдъ отправлялись съ возможною торжественностью, и раздача орденовъ и наградъ производилась всегда въ церквахъ послѣ молебна. Суворовъ бралъ крестъ, звѣзду, шпагу, крестился, цѣловалъ знакъ отличія и, вручая его, благословлялъ награждаемаго. Милосердіе, благотворительность, правдолюбіе, цѣломудріе были добродѣтелями, украшавшими Суворова. Страшный въ дни брани, неотступный требователь исполненія должности, онъ миловалъ, щадилъ враговъ, строго наказывалъ обиду мирныхъ жителей и благодѣяніями означалъ слѣды свои всюду, гдѣ протекалъ съ громами битвъ, въ Турціи, Польшѣ, Италіи. Никогда не подвергалъ онъ суду и несчастію, если видѣлъ раскаяніе, и нерѣдко платилъ отъ себя день-

ги, растраченныя или потерянныя по неосторожности его подчиненнымъ. Бѣдные офицеры получали отъ него помощь, но только глубокая тайна должна была храниться ими. Онъ не щадилъ благотвореній убогимъ, давалъ, что могъ, и скрывалъ благодѣянія. Только послѣ смерти Суворова узнали имя благотворителя, ежегодно присылавшаго въ петербургскую городскую тюрьму передъ Свѣтлымъ Воскресеньемъ по нѣскольку тысячъ рублей на искупленіе неимущихъ должниковъ. Никогда не отказывалъ Суворовъ въ ходатайствѣ за угнетеннаго и несчастнаго. Суворовъ не терпѣлъ лжи, клеветы, наушничества. Смѣло говорилъ онъ, что никогда и никому, даже врагамъ своимъ, не нарушалъ даннаго слова и обѣщанія. Строгая нравственность считалась Суворовымъ обязанностью христіанина и воина, и, если онъ прощалъ слабости другимъ, не только примѣры разврата, но и двусмысленныя слова запрещались въ его присутствіи.

Суворовъ былъ вѣрный другъ и добрый родственникъ. Онъ помнилъ добро, говоря, что не только благодѣянія, но и хлѣбъ-соль забывать стыдно и грѣшно. Лишенный наслажденія семейною жизнью, Суворовъ нѣжно любилъ дѣтей своихъ, свою Суворочку. Однажды, посланный на службу, онъ свернулъ съ дороги и прискакалъ въ деревню, гдѣ жили дѣти его, вечеромъ. Запретивъ тревожить дѣтей, ибо они уже спали, добрый отецъ тихо вошелъ въ спальню ихъ, полюбовался ими, благословилъ ихъ и немедленно уѣхалъ, вознаграждая скоростью ѣзды время, отданное чувству любви родительской.

Таковъ былъ нашъ великій Суворовъ, загадка современникамъ, герой, имя коего отзывалось въ цѣлой Европѣ, и чудакъ для тѣхъ, кто приближался къ нему, дивный Протей, оживленная доброта и нѣжность сердца, о которомъ говорили, какъ о кровожадномъ чудовищѣ, и умъ необыкновенный, изумлявшій шутовскою рѣчью. Приходили взглянуть на Суворова, видѣли худенькаго, слабаго старичка, смѣшившаго шутками; старичокъ превращался въ исполина, въ генія, если узнавали его ближе. Тогда понимали и его, и великія дѣла его, и любовь, какою привязывалъ онъ къ себѣ знавшихъ его.

Изумительное созданіе, Суворовъ, какъ всѣ великіе люди, испытывалъ въ жизни минуты, недоступныя людямъ обыкновеннымъ, испытывалъ и скорби, какихъ люди обыкновенные не знаютъ. Судьба, играющая жребіемъ смертныхъ, черезъ два года послѣ полтавской битвы увлекшая Петра Великаго на берега Прута, и черезъ три года изъ Дрездена, гдѣ предсѣдалъ онъ въ совѣтѣ царей, бросившая Наполеона на скалы острова св. Елены, всегда такъ ведетъ великихъ. На высотѣ горъ природа изрываетъ бездонныя пропасти. Около холмовъ только разстилаются луга и долины.

Сынъ Суворова, князь Аркадій Александровичъ, на двадцатомъ году сопутствовавшій родителю на Альпы, отличался дарованіями воинскими, былъ генералъ-адъютантомъ и генералъ-лейтенантомъ, и на 27-мъ году, находясь въ Молдавіи при русской арміи, въ 1811 году утонулъ въ рѣкѣ Рымникѣ, черезъ которую хотѣлъ пе-

реправиться во время разлива. Странное сближеніе случайностей: смерть сына въ волнахъ рѣки, на берегахъ коей торжествовалъ побѣду отецъ, имя коей слилось навсегда съ именемъ Суворова! Бренные останки сына Суворова покоятся въ Воскресенскомъ монастырѣ, иначе называемомъ Новый Іерусалимъ (въ 45 верстахъ отъ Москвы). Онъ былъ женатъ на Еленѣ Александровнѣ Нарышкиной (по кончинѣ его вышедшей за князя В. С. Голицына) и имѣлъ отъ нея двухъ сыновей: Александра и Константина, и двухъ дочерей. Князь Александръ Аркадіевичъ, нынѣ *) генералъ-майоръ въ свитѣ Е. И. В., съ честью служилъ въ войнахъ персидской, турецкой и польской. Покоритель Варшавы, князь Варшавскій, графъ Паскевичъ-Эриванскій, прислалъ съ нимъ извѣстіе о взятіи Варшавы, нѣкогда павшей отъ меча его дѣда. Внукъ Суворова въ званіи полковника и флигель-адъютанта состоялъ при особѣ Е. И. В. и заслуги его удостоились наградъ орденами св. Владиміра 3-й, св. Анны 2-й, прусскаго Краснаго Орла 3-й степени, австрійскаго Леопольда, персидскаго Льва и Солнца, съ алмазами, и золотою шпагою за храбрость. Грудь его украшена медалью за турецкую войну, знакомъ Военнаго Достоинства 4-й степени за польскую войну и орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго. Внучки Суворова, княжна Марья Аркадіевна въ супружествѣ съ княземъ Мих. Мих. Голицынымъ; княжна Варвара Аркадіевна была за Дмитр. Евл. Башмаковымъ, а по кончинѣ его вышла за князя Андрея Ивановича Горчакова. Зять Суворова, графъ Н. А. Зубовъ, въ день коронованія императора Александра пожалованный въ оберъ-шталмейстеры, скончался въ 1805 году, оставя послѣ себя трехъ сыновей, князей Александра, Платона и Валеріана, и трехъ дочерей, княженъ Вѣру, Любовь и Ольгу.

Потомство Суворова, сохраняя въ мужскомъ родѣ высокіе титулы свѣтлѣйшихъ князей Италійскихъ, графовъ Суворовыхъ-Рымникскихъ, сохраняетъ и гербъ великаго предка своего, гдѣ видны знаменія подвиговъ его: изображеніе рѣки Рымника съ надписью, брильянтовый плюмажъ съ буквою К (Кинбурнъ), перуны, лавры, мечи, орелъ и сердце. Два льва держатъ щитъ подъ княжескою короною.

По восшествіи на престолъ императора Александра повелѣно было воздвигнуть Суворову памятникъ, предположенный его августѣйшимъ родителемъ. Памятникъ этотъ произведенъ былъ изъ бронзы извѣстнымъ ваятелемъ Козловскимъ и торжественно открытъ въ 1801 году на Царицынномъ Лугу. Впослѣдствіи перенесли его на площадь близъ Троицкаго моста, получившую послѣ этого названіе Суворовской. Герой изображенъ въ видѣ рыцаря. Онъ закрываетъ щитомъ жертвенникъ, на которомъ находятся двѣ короны и тіара. На щитѣ гербъ Россіи. Правою рукою Суворовъ держитъ мечъ и готовъ защитить вѣнцы, прикрытые щитомъ его. На пьедесталѣ, образующемъ круглый столбъ, коего базисъ имѣ-

*) Въ 1843 году, когда Н. А. Полевой писалъ Исторію Суворова.

Прим. изд.

етъ двѣ сажени въ поперечникѣ,—надпись на бронзовой доскѣ: «Князь Италійскій, графъ Суворовъ-Рымникскій, 1801».

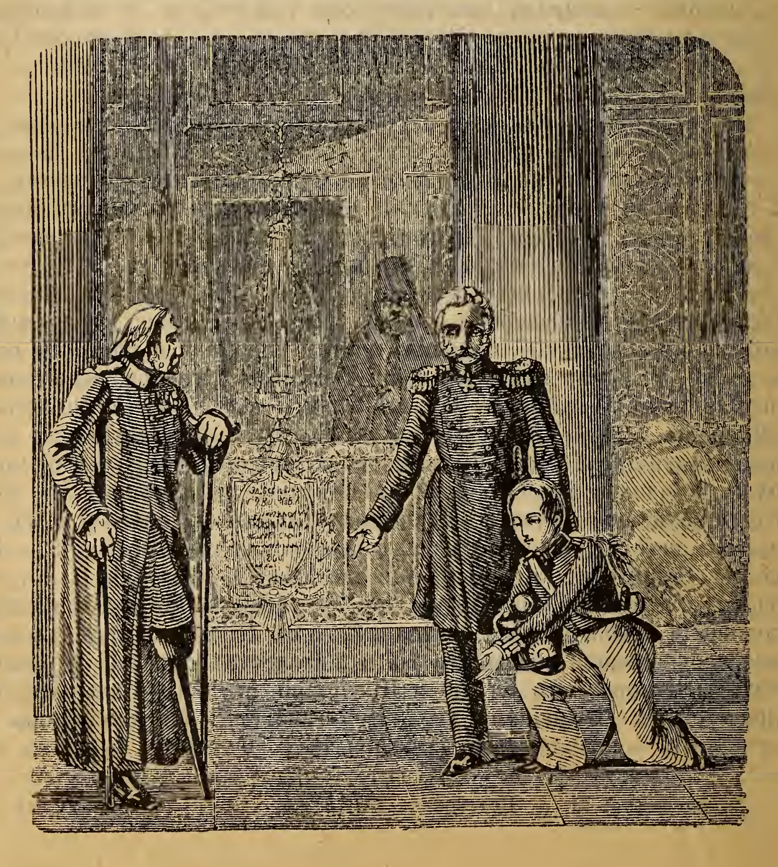
Прочнѣе и величественнѣе тотъ памятникъ, коимъ почтилъ память Суворова императоръ Николай на другой годъ по вступленіи своемъ на престолъ: «въ честь непобѣдимому полководцу и для возбужденія въ молодыхъ воинахъ воспоминанія о безсмертныхъ подвигахъ его», Высочайше повелѣно въ 17-й день августа переименовать гренадерскій фанагорійскій, любимый полкъ Суворова, съ коимъ былъ онъ на Рымникѣ и подъ Измаиломъ, гренадерскимъ генералиссимуса князя Суворова-Италійскаго полкомъ. Имя Суворова останется навсегда въ рядахъ русской арміи. Внукъ Суворова былъ нѣсколько времени начальникомъ этого полка.

Въ стѣнахъ Александро-Невской лавры, въ церкви Благовѣщенія, среди гробницъ, въ коихъ почіютъ сестра и сынъ Петра Великаго, супруга и дочь Павла I-го, дочери Александра Благословеннаго, и фельдмаршалы Брюсъ, Голицынъ, Разумовскій, Долгорукій, покоятся земные останки Суворова. Небольшая бронзовая доска означаетъ мѣсто могилы его. На доскѣ видны три слова, составляющія надпись, которую завѣщалъ начертать на его надгробіи великій вождь, смотря на гробницу Лаудона. Напрасно современники прибавили означеніе года рожденія и года кончины: «генералиссимусъ, князь Италійскій, графъ А. В. Суворовъ-Рымникскій, родился въ 1729, ноября 13-го, скончался 1800, мая 6 дня».

Неужели изъ среды военныхъ писателей нашихъ долго еще не сыщется ни одинъ, кто посвятилъ бы время и трудъ на твореніе во славу великаго полководца и назиданіе каждому военному человѣку и полководцу, подарилъ отечество драгоцѣннымъ твореніемъ? Слава отечества драгоцѣнна каждому изъ насъ, а исторія Суворова—свѣтлая страница въ исторіи Россіи и въ лѣтописяхъ воинской чести нашей—безцѣнный перлъ въ глубинѣ нашихъ воспоминаній. О Суворовѣ писали много при жизни и по смерти его, но къ сожалѣнію, большею частью списывая и повторяя одно и то же. Укажемъ здѣсь будущему историку Суворова на важнѣйшее, донынѣ *) изданное: Versuch einer Kriegsgeschichte Suworow's (Мюнхенъ 1795—1799 г., 3 части, съ картами и планами), сочиненіе Антинга. Авторъ былъ подполковникомъ въ русской службѣ и находился при Суворовѣ адъютантомъ въ Варшавѣ, въ 1795 году. Сочиненіе Антинга оканчивается польскою войною 1794 года. Въ видѣ продолженія издалъ свое сочиненіе Альфонсъ де-Бошанъ (Histoire de la campagne du maréchal Souworoff en Italie), выборку изъ реляцій и изъ Précis des événements militaires, извѣстнаго сочиненія Матьё Дюмаса, выходившаго съ 1800 года въ видѣ журнала современной войны. Въ 1-й и 2-й частяхъ описаны Дюмасомъ походы Суворова въ Италіи и Швейцаріи съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ и знаніемъ дѣла. Неумышленныя ошибки автора могутъ быть исправлены по изданной Е. Б. Фуксомъ, бывшимъ при

*) Это писалъ Н. А. Полевой въ 1843 году. Прим. изд.

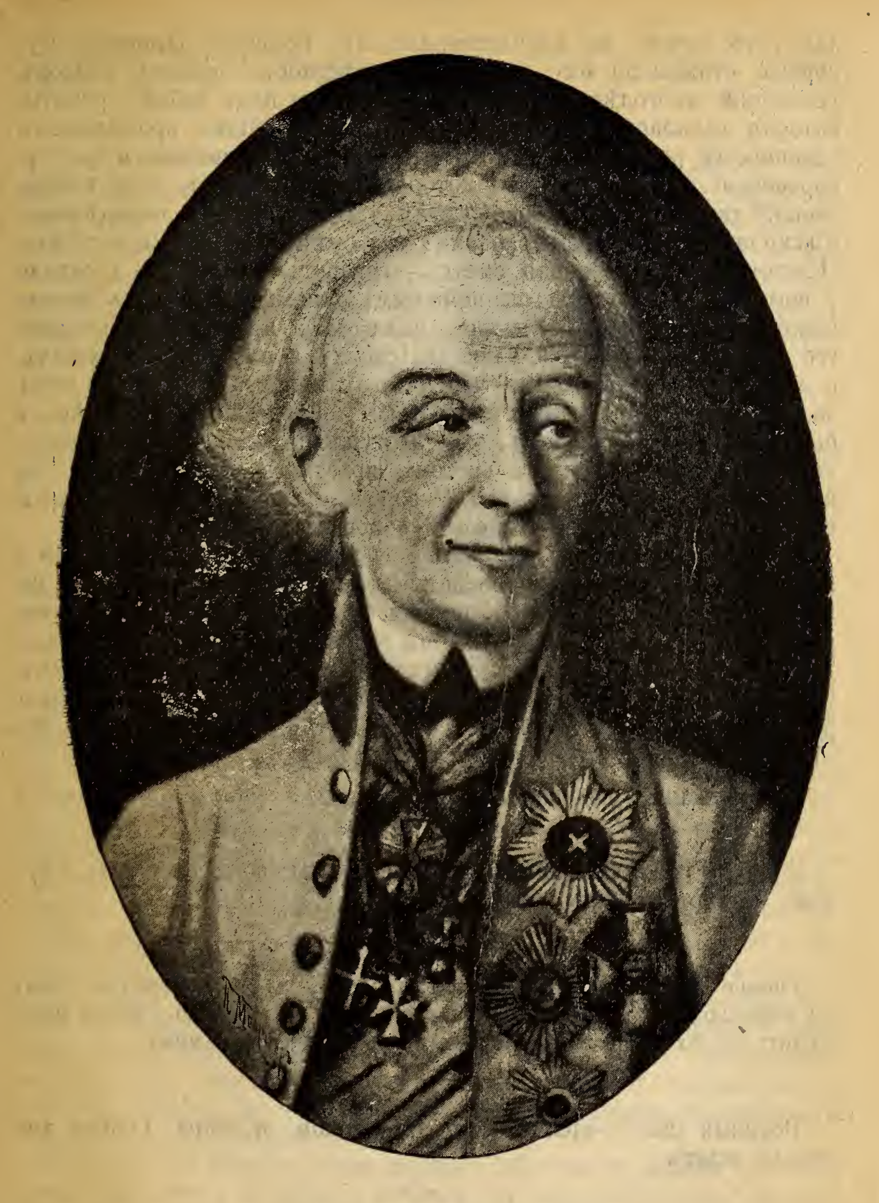
Суворовѣ въ 1799 г. правителемъ канцеляріи, книгѣ: «Исторія Россійско-Австрійской кампаніи» (въ Спб. 1826 года, 3 тома. Въ первомъ исторія похода, но драгоцѣнны два другіе тома, гдѣ собраны донесенія и переписка Суворова). Г. Фуксъ обѣщалъ издать полную исторію Суворова, но издалъ въ 1811 году подъ заглавіемъ: «Исторія генералиссимуса князя Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго» (въ Спб. 2 части, въ 8⁰), сборъ статей и замѣтокъ о Суворовѣ. Въ 1833 году въ Вильнѣ изданъ былъ первый томъ книги: Suworow's Leben und Heerzüge, сочиненіе Фридриха Шмитта, лучшее и полнѣйшее изъ всего, что писано о Суворовѣ. Авторъ обѣщалъ вторую часть; первая оканчивается взятіемъ Измаила. Изъ частныхъ сочиненій замѣчательны: «Жизнь Суворова, имъ самимъ описанная», С. Н. Глинки (М. 1819 г., 2 части); «Анекдоты князя Италійскаго, Суворова-Рымникскаго», Е. Б. Фукса (Спб. 1827 года); «Собраніе разныхъ сочиненій Е. Б. Фукса» (Спб. 1827 года), гдѣ есть любопытныя подробности; «Собраніе анекдотовъ князя Италійскаго» (изданіе Левшина, М. 1809 г.; третье изданіе, М. 1814 г.). Много матеріаловъ разсыпано въ журналахъ русскихъ и разныхъ русскихъ и иностранныхъ сочиненіяхъ, исчисленіе коихъ превзошло бы предѣлы нашего очерка.

Всѣ эти матеріалы болѣе или менѣе могутъ быть полезны историку Суворова. Еще болѣе матеріаловъ остается донынѣ неизвѣстными въ рукописи. Историкъ Суворова соберетъ также разсказы и преданія о Суворовѣ, передаваемыя изъ устъ въ уста, отъ отцовъ дѣтямъ. Между нами есть *) еще сподвижники Суворова, и на груди нѣкоторыхъ знаменитыхъ вождей русскихъ видны еще медали за Измаилъ и Прагу: графъ А. И. Остерманъ-Толстой былъ съ Суворовымъ подъ Измаиломъ; князь Д. В. Голицынъ и А. П. Ермоловъ были съ нимъ подъ Прагою, и оба были тогда украшены Суворовымъ георгіевскими крестами. Мы встрѣчаемъ еще и дряхлыхъ инвалидовъ, служившихъ съ нашимъ великимъ полководцемъ. Но пока исторія готовится создать достойный памятникъ Суворову—сберечь объ немъ преданія словесныя и письменныя, народная память уже создала «повѣсть о Суворовѣ», облекла его въ миѳъ чудесъ, въ символъ побѣды, и этотъ памятникъ, эта повѣсть долго будетъ благодатнымъ воспоминаніемъ русскаго народа о Суворовѣ, долго, доколѣ орелъ русскій будетъ возлетать съ побѣдою, русское ура будетъ гремѣть на поляхъ битвъ и русская земля, отчизна Суворова, не позабудетъ любви къ царямъ, молитвы Богу и чести народной!

---

*) Это писалъ сочинитель въ 1843 г. Прим. изд.

Личность Суворова.

Прослѣдивъ шагъ за шагомъ жизнь и дѣятельность Суворова, мы видимъ, что онъ дѣйствительно представлялъ собою личность необыкновенную во всѣхъ отношеніяхъ. Все въ немъ было оригинально, своеобразно, онъ ни въ чемъ не походилъ на другихъ. Война и военные подвиги—вотъ та область, въ которой герой чувствовалъ себя на своемъ мѣстѣ; всякая другая дѣятельность была

для него чужда, не удовлетворяла его. Военныя дарованія Суворова, стяжавшія ему всемірную извѣстность, явились плодомъ усиленной, многолѣтней, кропотливой работы надъ собой,—работы, которая началась еще въ дѣтствѣ подъ вліяніемъ врожденныхъ склонностей ребенка. Результатомъ этой работы явилась и та «Суворовская» тактика, слѣдуя которой герой сдѣлалъ свои войска «непобѣдимыми». Эта своеобразная тактика вполнѣ опредѣленно и ясно выражалась тремя словами: «глазомѣръ, быстрота и натискъ». «Глазомѣръ, или военная смётка,—говоритъ историкъ,—доходили у него до совершенства; по немногимъ даннымъ онъ зналъ иногда непріятельскую позицію лучше, чѣмъ самъ непріятель. Быстрота его движеній и дѣйствій удивляла своихъ и озадачивала чужихъ, и это тѣмъ замѣчательнѣе, что русская армія того времени отличалась порядочною тяжеловѣсностью. Послѣдствіемъ глазомѣра и быстроты являлся натискъ, т.-е. наступленіе, атака, ударъ холоднымъ оружіемъ». Вся эта система, простая и ясная, никѣмъ не проводилась ни до ни послѣ Суворова съ такимъ постоянствомъ, какъ ея создателемъ—самимъ Суворовымъ.

Работая надъ собой, Суворовъ всю жизнь неустанно трудился и надъ обученіемъ войска, воспитывая въ солдатахъ военныя качества, дѣлавшія ихъ непобѣдимыми, «каменными», какъ вѣрно выразился одинъ изъ современниковъ героя. Свои требованія къ солдатамъ онъ выражалъ всегда кратко, въ сжатыхъ выраженіяхъ. Онъ составилъ даже особый военный катехизисъ, который солдаты должны были знать въ совершенствѣ. Вотъ выдержки изъ этого интереснаго руководства для солдатъ.

Субординація, экзерциція.

***

Каблуки сомкнуты; подколѣнки вытянуты; солдатъ стоитъ стрѣлой; четвертаго вижу, пятаго не вижу.

***

Ученье свѣтъ, а неученье тьма. Дѣло мастера боится. Намъ за ученаго даютъ трехъ неученыхъ; намъ мало трехъ: давай пять, десять! всѣхъ повалимъ, побьемъ, въ полонъ возьмемъ.

***

Военный шагъ—аршинъ; въ захожденіи—полтора. Голова хвоста не ждетъ.

***

Непріятель не ждетъ; поетъ и веселится, а ты изъ-за горъ высокихъ, изъ-за лѣсовъ дремучихъ, чрезъ топи и болота пади на него, какъ снѣгъ на голову. Ура! бей! коли! руби! непріятель въ половину побѣжденъ; не давай ему опомниться. Гони, доканчивай! Побѣда наша! У страха глаза велики. Просящаго пощады—помилуй. Онъ такой же человѣкъ: лежачаго не бьютъ.

***

Береги пулю на три дня, а иногда на цѣлую кампанію, когда негдѣ взять.

***

Пуля бьетъ въ полчеловѣка, стрѣляй рѣдко, да мѣтко; штыкомъ коли крѣпко. Пуля обмишулится, штыкъ не обмишулится. Пуля дура, а штыкъ молодецъ. Трое наскочатъ — одного заколи, другого застрѣли, третьему штыкомъ карачунъ. Много наскочатъ: отскочи шагъ, ударь одного, коли другого, стрѣляй третьяго, притисни четвертаго! послѣдніе—твои! Въ сраженіи—картечь на голову! согнись, бѣги впередъ, картечь летитъ сверхъ головы. Тогда пушки—твои; люди—твои!

***

Жителя не обижай. Онъ насъ поитъ и кормитъ. Солдатъ—не разбойникъ.

***

Чѣмъ ближе къ врагу, тѣмъ лучше. Храбрый впереди—и живъ; трусишку и назади убиваютъ, какъ собаку; ему—если и живъ останется—ни чести ни мѣста нѣтъ.

***

Мы уже говорили, что Суворовъ хорошо изучилъ русскаго солдата и вслѣдствіе этого умѣлъ дѣйствовать на него, какъ ни одинъ изъ полководцевъ. Здѣсь нужно добавить, что и солдаты прекрасно понимали и любили своего полководца, къ которому они проникались благоговѣйнымъ чувствомъ, считая его высшимъ существомъ, вѣдающимъ «Божію планиду». Современники удостовѣряютъ, что «личное присутствіе Суворова, даже одно имя его производили на войска чарующее дѣйствіе». Суворова сравнивали даже съ талисманомъ, который довольно развозить по войскамъ, чтобы побѣда была обезпечена. Въ войскахъ, а черезъ солдатъ и въ народѣ, Суворовъ еще при жизни сдѣлался легендарнымъ героемъ. Про его подвиги и про него самого складывались пѣсни и сказанія, часто баснословнаго характера. Мало этого, легендарные разсказы про подвиги Суворова распространялись не только въ простомъ народѣ, но и въ высшихъ слояхъ общества, и ходили въ Россіи, Турціи, Польшѣ и Швейцаріи...

Будучи величайшимъ полководцемъ, Суворовъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ первымъ и совершеннѣйшимъ солдатомъ, являясь въ то же время ихъ отцомъ и другомъ и живя съ ними одною жизнью. Этимъ и объясняется ихъ взаимная любовь и пониманіе. Пройти Суворовскую школу, однако, было не легко; въ осбенности тяжело было новичкамъ, но Суворовъ умѣлъ достигать своего, и молодые солдаты скоро привыкали къ его требованіямъ. «Они ропщутъ на меня—вздоръ! Слюбится!—говорилъ онъ, когда до него доходили слухи о недовольствѣ солдатъ.—Дѣтей купаютъ въ холодной водѣ, они плачутъ, а зато бываютъ потомъ здоровы!»

Сохранилось не мало разсказовъ, характеризующихъ отношенія Суворова къ солдатамъ. Приведемъ два изъ нихъ.

Однажды при разводѣ, будучи недоволенъ своимъ фанагорійскимъ полкомъ, Суворовъ призвалъ адъютанта и сказалъ ему: «Поди скажи Мондрыкину, чтобы онъ написалъ прошеніе: пусть меня переведутъ въ другой полкъ. Не хочу съ ними служить, они немогузнайки». Уныніе овладѣло полкомъ, и въ слѣдующую очередь фанагорійскаго полка разводъ былъ образцовый. Суворовъ, по своему обыкновенію, начиная благодарить отъ полковника до рядового, закончилъ рѣчь свою такъ: «Я вамъ другъ, вы мнѣ друзья», а потомъ приказалъ адъютанту взять его прошеніе обратно, такъ какъ онъ теперь желаетъ остаться въ томъ же полку: «Они добрые солдаты; они исправились; они русскіе», говорилъ онъ при этомъ.

Въ другой разъ на разводѣ того же фанагорійскаго полка присутствовало нѣсколько иностранныхъ генераловъ. Когда одинъ гренадеръ подошелъ къ Суворову съ рапортомъ о смѣнѣ, онъ отскочилъ со словами: «Боюсь, боюсь: онъ страшенъ!» Потомъ онъ спросилъ у гренадера, можетъ ли онъ на свой штыкъ взять полдюжины.

— Этого мало будетъ, ваше сіятельство, я справлюсь и съ дюжиной,—отвѣчалъ гренадеръ.

Расхваливъ гренадера, Суворовъ приказалъ адъютанту наградить его, а самъ, обратившись къ иностраннымъ генераламъ, сказалъ:

— У меня всѣ богатыри; колютъ по дюжинѣ; этотъ гренадеръ сейчасъ сказалъ, что ему полдюжины мало!

Будучи требователенъ къ солдатамъ, Суворовъ, однако, не былъ мелоченъ и придирчивъ въ своихъ требованіяхъ. Не придавалъ онъ большого значенія и внѣшнему военному лоску. Сохранился разсказъ о томъ, какъ отнесся герой къ нововведеніямъ, касавшимся внѣшности и обмундировки, которая составляла предметъ особенныхъ заботъ императора Павла при восшествіи его на престолъ. Какъ извѣстно, въ русской арміи, по образцу прусской, вводились тогда напудренные парики и букли. Суворовъ первый высказался противъ этихъ стѣснительныхъ новшествъ и очень остроумно замѣтилъ: «Пудра не порохъ, букли не пушки, косы не тесаки; мы же не нѣмцы, а природные русаки».

Военная походная жизнь, полная всевозможныхъ лишеній и неудобствъ, могла быть по силамъ только человѣку съ простыми привычками; и мы видимъ, что Суворовъ разъ навсегда отказался отъ роскоши и до самой смерти велъ суровый образъ жизни. Свой день онъ всегда начиналъ съ того, что окачивался холодной водой со льдомъ—безразлично, было ли это зимой или лѣтомъ. Не только дома и въ походахъ, но и въ царскихъ палатахъ спалъ онъ на сѣнѣ или на соломѣ. Въ мирное время пищу его составляли: щи, каша, пирогъ; на войнѣ герой довольствовался сухаремъ и водой. На балахъ и пирахъ онъ бывалъ очень рѣдко и всегда оставался на нихъ лишь нѣсколько минутъ; за роскошными зва-

ными обѣдами онъ почти ничего не ѣлъ. Музыку онъ цѣнилъ постольку, поскольку она возбуждала бодрость воиновъ, и считалъ ее необходимою лишь въ битвахъ и походахъ. Вся прислуга его состояла изъ двухъ или трехъ человѣкъ, изъ нихъ наибольшею любовью полководца пользовался камердинеръ Прошка, пьяница и грубіянъ, но преданный слуга.

Суворовъ былъ набоженъ и благочестивъ, онъ строго исполнялъ церковный уставъ, но въ то же время терпимо относился и ко всѣмъ другимъ религіямъ: «принималъ благословеніе отъ католическихъ священниковъ» и не прочь былъ выдать дочь свою за протестанта. Подобно многимъ своимъ современникамъ, на иновѣрцевъ онъ никогда не смотрѣлъ, какъ на «поганыхъ недовѣрковъ», и войнамъ, въ которыхъ участвовалъ, никогда не придавалъ религіознаго характера. Свободное время онъ посвящалъ занятіямъ военными науками и литературѣ. Читалъ онъ много; знаніе иностранныхъ языковъ, которые изучилъ онъ самоучкой, давало ему возможность читать многія произведенія иностранныхъ писателей въ подлинникѣ.

Чтобы вполнѣ охарактеризовать нравственную личность Суворова, необходимо упомянуть еще, что наиболѣе украшавшими его добродѣтелями были: милосердіе, благотворительность, правдолюбіе и цѣломудренность. «Страшный въ дни битвъ, неотступный требователь исполненія должности,—говоритъ историкъ,—Суворовъ миловалъ и щадилъ враговъ, строго наказывалъ обиду мирныхъ жителей и благодѣяніями означалъ слѣды свои всюду, гдѣ протекалъ съ громами битвъ: въ Турціи, Польшѣ, Италіи. Никогда не подвергалъ онъ суду и несчастію, если видѣлъ раскаяніе, и нерѣдко платилъ отъ себя деньги, растраченныя или потерянныя по неосторожности его подчиненнымъ». Нерѣдко являлся онъ крупнымъ благотворителемъ, но дѣлалъ это тайно, скрывая даже отъ самыхъ близкихъ людей. «Только послѣ смерти Суворова узнали имя благотворителя, ежегодно присылавшаго въ петербургскую городскую тюрьму передъ свѣтлымъ праздникомъ по нѣскольку тысьчъ рублей на выкупъ неимущихъ должниковъ». Никогда не отказывался также Суворовъ быть ходатаемъ за угнетенныхъ и несчастныхъ. Ненавидя ложь, клевету и наушничество, онъ всѣмъ и каждому прямо, не колеблясь, говорилъ правду въ глаза и этимъ самымъ нажилъ себѣ не мало враговъ. Данное разъ слово онъ соблюдалъ свято, не нарушалъ обѣщанія даже въ томъ случаѣ, если давалъ его своему врагу.

Лишенный радостей семейной жизни, онъ, однако, былъ нѣжнымъ отцомъ, и отношенія его къ дѣтямъ часто бывали трогательны. Разсказываютъ, что, будучи посланъ однажды на службу, «онъ свернулъ съ дороги и вечеромъ прискакалъ въ деревню, гдѣ жили дѣти его. Запретивъ тревожить малютокъ, такъ какъ они уже спали, добрый отецъ тихо вошелъ въ ихъ спальню, полюбовался ими, благословилъ ихъ и немедленно уѣхалъ, вознаграждая скоростью ѣзды время, отданное чувству родительской любви». Вотъ тѣ качества, которыя опредѣляютъ намъ Суворова-человѣка.

Въ большую заслугу надо поставить еще и то, что войны его никогда не сопровождались ненужными жестокостями, хотя противники и стремились обвинить его въ этомъ. Наоборотъ, при всякомъ удобномъ случаѣ онъ напоминаетъ своимъ солдатамъ, чтобы они не воевали съ женщинами и дѣтьми, не заходили въ дома мирныхъ гражданъ и щадили тѣхъ, кто проситъ пощады. Нужно замѣтить, что это было болѣе ста лѣтъ тому назадъ, когда нравы и въ мирное время были еще грубы, на войнѣ же страсти разгорались съ неудержимою силой, часто превращая человѣка въ разъяреннаго звѣря.

Нельзя обойти молчаніемъ склонность Суворова къ чудачеству. Нѣкоторые думаютъ, что, развивая въ себѣ странности, герой тѣмъ самымъ хотѣлъ завоевать себѣ популярность среди солдатъ. Но это объясненіе едва ли соотвѣтствуетъ истинѣ уже потому, что не чудачества и странности цѣнили солдаты въ Суворовѣ, а его простоту, героизмъ и любовь къ нимъ; кромѣ того, свои чудачества Суворовъ проявлялъ гораздо чаще не въ обществѣ солдатъ, а среди людей высшаго круга. Большаго вниманія заслуживаетъ мнѣніе тѣхъ, кто видитъ въ странностяхъ Суворова нѣчто врожденное, съ чѣмъ даже и самъ герой впослѣдствіи не могъ уже справиться, и что, во всякомъ случаѣ, создало ему немало враговъ и тѣмъ самымъ значительно тормозило ему карьеру. По свидѣтельству современниковъ, странности героя подъ конецъ его жизни дошли до такого предѣла, что онѣ «понизили даже его военную славу, особенно въ глазахъ иностранцевъ», сталкивавшихсъ съ нимъ на военномъ поприщѣ.

Приведемъ въ заключеніе нашего очерка нѣсколько выраженій и изреченій великаго полководца, въ которыхъ наиболѣе ярко отразились его взгляды и убѣжденія.

*
* *

Про самого себя Суворовъ однажды сказалъ: «Не трудитесь меня разгадывать: я вамъ самъ себя раскрою: цари меня хвалили, солдаты любили, друзья мнѣ удивлялись, враги меня ругали, придворные надо мною смѣялись; Езопомъ являясь при дворахъ, побасенками говорилъ я правду, былъ Балакиревымъ для пользы отечества и пѣлъ пѣтухомъ, пробуждая сонливыхъ, а родись я Цезаремъ, я былъ бы гордъ какъ онъ, но удержался бы отъ его пороковъ».

*
* *

Идеалъ военнаго героя Суворовъ обрисовалъ такъ: «Герой долженъ быть смѣлъ безъ запальчивости, быстръ безъ торопливости, дѣятеленъ безъ опрометчивости, подчиненъ безъ изгибчивости, начальникъ безъ самонадѣянности, побѣдитель безъ тщеславія, честолюбивъ безъ надменности, благодаренъ безъ гордости, доступенъ безъ лукавства, твердъ безъ упрямства, скроменъ безъ притворства, пріятенъ безъ легкомыслія, обязателенъ безъ хитрости, проницателенъ безъ коварства, искрененъ безъ оплошности, благосклo-

ненъ безъ изворотовъ, услужливъ безъ своекорыстія и рѣшителенъ. Разсудокъ онъ долженъ предпочитать остроумію. Врагъ зависти, ненависти, мщенія, онъ низлагаетъ соперниковъ добротою, управляетъ друзьями вѣрностью. Онъ утомляетъ тѣло, укрѣпляя его. Онъ властитель стыдливости и воздержанія. Нравственность—его религія; его добродѣтели суть добродѣтели великихъ людей. Исполненъ откровенности, онъ презираетъ ложь; правый по характеру, онъ отвергаетъ лживость. Онъ въ сношеніяхъ только съ достойными людьми. Честь и честность сокрыты во всѣхъ дѣлахъ его. Онъ любимъ своимъ повелителемъ и войскомъ. Все ему предано и исполнено довѣренности къ нему. Въ день битвы или похода онъ взвѣшиваетъ предметы, уравниваетъ мѣры и вполнѣ предается Божественному Провидѣнію. Не увлекаясь потокомъ обстоятельствъ, онъ подчиняетъ событія. Всегда дѣйствуя предусмотрительно, онъ неутомимъ каждое мгновеніе».

***

Высшія военныя добродѣтели: храбрость солдату, мужество офицеру, безстрашіе генералу.

***

Никогда не презирайте вашего непріятеля, каковъ бы онъ ни былъ, и хорошо узнавайте его оружіе, образъ дѣйствовать имъ и сражаться, свои силы и его слабости.

***

Во всю жизнь мою не зналъ я отступленій, какъ равно и оборонительной войны.

***

Никакого препятствія не надобно считать великимъ и никакого сопротивленія важнымъ. Ничто не должно устрашать насъ въ военномъ дѣлѣ.

***

Безпрерывное изученіе взгляда (глазомѣръ) сдѣлаетъ тебя великимъ полководцемъ. Умѣй пользоваться мѣстностью, управляй счастіемъ: мгновеніе даетъ побѣду. Пріучайся неутомимой дѣятельности. Будь терпѣливъ въ военныхъ трудахъ и не унывай при неудачѣ. Умѣй предупреждать обстоятельства ложныя и сомнительныя, но не увлекайся неумѣстною горячностью.

***

Будь открытъ съ друзьями, умѣренъ въ необходимомъ, безкорыстенъ въ поведеніи. Заранѣе учись прощать ошибки другихъ и никогда не прощай своихъ ошибокъ.

***

«Вѣра, Надежда, Любовь—вотъ три сестры, которыя перевели наши войска черезъ Сенъ-Готардъ», говорилъ Суворовъ послѣ перехода черезъ Альпы.

*
* *

Желая показать, сколько непріятностей перенесъ онъ отъ интригъ въ придворномъ мірѣ, Суворовъ говорилъ: «Въ жизни своей я былъ раненъ тридцать два раза: дважды на войнѣ, десять разъ дома и двадцать разъ при дворѣ».

*
* *

По мнѣнію Суворова, въ мірѣ было три самыхъ смѣлыхъ человѣка: Курцій, князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ и Антонъ староста. Первый потому, что для спасенія Рима бросился въ пропасть; второй потому, что для блага Россіи говорилъ правду Петру I, а третій потому, что одинъ на медвѣдя ходилъ.

*
* *

«Убѣгайте роскоши, праздности, корыстолюбія и ищите славы черезъ истину и добродѣтель», говоритъ Суворовъ въ завѣщаніи потомству.

Такова въ общихъ чертахъ личность Суворова, какъ человѣка и полководца. Заслуги его передъ Россіей громадны: благодаря имъ политическое значеніе ея разомъ выросло въ глазахъ нашихъ западныхъ сосѣдей. Какъ геніальный полководецъ, онъ заставилъ всю Европу обратить вниманіе на поразительные успѣхи русскаго оружія. Въ сравненіи съ нимъ, изъ дѣятелей прошлаго столѣтія выдѣляется лишь Петръ Великій—этотъ колоссъ, создавшій могущество и славу Россіи, вдохнувши въ нее новую жизнь. «Между всѣми же остальными,—говоритъ историкъ,—нѣтъ равнаго Суворову, и онъ остается до сихъ поръ явленіемъ исключительнымъ, неподражаемымъ по самобытности его военной теоріи, по оригинальности его пріемовъ и по размѣру его дарованія».

Въ царствованіе императора Александра Благословеннаго Суворову былъ поставленъ памятникъ въ Петербургѣ на площади, близъ Троицкаго моста. Герой изображенъ въ видѣ рыцаря. Щитомъ закрываетъ онъ жертвенникъ. На щитѣ изображенъ гербъ Россіи; въ правой рукѣ героя—мечъ. На пьедесталѣ—бронзовая доска съ надписью: «князь Италійскій, графъ Суворовъ-Рымникскій, 1801». Площадь около памятника получила названіе Суворовской.

Суворовъ и современники.

Беззавѣтная преданность своимъ государямъ была основной чертой жизни и государственной дѣятельности великаго генералиссимуса Александра Васильевича Суворова. Начавъ службу при Елизаветѣ Петровнѣ, онъ только съ 1769 г. получаетъ извѣстность, какъ доблестный генералъ, побѣдитель турокъ. Военные подвиги, оригинальный подвигъ жизни и „чудачества“ заинтересовали Великую Екатерину. Но узнавъ Суворова поближе, прозорливая императрица сразу угадала въ немъ генія, имѣющаго право занять почетнѣйшее мѣсто среди ея „орловъ“. Ничто не могло поколебать ея расположенія къ невзрачному на видъ полководцу, въ которомъ, кромѣ того, она цѣнила и дѣятеля-администратора, и ловкаго дипломата-политика. Суворовъ платилъ „матушкѣ царицѣ“ безграничной, изступленной преданностью, благоговѣлъ передъ нею, удивлялся и прославлялъ ее всю свою долгую жизнь.

Преемникъ Екатерины Великой, Павелъ Петровичъ, началъ свое царствованіе коренными нововведеніями, мало соотвѣтствующими духу русскаго солдата и человѣка. Трудно было маститому фельдмаршалу мѣняться, надѣвать новую „нѣмецкую“ форму съ буклями, тупеями, заучивать новыя команды и построенія. Не могъ не сравнивать старый фельдмаршалъ недавняго прошлаго времени съ новымъ, но не въ пользу послѣдняго... Павелъ Петровичъ чувствовалъ, что Суворовъ при всей своей вѣрноподданости и преданности не одобряетъ его новшестъ. Недоброжелатели и завистники воспользовались случаемъ, пустили въ ходъ всѣ средства, чтобы возстановить вспыльчиваго монарха противъ героя. Суворовъ былъ изгнанъ въ свое родовое имѣніе и обреченъ на невыносимое для него бездѣйствіе. Тогда сама исторія пришла ему на помощь. Событія послѣдняго десятилѣтія XVIII вѣка вызвали его изъ изгнанія. Императоръ Павелъ, великодушный и незлопамятный, призвалъ маститаго полководца вести россійскія войска къ новымъ лаврамъ. Благоволеніе и награды щедрою рукой сыпалъ онъ на сѣдую голову непокорнаго фельдмаршала. Онъ же наградилъ его самымъ высшимъ воинскимъ званіемъ—генералиссимуса, до котораго возвыситься ни раньше, ни позже не могъ ни одинъ

изъ вождей русской арміи. Суворовъ платилъ своему государю и всему царствующему дому искренней и нелицемѣрной преданностью и лелѣялъ въ старомъ сердцѣ высокую мечту—пасть костьми за Царя и родину.

Неся службу наравнѣ съ прочими солдатами-товарищами, Суворовъ не слѣдовалъ примѣру большинства дворянъ, съ пеленокъ записывавшихся въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ, не служа, получавшихъ повышенія до офицерскаго чина включительно. Суворовъ на себѣ примѣрилъ тяжелую солдатскую лямку и тянулъ ее со всѣмъ усердіемъ убѣжденнаго человѣка.

Первое повышеніе—званіе капрала—онъ получилъ совершенно случайно.

Однажды лѣтомъ Семеновскій полкъ былъ караульнымъ въ Петергофѣ. Суворовъ, наряженный въ караулъ, стоялъ у Монплезира и, несмотря на свой малый ростъ, такъ ловко отдавалъ честь императрицѣ, гулявшей по саду, что она остановилась, посмотрѣла на него и спросила, какъ его зовутъ.

— Семеновскаго полка рядовой Александръ Суворовъ,—былъ отвѣтъ.

— Не родственникъ ли генералу Василію Ивановичу, моему вѣрному слугѣ?—спросила государыня.

— Сынъ его, ваше величество.

Услыхавъ это, государыня вынула серебрянный рубль и подала Суворову. Послѣдній поблагодарилъ, но принять отказался.

— Законъ запрещаетъ брать деньги, стоя на часахъ, — объявилъ онъ свой отказъ.

— Молодецъ, — сказала императрица, потрепала его по щекѣ, дала поцѣловать руку, а рубль положила на землю.

— Возьми, когда смѣнишься!—приказала она.

Всю жизнь берегъ Суворовъ этотъ жалованный рубль, какъ первую высочайшую награду. Дальнѣйшимъ послѣдствіемъ бесѣды съ государыней было повышеніе его въ капралы и не далѣе, какъ на слѣдующій день.

Суворовъ былъ безгранично преданъ и вѣренъ государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Великой. Однако и передъ государыней его языкъ иногда переходилъ должныя границы, почему она и не любила видѣть его при дворѣ.

Разъ на придворномъ балу, желая оказать вниманіе фельдмаршалу, государыня спросила его:

— Чѣмъ подчивать дорогого гостя?

— Благослови, царица, водкой,—попросилъ Суворовъ.

— Но что скажутъ красавицы-фрейлины, которыя будутъ съ вами разговаривать?—замѣтила Екатерина.

— Онѣ почувствуютъ, что съ ними говоритъ солдатъ.

Императрица Екатерина II намекнула Суворову о желанiи послать его въ Финляндiю.

Суворовъ повергся къ ея ногамъ, поклонился ей до земли, и, возвратясь домой, сѣлъ въ почтовую телѣжку, умчался по назначенiю и изъ Выборга написалъ государынѣ:

„Жду, матушка, твоихъ повелѣнiй".

Въ самые лютые морозы Суворовъ одѣвался очень легко. Императрица Екатерина Великая подарила ему шубу и повелѣла обязательно ее носить. Суворовъ, не желая измѣнять своей привычкѣ, но принужденный повиноваться волѣ государыни, придумалъ такую хитрость: онъ всюду возилъ съ собой дарованную шубу, но не надѣвалъ на себя, а держалъ ее на колѣняхъ.

Во время путешествiя императрицы Екатерины II на югъ, когда государыня щедро раздавала награды и подарки, Суворову была пожалована драгоцѣнная табакерка съ вензелемъ императрицы. Это дало поводъ Суворову написать одному изъ своихъ управляющихъ:

— А я за гулянье получилъ табакерку въ семь тысячъ рублей.

На маневрахъ подъ Кiевомъ къ Суворову подошелъ австрiйскiй императоръ Iосифъ, одѣтый очень скромно, безъ всякихъ знаковъ отличiй.

— Знаете меня?—съ улыбкой спросилъ незнакомецъ.

— Не скажу, что васъ знаю,—отвѣтилъ Суворовъ, намѣренно его игнорируя,—говорятъ, вы императоръ римскiй.

— Тогда я довѣрчивѣе васъ, и вполнѣ вѣрю, какъ мнѣ тоже сказали, что говорю съ русскимъ фельдмаршаломъ,—сказалъ императоръ.

Во время пребыванiя своего въ Кременчугѣ императрица Екатерина II спросила Суворова, нѣтъ ли у него какой просьбы?

Онъ бросился къ ея ногамъ и попросилъ заплатить за его квартиру.

Въ тотъ же день, по его собственному показанію, ему было выдано двадцать пять рублей съ копѣйками.

О взятіи Варшавы (Праги) въ 1794 г. Суворовъ донесъ императрицѣ:

„Всемилостивѣйшая Государыня! ура! Варшава наша“.

Императрица отвѣтила столь же лаконически:

„Ура! фельдмаршалъ Суворовъ!“

Получивъ это пріятное извѣстіе, Суворовъ сталъ прыгать черезъ стулья, считая по пальцамъ генералъ-аншефовъ, которыхъ онъ опередилъ:

— Салтыковъ позади, Долгорукій позади, Каменскій позади, а мы впереди!

Перекрестясь, Суворовъ добавилъ:

— Помилуй Богъ матушку императрицу! Милостива она ко мнѣ, старику.

Возвращеніе Суворова послѣ окончанія польской кампаніи было рядомъ торжествъ. Его помѣстили въ Таврическомъ дворцѣ. Государыня пожаловала ему драгоцѣнную табакерку съ изображеніемъ Александра Македонскаго. При этомъ она сказала:

— Никому такъ не прилично имѣть портретъ тезки вашего, какъ вамъ, Александръ Васильевичъ!.. Вы велики, какъ онъ!..

Суворовъ въ началѣ царствованія императора Павла I попалъ въ немилость и, получивъ отставку, жилъ въ своей деревнѣ—въ Боровичскомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи. Причина немилости—неодобреніе фельдмаршаломъ нововведеній, сдѣланныхъ императоромъ въ военной службѣ. Когда, напр., ему было приказано ввести прусскую форму, напудренныя букли, башмаки и проч., Суворовъ рѣзко сказалъ при всѣхъ:

— Пудра не порохъ, букли не пушки, коса не тесакъ; я не нѣмецъ, а природный русакъ!

Эти слова были доведены до свѣдѣнія государя и скорый на гнѣвъ императоръ повелѣлъ старому фельдмаршалу оставить начальство надъ войскомъ. Суворовъ пожелалъ проститься съ солдатами. Войска были выстроены, передъ фронтомъ сложили пирамиду изъ барабановъ и литавръ. Суворовъ, одѣтый въ простой солдатскій мундиръ и увѣшанный орденами и знаками отличія, обратился къ своимъ сподвижникамъ съ слѣдующею трогательною рѣчью:

— Товарищи! Оставляю васъ, можетъ быть, на долго, можетъ быть — навсегда, проведши пятьдесятъ лѣтъ съ вами и не теряя васъ ни на минуту изъ виду. Отецъ вашъ, который пилъ, ѣлъ и спалъ съ вами, останется теперь одинъ, и утѣшаться будетъ, думая о дѣтяхъ своихъ. На это есть воля общаго отца нашего, государя императора. Но я надѣюсь еще съ вами видѣться; тогда Суворовъ будетъ опять посреди васъ, и тогда надѣнетъ онъ опять сіи знаки отличій, которые, въ знакъ любви, вамъ оставляетъ. Не забывайте, что онъ носилъ ихъ, побѣждая вмѣстѣ съ вами непріятелей.

Съ этими словами фельдмаршалъ снялъ съ себя ордена и положилъ ихъ на сложенную пирамиду. Солдаты навзрыдъ плакали, прощаясь съ своимъ любимымъ вождемъ. Суворовъ, оставя армію, пріѣхалъ въ Москву, но когда императоръ готовился въѣхать туда для коронованія, то Суворову было приказано выѣхать изъ столицы.

Съ этимъ повелѣніемъ къ нему явился одинъ изъ полицейскихъ офицеровъ.

— Сколько, голубчикъ, дано мнѣ времени, чтобы я могъ привести въ порядокъ дѣла свои?—спросилъ фельдмаршалъ.

— Четыре часа, ваше сіятельство,—отвѣчалъ офицеръ.

— Помилуй Богъ, слишкомъ много милости: для Суворова довольно и одного часа.

Ему была приготовлена карета, но, увидѣвъ ее, старый герой воскликнулъ:

— Нѣтъ, Суворовъ, идущій въ ссылку, не имѣетъ надобности въ каретѣ. Онъ можетъ отправиться туда и въ этомъ экипажѣ, въ какомъ ѣзжалъ ко двору Екатерины, или командовалъ арміей. Пусть подадутъ мнѣ повозку.

Императоръ Павелъ I не любилъ Суворова, который не одобрялъ его нововведеній въ арміи, основанныхъ на рабскомъ подражаніи внѣшности прусскихъ войскъ. Вызванный въ Петербургъ послѣ опалы и тяжелаго заточенія въ селѣ Кончанскомъ, Суворовъ учинялъ на разводахъ всевозможные, крайне рискованные скандалы: уѣзжалъ съ развода раньше государя, ронялъ шляпу, путалъ ряды войскъ и т. п. Иногда императоръ заводилъ рѣчь о вторичномъ поступленіи на службу, Суворовъ перебивалъ его и начиналъ безконечный разсказъ о штурмахъ, атакахъ, вспоминалъ взятіе Праги, Измаила и т. д. и т. д.

Завоевательныя стремленія Франціи заставили императора Павла I заключить наступательный союзъ съ Англіей и Австріей и двинуть свои войска въ Италію на помощь австрійцамъ. Главнокомандующимъ надъ соединенною русско-австрійскою арміею, по просьбѣ австрійскаго императора Франца, былъ назначенъ старикъ Суворовъ.

Разсказываютъ, что, прочитавъ два раза письмо, присланное императоромъ Францемъ, Павелъ I сказалъ: „вотъ, русскіе на все пригожаются!“ Затѣмъ, взявъ перо, сейчасъ же написалъ фельдмаршалу Суворову слѣдующее:

„Графъ Александръ Васильевичъ! Теперь намъ не время разчитываться. Виноватаго Богъ проститъ. Римскій императоръ требуетъ васъ въ начальники своей арміи и вручаетъ вамъ судьбу Австріи и Италіи. Мое дѣло—на сіе согласиться, а ваше—спасти ихъ. Поспѣшите пріѣздомъ сюда и не отнимайте у славы вашей время, а у меня—удовольствіе васъ видѣть. Пребываю вамъ благосклонный

Павелъ“.

На это письмо Суворовъ отвѣчалъ императору.

„Тотчасъ упаду къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества“.

Затѣмъ онъ отдалъ домашній приказъ такого содержанія:

— Часъ собираться, другой — отправляться; поѣздка въ четырехъ товарищахъ: я въ повозочкѣ, они въ саночкахъ. Лошадей восемнадцать, а не двадцать четыре. Взять на дорогу денегъ 250 р. Егоркѣ бѣжать къ старостѣ Ѳомкѣ и сказать, чтобъ такую сумму повѣрилъ, потому что я ѣду не на шутку. Да я жъ служилъ въ деревнѣ за дьячка: пѣлъ басомъ, а теперь поѣду пѣть Марсомъ.

Быстро явясь въ Петербургъ, Суворовъ удивилъ царя и царедворцевъ своимъ прибытіемъ; его не ожидали такъ скоро видѣть. Подходя къ царю, Суворовъ читалъ вслухъ молитву Господню „Отче нашъ“ и, становясь передъ царемъ на колѣно, сказалъ послѣднія слова:

— И не введи насъ во искушеніе.

Павелъ, поднимая Суворова рукой съ колѣна, договорилъ молитву.

— Но избави насъ отъ лукаваго.

На другой день императоръ показывалъ на вахтъ-парадѣ Суворову ученье баталіона Преображенскаго полка и спрашивалъ нѣсколько разъ фельдмаршала:

— Какъ вы, Александръ Васильевичъ, находите наше ученье?

— Помилуй Богъ! хорошо, прекрасно, Ваше Величество, да тихо впередъ подаются.

Императоръ вдругъ говоритъ Суворову:

— Ну, Александръ Васильевичъ, прокомандуйте по вашему. Слушать команду фельдмаршала!—изрекъ государь.

Фельдмаршалъ побѣжалъ вдоль фронта, увидѣлъ нѣсколько фанагорійцевъ (Фанагорійскій гренадерскій, Таврическій, Екатеринославскій гренадерскіе были любимые полки Суворова), закричалъ: „а есть еще мои товарищи здѣсь?“—вбѣжалъ на средину предъ фронтомъ и прокомандовалъ: „ружье на перевѣсъ, за мной, въ штыки, „ура!“ и побѣжалъ впередъ; гренадеры какъ одинъ грянули „ура“ и бросились за фельдмаршаломъ. Адмиралтейство тогда было укрѣплено бастіонами, обнесено рвомъ и палисадами; не прошло 10 минутъ, палисадъ былъ опрокинутъ, гренадеры бросились въ ровъ, перебѣжали по льду, вскарабкались на бастіоны и Суворова туда же подняли и громче прежняго грянули „ура!“ Суворовъ на бастіонѣ знамя держитъ правой рукой, а лѣвою снялъ шляпу въ знакъ поздравленія государя съ побѣдою.

Фельдмаршалъ Суворовъ на третій день скакалъ уже по дорогѣ въ Вѣну.

Милостью и ласкою Павелъ I какъ будто хотѣлъ наградить Суворова за претерпѣнныя имъ страданія. Онъ самъ надѣлъ на него цѣпь ордена св. Іоанна Іерусалимскаго большого креста.

— Боже, спаси царя!—воскликнулъ Суворовъ.

— Тебѣ спасать царей!—сказалъ императоръ.

Вотъ высочайшій рескриптъ на имя графа Суворова передъ отправленіемъ его въ Италію:

„Павелъ I императоръ,

Суворову.

„Я рѣшился послать васъ въ Италію на помощь е. в. императору и государю, союзнику и брату моему.

„Суворову не нужны тріумфы, ни лавры, но отечеству нуженъ Суворовъ; и желанія мои согласны съ желаніями Франца II, который, поручая вамъ верховную власть надъ своею арміею, проситъ васъ принять сіе достоинство. Итакъ, отъ Суворова зависитъ исполнить обѣты отечества и желанія Франца II.

Павелъ“

Суворовъ, всегда съ благоговѣніемъ относившійся къ лицамъ императорскаго дома, встрѣтилъ со всѣми знаками почтенія „сына

природнаго своего Государя“, когда онъ прибылъ къ арміи на берега р. По. Встрѣчая великаго князя Константина, онъ сказалъ:

— Опасности, которымъ ваше высочество можете быть подвержены, заставляютъ меня думать, что я не переживу васъ, если съ вами случится какое-нибудь несчастіе.

Суворовъ высказалъ опасеніе, что въ случаѣ если великій князь будетъ взятъ въ плѣнъ, то Россіи, для избавленія его, придется подписать тяжелый для нея миръ съ Франціей.

Великій князь Константинъ Павловичъ, находясь въ отрядѣ генерала Розенберга, понудилъ его къ рискованной переправѣ съ острова Мугарано на правый берегъ р. По. Моро тотчасъ же обрушился на неосторожныхъ русскихъ и разбилъ ихъ на-голову, такъ что тѣ должны были просто-на просто бѣжать.

Можно себѣ представить гнѣвъ Суворова, когда онъ узналъ объ этомъ несчастномъ событіи. Немедленно Розенбергу было послано приказаніе, какъ можно скорѣе идти къ Торре-де-Гарофолло. На этомъ приказѣ Суворовъ собственноручно написалъ: „Не теряя ни минуты, немедленно сіе исполнить, или подъ военный судъ“. Точка передъ „или“ показываетъ, что послѣднія слова были написаны послѣ нѣкотораго раздумья.

Что касается великаго князя, фельдмаршалъ сперва хотѣлъ донести государю о поведеніи его сына, противорѣчащемъ дисциплинѣ, но послѣ раздумалъ. Онъ пригласилъ великаго князя къ себѣ и заперся съ нимъ въ кабинетѣ. Черезъ полчаса Константинъ Павловичъ вышелъ разстроенный и красный отъ слезъ. Неизвѣстно, что говорилъ ему Суворовъ, но великій князь съ этого времени оказывалъ ему особенное уваженіе.

Послѣ взятія Мантуи, защищаемой превосходнымъ французскимъ генераломъ Гарданомъ, Суворовъ былъ возведенъ императоромъ Павломъ I въ княжеское достоинство съ наименованіемъ—Италійскій. Австрійскій Императоръ Францъ II прислалъ ему орденъ Маріи-Терезіи при рескриптѣ слѣдующаго содержанія:

„Ваши блистательныя дѣянія въ Италіи пріобрѣли вамъ похвалу и удивленіе цѣлой Европы. Вы оказали мнѣ и всему моему государству важныя услуги своими побѣдами... Вы имѣете весьма справедливыя права на орденъ св. Терезіи. Вы увеличите блескъ его ордена, учрежденнаго въ моей арміи для ознаменованія и возна-

гражденія воинской храбрости. Богъ да сохранитъ васъ здравымъ, любезный князь, въ исполненіе великихъ предпріятій для общаго блага".

Императоръ Павелъ I послѣ безпримѣрнаго перехода Суворова черезъ С.-Готардъ прислалъ ему свои портреты въ перстнѣ и для ношенія на груди.

„Не знаю, чѣмъ наградить тебя", писалъ фельдмаршалу государь, посылая портреты; рескриптъ же его былъ такого содержанія:

„Графъ Александръ Суворовъ!

Портретъ мой свидѣтельствуетъ всему свѣту благорасположеніе и признательность государя къ великимъ дѣламъ своего подданнаго. Вы ознаменовали славою мое царствованіе.

Вашъ доброжелатель
Павелъ I".

Государь повелѣлъ, чтобы Суворову отдавались военныя почести подобно особѣ государя и даже въ его присутствіи; возведя Суворова въ званіе генералиссимуса россійскихъ войскъ, императоръ писалъ ему въ своемъ рескриптѣ: „Побѣждая повсюду враговъ отечества, недоставало вамъ еще одного рода славы—преодолѣть и самую природу. Но вы одержали и надъ нею верхъ. Поразивъ еще разъ злодѣевъ вѣры, вы попрали вмѣстѣ съ ними козни сообщниковъ ихъ, злобою и завистью противъ васъ вооруженныхъ. Нынѣ награждаю васъ по мѣрѣ признательности моей, и ставя на высшую степень, чести и геройству предоставленную, увѣренъ, что возвожу на оную знаменитѣйшаго полководца сего и другихъ вѣковъ".

По полученіи высочайшаго рескрипта, Суворовъ воскликнулъ:

— Помилуй Богъ, велика милость, великъ чинъ: онъ меня придавитъ!... Недолго мнѣ жить!

Въ своихъ отношеніяхъ къ лицамъ высокопоставленнымъ Суворовъ являлся въ большинствѣ случаевъ „чудакомъ", загадкой въ своихъ дѣйствіяхъ, въ частной и общественной жизни. Онъ то шалилъ, какъ ребенокъ, то поражалъ способностью обнять мыслью цѣлый міръ, рѣшать въ своемъ умѣ самые сложные вопросы, касавшіеся счастія милліоновъ людей или судьбы государства. Онъ говорилъ разнымъ языкомъ съ царями, съ царедворцами, съ сво-

ими чудо-богатырями. Первые его цѣнили и уважали, послѣдніе—боготворили. Что касается вторыхъ—большая часть ихъ ему завидовала и недоброжелательствовала. Для нихъ у Суворова былъ особый языкъ, острый какъ бритва, колкій какъ игла и мѣткій. Имъ онъ парировалъ выходки враговъ и имъ же выражалъ свои мысли въ разговорахъ съ людьми, ему сочувствующими.

Въ 1784 г. во время путешествія Екатерины II на югъ Суворовъ въ Кіевѣ встрѣтился во двоцѣ съ французскимъ полковникомъ Ламетомъ (впослѣдствіи извѣстный дѣятель революціи). Увидѣвъ незнакомое лицо иностранца, Суворовъ подошелъ къ нему и спросилъ отрывисто:

— Откуда вы родомъ?

— Французъ, — отвѣчалъ Ламетъ, изумленный неожиданностью и тономъ вопроса.

— Ваше званіе?—продолжалъ Суворовъ.

— Военный,—отвѣчалъ Ламетъ.

— Чинъ?

— Полковникъ.

— Имя?

— Александръ Ламетъ.

— Хорошо! — сказалъ Суворовъ, кивнувъ головой и поворачиваясь, чтобы идти.

Ламетъ, оскорбленный такой безцеремонностью, заступилъ ему дорогу и, глядя на него въ упоръ, сталъ въ свою очередь задавать тѣмъ же тономъ вопросы:

— Вы откуда родомъ?

— Русскій, — отвѣчалъ нисколько не сконфуженный Суворовъ.

— Ваше званіе?

— Военный.

— Чинъ?

— Генералъ.

— Имя?

— Суворовъ.

— Хорошо!—заключилъ Ламетъ.

Затѣмъ они оба расхохотались и разстались пріятелями.

Суворовъ всегда слѣдилъ за политикой, познанія и соображенія свои по ея вопросамъ тщательно скрывалъ, прикрываясь шуткой

и чудачествомъ. Онъ хотѣлъ, чтобы люди видѣли въ немъ не то, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Долго не могли разгадать его; одна только Екатерина Великая цѣнила Суворова по достоинству.

Однажды въ бытность Суворова въ Петербургѣ государыня пригласила его въ кабинетъ и долго съ нимъ бесѣдовала о государственныхъ дѣлахъ. Глубокія познанія Суворова поразили ее и при встрѣчѣ съ Потемкинымъ, который не особенно долюбливалъ знаменитаго чудака, императрица сказала:

— Ахъ, князь, какъ вы ошиблись въ Суворовѣ! Какъ вы худо знаете его!

— Возможно ли, государыня!.. Я не смѣю, но кажется...— попробовалъ было возразить Потемкинъ.

Императрица перебила его и продолжала:

— Конечно, вамъ такъ *кажется*, когда вы не постарались узнать его поближе, разсматривали и разбирали вскользь, поверхностно... Но погодите, князь, я постараюсь покороче познакомить васъ съ этимъ человѣкомъ и доставлю вамъ случай выйдти изъ заблужденія.

Нѣсколько времени спустя Екатерина вновь пригласила его къ себѣ, а Потемкину приказала стать въ комнатѣ рядомъ съ кабинетомъ, изъ которой онъ могъ слышать весь разговоръ. Суворовъ изъ чудака и боевого человѣка разомъ превратился въ государственнаго мужа. Необыкновенное краснорѣчіе полилось изъ устъ героя. Изумленный Потемкинъ, наконецъ, не вытерпѣлъ и, неожиданно войдя въ кабинетъ, воскликнулъ:

— Ахъ, Александръ Васильевичъ, служа такъ долго съ вами, я до сего времени не зналъ васъ!

Суворовъ тотчасъ же прервалъ свою рѣчь и поспѣшилъ удалиться. При выходѣ изъ кабинета императрицы Потемкинъ спросилъ:

— Отчего вы не говорите со мною такъ, какъ теперь говорили?

Суворовъ отвѣтилъ:

— Инымъ языкомъ говорю съ государынею, а инымъ съ вами.

Съ тѣхъ поръ Потемкинъ перемѣнилъ свое мнѣніе о Суворовѣ.

Потемкинъ, пораженный блестящимъ результатомъ небывалаго штурма Измаила, взятаго Суворовымъ въ 1790 г., приготовился къ торжественному пріему побѣдителя. Онъ ожидалъ его въ Яссахъ, разставивъ всюду сигналистовъ, и приказалъ адъютанту не отходить отъ окна.

Но Суворовъ не любилъ встрѣчъ и овацій. Онъ ночью пробрался незамѣтно въ Яссы и остановился у стараго знакомаго, полицмейстера, а утромъ, при самой каррикатурной обстановкѣ, въ громоздкой колымагѣ, съ кучеромъ, одѣтымъ по-польски, а съ лакеемъ въ жупанѣ на запяткахъ отправился къ Потемкину. Свѣтлѣйшій выбѣжалъ на крыльцо, но Суворовъ предупредилъ его желаніе спуститься, взбѣжалъ на лѣстницу, и тамъ оба знаменитые современники обнялись и поцѣловались.

— Чѣмъ могу я наградить васъ за заслуги, графъ Александръ Васильевичъ?—спросилъ Потемкинъ.

— Ничѣмъ князь,—обидѣлся Суворовъ,—я не купецъ и не торговать сюда пріѣхалъ; кромѣ Бога и государыни меня никто наградить не можетъ.

Подобная отповѣдь всесильному временщику имѣла ближайшимъ послѣдствіемъ то, что Суворовъ за безпримѣрный штурмъ столь грозной крѣпости, какъ Измаилъ того времени, получилъ болѣе нежели скромную награду.

Инженерный начальникъ Тучковъ, поздравляя Суворова съ побѣдами, замѣтилъ ему, что онъ не представлялъ ему, по своей обязанности, подробныхъ картъ кампаніи. Суворовъ, не любившій формальностей, вынесъ ему карту Европы, свернувъ въ трубку, возложилъ ее себѣ на плечо, какъ ружье, отдалъ ею честь и положилъ на столъ передъ Тучковымъ.

Суворовъ всегда требовалъ, чтобы ему оказывалось должное по знанію и заслугамъ уваженіе и не стѣснялся подчеркивать свое требованіе различными способами даже передъ самыми близкими къ престолу людьми. Такъ, напримѣръ, случилось во время пріѣзда его къ новоявленному временщику Платону Зубову, съ которымъ онъ кромѣ того былъ въ родствѣ (дочь Суворова была замужемъ за братомъ Платона Зубова, Николаемъ). Зубовъ позволилъ себѣ встрѣтить стараго фельдмаршала не въ формѣ, а въ домашнемъ костюмѣ, что было послѣднимъ принято за неуваженіе. На другой день Зубовъ пріѣхалъ съ отвѣтнымъ визитомъ къ Суворову въ Таврическій дворецъ. Суворовъ встрѣтилъ его въ одномъ нижнемъ бѣльѣ. При этомъ присутствовалъ знаменитый поэтъ Державинъ, приглашенный фельдмаршаломъ на обѣдъ. Суворовъ объяснилъ ему значеніе своего поступка словами: vice versa.

Бездарный, но честолюбивый и заносчивый Платонъ Зубовъ позволилъ себѣ однажды писать къ фельдмаршалу крайне невѣжливо. Суворовъ написалъ ему лично:

— Ко мнѣ слогъ вашъ рескриптный, указанной, повелительный, употребительный въ атестаціяхъ!.. Не хорошо, сударь!

При торжественномъ вступленіи нашихъ войскъ въ Варшаву Суворовъ отдалъ такой приказъ:

„У генерала N взять позлащенную его карету, въ которой въѣдетъ Суворовъ въ городъ. Хозяину сидѣть насупротивъ, смотрѣть вправо и молчать, ибо Суворовъ будетъ въ размышленіи“.

Надобно замѣтить, что хозяинъ кареты былъ большой говорунъ и отличался тщеславіемъ, таская за собой при походахъ свою роскошную карету.

Послѣ боя у Лаго-ди-Комо Суворовъ писалъ г. Толстому: „На Лаго-ди-Комо чуть было мою печенку не проглотили“. Изъ этого можно заключить, до чего упоренъ былъ этотъ бой, имѣвшій послѣдствіемъ занятіе столицы Ломбардіи—Милана, уничтоженіе основанной французами Цизальпинской республики, не говоря уже о страшномъ нравственномъ вліяніи на войска противника. Взятый въ этомъ бою генералъ Серрюрье былъ представленъ Суворову. Фельдмаршалъ принялъ его любезно и, возвращая ему шпагу, сказалъ:

— Кто такъ владѣетъ шпагою, какъ вы, тотъ не можетъ быть лишенъ ея.

Серрюрье былъ очень доволенъ и на предложеніе Суворова поужинать съ нимъ по-русски согласился весьма охотно. Тогда Суворовъ крикнулъ:

— Подайте сюда ломоть ржаного хлѣба, да посолите покрѣпче, по-русски!..

Поданный хлѣбъ, густо насоленный, Суворовъ предложилъ гостю. У Серрюрье отъ непривычки къ такой пищѣ зажгло въ горлѣ и онъ попросилъ воды.

— Нѣтъ, квасу!.. Квасу подайте, да русскаго, кислаго!..

Былъ поданъ квасъ. Когда французъ сталъ пить, Суворовъ продолжалъ:

— Пей, братецъ, пей!.. Помилуй Богъ, хорошо!.. Русскіе все хлѣбъ ѣдятъ да квасъ пьютъ — оттого они здоровы, сильны и смѣлы.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя Серрюрье былъ отпущенъ изъ плѣна на честное слово. Передъ отъѣздомъ Суворовъ пригласилъ генерала къ обѣду, обошелся съ нимъ весьма ласково, разговаривалъ о военныхъ дѣйствіяхъ и, прощаясь, спросилъ:

— Куда вы отправитесь теперь, генералъ?

— Въ Парижъ, ваше сіятельство.

— А, тѣмъ лучше... Я надѣюсь скоро свидѣться тамъ съ вами!..

Но обѣщанію Суворова не суждено было сбыться.

Знаменитый адмиралъ Өедоръ Өедоровичъ Ушаковъ пользовался большимъ уваженіемъ Суворова. Будучи очень вспыльчивъ, онъ, однако, скоро утихалъ, но подъ вліяніемъ гнѣва иногда забывался до крайней степени. Онъ былъ очень набоженъ и передъ молитвами не занимался разборомъ военно-судныхъ дѣлъ, и утверждая приговоръ, онъ былъ исполненъ доброты. Своими побѣдами Ушаковъ навелъ страхъ на турокъ, которые звали его не иначе какъ Ушакъ-паша.

Однажды въ 1799 г., когда Суворовъ былъ въ Италіи, къ нему прибылъ курьеръ съ депешами отъ Ушакова, начальствовавшаго въ то время россійско-турецкимъ флотомъ въ Средиземномъ морѣ. Прочитавъ бумаги, Суворовъ обратился къ курьеру:

— А что, здоровъ ли мой другъ Өедоръ Өедоровичъ?

Посланный курьеръ-нѣмецъ не сразу догадался, о чемъ его спрашиваютъ и, смутившись, сказалъ:

— А, господинъ адмиралъ фонъ-Ушаковъ! Я оставилъ его въ добромъ здоровье, и онъ поручилъ мнѣ засвидѣтельствовать вашему сіятельству свое искреннее почтеніе.

— Убирайся ты со своимъ фонъ!—закричалъ фельдмаршалъ:— этотъ титулъ ты можешь придавать такому-то и такому-то, потому что они нихтбештимзагеры, немогузнайки, а человѣкъ, котораго я уважаю, который своими побѣдами сдѣлался грозою для турокъ, потрясъ Константинополь и Дарданеллы, и который, наконецъ, началъ теперь великое дѣло—освобожденіе Италіи, отнялъ у французовъ крѣпость Корфу, еще никогда неуступавшую открытой силѣ, этого человѣка называй всегда просто—Өедоръ Өедоровичъ!

Суворовъ среди подчиненныхъ и солдатъ.

Рѣдкій полководецъ умѣлъ стяжать такую беззавѣтную любовь своихъ подчиненныхъ и непоколебимую вѣру въ себя, въ свой геній какъ Суворовъ. Тѣ же самые люди, которые отступали съ Гудовичемъ или инымъ начальникомъ, предводимые имъ, дѣлали чудеса, преодолѣвали всѣ препятствія и достигали намѣченной цѣли. Причина такой власти надъ умомъ и сердцемъ солдатъ и офицеровъ заключалась въ томъ, что самъ Суворовъ былъ истинно русскій человѣкъ, разумѣвшій простое солдатское сердце; онъ былъ полководецъ дѣйствительно любившій и жалѣвшій своихъ чудо-богатырей, не устававшій лично блюсти ихъ интересы, всю свою жизнь о нихъ заботившійся. Тяжелыя подчасъ требованія свои онъ дѣлалъ понятными солдату. Съ солдатомъ онъ переносилъ всю тяжесть, всѣ невзгоды боевой жизни; спалъ и ѣлъ вмѣстѣ съ ними и нерѣдко изъ одного котла; терпѣлъ голодъ и холодъ; спалъ подъ дождемъ и сушилъ у котла старыя, намокшія одежды. Онъ былъ живымъ примѣромъ для солдатъ и какъ же имъ было не боготворить своего побѣдоноснаго вождя! Они боготворили его и шли за нимъ, куда бы онъ ихъ не повелъ.

Въ своихъ ежедневныхъ бесѣдахъ съ солдатами Суворовъ говорилъ понятнымъ для нихъ языкомъ, сыпалъ остротами и каламбурами, пріучалъ ихъ къ быстрымъ и находчивымъ отвѣтамъ, преслѣдуя за „немогузнайство“.

Приведенные ниже случаи ясно характеризуютъ взаимныя отношенія полководца съ его подчиненными.

Суворовъ непрестанно заботился о своихъ солдатахъ, видя въ заботливости о нихъ начальства залогъ будущихъ подвиговъ. Вотъ выдержка изъ его замѣчательнаго приказа — „О наблюденіи здоровья“:

1) „Питье“—квасъ; для него двойная посуда, чтобъ не было молодого и перекислаго. Если жъ вода, то здоровая и нѣсколько приправленная.

2) „Пища“: котлы—вылуженные; припасы—здоровые; хлѣбъ—выпеченный; пища доварная, не переварная, не отстоянная, не подогрѣтая, горячая, а для того, кто къ кашѣ не поспѣлъ, лишенъ ее—на тотъ разъ воздухъ!..

Въ теплое время отдыхать подъ тѣнью безъ облѣненія. Ночью—въ палаткахъ укрываться; въ холодную погоду отнюдь бы въ нихъ сквозной вѣтеръ не былъ. Черезъ ротныхъ фельдшеровъ—довольный запасъ въ артеляхъ ботаническихъ средствъ.

Отъ инженеровъ—уроки умѣренные. Наистрожайше воспрещается во время и малѣйшаго жара отнюдь никого, ни въ какую работу не употреблять, подъ неупустительнымъ взысканіемъ. А для успѣха, если необходимо, лучше начинать работу прежде разсвѣта, и вечерній урокъ кончить хотя къ ночи. Не мѣшаетъ прибавить хотя нѣчто ночи, особливо свѣтлой, но только ужъ въ большой нуждѣ. Какъ скоро работа окончена, то на завтракъ нужно тотчасъ къ горячимъ кашамъ.

Лагерныхъ мѣстъ имѣть до трехъ въ близости и понедѣльно ихъ перемѣнять; содержать чистоту внутри и около нихъ“.

Въ заботахъ о солдатахъ Суворовъ часто осматривалъ военные госпитали и бесѣдовалъ съ больными и ранеными. Этимъ онъ внушалъ къ себѣ неограниченную любовь и довѣріе. Солдаты вообще обожали его и не было такого подвига, на который не ринулись бы они по первому зову героя.

Въ награду за безпримѣрный Измаильскій штурмъ Суворовъ получилъ сперва только чинъ подполковника гвардіи и право по своему усмотрѣнію наградить крестомъ св. Георгія 3-й степени одного изъ своихъ сподвижниковъ. Суворовъ былъ обиженъ, тѣмъ болѣе, что прочіе участники знаменитаго штурма были какъ бы забыты государыней и оставлены безъ всякихъ наградъ. Созвали военный совѣтъ рѣшить, кого украсить присланнымъ крестомъ. Было рѣшено просить принять орденъ самого Суворова.

— Помилуй Богъ, отвѣчалъ Суворовъ,—гдѣ же намъ заслуживать этого? А вотъ, господа, генералы и офицеры, я имѣю человѣка, такъ это дѣйствительно герой; этотъ человѣкъ храбро написалъ мнѣ бумагу: идти на штурмъ! А я то что? Я только подписалъ!

Съ этими словами онъ надѣлъ крестъ на своего письмоводителя Ивана Онуфріевича Куриса.

Государыня, узнавъ о выходкѣ героя, много смѣялась и щедро наградила какъ самого побѣдителя, такъ и его доблестныя войска.

Суворовъ требовалъ точнаго и строгаго соблюденія дисциплины, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ самъ лично мягокъ и добръ, иногда до слабости. Если ему представляли, чтобы онъ наказалъ виновнаго, Суворовъ отвѣчалъ:

— Я—не палачъ.

Суворовъ гордился именемъ русскаго. Это видно изъ того, что каждый разъ, когда кто-либо погрѣшалъ противъ должности, былъ ли то простой рядовой, офицеръ или генералъ, онъ одинаково укорялъ ихъ:

— Ты не русскій; это не по-русски.—Если же передъ нимъ оправдывались, то онъ прибавлялъ:

— Покажи на дѣлѣ, что ты—русскій.

Суворовъ не выносилъ „немогузнайства“ и требовалъ отъ подчиненныхъ точныхъ и быстрыхъ отвѣтовъ.

Однажды онъ спросилъ одного изъ своихъ гренадеровъ:

— Сколько будетъ отсюда до неба?

— Два суворовскихъ перехода,—быстро отвѣчалъ находчивый солдатъ.

Суворовъ остался очень доволенъ такимъ отвѣтомъ.

Какъ уже было упомянуто, Суворовъ не выносилъ „немогузнайства“. Самый нелѣпый вопросъ долженъ былъ быть удовлетворенъ хоть бы столь же нелѣпымъ отвѣтомъ.

Однажды ему былъ присланъ ординарцемъ поручикъ N., котораго, разумѣется, предупредили относительно злополучнаго „не могу знать“. Когда насталъ вечеръ, фельдмаршалъ вышелъ изъ палатки и сталъ разсматривать небо. Ординарецъ стоялъ тутъ же въ ожиданіи какого-либо приказанія. Вдругъ Суворовъ обращается къ нему и спрашиваетъ:

— Сколько звѣздъ на небѣ?

Вопросъ такъ озадачилъ ординарца, что онъ, совершенно забывъ преподанныя ему наставленія, растерянно отвѣчалъ:

— Не могу знать...

Суворовъ разгнѣвался ужасно

— Не знайку ко мнѣ прислали! кричалъ онъ, скача на одной ножкѣ.

Ординарецъ, чувствуя, что дѣло можно поправить только смѣлой находчивостью, выждалъ, когда Суворовъ успокоился, пріутихъ и, приблизившись къ нему, спросилъ:

— Ваша свѣтлость, а какъ звали мою бабушку?

Тутъ пришла очередь смутиться самому фельдмаршалу. Сказать первое попавшееся имя не ладно выйдетъ, тотъ знаетъ, какъ зовутъ его бабушку и можетъ сказать: „врешь, братецъ"! а сказать: „не знаю", значило бы самому признать права гражданства ненавистнаго „не могу знать" и оказаться несправедливымъ въ своихъ требованіяхъ отъ подчиненныхъ того, чего самъ исполнить не можешь. Промолчать же—не къ лицу столь знаменитому остроумцу, какимъ почитался и былъ Суворовъ. Что дѣлать?! Пришлось примириться съ зубастымъ ординарцемъ, приласкать его и пригласить на чарку водки, вмѣсто того, чтобы прогнать съ глазъ долой. Говорятъ, послѣ этого случая Суворовъ остерегался задавать слишкомъ нелѣпые вопросы.

Въ другой разъ Суворовъ спросилъ своего ординарца:

— Сколько звѣздъ на небѣ?

Тотъ сперва растерялся, но тотчасъ оправился и отвѣчалъ:

— Сейчасъ сочту, ваше сіятельство!—и принялся считать.

Суворовъ ждалъ, ждалъ, надоѣло и онъ ушелъ.

Однажды, при разводѣ, будучи недоволенъ своимъ Фанагорійскимъ полкомъ, Суворовъ подозвалъ къ себѣ адъютанта и сказалъ ему:

— Поди, скажи Мандрыкину (полковой писарь), чтобъ онъ написалъ прошеніе и подалъ Курису (письмоводитель Суворова): пусть переведетъ меня въ другой полкъ. Не хочу съ ними служить—они немогузнайки.

Полкъ былъ крайне огорченъ. Всѣ чины тянулись изо всѣхъ силъ, стараясь загладить свою провинность и, дѣйствительно, на слѣдующемъ разводѣ полкъ былъ попрежнему исправнымъ. Суворовъ остался доволенъ, благодарилъ всѣхъ отъ полковника до рядового и въ заключеніе произнесъ:

— Я вамъ другъ; вы—мои друзья!

Затѣмъ, приказавъ адъютанту сказать Курису, чтобы онъ оставилъ его въ томъ же полку, Суворовъ замѣтилъ:

— Они добрые солдаты; они исправились. Они русскіе.

На всѣхъ лицахъ при этихъ словахъ сіяла радость.

Вспоминая свою прежнюю службу, Суворовъ сказалъ однажды солдатамъ.

— Вы помните, чудо-богатыри, какъ я въ семи-лѣтнюю войну съ однимъ эскадрономъ гналъ цѣлый полкъ?

Сказалъ онъ это въ присутствіи одного прусскаго генерала, какъ разъ во время развода Фанагорійскаго полка. Къ нему подошелъ гренадеръ съ рапортомъ о смѣнѣ. Суворовъ, увидя его, отскочилъ въ сторону, говоря:

— Боюсь!.. Боюсь!.. Онъ страшенъ!..

Послѣ этого онъ спросилъ у гренадера:

— Можешь ли ты на свой штыкъ взять полдюжину нѣмцевъ?

— Этого мало будетъ, ваше сіятельство: я справлюсь и съ дюжиною!—отвѣтилъ тотъ.

Суворовъ расхвалилъ браваго солдата, приказалъ адъютанту наградить его и, обратясь къ иностранному генералу, замѣтилъ:

— У меня все богатыри: колютъ по дюжинѣ. Этотъ гренадеръ сказалъ, что ему полдюжины мало.

Ожидая высадки въ Крыму турецкаго десанта, Суворовъ часто производилъ неожиданныя повѣрки бдительности охраны батарей и укрѣпленій. Однажды, переодѣвшись, онъ хотѣлъ проникнуть тайно въ одно изъ укрѣпленій, но былъ замѣченъ часовымъ. Суворовъ предлагалъ ему денегъ, лишь бы тотъ подпустилъ его поближе, но солдатъ въ отвѣтъ прицѣлился въ него изъ ружья. Суворовъ отошелъ и спустя немного вернулся въ своемъ генеральскомъ мундирѣ, при орденахъ. Часовой отдалъ честь, но заявилъ, что безъ приказа командира въ укрѣпленіе не пропуститъ.

— Кто комендантъ здѣшней крѣпости?—спросилъ Суворовъ.

— Здѣсь не крѣпость, ваше превосходительство, а потому и нѣтъ коменданта! — отвѣчалъ часовой. — А командиръ у насъ поручикъ Н.

— Позови его.

— Я не смѣю сойти съ мѣста.

— Позови!.. Я тебѣ приказываю!..

— Покуда меня не смѣнятъ, я отсюда не сойду.

Затѣмъ солдатъ крикнулъ караульнаго унтеръ-офицера, и тотъ сходилъ за командиромъ. Суворовъ былъ очень доволенъ, расхвалилъ за службу солдатъ и очень благодарилъ офицеровъ за то, что они довели своихъ подчиненныхъ до такой исправности.

Занимаясь устройствомъ и вооруженіемъ крѣпостей, Суворовъ поручилъ одному полковнику надзоръ за работами нѣкоторыхъ укрѣпленій. Послѣдній сдалъ это порученіе своему помощнику. Пріѣхавъ осматривать работы, Суворовъ нашелъ неисправности и сдѣлалъ полковнику выговоръ. Тотъ, чтобы оправдаться, обвинялъ своего помощника.

— Ни онъ и ни вы не виноваты,—сказалъ Суворовъ и, потребовавъ прутъ, принялся сѣчь свои сапоги.

— Не лѣнитесь, не лѣнитесь!—восклицалъ онъ во время экзекуціи,—вы во всемъ виноваты. Если бы вы сами ходили по работамъ, то этого бы не случилось.

Одинъ офицеръ, человѣкъ вполнѣ достойный, но крайне невоздержный на языкъ, благодаря этому нажилъ въ арміи много враговъ. Однажды Суворовъ призвалъ его къ себѣ и изъявилъ сердечное сожалѣніе, что онъ имѣетъ одного страшнаго злодѣя, который ему много вредитъ. Офицеръ началъ спрашивать: не такой ли?—Нѣтъ,—отвѣчалъ Суворовъ. — Не такой ли? — Суворовъ опять отвѣчалъ отрицательно. Офицеръ терялся въ догадкахъ. Наконецъ, какъ бы опасаясь, чтобы кто не подслушалъ, Суворовъ, заперевъ дверь на ключъ, сказалъ офицеру таинственно:

— Высунь языкъ.

Тотъ исполнилъ приказаніе.

— Вотъ твой врагъ,—столь же таинственно проговорилъ фельдмаршалъ.

Суворовъ прозвалъ одного офицера, кромѣ воды ничего не пившаго, но пренесноснаго болтуна, Водопьяновымъ.

— Онъ пьетъ одну воду,—сказалъ онъ,—но безъ хмелю колобродитъ пуще пьянаго. Зато есть у меня пріятель Костровъ, который въ духѣ ржаныхъ и виноградныхъ соковъ поетъ Гомеровъ и воспѣлъ Велизарія.

Въ бытность свою начальникомъ Кубанской линіи Суворовъ какъ-то поѣхалъ ее осматривать. Слухъ о его поѣздкѣ разнесся по всѣмъ постамъ, и каждый командиръ старательно готовился къ встрѣчѣ. Но Суворовъ не терпѣлъ никакой торжественности и любилъ являться неожиданно. Такъ и на этотъ разъ. Усѣвшись въ простыя розвальни, онъ пріѣхалъ къ вечеру на почтовую станцію, гдѣ съ командою стоялъ одинъ заслуженный капитанъ, который никогда не видалъ Суворова и счелъ его за простого офицера.

Онъ радушно сказалъ Суворову:

— Эй, братъ, служивый!.. Чай, ты озябъ!.. Войди ко мнѣ въ избу — выпьемъ по чаркѣ водки да поужинаемъ чѣмъ Богъ послалъ.

Суворовъ вошелъ. Ужинъ былъ готовъ. На столѣ стояли кашица и штофъ съ водкой. Разговорившись съ гостемъ, капитанъ спросилъ, кто онъ и куда ѣдетъ.

— Я, камрадъ, посланъ отъ генерала Суворова заготовлять для него лошадей по линіи,—отвѣтилъ гость.

— Странно, что тебя послали,—промолвилъ хозяинъ.—Неужели не могли найти для этого помоложе тебя? А сколько нужно ему лошадей?

— Штукъ восемнадцать надо.

— А ихъ здѣсь всего восемь. Правда, можно послать въ казачью станицу — она тутъ недалеко. А онъ изволитъ подождать. Да, скажи, камрадъ: каковъ этотъ Суворовъ? Говорятъ, что очень строгъ. Впрочемъ, я его не боюсь: у меня вѣдь все въ исправности. Я люблю строгихъ начальниковъ.

— Неужели ты не слыхалъ о немъ?—замѣтилъ Суворовъ.—Всѣ говорятъ, что онъ чудакъ и пьяница.

— Не шути, братъ!.. Видна птица по полету: онъ такъ загонялъ поляковъ и турокъ, что другіе генералы передъ нимъ—дрянь.

Новые пріятели, выпивъ по послѣдней чаркѣ водки, обнялись и расцѣловались. Суворовъ уѣхалъ дальше. Со слѣдующей станціи онъ написалъ гостепріимному капитану:

„Суворовъ проѣхалъ; благодаритъ капитана Н. за ужинъ и проситъ о продолженіи дружбы“.

Суворовъ любилъ чистоту и требовалъ, чтобы офицеры его были хорошо одѣты. „Неряха,—говорилъ онъ,—не можетъ быть хорошимъ человѣкомъ: платье въ пятнахъ — душа въ пятнахъ“, но между тѣмъ не терпѣлъ щегольства и излишностей, военному человѣку не свойственныхъ. Ненавидѣлъ также одобрительныхъ и рекомендательныхъ писемъ, ибо полагалъ, что только добрая служба и хорошее поведеніе могутъ рекомендовать человѣка съ хорошей стороны. Однажды, когда онъ препровождалъ за Кубань семейство татаръ, не пожелавшихъ остаться въ Крыму по случаю присоединенія его къ Россіи, къ нему явился въ отрядъ молодой подполковникъ изъ Петербурга. Онъ привезъ съ собою нѣсколько

рекомендательныхъ писемъ отъ родственниковъ Суворова. Пріѣхавшій былъ щегольски одѣтъ, раздушенъ, напомаженъ и обутъ по тогдашней модѣ въ шелковые чулки и лаковые башмаки. Суворовъ, прочитавъ письма, ласково сказалъ ему:

— Очень радъ, что вы знакомы съ моими родственниками. Хорошо, помилуй Богъ, хорошо!.. Мы постараемся сблизиться.

При этихъ словахъ Суворовъ предложилъ молодому человѣку прогуляться верхомъ. Подполковникъ, обрадованный привѣтливымъ пріемомъ своего начальника, попросилъ у него позволенія переодѣться.

— Не надо, не надо!..—сказалъ Суворовъ.—Въ службѣ не до переодѣванья: должно всегда быть готовымъ... Ѣдемъ!

Подполковникъ принужденъ былъ повиноваться: сѣвъ на казачью лошадь, онъ двое сутокъ проѣздилъ съ Суворовымъ по редутамъ и форпостамъ, при чемъ не только изодралъ о жестокое казачье сѣдло щегольскіе чулки на икрахъ, но значительно натеръ и кожу. Этотъ урокъ далъ ему почувствовать, что офицеру нужна исправность, а не щегольство и рекомендательныя письма тетенекъ.

Суворовъ прекрасно зналъ языки турецкій, итальянскій, польскій, нѣмецкій и французскій. Онъ зналъ также испорченный нѣмецкій языкъ, который употреблялъ для шутокъ надъ нѣмцами, нерѣшительность и медленность которыхъ всегда были предметомъ его остроумныхъ насмѣшекъ. Исторію Суворовъ зналъ въ совершенствѣ, занимался ею неустанно даже въ походахъ и старался уроки ея примѣнить на практикѣ.

Зная хорошо языки, Александръ Васильевичъ съ русскими всегда говорилъ только по-русски. Тѣхъ, которые, слѣдуя модѣ, безпрестанно болтали по-французски, онъ причислялъ къ немогузнайкамъ, съ особеннымъ названіемъ „мусье“. Если говорили о такомъ господинѣ, онъ всегда восклицалъ:

— Знаю, знаю, это—мусье!

Какъ извѣстно, Суворовъ очень любилъ озадачивать подчиненныхъ разными вопросами, отвѣтить на которые никто не смѣлъ выраженіемъ „не могу знать“.

Однажды Суворовъ спросилъ молодого кавалерійскаго офицера:

— Что такое ретирада (отступленіе)?

— Не могу знать,—невозмутимо отвѣтилъ офицеръ.

Глаза Суворова засверкали, онъ былъ готовъ обрушиться па неосторожнаго отвѣтчика цѣлымъ потокомъ гнѣвныхъ рѣчей. Но офицеръ попрежнему невозмутимо продолжалъ:

— Ваше сіятельство, въ нашемъ полку это слово неизвѣстно, и я никогда не слыхалъ его.

— Славный полкъ, славный полкъ!—закричалъ Суворовъ и, засмѣявшись, сказалъ окружающимъ: — никогда не думалъ, чтобы проклятый немогузнайка могъ доставить мнѣ такое удовольствіе.

Суворовъ любилъ ходить въ солдатской курткѣ или въ изодранной родительской шинели и былъ чрезвычайно доволенъ, если его не узнавали.

Однажды присланный отъ какого-то генерала сержантъ съ бумагой, видя бѣжавшаго въ солдатской курткѣ фельдмаршала, закричалъ ему вслѣдъ:

— Эй, старикъ, постой!.. Скажи, гдѣ присталъ Суворовъ?

— Чортъ его знаетъ!..—отвѣчалъ онъ.

— Какъ!—сказалъ сержантъ.—У меня отъ генерала къ нему бумаги.

— Не отдавай!..

— Почему?

— Онъ теперь или мертвецки пьянъ, или горланитъ пѣтухомъ.

Сержантъ поднялъ палку и въ азартѣ крикнулъ:

— Моли ты Бога, старичишка, за свою старость!.. Не хочу рукъ марать. Ты, видно, не русскій, что такъ ругаешь нашего отца и благодѣтеля!

Черезъ часъ, когда Суворовъ уже былъ дома, является къ нему сержантъ и узнаетъ его. Испугавшись, бѣдняга хотѣлъ было броситься къ ногамъ фельдмаршала, но Суворовъ, обнявъ его, сказалъ:

— Ты доказалъ любовь свою ко мнѣ на дѣлѣ: хотѣлъ поколотить меня за меня.

И изъ своихъ рукъ угостилъ сержанта чаркой водки.

Однажды князь Николай Васильевичъ Рѣпнинъ отправилъ своего любимца маіора съ какимъ-то поздравленіемъ къ Суворову.

Суворовъ по своему обыкновенію задавать неожиданные вопросы, а можетъ быть желая сбить съ толку бойкаго посланца, спросилъ:

— А какая разница между Николаемъ Васильевичемъ и мной?

— Та, что Николай Васильевичъ желалъ бы произвести меня въ полковники, но не можетъ, а вашему сіятельству стоитъ только захотѣть, и я...

— Поздравляю васъ, полковникъ, съ повышеніемъ, — перебилъ его Суворовъ.

Комендантомъ главной квартиры Суворова былъ нѣкто Ставроковъ, человѣкъ крайне ограниченный, но педантично-точный, за что и пользовался расположеніемъ фельдмаршала. Назначивъ Суворова главнокомандующимъ итальянской арміей, императоръ Павелъ Петровичъ предлагалъ ему выбрать въ свой штабъ людей, знающихъ иностранные языки, и выразилъ желаніе, чтобы они были ему представлены. Суворовъ, не задумываясь, представилъ государю Ставрокова.

— На какихъ иностранныхъ языкахъ вы говорите? — спросилъ государь.

— На великороссійскомъ и малороссійскомъ, — отвѣчалъ Ставроковъ.

Павелъ вспылилъ и сказалъ, обращаясь къ фельдмаршалу:

— Вы бы этого дурака замѣнили другимъ.

— Помилуй Богъ,—воскликнулъ Суворовъ:—это у меня первый человѣкъ!

Послѣ одного быстраго перехода въ Италіи наши солдаты сдѣлали привалъ при рѣкѣ. Провіанта у нихъ никакого не было, а ѣсть страшно хотѣлось. Нѣкоторые, присѣвъ къ водѣ и вынувъ ложки, стали хлебать воду. Въ это время появился Суворовъ. Обращаясь къ послѣднимъ, онъ спросилъ:

— Что вы дѣлаете, дѣти?

— Хлебаемъ нѣмецкій супъ, ваше сіятельство.

— Помилуй Богъ, какъ хорошо!..

И, взявъ у одного изъ солдатъ ложку, Суворовъ сѣлъ среди нихъ и принялся хлебать воду изъ рѣчки, приговаривая:

— Славный супъ!.. Помилуй Богъ, славный супъ!.. Теперь фельдмаршалъ сытъ... Но молчокъ, дѣти!.. Французишки близко,— одинъ переходъ. У нихъ много напечено и нажарено—все будетъ наше.

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвели подобныя слова любимаго вождя на пріунывшихъ было солдатъ...

Передъ знаменитой трехдневной битвой на берегахъ р. Требіи австрійскій полковникъ Штокъ вдругъ объявилъ себя нездоровымъ и упалъ съ лошади. Его подняли, чтобы отнести на перевязочный пунктъ. Въ это время подъѣхалъ Суворовъ и полюбопытствовалъ, въ чемъ дѣло.

— Жаль, молодой человѣкъ!..—воскликнулъ фельдмаршалъ.— Помилуй Богъ, жаль!.. Онъ не будетъ съ нами!.. Какъ его оставить?! Гей, казакъ, приколи сердечнаго поскорѣй!.. Помилуй Богъ, жаль!.. Въ плѣнъ французы возьмутъ!.. Чтобъ наше имъ не досталось, приколи скорѣй!..

Но едва только казакъ наклонилъ копье, какъ больной вскочилъ и проговорилъ:

— Мнѣ теперь легче... Прошла дурнота...

— Слава Богу, что полегче стало!.. Помилуй Богъ, тотчасъ легче стало!..

И Суворовъ тронулъ коня впередъ.

Во время Итальянской кампаніи 1799 г. Суворовъ въ коляскѣ подъѣзжалъ къ гор. Милану. Часто встрѣчая по дорогѣ виллы и замки, фельдмаршалъ спрашивалъ у ѣхавшаго съ нимъ адъютанта фамиліи ихъ владѣльцевъ. Зная, до чего ненавистны старому фельмаршалу слова „не могу знать“, адъютантъ безъ запинки называлъ первую пришедшую ему на память итальянскую фамилію.

— Чья это вилла?—спрашиваетъ Суворовъ.

— Князя Боргезе, ваше сіятельство,—отвѣчаетъ адъютантъ.

— А этотъ замокъ?

— Маркиза Фроскати, ваше сіятельство.

— А это??..

— Графа Кавальканти.

Суворовъ, получая такіе отвѣты, улыбался, приговаривая:

— Хорошо, хорошо, помилуй Богъ, хорошо!

Суворовъ часто являлся ходатаемъ за лицъ, почему-либо снискавшихъ его симпатію или состраданіе. Такъ, будучи въ Крыму, онъ обѣщалъ женѣ бывшаго капитана 1-го ранга Валранда просить за него государыню.

Послѣ взятія Праги Суворовъ писалъ:

„Я знаю, что всемилостивѣйшая государыня наградитъ меня. Но величайшею наградою почту себѣ, если она возвратитъ чинъ капитана 1-го ранга разжалованному вѣчно въ матросы Валранду, мужу сестры храбраго адмирала Круга“.

Шутки и остроты Суворова.

Нашъ знаменитый полководецъ не однѣми побѣдами снискалъ себѣ всемірную извѣстность Его чудачества, каламбуры и острословіе пользовались не меньшей популярностью. Остроуміе было почти единственнымъ оружіемъ, которымъ онъ боролся со своими многочисленными завистниками и недоброжелателями. Послѣдніе пользовались всякимъ предлогомъ, чтобы повредить Суворову или по крайней мѣрѣ выставить его въ смѣшномъ видѣ.

Разъ, когда Суворовъ былъ во дворцѣ, къ нему подошелъ одинъ старый, но не очень искусный и опытный генералъ. Послѣдній считалъ себя знатокомъ военнаго дѣла и важно сказалъ, обращаясь къ Суворову:

— Александръ Васильевичъ, про васъ говорятъ, вы не знаете тактики.

— Такъ,—возразилъ Суворовъ:—я не знаю тактики, но тактика меня знаетъ а вы не знаете ни тактики, ни практики.

Однажды, когда фельдмаршалъ, имѣвшій обыкновеніе въ церковь одѣвать всѣ свои безчисленные ордена и прочіе знаки отличій, выходилъ на паперть, окруженный свитой и многими высокими особами двора Екатерины Великой, къ нему подошла супруга одного изъ обойденныхъ имъ по службѣ генераловъ.

— Ахъ, Александръ Васильевичъ,—воскликнула она,—вы такъ слабы, а на вашей груди столько навѣшено!!... Я думаю, вамъ тяжело...

— Помилуй Богъ, тяжело!.. Охъ, какъ тяжело; вашимъ мужьямъ не сносить!—отвѣтилъ Суворовъ.

Сконфуженная дама поспѣшила поскорѣе отойти.

Вотъ что говорилъ Суворовъ о счастьи, когда завистники объясняли имъ его тридцатилѣтнюю незнавшую пораженій боевую дѣятельность:

— Что такое счастіе? Ослиная голова реветъ: „счастіе такому-то“. У фортуны только одинъ хохолъ на головѣ, а голова у нея голая; умѣй ловить ее за хохолъ; пропустишь, не поймаешь! Кто же ловитъ фортуну за хохолъ? Умъ и геній.

Пріѣхалъ разъ къ Суворову „выскочка“. Генералиссимусъ, увидя подъѣзжавшую карету, выскочилъ встрѣтить, отворилъ дверцу кареты, вошелъ въ нее, громко привѣтствовалъ гостя, затѣмъ выскочилъ, заперъ дверцу и велѣлъ кучеру уѣзжать обратно.

Суворовъ шелъ съ Кутайсовымъ, изъ камердинеровъ попавшимъ по прихоти Павла I въ графы, по коридору Зимняго дворца и, увидѣвъ истопника, остановился и принялся кланяться ему въ поясъ.

— Что вы дѣлаете, князь?—сказалъ Кутайсовъ,—это истопникъ.

— Помилуй Богъ,—возразилъ Суворовъ,—ты графъ, а я князь; при милости царской не узнаешь, что этотъ будетъ за вельможа, то надобно его задобрить впередъ.

Суворовъ не любилъ, если кто тщательно старался подражать французамъ въ выговорѣ ихъ языка и въ манерахъ. Онъ спрашивалъ такого франта:

— Давно ли изволили получить письма отъ родныхъ изъ Парижа?

Про одного знатнаго русскаго вельможу говорили, будто онъ не умѣетъ писать по-русски.

— Стыдно!..—сказалъ Суворовъ,—но пусть онъ пишетъ по-французски, лишь бы думалъ по-русски.

„Вотъ мои мысли о людяхъ,—писалъ Суворовъ въ одномъ изъ писемъ:—вывѣска дураковъ—гордость; людей посредственнаго ума—подлость; а человѣка истинныхъ достоинствъ—возвышенность чувствъ, прикрытая скромностью“.

Во время службы въ Финляндіи Александръ Васильевичъ производилъ своимъ полкамъ ученія совершенно несогласныя съ требо-

ваніями воинскихъ уставовъ того времени. Они обращали большое вниманіе на развитіе частной иниціативы въ бою, а также на развѣдывательную службу и охраненіе войскъ въ походѣ. Въ колонновожатые имъ назначались для практики молодые офицеры, которые, разумѣется, исполняли свое назначеніе не безъ погрѣшностей и ошибокъ. Между прочимъ, однажды, по неосмотрительности колонновожатаго, одна колонна попала подъ перекрестный огонь скрытой въ лѣсу батареи, вслѣдствіе чего должна была бы погибнуть. Суворовъ, замѣтя это, подскакалъ къ резерву и, обратясь къ подполковнику, командовавшему резервной колонной, сказалъ:

— Чего вы ждете, сударь? Колонна ваша погибаетъ, а вы не секурсируете (нейдете на помощь).

— Ваше сіятельство,—отвѣчалъ подполковникъ:—я бы давно исполнилъ свой долгъ, но жду приказанія отъ моего генерала.

Послѣдній, будучи начальникомъ отряда, стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ и не говорилъ ни слова. Тогда Суворовъ указалъ на него и воскликнулъ:

— Какого генерала?.. Да развѣ вы не видите, что онъ убитъ?.. Вонъ и лошадь его бѣгаетъ!

Съ этими словами Суворовъ ускакалъ обратно.

По взятіи Туртукая въ 1773 г. Суворовъ послалъ главнокомандующему гр. Румянцеву рапортъ въ стихахъ такого содержанія:

„Слава Богу, слава Вамъ;
Туртукай взятъ и я тамъ“.

Во время довольно продолжительнаго бездѣйствія на театрѣ военныхъ дѣйствій, причиной котораго былъ упадокъ энергіи и апатія главнокомандующаго свѣтлѣйшаго князя Потемкина, Суворовъ изнывалъ на берегахъ Дуная, не имѣя возможности что-либо предпринять.

Государыня Екатерина II полюбопытствовала какъ-то, чѣмъ именно занятъ Суворовъ. Потемкинъ сдѣлалъ ему запросъ и получилъ немедленно отвѣтъ:

Я на камушкѣ сижу,
На Дунай-рѣку гляжу.

Австрійцы въ войну съ турками во многихъ пунктахъ потерпѣли значительный уронъ, потерявъ при этомъ много пушекъ. Но когда Суворовъ соединился съ ними, они стали поражать турокъ наряду съ русскими. Одержавъ вмѣстѣ съ ними знаменитую побѣду при Рымникѣ, Суворовъ отправилъ князю Потемкину подробную реляцію и приказалъ посланному сказать слѣдующее:

— Донеси его свѣтлости, что я военную добычу съ австрійцами раздѣлилъ по-братски: ихъ пушки имъ отдалъ, а турецкія себѣ взялъ.

Разъ вышелъ споръ между австрійцами и русскими относительно раздѣла пушекъ, взятыхъ у непріятеля.

Австрійцы требовали, чтобы имъ отдали половину орудій. Доложили объ этомъ Суворову, и онъ такъ рѣшилъ споръ:

— Отдать австрійцамъ всѣ пушки!.. Гдѣ имъ взять?.. Помилуй Богъ, мы себѣ еще добудемъ.

Александръ Васильевичъ любилъ выражаться коротко и ясно: безъ излишней розмазни и словоизверженій. Отцу своему онъ писалъ, еще будучи солдатомъ: „Я здоровъ, служу и учусь. Суворовъ“.

Подходя къ Варшавѣ и мимоходомъ разбивъ поляковъ, онъ сказалъ:

„Пришелъ, посмотрѣлъ и разбилъ“.

Послѣ взятія Праги онъ выразился такъ:

„Прага взята, Варшаву отдѣляетъ отъ насъ только одна рѣка Висла“.

Во время аудіенціи императрица спросила Суворова:

— Александръ Васильевичъ! Всѣ ли по заслугамъ награждены?

— Виноватъ, матушка! Просмотрѣлъ одного молодца маіора, а онъ теперь лежитъ раненый.

— Эту вину легко исправить. Садитесь и пишите ему достойную награду.

Черезъ нѣсколько времени Суворовъ подалъ бумагу и императрица прочитала:

„Господинъ секундъ-маіоръ!“ — Всемилостивѣйшая государыня наша матушка-царица всемилостивѣйше пожаловала вамъ за Мачинъ—чинъ, за Брестъ—крестъ, за Прагу—золотую шпагу и за долгое терпѣнье—сто душъ въ вознагражденье“.

Екатерина съ особеннымъ благоволеніемъ подписала.

Однажды у Потемкина Суворовъ встрѣтился съ механикомъ-самоучкой Кулибинымъ.

— Вашей милости!—сказалъ ему Суворовъ съ низкимъ поклономъ и сдѣлалъ шагъ впередъ.

— Вашей чести!—и сдѣлалъ второй шагъ.

— Вашей премудрости!—сказалъ опять Суворовъ, поклонясь въ оясъ; затѣмъ, взявъ за руку Кулибина, проговорилъ:

— Помилуй Богъ, сколько ума! Много ума! Онъ изобрѣтетъ коверъ-самолетъ.

Однажды, среди разговоровъ съ Ростопчинымъ, когда тотъ обратился весь въ слухъ и вниманіе, Суворовъ вдругъ остановился и запѣлъ пѣтухомъ.

— Какъ это можно!—съ негодованіемъ воскликнулъ Растопчинъ.

— Поживи съ мое—запоешь и курицей!..—отвѣтилъ Суворовъ.

Въ одну изъ бесѣдъ съ Ростопчинымъ Суворовъ сказалъ:

— Только трехъ смѣлыхъ человѣкъ зналъ я на свѣтѣ.

— Кого же, ваше сіятельство?

— Курція, Долгорукаго, да старосту Анѳипа,—первый бросился въ пропасть, второй говорилъ царю правду, а третій ходилъ на медвѣдя.

Передъ самымъ отъѣздомъ фельдмаршала въ Италію его навѣстилъ любимецъ императора Павла I—П. X. Обольяновъ и засталъ прыгающимъ черезъ чемоданъ, узлы и другія дорожныя вещи.

— Что это вы изволите дѣлать, ваше сіятельство?—спросилъ гость.

— Учусь прыгать,—отвѣтилъ Суворовъ,—вѣдь въ Италію-то прыгнуть—ой, ой, великъ прыжокъ, научиться надобно!

Однажды какой-то иностранный генералъ за обѣдомъ у Суворова безъ умолку восхвалялъ его, такъ что надоѣлъ и ему, и присутствующимъ. Подали прежалкій подгорѣвшій пирогъ, отъ котораго всѣ отказались, только Суворовъ взялъ себѣ кусокъ.

— Знаете ли, господа,—сказалъ онъ,—что ремесло льстеца не такъ легко. Лесть походитъ на этотъ пирогъ: надобно умѣючи испечь, всѣмъ нужнымъ начинить въ мѣру, не пересолить и не перепечь. Люблю моего Мишку повара: онъ худой льстецъ.

Разговаривали какъ-то объ одномъ военачальникѣ и обвиняли его за непонятное бездѣйствіе въ трусости.

— Помилуй Богъ, онъ храбръ, но бережетъ себя, хочетъ дожить до моихъ лѣтъ, — сказалъ Суворовъ.

Какъ-то зашла рѣчь о двухъ генералахъ. Одинъ изъ нихъ былъ очень старъ, а другой очень молодъ.

— Ну, разумѣется, старшій моложе младшаго; первый большую часть жизни проспалъ, а послѣдній работалъ, — сказалъ Суворовъ.

— По такому курьезному расчету вашему сіятельству уже давно перевалило за вѣкъ?

— Ай, нѣтъ, помилуй Богъ, нѣтъ, — встрепенулси Суворовъ:— взгляните на исторію,—тамъ я еще мальчишка.

Говоря про одного хитраго и пронырливаго иностраннаго литсратора, Суворовъ выразился такъ:

— Ну, такъ что же? Я его не боюсь. О хамелеонѣ знаютъ, что хамелеонъ принимаетъ на себя всѣ цвѣта, кромѣ бѣлаго.

Въ Вѣнѣ на балу во дворцѣ Суворовъ разговорился съ княземъ Ауершпергомъ о причинѣ неудачъ австрійцевъ въ войнѣ съ французами.

— Оборонительная война не хороша,—сказалъ онъ, — наступательная—лучше; французы на ногахъ, а вы на боку. Опи бьютъ, а вы заряжаете. Взведи курокъ, прикладывай, пали, а они въ штыки! Пропорція — три противъ одного: подите за мной, я вамъ докажу!..

И Суворовъ быстро пошелъ по заламъ. Не понимая, въ чемъ дѣло, австрійскій князь, однако, послѣдовалъ за графомъ. А тотъ сдѣлавъ кругъ, привелъ его обратно въ первую залу и оставилъ одного.

Этимъ онъ наглядно хотѣлъ указать на медленную тактику австрійцевъ.

Суворовъ въ домашней жизни.

Въ образѣ жизни Суворова замѣчались большія странности: вставалъ, напр., онъ съ восходомъ солнца, бѣгалъ по лагерю въ одной рубашкѣ, обѣдалъ въ 7 или 8 часовъ утра, употребляя при этомъ самую простую пищу, большею частью щи и кашу. Обыкновеннымъ питьемъ его былъ квасъ, но передъ обѣдомъ онъ выпивалъ всегда рюмку водки. Ѣлъ вообще мало. Послѣ обѣда спалъ часа три и столько же ночью. Передъ сномъ и вставая по утру пилъ кофе. Спалъ на тонкомъ соломенномъ тюфякѣ или на плащѣ, разостланномъ на полу; въ походахъ отдыхалъ на голой землѣ или въ кибиткѣ. Караула у него не было никогда.

Въ торжественные дни и въ большіе праздники Суворовъ надѣвалъ всѣ ордена. Дѣлалъ онъ это и при раздачѣ въ церкви присланныхъ государемъ знаковъ отличія генераламъ и офицерамъ. Въ походахъ лѣтомъ онъ носилъ солдатскую холстинную куртку съ красной выпушкой, широкія холщевыя шаровары и короткіе сапоги.

Александръ Васильевичъ не любилъ измѣнять своимъ привычкамъ и въ этомъ отношеніи мало стѣснялся даже присутствіемъ высокопоставленныхъ лицъ.

Однажды пріѣхалъ къ нему какой-то важный сановникъ часовъ около 9 утра, т.-е. какъ разъ во время обѣда.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, Суворовъ сѣлъ продолжать свой обѣдъ, а гостю безъ всякой церемоніи предложилъ обождать.

— Вамъ еще рано кушать,—сказалъ онъ,—прошу посидѣть.

Суворовъ велъ самый простой образъ жизни; обѣдъ его состоялъ большей частью изъ щей да каши, часто холодное изъ солонины со стаканомъ квасу и хрѣномъ.

Александръ Васильевичъ свято соблюдалъ всѣ посты, ѣлъ, когда полагалось кислую сырую капусту съ квасомъ, съ солью и

конопляным маслом, приговаривая: Это русскому здорово! помилуй Богъ, какъ здорово!

Кашу овсяную и гречневую онъ очень любилъ и иногда ѣлъ ихъ слишкомъ много. Тогда являлся Прошка и говорилъ:

— Александръ Васильевичъ, позвольте! — и протягивалъ руку къ тарелкѣ.

— Я ѣсть хочу, Прошка!

— Не приказано.

— Кто не приказалъ, Прошка?

— Фельдмаршалъ.

— О, фельдмаршала надобно слушаться! Помилуй Богъ, надобно! — и переставалъ ѣсть.

Суворовъ всегда былъ нѣжнымъ отцомъ. Разсказываютъ, что, спѣша однажды къ обязанностямъ службы, онъ заѣхалъ ночью домой, перекрестилъ спавшихъ дѣтей и уѣхалъ. Какъ герой, онъ гремѣлъ на полѣ битвъ, но какъ отецъ—„покидалъ сердце у дочери“, воспитывавшейся въ Смольномъ монастырѣ. Едва ли самая нѣжная, любящая мать можетъ найти такія выраженія, какія изливались въ его письмахъ къ дочери. Раненый подъ Кинбурномъ въ руку, въ дыму и пламени онъ не забывалъ своей „милой голубушки Суворочки“, своей „любезной Наташи“ и желалъ взглянуть, „какъ она растетъ и услышать ея голосъ“.

Дозволяя въ обыденной, походной обстановкѣ многія вольности въ костюмѣ, Суворовъ при поѣздкахъ во дворецъ одѣвался всегда особенно тщательно.

— Смотри, Прошка! — говорилъ генералиссимусъ своему камердинеру.—Ѣду къ матушкѣ-царицѣ, такъ все ли въ порядкѣ? Это вѣдь не то, что идти на Измаилъ или на Прагу!

Въ Свѣтлое Христово Воскресеніе генералиссимусъ князь Суворовъ, отслушавъ заутреню и раннюю обѣдню, становился въ рядъ съ священниками и христосовался со всѣми поголовно. Позади Суворова стояли деньщики съ корзинами крашенныхъ яицъ, и онъ каждому подавалъ яйцо. Всю святую недѣлю онъ всѣхъ безъ разбору угощалъ пасхой и куличами.

Живя не у дѣлъ въ селѣ Кончанскомъ, опальный фельдмаршалъ снискалъ любовь среди крестьянъ своимъ простымъ и привѣтливымъ обращенiемъ. Особенно его любили дѣти, съ которыми онъ часто балагурилъ и игралъ въ бабки. Иногда, впрочемъ, скучая бездѣйствiемъ, у него вырывались горькiя замѣчанiя, что теперь въ Россiи столько развелось фельдмаршаловъ, что имъ только и дѣла въ бабки играть.

У Суворова было главное правило торопиться дѣлать добро. Своимъ великодушнымъ вниманiемъ къ подчиненнымъ онъ привлекалъ къ себѣ сердца ихъ.

„Ограничиваясь обязанностями службы моей государынѣ, — писалъ онъ въ 1771 г.,—я стремился только къ благу отечества моего. Неудачи другихъ воспламеняли меня надеждою. Доброе имя есть принадлежность каждаго честнаго человѣка, но я заключалъ доброе мое имя въ славѣ моего отечества и всѣ успѣхи относилъ къ его благоденствiю. Никогда самолюбiе не управляло моими дѣянiями. Я забывалъ себя тамъ, гдѣ надлежало мыслить о пользѣ общей. Чувствiя мои были свободны, и я не изнемогалъ“.

Суворовъ не былъ злопамятенъ и за нанесенныя оскорбленiя и обиды никогда не мстилъ, ограничиваясь какой-либо остроумной шуткой по адресу обидчика.

Изгнанный капризомъ государя Павла Петровича въ свою новгородскую усадьбу, Суворовъ поступилъ подъ надзоръ грубаго и суроваго пристава Николаева, неимовѣрно стѣснявшаго маститаго хозяина. Скоро, однако, въ силу измѣнившихся обстоятельствъ, Суворовъ снова впалъ въ милость, и вотъ безтактный Николаевъ счелъ нужнымъ явиться къ нему съ поздравленiемъ и привѣтствiемъ.

Завидѣвъ Николаева, Суворовъ радостно закричалъ своему камердинеру:

— Прошка, сажай его выше всѣхъ!.. Помилуй Богъ, это первый мой благодѣтель.

И недальновидный благодѣтель волей-неволей обратился въ смѣшного истукана, посаженнаго на стулъ, воздвигнутый на диванъ.

Изъ жизни Суворова.

Личность Суворова была въ высшей степени загадочной для современниковъ.

Однажды онъ, разговорившись о самомъ себѣ, спросилъ у присутствовавшихъ:

— Хотите ли меня знать? Я вамъ себя раскрою: меня хвалили цари, любили воины, друзья мнѣ удивлялись, ненавистники меня поносили, придворные надо мной смѣялись. Я шутками говорилъ правду, подобно Балакиреву, который былъ при Петрѣ I и благодѣтельствовалъ Россіи. Я пѣлъ пѣтухомъ, пробуждалъ сонливыхъ, угомонялъ буйныхъ враговъ отечества. Если бы я былъ Цезарь, то старался бы имѣть всю благородную гордость души его, но всегда чуждался бы его пороковъ.

Въ послѣднихъ словахъ, дѣйствительно, вырисовывается нравственный обликъ нашего героя, чудо-богатыря, какимъ онъ представляется намъ теперь, свѣтлымъ и чистымъ.

Суворовъ терпѣть не могъ всякихъ мелочныхъ вѣжливостей и обходился всегда очень просто. Однажды онъ вмѣстѣ съ женою возвращался домой и долженъ былъ переправляться черезъ рѣку. Это было на Кавказѣ. Стояла холодная погода. Суворовъ прозябъ и закутался въ салопъ своей жены. Выйдя изъ повозки, онъ все въ томъ же одѣяніи стоялъ на плоту. Когда послѣдній подошелъ къ берегу, нѣсколько офицеровъ протянули руки, чтобы ему помочь, думая, что передъ ними генеральша. Суворовъ ударилъ ихъ по рукамъ и вскричалъ, раскланиваясь:

— Безъ церемоній, безъ церемоній! — и быстро убѣжалъ въ квартиру.

Суворовъ былъ очень набоженъ и всю жизнь придерживался того правила, что „безъ Бога ни до порога“. Каждое утро и вечеръ во время зари онъ присутствовалъ на молитвахъ, читать которыя онъ заставлялъ по очереди своихъ адъютантовъ.

Одинъ изъ нихъ, исполняя какъ-то эту обязанность, ошибся и въ смущеніи поскорѣе произнесъ: „Аминь“.

Суворовъ промолчалъ и не изъявилъ знака неудовольствія; но въ слѣдующій разъ выходитъ самъ передъ фронтъ и читаетъ ту же самую молитву внятно, твердо, выразительно и, обратясь по окончаніи чтенія къ пристыженному офицеру, спрашиваетъ у него:

— Не ошибся ли я, батюшка?

Послѣ взятія Милана, Суворовъ отправился въ церковь отслужить благодарственный молебенъ. Жители встрѣчали его съ вѣтвями и бросали подъ ноги вѣнки; нѣкоторые становились даже предъ нимъ на колѣни и цѣловали его руки, ноги, полы платья.

Суворовъ былъ до глубины души тронутъ этой встрѣчей и, крестя всѣхъ, восклицалъ:

— Богъ помогъ!.. Слава Богу!.. Радъ... радъ!.. молитесь Богу больше!..

Суворовъ спросилъ одного изъ лучшихъ своихъ генераловъ Милорадовича:

— Знаешь ли ты трехъ сестеръ?

— Знаю!—отвѣчалъ Милорадовичъ.

— Такъ,—подхватилъ Суворовъ,—ты русскій, ты знаешь трехъ сестеръ: Вѣру, Надежду и Любовь. Съ ними слава и побѣда, съ нами Богъ!

13-го сентября 1799 г., благочестивые капуцины, хозяева странно-пріимнаго дома Госписъ, расположившагося почти на самой вершинѣ горы С.-Готардъ въ Швейцаріи, были крайне встревожены появленіемъ у воротъ ихъ скромной обители сѣверныхъ варваровъ „москововъ“, только что побѣдоносно оттѣснившихъ храбрыя войска французскихъ генераловъ Луазона и Гюденя.

Трепещущіе монахи, во главѣ съ своимъ престарѣлымъ настоятелемъ расположились у входа въ обитель для встрѣчи побѣдителя, знаменитаго Суворова, слава о побѣдахъ котораго на поляхъ Италіи проникла даже въ тихіе уголки Швейцаріи. Со страхомъ ждали отцы-капуцины приближенія грознаго полководца.

Вотъ и онъ.

На маленькой, горбоносой казачьей лошадкѣ сидѣлъ тщедушный старичокъ небольшого роста, одѣтый въ болѣе чѣмъ скромный плащъ. Его окружала свита, когда-то блестящихъ, но теперь

оборванныхъ и перепачканныхъ генераловъ. Онъ весело болталъ съ приближенными.

Живые глаза старца-полководца замѣтили группу монаховъ, съ испуганнымъ пріоромъ во главѣ. Онъ подогналъ свою лошадку и выѣхалъ впередъ, навстрѣчу депутаціи. Съ легкостью, которой никакъ нельзя было ожидать въ его преклонномъ возрастѣ, Суворовъ соскочилъ на землю и подошелъ подъ благословеніе настоятеля. Затѣмъ онъ на чистѣйшемъ итяльянскомъ языкѣ произнесъ привѣтствіе и попросилъ „батюшку" прежде всего пойти въ церковь и отслужить благодарственный молебенъ.

Глубоко-умилительное зрѣлище должно было представлять это необычайное богослуженіе. Старенькая, убогая церковь Госписа никогда еще не видала въ своихъ стѣнахъ такихъ блестящихъ богомольцевъ. Монахи съ удивленіемъ смотрѣли на знаменитаго русскаго полководца, который прислуживалъ священнику, зажигалъ свѣчи, подтягивалъ церковному пѣнію и истово крестился.

Послѣ молебна Суворовъ охотно принялъ любезное приглашеніе пріора раздѣлить его скромную трапезу. За столомъ онъ окончательно очаровалъ монаховъ своей любезностью и остроуміемъ и поразилъ глубиною и разносторонностью своего ума. Предводитель московскихъ варваровъ, чуть не новыхъ гунновъ, оказался способнымъ съ уваженіемъ отнестись къ чуждому вѣроисповѣданію, что особенно возвысило его значеніе, какъ вождя христіанъ противъ проповѣдовавшихъ новую религію „Разума" французовъ.

Суворовъ рѣдко отказывалъ въ своемъ состраданіи и заступчивости. Однажды онъ получилъ письмо отъ несчастной старухи, матери капитана лейбъ-гренадерскаго полка Синицкаго: „Семьдесятъ лѣтъ живу я на свѣтѣ; шестнадцать взрослыхъ дѣтей схоронила; семнадцатаго, послѣднюю мою надежду,—молодость и запальчивый нравъ погубили: Сибирь и вѣчное наказаніе достались ему въ удѣлъ. А гробъ для меня еще не отворился... Государь милосердъ, графъ Рымникскій—милостивъ и сострадателенъ: возврати мнѣ сына и спаси отчаявшуюся мать!"

Суворовъ отвѣчалъ: — „Я молиться Богу буду; молись и ты, и оба молиться будемъ мы".

Ему удалось исходатайствовать прощеніе и вернуть старухѣ единственнаго сына.

Во время польской войны, чиновники, состоявшіе въ штатѣ Суворова, проиграли весьма изрядную сумму казенныхъ денегъ. Суворовъ, узнавъ о томъ, тотчасъ же одѣлъ мундиръ, отправился на гауптвахту и отдалъ караульному офицеру свою шпагу.

— Суворовъ арестованъ за похищеніе казеннаго интереса,—сказалъ онъ при этомъ.

Въ донесеніи въ Петербургъ онъ просилъ, чтобы продали его имѣнія и деньги внесли въ казну, такъ какъ онъ виноватъ въ случившемся хищеніи. Но Екатерина Великая прекрасно знала своего великодушнаго героя-фельдмаршала.

— Казна въ сохранности,—отвѣтила она въ письмѣ къ нему и приказала пополнить растраченныя деньги изъ государственныхъ суммъ.

Послѣ знаменитаго сраженія у Нови, въ которомъ былъ разбитъ и палъ главнокомандующій республиканской арміей генералъ Жуберъ, сардинскій король прислалъ Суворову нѣсколько знаковъ ордена Маврикія и Лазаря для раздачи особенно отличившимся офицерамъ и, между прочимъ, низшую степень ордена камердинеру фельдмаршала, Прошкѣ, за сбереженіе здоровья великаго полководца. Раздавъ ордена менѣе отличившимся лицамъ, Суворовъ спросилъ коменданта своей главной квартиры Ставрокова:

— Что говорятъ въ арміи?

— Говорятъ, что ваше сіятельство роздали ордена плохимъ офицерамъ,—доложилъ Ставроковъ.

— Да вѣдь и орденъ-то плохъ,—замѣтилъ Суворовъ.

Суворовъ не выносилъ разныхъ неопредѣленныхъ выраженій въ родѣ: предполагается, можетъ быть, кажется и пр.

— Я ненамѣренъ такимъ ипотезамъ жертвовать жизнью храброй арміи!—закончилъ онъ однажды свое разсужденіе по поводу какой-то важной бумаги, переполненной подобными выраженіями. Затѣмъ онъ обратился къ одному изъ офицеровъ и приказалъ сказать десять заповѣдей Господнихъ.

— Видишь ли,—сказалъ фельдмаршалъ, обратясь къ своему секретарю,—какъ премудры, кратки, ясны небесныя, Божія велѣнія!

Побѣды Суворова въ Италіи встревожили французское республиканское правительство. Имъ было назначено два милліона ливровъ въ награду тому, кто привезетъ голову русскаго вождя.

Узнавъ объ этомъ, Суворовъ велѣлъ привести одного изъ плѣнныхъ французовъ, объявилъ ему, что даруетъ свободу и добавилъ:

— Желаю тебѣ счастливой дороги; не забудь только объявить своей директоріи, что очень дорого оцѣнили мою голову. Вѣдь у нея и денегъ такихъ нѣтъ. Скажи директоріи: я постараюсь самъ принести къ нимъ мою голову вмѣстѣ съ руками.

Узнавъ о болѣзни маститаго генералиссимуса, императоръ Павелъ Петровичъ послалъ къ нему въ его Кобринское помѣстье лейбъ-медика Вейкарта. Но Вейкарту не легко было уговорить лѣчиться стараго героя, признававшаго цѣлебными средствами только молитву, баню, кашицу, да квасъ. Суворовъ даже одѣваться теплѣе не хотѣлъ.

— Я — солдатъ!..—восклицалъ онъ.

— Вы генералиссимусъ,—возражалъ лейбъ-медикъ.

— Такъ, да солдатъ съ меня примѣръ беретъ,—упрямился больной, но все-таки, наконецъ, сдался и началъ уже поправляться. Длинный путь до Петербурга оказался однако не по силамъ неокрѣпшему организму. Непріятныя вѣсти о новой немилости государя, усталось и простуда сдѣлали свое роковое дѣло. Въ Стрѣльну Суворовъ пріѣхалъ уже совершено больной, но продолжалъ свой путь въ столицу, гдѣ онъ началъ доблестную службу и гдѣ судилъ Богъ ему ее и окончить.

Суворовъ въ народной памяти.

Память о величайшемъ русскомъ полководцѣ генералиссимусѣ князѣ Александрѣ Васильевичѣ Суворовѣ Рымникскомъ жива до сихъ поръ, и навѣрно никогда не умретъ въ сердцѣ русскаго народа. Много пѣсенъ и преданій циркулируетъ среди него о томъ, кого называетъ еще и теперь „Христовъ воинъ—Суворовъ“. При жизни его и первое время послѣ смерти, пѣсенъ и преданій о немъ, иногда носившихъ слишкомъ баснословный характеръ, было конечно еще больше.

Причина такого вниманія народа къ Суворову была необыкновенная цѣльность его личности, громадныя дарованія, выражавшіяся въ формахъ поразительныхъ, и внутренняя связь съ солдатами, а слѣдовательно и съ народомъ, изъ котораго этотъ солдатъ вышелъ.

Между прочимъ говорили, будто до рожденія Суворова были видны на небѣ хвосты, такъ какъ, по словамъ одного юродиваго, „рождался человѣкъ знаменитый и нехристямъ страшный“; говорилось, что никогда и никому не будетъ извѣстно мѣсто его рожденія и дѣйствительно, оно достовѣрно неизвѣстно: одни историки указываютъ какъ на его родину на Москву, другіе на Финляндію.

Объяснялось, что новорожденному было дано счастіе святымъ перехожимъ, или ангеломъ, котораго пріютили родители.

Существованіе такихъ преданій въ народѣ тѣмъ понятнѣе, что легендарные разсказы о Суворовѣ находили себѣ мѣсто даже въ высшемъ русскомъ обществѣ и ходили не въ одной Россіи, но и въ Турціи, Польшѣ, Италіи и Швейцаріи.

Пѣсни, въ которыхъ упоминается Суворовъ, относятся къ семилѣтней войнѣ, къ обѣимъ турецкимъ, къ штурму Измаила и Праги, и отчасти къ итальянскому походу.

Характеристика Суворова въ нихъ выражена съ замѣчательнымъ

единствомъ, въ нихъ онъ является любимымъ избраннымь героемъ. Къ нему не относятъ ни одного темнаго или сомнительнаго поступка. Онъ чистъ отъ всего дурного; онъ одинъ ничего не боится и ни передъ кѣмъ не робѣетъ.

Пѣсня подмѣтила и особенность Суворовскаго военнаго искусства — предпочтеніе холоднаго оружія огнестрѣльному.

Въ одномъ мѣстѣ пѣсни Суворовъ отдаетъ приказаніе:

„Ступай наши на штыкахъ.

Вѣра въ Суворова такъ велика, что борьба съ нимъ представляется прямо невозможной.

Поляки въ пѣснѣ говорятъ:

„Лучше сквозь землю пройтить,
„Чѣмъ отъ Суворова уйтить,

Къ туркамъ дѣлаютъ такое обращеніе:

„Ты, Гасанъ,
„Попадай намъ въ руки самъ
„И не дѣлай тамо споровъ,
„Гдѣ Рымникскій графъ Суворовъ".

Суворовъ восхваляется за правдивость, за честную службу, за любовь къ солдату:

„Здравствуй, здравствуй, графъ Суворовъ.
„Что ты праведно живешь —
„Справедливо насъ солдатъ ведешь:
„Ты военностей не тужишь,
„Радъ хоть въ воду и огонь.
„Ты царицѣ вѣрно служишь".

Какъ бы результатъ этихъ добродѣтелей вождя, въ одной пѣснѣ заявляется:

„Съ предводителемъ такимъ
„Воевать всегда хотимъ".

Въ другой пѣснѣ разсказывается, что Екатерина II испугалась угрозъ шведскаго короля:

Закричала государыня громкимъ голосомъ своимъ:

„Охъ, вы гой еси, мои слуги вѣрные мои!
„Вы подите; приведите Суворова графа ко мнѣ.

„Вотъ приходитъ графъ Суворовъ къ государынѣ самой.
„Ужъ ты гой еси, государыня, не страшись ничего;
„У насъ есть чѣмъ принять, чѣмъ потчивать его“.

Замѣчательна также пѣсня, гдѣ сопоставляются между собой три полководца екатерининскаго времени.

Князь Румянцевъ-генералъ
Много силы потерялъ,
Князь Потемкинъ-генералъ
Въ своемъ полку не бывалъ,
Всю силу растерялъ:
Кое пропилъ, промоталъ,
Кое въ карты проигралъ,
А Суворовъ-генералъ
Свою силу утверждалъ.
Мелки пушки заряжалъ
Короля во полонъ бралъ.

Еще виднѣе Суворовъ въ слѣдующихъ строкахъ:

Что не сизый орелъ на лебедушекъ
Напускается изъ-за синихъ тучъ:
Напускается орломъ батюшка,
На поганыхъ на турковъ-нехристей,
Самъ Суворовъ-свѣтъ батюшка.

Народная память о героѣ выразилась кромѣ пѣсенъ и легендъ, въ лубочныхъ картинкахъ.

Въ нихъ Суворовъ встрѣчается часто. Есть между прочимъ портретъ Суворова и изображенія его и Багратіона, обоихъ на коняхъ, лицомъ другъ къ другу.

Картинка содержаніемъ своимъ доказываетъ, что привязанность Суворова къ Багратіону извѣстна народу, а также и причина этой привязанности—свойства военнаго дарованія Багратіона, суворовскаго ученика.

Подъ картинкой написано:

Еще при мнѣ бросать ты громы научился
И лавры смѣло пожиналъ,
Ко славѣ ревностно стремился
И я наперсникомъ тебя избралъ.

Пѣсни, сложенныя и распѣваемыя русскимъ народомъ, имѣютъ громадное значеніе, указывая намъ, какъ именно слагаются въ устахъ его замѣчательныя былины, полныя высокихъ олицетвореній и образовъ. Геніальная личность Суворова не могла пройти незамѣтной для русскаго человѣка, отзывчиваго и чуткаго по натурѣ. Народъ окружилъ родного героя цикломъ преданій и легендъ, и отвелъ ему почетное мѣсто въ своихъ былинахъ и пѣсняхъ. Пѣсни эти не плодъ фантазій доморощенныхъ поэтовъ, онѣ зародились въ сердцѣ народномъ, выносились въ немъ и вылились на широкій просторъ земли русской во славу и честь великаго ея сына — Суворова.

Вотъ нѣсколько изъ этихъ пѣсенъ:

Ахъ, какъ у насъ-то было на Святой Руси,
У коренныхъ было у русскихъ!
Пронеслась вѣсть намъ—солдатушкамъ,
Вѣсть радостная—во походъ идти.
Пишетъ цесарскій царь, пишетъ, проситъ
Нашего царя-батюшку:
Ой ты гой еси, православный царь,
Славянскій царь, всея Руси!
Помоги ты мнѣ, царю бѣдному,
Царю римскому, нѣмецкому!
Разорили меня, погубили меня
Французишки безбожные;
Бьютъ напропалую войска цесарскія,
Нѣтъ у меня генерала славнаго!
Помоги ты мнѣ, русскій царь-батюшка,
Сохранить мое царство бѣдное!
Ты пришлика-ка, пришли, православный царь,
Свои войска богатырскія.
Ты пришли-ка пришли, мой отецъ родной,
И своего Суворова, графа Рымникскаго!
До вѣку-вѣчнаго не забудетъ тебя
Мое царство бѣдное!..

О турецкой войнѣ было много сложено солдатами пѣсенъ. Въ одной изъ нихъ поется о Суворовѣ:

„А Суворовъ подскакалъ ко донскимъ казакамъ:
Ой вы, братцы, молодцы, вы донскіе казаки!
Вы донскіе, гребенскіе, запорожски молодцы.
Сослужите таку службу, каку я вамъ велю,
Каку я вамъ велю и какую прикажу:
Вы пейте-ка безъ мѣры зеленое вино,
Берите безъ разсчету государевой казны,—

Не можноли, ребята, караулы турски снять?“
— Не велика, сударь, страсть—караулы турски скрасть“.
Тихо ночью подъѣзжали, караулы турски скрали,
Закидался, забросался самъ турецкій визарь,
Черьзнень-рѣчку перешелъ, во постелюшку слегъ:
„Не чаялъ своей силушки въ погибели бывать,
А топеря моя силушка побитая лежитъ,
Вся побитая лежитъ, вся порубленная,
Побили—порубили все донскіе казáки,
Донскіе, гребенскіе, запорожцы молодцы“.

Въ пѣснѣ о битвѣ на Кинбурнской косѣ нѣкоторые стихи приписываются самому Суворову:

Нынѣ времячко военно,
Отъ покоя удаленно,
Наша Кинбурска коса
Открыла первы чудеса.
Флотъ турецкій подступаетъ,
Турокъ на косу сажаетъ:
Какъ въ день первый октября
Выходила тутъ ихъ тьма.
Они шанцы тутъ копаютъ,
Изъ судовъ припасъ таскаютъ,
Чтобы Кинбурномъ владѣть,
И въ побѣдѣ себя зрѣть.
Но Суворовъ генералъ
Тогда не спалъ, не дремалъ,
Свое войско учреждалъ,
Турковъ больше поджидалъ.
Турки вскорѣ накопились,
Во предмѣстіе набились:
Тутъ Суворовъ выступаетъ.
Всю опасность презираетъ.
Онъ приказъ войску отдалъ,
Во сраженіе самъ сталъ.
Турки бросились на сабляхъ,
Презирая свою смерть.
Ихъ Суворовъ видя дерзость,
Оказалъ тутъ свою ревность,
Поминутно повторялъ:
„Ступай наши на штыкахъ!“
Приказъ только получили,
Турковъ били и топили,
И которыхъ полонили,
А оставшихъ порубили.
Ужъ не видя предъ собой,

Что вновь скоро будетъ бой,
Они пѣсенки запѣли,
На покой въ Кинбурнъ пошли.
Съ предводителемъ такимъ
Воевать всегда хотимъ;
За его храбры дѣла
Закричимъ ему ура!

Пѣсня о взятіи турецкой крѣпости Измаила:

Гдѣ ты воронъ былъ, гдѣ полетывалъ?
Ты скажи, воронъ, что видалъ-слыхалъ?
Что случилось во Туречинѣ,
Въ грозной арміи Суворова?
Не убитъ ли мой сердечный другъ,
Сердцу вѣрному зазнобушка?
„Я леталъ, леталъ, полетывалъ,
По бѣлу свѣту погуливалъ.
Я клевалъ, клевалъ, поклевывалъ
Тѣло вражье—бусурманское;
Я видалъ диво, диво дивное,
Диво дивное, чудо чудное:
Какъ нашъ батюшка, Суворовъ князь,
Съ малой силой соколовъ своихъ,
Разбивалъ полки тьму-численны,
Полонилъ пашей и визирей,
Бралъ Измаилъ крѣпость сильпую,
Крѣпость сильную, завѣтную.
Много пало тамъ солдатушекъ
За святую Русь-отечество
И за вѣру христіанскую.
Я принесъ тебѣ и вѣсточку,
Что твой милый другъ на приступѣ
Палъ со славой русска воина.
Онъ велѣлъ отдать кольцо тебѣ
Обручально, съ челобитьицемъ,
Чтобы красная ты, дѣвица,
Не кручинилась, не печалилась.
Князь Суворовъ, нашъ отецъ родной,
Смерть отмстилъ онъ своихъ дѣтушекъ—
Надъ главами бусурманъ-враговъ:
Онъ, отпѣвъ тѣла геройскія,
Проронилъ слезу отеческу,
И по долгу христіанскому
Надъ могилой ихъ поставилъ крестъ“.

О боѣ подъ Бендерами:

Какъ у насъ было за городомъ за Бендерой,
Не двѣ тученьки, не двѣ грозныя онѣ выкатились:
Выкатилася сила—армія во чистое поле,
Во чистомъ полѣ въ широкое раздолье.
Выходилъ тутъ самъ-отъ батюшко графъ Суворовъ.
Камышевой своей тросточкой онъ комендруетъ:
„Становитеся вы солдатушки по правому флангу,
„Вы берите, ребята, и не робѣйте,
Своихъ бѣлыхъ рукъ не жалѣйте!"

Въ память побѣды надъ Гассанъ-пашей подъ Браиловымъ.

Дней назначенныхъ дождавшись,
Съ сильной арміей поднявшись,
Ко Браилову Гассанъ
Тутъ хотѣлъ держать свой станъ...
Но вдругъ слышитъ въ войскѣ рѣчи,
Что идутъ къ нему для встрѣчи
Не поклонъ свой отдавать,
И знать лагерь разбивать
Полки арміи россійской...
Коль русакъ идетъ—хохочетъ,
Знать къ рукамъ прибрать все хочетъ,
Не считая за навозъ—
И палатки, и обозъ,
И котлы мѣдны, и блюды,
И бараны, и верблюды,
И буйволовъ, лошадей
Заберетъ сей чудодѣй...
Ура! ура! ты, Гассанъ!
Попадай намъ въ руки самъ
И не дѣлай тамо споровъ,
Гдѣ Рымникскій графъ Суворовъ

Пѣсня о дѣлахъ въ Польшѣ:

Тучи грозны засинѣли,
Вѣтръ съ полудня засвистѣлъ;
Вихры бурны заревѣли,—
Громовыхъ ждать яркихъ стрѣлъ.

Польша, зря тучи, трепещетъ:
Буря всѣхъ сердца страшитъ;

Но не буря громы мещетъ:
Самъ Суворовъ тутъ летитъ.

Отъ Немирова до Бреста,
Какъ на крыльяхъ пролеталъ;
Нѣтъ ни ночи, нѣтъ ни мѣста,
Гдѣ бъ онъ съ войскомъ отдыхалъ.

Лишь достигъ, вездѣ караетъ,
Лишь увидѣлъ, побѣдилъ:
Дивинъ, Кобринъ онъ срываетъ,
Въ Брестѣ всѣхъ ихъ истребилъ.

Крупчицъ громомъ будетъ въ Польшѣ:
Сѣраковскій тамъ разбитъ.—
Войскъ отборныхъ имѣлъ больше,
Другъ Костюшки онъ и щитъ.

Онъ за крѣпкими мѣстами
Батареи окопалъ;
За болотомъ предъ лѣсами
Неприступнымъ станъ считалъ.

Но Суворовъ гдѣ предводитъ,
Что тамъ можетъ удержать?
Подъ картечьми переходитъ!
Велѣлъ вдругъ атаковать,

Загатить ручей, болото;
Жарко было молодцамъ;
Но лишь тронулась пѣхота—
Тутъ потѣха удальцамъ!

Зашумѣли, загремѣли;
Ура! крикнувъ, множатъ страхъ;
Конны въ крыльяхъ полетѣли,
Пѣши идутъ на штыкахъ;

Всѣ врубились, всѣ вломились,
Били дерзкихъ поляковъ;
Кучи тѣлъ ихъ навалили,
Ночь спасла тогда враговъ.

Полководцы всѣ блистали;
Офицеры молодцы!
И солдаты не устали
Плесть лавровые вѣнцы!

Постарайся-жъ, громка слава!
И Суворовъ нашъ греми!
Пусть падетъ тобой Варшава,
И Костюшку ты возьми.

Строй Потемкинъ *) весь предводитъ;
Храбръ онъ, вездѣ поспѣлъ!
Въ немъ Суворовъ самъ находитъ
Молодца похвальныхъ дѣлъ! **).

На взятіе Варшавы:

Какъ не туча находила
И не сильны дожди льютъ:
Ррафъ Суворовъ показался,
Полки въ Польшу съ нимъ идутъ.

Онъ имѣлъ то повелѣнье,
Чтобы Польшу усмирить,
И не мудро угожденье—
Взять Аршаву, покорить.

Гдѣ онъ шелъ скоро по Польшѣ,
Войско слѣдовало съ нимъ.
Какъ Аршавъ-городъ узнала,
Что Суворовъ къ ней идетъ,

Воздохнула тяжко Аршава,
Всѣ заплакали мѣста:
„Лучше сквозь земли пройтить,
„Отъ Суворова уйтить“.

Не туманъ съ войска поднялся
И военный грянулъ громъ:
Городъ ядрами покрылся,
Полчаса не видѣнъ былъ.

Намъ Суворовъ волю далъ
Ровно три часа гулять:
Погуляемте, робята!
Намъ Суворовъ приказалъ.

За его выпьемъ здоровье.
Мы поздравимте его.
Здравствуй, здравствуй, графъ Суворовъ,
Что ты правдою живешь,

Справедливо насъ, солдатъ, ведешь.
Ты военностей не тужишь,
Радъ хоть въ воду и огонь,
Ты царицѣ вѣрно служишь!

---

*) Павелъ Сергѣевичъ, двоюродный братъ князя Таврическаго.
**) Послѣдніе 4 стиха принадлежатъ Суворову.

Подражатели Суворова.

Обаяніе великихъ людей особенно ярко сказывается въ стремленіяхъ подражать имъ ихъ современниковъ и людей позднѣйшихъ поколѣній. Но подражаніе генію въ его знаменитыхъ дѣяніяхъ требуетъ слишкомъ большого сродства душъ подражателя съ оригиналомъ, глубокаго разумѣнія души послѣдняго и, такъ сказать, воплощенія его существа въ своемъ. Иначе копія потеряетъ всякое сходство съ оригиналомъ и, кромѣ насмѣшливаго сожалѣнія, ничего вызвать не сможетъ. Вотъ почему кругъ подражаній рѣдко переступаетъ границы повседневныхъ привычекъ и мелочей обыденной жизни великаго человѣка.

Нашъ геніальный полководецъ, Александръ Васильевичъ Суворовъ, имѣлъ много подражателей своимъ привычкамъ и чудачествамъ какъ среди лицъ, занимавшихъ болѣе или менѣе высокое положеніе, такъ и между людьми, стоявшими на самыхъ нижнихъ ступеняхъ военной іерархіи. Мы укажемъ здѣсь нѣсколькихъ извѣстныхъ лицъ, особенно выдающихся въ этомъ отношеніи. Во главѣ ихъ необходимо поставить командовавшаго войсками Оренбургскаго края стараго князя Григорія Семеновича Волконскаго.

Подобно Суворову, князь Григорій Семеновичъ Волконскій вставалъ рано и тотчасъ отправлялся по всѣмъ комнатамъ и прикладывался ко всѣмъ образамъ. Въ то же время во всемъ домѣ открывались въ окнахъ форточки и въ комнатахъ дулъ сквозной вѣтеръ. Обѣдалъ онъ поздно — часовъ въ семь и позже вечеромъ. Ежедневно по вечерамъ у него служилась всенощная, при которой обязанъ былъ присутствовать дежурный офицеръ.

Князь любилъ ходить въ худой одеждѣ, сердился, если его не узнавали, въ городъ ѣздилъ лежа на дровняхъ или на телѣгѣ. Къ войскамъ выѣзжалъ во всѣхъ орденахъ, а по окончаніи ученья ложился гдѣ-нибудь подъ кустомъ въ одной рубашкѣ и пропускалъ солдатъ мимо себя, покрикивая:

— Молодцы, ребята, молодцы!

Во время кампаніи 1806 года онъ надоѣдалъ императору Александру I просьбами о назначеніи его главнокомандующимъ дѣйствующей арміей. Государь въ виду его старости ласково отказывалъ; старикъ не унимался, писалъ письма къ своей покровительницѣ государынѣ, жаловался, будто Аракчеевъ мѣшаетъ ему служить отечеству и пр., и пр.

Подражалъ Суворову и извѣстный герой 1809 г., генералъ В. Г. Костенецкій. Жизнь онъ велъ весьма оригинальную: одѣвался въ длиннополый военный сюртукъ, носилъ какую-то необыкновенно высокую форменную фуражку. Комнатъ зимою не топилъ и холода, повидимому, не ощущалъ. Тотчасъ какъ вставалъ съ постели, т.-е. съ жесткаго кожанаго дивана, съ такой же подушкой, безъ простыни и одѣяла, онъ отправлялся на дворъ и бросался въ снѣгъ. Чай заваривалъ не въ чайникѣ, а просто въ стаканѣ и пилъ его безъ сахара, а потомъ жевалъ чайные листья. Пищу употреблялъ самую простую: борщъ, кашу и изрѣзанное мясо. Водки и вина не пилъ вовсе. Чтобы пріучить себя не бояться отравы — онъ почему-то думалъ, что его когда-нибудь отравятъ,—Костенецкій носилъ съ собой кусокъ мышьяку, который и лизалъ поутру, постепенно увеличивая количество лизаній. Такимъ путемъ онъ дошелъ до того, что могъ безъ вреда ввести въ организмъ такую дозу мышьяка, которая безусловно была бы смертельна для другого.

Ученья онъ производилъ весьма оригинально: рано на зарѣ трубачъ трубилъ тревогу. Генералъ указывалъ, куда скакать батареямъ и самъ мчался туда во весь опоръ. Прискакавъ на мѣсто, онъ соскакивалъ въ полѣ съ коня и голый катался по травѣ. Это была его суворовская утренняя ванна. Когда являлись батареи, генералъ былъ уже снова на конѣ и начиналъ ученіе, которое велось все время на карьерѣ. Вдругъ Костенецкій командуетъ:

— № 3 раненъ!

№ 3 слѣзаетъ съ лошади и отходитъ въ сторону, а другой заступаетъ его мѣсто.

Новая команда:

№ 1 убитъ!

Убитый падаетъ и лежитъ на землѣ; его замѣняютъ другимъ и т. д.

Генералъ Костенецкій былъ высокъ, строенъ и красивъ; онъ обладалъ легендарной силой. Женщинъ очень любилъ, но женатъ не былъ. Онъ ухаживалъ за княжной Р—въ и велъ себя какъ

влюбленный мальчикъ, давая пищу насмѣшкамъ всего красносельскаго лагеря. О силѣ Костенецкаго передавалось много фактовъ; между ними особенно замѣчателенъ одинъ, исторически подтвержденный, изъ войны 1809 г. Именно: польскіе уланы отважно бросились на батарею Костенецкаго, перебили прислугу и, разумѣется, взяли бы батарею. Костенецкій, схвативъ банникъ, принялся бить имъ направо и налѣво, многихъ перебилъ, остальныхъ прогналъ. Александръ I очень благодарилъ его за подвигъ и удивлялся его силѣ.

— Ваше величество, слѣдовало бы въ артиллерію ввести желѣзные банники вмѣсто деревянныхъ,—сказалъ Костенецкій.

— Мнѣ нетрудно сдѣлать это, но гдѣ найти такихъ Костенецкихъ, которые могли бы владѣть ими!—отвѣчалъ государь.

Фельдмаршалъ графъ Михаилъ Ѳедоровичъ Каменскій, человѣкъ въ высшей степени талантливый, съ большимъ знаніемъ военнаго дѣла и лично храбрый, но крайне честолюбивый и нервный въ обращеніи съ людьми, тоже значится въ спискѣ подражателей великаго Суворова.

Онъ не пользовался расположеніемъ императрицы Екатерины Великой. Государыня однажды выразилась о немъ въ разговорѣ съ секретаремъ Храповицкимъ такъ:

— Къ намъ будетъ скучнѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ.

Король прусскій какъ-то сказалъ о немъ:

— Это молодой канадецъ, однако же, довольно вылощенный.

Павелъ I и графъ Аракчеевъ были большими почитателями его воинскихъ талантовъ, равно какъ и императоръ Александръ I, поручившій ему защиту Пруссіи противъ Наполеона I.

Въ частной жизни графъ Михаилъ Ѳедоровичъ часто оригинальничалъ и юродствовалъ. Въ своей деревнѣ онъ жилъ совершенно одинъ; въ кабинетъ, кромѣ камердинера, не допускался никто; у дверей его комнаты были привязаны двѣ громадныя меделянскія собаки, знавшія только графа и камердинера. Одѣвался графъ постоянно въ заячью куртку, крытую голубой тафтой съ завязками, желтые мундирные штаны изъ сукна, ботфорты, а иногда коты и кожанный картузъ. Волосы связывалъ назади пучкомъ; ѣздилъ въ длинныхъ дрожкахъ цугомъ, съ двумя форейторами; лакей, сидя на козлахъ, обязанъ былъ не оборачиваться назадъ, но смотрѣть на дорогу.

Каменскій, подобно Суворову, ѣлъ самую простую пищу, пѣлъ

на клиросѣ. Онъ очень оскорблялся всякимъ невниманіемъ къ его заслугамъ. Такъ, когда государыня передъ второй турецкой войной послала ему въ подарокъ пять тысячъ золотомъ, онъ захотѣлъ показать, что подарокъ слишкомъ ничтоженъ, и нарочно истратилъ эти деньги на завтраки въ Лѣтнемъ саду, къ которымъ приглашалъ всѣхъ, кто попадался на глаза.

Вызванный Александромъ I въ Петербургъ, онъ помѣстился въ убогомъ помѣщеніи, въ плохой гостиницѣ, въ третьемъ этажѣ. Никто изъ подчиненныхъ не любилъ его за жестокость и крутой вспыльчивый нравъ. Женатъ онъ былъ на княгинѣ Щербатовой, имѣлъ дочь и двухъ сыновей. Младшаго онъ очень любилъ, старшаго же не терпѣлъ и однажды за опозданіе на службу публично наказалъ арапникомъ, когда тотъ имѣлъ уже большой чинъ.

Суворовъ въ легендахъ.

На долю Суворова выпало стать народнымъ русскимъ героемъ, войти въ русскій народный эпосъ, подобно тому какъ вошли въ него богатыри ласковаго князя Владиміра Красное солнышко. О немъ пѣлись и поются пѣсни, о немъ сложились легенды, имя его извѣстно самому темному человѣку на Руси. Въ народныхъ преданіяхъ личность Суворова начертана въ самыхъ свѣтлыхъ тонахъ, окружена ореоломъ нравственнаго величія, почти святости. Всѣ дѣянія его получаютъ благословеніе свыше, ему доступно лицезрѣніе Божіихъ ангеловъ, онъ имѣетъ силу разрушать чары дьявола. О его рожденіи разсказываютъ слѣдующее:

Задолго еще были видны на небѣ какіе-то красные хвосты, и никто не могъ объяснить сего небеснаго знаменія. Всѣ ученые терялись въ догадкахъ. Наконецъ обратились къ одному юродивому, и тотъ послѣ долгаго поста и молитвы разъяснилъ, что хвосты эти означаютъ рожденіе человѣка знаменитаго, который совершитъ много воинскихъ подвиговъ и будетъ страшенъ нехристямъ. Нѣкоторые не вѣрили словамъ святого человѣка, и, между прочимъ, одинъ мужичокъ открыто надъ ними смѣялся.

Однажды пришлось ему запоздниться въ городѣ и уже совсѣмъ ночью выйти въ поле, чтобы напрямикъ возвратиться къ себѣ домой. Время близилось къ полуночи, на небѣ кровавымъ огнемъ горѣли необъяснимые хвосты. Мужичокъ вспомнилъ объясненія юродиваго и усмѣхнулся въ бороду. Вдругъ онъ чувствуетъ, что кто-то идетъ рядомъ съ нимъ. Оглянулся и видитъ красиваго юношу, одѣтаго въ свѣтлые одежды. Незнакомецъ вступилъ въ разговоръ съ перепуганнымъ скептикомъ и разсказалъ, что родился такой человѣкъ на землѣ, какого еще и не было.

— Гдѣ же онъ родился?—спросилъ мужичокъ.

— Никогда и никому не должно быть извѣстно мѣсто рожденія этого ребенка,—отвѣчалъ юноша.

Вотъ почему до сихъ поръ неизвѣстно мѣсто рожденія Суворова.

Мудрость, прозорливость, выносливость и военное счастье въ устахъ народа получили слѣдующее объясненіе.

Однажды въ домъ родителей Суворова пришелъ странникъ. Странникъ этотъ былъ архангелъ Гавріилъ. Родители Суворова были люди благочестивые и милостивые; странникъ нашелъ у нихъ кровъ и пищу. Въ благодарность онъ благословилъ сына ихъ, только что передъ его приходомъ увидѣвшаго свѣтъ, и подарилъ ему счастье, которое уже такъ всю жизнь его и не покидало. Всѣ дѣла Суворова совершались подъ покровительствомъ Божіимъ. Господь далъ ему чудную мудрость. Онъ зналъ все на свѣтѣ, что было раньше и что будетъ потомъ. Онъ все могъ предвидѣть и предугадать. Ангелы Божіи руководили имъ. Они указывали слабыя стороны враговъ и удесятеряли мужество его воиновъ. Богъ далъ своему избраннику слабое тѣло, но въ то же время одѣлилъ его тѣло здоровьемъ, крѣпостью и выносливостью. Сочетаніе созвѣздій, говоръ волнъ, шелестъ листьевъ—все разумѣлъ Суворовъ. По ночамъ онъ бесѣдовалъ съ невидимыми лицами, иногда исчезалъ невѣдомо куда, а передъ кровавыми боями всегда скорбѣлъ сердцемъ, заранѣе зная, сколько жизней и чьихъ именно они унесутъ.

Дьяволъ старался вредить Суворову. Онъ заключилъ союзъ съ невѣрующими въ Бога французами и всѣми силами старался уничтожить православныя русскія войска. Но Суворовъ не побоялся дьявольскихъ чаръ и навожденій. Молитвой и крестнымъ знаменіемъ онъ отгонялъ сатану и выходилъ побѣдителемъ во всѣхъ сраженіяхъ.

Однажды дьяволъ попробовалъ возмутить противъ Суворова его солдатъ. Сила врага человѣческаго велика, и намѣреніе свое ему удалось привести въ исполненіе. Войска стали роптать.

Дѣло было во время перехода черезъ С.-Готардъ, въ ущельяхъ котораго и гнѣздился дьяволъ.

— Не пойдемъ дальше! — кричали солдаты, — мы голодны, не обуты, веди насъ назадъ!

— Хорошо,—сказалъ Суворовъ,—я позволяю вамъ возвратиться назадъ, но прежде заройте меня въ землю! Копайте могилу!

Эти слова стараго полководца проникли до глубины сердецъ ропщущихъ чудо-богатырей.

— Отецъ нашъ! — заливаясь слезами, говорили они, — веди... веди насъ! Умремъ за тебя!

Такимъ образомъ и на этотъ разъ козни дьявола не имѣли успѣха.

Извести Суворова старались и поляки, и французы. Голова его была оцѣнена. Силы небесныя хранили героя: ни одно покушеніе на его жизнь не удалось. Одинъ полякъ переодѣлся въ русскій мундиръ и напалъ на Суворова во время сна. Пистолетъ три раза далъ осѣчку; кинжалъ каждый разъ невидимой рукой отстранялся въ сторону. Убійца, наконецъ, не выдержалъ, упалъ на колѣни и, разбудивъ Суворова, признался въ своемъ умыслѣ. Суворовъ его простилъ.

Другой разъ, въ Альпійскихъ горахъ, одинъ французъ хотѣлъ столкнуть отдыхавшаго фельдмаршала въ пропасть. Богъ хранилъ героя: убійца оступился и самъ свалился въ нее.

Неизмѣнно передъ каждой битвой Суворовъ усердно молился Богу. Сидя на конѣ передъ строемъ своихъ полковъ, подолгу вглядывался онъ въ небо съ безмолвной молитвой на устахъ. Солдаты недоумѣвали. Какъ-то разъ одинъ изъ нихъ посмѣлѣй подошелъ къ фельдмаршалу.

— Что ты, батюшка, все вверхъ глядишь?—спросилъ онъ.

Суворовъ приказалъ ему стать одной ногой въ стремя и взглянуть подъ правую подмышку фельмаршала вверхъ. Солдатъ посмотрѣлъ и увидѣлъ ангеловъ, поющихъ славу Господу.

Суворовъ велѣлъ посмотрѣть подъ лѣвую подмышку на наши колонны.

— Что видишь?

— Вижу вѣнцы надъ головами многихъ нашихъ.

— Всѣ эти будутъ убиты сегодня... За нихъ я и молюсь, — сказалъ старый фельдмаршалъ.

Среди солдатъ Суворова упорно держались слухи о томъ, что въ самые критическіе моменты сраженій, когда войска наши, тѣснимыя непріятелемъ, готовы были дрогнуть и обратить тылъ, къ Суворову подъѣзжалъ неизвѣстно откуда взявшійся всадникъ въ свѣтлыхъ одеждахъ, окутанный краснымъ плащомъ и вмѣстѣ съ нимъ бросался въ сѣчу, увлекая своимъ примѣромъ воиновъ.

Сверхъестественное одушевленіе охватывало войска, никакой адъ не могъ остановить ихъ напора. Они казались слѣпыми и безчувственными, не видѣли искаженныхъ предсмертной агоніей лицъ павшихъ товарищей, не чувствовали собственныхъ ранъ. Всѣ силы ихъ, физическія и нравственныя, соединялись въ одномъ стихійномъ порывѣ—впередъ!

Такъ было на берегахъ Рымника, то же повторялось не разъ въ Италіи и Швейцаріи.

Къ легендамъ можно отнести и слѣдующую быль.

Въ 1792 г. на Сестрорѣцкомъ оружейномъ заводѣ главнымъ мастеромъ состоялъ Иванъ Хомутовъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ самородковъ, что сами „до всякой науки доходятъ“. Стараніемъ и терпѣніемъ онъ успѣлъ достичь того, что его работа не только не уступала работѣ выписанныхъ иностранныхъ мастеровъ, но даже превосходила ее во многихъ отношеніяхъ. Фузея, сработанная имъ въ свободные часы, была представлена, какъ образцовая, государынѣ Екатеринѣ Великой, и черезъ нѣкоторое время въ заводъ былъ присланъ указъ Государственной коллегіи, гласившій:

„Быть искусному оружейнику Ивану Хомутову главнымъ мастеромъ“.

Хомутовъ жилъ на заводѣ съ женой и дочерью Лушей, къ которой былъ неравнодушенъ одинъ изъ заводскихъ мастеровъ, Макаръ Прытокъ, натура тоже богато одаренная природой. Луша платила молодому человѣку полной взаимностью, но ея отецъ, возгордившійся внезапнымъ повышеніемъ, и слышать не хотѣлъ о замужествѣ дочери съ простымъ, неизвѣстнымъ мастеромъ.

Бѣдный Макаръ сильно закручинился, но какъ человѣкъ энергическій рѣшилъ сдаться не сразу, рѣшилъ завоевать свое счастье. Примѣръ Лушинаго отца былъ у него передъ глазами. Почему бы и ему не испробовать своего умѣнья: изготовить какую-нибудь выдающуюся вещь и не поднести кому-нибудь изъ высокихъ посѣтителей завода съ всепокорнѣйшей просьбой походатайствовать передъ несговорчивымъ отцомъ любимой дѣвушки? Сказано—сдѣлано! и вотъ Макаръ Прытокъ вдругъ прекратилъ веселыя прогулки съ товарищами въ свободные отъ дѣла часы, сталъ запираться въ своей каморкѣ и весь ушелъ въ какую-то работу. Отдохнуть отъ нея онъ выходилъ только по ночамъ или рано на зарѣ, да и то съ тайной надеждой найти въ сосѣднемъ лѣсу зарытый кладъ. Въ тѣ времена люди вѣрили въ существованіе спря-

таnныхъ въ землѣ сокровищъ, и многіе смѣльчаки пытались ими овладѣть. Немногіе изъ нихъ могли похвастаться удачей, но Макаръ принадлежалъ къ числу этихъ немногихъ, хотя найденный имъ кладъ не былъ ни сундукомъ, набитымъ золотыми ефимками, ни чугуномъ, наполненнымъ перекатнымъ жемчугомъ да самоцвѣтными каменьями.

Дѣло было въ концѣ іюня, вскорѣ послѣ окончанія войны со Швеціей. Задолго до зари поднялся Макаръ и вышелъ въ лѣсъ съ заступомъ искать кладъ. Макаръ не боялся опоздать на работу: работы по случаю окончанія войны было мало, а кромѣ того все начальство съ командиромъ завода Эйлеромъ во главѣ выѣхало на выборгскую дорогу встрѣчать знаменитаго уже тогда Суворова, ѣхавшаго изъ Финляндіи въ Петербургъ и желавшаго по дорогѣ осмотрѣть Сестрорѣцкій заводъ.

Съ первымъ лучомъ зари Макаръ принялся за поиски клада, но едва только намѣтилъ мѣсто, какъ услышалъ изъ орѣховой чащи какой-то крикъ. Раздвинувъ кусты, онъ увидѣлъ простую чухонскую таратайку съ двумя сѣдоками: мальчишкой чухонцемъ и старикомъ военнымъ въ простой солдатской шинели.

— Помилуй Богъ!—воскликнулъ военный, замѣтивъ приближавшагося Макара,—этотъ чухна совсѣмъ дороги не знаетъ... Покажи-ка, парень, дорогу на заводъ!

Нельзя сказать, чтобы предложеніе старика военнаго пришлось по душѣ искателю клада, но во всей фигурѣ и въ рѣчи его было что-то такое, что устраняло всякое нежеланіе оказать помощь. Старикъ не сердился на своего возницу, ни брюзжалъ, а напротивъ весело пошучивалъ, съ уморительными ужимками на худощавомъ чисто выбритомъ лицѣ. Дорогой онъ спросилъ своего проводника, кто онъ такой, и, узнавъ, что онъ мастеръ съ оружейнаго завода, тотчасъ спросилъ: нельзя ли посмотрѣть, какъ это выдѣлываютъ тамъ „штыки-востры"?

Макаръ объяснилъ, что дѣло, молъ, это возможное, тѣмъ болѣе, что все начальство уѣхало встрѣчать Суворова.

Въ то же утро, предварительно отдохнувъ съ дороги, пріѣзжій старикъ отправился на заводъ, гдѣ Макаръ принялся ему показывать производство карабиновъ и другого холоднаго и огнестрѣльнаго оружія.

— А что это я у тебя въ твоей каморкѣ запримѣтилъ?—полюбопытствовалъ гость, переходя отъ одного станка къ другому:—никакъ ты дома что-то орудуешь?

Макаръ смутился и рѣзко замѣтилъ, что это его не касается.

— У какой! Сердитый, помилуй Богъ, сердитый,—проговорилъ скороговоркой старикъ и занялся осмотромъ только что отточенныхъ штыковъ.

Онъ и самъ пробовалъ поработать и даже, къ всеобщему изумленію, выказалъ не малыя свѣдѣнія въ оружейномъ дѣлѣ. Старикъ не умолкалъ ни на минуту. Балагурилъ, гримасничалъ, прыгалъ и вдругъ запѣлъ пѣтухомъ:

— Ку-ку-ре-ку-у!

Онъ вдругъ бросилъ осмотръ и быстро пошелъ къ двери, приговаривая:

— Будетъ... осмотрѣлъ. Видитъ Богъ, хорошо... Пора и на нашестъ.

На крыльцѣ встрѣтился онъ съ старшимъ мастеромъ. Тотъ пристально оглянулъ незнакомаго человѣка и вдругъ всплеснулъ руками.

— Ваше сіятельство!—возопилъ онъ.

Макаръ съ испугомъ поглядѣлъ на своего гостя, который тѣмъ временемъ недовольно прошепталъ:

— Узнали, видитъ Богъ, узнали!

— Откуда ты меня знаешь?—немного погодя спросилъ онъ.

— Суворова-то не знать?!—воскликнулъ Хомутовъ.

Онъ разсказалъ, что видѣлъ генерала неоднократно, когда возилъ въ армію мушкеты. Суворовъ обрадовался старому знакомому и напросился самъ къ нему на обѣдъ.

Съ наслажденіемъ похлебалъ знаменитый воинъ простыхъ щей да простокваши съ черными хлѣбомъ и, приказавъ никому слова не говорить о своемъ пріѣздѣ, легъ тутъ же на лавку отдохнуть часокъ.

Какъ ни таился Суворовъ, но вѣсть о его присутствіи разнеслась по заводу. Нарочные поскакали на выборгскую дорогу за командиромъ. Пораженный Эйлеръ ушамъ не повѣрилъ и поспѣшилъ домой. Онъ скоро открылъ убѣжище высокаго посѣтителя и явился къ нему съ рапортомъ. Суворовъ не принялъ Эйлера, велѣлъ придти на другой день, а самъ вмѣстѣ съ своимъ хозяиномъ и Макаромъ Прыткомъ на лодкѣ отправился купаться.

Суворовъ плавалъ мастерски, и Макару, которому онъ приказалъ плыть за собой, нелегко было догнать чудака-генерала. Плывя рядомъ, Макаръ вдругъ рѣшилъ обратиться къ генералу съ просьбой походатайствовать за него у старшаго мастера.

— Въ чемъ дѣло-то?—спросилъ Суворовъ.

Прытокъ разсказалъ во всѣхъ подробностяхъ о своей любви къ

Лушѣ, дочери Хомутова, о томъ, что и она его любитъ, но что гордый отецъ не соглашается на ихъ бракъ.

— Вотъ оно что!.. Ладно, попытаться попытаюсь; что изъ того выйдетъ, не знаю,—сказалъ Суворовъ.

На другой день генералъ чуть свѣтъ собрался въ дорогу, такъ и не повидавъ заводскаго начальства. Передъ отъѣздомъ онъ сказалъ своему хозяину:

— Славная дѣвка твоя дочь, надо ей женишка хорошаго! Я позабочусь, коли ничего противъ не имѣешь...

Хозяинъ благодарилъ низко кланяясь.

— А то лучше я сватью зашлю,—добавилъ Суворовъ, тронувшись въ путь.

Заводское начальство было въ большой тревогѣ, узнавъ, что Суворовъ уже уѣхалъ. Оно со страхомъ ожидало послѣдствій страннаго поведенія его и было несказанно удивлено и обрадовано, получивъ монаршее благоволеніе за отличный порядокъ и благосостояніе завода. Кромѣ того, увѣдомлялось изъ Петербурга, что государыня лично желаетъ повидать заводъ и познакомиться съ производствомъ оружія. Время пріѣзда монархини назначалось черезъ недѣлю. Понятно, какая суета поднялась на заводѣ; все мылось, чистилось и къ назначенному сроку было приведено въ образцовый порядокъ. Макаръ работалъ наравнѣ съ прочими, а дома все свободное время что-то сверлилъ, обтачивалъ и стругалъ, тщательно заперевъ двери и ставни.

Государыня, наконецъ, пріѣхала. Какъ и слѣдовало ожидать, все было найдено превосходнымъ. Щедро наградила она командира завода и всѣхъ служащихъ; мастерамъ приказала выдать 1.000 рублей.

Въ отдѣленіи полировки и отдѣлки ружей государыня изволила лично закончить нѣсколько фузей, ударивъ по скрѣпленіямъ молоткомъ. Фузеи эти теперь хранятся въ заводскомъ музеѣ.

Когда Екатерина подошла къ станку Макара, тотъ упалъ на колѣни и подалъ ей, лично имъ сработанный у себя дома, небольшой изящный карабинъ.

Царица поблагодарила и пожелала узнать имя мастера.

— Макаръ Прытокъ,—еле слышно отвѣтилъ тотъ.

— А... знаю... знаю: мнѣ говорилъ о тебѣ графъ Александръ Васильевичъ...

Государыня не добавила ничего, но передъ отъѣздомъ подозвала старшаго мастера и сказала, что имѣетъ къ нему порученіе отъ графа Суворова.

— Дочку твою сосватать поручилъ. А вотъ и женихъ, коли согласенъ за него выдать.

Она указала на обомлѣвшаго отъ неожиданнаго счастья Макара.

— А чтобы тебѣ не казалось зазорнымъ породниться съ простымъ цеховымъ, я назначаю его твоимъ помощникомъ на заводѣ и жалую званіемъ моего личнаго оружейника.

Можно ли описать счастье молодой четы? Со слезами благодарности бросились они къ ногамъ императрицы, а въ церкви во время вѣнчанія горячо молились за царственную сваху и раба Божьяго Александра графа Суворова-Рымниксаго.

Подобное тому, что сложилось въ преданіяхъ германскаго народа о Фридрихѣ Барбароссѣ, имѣется и въ нашихъ народныхъ сказаніяхъ о гробницѣ „батюшки нашего Суворова".

Суворовъ не умеръ. Въ глухомъ темномъ лѣсу, среди необитаемыхъ трясинъ, есть огромная скала. Входъ въ эту скалу скрытъ подъ болотомъ, про которое въ народѣ ходятъ недобрые слухи. Говорятъ, будто по ночамъ слышатся тамъ чьи-то горькія стенанія, таинственные синіе огни загораются то тамъ, то сямъ надъ ржавыми окнами, въ туманѣ проносятся какія-то блѣдныя тѣни, раздается погребальное пѣніе и мѣрный колокольный звонъ.

Въ серединѣ скалы есть небольшое отверстіе. Черезъ него видно, какъ въ глубинѣ камня теплится неугасимая лампада, слышно, какъ чей-то замогильный голосъ произноситъ поминовеніе старому князю—рабу Божію Александру; тутъ же, склонивъ сѣдую голову на каменный выступъ, спитъ самъ Суворовъ. Мертвая тишина весь день окружаетъ угрюмую скалу; лѣсъ, нависѣвшій надъ ней, не шелохнется; вѣтерокъ не прошумитъ въ листьяхъ деревъ; ни птица, ни звѣрь сюда не заглядываютъ. Только черный воронъ каркаетъ надъ скалою, да высоко въ небѣ вьется орелъ, неизмѣнный спутникъ усопшаго героя при жизни.

Мирно спитъ русскій богатырь и долго будетъ онъ еще спать, пока не покроется русская земля человѣческой кровью по щиколотку браннаго коня. Тогда воспрянетъ отъ смертельнаго сна могучій старецъ, выйдетъ изъ тѣснаго могильнаго заключенія и освободитъ свою родину отъ злой напасти.

Памятники Суворову.

Имя и дѣянія великаго нашего полководца графа Александра Васильевича Суворова-Рымникскаго, князя Италійскаго, увѣковѣчены многими памятниками, воздвигнутыми народному герою по почину и соизволенію россійскихъ государей. Первый памятникъ ему первоначально былъ воздвигнутъ въ Петербургѣ на берегу Невы, между Марсовымъ полемъ и Троицкимъ мостомъ. Невысокая гранитная колонна, на такомъ же базисѣ, съ бронзовой капителью, составляетъ пьедесталъ, имѣющій въ поперечникѣ двѣ сажени. Бронзовая фигура Суворова въ рыцарскихъ доспѣхахъ; въ правой рукѣ мечъ, лѣвая покрыта щитомъ, заслоняющимъ папскую тіару и короны неаполитанскую и сардинскую. Надпись:

„Князь Италійскій, графъ Суворовъ-Рымникскій".
1801 года.

Вокругъ памятника вмѣсто ограды врыты въ землю двѣнадцать пушекъ чугунныхъ, съ пылающими бомбами.

Памятникъ воздвигнутъ по повелѣнію императора Павла Петровича. Проектъ исполненъ художникомъ Козловскимъ. Императоръ Александръ Благословенный повелѣлъ перенести памятникъ на то мѣсто, гдѣ онъ находится въ настоящее время.

Безпримѣрный въ исторіи походъ Суворова противъ арміи французскаго полководца Массена, арміи только что увѣнчанной лаврами несчастнаго для русскихъ (Римскій-Корсаковъ) Цюрихскаго боя, опьяненной и наэлектризированной успѣхомъ, представляется дѣломъ выходящимъ изъ предѣловъ возможнаго для человѣка. Приходилось одолѣвать невозможныя препятствія, воздвигаемыя соединенными силами людей и природы. Громады недоступныхъ скалъ Сенъ-Готарда, едва проходимыя тропинки по краямъ бездонныхъ разсѣлинъ и пропастей, ревущіе ручьи и рѣки съ перекинутыми черезъ нихъ и полуразрушенными мостками, съ которыхъ сорва-

лось въ бездну много отважныхъ героевъ-суворовцевъ, снѣжныя метели, страшные горные ураганы; недостатокъ пищи, одежды; ежедневные бои съ противникомъ... все преодолѣли русскія войска, предводимые тѣмъ, кого они называли „батюшкой Суворовымъ“.

Однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ эпизодовъ въ этомъ подвигѣ была переправа черезъ р. Рейссъ, подъ перекрестнымъ огнемъ французскихъ стрѣлковъ. Русскіе переправлялись черезъ такъ называемый „Чортовъ мостъ“, проходя гуськомъ, другъ за другомъ, срываясь съ него и падая на острые камни бушующей внизу рѣки. Въ настоящее время вблизи названнаго моста, нѣсколько южнѣе его, въ глубинѣ высѣченной въ скалѣ ниши, высится громадный крестъ — памятникъ удивительнаго подвига русскихъ войскъ въ 1799 г. Крестъ имѣетъ въ вышину 29 метровъ и помѣщенъ на гранитномъ основаніи. У подножія креста—лавровый вѣнокъ, перевитый лентой; по сторонамъ его высѣчено:

1798—1799.

На пьедесталѣ большими буквами вырѣзано:

Доблестнымъ сподвижникамъ генералиссимуса
фельдмаршала графа Суворова-Рымникскаго
князя Италійскаго.

И нѣсколько меньшими:

Погибшимъ при переходѣ черезъ Альпы въ 1799 г.

Памятникъ имѣетъ въ общемъ весьма внушительный видъ и какъ нельзя лучше подходитъ къ окружающей его торжественной, подавляющей обстановкѣ.

Нельзя не упомянуть въ числѣ памятниковъ Суворову о его родовой усадьбѣ въ селѣ Кончанскомъ и о церкви при ней, выстроенной имъ самимъ. Село Кончанское находится въ Боровичскомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи. Оно было куплено въ 60-хъ годахъ XVIII столѣтія отцомъ Александра Васильевича за 22.000 р. Суворовъ рѣдко посѣщалъ его и посѣщенія никогда не длились долѣе нѣсколькихъ дней. Когда въ 1797 году онъ былъ волей императора уволенъ отъ службы и сосланъ въ Кончанское, послѣднее было въ большомъ запустѣніи, а самый домъ въ такомъ состояніи, что Суворовъ не сразу рѣшился въ немъ поселиться. Въ настоящее время этотъ домъ сохранился наполовину, превра-

тившись изъ двухъэтажнаго въ одноэтажный. Вокругъ дома разросся громадный садъ съ величественными деревьями, озеромъ и деревянной церковью во имя Св. Александра Невскаго въ концѣ сада. Церковь въ настоящее время переведена въ Петербургъ и возведена въ томъ же видѣ, какой имѣла при жизни фельдмаршала. Послѣднiй всю жизнь о ней заботился, удѣлялъ на нее четвертую часть оброка кончанскихъ и каменскихъ крестьянъ, часто лично исполнялъ должности ктитора, дьячка и понамаря. Церковь имѣетъ три главы, средняя глава нѣсколько выше другихъ. Кресты на нихъ узорчатые. Наружныя стѣны церкви поддерживаются колонками. При входѣ въ нее въ глаза прежде всего бросается надпись:

„Азъ же множествомъ мiлости Твоея Господи внiду вдомъ Твои i кохраму святому твоему поклонюся встрасе Твоемъ Господи i научи мя правдою Твоею“.

Надпись эта относится къ первому времени существованiя церкви и была только подновлена впослѣдствiи. Въ церкви имѣются старыя „суворовскiя“ царскiя врата, скромныя, но оригинальныя по рисунку; тутъ же и большой образъ той эпохи. Въ церкви двѣ части: одна низкая, другая подъ высокимъ куполомъ, съ изображенными на немъ ликами четырехъ апостоловъ: Андрея, Симона, Петра и Павла, а ниже—четыре евангелиста. Около хоругвей лѣвой стороны находится старинный кiотъ съ крестами и образками, принадлежавшими самому Суворову. Люстра того же времени, очень простая съ немногими подсвѣчниками. На стѣнахъ, среди образовъ, въ двухъ кiотахъ, размѣщены многочисленныя орденскiя ленты и нѣсколько орденовъ. Въ алтарѣ сохранились до сихъ поръ: потемнѣвшiе металлическое кадило, желѣзный ковшъ и надъ алтаремъ низко спускающаяся зеленая сѣнь съ золотыми разводами. Къ подсвѣчникамъ и лампадамъ было привѣшено много различныхъ яицъ, которыми христосовались съ фельдмаршаломъ государи.

Что касается дома въ Кончанскомъ, надо замѣтить, что въ немъ не сохранилось ничего напоминающаго времени пребыванiя въ немъ фельдмаршала. Домикъ въ Дубихѣ, построенный тоже Суворовымъ, въ общемъ сохранился довольно хорошо, но изъ мебели ничего не осталось. Домикъ—двухъэтажный, теперь уже потерявшiй обшивку, окна и двери. Выстроенъ онъ у края крутого холма Дубихи и, по преданiю, часто посѣщался Суворовымъ. Въ настоящее время оба дома принадлежатъ новгородскому дворянству, которое получило ихъ въ подарокъ отъ нынѣшняго владѣльца Кончанскаго.

Къ памятникамъ Суворову должно отнести также постановленіе новгородскаго губернскаго земскаго собранія 1870 г. почтить память знаменитаго земляка-помѣщика и учредить въ его родовомъ селѣ Кончанскомъ инвалидный домъ на 50 престарѣлыхъ воиновъ.

Внукъ фельдмаршала, Александръ Аркадьевичъ, пожертвовалъ подъ него свою родовую усадьбу Каменку со всѣми строеніями и землею въ количествѣ болѣе $4^1/_2$ десятинъ. На этой землѣ и выстроенъ инвалидный домъ имени фельдмаршала графа Суворова-Рымникскаго; тамъ же, кромѣ того, построены деревянная церковь, флигель и службы. Первымъ поступилъ въ качествѣ пансіонера старый вахмистръ Гошъ въ 1879 г. и съ того времени, т.-е. за двадцать лѣтъ, въ инвалидномъ домѣ нашли покойное житье и тщательный уходъ 92 ветерана нашей арміи. Постройка дома не въ Кончанскомъ, а въ Каменкѣ мотивирована большимъ историческимъ значеніемъ послѣдней: въ ней провелъ дѣтскіе годы съ отцомъ Василіемъ Ивановичемъ великій полководецъ, и тамъ же собственной рукой его посаженъ до сихъ поръ сохранившійся чудный садъ на берегу озера.

Въ честь Суворова, въ ознаменованіе великихъ его дѣяній, было выбито восемь медалей. Изъ нихъ одна относится къ 1791 году, остальныя къ 1799 г. Вотъ краткое описаніе ихъ:

№ 1. Бюстъ Суворова съ львиной шкурой на плечахъ, а на оборотѣ четыре медальона съ надписями побѣдъ: Фокшаны, Кинбурнъ, Измаилъ, Рымникъ. Медальоны висятъ на дубовомъ вѣнкѣ, внутри котораго пересѣкаются труба и лавровая вѣтвь. Сверху надпись: „побѣдихъ“, а внизу „1787, 1789 и 1790 годахъ“.

№ 2. Бюстъ въ мѣховой одеждѣ и казачьей шапкѣ, съ небритой бородой и усами, на оборотѣ олицетворенная слава и надпись по-итальянски: „Взятіе Аддуи 27 апрѣля 1799 г.“. На этой медали итальянскій художникъ поддался фантазіи въ ущербъ правдивости: ни бороды, ни усовъ, ни казачьей шапки Суворовъ не носилъ.

№ 3. Бюстъ въ мундирѣ съ косичкой на головѣ. Итальянская надпись: „За побѣды въ Италіи 1799 г.“.

№ 4. Бюстъ въ римскихъ латахъ съ львиной шкурой на плечахъ. На оборотѣ воинъ, подпирающій копьемъ четыре короны освобожденной Италіи.

№ 5. Бюстъ въ римскомъ вооруженіи. На шлемѣ лавровый вѣнокъ. На оборотѣ конный латникъ поражаетъ мечомъ бѣгущихъ.

№ 6. Подобный же бюстъ: на оборотѣ пѣшій латникъ гонитъ мечомъ бѣгущаго льва.

№ 7. Бюстъ герцогини Пармской, почитательницы Суворова. На оборотной сторонѣ надпись:

„Требія, Аннибалъ 535 г. Лихтенштейнъ 1746 г. Суворовъ и Меласъ 1799 г.“. Выбита въ 1821 г. при открытіи новаго моста на Требіи.

№ 8. На лицевой сторонѣ книга военной исторіи и на ней ваза съ розами. По бокамъ вазы колчанъ стрѣлъ, перевитыхъ гирляндой изъ лавровыхъ вѣковъ. На оборотѣ надпись:

Immer
blühe
dein Glück
wie
diese
niewelkende
Rose.

Медаль отлита въ Вѣнѣ въ 1799 г. Сантиментальнымъ содержаніемъ ея Суворовъ былъ крайне недоволенъ, выразивъ свое негодованіе извѣстной фразой:

— Сегодня счастье, завтра счастье! Помилуй Богъ, надо же хоть немножко и умѣнья!

Суворовъ-полководецъ.

Путемъ личнаго опыта, многолѣтней военной практикой выработалъ нашъ величайшій русскій полководецъ генералиссимусъ князь Суворовъ-Рымникскій тотъ недосягаемый типъ военачальника, который можетъ служить идеаломъ каждому, призванному на высокій и отвѣтственный постъ главнокомандующаго.

По мнѣнію Суворова истинный герой долженъ:

1) убѣгать неизвѣстности;
2) основательное разсужденіе предпочитать остроумію;
3) быть врагомъ зависти, ненависти и мщенія;
4) противниковъ своихъ низлагать снисхожденіемъ;
5) владычествовать надъ друзьями одною вѣрностью;
6) утомлять тѣло свое, чтобъ укрѣпить оное больше;
7) любить вѣру, которая служитъ ему нравоученіемъ;
8) быть добродѣтельнымъ;
9) гнушаться лжи;
10) быть врожденно прямодушнымъ;
11) быть знакомымъ съ одними только добрыми людьми;
12) имѣть честь и честность;
13) не увлекаться стеченіемъ обстоятельствъ;
14) покорять себѣ всѣ случаи;
15) быть чистосердечнымъ съ друзьями своими;
16) умѣреннымъ въ своихъ нуждахъ;
17) любить истинную славу;
18) прощать погрѣшности ближняго;
19) никогда не прощать оныхъ въ самомъ себѣ;
20) не унывать въ несчастіи;
21) не презирать своего пріятеля, каковъ бы онъ ни былъ;
22) пріучать себя къ неутомимой дѣятельности;
23) къ службѣ своего Государя являть пламенную ревность;

Вотъ нѣсколько мыслей Суворова, какъ полководца:

— Непрестанное упражненіе,—говорилъ онъ, —какъ все обнять однимъ взглядомъ, можетъ сдѣлать великимъ полководцемъ.

— Штыкъ, твердая грудь, быстрота и натискъ, и надежда на Бога—сильнѣе батарей и крѣпостныхъ стѣнъ.

— Не смѣетъ никто пятиться ни четверти шага назадъ!—говаривалъ онъ.—Отступныхъ плутонговъ? Лучше объ оныхъ не помышлять. Вліяніе ихъ солдату опасно, а потому ни о какихъ ретирадахъ въ пѣхотѣ и кавалеріи не мыслить.

Про своихъ солдатъ Суворовъ говорилъ:

— Они дѣйствовали моею душою, а быстротою и неутомимою бодростію, покоряя счастіе, увѣнчивались побѣдою.

Въ „Словесномъ поученіи солдатамъ“ Суворовъ говоритъ:

Солдату́ надлежитъ быть здорову, храбру, тверду, рѣшительну, справедливу, благочестиву. Молись Богу — отъ Него побѣда!.. Чудо-богатыри, Богъ насъ водитъ. Онъ намъ генералъ!.. За немогузнайку офицеру — арестъ, а штабъ-офицеру отъ старшаго штабъ-офицера—арестъ квартирный!.. Ученье—свѣтъ, неученье—тьма... За ученаго трехъ неученыхъ даютъ... Намъ мало трехъ: давай намъ шесть, давай намъ десять на одного!.. Всѣхъ побьемъ, повалимъ и въ плѣнъ возьмемъ!..

— Солдатъ ученье любитъ, было бы съ толкомъ,—говорилъ Суворовъ.

— Они ропщутъ на меня,—замѣчалъ онъ,—вздоръ! Слюбится. Дѣтей купаютъ въ холодной водѣ, они плачутъ, а за то бываютъ здоровы.

И какъ простого солдата онъ умѣлъ возвысить до себя, такъ умѣлъ воодушевить офицера и генерала.

У него не было людей ничтожныхъ.

Кто съ Гудовичемъ совѣтовалъ отступить, тотъ съ Суворовымъ бралъ Измаилъ.

Войска, съ Ферзеномъ отступавшія отъ Варшавы, взяли Прагу.

Союзники, трепетавшіе передъ Моро и Бонапартомъ, были героями съ Суворовымъ.

Его взглядъ, проникавшій души истинныхъ героевъ, угадывалъ

Багратіоновъ, Милорадовичей, Каменскихъ среди другихъ товарищей.

Такъ приготовлялъ Суворовъ для себя войска, тѣхъ „чудо-богатырей“, съ которыми дѣлалъ всевозможное съ точки зрѣнія военной тактики.

Для обученія солдатъ военному дѣлу Суворовъ придумалъ цѣлый рядъ поставленій, извѣстныхъ подъ названіемъ „катехизиса“. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

„Непріятель не ждетъ, поетъ и веселится; а ты изъ-за горъ высокихъ, изъ-за лѣсовъ дремучихъ, чрезъ топи и болота, поди на него, какъ снѣгъ на голову. Ура! бей! коли! руби! Непріятель въ половину побѣжденъ; не давай ему опомниться. Гони, доканчивай. Побѣда наша! У страха глаза велики“.

„Просящаго пощады помилуй. Онъ—такой же человѣкъ. Лежащаго не бьютъ“.

„Жителя не обижай! Онъ насъ поитъ и кормитъ. Солдатъ не разбойникъ“.

Вотъ какъ училъ онъ защищаться и побѣждать:

„Трое наскочатъ—одного заколи, другого застрѣли, третьему штыкомъ карачунъ. Много наскочатъ—отскочи шагъ, ударь одного, коли другого, стрѣляй третьяго, притисни четвертаго, послѣдніе—твои! Въ сраженіи картечь на голову—согнись, бѣги впередъ, картечь летитъ сверхъ головы. Тогда пушки—твои, люди—твои!“

„Чѣмъ ближе къ врагу, тѣмъ лучше“. Храбрый впереди—и живъ: трусишку и назади убиваютъ, какъ собаку; ему, если и живъ останется, ни чести, ни мѣста нѣтъ“.

„Стой за домъ Пресвятой Богородицы! Стой за Матушку-Царицу! Убьютъ—царство небесное. Церковь Бога молитъ. Живъ—вамъ честь и хвала!“

Суворовъ самъ училъ солдатъ драться на штыкахъ и притомъ тремя различными способами:

— Маршъ противъ поляковъ!—командовалъ онъ, и солдаты, взявъ ружья на перевѣсъ, дѣлали только одинъ ударъ штыкомъ впередъ.

— Маршъ противъ турокъ!—И строй производилъ два примѣрныхъ удара.

— Маршъ противъ французишковъ!

Солдаты кололи два раза впередъ, а третій вонзили штыки въ землю.

Всѣ приказы и военныя постановленія Суворова отличались необыкновенною краткостью и силою. Вотъ одинъ изъ нихъ:

„Шагъ назадъ—смерть; впередъ два, три и десять шаговъ—позволяю“.

Кто-то настаивалъ на уменьшеніи числа музыкантовъ въ „полковыхъ хорахъ въ видахъ умноженія дѣйствующихъ рукъ.— „Музыка нужна“,—внушительно сказалъ Суворовъ,—подъ нее солдатъ и въ сраженіи танцуетъ.

Суворовъ часто говорилъ: стояньемъ города не берутъ; воюютъ умѣньемъ, а не числомъ; отъ умѣнья происходитъ согласіе.

Суворовъ очень любилъ беззавѣтно храбраго генерала Милорадовича и однажды подарилъ ему свой портретъ, написанный въ миніатюрѣ извѣстнымъ итальянскимъ художникомъ. Милорадовичъ вставилъ его въ медальонъ перстня и вокругъ велѣлъ вырѣзать четыре слова, выражающихъ духъ Суворова и силу русскаго человѣка: быстрота, штыки, побѣда, ура!

Суворовъ, увидя эту подпись, сказалъ:

— Хорошо, но не все, Между штыками и побѣдой включи натискъ. Вотъ и будетъ вся Суворовская тактика.

Городъ Валобергъ былъ осажденъ русскими войсками. Прусскій генералъ Платенъ получилъ приказаніе отъ своего короля тревожить осадный русскій корпусъ. Суворову было поручено съ сотней казаковъ наблюдать за его движеніями и по возможности ихъ затруднять. Въ одну ночь Суворовъ сдѣлалъ сорокъ верстъ и скоро очутился передъ непріятелемъ. Впереди рѣки моста нѣтъ.

— Впередъ!—крикнулъ будущій полководецъ и первый бросился въ воду. Казаки послѣдовали его примѣру и вплавь переплавились черезъ рѣку. Передъ ними городъ Ландебергъ.

— Городъ нашъ. Ура! Нападемъ!—воскликнулъ Суворовъ.

— Въ городѣ прусскіе гусары, возразили ему.

— Помилуй Богъ, какъ это хорошо: ихъ-то мы и ищемъ.

— Не прикажете ли узнать, сколько ихъ?

— Зачѣмъ? Мы пришли ихъ бить, а не считать.

Послѣ присоединенія Крыма Суворовъ нѣкоторое время начальствовалъ надъ войсками, которыя были тамъ расположены. Турецкій флотъ явился передъ полуостровомъ, чтобы принудить русскихъ очистить занятый край. Суворовъ распорядился возвести батареи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ можно было ожидать высадки. Осматривая эти батареи, онъ дѣлалъ испытанія офицерамъ командовавшимъ ими. Войдя на батарею поручика Н., генералъ спросилъ:

— Не нужно ли обнести валомъ то мѣсто, гдѣ поставлены ваши пушки?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Н.,—непріятельскія ядра не могутъ мнѣ вредить, а если бы непріятелю и удалось высадиться, то я и такъ надѣюсь его отразить.

Этотъ отвѣтъ очень понравился Суворову; онъ расхвалилъ смѣлаго поручика и пошелъ на другую батарею. Встрѣтившій его офицеръ сталъ доказывать необходимость обнесенія батареи валомъ со стороны моря. Видя, что офицеръ робѣетъ, Суворовъ сказалъ:

— Помилуй Богъ, не надобно вала!.. Твой товарищъ Н. говоритъ, что онъ и безъ вала турокъ сюда не пуститъ. А тебѣ чего бояться?

И онъ поѣхалъ далѣе.

Въ 1789 г., во время боя при Мартиникѣ, принцъ Кобургскій, указывая на турецкія войска, сказалъ Суворову:

— Видите ли, какое множество турокъ мы имѣемъ противъ себя?

— То-то и хорошо! — отвѣчалъ Суворовъ. — Чѣмъ больше турокъ, тѣмъ больше и замѣшательства между ними и тѣмъ намъ легче ихъ разбить. Впрочемъ, все же ихъ не такъ много, чтобы они могли намъ заслонить солнце.

Подъ Кинбурномъ Суворовъ былъ тяжело раненъ въ плечо. За неимѣніемъ доктора, казачій старшина подвелъ его къ морю, обмылъ рану и перевязалъ ее платкомъ. Суворовъ сказалъ ему:

— Благодарю!.. Помилуй Богъ, помогло!.. Теперь я всѣхъ раненыхъ и нераненыхъ турокъ прогоню въ море.

При этихъ словахъ онъ сѣлъ на лошадь, поскакалъ къ войску, и турки дѣйствительно были разбиты.

Геній Суворова какъ полководца въ полномъ блескѣ проявился во второй турецкой войнѣ. Россія вела послѣднюю въ союзѣ съ Австріей, войсками которой командовалъ принцъ Кобургскій. На него прежде всего двинулся непріятель, подъ начальствомъ самого визиря. Турокъ было около ста тысячъ, тогда какъ у Суворова и принца Кобургскаго едва двадцать пять. Принцъ просилъ Суворова поспѣшить на помощь. Суворовъ прибылъ съ своей обычной поспѣшностью и предложилъ немедленно атаковать непріятеля. Несмотря на громадное превосходство въ силахъ, турки были разбиты и бѣжали. За эту блистательную побѣду Суворовъ получилъ отъ императрицы графскій титулъ и прозваніе *Рымникскаго;* кромѣ того, она наградила его брилліантовыми знаками Андреевскаго ордена, шпагою съ надписью: „побѣдителю визиря", и Георгіемъ 1-й степени; австрійскій же императоръ Іосифъ пожаловалъ Суворова графомъ Римской имперіи.

О своей побѣдѣ Суворовъ такъ писалъ дочери:

22 сентября 1789 года.

Рѣчка Рымникъ въ Валахіи — мѣсто сраженія. Нынѣ и принцъ Саксенъ-Кобургскій, съ нашими соединенными силами, разбили на голову великое войско невѣрныхъ, состоявшее въ 80 или 90.000 или больше. Сраженіе сіе продолжалось цѣлый день. Мы потеряли мало; турокъ осталось на мѣстѣ 5.000 тѣлъ. Мы взяли три лагеря и весь ихъ багажъ, трофеевъ отъ 50 до 100, штандартовъ и знаменъ, пушекъ и мортиръ 78, то есть всю ихъ артиллерію. Поздравляю тебя, душа моя, съ сею приличною побѣдою.

Отецъ твой Александръ Суворовъ.

P. S. Великій визирь самъ начальствовалъ; 81 пушка артиллеріи, со всею упряжью и припасами; подъ нѣкоторыми запряжено было по 20 воловъ. Благодареніе Богу, я здоровъ; и лихорадка оставила меня дорогою.

Наканунѣ знаменитой битвы на р. Рымникѣ Суворовъ, командуя соединенными русскими и австрійскими войсками, вмѣсто подробнаго распоряженія о распредѣленіи войскъ для боя, отдалъ слѣдующую лаконическую диспозицію:

„*Русскіе станутъ на правомъ флангѣ, австрійцы на лѣвомъ, войска двинутся впередъ и разобьютъ непріятеля*".

Диспозиція была исполнена въ точности, и громадная турецкая армія разбита на голову.

Передъ сраженіемъ при Фокшанахъ, идя на помощь къ корпусу принца Кобургскаго, Суворовъ, въ виду непріятеля, приказалъ солдатамъ остановиться и построиться въ каре у одного пруда, а самъ сошелъ съ лошади, раздѣлся и сталъ купаться. Онъ не обращалъ, повидимому, вниманія на то, что завязалась уже перестрѣлка съ турками у передовыхъ отрядовъ его корпуса. Турки все больше и больше наступали. Выждавъ свое время, Суворовъ вышелъ изъ воды, не торопясь одѣлся, сѣлъ на коня и скомандовалъ:

— Впередъ!.. Теперь съ Божіей помощью пойдемъ на басурманъ, нападемъ на нихъ и побьемъ.

Турки были разбиты на голову.

Когда Суворовъ съ своимъ корпусомъ прибылъ подъ Фокшаны на помощь австрійцамъ, главнокомандующій послѣднихъ принцъ Кобургскій отправилъ къ нему адъютанта съ предложеніемъ принять участіе въ совѣтѣ относительно предстоящаго сраженія съ турками. Положеніе союзниковъ, въ виду превосходной непріятельской арміи, было признано австрійскими генералами крайне опаснымъ и обсудить всѣ пути къ выходу изъ затруднительнаго положенія казалось имъ безотлагательно необходимымъ. Что касается нашего героя, то онъ былъ совершенно иного мнѣнія и жалѣлъ только, что передъ нимъ не вся турецкая армія, а только половина ея.

Первому посланному принца было объявлено:

— Суворовъ Богу молится.

Второй получилъ отвѣтъ:

— Суворовъ ужинаетъ.

Что касается третьяго, ему безъ церемоніи сообщили, что „Суворовъ спитъ". Но Суворовъ не спалъ. Сидя на высокомъ деревѣ, онъ изучалъ позицію непріятеля и, не спрашивая ничьихъ совѣтовъ, въ 11 час. ночи отправилъ принцу свои распоряженія на завтрашній бой. Нечего и говорить, что турки были разбиты на голову.

Въ 1790 г., во вторую турецкую компанію явилась настоятельная необходимость овладѣть крайне сильной турецкой крѣпостью Измаиломъ, въ которой заперся гарнизонъ, значительно превосходившій осадившія его русскія войска. Произвести штурмъ главнокомандующій свѣтлѣйшій князь Потемкинъ поручилъ генералу

Суворову. Тотчасъ же назначенныя къ штурму войска получили знаменитый, чисто суворовскій приказъ:

— Одинъ день — Богу молиться; другой день — учиться; третій день—славная смерть или побѣда!

Подъ личнымъ руководствомъ Суворова начались ученья солдатъ: показывалось, какъ перелѣзать рвы, влѣзать на стѣны, ставить лѣстницы и пр.

Комендантъ крѣпости на предложеніе Суворова сдаться, чтобы избѣжать излишняго кровопролитія, отвѣчалъ съ чисто восточною картинностью:

— Скорѣе небо упадетъ на землю и Дунай остановитъ свое теченіе, нежели покорится Измаилъ.

Преодолѣвая невѣроятныя препятствія, разстрѣливаемыя въ упоръ съ крѣпостныхъ верховъ, наши колонны подъ прикрытіемъ огня флотилии неоднократно ходили на штурмъ и послѣ долгаго, упорнаго боя ворвались въ крѣпость. Многіе полки потеряли три четверти офицеровъ, особенно отличившійся Полоцкій полкъ (нынѣ 28-й пѣх. Полоцкій), шелъ въ атаку, предводимый постовымъ священникомъ съ крестомъ въ рукахъ. Суворовъ былъ всюду, все видѣлъ, все направлялъ. Побѣда украсила чело его новыми лаврами. Измаилъ палъ. Турки потеряли до 26.000 человѣкъ, 4 паши и 6 султановъ татарскихъ были убиты. Въ плѣнъ взяты: 1 паша и 1 султанъ, множество офицеровъ и до 9.000 солдатъ; трофеями побѣдителей были: 245 пушекъ и мортиръ, 364 знамени, 7 бунчуковъ, 2 ганджака и масса снарядовъ, провіанта и пр., и пр. Турецкая флотилія, стоявшая подъ измаильскими батареями, совершенно уничтожена.

Наши потери: 1 бригадиръ, 63 офицера и 1.816 рядовыхъ, а съ ранеными до 4.200 чел.

Вся Европа изумлялась, узнавъ о паденіи Измаила, но Суворовъ ничего не искалъ себѣ въ награду: онъ жилъ единственно для отечества, для Екатерины, для вѣры и славы Россіи.

Послѣ взятія Измаила казаки предложили своему вождю великолѣпно украшеннаго турецкаго коня. Суворовъ отказался, говоря:

— Донской конь принесъ меня сюда, на немъ же я отсюда и уѣду!

Кто-то изъ генераловъ замѣтилъ, что теперь тяжело будетъ суворовскому коню вести на себѣ вновь добытые лавры; Суворовъ отвѣчалъ:

— Донской конь всегда выноситъ меня и мое счастіе!

Суворовъ, казалось, все могъ предугадать и предвидѣть. Такъ, во время польской войны онъ спряталъ въ густомъ лѣсу два конныхъ полка въ самомъ началѣ одного изъ сраженій. В. Н. Чичеринъ подумалъ, что Суворовъ шутитъ: до того несообразнымъ казались ему распоряженія послѣдняго.

— Какъ, — удивлялся онъ, — расположиться тамъ конницѣ, гдѣ и егеря едва ли могутъ дѣйствовать?!..

Между тѣмъ бой кончился чисто по-суворовски: быстро и рѣшительно. Разбитые поляки бросились „до лясу" и нѣсколько тысячъ ихъ попали въ руки спрятанной конницы.

— Суворовъ непостижимъ! — воскликнулъ удивленный неожиданнымъ случаемъ Чичеринъ.

Краткій и быстрый въ выраженіяхъ, Суворовъ былъ быстръ и въ дѣйствіяхъ.

Послѣ побѣды подъ Крупчицами отступившіе поляки ушли къ Брестъ-Литовску и остановились тамъ; Суворову доложили, что нужно сушить сухари. Онъ отвѣчалъ:

— Не надо!..

Послѣ самаго короткаго отдыха онъ быстро двинулъ свои войска впередъ, напалъ неожиданно на непріятеля и окончательно его разбилъ.

— Если бы мы остались сушить сухари, — сказалъ Суворовъ послѣ боя,—то не отняли бы у непріятеля пушекъ, и непріятель ушелъ бы отъ насъ.

Второй раздѣлъ Польши вызвалъ возстаніе поляковъ подъ предводительствомъ даровитаго и отважнаго генерала Костюшки. Одновременно съ началомъ его операцій въ Варшавѣ произошла страшная рѣзня, извѣстная подъ именемъ „Варшавской заутрени", названная такъ по аналогіи съ знаменитой „Сицилійской вечерней". Ночью на страстную пятницу русскій гарнизонъ былъ врасплохъ захваченъ польской гвардіей. До 2000 человѣкъ были варварски перерѣзаны. Получивъ извѣстіе объ этомъ событіи, Екатерина немедленно двинула въ Польшу армію подъ начальствомъ Суворова. Въ самое короткое время великій полководецъ достигъ Варшавы и послѣ кровопролитнаго штурма овладѣлъ ея предмѣстьемъ Прагой. Духъ мятежниковъ упалъ. Они рѣшили вступить въ переговоры. Въ ночь на 25-е октября были отправлены отъ короля послы, представленные по утру Суворову. Одинъ деревянный обрубокъ

служилъ герою сидѣньемъ, другой — столомъ. На немъ были простая куртка, каска и сабля. Суворовъ вышелъ къ посламъ навстрѣчу, сорвалъ съ себя саблю, бросилъ ее на землю и воскликулъ:

— Миръ, тишина и спокойствіе да будутъ впредь между нами.

Съ этими словами онъ сталъ обнимать и цѣловать пословъ, которые хотѣли-было упасть передъ нимъ на колѣни. Суворовъ, не допустивъ ихъ до этого, самъ проливалъ ручьи слезъ. Всѣ окружавшіе графа были также растроганы и плакали. Послы просили сказать, на какихъ условіяхъ польская столица должна повергнуться къ стопамъ россійской императрицы. Суворовъ отвѣтилъ на это:

— Жизнь, собственность, забвеніе прошедшаго!.. Объявите о семъ гражданамъ вашимъ и скажите, что всемилостивѣйшая государыня даруетъ имъ миръ и тишину.

Восхищенные послы, подходя къ берегу, кричали гражданамъ: „покой, покой!“ По взятіи Праги часть моста въ Вислѣ была сожжена. Народъ, бросаясь въ воду, вынесъ пословъ на рукахъ изъ лодки, оглашая воздухъ кликами:

— Да здравствуетъ Екатерина! Да здравствуетъ графъ Суворовъ-Рымникскій!

Однако, благодаря упорству партіи, желавшей продолженія военныхъ дѣйствій, Суворовъ могъ вступить въ самую Варшаву только 29-го октября, пригрозивъ новымъ штурмомъ. На всѣ предложенія поляковъ онъ говорилъ:

— Съ Польшей у насъ войны нѣтъ. Я не министръ, а военачальникъ: сокрушаю толпы мятежниковъ и желаю мира и покоя благонамѣреннымъ.

При вступленіи въ Варшаву Суворовъ ѣхалъ впереди войска въ простомъ мундирѣ. На берегу Вислы его встрѣтилъ магистратъ и бургомистръ поднесъ городскіе ключи. Принявъ ключи, Суворовъ поцѣловалъ ихъ и, поднявъ руки къ небу, сказалъ:

— Боже, благодарю тебя, что сіи ключи не такъ дорого достались, какъ...

Слезы прервали слова героя, и онъ невольно обратилъ свой взоръ на развалины Праги. Берегъ Вислы, улицы, площадь, окна въ домахъ—все было занято зрителями. Женщины держали на рукахъ малолѣтнихъ дѣтей; старики, едва двигавшіеся, старались взглянуть на человѣколюбиваго побѣдителя. Повсюду гремѣли восклицанія:

— Да здравствуетъ Екатерина!.. Да здравствуетъ Суворовъ!..

За взятіе Варшавы и успѣшное окончаніе войны императрица прислала Суворову фельдмаршальскій жезлъ, при чемъ писала ему:

— Вы знаете, что я безъ очереди не произвожу въ чины. Не могу обидѣть старшаго; но вы сами завоевали вашъ чинъ: вы покорили Польшу.

Послѣ взятія Варшавы Суворовъ былъ у польскаго короля Станислава Понятовскаго. Между прочимъ Станиславъ попросилъ Суворова отпустить одного плѣннаго польскаго офицера.

— Если угодно, я освобожу вамъ ихъ сотню, — отвѣчалъ Суворовъ,—двѣсти! триста! четыреста! пятьсотъ! всѣхъ!

Въ тотъ же день Суворовъ отпустилъ всѣхъ плѣнныхъ, желая, вѣроятно, наглядно показать, что на свободѣ поляки менѣе опасны, нежели въ плѣну.

Слѣдя за военными успѣхами французовъ, войска которыхъ, предводимыя такими превосходными генералами, какъ Вестерманъ, Моро, Гашъ, Журданъ, Макдональдъ, Массена, Келлерманъ, Клеберъ и Бонапартъ, не только отразили нашествіе на Францію многочисленныхъ армій сосѣднихъ государствъ, но мало того, перенесли военныя дѣйствія за предѣлы своего отечества и повсюду въ своемъ побѣдоносномъ шествіи возбуждали народы противъ законныхъ правительствъ, помогали низлагать ихъ и учреждать недолговѣчныя, впрочемъ, демократическія республики, — Суворовъ неоднократно говаривалъ, что надо бы и намъ вмѣшаться, а письма свои къ государынѣ почти всегда оканчивалъ такими словами:

— Матушка, прикажи мнѣ идти противъ французовъ!..

Несмотря на то, что Суворову была обѣщана императоромъ Францемъ полная свобода дѣйствія согласно основному принципу фельдмаршала: „полная мочь главнокомандующему“, на дѣлѣ это было далеко не такъ. Ему постоянно надоѣдали вмѣшательствомъ своимъ и недовѣріемъ. Передъ началомъ итальянской кампаніи къ нему неоднократно присылались члены гофкригсрата съ просьбой объяснить планъ предполагавшихся дѣйствій. Суворовъ неизмѣнно отвѣчалъ, что рѣшитъ планъ на мѣстѣ. Однажды приходитъ къ нему одинъ изъ членовъ гофкригсрата и подаетъ написанный планъ наступательныхъ дѣйствій до рѣки Адды съ просьбой измѣнить его

по своему усмотрѣнію. Фельдмаршалъ зачеркнулъ всю записку и написалъ:

„Я начну дѣйствія переходомъ черезъ Адду, а кончу кампанію, гдѣ Богу угодно будетъ“.

Прибывъ въ Вѣну по дорогѣ къ ввѣренной ему итальянской арміи, Суворовъ былъ приглашенъ въ гофкригсратъ, гдѣ долженъ былъ представить свой планъ предстоящей кампаніи. То же было предложено и прочимъ членамъ гофкригсрата.

Нашъ великій полководецъ скромно выждалъ своей очереди, держа въ рукахъ какой-то свертокъ.

Когда же, наконецъ, попросили его показать и свой планъ, онъ раскинулъ на столъ листъ бѣлой бумаги—и больше ничего!

Ученые члены верховнаго военнаго совѣта съ недоумѣньемъ переглядывались, удивляясь странности или невѣжеству русскаго полководца, который тѣмъ временемъ весело улыбался и говорилъ:

— Если бы моя шляпа знала мои планы, то и ее бы я давно сжегъ.

Послѣдующія событія доказали, что планъ стараго фельдмаршала дѣйствительно былъ хорошъ. Несмотря на интриги завистливаго гофкригсрата, новые лавры покрыля сѣдую голову героя и его войска. Двадцать пять крѣпостей и 80.000 плѣнныхъ было забрано въ самомъ непродолжительномъ времени. Италія была освобождена.

Въ другой разъ одинъ изъ австрійскихъ стратеговъ потребовалъ отъ Суворова плана кампаніи; Суворовъ развернулъ листъ чистой бумаги, говоря:

— Впереди Богъ, за нимъ я, за мною вы—прошу не отставать, вотъ мой планъ!

Много разговаривать съ Суворовымъ не приходилось; хотя стратегъ этотъ въ душѣ не особенно-то довѣрялъ Суворову, но спустя три мѣсяца въ Италіи не было ни одного француза, которыми командовали такіе доблестные вожди, какъ Моро, Жуберъ, Макдональдъ.

Суворовъ въ своихъ походахъ достигаетъ непостижимой быстроты. Войска часто не имѣли дневокъ. Въ Итальянскую компанію бывали переходы въ 60 вер. въ сутки. Переходъ въ 500 вер. сдѣланъ въ 18 дней съ двумя дневками всего. Австрійскіе комиссары

доставляли провіантъ для войскъ крайне неисправно. Пища была дурного качества. Были отсталые. Но Суворова это не смущало.

— Голова хвоста не ждетъ, — говаривалъ онъ, — и солдатъ не объѣдается.

Или:

— Деньги дороги, жизнь человѣческая еще дороже, а время дороже всего... Впередъ, впередъ!

Въ бою у С.-Джіовани и д. Карамолло, когда Суворовъ прибылъ форсированнымъ маршемъ на помощь къ тѣснимымъ австрійцамъ, въ ротахъ у князя Багратіона не было и по 40 человѣкъ, вслѣдствіе массы отсталыхъ. Когда Багратіонъ просилъ повременить общей атакой до прибытія отставшихъ, фельдмаршалъ шепнулъ ему на ухо:

— У Макдональца нѣтъ и по двадцати; атакуй съ Богомъ. Ура!..

Побѣда была полная, несмотря на то, что бой велся войсками, измученными огромными переходами. Въ 36 часовъ они сдѣлали болѣе 80 вер. и разбили сильнѣйшаго по числу врага.

— C'est le sublime de l'art militaire, — назвалъ этотъ маршъ Суворова знаменитый французскій генералъ Моро.

Суворовъ удивительно умѣлъ пользоваться обстоятельствами и выбирать моментъ для окончательнаго удара. Иногда даже самый успѣхъ непріятеля онъ умѣлъ обращать въ свою пользу. Во время переправы черезъ Адду, напримѣръ, нѣсколько отважныхъ храбрецовъ бросились стремительно въ лодки и на плоты и за темнотой ночи быстро скрылись изъ глазъ. Спустя нѣсколько минутъ съ противоположнаго берега послышалась безпорядочная стрѣльба; огни засверкали сквозь кустарники. Суворовъ тотчасъ же догадался, что непріятель зажегъ передовыя суда. Но, благодаря своей находчивости, опасность, въ которой находились русскіе воины, переплывшіе р. Адду, онъ обратилъ въ предвѣстіе побѣды.

— Съ нами Богъ,—вскричалъ герой:—богатыри наши овладѣли берегомъ; они зовутъ насъ. Не выдадимъ своихъ!.. Впередъ!.. Съ нами Богъ!..

Въ разговорѣ съ Суворовымъ плѣнный французскій генералъ Серрюрье, обсуждая дѣйствіе русскихъ на берегахъ р. Адды, замѣтилъ, будто нападеніе, произведенное Суворовымъ, было слишкомъ ужъ смѣлымъ.

— Что дѣлать, — отвѣчалъ русскій полководецъ: — мы, русскіе, безъ правилъ и безъ тактики: я еще изъ лучшихъ.

Вотъ что разсказываетъ атаманъ Денисовъ о своей поѣздкѣ съ фельдмаршаломъ передъ взятіемъ Турина:

„Городъ былъ занятъ въ это время сильнымъ непріятельскимъ войскомъ, самымъ передовымъ. У насъ не было проводника. При сумеркахъ встрѣтился съ нами казакъ, который былъ посланъ къ одному чиновнику, сбился съ дороги и ничего о городѣ Туринѣ и о непріятелѣ на зналъ. Наступила ночь, довольно свѣтлая; фельдмаршалъ ѣхалъ, не останавливась. Намъ встрѣчались прекрасныя строенія, колонны мраморныя и другіе виды, почему я замѣтилъ князю Андрею Ивановичу Горчакову, какъ старшему, что можемъ легко отдать въ плѣнъ фельдмаршала, что его надо о семъ предупредить и остановить; но онъ сказалъ:

„— Не смѣю.

„Тогда я отважился доложить его сіятельству:

„— Войска далеко сзади. Легко можетъ быть, что вы кому-нибудь нужны и васъ не могутъ найти. Нужно нѣсколько вамъ отдохнуть.

„— Въ такую прекрасную ночь жаль спать, — отвѣчалъ Суворовъ и, указывая на летающихъ во множествѣ съ огненными искрами червячковъ, сказалъ: — видѣлъ ли ты когда-либо такую прекрасную иллюминацію?!

„При одномъ прекрасномъ фонтанѣ, видя, что онъ не останавливается и ѣдетъ дальше, и при воображеніи, что онъ въ опасность вдается, заѣхалъ я ему впередъ, поворотилъ противъ него свою лошадь бокомъ и рѣшительно сказалъ:

„— Ваше сіятельство! Далѣе не пущу, и ежели что въ особенности вамъ надо, то я одинъ выполню.

„Онъ остановился и просилъ меня такими словами:

„— Пожалуй, Карповичъ, пусти!

„Я съ твердостью отвѣчалъ, что это не можетъ быть. Тогда онъ сказалъ:

„— Что жъ будетъ дѣлать генералъ Шателеръ *)?

„— А гдѣ, полагаете, долженъ онъ быть? — спросилъ я, ибо ничего о немъ прежде не слыхалъ.

„— Онъ впереди, — отвѣчалъ его сіятельство.

„Тутъ просилъ я его не ѣздить далѣе, и что я Шателера найду.

---

*) Австрійскій генералъ.

„Я поскакалъ одинъ впередъ и, проскакавъ нѣсколько, раза два сходилъ съ лошади и прислушивался, нѣтъ ли въ сторонѣ войска. Въ послѣдній разъ услышалъ, что недалеко отъ меня, въ рощицѣ, говорятъ люди и, какъ бы съ намѣреніемъ, тихо. Я подъѣхалъ ближе къ тому мѣсту и спросилъ по-французски.

„— Не тутъ ли генералъ Шателеръ?

„— Тутъ,—отвѣчалъ онъ самъ.

„Онъ со мной поскакалъ къ фельдмаршалу и, переговоря съ нимъ секретно, воротился къ своему мѣсту, скоро открылъ канонаду по городу, который очень былъ близокъ, на что долго французы не отвѣчали.

„— Почему они не отвѣчаютъ? — спросилъ меня фельдмаршалъ.

„Желая сдѣлать ему утѣшеніе, я сказалъ:

„— Они узнали, что ваше сіятельство близко, испугались и совѣтуются о сдачѣ.

„Мы не долго оставались въ семъ утѣшеніи: французскія пушки загремѣли, какъ громъ. Ядра большого калибра, ударяясь о каменное строеніе и падая на дорогу, также камнемъ устланную, производили другого рода страшный стукъ. Генералъ Шателеръ съ своимъ дивизіономъ во всѣ ноги полетѣлъ; но фельдмаршалъ оставался при сказанномъ фонтанѣ и разсказывалъ намъ о пріятности ночи, о хорошемъ тамошняго края климатѣ и изобиліи. Ядра перелетали черезъ насъ и падали близъ насъ, и болѣе прямо по нашей дорогѣ: имъ (французамъ) не мудрено было, какъ въ знакомое мѣсто мѣтить, и уже генералъ Шателеръ показалъ, гдѣ мы есть.

„Я сказалъ всѣмъ:

„— Фельдмаршалъ и мы въ опасномъ мѣстѣ.

„Онъ слышалъ мои слова, на которыя отвѣчалъ:

„— Нѣтъ, Карповичъ!.. Это мѣсто прекрасное. Глядите,—продолжалъ онъ,—показывая на большіе тополи,—глядите, какъ здѣсь прекрасно растутъ деревья!

Въ это время упало недалеко отъ насъ ядро на дорогу, отчего я содрогнулся. Какъ никто ничего не дѣлалъ для сбереженія фельдмаршала, то я сказалъ:

„— Помогайте мнѣ!"

Далѣе Денисовъ разсказываетъ, что онъ силой увелъ фельдмаршала.

Въ третьемъ бою на берегахъ р. Требіи, войска дивизіи Багратіона и Швейковскаго были сильно тѣснимы Макдональдомъ. Полкъ, шефомъ котораго былъ генералъ Розенбергъ, былъ окруженъ и отстрѣливался на четыре стороны. Въ это время Суворовъ лежалъ въ тѣни большого камня въ одной рубашкѣ, а китель держалъ за рукавъ.

Розенбергъ подъѣхалъ къ нему съ докладомъ о положеніи дѣлъ и просилъ разрѣшить отступленіе.

— Попробуйте поднять этотъ камень,—сказалъ герой,—не можете?.. Ну, такъ и русскіе не могутъ отступать.

Въ эту минуту прискакалъ Багратіонъ съ донесеніемъ, что войска еле держатся, что они утомлены до крайности.

— Не хорошо, князь Петръ!—сказалъ Суворовъ и велѣлъ дать коня.

Перекинувъ китель черезъ плечо, онъ помчался къ войскамъ Швейковскаго, которыя дрогнули и поспѣшно отступали.

— Заманивай шибче... Заманивай... Шибче заманивай... Бѣгомъ!—кричалъ Суворовъ бѣгущимъ солдатамъ и вдругъ властно приказалъ:

— Стой!

Бѣглецы остановились. Скрытая батарея „брызнула“ въ лицо французовъ картечью.

— Чудо-богатыри!.. Назадъ!.. въ штыки! — закричалъ фельдмаршалъ,—ура! Съ нами Богъ! Впередъ!

Могли ли устоять непріятельскія полубригады передъ натискомъ, хотя и утомленныхъ, но воодушевленныхъ могучимъ словомъ любимаго вождя, русскихъ чудо-богатырей?! Макдональдъ былъ разбитъ и прогнанъ на правый берегъ р. Требіи.

Разъ къ Суворову привели австрійскаго измѣнника — маіора Тура, уличеннаго въ перепискѣ съ французами и сообщеніи имъ различныхъ свѣдѣній о союзной арміи. Суворовъ, поглядѣвъ на негодяя, спокойно сказалъ:

— Я не виноватъ!.. Помилуй Богъ, не виноватъ!.. Самъ пропалъ!..

И, не отсылая въ Вѣну для суда, какъ того требовали австрійскіе военные законы, фельдмаршалъ приказалъ разстрѣлять его.

Парламентеры маленькой итальянской крѣпостцы или городишка явились къ русскому главнокомандующему для переговоровъ. Чтобы сбить съ нихъ спѣсь, Суворовъ велѣлъ подать рундукъ.

— Простите, господа, я нездоровъ, но это не помѣшаетъ продолжать переговоры.

И онъ продолжалъ переговоры о сдачѣ города, сидя на рундукѣ.

Письма Суворова.

Приводимыя ниже нѣсколько писемъ Суворова къ его адъютанту-управляющему служатъ прекрасной характеристикой какъ помѣщика-хозяина и свидѣтельствуютъ о рѣдкомъ по тому времени гуманномъ отношенiи его къ своимъ крестьянамъ.

Письмо А. В. Суворова въ Москву къ адъютанту его г. Кузнецову изъ с. Ундола. 23 iюля 1784 года.

Матвѣичъ! Платье мое въ Москвѣ разобрать. 1. Что новое и мнѣ поправленiемъ годится, изготовить къ отправкѣ въ Ундолъ. 2. Мнѣ уже негодное, но иногда слугамъ—то же къ отправленiю сюда. 3. Все ветхое мое платье никому ни отдавать, ни продавать, а сжечь на исправномъ очагѣ. 4. Книжки энциклопедикъ весь 1783 годъ (а всѣхъ 24 книжки) переслать ко мнѣ при музыкантахъ и остальныхъ вещахъ; тутъ будутъ и вещи бриліантовыя.

Не лѣнись всякую недѣлю мнѣ писать кратко, да подробно и ясно—безъ дальнихъ комплиментовъ. Садовнику Александрѣ сверхъ положеннаго пайка порцiону по копѣйкѣ на день. А. Суворовъ.

Ваше высокородiе!

Съ суздальскими крестьянами о недоимкѣ 1782 и 1783 годовъ подъ титломъ на построенiе дома 810 р. я разверстываю. Но показанная вами нашихъ 619 рублевъ недоимка, мнѣ и имъ темна. Покорнѣйше васъ Мил. Гос. моего прошу мнѣ о томъ подать скорѣйшее просвѣщенiе. А. Суворовъ.

30 iюля, 1784 года, Ундолъ.

Матвѣичъ! Очень недоволенъ я неприсылкою твоею недѣльныхъ расходовъ. Надлежитъ тебѣ быть бдительну, трудолюбиву и почитать размѣръ драгоцѣннаго времени. Я бы согласенъ былъ на твой мѣсяцъ (мѣсячный отчетъ), если бы не былъ онъ глухъ и теменъ и уже однажды недѣльное я тебѣ поручилъ—сiе и исполняй съ первою почтою.

5 августа 1784 г., с. Кистошъ (Суздальская вотчина).

Матвѣичъ! Отъ его высокородія Терентья Ив. я очень давно писемъ неимѣю; чего ради я сумнителенъ. Можешъ и ты жалованье мое въ Москвѣ принять и вотъ тебѣ мой документъ. Чтобъ не было вдвойнѣ, то прежнее уничтожъ. Итакъ да будетъ воля твоя! *) А. Суворовъ.

Августа 6 дня 1784 г.

Матвѣичъ! Будь остороженъ. Моего жалованья ни полушки не давай въ руки Терентью Ив—чу; чего ради будь при пріемѣ не отмѣнно и самъ считай. Такъ у тебя и останется оно и будетъ въ твоей диспозиціи. Изъ него удержи у себя по преждеписанному, что подлежитъ. Счетъ какъ можно скорѣе ко мнѣ пересылай отъ Терент. Ив—ча, что онъ отъ г. Борщова прежде принялъ 470 р. новгородскія недоимки оброчныя скорѣе отбирай у него и пересылай ко мнѣ. А пересылай всѣ деньги до Ундола; въ отсутствіе жъ мое въ руки ундольскаго священника.

(Примѣчаніе.) (Этотъ священникъ, какъ говоритъ преданіе, очень любилъ много пить водки, за что Суворовъ и подарилъ ему огромнаго формата штофъ съ вырѣзаннымъ на немъ вензелемъ Екатерины II-й. Эта рѣдкость сохранена въ Ундолѣ и донынѣ у внуковъ этого друга Суворова.)

10 сентября 1784 г.

Матвѣичъ! За письмо твое отъ 25 августа спасибо. Волторнъ моимъ музыкантамъ купи, а какой именно спросись съ добрыми людьми. Васютку Ефремова старайся поскорѣй сюда прислать. Въ немъ тамъ дѣла нѣтъ, а здѣсь фіолбасъ. Купи еще полдюжины скрипокъ съ принадлежностями для здѣшнихъ ребятишекъ. Прочихъ моихъ правилъ не упускай. Изъ Московскаго Почтамта газеты и французскія обыкновенныя книжки энциклопедикъ Дебульонъ тѣ же мнѣ выписать и на будущій годъ. А. Суворовъ.

---

*) Молитву „воля твоя да будетъ“ Суворовъ часто и писалъ, и произносилъ. Вытребованный въ 1798 г. изъ Кончанскаго въ Петербургъ, Суворовъ постоянно подшучивалъ надъ новыми правилами службы и формами: то усаживался цѣлую четверть часа въ карету, показывая, будто не можетъ управиться съ шпагою новаго формата; то прикидывался на разводѣ, будто бы не умѣетъ снять такую же шляпу, и, хватаясь за нее со всѣхъ сторонъ, кончалъ тѣмъ, что ронялъ шляпу къ ногамъ государя. Иногда перебѣгалъ на разводахъ между взводами и путался, что строжайше запрещено. При этомъ крестился и шепталъ и на спросъ государя, что все это значитъ, отвѣчалъ: читаю молитву, государь, „да будетъ воля твоя“.

13 сентября 1784 г.

Матвѣичъ! Мнѣ подлинно мудрено, какъ ты по сіе время мою тройку лошадей съ повозкою сюда не отправилъ или въ с. Рождествено. Они были бы на своемъ фуражѣ. Сѣно въ Москвѣ не ниже гривны. Отправь же ихъ съ припасами весьма вѣрно и немедленно. Вѣдь отъ лошадей нѣтъ масла *) А. Суворовъ.

23 сентября 1784 г. Купи Матвѣичъ боченокъ сельдей хорошихъ отъ 50 до 100 пониженною цѣною. Вотъ тебѣ челобитная по дѣлу пропалой крѣпости. Избѣгай подвоху и кончи дѣло скорѣе. Была плоская въ домѣ тетрадь. Прозванье ея, помнится, „Дѣло между бездѣльемъ“ или собраніе ста пѣсенъ, положенныхъ на ноты, печатныя. Купи ее въ Москвѣ, гдѣ водится. Арбузовъ покупай на мѣсяцъ по рублю; отсылай при оказіяхъ. Коли случая не будетъ, то и неважно, что арбузы иногда очень дороги, да ихъ и купить нигдѣ нельзя. Буде ты нечаянно найдешъ въ Москвѣ кого изъ Сатинскихъ повѣренныхъ, открой ему чистосердечно, что я великодушно снисхожу на его Сатина нынѣшнее противъ прежняго непріятное состояніе и въ томъ имѣю жалость, акъ честный человѣкъ. Дѣло это производи скорѣе. Оно прямо и просто — и о томъ при просьбѣ внуши учтиво судьямъ, какъ есть обычай. Очень мнѣ на сердце второе дѣло, аппуляціонное, новгородское по Сенату. Крестьяне мои сами признаются виноватыми: мы же лезѣмъ въ ябеду. Стыдно и безсовѣстно. Изъ письма Терентья Ив. паки видишъ глухоту. Если бы все это при мнѣ было равнобъ и дѣло съ Сатинымъ, то я бы яснѣе могъ тебѣ челобитную доставить. Чего рада спѣши введеніемъ меня въ ясность сего новгородскаго дѣла. Юристамъ я не вѣрю; съ ними не знаюсь; они ябедники. А. Суворовъ.

1785 г., марта 26 дня, с. Ундолъ.

Матвѣичъ! Алексѣй Михаиловичъ Балкъ нынѣ съ моими крестьянами въ ссорѣ и со мною. Священнику Рождественскому свидѣтельствуй отъ меня особливое усердіе и отъ себя оказывай ему особливую ласковость въ работахъ ему пособлять міромъ. Но чинить ту подмогу вдругъ достаточнымъ, а не малымъ числомъ людей, чтобы это небыло продолжительно и крестьянамъ въ тягость. Рукою его довольствовать; 3 четверти овса; 3 четверти

---

*) „Отъ лошадей масла нѣтъ“—въ этихъ словахъ острота. Адъютантъ держалъ при московск. домѣ, гдѣ жилъ, лишнихъ коровъ изъ Рождествена, откуда имъ привозили и сѣно. Но это было одно время, и то по особымъ обстоятельствамъ.

ячменя; да на богомолье ему два рубля; а когда я съ нимъ увижусь, то его паки неоставлю. Другу моему Прохору на пасху штофъ водки. (Прошка извѣстный камердинеръ Суворова.) Можетъ быть послѣ святой мы къ тебѣ въ Рождествено и пожалуемъ. Винокурню скорѣе заводи. Положено купить кирпича на два котла съ отварнымъ третьимъ бражнымъ покупай и въ Рожествено привози. Въ Рожественѣ плотниковъ Суздальскихъ (изъ кистошенской вотчины) человѣкъ 18-ть. Несказанно желалъ бы я, чтобы ты ихъ скорѣе для ихъ домашнихъ работъ назадъ отправилъ. Наблюдать: 1) рано выходить на работу; 2) поздно съ работы сходить; 3) на работѣ не дремать. Време спать, ѣсть, пить отъ 8 до 10 часовъ по нынѣшнему дню. О святой недѣлѣ дай рубликъ, другой. Но, чтобы изъ нихъ больнова, т.-е. лѣнивца, не было бъ. И такъ я всѣми этими твоими письмами очень доволенъ. А. Суворовъ.

Въ числѣ этихъ писемъ находится и отрывокъ копiи съ шрафного журнала по вотчинамъ. Всякiй крестьянинъ, замѣченный въ дурномъ поступкѣ, наказывался сельскими властями; а имя его, наказанiе и проступокъ заносились въ книгу, съ которой копiя присылалась ежемѣсячно помѣщику. Суворовъ дѣлалъ на ней свои отмѣтки, съ которыми штрафная вѣдомость снова отправлялась бургомистру и старостамъ. Здѣсь достойно замѣчанiя то, что всякiй, даже не важный случай по вотчинамъ, непремѣнно доводился до свѣдѣнiя владѣльца, и вездѣ требовалось его утвержденiе или veto.

Вотъ отрывокъ изъ подобнаго журнала съ отмѣтками Суворова.

Регистръ о виновныхъ и наказанныхъ крестьянахъ 15 октября 1784 года.	Отмѣтки А. В. Суворова на вѣдомости.
№ 1. Ѳедоръ Кленшинъ. Въ гор. Темниковѣ пойманъ съ крадеными сапогами и топорами. За оное сѣченъ на сходѣ хорошо. Вторично на Мусѣ пойманъ съ деньгами; сѣченъ также	И впредь такихъ не щадить.
№ 2. Денисъ Никитинъ. Пойманъ въ полѣ съ сноповымъ хлѣбомъ. Сѣченъ за оное	Впредь больше сѣчь.
№ 3. Иванъ Сидоровъ. Пойманъ съ рожью на гумнѣ. Сѣченъ же . . .	Очень хорошо.
№ 4. Иванъ Тихоновъ пойманъ также со снопами въ полѣ. За оное сѣченъ	И впредь не щадить.
№ 5. о. Рудановки Алексѣй Медвѣдевъ пойманъ съ краденымъ сѣномъ. За оное сѣченъ	Нешто! и впредь хорошенько такихъ.
Оный же Медвѣдевъ послѣ того, убоясь солдатчины, палецъ себѣ отрубилъ, то какъ съ нимъ, государь, изволите?	— Вы его грѣху причина. Впредь не налегайте. За это васъ самихъ буду сѣчь. Знать онъ слышалъ, что отъ меня невелѣно въ натурѣ рекрутъ своихъ отдавать, а покупать ихъ міромъ на сторонѣ, чтобы рекрутчины никто не боялся. Развѣ не помните, что въ третьемъ годѣ я у васъ засталъ? За недоимку по налогамъ вы управляли людей въ рекруты, за что и были отъ меня наказаны. Если впредь еще хоть чуть что будетъ, я отдамъ старосту въ рекруты. А. С.

1785 года, марта 30 дня, с. Ундолъ. Письмо къ г. Лодыженскому Алексѣю Ѳедоровичу, у коего куплены Суворовымъ крестьяне.

Спѣшу Вашему Высокоблагородію 533 руб. яко доставленіе послѣдняго моего къ вамъ долга съ полною моею благодарностію завѣру мнѣ, какъ и записьмо ваше отъ 18 марта. Буду всегда съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

Матвѣичъ! Письмо сіе снеси. Можешъ г. Лодыженскому прибавить, какъ прежде говорено, что я службою ничего не наживалъ, а долженъ еще во Владимірскую казну вѣрно шесть тысячъ рублевъ. Но ужь съ Лодыженскимъ разочтись пожалуй съ отобраніемъ росписки нехитростно, а праводушно. А. Суворовъ.

———

